This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

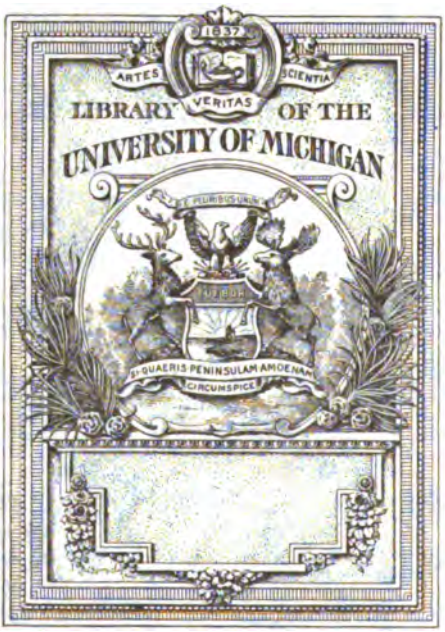
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

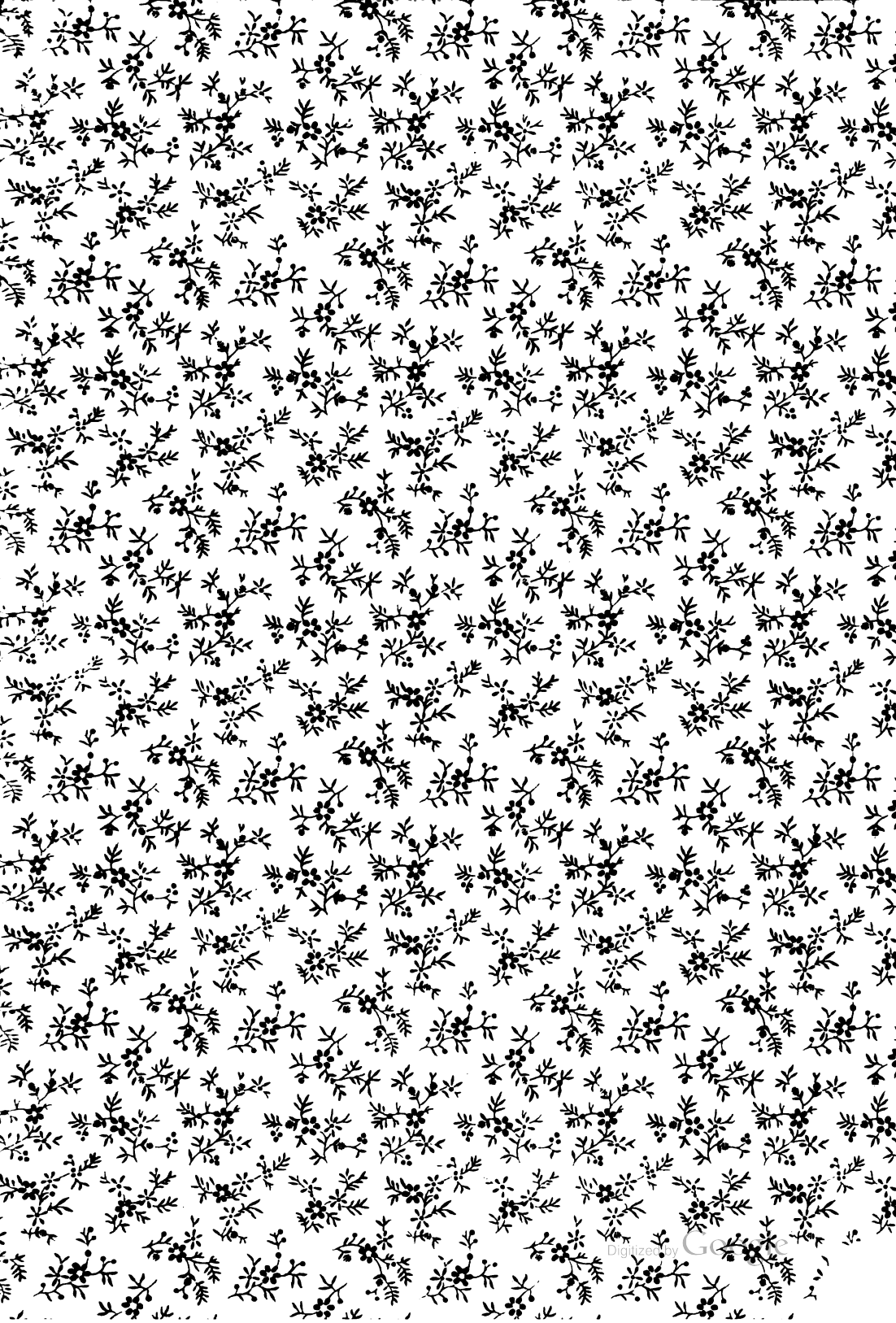
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google

891,78
S18
Q

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Sochinenia

СОЧИНЕНІЙ

m. E. Saltykov

М. Е. САЛТЫКОВА

m

[Н. ЩЕДРИНА].

---

vol. 1

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

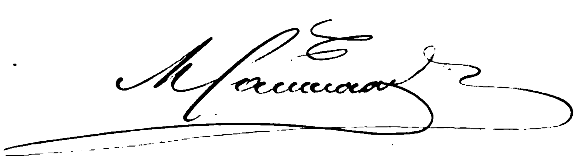
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Digitized by Google

Digitized by Google

Гравировано у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ



Печ. въ [illegible] въ С.-Петербургѣ

Digitized by Google

СЛОВА.

Digitized by Google

Digitized by Google

слова.

на яву), что невидимая, но властная
аетъ въ зіяющую пустоту. Я сознаю
ь сопротивляться загадочной силѣ,
еди. И чѣмъ глубже я погружаюсь
овятся перспективы, тѣмъ быстрѣе
тельнѣе потухаетъ вселенская жизнь

я скитающимися сѣрыми призраками.
и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ
даже дорога словно сѣрымъ пепломъ
и подъ гнетомъ загадочной, неизмѣ-

ье удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ни
. И чѣмъ больше я углубляюсь въ
мъ существомъ овладѣваетъ оторопь
ъ которой все кругомъ застыло и
нно заползаетъ во все существо, и
тъ моментъ, когда и внутри меня

о кладбище. Точно взволнованное
пространство въ даль и въ ширь,
ыпями. Заброшенность и одичалость
ъ, когда-то осѣнявшій мертвецовъ,
ь куполомъ, давая пріютъ нетопы-
когда призывавшій живыхъ и опла-
у подножія храма; надмогильные
житъ разбросанное, заросшее мхомъ

ожилъ здѣсь свои кости. За нимъ
и наслоялись одно надъ другимъ,
илась мертвецами. . . . . .

Digitized by Google

Digitized by Google

МОГИЛА М. Е. САЛТЫКОВА
на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

—

Род. 15 янв. 1826 г. † 28 апр. 1889 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ].

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ

[1856—1857 гг.]

Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова.

Съ портретомъ автора, его факсимиле и могильнымъ памятникомъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Digitized by Google

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

Digitized by Google

Программа изданія 1889 г.

*Только въ самое послѣднее время своей жизни М. Е. Салтыковъ остановился на мысли о собраніи своихъ сочиненій въ одно общее изданіе, къ чему онъ приступилъ на дѣлѣ не болѣе какъ за два мѣсяца до своей кончины. Изъ хронологическаго указателя, прилагаемаго въ концѣ настоящаго тома, видно, что все имъ написанное, почти безъ исключенія *), появлялось первоначально въ періодическихъ изданіяхъ, въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ; но эти очерки, безъ сомнѣнія, имѣли въ своемъ основаніи какой-нибудь общій планъ или идею, а потому могли являться впослѣдствіи самостоятельно въ особомъ изданіи. Такихъ особыхъ изданій, при жизни автора, вышло въ свѣтъ 23; всѣ они вошли теперь въ настоящее общее изданіе, и, кромѣ того, авторъ присоединилъ къ нимъ три новыя*

*) *Кромѣ «Запутаннаго дѣла» (1848 г.).*

224224

Digitized by Google

*собранія, не имѣвшія особаго изданія при его жизни, а именно: «Итоги», «Культурные люди» и «Пошехонская Старина». «Итоги» и «Культурные люди» оставались неизданными особо, по незначительности ихъ объема, а третій рядъ очерковъ— «Пошехонская Старина»—остановился на періодѣ дѣтства автора: послѣдняя глава явилась, въ первоначальномъ, журнальномъ изданіи, за мѣсяцъ до его смерти, въ мартѣ 1889 года. За симъ все напечатанное авторомъ за первыя 16 лѣтъ его литературной дѣятельности, начиная съ юношескихъ произведеній (1841 г.) и до 1856 г. *), всѣ его чисто-журнальныя и газетныя статьи публицистическаго, полемическаго и библіографическаго характера, изъ которыхъ первыя сосредоточивались преимущественно въ «Современникѣ»,*

**) Извѣстно одно такое исключеніе: въ «Мелочахъ жизни», въ первомъ ихъ изданіи, помѣщена вновь цѣлая глава: «Газетчикъ», а въ первоначальномъ, журнальномъ ихъ изданіи на ея мѣстѣ стоитъ одно ея заглавіе и четыре ряда точекъ; такимъ образомъ, эта глава появилась въ печати въ первый разъ прямо въ особомъ изданіи.*

Digitized by Google

а позже въ «Отечественныхъ Запискахъ» послѣдней редакціи,—все это было имъ исключено изъ предпринятаго общаго изданія его сочиненій; въ это изданіе вошло, какъ выше сказано, только то, что было написано авторомъ за послѣдніе 33 года его дѣятельности (1856—1889 гг.) и включено имъ въ 26 отдѣльныхъ собраній.

При распредѣленіи въ общемъ собраніи прежнихъ своихъ особыхъ изданій, авторъ, какъ то видно изъ того же хронологическаго указателя, не руководился строго-хронологическимъ порядкомъ ихъ появленія въ свѣтъ: въ порядкѣ времени поставлены только «Губернскіе Очерки» (1856—57 г.) на первомъ мѣстѣ, а на послѣднемъ—«Пошехонская Старина» (1889 г.); въ самой серединѣ изданія (т. V) помѣщены «Господа Головлевы»; все остальное расположено авторомъ между тѣми тремя упомянутыми изданіями, и, повидимому, на основаніи только одного ихъ объема, съ цѣлью наиболѣе равномѣрнаго распредѣленія матеріала между отдѣльными томами.

Digitized by Google

Первый томъ настоящаго общаго изданія былъ начатъ печатаніемъ при жизни автора и успѣлъ выйти въ свѣтъ за недѣлю до его смерти. Предложеніе издать при первомъ томѣ портретъ автора было имъ отклонено; онъ назначилъ для того послѣдній томъ и одобрилъ именно ту фотографію, 1879 года, которая и послужила оригиналомъ для приложенной къ настоящему тому гравюры съ собственноручною подписью автора, заимствованною изъ его письма 1885 года—до начала послѣдней болѣзни.

Факсимиле: «Забытыя слова»—взято изъ найденныхъ бумагъ на столѣ, послѣ смерти автора; оригиналъ былъ написанъ въ самое послѣднее время его жизни, и можно думать, что мы имѣемъ предъ собою черновой набросокъ какого-то очерка, который только-что начиналъ слагаться въ умѣ автора, но ограничился отраженіемъ на себѣ той агоніи, какую онъ уже испытывалъ въ неравной борьбѣ съ наступавшею на него все ближе и ближе смертью.

Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова,

Digitized by Google

прилагаемые къ настоящему тому, содержатъ въ себѣ преимущественно извлеченія изъ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ автора и имѣвшихъ, видно, цѣну и въ его глазахъ, такъ какъ онѣ были тщательно сохраняемы имъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Для будущаго біографа значеніе этихъ бумагъ тѣмъ болѣе важно, что онѣ пополняютъ его образъ на другихъ поприщахъ практической жизни такими чертами, которыя могутъ многое выяснить и въ характерѣ его литературной дѣятельности. Извлеченіе изъ переписки съ дѣтьми и предсмертный имъ завѣтъ вполнѣ обрисовываютъ покойнаго, въ его интимной жизни, какъ семьянина, и притомъ такими симпатичными чертами, какія не могли бы придти на мысль тому, кто захотѣлъ бы судить о его частномъ характерѣ и нравѣ или по его произведеніямъ, или по тому внѣшнему, часто суровому, облику, какой могъ обманывать всѣхъ, мало знавшихъ его при жизни лично.

Февраль 1890 г.

Digitized by Google

Настоящее, четвертое, изданіе, какъ второе и третье, дополнено небольшимъ разсказомъ: «Брусинъ», написаннымъ въ 1849 г. Равнымъ образомъ, уже въ предыдущихъ изданіяхъ программа была измѣнена въ томъ отношеніи, что весь матеріалъ былъ распредѣленъ между двѣнадцатью томами, вмѣсто прежнихъ девяти. Это распредѣленіе также сохранено въ настоящемъ изданіи, которое вообще по своему содержанію вполнѣ совпадаетъ съ третьимъ изданіемъ.

1899 г.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

для

БІОГРАФІИ М. Е. САЛТЫКОВА.

I.

15-го января 1826 г.—12-го февраля 1856 г.

«15-го января 1826 года,—писалъ Салтыковъ, 14-го января 1887 г., одному изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, — у коллежскаго совѣтника Евграфа Васильевича и жены его Ольги Михайловны Салтыковыхъ родился сынъ Михаилъ. Принимала бабка-повитушка Ульяна Ивановна, калязинская мѣщанка. Крестилъ священникъ села Спасъ-Уголъ Иванъ Яковлевъ Новоселовъ; воспріемниками были: угличскій мѣщанинъ Дмитрій Михайловъ Курбатовъ и дѣвица Марья Васильевна Салтыкова. При крещеніи Курбатовъ пророчествовалъ: «сей младенецъ будетъ разгонникъ женскій». По этому случаю приглашаетесь вы съ фамиліей завтра въ четвергъ вечеромъ для присутствованія при всенощномъ бдѣніи въ домѣ № 62, на Литейной». Это письмо интересно, между прочимъ, потому, что сообщаемыя въ немъ данныя совпадаютъ съ разсказомъ о рожденіи и крещеніи Никанора Затрапезнаго *). Повитушка, его принимавшая, такъ и именуется Ульяной Ива-

*) Нѣкоторую наличность «автобіографическаго элемента» въ «Пошехонской Старинѣ» не отрицалъ, какъ извѣстно, и самъ авторъ.

Digitized by Google

новой; прозвище крестнаго отца немного измѣнено, онъ названъ Дмитріемъ Никоновымъ Бархатовымъ. Попалъ онъ въ воспріемники къ дворянскому сыну, очевидно, потому, что славился своею набожностью и «прозорливостью». «На вопросъ матушки, — повѣствуетъ Никаноръ Затрапезный,—что у нея родится, сынъ или дочь, онъ запѣлъ пѣтухомъ и сказалъ: пѣтушокъ, пѣтушокъ, востёръ ноготокъ! Кромѣ того, онъ предсказалъ и будущую судьбу мою, что я многихъ супостатовъ покорю и буду *двичьимъ разгонникомъ*. Не разъ я видалъ впослѣдствіи моего крестнаго отца, идущаго, съ посохомъ въ рукахъ, въ толпѣ народа, за крестнымъ ходомъ. Но познакомиться мнѣ съ нимъ не удалось, потому что родители мои уже разошлись съ нимъ и называли его шалыганомъ». Этимъ не ограничиваются безспорныя точки соприкосновенія между дѣтствомъ Салтыкова и дѣтствомъ Никанора Затрапезнаго. Въ пятой главѣ «Пошехонской Старины» приведены французскіе стихи, заученные Никаномъ ко дню именинъ отца и матери; между бумагами Салтыкова нашлись эти самые стихи, написанные дѣтскимъ почеркомъ и подписанные такъ: «écrit par votre très humble fils Michel Soltykoff, le 16 octobre 1832» (когда мальчику не было еще, слѣдовательно, и семи лѣтъ). Въ біографическомъ очеркѣ, напечатанномъ, съ вѣдома М. Е. Салтыкова, въ VIII выпускѣ «Русской Библіотеки» (1878 г.), сказано, что первымъ учителемъ Салтыкова былъ крѣпостной человѣкъ его родителей, живописецъ Павелъ, а потомъ съ нимъ занимались, между прочимъ, старшая его сестра (Надежда Евграфовна) и священникъ одного изъ сосѣднихъ селъ (Иванъ Васильевичъ); то же самое разсказываетъ о себѣ и Никаноръ Затрапезный. Едва ли, въ виду всего этого, можно сомнѣваться въ томъ, что «Пошехонская Старина» даетъ вѣрную картину умственнаго и нравственнаго развитія Салтыкова, доведенную, къ сожалѣнію, только до окончанія домашняго воспитанія, т. е. до десятилѣтняго возраста. Значеніе этой картины громадно; она бросаетъ яркій свѣтъ на всю послѣдующую жизнь Салтыкова. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть чудесныя страницы, изображающія первое знакомство ребенка съ евангельскими

Digitized by Google

разсказами. Мы напомнимъ лишь заключительныя ихъ строки: «въ признаніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ, по силѣ общеустановившагося убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мною изъ тѣхъ попытокъ самообученія, которымъ я предавался въ теченіе года». Въ связи съ этимъ получаютъ настоящій свой смыслъ и слѣдующія слова Затрапезнаго-Салтыкова: «крѣпостное право сближало меня съ подневольною массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только пережитъ всѣ его фазисы, я могъ придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію его».

Кромѣ сестры и священника, съ Салтыковымъ занимались гувернантка Авдотья Петровна Васильевская (окончившая курсъ, вмѣстѣ съ Надеждой Евграфовной, въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ) и студентъ московской духовной академіи Матвѣй Петровичъ Салминъ, котораго приглашали на лѣтнія вакаціи два года сряду. Первоначальное обученіе мальчика оказалось настолько удовлетворительнымъ, что въ августѣ 1836 г. онъ могъ быть принятъ въ третій классъ шестикласснаго московскаго дворянскаго института. По малолѣтству, однако, онъ оставался въ этомъ классѣ два года. Въ 1838 году Салтыковъ былъ переведенъ въ царскосельскій лицей, въ силу преимущества, которымъ пользовался московскій дворянскій институтъ опредѣлять, каждые полтора года, двухъ отличнѣйшихъ учениковъ въ лицей, казеннокоштными воспитанниками. Въ лицеѣ Салтыковъ уже въ младшемъ классѣ почувствовалъ влеченіе къ литературѣ и сталъ писать стихи. За это, и за чтеніе книгъ, онъ терпѣлъ всевозможныя преслѣдованія какъ со стороны гувернеровъ, такъ и въ особенности со стороны учителя русскаго языка Гроздова. Салтыковъ вынужденъ былъ прятать стихи — особенно тѣ, которые были «неодобрительнаго» содержанія — въ рукава куртки и даже въ сапоги; но контрабанда была находима и тамъ, и оказывала сильное вліяніе на отмѣтки «изъ поведенія». Въ теченіе всего времени пребыванія въ лицеѣ онъ почти не полу-

Digitized by Google

чалъ, при полныхъ 12 баллахъ, свыше девяти. Въ аттестатѣ, данномъ Салтыкову по окончаніи курса, поведеніе его названо *довольно* хорошимъ; а это значитъ, что средній баллъ въ поведеніи, за послѣдніе годы, былъ ниже восьми. И все это началось со стиховъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединялись «грубости», т. е. разстегнутая пуговица на курткѣ или мундирѣ, ношеніе треуголки съ поля, а не по формѣ (что было необыкновенно трудно и составляло цѣлую науку), курсніе табаку и иныя школьныя преступленія. Какое воспоминаніе Салтыковъ сохранилъ о своихъ лицейскихъ годахъ, объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія слова, написанныя имъ лѣтъ десять спустя послѣ выпуска: «помню я школу, но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи... Нѣтъ, я сегодня настроенъ такъ мягко, что все хочу видѣть въ розовомъ свѣтѣ... прочь школу!» («Скука», въ «Губернскихъ Очеркахъ», стр. 171).

Начиная со второго класса, въ лицеѣ дозволялось воспитанникамъ выписывать журналы на свой счетъ. При Салтыковѣ получались, такимъ образомъ, «Отечественныя Записки», «Библіотека для Чтенія», «Сынъ Отечества», «Маякъ», «Revue Étrangère». Журналы читались воспитанниками съ жадностью; въ особенности сильно было вліяніе «Отечественныхъ Записокъ», благодаря критикѣ Бѣлинскаго, повѣстямъ Панаева, Кудрявцева и друг. Вліяніе литературы было тогда вообще очень сильно въ лицеѣ; воспоминаніе о Пушкинѣ какъ будто обязывало, и въ каждомъ курсѣ предполагался продолжатель Пушкина. Такъ, въ XI курсѣ (1841 г.) товарищи указывали на В. Р. Зотова, помѣщавшаго стихи въ «Маякѣ», редакторъ котораго, Бурачекъ, провозгласилъ его вторымъ Пушкинымъ *). Въ XII курсѣ на

*) Одиннадцатому курсу принадлежалъ и другой «продолжатель Пушкина», имѣвшій гораздо больше правъ на этотъ титулъ — Л. А. Мей (переведенный въ лицей, подобно Салтыкову, изъ московскаго дворянскаго института). Изъ біографіи его, написанной В. Р. Зотовымъ, мы узнаемъ, что онъ писалъ стихи и до вступленія въ лицей, и въ лицеѣ. Какъ и Салтыковъ, онъ былъ постояннымъ нарушителемъ лицейскихъ правилъ и получалъ дурные баллы «изъ поведенія».

Digitized by Google

пушкинскую вакансію помѣщали Н. П. Семенова (сенаторъ, бывшій членъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, авторъ сочиненія объ этой эпохѣ, сотрудникъ «Русскаго Вѣстника»); въ XIII—Салтыкова; въ XIV—Виктора Павловича Гаевскаго (недавно умершаго, автора статей о Дельвигѣ и Пушкинѣ, много лѣтъ бывшаго предсѣдателемъ литературнаго фонда). Первое стихотвореніе Салтыкова «Лира», было напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1841 года (т. 45-й, стр. 105—6), за подписью: С—въ. Въ слѣдующемъ 1842 году появилась въ томъ же журналѣ (т. 50, стр. 10) другая его пьеса: «Двѣ жизни», помѣченная только первой буквой его фамиліи. Приводимъ обѣ пьесы вполнѣ, какъ матеріалъ для характеристики молодого, пятнадцати или шестнадцатилѣтняго автора:

ЛИРА.

На русскомъ Парнасѣ есть лира;
Струнами ей—солнца лучи,
Ихъ звукамъ внимаетъ полміра:
Предъ ними самъ громъ замолчи!
И въ черную тучу главою
Небрежно уперлась она;
Могучій утесъ—подъ стопою,
У ногъ его стонетъ волна.
Два мужа на лирѣ гремѣли,
Гремѣли могучей рукой;
Къ нимъ звуки отъ неба слетѣли
И приняли образъ земной.
Одинъ былъ старикъ величавый;
Онъ мощно на лирѣ бряцалъ.
Вѣнцомъ немерцающей славы
Поэта міръ хладный вѣнчалъ.
Другой былъ любимый сынъ Феба;
Онъ пѣсни допѣть не успѣлъ,
И въ свѣтлой обители неба
Ужъ исповѣдь сердца допѣлъ.
Пѣвецъ тотъ былъ славенъ и молодъ:
Онъ пѣснею смертныхъ увлекъ
И міра безжизненный холодъ

Digitized by Google

Въ волшебные звуки облекъ.
Угасли! въ святыя селенья
Умчавшись, съ собой унесли
И лиру, одно утѣшенье
Средь бурь и волненій земли!..

ДВѢ ЖИЗНИ.

Жизнь сладостна и даръ небесъ безцѣнный
Тому, кто вѣровалъ въ Зиждителя вселенной;
Кто юности и счастью прошлыхъ дней
Возможетъ отслужить съ улыбкой ясной тризну;
Поднять покровъ съ картинъ весны своей
Кто можетъ смѣлою рукой, безъ укоризны;
Кто, полный мыслію, умѣлъ блаженно жить,
Роскошно чувствовать и истинно любить;
Въ чьемъ духѣ бодрственномъ, не тяжкія страданья,
Остались сладкія еще воспоминанья;
На жизненномъ пути кто безъ горячихъ слезъ,
Безъ боли крестъ заботъ житейскихъ несъ,
И, вѣнчанный вѣнкомъ изъ розановъ душистыхъ,
Спокойно отойдетъ въ обитель тѣней чистыхъ.
Но жизнь безрадостна и тяжела тому,
Кто сердца не нашелъ отвѣтнаго ему;
Кто, символомъ ничтожества покрытый,
Людьми и всѣмъ, что̀ въ мірѣ, позабытый,
Страстей земныхъ измученный борьбой,
Какимъ-то странникомъ блуждая одинокимъ,
Напрасно силится смѣяться надъ судьбой
И сбросить горя цѣпь въ убѣжищѣ далекомъ.
Кто страшную себѣ анаѳему прочтетъ
Въ всеобщемъ, тягостномъ, убійственномъ забвеньѣ,
И трупомъ проклятымъ, въ отчаяньѣ, умретъ
Безъ слезъ напутственныхъ, безъ погребенья,
Священнаго лишенъ поминовенья...

Ко времени пребыванія въ лицеѣ относятся и всѣ остальныя стихотворенія Салтыкова, хотя они появились въ «Современникѣ»,—выходившемъ тогда подъ редакціею Плетнева,—уже послѣ выпуска его изъ лицея, въ 1844 и 1845 гг. Напечатаны они не въ томъ порядкѣ, въ какомъ написаны. Въ 34-мъ томѣ «Со-

Digitized by Google

временника», за 1844 годъ, помѣщены (стр. 231 и 341) два стихотворенія, написанныя, какъ видно изъ помѣтокъ автора, въ февралѣ и мартѣ того же года *): «Нашъ вѣкъ» и «Весна». Въ 35-мъ томѣ, также 1844 г., помѣщены (стр. 100 и 105) два перевода, изъ Гейне («Рыбачкѣ») и Байрона, относящіеся первый—къ 1841 г., второй—къ 1842 г., т. е. одновременные съ стихотвореніями, напечатанными въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ томѣ 37-мъ, за 1843 г., помѣщены (стр. 119 и 377) два стихотворенія: «Зимняя элегія» и «Вечеръ», изъ которыхъ послѣднее помѣчено 1842 г., первое—1843-мъ; въ томѣ 39-мъ, также за 1845 г. — одно стихотвореніе (стр. 212), написанное въ 1843 г.—«Музыка» **). Подъ всѣми этими стихотвореніями подпись: «М.Салтыковъ». Приведемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

РЫБАЧКѢ (изъ Гейне).

О, милая дѣвочка! быстро
Челнокъ свой направь ты ко мнѣ!
Сядь рядомъ со мною и тихо
Бесѣдовать будемъ во тьмѣ.
И къ сердцу страдальца ты крѣпко
Головку младую прижми —
Вѣдь морю себя ты ввѣряешь
И въ бурю, и въ ясные дни.
А сердце мое то же море —
Бушуетъ оно и кипитъ.
И много сокровищъ безцѣнныхъ
На днѣ своемъ ясномъ хранитъ ***).

*) Салтыковъ окончилъ курсъ въ маѣ 1844 г.

**) Въ оглавленіи 39-го тома показано еще одно стихотвореніе Салтыкова: «Изъ Байрона», но на стран. 318, на которую сдѣлана ссылка, напечатано совсѣмъ другое стихотвореніе, озаглавленное: «21 іюля 1845» и подписанное Д. Коптевымъ, имя котораго встрѣчается въ тогдашнемъ «Современникѣ» довольно часто.

***) Вотъ, для сравненія, подлинникъ: Du, schönes Fischermädchen, treibe den Kahn an's Land; komm zu mir und setze dich nieder, wir kosen Hand in Hand. Leg'an mein Herz dein Köpfchen, und fürchte dich nicht so sehr; vertraust du dich doch sorglos täglich dem wilden Meer. Mein Herz gleicht ganz dem Meere, hat Sturm und Ebb' und Fluth, und manche schöne Perle in seiner Tiefe ruht.

Digitized by Google

ИЗЪ БАЙРОНА.

Разбитъ мой талисманъ, исчезло упоенье!
Такъ вѣчно должно намъ здѣсь плакать и страдать;
Мы жизнь свою влачимъ въ нѣмомъ самозабвеньѣ
И улыбаемся, когда бъ должны рыдать.
И всякій свѣтлый мигъ покажетъ, что страданье,
Одно страданіе насъ въ жизни нашей ждетъ,
И тотъ, кто здѣсь живетъ, далекъ земныхъ желаній, —
Какъ мученикъ живетъ *).

ВЕЧЕРЪ.

Заря вечерняя на небѣ догораетъ;
Прохладой дышитъ все, день знойный убѣгаетъ;
Безсонный соловей одинъ вдали поетъ.
Весенній вечеръ тихъ; клубится и встаетъ
Надъ озеромъ туманъ; межъ листьями играя,
Чуть дышитъ майскій вѣтръ, рядъ бѣлыхъ волнъ качая;
Спитъ тихо озеро. Къ крутымъ его брегамъ
Безмолвно прихожу, и тамъ, склонясь къ водамъ,
Сажуся въ тишинѣ, отъ всѣхъ уединенный.
Наяды рѣзвыя играютъ предо мной —
И любо мнѣ смотрѣть на кругъ ихъ оживленный,
Какъ, на поверхности лобзаемы луной,
Наяды рѣзвыя нагія выплываютъ,
И долго хохотъ ихъ утесы повторяютъ.

МУЗЫКА.

Я помню вечеръ: ты играла,
Я звукамъ съ ужасомъ внималъ.
Луна кровавая мерцала—
И мраченъ былъ старинный залъ.
Твой мертвый ликъ, твои страданья,
Могильный блескъ твоихъ очей,
И устъ холодное дыханье,

*) The spell is broke, the charm is flown! thus is it with life's fitful fever: we madly smile when we should groan; delirium is our best deceiver. Each lucid interval of thought recalls the woes of Nature's charter; and he who acts as wise men ought, but lives, as saints have died, a martyr.

Digitized by Google

И трепетаніе грудей—
Все мрачный холодъ навѣвало.
Играла ты... я весь дрожалъ,
А эхо звуки повторяло,
И страшенъ былъ старинный залъ...
Играй, играй: пускай терзанье
Наполнитъ душу мнѣ тоской;
Моя любовь живетъ страданьемъ
И страшенъ ей покой!

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Какъ скучно мнѣ! Безъ жизни, безъ движенья
Лежатъ поля, снѣгъ хлопьями лежитъ;
Безмолвно все; лишь грустно въ отдаленьѣ
Пѣснь запоздалая звучитъ.
Мнѣ тяжело; уныло потухаетъ
Холодный день за дальнею горой.
Что́ душу мнѣ волнуетъ и смущаетъ?
Мнѣ грустно; боленъ я душой!
Я здѣсь одинъ: тяжелое томленье
Сжимаетъ грудь; ряды нестройныхъ думъ
Меня тѣснятъ; молчитъ воображенье,
Изнемогаетъ слабый умъ!
И мнится мнѣ, что близко, близко время—
И я умру въ разгарѣ юныхъ силъ...
Да! эта мысль мнѣ тягостна, какъ бремя:
Я жизнь такъ нѣкогда любилъ!
Да! тяжело намъ съ жизнью разставаться...
Но близокъ онъ, нашъ грозный, смертный часъ;
Сомнѣнья тяжкія намъ на душу ложатся:
Богъ вѣсть, что́ ждетъ за гробомъ насъ!

НАШЪ ВѢКЪ.

Въ нашъ странный вѣкъ все грустью поражаетъ.
Немудрено: привыкли мы встрѣчать
Работой каждый день; все налагаетъ
Намъ на душу особую печать.
Мы жить спѣшимъ. Безъ цѣли, безъ значенья
Жизнь тянется, проходитъ день за днемъ—
Куда, къ чему? Не знаемъ мы о томъ.

Digitized by Google

Вся наша жизнь есть смутный рядъ сомнѣнья.
Мы въ тяжкій сонъ живемъ погружены.
Какъ скучно все: младенческія грёзы
Какой-то тайной грустію полны,
И шутка какъ-то сказана сквозь слезы!
И лира наша вслѣдъ за жизнью вѣетъ
Ужасной пустотою: тяжело!
Усталый умъ безвременно коснѣетъ
И чувство въ немъ молчитъ, усыплено.
Что́ жъ въ жизни есть веселаго? Невольно
Нѣмая скорбь на душу набѣжитъ
И тѣнь сомнѣнья сердце омрачитъ...
Нѣтъ, право, жить и грустно, да и больно!..

ВЕСНА.

(Изъ моихъ отрывковъ).

У—ву въ воспоминаніе прошлаго.

Люблю весну я: все благоухаетъ
И смотритъ такъ привѣтливо-свѣтло.
Она нашъ духъ унылый пробуждаетъ;
Блистаетъ солнце—на́ сердцѣ тепло!
Толпятся мысли быстрой чередою.
Ни облачка на небѣ—чудный день!
Скажите же, ужель печали тѣнь
Васъ омрачитъ? Чудесной тишиною
Объятъ весь міръ; чуть слышно, какъ поетъ
Надъ быстрой рѣчкой иволга уныло...
Весною вновь все дышитъ и живетъ
И чувствуетъ невѣдомыя силы.
И часто мы съ тобой вдвоемъ встрѣчали
Весною солнце раннею порой:
Любили мы смотрѣть, какъ убѣгали
Ночныя тѣни; скоро за горой
И солнце появлялось; видъ прелестный!
Чуть дышитъ тихій вѣтеръ; все молчитъ;
Вдали село объято сномъ лежитъ
И рѣчка вьется; свѣжестью чудесной
Проникнутъ воздухъ чистый; надъ рѣкой
Станицы птицъ, кружась, летаютъ; поле

Digitized by Google

Стадами покрывается; душой
Все вновь живетъ и проситъ сердце воли.
А вечера весенніе?..

Таковы стихотворенія Салтыкова. Судя по тому, что гостепріимствомъ «Современника» онъ пользовался раньше—для позднѣйшихъ, позже—для болѣе ранніхъ произведеній, нужно предположить, что послѣ выпуска изъ лицея онъ вовсе пересталъ сочинять стихи: въ противномъ случаѣ, онъ отдавалъ бы въ печать вновь написанное, а не залежавшееся въ его портфелѣ. «Въ стѣнахъ лицея,—говоритъ г. Скабичевскій *),—Салтыковъ оставилъ свои мечты сдѣлаться вторымъ Пушкинымъ. Впослѣдствіи онъ даже не любилъ, когда кто-либо напоминалъ ему о стихотворныхъ грѣхахъ его молодости, краснѣя, хмурясь при этомъ случаѣ и стараясь всячески замять разговоръ. Однажды онъ высказалъ даже о поэтахъ парадоксъ, что всѣ они, по его мнѣнію, сумасшедшіе люди.—«Помилуйте,—объяснялъ онъ,—развѣ это не сумасшествіе, по цѣлымъ часамъ ломать голову, чтобы живую, естественную человѣческую рѣчь втискивать, во что́ бы то ни стало, въ размѣренныя, риемованныя строчки! Это все равно, что кто-нибудь вздумалъ бы вдругъ ходить не иначе, какъ по разостланной веревочкѣ, да непремѣнно еще на каждомъ шагу присѣдая».—Конечно, это была не больше какъ одна изъ сатирическихъ гиперболъ великаго юмориста, потому что на самомъ дѣлѣ онъ былъ тонкій знатокъ и цѣнитель хорошихъ стиховъ, и Некрасовъ постоянно ему одному изъ первыхъ читалъ свои новыя стихотворенія». Въ подтвержденіе того, что Салтыковъ рано и безповоротно пересталъ писать стихи, можно привести еще то мѣсто изъ его первой повѣсти «Противорѣчія», гдѣ герой повѣсти, рекомендуемый новому знакомому какъ поэтъ, замѣчаетъ: «эта рекомендація нѣсколько смутила меня, потому что я довольно давно уже не придаюсь никакому разврату». Тотъ же герой пишетъ своему молодому другу: «неужели всю жизнь сочинять стихотворенія, и не пора ли заговорить простою, здоровою прозою?»

*) «Новости», 1889 г., № 116.

Digitized by Google

Извѣстно, что Тургеневъ также не любилъ вспоминать о своихъ стихотвореніяхъ, хотя писалъ въ стихахъ гораздо больше и дольше, чѣмъ Салтыковъ. Разница между ними, съ этой точки зрѣнія, заключается въ томъ, что Салтыковъ почти вовсе не обладалъ даромъ стихотворной рѣчи, тогда какъ Тургеневъ владѣлъ имъ въ довольно высокой степени. Въ Тургеневѣ стремленіе забыть и заставить забыть о своихъ стихотвореніяхъ вызывалось крайнею требовательностью къ самому себѣ. Сознавая, что въ прозѣ онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ стихахъ, что въ одной лишь первой коренится истинная его оригинальность, онъ не хотѣлъ и думать о попыткахъ, наполнявшихъ первые годы его творчества; онѣ казались ему неудачными уже потому, что не были *вполнѣ* удачны. Въ глазахъ Салтыкова лицейскія стихотворенія очень скоро должны были сдѣлаться не чѣмъ инымъ, какъ пробой пера, ищущаго своей дороги. Какъ только отъ него отлетѣли первыя юношескія иллюзіи, онъ не могъ не понять, что у него вовсе нѣтъ поэтическаго таланта. Въ самомъ дѣлѣ, въ формѣ его стихотвореній не замѣтно никакого движенія впередъ; въ восемнадцать лѣтъ онъ писалъ, съ внѣшней стороны, не лучше, чѣмъ въ пятнадцать. Переводъ гейневской «Рыбачки» очень хорошъ и только немногимъ уступаетъ переводу той же пьесы, сдѣланному впослѣдствіи А. Н. Плещеевымъ; переводъ изъ Байрона гораздо слабѣе и менѣе близокъ къ подлиннику. Въ «Нашемъ вѣкѣ» меньше удачныхъ стиховъ, чѣмъ въ «Двухъ жизняхъ». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше встрѣчается у Салтыкова словъ, введенныхъ въ пьесу исключительно для соблюденія размѣра. Авторъ не столько описываетъ свои чувства, сколько *называетъ ихъ* («какъ скучно мнѣ! мнѣ тяжело! мнѣ грустно! болитъ я душой!»—всѣ эти восклицанія взяты нами изъ одной только «Зимней элегіи»). Повторяются и мотивы стихотвореній (напримѣръ, тишина—въ «Вечерѣ и въ «Веснѣ»), и даже самыя выраженія («чуть дышитъ вѣтеръ»). Многія пьесы производятъ впечатлѣніе варіацій на давно знакомыя темы; въ «Музыкѣ» слышится Бенедиктовъ, въ «Вечерѣ»—А. Майковъ, въ «Нашемъ вѣкѣ»—Лермонтовъ. И все-таки стихотворенія Сал-

Digitized by Google

тыкова интересны, какъ выраженіе душевной жизни молодого лицеиста. Если «Лира» похожа еще на ученическое упражненіе, то въ «Двухъ жизняхъ» чувствуется уже настроеніе автора,— настроеніе, отчасти заимствованное, навѣянное извнѣ, но быстро привившееся къ натурѣ Салтыкова. Меланхолическая нота звучитъ въ немъ искренно и сердечно *). Жизнь кажется ему, по временамъ, тяжелымъ бременемъ, хотя ему и страшенъ призракъ смерти. Успокоительно дѣйствуетъ на него только пейзажъ— русскій сѣверный пейзажъ, обаянію котораго поддавались Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Некрасовъ. Если, кромѣ природы, все остальное «поражало его грустью», то это не удивительно; въ эпоху, которую переживало тогда русское общество, печальныхъ картинъ на каждомъ шагу представлялось слишкомъ много. Чтобы видѣть и понимать ихъ, не нужно было долго жить на свѣтѣ; достаточно было присмотрѣться поближе къ «пошехонскимъ» порядкамъ и потомъ сравнить ихъ непроглядную тьму съ ослѣпительнымъ свѣтомъ, очагомъ котораго служила тогдашняя Франція. И о томъ, и о другомъ мы имѣемъ подлинныя свидѣтельства Салтыкова. Какія чувства заронила въ немъ тьма— это мы уже знаемъ; напомнимъ теперь, что онъ говоритъ объ источникѣ свѣта.

Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ,—читаемъ мы въ четвертой главѣ «За рубежомъ»,—для меня неразрывно связывается воспоминаніе о моемъ юношествѣ, то-есть о сороковыхъ годахъ. Да и не только для меня лично, но и для всѣхъ насъ, сверстниковъ, въ этихъ двухъ словахъ заключалось нѣчто луче-

*) Вотъ что говоритъ о Салтыковѣ-лицеистѣ А. Я. Головачева (см. «Воспоминанія» ея въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1889 г., № 11, стр. 272—273): «я видѣла его въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ домѣ М. А. Языкова. Онъ и тогда не отличался веселымъ выраженіемъ лица. Его большіе сѣрые глаза сурово смотрѣли на всѣхъ и онъ всегда молчалъ. Онъ всегда садился не въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли всѣ гости, а помѣщался въ другой, противъ дверей, и оттуда внимательно слушалъ разговоры». Улыбка «мрачнаго лицеиста» считалась чудомъ. По словамъ Языкова, Салтыковъ ходилъ къ нему «чтобы посмотрѣть на литераторовъ».

Digitized by Google

зарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе. Какъ извѣстно, въ сороковыхъ годахъ русская литература (а за нею, конечно, и молодая читающая публика) подѣлилась на два лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Былъ еще третій лагерь, въ которомъ копошились Булгарины, Бранты, Кукольники и т. п., но этотъ лагерь уже не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на подрастающее поколѣніе, и мы знали его лишь настолько, насколько онъ являлъ себя прикосновеннымъ къ вѣдомству управы благочинія. Я въ то время только-что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризированіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное шло оттуда. Въ Россіи,—впрочемъ не столько въ Россіи, сколько спеціально въ Петербургѣ, — мы существовали лишь фактически или, какъ въ то время говорилось, имѣли *образъ жизни*. Ходили на службу въ соотвѣтствующія канцеляріи, писали письма къ родителямъ, питались въ ресторанахъ, а чаще всего въ кухмистерскихъ, собирались другъ у друга для собесѣдованія и т. д. Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собой область, какъ бы застланную туманомъ, въ которой даже такое дѣло, какъ опубликованіе «Собранія русскихъ пословицъ», являлось прихотливымъ и предосудительнымъ; напротивъ того, во Франціи все было ясно какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками. Такъ что когда министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій началъ издавать таксы на мясо и хлѣбъ, то и это заинтересовало насъ только въ качествѣ анекдота, о которомъ слѣдуетъ говорить съ

Digitized by Google

осмотрительностью. Напротивъ, всякій эпизодъ изъ общественно-политической жизни Франціи затрогивалъ насъ за живое, заставлялъ и радоваться, и страдать. Въ Россіи все казалось покончennымъ, запакованнымъ и за пятью печатью сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго зараньше предположено не разыскивать; во Франціи все какъ будто только-что начиналось. И не только теперь, въ эту минуту, а больше полустолѣтія сряду все начиналось, и опять, и опять начиналось, и не заявляло ни малѣйшаго желанія кончиться... Въ особенности симпатіи къ Франціи обострились около 1848 г. Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія» Луи-Блана. Луи-Филиппъ, и Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ, — все это были какъ бы личные враги (право, даже болѣе опасные, чѣмъ Л. В. Дуббельтъ), успѣхъ которыхъ огорчалъ, неуспѣхъ—радовалъ. Процессъ министра Теста, агитація въ пользу избирательной реформы, высокомѣрныя рѣчи Гизо по этому поводу, февральскіе банкеты,—все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ будто происходило вчера»... Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что настроеніе, описанное въ этихъ строкахъ, зародилось въ Салтыковѣ еще во время бытности его въ лицеѣ. Даже въ концѣ сороковыхъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, послѣ грозы 1848 г., послѣ дѣла петрашевцевъ, въ которомъ не случайно оказались замѣшанными многіе изъ бывшихъ лицеистовъ (Петрашевскій, Спѣшневъ, Кашкинъ, Европеусъ), между воспитанниками лицея бродили еще идеи, вдохновлявшія юношу-Салтыкова. Многіе изъ нихъ читали Фурье, Сенъ-Симона, Луи-Блана и знакомили своихъ младшихъ товарищей съ содержаніемъ запретныхъ книгъ, которыя въ училищѣ правовѣдѣнія (да вѣроятно и въ другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ того же времени) едва ли были извѣстны даже по имени *). Само собою разумѣется, что, ставъ на ноги, освобо-

*) Пишущій эти строки самъ поступилъ въ училище правовѣдѣнія въ 1849 г. и, имѣвъ родственниковъ и знакомыхъ въ лицеѣ, говоритъ объ этотъ на основаніи собственныхъ воспоминаній.

Digitized by Google

дившись отъ школьнаго контроля, Салтыковъ отдался съ большимъ еще жаромъ изученію французской политической и экономической литературы.

Изъ лицея выходили въ то время — какъ и теперь — съ чиномъ девятаго, десятаго или двѣнадцатаго класса, смотря по успѣхамъ въ наукахъ и болѣе или менѣе одобрительному «поведенію». Салтыковъ, какъ мы уже знаемъ, получалъ плохіе баллы «изъ поведенія», и вышелъ поэтому съ чиномъ десятаго класса, семнадцатымъ по списку. Всего выпущено было въ 1844 г. двадцать два ученика: двѣнадцать—девятымъ классомъ, пять—десятымъ, пять—двѣнадцатымъ *). Съ чиномъ десятаго класса вышли изъ лицея, какъ извѣстно, и Пушкинъ, и Дельвигъ, и Мей. Между товарищами Салтыкова никто не составилъ себѣ имени въ литературѣ или въ общественной дѣятельности; высокихъ положеній по службѣ достигли кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій (посолъ въ Вѣнѣ) и гр. А. П. Бобринскій (бывшій московскій губернскій предводитель дворянства, умершій недавно членомъ государственнаго совѣта). Сохранилъ ли Салтыковъ близкія отношенія къ кому-либо изъ своихъ товарищей — не знаемъ; искать между ними того, кому посвящена «Весна», нельзя, потому что ни одинъ изъ нихъ не носилъ фамиліи, начинающейся съ буквы У. О службѣ Салтыкова въ Петербургѣ мы знаемъ только то, что онъ 23-го августа 1844 г. былъ зачисленъ въ канцелярію военнаго министра, а два года спустя, 8-го августа 1846 г., получилъ тамъ мѣсто помощника секретаря. По словамъ г. Скабичевскаго, первые три года по выходѣ изъ лицея Салтыковъ, подобно Пушкину, провелъ очень бурно и разсѣянно справлялъ «праздникъ жизни, молодости годы». «По своей страсти все представлять въ комическомъ видѣ, не щадя и самого себя, Салтыковъ,—продолжаетъ г. Скабичевскій, — разсказывалъ о себѣ нѣсколько анекдотовъ изъ

*) Эти цифры, не вполнѣ совпадающія со свѣдѣніями біографическаго очерка «Русской Библіотеки», заимствованы нами изъ оффиціальнаго источника — памятной книжки Александровскаго лицея на 1855—1856 г.

Digitized by Google

этого періода своей жизни, которые, по своей крайней курьезности, вполнѣ совпадаютъ съ жанромъ его сатиръ». Съ достовѣрностью можно сказать пока только одно: Салтыкова продолжало тянуть къ литературѣ, больше чѣмъ когда-либо привлекавшей къ себѣ въ то время всѣхъ лучшихъ представителей нашей интеллигенціи. Оставивъ стихи, онъ скоро сталъ пробовать свои силы въ прозѣ. До сихъ поръ предполагалось, что первымъ прозаическимъ опытомъ Салтыкова была повѣсть: «Противорѣчія», напечатанная въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. Оказывается, однако, что онъ уже раньше сталъ помѣщать въ томъ же журналѣ, въ отдѣлѣ Библіографической Хроники, рецензіи на нѣкоторыя вновь выходящія русскія книги. До 1846 г. этимъ отдѣломъ завѣдывалъ Бѣлинскій; потомъ, до лѣта 1847 г., главную роль игралъ въ немъ Валеріанъ Майковъ. Послѣ смерти Майкова веденіе Библіографической Хроники стало, повидимому, дѣломъ коллективнымъ. Салтыкову приходилось писать, большею частью, объ учебникахъ и книгахъ для дѣтскаго чтенія. Изъ рецензій, черновыя которыхъ, собственноручно написанныя Салтыковымъ, находятся передъ нашими глазами, къ этой рубрикѣ относится пять (о семи книгахъ); только одна касается брошюры П. Лебедева: «Нѣсколько словъ о военномъ краснорѣчіи», но эта рецензія, нужно думать, осталась ненапечатанною, потому что во второй части т. 55-го «Отечественныхъ Записокъ» (стр. 103) о брошюрѣ Лебедева имѣется совсѣмъ другая замѣтка, гораздо менѣе благопріятная для автора, чѣмъ составленная Салтыковымъ. Въ томъ же 55-мъ томѣ (стр. 21), но въ другой, первой, его части *) напечатана замѣтка Салтыкова о «Логикѣ» Зубовскаго, профессора могилевской семинаріи. «И въ наше время,—такъ начинается рецензія,—существуютъ еще люди съ наивнымъ убѣжденіемъ, что логика можетъ научить мыслить... Никому не придетъ въ голову назвать смѣшнымъ стремленіе познать самого себя, привесть въ ясное сознаніе тѣ законы, по

*) Это та самая ноябрьская книжка 1847 г., въ которой напечатана первая повѣсть Салтыкова: «Противорѣчія».

Digitized by Google

которымъ человѣкъ мыслитъ; но учить мыслить... трудную задачу вы взяли на себя, г. Зубовскій!» Дальше Салтыковъ возражаетъ противъ преувеличеннаго значенія, придаваемаго, въ заурядной логикѣ, силлогизмамъ; онъ замѣчаетъ, что силлогизмъ—не что иное, какъ «безконечный, безвыходный кругъ, въ которомъ общее предложеніе доказывается частнымъ и потомъ, въ свою очередь, доказываетъ частное». «Намъ случилось слышать, — восклицаетъ рецензентъ, — какъ одинъ господинъ весьма серьезно увѣрялъ другого, весьма почтенной наружности, но посмирнѣе, что тотъ долженъ ему повиноваться, дѣлая слѣдующій силлогизмъ: «я человѣкъ, ты человѣкъ; слѣдовательно ты рабъ мой». И смирный господинъ повѣрилъ (такова ошеломляющая сила силлогизма!), и отдалъ тому господину все, что́ у него было: и жену, и дѣтей, и самого себя, и вдобавокъ остался даже очень доволенъ собою». Эти слова направлены, очевидно, не противъ «Логики» Зубовскаго, а противъ модной, по тогдашнему времени, крѣпостнической логики.

Въ разборѣ дѣтскихъ книгъ и учебниковъ, предназначенныхъ для дѣтей — «Географіи въ эстампахъ», Ришома и Вангольда, «Курса физической географіи», Петровскаго, «Руководства къ первоначальному изученію всеобщей исторіи», Фолькера, «Разсказовъ дѣтямъ изъ древняго міра», Беккера, «Потемкина», исторической повѣсти Фурмана, «Альманаха для дѣтей» *),—Салтыковъ возстаетъ съ особенною силой противъ прописной морали, противъ неуклюжаго подчеркиванья нравственныхъ сентенцій, противъ обремененія памяти массой мелочныхъ подробностей и сухихъ фактовъ. Многія изъ его разсужденій не потеряли своей цѣны и въ наше время. «Странная, право, участь дѣтей!» — говоритъ онъ, напримѣръ, въ замѣткѣ о «Руководствѣ къ первоначальному изученію всеобщей исторіи». — «Чему не учатъ ихъ, какіе методы не употребляются при преподаваніи! Одно

*) Рецензія на повѣсть Фурмана напечатана въ январьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1848 г. (т. 56), рецензія на «Разсказы» Беккера — въ апрѣльской книжкѣ того же года (т. 57), т.-е. уже послѣ «Запутаннаго дѣла».

Digitized by Google

только забываютъ объяснить дѣтямъ мудрые наставники—именно то, что́ наиболѣе занимаетъ пытливый умъ ребенка: то, что́ находится у него безпрестанно подъ руками, тѣ предметы физическаго міра, въ кругу которыхъ онъ вращается. Отъ этого-то именно и происходитъ, что человѣкъ, сошедшій со школьной скамьи, насытившійся вдоволь и греками, и римлянами, узнавшій въ концѣ всѣ свойства души, воли и другихъ невѣсомыхъ, которыми кишитъ жизнь бѣднаго школьника, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью оказывается совершенно несостоятельнымъ, при первомъ несчастіи упадаетъ духомъ, и если ему по какому-нибудь случаю любезные родители не приготовили ни душъ, которыя могли бы прокормить вѣчнаго младенца, ни сердобольныхъ родственниковъ, нашъ философъ умираетъ съ голоду, именно отъ того, что любезные родители никакъ не могли предвидѣть подобный пассажъ. По-настоящему, слѣдовало бы подстерегать натуру ребенка, уловить его наклонности, не навязывать ему такой науки, которая или антипатична, или не по лѣтамъ ему. Какъ это возможно! а на что́ же существуютъ возлюбленные родители? Въ ихъ умѣ ужъ заранѣе начертаны всѣ занятія, всѣ судьбы юнаго рожденія ихъ: на то онъ ихъ рожденіе, ихъ *собственное* рожденіе, чтобы они могли по произволу располагать имъ. Юноши, въ которыхъ эта *система постепеннаго ошеломленія* (совершенно уже салтыковское «словечко!») не совсѣмъ еще утушила энергію пытливаго духа, обыкновенно начинаютъ, по выходѣ изъ школы, образованіе совершенно сызнова, но и тутъ, въ борьбѣ съ безпрестанно возстающими недоразумѣніями, бо́льшею частью падаютъ подъ бременемъ своего тяжелаго перевоспитанія. Что касается до остальныхъ,—а этихъ остальныхъ болѣе девяти десятыхъ,—то они, разъ подвергнутые *разслабляющей ваннѣ энциклопедическаго образованія*, уже навсегда пребываютъ въ состояніи совершеннаго нравственнаго одурѣнія». Много мѣткихъ замѣчаній разсѣяно и въ другихъ рецензіяхъ Салтыкова. «Ошибка дѣтскихъ писателей заключается въ томъ, что они непремѣнно хотятъ бесѣдовать съ дѣтьми не какъ съ людьми, а какъ съ

Digitized by Google

низшими организмами, немного чѣмъ повыше минераловъ»... «Почему же вы думаете, что если взрослому покажется дикимъ, что десятилѣтній Гриша, не хуже любого сантиментальнаго патріота-офицера, крѣпко жметъ руку матери отъ умиленія при видѣ Москвы, то еще бо́льшею дикостью не покажется это ребенку?..» «Ребенокъ видитъ въ саду цвѣтокъ; онъ хочетъ знать его составныя части, хочетъ добиться до законовъ его питанія. Увы! тутъ стоитъ величавая фигура педагога, гласящая ему, что это все вздоръ, а вотъ поди да возьми въ руки исторію Фолькера; тамъ ты узнаешь, что Кекропсъ», и т. д. (въ наше время на мѣсто учебника исторіи явился бы, по всей вѣроятности, учебникъ латинскаго или греческаго языка). Въ замѣткѣ о «Географіи въ эстампахъ» очень забавно осмѣяна обычная манера нравоучительныхъ разсказовъ. Въ одномъ изъ нихъ выведена на сцену дѣвочка, подавшая милостыню тремъ бѣднякамъ; первый, вслѣдъ затѣмъ, защищаетъ ее противъ разбойниковъ; второй предохраняетъ ея имущество отъ пожара; третій спасаетъ ее отъ укушенія бѣшеной собакой. «Мораль этого разсказа,—восклицаетъ рецензентъ,—можетъ быть выражена такъ: быть добрымъ никогда не мѣшаетъ, потому что это даетъ человѣку случай спекулировать на услугу въ сто разъ бо́льшую со стороны облагодѣтельствованнаго субъекта. Впрочемъ, можно, съ равной достовѣрностью, предположить и то, что если благодѣтельная дѣвушка, не давши заранѣе бѣдному мальчику пять су, опять встрѣтится съ бѣшеною собакой, то бѣдный мальчикъ, по смыслу повѣсти, не поспѣшитъ уже къ ней на помощь. Отсюда мораль: не подавши заранѣе пять су бѣдному мальчику, нужно избѣгать встрѣчи съ бѣшеными собаками»...

Въ рецензіи на книгу Беккера: «Разсказы дѣтямъ изъ древняго міра», Салтыковъ преклоняется передъ Гомеромъ, «одинъ стихъ котораго часто даетъ намъ болѣе ясное понятіе о древнемъ мірѣ, нежели цѣлые томы ученыхъ изысканій»; но именно потому онъ протестуетъ противъ искаженій, производимыхъ надъ «Иліадой» и «Одиссеей» подъ предлогомъ приспособленія ихъ къ дѣтскому или юношескому возрасту. Онъ желалъ бы, чтобы

Digitized by Google

въ руки юношества былъ данъ полный гнѣдичевскій переводъ «Иліады», снабженный только дѣльнымъ предисловіемъ, въ которомъ было бы объяснено все необходимое для правильнаго пониманія великой поэмы. Что касается до дѣтей, то для нихъ Гомеръ, въ настоящемъ своемъ видѣ, недоступенъ, а «приноровленіе его къ дѣтскимъ понятіямъ» Салтыковъ считаетъ не только безполезнымъ, но прямо вреднымъ. «Въ основѣ поэмъ Гомера, — говоритъ онъ, — лежитъ чудесное. Поставленное на своемъ мѣстѣ, обставленное извѣстными обстоятельствами, понимаемое какъ выраженіе духа страны и времени, чудесное принимаетъ должные размѣры и, наконецъ, дѣлается весьма и весьма объяснимымъ. Но не такъ бываетъ это съ дѣтьми. Умъ ихъ, по природѣ наклонный къ чудесному, на немъ одномъ только и останавливается съ охотою, и все сверхъестественное принимаетъ за наличную монету, такъ что изъ всей поэмы Гомера, можетъ-быть, одно оно только и привяжетъ къ себѣ ребенка. Отсюда наклонность къ мечтательности, которую надобно было бы сдерживать въ разумныхъ границахъ, пріобрѣтаетъ, напротивъ того, самые гигантскіе размѣры, и ребенокъ, сдѣлавшись впослѣдствіи мужемъ, является человѣкомъ неспособнымъ заниматься интересами близкими и дѣйствительными и цѣлый вѣкъ блуждаетъ мыслью въ мечтательныхъ мірахъ, созданныхъ его больною фантазіей. И пусть не обвиняютъ насъ въ преувеличеніи: зло, о которомъ мы говоримъ, такъ тонко, такъ незамѣтно, что его не увидишь сразу; оно издалека и медленно подкрадывается и сосетъ все существованіе ребенка, но, тѣмъ не менѣе, глубоко пагубны и разрушительны будутъ его результаты».

Мысли, выраженныя Салтыковымъ въ его рецензіяхъ, занимали его, очевидно, чрезвычайно сильно; онѣ встрѣчаются и въ первой повѣсти его: «Противорѣчія», напечатанной, какъ мы уже сказали, въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1847 г. (т. 55, ч. I, стр. 1—106), подписанной: «М. Непановъ», и не включенной Салтыковымъ ни въ прежніе выпуски его произведеній, ни въ выходящее теперь собраніе

Digitized by Google

ихъ *). «Пожирающая насъ жажда привязанности, — говоритъ герой повѣсти, Нагибинъ,—не имѣетъ предметомъ чего-либо дѣйствительнаго; напротивъ, мы съ какимъ-то презрѣніемъ отворачиваемся отъ той среды, въ которой живемъ, и создаемъ себѣ особый мечтательный міръ, который населяемъ призраками своего воображенія... Все это объясняется воспитаніемъ, болѣе наклоннымъ къ пустой мечтательности, нежели къ трезвому взгляду на жизнь, и кругомъ занятій нашихъ, которыя ограничиваются только спекулятивными науками, такъ что человѣкъ, вмѣсто того, чтобы изучать науку съ начала, изучаетъ ее съ конца, а потомъ и жалуется, что ничего понять не можетъ въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи. Такое воспитаніе совершенно губитъ насъ; истощенный безпрестаннымъ умственнымъ развратомъ, человѣкъ уже теряетъ смѣлость взглянуть въ глаза дѣйствительности, не имѣетъ довольно энергіи, чтобы обнажить сокровенныя пружины и объяснить себѣ кажущіяся противорѣчія ея». Въ концѣ повѣсти Нагибинъ опять возвращается къ той же темѣ. Жалуясь на нравственную свою дряхлость, съ горечью оглядываясь на «развалины своего безполезнаго прошедшаго», онъ спрашиваетъ себя: отчего все это? — и отвѣчаетъ: «оттого, что мнѣ не дано практическаго пониманія дѣйствительности, оттого, что умъ мой воспитали мечтаніями, не дали ему окрѣпнуть, отрезвиться, и пустили наудачу по столбовой дорогѣ жизни... Что было въ моей прежней жизни?—Сомнѣнія! Что въ настоящемъ моемъ?—Сомнѣнія! Что въ будущемъ?—Сомнѣнія! Что въ томъ, что я много наблюдалъ, многому выучился? Все это знаніе больше ничего, какъ слова, слова, слова!.. Да и вся моя жизнь — не болѣе какъ противорѣчія, противорѣчія, противорѣчія!..» Если Салтыковъ вложилъ, такимъ образомъ, въ уста Нагибина нѣкоторыя изъ своихъ задушевныхъ убѣжденій, то отсюда не слѣдуетъ еще, конечно, чтобы онъ изобразилъ въ немъ самого себя. Внутренняя жизнь Салтыкова отразилась на героѣ «Противорѣчій» развѣ настолько, насколько внутренняя жизнь

*) Составъ этого изданія съ точностью опредѣленъ самимъ Салтыковымъ, за нѣсколько недѣль до смерти.

Digitized by Google

Гёте — въ Вертерѣ или Клавиго. И тамъ, и тутъ нѣкоторыя черты берутся изъ душевнаго міра самого автора, но такія черты, съ которыми онъ борется, отъ которыхъ хочетъ отрѣшиться. Онѣ доводятся, въ разсказѣ или драмѣ, до своего полнаго развитія, до своего логическаго конца, и въ этомъ объективированіи ихъ авторъ находитъ желанную свободу. Нагибинъ— это одинъ изъ первыхъ, въ хронологическомъ порядкѣ, «лишнихъ людей», «заѣденныхъ рефлексіей»; это—родной братъ героя «Аси», это—«русскій человѣкъ на rendez-vous», десятью годами позже, именно по поводу «Аси», изображенный Чернышевскимъ. Героиня «Противорѣчій», Таня, также напоминаетъ Асю — насколько блѣдный абрисъ можетъ напоминать художественно-законченную картину. Таня беретъ на себя иниціативу, на которую неспособенъ Нагибинъ; она первая говоритъ ему о любви, первая зоветъ его на свиданье; она упрекаетъ его въ трусости, какъ Рудина Наталья. Нагибинъ безсиленъ идти за нею, безсиленъ и оставить ее, пока гордіевъ узелъ не разсѣкается грубою рукою родителей Тани. Выходъ изъ «противорѣчій», не находимый Нагибинымъ, но безмолвно указываемый авторомъ,—это признаніе правъ жизни и страсти, тѣхъ правъ, за которыя съ такимъ блескомъ, десятью или пятнадцатью годами раньше, ратовала Ж.-Зандъ. На это намекаетъ и эпиграфъ повѣсти, заимствованный изъ Сенеки: «natura duce utendum est; hanc ratio observat, hanc consulit; idem est ergo beate vivere, et secundum naturam» (вождемъ человѣка должна быть природа; ей слѣдуетъ, съ ней совѣтуется разумъ; жить блаженно—значитъ жить согласно съ требованіями природы).

Изложеніе сюжета первой повѣсти Салтыкова, равно какъ и критическая ея оцѣнка, не входитъ въ составъ нашей задачи; мы беремъ изъ нея только то, что имѣетъ сколько-нибудь автобіографическій характеръ. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія слова Нагибина: «будущее обѣщаетъ мнѣ только горестный рядъ преслѣдованій и лишеній, лишеній ничтожныхъ и мелкихъ, если хотите, но, тѣмъ не менѣе, безпрестанныхъ и безотвязныхъ, съ которыми нельзя бороться —

Digitized by Google

до того они неуловимы, до того ничтожны. Еще если бъ меня ждало какое-нибудь сильное несчастіе, но нѣтъ, меня ждутъ умѣренность и аккуратность, двѣ большія добродѣтели, коли хотите, но въ которыхъ скорѣе слышится отрицаніе жизни, нежели жизнь». Страхъ передъ «мелочами жизни», боязнь попасть подъ иго «умѣренности и аккуратности» — это первая форма глубокаго отвращенія къ нимъ, проникающаго позднѣйшую дѣятельность Салтыкова. Съ отголосками того же страха мы встрѣчаемся еще разъ много лѣтъ спустя, когда Салтыковъ, уѣзжая изъ Вятки, съ ужасомъ говоритъ объ ожидающихъ его «новыхъ хлопотахъ, новыхъ искательствахъ», когда ему кажется, что «въ сердцѣ его царствуетъ преступная вялость» («Губернскіе Очерки» — «Дорога», стр. 484). Примиреніе съ будничной «тиной», погруженіе въ омутъ мелкихъ житейскихъ дрязгъ—вотъ, очевидно, кошмаръ, пугавшій Салтыкова, пока въ немъ не окрѣпла вѣра въ самого себя. И здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго: на его глазахъ тысячи людей, обезсиленныхъ тепличнымъ воспитаніемъ и беззащитныхъ противъ вліяній среды, тонули въ этомъ омутѣ, погрязали въ этой тинѣ... Въ другомъ мѣстѣ Нагибинъ сокрушается о томъ, что, познавъ настоящую дѣйствительность и нарисовавъ себѣ образъ иной, будущей дѣйствительности — «не только возможной, но непремѣнно имѣющей быть»,— онъ одинаково неспособенъ найти утѣшеніе какъ въ той, такъ и въ другой. «Не сопоставляй я этихъ двухъ несовмѣстныхъ другъ съ другомъ противоположностей, существуй для меня одно какое-нибудь изъ двухъ представленій дѣйствительности, я былъ бы вполнѣ счастливъ; былъ бы или нелѣпымъ утопистомъ, въ родѣ новѣйшихъ соціалистовъ, или прижимистымъ консерваторомъ—во всякомъ случаѣ я былъ бы доволенъ собою. Но я именно по середкѣ стою между тѣмъ и другимъ пониманіемъ жизни; я не утопистъ, потому что утопію свою вывожу изъ историческаго развитія дѣйствительности, потому что населяю ее не мертвыми призраками, а живыми людьми, и не консерваторъ quand même, потому что не хочу застоя, а требую жизни, требую движенія впередъ». И въ этихъ

Digitized by Google

словахъ, быть-можетъ, отразилась одна изъ сторонъ тогдашняго настроенія Салтыкова. Въ слѣдующей повѣсти его — «Запутанномъ дѣлѣ» — есть дѣйствующія лица (Алексисъ и Беобахтеръ), несомнѣнно похожія на «нелѣпыхъ утопистовъ», а общая мысль повѣсти меньше всего отзывается «консерватизмомъ quand même» или расположеніемъ къ «застою»... Укажемъ, въ заключеніе, на несомнѣнное сходство между супругами Крошиными въ «Противорѣчіяхъ» и родителями Никанора Затрапезнаго въ «Пошехонской Старинѣ»; особенно много общаго между Марьей Ивановной Крошиной и Анной Павловной Затрапезной. Марья Ивановна — «женщина-кулакъ, типъ, встрѣчающійся весьма часто, и особенно въ провинціяхъ, гдѣ жизнь женщины исключительно сосредоточена въ узенькихъ рамкахъ фамильныхъ ея отношеній... Вокругъ нея все тихо, все умерло. Надо же какъ-нибудь доканать, добить это несносно-тянущееся время, потому что праздность душитъ человѣка; вотъ она и погрязаетъ по уши въ своей семейной грязи, и нѣтъ мѣры обвѣшиваньямъ, обмѣриваньямъ, сплетнямъ и тому подобнымъ дрязгамъ! И по совѣсти нельзя сказать, чтобы она на волосъ во всемъ этомъ была виновата. Окружите ее другою средою, и вся физіономія ея внезапно измѣняется. Тутъ просто фатумъ, и она безсильна противъ него». Все это можно было бы сказать и объ Аннѣ Павловнѣ Затрапезной.

«Противорѣчія» посвящены В. А. Милютину (родному брату Николая и Дмитрія Алексѣевичей). Это былъ талантливый молодой писатель, такъ же много обѣщавшій въ области политическихъ и соціальныхъ наукъ, какъ сверстникъ его, Валеріанъ Майковъ—въ области критики. Оба они умерли слишкомъ рано; продолжателемъ ихъ обоихъ явился Н. Г. Чернышевскій. Дружба съ В. А. Милютинымъ служитъ, до извѣстной степени, указаніемъ на то, въ какомъ направленіи работала тогда мысль Салтыкова; еще яснѣе свидѣтельствуютъ о немъ воспоминанія Салтыкова, приведенныя нами выше. Если въ «Противорѣчіяхъ» чувствуется вліяніе первыхъ романовъ Ж.-Занда («Indiana», «Valentine», «Jaques»), то слѣдующая затѣмъ повѣсть Салты-

Digitized by Google

кова: «Запутанное дѣло», напечатанная въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г. (т. 57), за подписью «М. С.», внушена отчасти второю — соціалистическою — полосой дѣятельности Ж.-Занда, отчасти прямо чтеніемъ авторовъ, подъ обаяніемъ которыхъ находилась въ то время французская писательница, отчасти, наконецъ, «Шинелью» Гоголя и «Бѣдными людьми» Достоевскаго *). Господствующая нота «Запутаннаго дѣла» — сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; отсюда только одинъ шагъ до несочувствія къ общественному строю, подъ сѣнью котораго благоденствуютъ унижающіе и оскорбляющіе. На бѣду для Салтыкова, первое сколько-нибудь открытое выраженіе его взглядовъ совпало съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на наши высшія сферы февральской революціей во Франціи и мартовскимъ движеніемъ въ Германіи. «Я былъ утромъ, на масляной, въ итальянской оперѣ,—разсказываетъ Салтыковъ («За рубежемъ», т. VI, стр. 89 — 90, въ изд. 1889 г.),— какъ вдругъ, словно электрическая искра, всю публику пронизала вѣсть: министерство Гизо пало. Какое-то неясное, но жуткое чувство внезапно овладѣло всѣми. Именно всѣми, потому что хотя тутъ было множество людей самыхъ противоположныхъ воззрѣній, но навѣрно не было такихъ, которые отнеслись бы къ событію съ тѣмъ жвачнымъ равнодушіемъ, которое впослѣдствіи сдѣлалось какъ бы нормальною окраской русской интеллигенціи. Молодежь едва сдерживала безкорыстные восторги. Помнится, къ концу спектакля пало уже и министерство Тьера (тогда подобнаго рода извѣстія доходили до публики какъ-то неправильно и по секрету). Затѣмъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней, пало регентство, оказалось несостоятельнымъ эфемерное министерство Одилона Барро и, въ заключеніе, бѣжалъ самъ Луи-Филиппъ. Провозглашена была республика, съ временнымъ правительствомъ во главѣ, полились рѣчи, какъ изъ рога изобилія... Громадность событія

*) Эта мысль развита нами болѣе подробно въ нашей статьѣ: «Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова» («В. Европы», 1883 г. янв.—май).

Digitized by Google

на все набрасывала покровъ волшебства. Франція казалась страною чудесъ. Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этою неистощимостью жизненнаго творчества, которое, вдобавокъ, отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захватить все дальше и дальше? И точно, мы не только плѣнялись, но даже не особенно искусно скрывали свои восторги отъ глазъ бодрствующаго начальства. И вотъ, вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи, произошло соотвѣтствующее движеніе и у насъ: учрежденъ былъ негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы». Въ этомъ комитетѣ, по словамъ біографическаго очерка «Русской Библіотеки», «было обращено особое вниманіе на повѣсти Салтыкова, хотя онѣ и были пропущены цензурою». «Въ мартѣ мѣсяцѣ, — читаемъ мы все въ той же главѣ «За рубежемъ»,— я написалъ повѣсть («Запутанное дѣло»), а въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія». Сопоставленіе этихъ отзывовъ, изъ которыхъ одинъ идетъ прямо отъ Салтыкова, а другой имъ просмотрѣнъ и одобренъ, доказываетъ несомнѣнно, что иниціатива административной кары противъ молодого писателя принадлежала — по крайней мѣрѣ по убѣжденію самого Салтыкова— «негласному» (Бутурлинскому) комитету по дѣламъ печати; не совсѣмъ ясно только одно—послужила ли поводомъ къ ней одна вторая повѣсть Салтыкова, или обѣ. Всего вѣроятнѣе, что въ «соображеніе» были приняты обѣ, но главные обвинительные пункты были почерпнуты изъ второй. Нѣсколько иначе разсказанъ ходъ дѣла г. Скабичевскимъ, въ статьѣ, на которую мы уже ссылались. «Надо было случиться, — говоритъ г. Скабичевскій, — чтобы однимъ изъ первыхъ распоряженій Бутурлинскаго комитета было строгое замѣчаніе, данное военному министру, гр. Чернышеву, за цензурныя неисправности въ «Русскомъ Инвалидѣ». Это обстоятельство вооружило гр. Чернышева противъ литераторовъ, и, какъ нарочно, въ то время, какъ гр. Чернышевъ находился еще подъ впечатлѣніемъ полученнаго имъ замѣчанія, явился къ нему Салтыковъ, какъ подчиненный, про-

Digitized by Google

ситься въ отпускъ. Дѣло было подъ Рождество, и Салтыковъ намѣревался провести праздники на свободѣ, вѣроятно у родныхъ. Упустивши совершенно изъ виду, что чиновникъ его занимается литературой, гр. Чернышевъ тутъ только вспомнилъ объ этомъ. «Вы, кажется, въ журналахъ пишете?» — спросилъ онъ Салтыкова. На утвердительный отвѣтъ послѣдняго гр. Чернышевъ потребовалъ, чтобы онъ представилъ ему свои сочиненія. «Тогда мы и посмотримъ, можно ли васъ отпустить»,— прибавилъ онъ къ этому. Салтыковъ представилъ министру свои два разсказа; министръ поручилъ Н. Кукольнику написать ему о нихъ докладъ. Заклятый врагъ натуральной школы, Н. Кукольникъ представилъ докладъ министру въ такомъ родѣ, что гр. Чернышевъ только ужаснулся, что такой опасный человѣкъ, какъ Салтыковъ, служитъ въ его министерствѣ,—и тотчасъ же препроводилъ докладъ Кукольника въ Бутурлинскій комитетъ, а Салтыкова уволилъ изъ министерства. Бутурлинскій комитетъ препроводилъ докладъ Кукольника въ третье отдѣленіе — и вотъ, въ одинъ прекрасный день, передъ квартирой Салтыкова остановилась ямская тройка съ жандармомъ и объявлено было ему повелѣніе тотчасъ же ѣхать въ Вятку. Все это было сдѣлано такъ поспѣшно, что Салтыковъ едва успѣлъ сложить въ чемоданъ свои пожитки и долженъ былъ сѣсть на тройку въ легкой шубенкѣ, едва достаточной для петербургскаго обихода. Лишь по снисходительности жандарма брату Салтыкова было дозволено, пріобрѣтя на скорую руку шубу, вполнѣ годную для далекаго путешествія на перекладныхъ, нагнать путешественника уже за шлиссельбургской заставой и избавить его отъ опасности «замерзнуть дорогою». Въ этомъ разсказѣ есть одна явная ошибка или описка: дѣло не могло происходить «подъ Рождество», потому что «Запутанное дѣло» появилось въ печати только въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Рѣчь идетъ, очевидно, о Пасхѣ, которая, дѣйствительно, была близка. Вынужденный отъѣздъ Салтыкова изъ Петербурга состоялся 28 апрѣля 1848 г.—ровно за сорокъ одинъ годъ до его смерти.

Digitized by Google

О служебной дѣятельности Салтыкова въ Вяткѣ извѣстно, до сихъ поръ, очень мало. Онъ былъ зачисленъ сначала (3-го іюля 1848 г.) въ канцелярскіе чиновники при губернскомъ правленіи, т.-е. понижен по службѣ, поставленъ въ самые послѣдніе ряды губернской административной іерархіи; но уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же 1848 года служебное положеніе его улучшилось—онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при вятскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Губернаторомъ въ Вяткѣ былъ тогда Середа, бывшій прежде правителемъ канцеляріи у оренбургскаго военнаго губернатора Перовскаго *). Какъ человѣкъ честный, онъ не могъ не оцѣнить молодого чиновника, рѣзко выдѣлявшагося изъ среды провинціальной бюрократіи. Салтыковъ два раза исправлялъ при немъ должность правителя губернаторской канцеляріи (съ мая по августъ 1849 и въ іюнѣ 1850 г.); сверхъ того, ему было поручено составленіе по городамъ Вятской губерніи инвентарей недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ описаній и соображеній о мѣрахъ къ лучшему устройству общественныхъ и хозяйственныхъ городскихъ дѣлъ. 5-го августа 1850 г. Салтыковъ былъ назначенъ совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія. Было ли это при Середѣ, или при его преемникѣ Семеновѣ—не можемъ сказать съ точностью. Въ статьѣ г. Михайлова назначеніе Салтыкова приписывается Семенову, но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ сообщаетъ, что Середа оставилъ Вятку въ 1851 г. (онъ былъ переведенъ, по просьбѣ оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго, наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска), а Салтыковъ, какъ видно изъ формулярнаго его списка, получилъ должность совѣтника въ 1850 г. Какъ бы то ни было, дѣятельность Салтыкова при новомъ губернаторѣ становится еще болѣе разнообразной. Продолжая работы по описанію и изученію городовъ, онъ состоитъ дѣлопроизводителемъ въ трехъ комитетахъ: о рабочемъ и смирительномъ домахъ, о новомъ порядкѣ отдачи

*) См. статью г. Михайлова: «Щедринъ какъ чиновникъ», въ «Одесскомъ Листкѣ» (выдержки изъ нея въ № 213 «Новостей», 5-го августа 1889 г.).

Digitized by Google

въ арендное содержаніе почтовыхъ станцій и о выставкѣ сельскихъ произведеній въ Петербургѣ. На него возлагается также распоряженіе вятской очередной выставкой сельскихъ произведеній (лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ дѣятельную роль по устройству выставки въ той же Вяткѣ игралъ Герценъ; таковъ, видно, былъ удѣлъ «опальныхъ» или «ссыльныхъ» чиновниковъ, какъ наиболѣе энергичныхъ и интеллигентныхъ). Въ 1853 г. Салтыковъ получаетъ командировку въ Нолинскъ, для обревизованія дѣлопроизводства тамошняго земскаго суда. Всѣ эти порученія—какъ и многія другія, не оставившія слѣдовъ въ формулярномъ спискѣ Салтыкова—сослужили большую службу русской литературѣ; они увеличили запасъ матеріала, изъ котораго создались «Губернскіе Очерки». Одной изъ служебныхъ командировокъ Салтыкова мы обязаны, быть-можетъ, нѣкоторыми сценами. «Въ острогѣ», другой — разговоромъ: «Что такое коммерція», третьей—«Святочнымъ разсказомъ».

Въ бумагахъ Салтыкова уцѣлѣла, къ счастію, копія съ донесенія, представленнаго имъ губернатору, въ ноябрѣ 1852 г., по весьма интересному дѣлу. Будучи совѣтникомъ губернскаго правленія, Салтыковъ былъ посланъ губернаторомъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, въ Слободской уѣздъ, для принятія мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, возникшихъ между государственными крестьянами двухъ сельскихъ обществъ (Путейскаго и Нелѣсовскаго) Трушниковской волости. Поводъ къ безпорядкамъ былъ слѣдующій: въ сосѣдствѣ съ землей вышеназванныхъ сельскихъ обществъ находилась казенная оброчная статья, носившая наименованіе *камской*. Числилось въ ней 1846 десятинъ, но съ точностью размѣры ея и границы, при первой сдачѣ ея въ арендное содержаніе (въ 1836 г.), опредѣлены не были. Первый содержатель ея вносилъ за нее въ казну только 120 рублей ассигнаціями въ годъ. Платя столь ничтожную сумму, онъ не имѣлъ надобности стѣснять крестьянъ требованіемъ обременительнаго для нихъ оброка за лѣсныя поляны, которыми они пользовались съ давняго времени безоброчно. Источникомъ дохода для этого арендатора служили

Digitized by Google

только поемные луга по рѣкѣ Камѣ, которые онъ сдавалъ по участкамъ мѣщанамъ заштатнаго города Кая и наиболѣе зажиточнымъ крестьянамъ Трушниковской волости. Въ 1841 году оброчная статья переходитъ въ содержаніе самихъ крестьянъ Путейскаго и Нелѣсовскаго обществъ, платящихъ за нее 320 рублей въ годъ. Въ 1844 г. преемникомъ ихъ становится кайскій мѣщанинъ Дмитрій Гуднинъ, съ платою по 332 рубля. Въ вводномъ листѣ, выданномъ ему въ 1845 г., не было показано ни число десятинъ, входящихъ въ составъ оброчной статьи, ни положеніе ея. Вслѣдъ за этимъ начинаются споры крестьянъ съ содержателемъ камской статьи. Послѣдній предъявляетъ претензію на полученіе съ крестьянъ арендной платы за пользованіе починками (лѣсными полянами); крестьяне обязываются къ тому подпиской, но не исполняютъ обязательства, потому что считаютъ починки не входящими въ составъ оброчной статьи. Пререканія между обѣими сторонами не прекращаются во все время аренды Дмитрія Гуднина, продолжавшейся до 1847 г. При новомъ арендаторѣ, крестьянинѣ Трушниковѣ (платившемъ по 339 рублей въ годъ), наступаетъ затишье; арендаторъ никакихъ требованій къ сосѣдямъ-крестьянамъ не предъявляетъ. Въ контрактѣ, заключенномъ съ Трушниковымъ, пространство оброчной статьи опредѣляется попрежнему въ 1846 десятинъ, но въ подробной описи, выданной арендатору, количество земли показано только въ 720 десятинъ съ саженями. Въ 1849 г. мѣстный лѣсничій доноситъ палатѣ государственныхъ имуществъ, что камская оброчная статья заросла во многихъ мѣстахъ порослью и не имѣетъ межевыхъ признаковъ. Это не мѣшаетъ тому же лѣсничему выдать новому (съ 1850 г.) арендатору камской статьи, мѣщанину Ивану Гуднину (сыну Дмитрія), опись, существенно отличную отъ прежней; десятинъ, входящихъ въ составъ оброчной статьи, показано здѣсь уже 991, и въ такихъ, между прочимъ, мѣстахъ, которыя на самомъ дѣлѣ въ пользованіи предшествовавшаго арендатора вовсе не состояли. Крестьяне, очевидно, сохраняютъ за собою фактическое обладаніе землею, которою безпрепятственно

Digitized by Google

пользовались при Трушниковѣ; противъ этого протестуетъ новый арендаторъ, требуя возвращенія хлѣба и сѣна, свезенныхъ крестьянами съ лѣсныхъ полянъ. Между тѣмъ границы оброчной статьи попрежнему остаются неопредѣленными; землемѣръ, еще зимой 1849 — 50 гг. получившій предписаніе возобновить межевые признаки, отказывается, полтора года спустя, подъ неосновательнымъ предлогомъ, отъ исполненія этого порученія, а другой землемѣръ, прибывъ на мѣсто лѣтомъ 1851 г., ничего не предпринимаетъ, вслѣдствіе нежеланія понятыхъ указать границы оброчной статьи. Крестьяне то даютъ подписку о согласіи своемъ платить Гуднину оброкъ, то берутъ назадъ это согласіе; Гуднинъ отказывается, наконецъ, отъ дальнѣйшаго содержанія камской статьи; палата предписываетъ лѣсничему принять ее въ хозяйственное распоряженіе, но лѣсничій, вмѣсто того, возобновляетъ переписку о взысканіи съ крестьянъ. Въ непокорныя деревни является временное отдѣленіе земскаго суда; крестьяне не только отказываются отъ платежа взыскиваемыхъ денегъ, но вынуждаютъ станового пристава, помощника окружного начальника и самого арендатора дать подписку, оправдывающую ихъ образъ дѣйствій. При такомъ положеніи дѣла пріѣзжаетъ на мѣсто Салтыковъ. Изъ разспроса крестьянъ онъ узнаетъ еще новое обстоятельство, объясняющее ихъ «упорство»: въ 1844 г. спорная земля была нарѣзана имъ землемѣромъ по числу душъ, т.-е. предназначена къ включенію въ составъ земельнаго ихъ надѣла. Правда, эта нарѣзка была только предварительною, требовавшею еще утвержденія начальства; но крестьянамъ мало понятны такія юридическія различія, и они настаиваютъ на своемъ, несмотря на всѣ старанія Салтыкова убѣдить ихъ въ необходимости исполненія предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Болѣе уступчивыми крестьяне дѣлаются только тогда, когда трехъ изъ нихъ, считавшихся подстрекателями, берутъ подъ стражу и отсылаютъ въ уѣздный городъ. Арендаторъ, съ своей стороны, соглашается разсрочить взысканіе, даже вовсе отказывается отъ своихъ претензій къ бѣднѣйшимъ крестья-

Digitized by Google

намъ. Дѣло, такимъ образомъ, оканчивается миролюбиво, еще до прибытія вытребованной военной команды.

Заурядный чиновникъ тогдашняго — да и не только тогдашняго — времени счелъ бы свою задачу исполненной и спокойно возвратился бы къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Не такъ отнесся къ дѣлу Салтыковъ. Онъ не только раскрылъ всѣ обстоятельства, вызвавшія «неповиновеніе» крестьянъ, но подумалъ и о томъ, какъ предупредить повтореніе подобныхъ явленій. Вотъ что онъ пишетъ въ концѣ рапорта: «Крестьяне (данной мѣстности) всѣ вообще находятся въ самомъ бѣдномъ положеніи, и хотя и есть между ними довольно зажиточные, но и они кажутся таковыми только сравнительно съ другими, которые не имѣютъ почти никакихъ средствъ къ существованію. Землею на число душъ 8-й ревизіи крестьяне до сихъ поръ не надѣлены; нынѣшній надѣлъ произведенъ еще по генеральному межеванію и тогда, конечно, былъ достаточенъ, но въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селеніяхъ едва-едва приходится на душу отъ двухъ до трехъ десятинъ удобной земли. Это, вѣроятно, и понудило крестьянъ дѣлать въ свободныхъ казенныхъ земляхъ расчистки, которыя впослѣдствіи были введены въ составъ камской оброчной статьи. Земля, находящаяся во владѣніи крестьянъ, самаго посредственнаго качества; хлѣба родятся едва-едва самъ-третій, а бо́льшею частью самъ-другъ и самъ-другъ съ половиной. Сѣнокосовъ хорошихъ нѣтъ вовсе, ибо всѣ крестьянскіе сѣнокосы лежатъ по болотистымъ мѣстамъ, а лучшіе луга, понимаемые весеннимъ разливомъ р. Камы, введены въ составъ оброчной статьи и изъ пользованія крестьянъ изъяты. Само собою разумѣется, что при недостаткѣ луговъ скотоводство крестьянъ находится въ самомъ жалкомъ положеніи, а отъ этого необходимо должно страдать и самое хлѣбопашество. Промыслы, которыми занимаются крестьяне для заработки денегъ, потребныхъ на уплату податей, заключаются въ выработкѣ и поставкѣ угля для сосѣднихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, въ поставкѣ дровъ для солеваренныхъ заводовъ Пермской губерніи и въ занятіи бурлачествомъ по рѣкѣ Камѣ. Вы-

Digitized by Google

годы, пріобрѣтаемыя этими промыслами, такъ незначительны, что вырабатываемыхъ денегъ едва достаточно на уплату государственныхъ податей за семейства, состоящія нерѣдко изъ трехъ и четырехъ душъ при одномъ работникѣ, на прокормленіе самихъ работниковъ во время отсутствія изъ дома и на покупку самыхъ необходимыхъ домашнихъ потребностей, какъ-то соли и пр. Соображая все объясненное выше, я, съ своей стороны, нахожу, что причины, побудившія крестьянъ къ возмущенію, заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ самомъ положеніи крестьянъ, которое, дѣйствительно, представляется столь бѣдственнымъ, что съ перваго взгляда обращаетъ на себя особенное вниманіе, и 2) въ томъ недоразумѣніи, которое возникло между крестьянами отъ неограниченія и неприведенія въ извѣстность камской статьи. Крестьяне, видя, что при одномъ содержателѣ статьи сей въ составъ ея входитъ болѣе, при другомъ — менѣе пространства, легко могли заподозрить въ этомъ дѣлѣ произволъ какъ со стороны содержателя, такъ и со стороны лица, вводившаго его во владѣніе статьею *). Хотя въ настоящее время безпорядки прекращены и бунтовщики приведены въ надлежащее повиновеніе, я не могу, однакоже, не сказать, что, по моему мнѣнію, единственный способъ водворить между крестьянами прочный порядокъ и тишину заключается въ скорѣйшемъ надѣленіи ихъ землею по числу душъ восьмой ревизіи, причемъ, такъ какъ почти всѣ свободныя казенныя земли этого края таковы, что нарѣзка ихъ крестьянамъ нисколько не послужитъ къ улучшенію ихъ быта, а, напротивъ того, потребуетъ отъ нихъ же значительнаго труда и издержекъ, которые могутъ вознаградиться развѣ черезъ весьма долгое время, то я полагалъ бы въ число зе-

*) Въ первоначальномъ наброскѣ бумаги за этими двумя пунктами слѣдовали еще два, впослѣдствіи зачеркнутые Салтыковымъ. Въ одномъ изъ нихъ указывалось на бездѣйствіе палаты государственныхъ имуществъ, ограничивавшейся «отпиской» и ни разу не потрудившейся серьезно вникнуть въ положеніе крестьянъ, а въ другомъ — на заключеніе палатой съ Гудинымъ такого контракта, который свидѣтельствовалъ о совершенномъ ея незнакомствѣ съ предметомъ сдѣлки.

Digitized by Google

мель, предполагаемыхъ къ надѣлу крестьянамъ по восьмой ревизіи, включить и камскую статью, въ полномъ ея составѣ. Тѣмъ болѣе, по мнѣнію моему, предположеніе это заслуживаетъ уваженія, что статья сія составилась изъ лѣсныхъ полянъ, на расчистку которыхъ этими же крестьянами употребленъ не одинъ десятокъ лѣтъ».

Исторія камской оброчной статьи представляетъ прекрасный образчикъ экономическихъ отношеній и служебныхъ нравовъ, съ которыми на каждомъ шагу приходилось встрѣчаться Салтыкову. Съ одной стороны — бѣдность, граничащая съ нищетой, тяжелый трудъ изъ-за насущнаго хлѣба, незнаніе и непониманіе закона; съ другой стороны — бездушное бумагомараніе, игнорированіе самыхъ вопіющихъ народныхъ нуждъ, безконечная канцелярская волокита. Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ учрежденія, завѣдующія государственными имуществами, не могутъ установить съ точностью ни пространства, ни границъ земельнаго участка, нѣсколько разъ переходящаго изъ однѣхъ рукъ въ другія. Содержателю оброчной статьи сдается нѣчто неопредѣленное, безпрестанно измѣняющееся въ объемѣ. Крестьянъ точно дразнятъ, то отнимая, то возвращая необходимую имъ землю, многолѣтнимъ ихъ трудомъ отвоеванную изъ-подъ лѣса. Виноватыми являются, очевидно, не одни только лѣнивые или недобросовѣстные исполнители; значительная доля отвѣтственности падаетъ на систему, при которой двѣнадцатирублевая прибавка къ арендной платѣ признается достаточнымъ основаніемъ къ отобранію земли отъ крестьянскихъ обществъ, не могущихъ существовать безъ нея, и къ передачѣ ея частному лицу, дѣлающему изъ нея предметъ аферы. Эта система пережила эпоху реформъ и поколебалась лишь недавно, когда крестьянскимъ обществамъ предоставлено было преимущественное право на арендованіе свободныхъ казенныхъ земель. Настаивая на передачѣ камской оброчной статьи сосѣднимъ крестьянскимъ обществамъ, Салтыковъ предугадалъ тотъ путь, на который наше законодательство вступило, и то не вполнѣ, только по прошествіи трехъ десятилѣтій. Бумага, написанная

Digitized by Google

Салтыковымъ въ 1852 г., составляетъ какъ бы приступъ къ позднѣйшей борьбѣ противъ крестьянскаго малоземелья. Онъ не побоялся предложить отдачу крестьянамъ именно той земли, изъ-за которой возникли безпорядки. Ему могли сказать, что удовлетвореніе «бунтовщиковъ» было бы равносильно поощренію «бунта», а при его положеніи въ губерніи такое толкованіе его словъ было бы далеко не безопасно. Не останавливаясь передъ личными соображеніями, онъ выразилъ свое мнѣніе съ искренностью и силою, необычными въ до-реформенномъ административномъ мірѣ. Само собою разумѣется, что онъ не скрылъ при этомъ многочисленныхъ упущеній, допущенныхъ въ дѣлѣ о камской оброчной статьѣ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ. Чѣмъ было тогда это вѣдомство въ провинціи — живымъ памятникомъ тому служатъ «Губернскіе Очерки» (припомнимъ «озорника» или «чиновниковъ хозяйственнаго управленія» въ «Непріятномъ посѣщеніи»), а также «Тяжелый годъ» въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ». Герой послѣдняго разсказа, Владиміръ Онуфріевичъ Удодовъ—второй экземпляръ или продолженіе «озорника»—стоитъ во главѣ губернскаго управленія государственными имуществами.

По словамъ г. Михайлова, на статью котораго мы уже ссылались, между вятскими сослуживцами Салтыкова было нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми можно было «по-человѣчески переговорить». Одного изъ нихъ, А. П. Тиховидова, Салтыковъ рекомендовалъ Муравьеву (сыну извѣстнаго министра и генералъ-губернатора), когда послѣдній, уже послѣ возвращенія Салтыкова изъ ссылки, былъ назначенъ вятскимъ губернаторомъ *). Тиховидовъ, окончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ, былъ учителемъ въ вятской гимназіи и преподавалъ, между прочимъ, реторику и пиитику. Замѣтивъ въ Тиховидовѣ выдающіяся способности, Салтыковъ посовѣтовалъ ему оставить преподаваніе «искусства, какъ изъ песку веревку вить», и вступить въ

*) Если вѣрить г. Михайлову, указаніямъ Салтыкова слѣдуетъ приписать бо́льшую часть опредѣленій и увольненій, послѣдовавшихъ въ Вятской губерніи при губернаторѣ Муравьевѣ.

Digitized by Google

гражданскую службу. Тиховидовъ послѣдовалъ этому совѣту и сдѣлался уѣзднымъ судьею, а потомъ совѣтникомъ уголовной палаты. Во всякомъ случаѣ, Тиховидовъ принадлежалъ къ числу исключеній, и исключеній рѣдкихъ. Вятскій чиновный міръ пятидесятыхъ годовъ состоялъ, бо́льшею частью, изъ оригиналовъ портретной галлереи, наполняющей «Губернскіе Очерки». Съ постояннымъ ихъ сосѣдствомъ Салтыковъ примириться никакъ не могъ. Яркую картину настроенія, овладѣвшаго имъ черезъ нѣсколько лѣтъ вятской жизни, мы находимъ въ «Скукѣ» («Губернскіе Очерки», стр. 232). «Когда я ѣхалъ въ Крутогорскъ (т.-е. въ Вятку), то мнѣ казалось, что я долженъ на дѣлѣ принесть хоть частичку той пользы, которую каждый гражданинъ обязанъ положить на алтарь отечества. Думалось мнѣ, что въ самой случайности, бросившей меня въ этотъ край, скрывается своего рода предопредѣленіе... Юношескія мечты, тщетныя мечты!.. Что же я сдѣлалъ, какіе подвиги совершилъ?.. О, провинція! ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!.. Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно суживается? Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль?.. Да, жалко, поистинѣ жалко положеніе молодого человѣка, заброшеннаго въ провинцію! Незамѣтно, мало-по-малу, погружается онъ въ тину мелочей и, увлекаясь легкостью этой жизни, которая не имѣетъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, самъ безсознательно дѣлается молчаливымъ поборникомъ ея. А тамъ подкрадется матушка-лѣнь и такъ крѣпко сожметъ въ своихъ объятіяхъ новобранца, что и очнуться некогда». Эта участь не постигла Салтыкова, но его страшилъ ея призракъ, его мучила мысль о возможности успокоенія и усыпленія. Съ такими будильниками, какъ дѣло о камской оброчной статьѣ, до-реформенный чиновникъ встрѣчался, безъ сомнѣнія, крайне рѣдко; не даромъ же между бумагами Салтыкова нашлась только одна, относящаяся къ его вятской службѣ...

Точекъ опоры для того, чтобы устоять противъ засасываю-

Digitized by Google

щаго дѣйствія провинціальной «тины», Салтыковъ искалъ, повидимому, въ своихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ и въ литературно-научныхъ занятіяхъ. О характерѣ первыхъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно тотъ же очеркъ («Скука»), на который мы только-что ссылались. «Были у меня иныя времена, окружали меня иные люди, все иное! Были глубокія вѣрованія, горячія убѣжденія, была страсть къ добру!.. Гдѣ-то вы, друзья и товарищи моей молодости?.. Помню я долгіе зимніе вечера и наши дружескія, скромныя бесѣды, заходившія далеко за полночь. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое единодушіе надеждъ и мысли оживляло всѣхъ *насъ!* Помню я и тебя, многолюбивый незабвенный другъ и учитель нашъ! Гдѣ ты теперь? Какая желѣзная рука сковала твои уста, изъ которыхъ лились на насъ слова любви и упованія?» Недостатокъ живой бесѣды съ единомышленниками-друзьями Салтыковъ старался пополнить чтеніемъ. Въ его бумагахъ сохранились замѣтки, озаглавленныя: «Объ идеѣ права»; сохранился также приступъ къ біографіи Беккаріи; и то, и другое написано на бланкахъ «совѣтника вятскаго губернскаго правленія». Въ бланкъ, на которомъ начата біографія Беккаріи, вложенъ листъ бумаги съ нѣсколькими выписками изъ этого писателя; къ одной изъ нихъ присоединено возраженіе Салтыкова. «Люди,—говоритъ Беккаріа, — согласились, молчаливымъ контрактомъ, пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальнымъ спокойно и чтобы воздерживать постоянныя усилія отдѣльныхъ лицъ къ возстановленію полной свободы». Нельзя себѣ представить, — замѣчаетъ по этому поводу Салтыковъ, — «чтобы человѣкъ могъ добровольно отказаться отъ части свободы, да и нѣтъ въ томъ никакой необходимости». Замѣтки «объ идеѣ права» также, повидимому, внушены чтеніемъ Беккаріи; но, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, онѣ принадлежатъ, всецѣло или большею частью, самому Салтыкову. Мы приведемъ изъ нихъ все болѣе существенное. Начинаются онѣ указаніемъ на важность сравнительнаго изученія уголовныхъ законовъ, въ которыхъ «отражается, со всѣми ея безобразными или симпатическими сторонами, внутрен-

Digitized by Google

пля и внѣшняя жизнь народовъ. Если нравы народа мягки, если въ сознаніи народномъ живетъ идея правды, то законодатель является не исключительнымъ запретителемъ или равнодушнымъ карателемъ извѣстной категоріи дѣйствій, называемыхъ преступленіями. Спускаясь въ глубочайшіе тайники природы человѣческой, онъ приходитъ если не къ полному признанію ея слабостей и заблужденій, то, по крайней мѣрѣ, къ тому полному любви и снисхожденія взгляду, при которомъ извѣстное дѣйствіе является не столько преступленіемъ, сколько результатомъ ненормальнаго, болѣзненнаго состоянія человѣка. Напротивъ того, если дикость и необузданность составляютъ главную черту народнаго характера, уголовный кодексъ его является полнымъ жестокости и исключительности, принимаетъ формы отрицательныя, не хочетъ имѣть дѣла ни съ побудительными причинами дѣйствій, ни съ ихъ послѣдствіями. Рѣдко случается такъ, что уголовный кодексъ является не продуктомъ народной жизни, а чѣмъ-то случайнымъ, внѣшнимъ, примѣненнымъ къ народу безъ всякой живой съ нимъ связи. Такіе факты никогда не проходятъ даромъ; рано или поздно народъ разобьетъ это Прокустово ложе, которое лишь безполезно мучило его. Какъ бы ни былъ младенчески неразвитъ народъ (а гдѣ же онъ развитъ?), онъ все-таки никогда не хочетъ улечься въ тѣсныя рамки искусственно задуманной административной формы». За этимъ общимъ вступленіемъ,—не лишеннымъ, думается намъ, внутренней связи съ служебнымъ опытомъ Салтыкова *),—идутъ отдѣльныя замѣчанія, изъ которыхъ, повидимому, должно было, впослѣдствіи времени, сложиться нѣчто цѣлое. «Что такое преступленіе? Не есть ли это дѣйствіе воли человѣка, направленное къ увеличенію суммы личнаго благосостоянія, дѣйствіе вполнѣ закон-

*) Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ и совѣтникъ губернскаго правленія часто являлись, въ до-реформенное время, чѣмъ-то въ родѣ судебныхъ слѣдователей по особенно важнымъ дѣламъ. Что Салтыковъ не избѣгъ этой участи — доказательствъ тому въ «Губернскихъ Очеркахъ» немало. Отсюда неизбѣжно проистекало знакомство съ уложеніемъ о наказаніяхъ.

Digitized by Google

ное, если оно направлено такъ, что не приноситъ ущерба другимъ, и преступное, если оно влечетъ этотъ ущербъ»... «Причины, имѣющія вліяніе на мѣру наказанія—образованность, чувствительность, предразсудки касты и т. п.,—такъ неуловимы, что не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. Притомъ въ самой грубой кастѣ могутъ быть исключенія; почему же это исключеніе понесетъ на себѣ инфамію, сопряженную съ идеей всей касты? Поэтому самое лучшее тутъ—обслѣдовать всю жизнь преступника». Чтобы понять мысль Салтыкова объ «инфаміи, сопряженной съ идеей касты», нужно припомнить, что для лицъ непривилегированныхъ сословій наказаніе плетьми и наложеніе клеймъ служило *прибавкой* къ главному наказанію (ссылкѣ въ каторгу или на поселеніе), которому они подвергались наравнѣ съ лицами привилегированными... «Есть преступленія прямо противъ естественнаго права, противъ личности; есть преступленія противъ гражданскаго (искусственнаго) права, но которое такъ срослось съ нами, что принадлежитъ къ первой категоріи (преступленія противъ собственности, противъ чести и т. д.); наконецъ, есть преступленія, принадлежащія исключительно духу времени (политическія). Первыя для всѣхъ запрещены, вторыя—только для тѣхъ, которые достаточно развиты... *Развить это* *). Первыя не требуютъ подробнаго указанія въ законѣ; вторыя и особенно третьи должны быть указаны до мельчайшей подробности». Несмотря на всю отрывочность всѣхъ этихъ вышеприведенныхъ нами замѣчаній, они показываютъ съ достаточною ясностью, въ какомъ направленіи работала мысль Салтыкова. На другомъ листѣ, относящемся, судя по почерку и бумагѣ, приблизительно къ тому же времени, начато, повидимому, разсужденіе о томъ, имѣетъ ли всякій членъ общества право требовать отъ него насущнаго хлѣба. На этотъ вопросъ дается отрицательный отвѣтъ, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя едва ли

*) Этой оговоркой объясняется кажущаяся парадоксальность нѣкоторыхъ изъ числа вышеприведенныхъ замѣтокъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, только съ бѣглыми набросками мыслей, занимавшихъ и волновавшихъ Салтыкова.

Digitized by Google

заключаютъ въ себѣ настоящую мысль автора: «Пусть всякій въ этомъ мірѣ отвѣчаетъ за себя и для себя! Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые считаются лишними на землѣ! Слишкомъ много было бы хлопотъ, если бы нужно было давать хлѣба всѣмъ вопіющимъ о голодѣ!.. Такъ какъ населеніе безпрестанно стремится превзойти средства къ существованію, то милосердіе есть безуміе, есть поощреніе къ нищенству». Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что Салтыковъ хотѣлъ выставить въ самомъ яркомъ свѣтѣ крайности мальтузіанства—и затѣмъ перейти къ его опроверженію... Между бумагами Салтыкова оказалось еще нѣсколько страницъ выписокъ, въ русскомъ переводѣ, изъ Токвиля («De la démocratie en Amérique»), Вивьена («Etudes administratives») и Шерюеля («Histoire de l'administration monarchique en France»), также, кажется, сдѣланныхъ въ Вяткѣ или вскорѣ послѣ выѣзда оттуда. И здѣсь можно найти нѣкоторыя указанія не только на то, что̀ занимало Салтыкова, но и на то, что̀ ему нравилось. Вотъ, напримѣръ, что̀ онъ выписываетъ изъ Токвиля и Вивьена: «Центральная власть, какъ бы ни была просвѣщенна, не можетъ обнять всѣ подробности жизни великаго народа; когда она хочетъ своими средствами управлять многоразличными пружинами народной жизни, она истощается въ безплодныхъ усиліяхъ»... «Предупредительный элементъ ослабляетъ правительство. Оно дѣлается отвѣтственнымъ за все, дѣлается причиною всѣхъ золъ и порождаетъ къ себѣ ненависть. Съ другой стороны, граждане теряютъ всякую самодѣятельность»...

Къ вятскому періоду жизни Салтыкова относится, наконецъ, составленіе для сестеръ Е. А. и А. А. Болтиныхъ, изъ которыхъ одной суждено было сдѣлаться его женою *), «Краткой исторіи Россіи». Написанная, какъ сказано въ заглавіи, по раз-

*) Отецъ Е. А. и А. А. Болтиныхъ былъ вятскимъ вице-губернаторомъ; въ его домѣ Салтыковъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ. «Краткая исторія Россіи» написана Салтыковымъ въ тверской его деревнѣ, куда онъ получилъ позволеніе съѣздить въ 1853 или 1854 г. Онъ присылалъ ее оттуда листами, чтобы напомнить о себѣ своимъ добрымъ знакомымъ.

Digitized by Google

нымъ источникамъ и доведенная до Петра Великаго, она заключаетъ въ себѣ сорокъ довольно мелко исписанныхъ листовъ, и стоила Салтыкову, очевидно, не малаго труда. Характеристичнаго въ ней немного, сходнаго съ будущей «Исторіей одного города»—ровно ничего. Это объясняется, конечно, самымъ назначеніемъ рукописи—служить какъ бы учебникомъ для молодыхъ дѣвушекъ, почти дѣвочекъ. Въ самомъ способѣ изложенія ничто не напоминаетъ позднѣйшую манеру автора. Приведемъ нѣсколько выписокъ только для того, чтобы показать, какъ мало Салтыковскаго въ этомъ юношескомъ произведеніи Салтыкова. «Личность сына Василія Темнаго—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ русской исторіи. Іоаннъ Третій является довершителемъ намѣреній и политики своихъ предковъ, и довершителемъ не только счастливымъ, но и въ высшей степени благоразумнымъ»... «До Ѳодора Іоанновича крестьяне обыкновенно переходили отъ одного помѣщика къ другому. Обыкновеніемъ этимъ болѣе всего пользовались богатые помѣщики, имѣвшіе обширныя земли. Они имѣли всѣ средства принимать крестьянъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели помѣщики бѣдные, и потому земли послѣднихъ почти всегда оставались необработанными. Для пресѣченія этого зла постановлено было, чтобы крестьяне отнынѣ навсегда оставались на тѣхъ земляхъ, на которыхъ застало ихъ царское повелѣніе» (больше о закрѣпощеніи крестьянъ не сказано ни слова)... «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича — сводъ законоположеній по различнымъ частямъ государственнаго управленія, разсмотрѣнный и одобренный выборными чинами изъ всѣхъ сословій. Главнѣйшею мыслью его было равенство суда для всѣхъ лицъ и званій; смягчены были также многія наказанія» (этимъ исчерпывается оцѣнка Уложенія)... «Язвою русскаго государства были старовѣры. Секта эта возникла по случаю исправленія церковныхъ книгъ. Нѣкоторые изъ исправителей издали имѣвшіеся у нихъ въ рукахъ списки не только безъ исправленій, но даже съ ложными толкованіями. Патріархъ Никонъ жестоко преслѣдовалъ такихъ, ересіарховъ и высылалъ ихъ изъ Москвы. Возникла ересь, распространившаяся съ необычайной быстротой. Дерзость старо-

Digitized by Google

вѣровъ дошла до того, что они не усомнились окружить Успенскій соборъ во время патріаршаго служенія и настойчиво требовали публичнаго пренія». Заслуживаетъ вниманія, самъ по себѣ; только взглядъ Салтыкова на Іоанна Грознаго, почти всецѣло совпадающій съ мнѣніемъ Кавелина *). «Ничто не укрывалось отъ взора Іоанна,—говоритъ Салтыковъ, характеризуя лучшую эпоху его царствованія (1547—60);—вездѣ, во всѣхъ принятыхъ мѣрахъ, видно непосредственное участіе его, всѣ онѣ отмѣчены его геніемъ». Грозному царю ставится въ заслугу борьба съ боярствомъ, въ особенности на почвѣ мѣстнаго управленія; упоминается объ учрежденіи судныхъ старостъ и цѣловальниковъ, призванныхъ къ тому, «чтобы лишить областныхъ правителей возможности грабить народъ». Съ этой же точки зрѣнія одобряется значеніе, данное дьякамъ, а также введеніе въ думу «начала личныхъ заслугъ», установленіемъ званія думныхъ дворянъ. Перемѣна, происшедшая въ Іоаннѣ, объясняется «тѣми неудачами, тѣмъ постояннымъ противодѣйствіемъ, которое Іоаннъ встрѣчалъ со стороны всѣхъ окружавшихъ его для приведенія въ исполненіе своихъ реформъ». Упрекъ въ корыстолюбіи, въ «непониманіи государственныхъ интересовъ» распространяется и на тѣхъ «незнатныхъ людей», которыми Іоаннъ думалъ замѣнить бояръ. Россія—таково заключеніе автора—«была еще недовольно развита» для реформъ, задуманныхъ Іоанномъ. Даже учрежденіе опричнины оправдывается тѣмъ, что оно, «повидимому, имѣло цѣлью осуществленіе давней мысли Іоанна: создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество». Неудачу опричнины Салтыковъ приписываетъ опять-таки «недостаточной развитости» Россіи; люди, которыхъ Іоаннъ удостоивалъ своею довѣренностью, отнюдь не оправдывали ея, а, на-

*) Мнѣніе Кавелина объ Іоаннѣ Грозномъ было выражено въ статьѣ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи». Эта статья, впослѣдствіи вошедшая въ составъ «Сочиненій» Кавелина (изд. 1859 г., т. I; смотри въ особенности стр. 355—363), была напечатана въ «Современникѣ» 1847 г. и, слѣдовательно, была извѣстна Салтыкову, который несомнѣнно руководствовался ею.

Digitized by Google

противъ того, употребляли ее во зло, возмущая душу царя разными навѣтами и клеветами». О злодѣйствахъ Іоанна Салтыковъ не говоритъ почти вовсе, щадя, можетъ-быть, чувствительность своихъ ученицъ, а можетъ-быть—и репутацію своего любимца. Чѣмъ вызывалось снисходительное отношеніе Салтыкова къ Іоанну Грозному—это, въ виду приведенныхъ нами выписокъ, не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Салтыкову, какъ и Кавелину, было симпатично общее направленіе внутреннихъ реформъ грознаго царя.

Насталъ, наконецъ, моментъ освобожденія Салтыкова изъ семилѣтняго вятскаго плѣна. Снятіемъ съ него полицейскаго надзора онъ былъ обязанъ, по словамъ г. Михайлова, новому вятскому губернатору, Ланскому. Вскорѣ послѣ того, 12 февраля 1856 г., онъ былъ уволенъ отъ должности совѣтника вятскаго губернскаго правленія, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Выѣхалъ онъ изъ Вятки еще раньше, въ ноябрѣ, «по первому снѣгу» («Губернскіе Очерки», «Дорога», стр. 479). «Я оставляю Крутогорскъ окончательно, — пишетъ Салтыковъ въ той же «Дорогѣ»;—передо мною растворяются двери новой жизни, той полной жизни, о которой я мечталъ, къ которой устремлялся всѣми силами души своей... И между тѣмъ внутри меня совершается странное явленіе. Я слышу, я чувствую, что какое-то неизъяснимое, тайное горе сосетъ мое сердце... Я огорченъ, я подавленъ и уничтоженъ... Мнѣ кажется, что меня тяжело оскорбили, что внезапно погибло все, что я любилъ, чѣмъ былъ счастливъ, что я неожиданно очутился одинъ, отторгнутый отъ всего живого... Ужели я въ Крутогорскѣ оставилъ часть самого себя? Да! не могъ же я жить даромъ столько лѣтъ, не могъ не оставить послѣ себя никакого слѣда! И безсознательная былинка не живетъ даромъ, и та своей жизнью, хоть незамѣтно, но непремѣнно воздѣйствуетъ на окружающую природу... ужели же я ниже, ничтожнѣе этой былинки? Или, быть-можетъ, я сожалѣю о напрасно прожитыхъ лучшихъ годахъ моей жизни? Быть-можетъ, ржавчина привычки до того пронизала мое сердце, что я боюсь перемѣны жизни, которая предстоитъ мнѣ? И въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ, что ждетъ меня впереди? Новыя борьбы, новыя хлопоты, новыя искательства? А я такъ усталъ уже, такъ разбитъ жизнью, какъ разбита почтовая лошадь ежечасною ѣздою по каменистой дорогѣ! И не то чтобъ я, въ самомъ дѣлѣ, много жилъ, много извѣдалъ, много выстрадалъ... Нѣтъ, я чувствую, что въ этомъ отношеніи я еще свѣжъ и непороченъ, какъ дѣвственница, и между тѣмъ сознаю, что душа моя дѣйствительно огрубѣла, а въ сердцѣ царствуетъ преступная вялость. Ужели же я погибну, не живши?—спрашиваю я себя, и вдругъ чувствую нестерпимый приливъ крови въ жилахъ. Мнѣ хочется бѣжать, бѣжать, кричать, кричать... Но вмѣстѣ съ тѣмъ я, какъ выздоравливающій больной, ощущаю, что мнѣ сильный моціонъ не по силамъ, что одно желаніе моціона порождаетъ уже разслабленіе и усталость во всѣхъ моихъ членахъ»...

«Выздоровленіе» Салтыкова совершилось, какъ извѣстно, весьма быстро — или, лучше сказать, самая болѣзнь его была только кажущаяся. Представимъ себѣ богатыря, много лѣтъ просидѣвшаго со связанными руками, въ небольшой тюремной кельѣ. Внезапно освобожденный, онъ не сразу чувствуетъ въ себѣ присутствіе дремавшей силы; пройдетъ нѣсколько времени, прежде чѣмъ онъ расправитъ могучія руки и опять двинется впередъ исполинскими шагами. У Салтыкова переходный періодъ былъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что судьба бросила его въ Вятку молодымъ, едва испробовавшимъ свое дарованіе и наклоннымъ, какъ мы уже видѣли, къ сомнѣнію въ самомъ себѣ. Въ центрѣ Россіи, куда онъ возвращался, многое, вдобавокъ, перемѣнилось; наступила другая эпоха, пока заявившая себя, по позднѣйшему выраженію Салтыкова, только «замѣной мундирныхъ фраковъ мундирными полукафтанами», но обѣщавшая нѣчто иное, гораздо бо́льшее... Салтыкову снилась въ дорогѣ погребальная процессія «прошлыхъ временъ»; но въ голосѣ того, кто объяснялъ ему ея значеніе, слышалась «болѣзненная иронія». Надежды на будущее смѣшивались съ опасеніями, основанными на близкомъ знакомствѣ съ прошедшимъ,—прошедшимъ, олицетвореніемъ котораго служилъ для Салтыкова чиновный Крутогорскъ.

Digitized by Google

За чиновнымъ, офиціальнымъ Крутогорскомъ разстилался, однако, цѣлый крутогорскій край, «далекій и никѣмъ нетронутый, просторный и простодушный» (см. Введеніе къ «Губернскимъ Очеркамъ»). Этотъ край былъ милъ Салтыкову; о немъ онъ жалѣлъ, даже вырываясь на волю. Здѣсь Салтыковъ въ первый разъ почувствовалъ свою близость къ той «пошехонской *странѣ*», которая оставалась ему «родственной и достолюбезной» до самой смерти. «Дороги мнѣ и зыбучіе ея пески, и болота, и хвойные лѣса; но въ особенности милъ населяющій ее людъ, простодушный, смирный, слегка унылый, или, лучше сказать, какъ бы задумавшійся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи. Бѣдная эта страна—ее надо любить» *). Эти слова написаны почти тридцать лѣтъ спустя послѣ возвращенія Салтыкова изъ ссылки; но основная ихъ нота звучитъ уже въ «Губернскихъ Очеркахъ». Она запала въ душу Салтыкова еще въ его «Крутогорскѣ».

II.

12-го февраля 1856 — 28-го апрѣля 1889.

Въ 1856 году надворный совѣтникъ Салтыковъ былъ переведенъ изъ Вятки въ Петербургъ, и въ томъ же году «надворный совѣтникъ Щедринъ» помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» первые изъ своихъ «Губернскихъ Очерковъ», сразу доставившихъ ему громкую извѣстность. Къ тому же году относится и женитьба Салтыкова на Е. А. Болтиной, такъ что этотъ годъ во всѣхъ отношеніяхъ представляется поворотнымъ пунктомъ въ жизни нашего писателя.

Сначала причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Салтыковъ вскорѣ (20-го іюня 1856 года) былъ назначенъ, въ томъ же министерствѣ, исправляющимъ должность чиновника особыхъ порученій VI-го класса. Еще раньше (12-го мая) на него было возложено составленіе свода распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, касающихся войны 1853—56 года.

*) «Пошехонскіе разсказы», т. VII, стр. 454 (изд. 1889 г.).

Digitized by Google

5-го августа онъ былъ командированъ въ губерніи Тверскую и Владимірскую, для обозрѣнія на мѣстѣ письменнаго дѣлопроизводства губернскихъ комитетовъ ополченія. Результатомъ этихъ порученій явилась обширная записка о государственномъ ополченіи, черновая рукопись которой сохранилась въ бумагахъ Салтыкова. Изложивъ, въ главныхъ чертахъ, содержаніе положенія о государственномъ ополченіи, Высочайше утвержденнаго 29-го января 1855 года, Салтыковъ переходитъ къ главной своей задачѣ—къ обозрѣнію распоряженій, состоявшихся въ дополненіе и поясненіе положенія о государственномъ ополченіи, а также способа исполненія этихъ распоряженій. Онъ говоритъ сначала объ инспекторской части (т. е. о численномъ составѣ ополченія и о назначеніи начальствующихъ лицъ), потомъ о хозяйственной части, о врачебной части и, наконецъ, о роспускѣ ополченія. Въ отдѣлѣ, посвященномъ инспекторской части, нѣкоторый интересъ представляютъ, въ настоящее время, лишь немногіе факты, относящіеся къ избранію офицеровъ ополченія. Во Владимірской губерніи допущена была, вопреки закону, замѣна однихъ лицъ другими, по добровольному между ними соглашенію, т. е., какъ выражается Салтыковъ, нѣчто въ родѣ личнаго найма. Въ Московской губерніи половина офицеровъ оказалась набранною изъ отставныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ зазорнаго поведенія, недостойныхъ офицерскаго званія. Виновниками такого набора были признаны нѣкоторые уѣздные предводители дворянства, оставшіеся вполнѣ равнодушными къ устройству ополченія. Офицеры, избранные въ тверское ополченіе, наполовину не явились къ своимъ мѣстамъ, вслѣдствіе чего пришлось грозить имъ преданіемъ военному суду. О неблагонадежности нѣкоторыхъ офицеровъ ярославскаго и костромского ополченій понадобилось произвести слѣдствіе. Переходя къ обзору хозяйственной части, Салтыковъ замѣчаетъ, прежде всего, что губернскіе комитеты ополченія, въ составъ которыхъ, вмѣстѣ съ высшими должностными лицами губерніи, входили и представители сословій,—обмундировали ополченіе, въ большинствѣ случаевъ, не только весьма дорого, но и весьма недоброкачественно. Покупка сукна и другихъ

Digitized by Google

принадлежностей для незатѣйливаго костюма ополченцевъ производилась, большею частью, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, особо командированными чиновниками или комиссіонерами, что влекло за собою усиленный расходъ и на прогоны, и на провозъ матеріала. Въ Калужской губерніи обмундировка ратниковъ оказалась дурною, сапоги—сдѣланными изъ конины, а подошвы—изъ лубковъ; нѣчто подобное было найдено и при осмотрѣ костромского ополченія. Вообще слухи о дѣйствіяхъ губернскихъ комитетовъ были таковы, что для ихъ провѣрки министерство внутреннихъ дѣлъ нашлось вынужденнымъ командировать въ нѣкоторыя губерніи особыхъ чиновниковъ. Результатомъ этой мѣры явилось обнаруженіе многихъ злоупотребленій или, по меньшей мѣрѣ, крайней нераспорядительности, особенно по Саратовской губерніи. Въ Тверской губерніи комитетъ ополченія постановилъ, въ предупрежденіе возвышенія цѣнъ, неизбѣжнаго при общемъ заподрядѣ, произвести заготовку одежды въ каждомъ уѣздѣ отдѣльно, черезъ посредство уѣздныхъ предводителей; но вслѣдъ за этимъ большинство предводителей (участвовавшихъ въ постановленіи комитета), а также тверская палата государственныхъ имуществъ, сдали заготовку одному и тому же лицу—купцу Ветошкину. За обмундированіе каждаго ратника Ветошкину платилось 14 руб. 22 коп., между тѣмъ какъ за тѣ же вещи для кадровыхъ нижнихъ чиновъ тотъ же Ветошкинъ, въ то же самое время, получалъ по 9 р. 95½ к., т. е. почти въ полтора раза меньше. А эта послѣдняя цѣна была назначена комиссаріатскимъ департаментомъ, репутація котораго, какъ охранителя казенныхъ интересовъ, слишкомъ хорошо извѣстна. Затѣмъ губернскій комитетъ вообще—и предсѣдатель его, губернаторъ, въ особенности—являются ревностными защитниками Ветошкина. Для разбора жалобъ на Ветошкина, приносимыхъ начальникомъ осташковской дружины, посылаются губернаторомъ комиссіи, оправдывающія подрядчика; въ концѣ концовъ, губернаторъ отвѣчаетъ начальнику дружины, что назначеніе новой комиссіи, въ виду безрезультатности прежнихъ, представляется ненужнымъ. Начальникъ одной изъ кашинскихъ дружинъ отказывается принять ополченскіе ар-

Digitized by Google

мяки, какъ сдѣланные изъ коровьей шерсти; губернаторъ отвѣчаетъ, что это быть не можетъ, потому что армяки сдѣланы изъ армейскаго сукна (доказаннымъ, другими словами, признается именно то, что̀ еще слѣдовало доказать). Начальникъ бѣжецкой дружины доноситъ, что полушубки для кадровыхъ нижнихъ чиновъ сдѣланы не изъ русскихъ, а изъ ордынскихъ овчинъ; губернаторъ отвѣчаетъ, что ордынскія овчины — тѣ же русскія. Нѣчто подобное происходитъ и во Владимірской губерніи, гдѣ обмундировку всего ополченія беретъ на себя, безъ торговъ, купецъ Никитинъ, городской голова и членъ губернскаго комитета ополченія. Цѣны, ему платимыя, также превышаютъ въ полтора раза цѣнность обмундированія мѣстныхъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ... Въ снаряженіи ополченія злоупотребленій было меньше, потому что максимальныя цѣны были назначены здѣсь комиссаріатскимъ департаментомъ. Вотъ, однако, что̀ мы читаемъ въ запискѣ Салтыкова о подвигахъ все того же тверского купца Ветошкина. Начальникъ новоторжской дружины доноситъ, что поставленные Ветошкинымъ ранцы и патронташи негодны; губернаторъ отвѣчаетъ, что они сдѣланы въ Москвѣ, и подрядчикъ долженъ былъ принять ихъ тамъ въ настоящемъ ихъ видѣ, изъ опасенія ничего не получить. Начальникъ корчевской дружины сообщаетъ, что дерево на патронныхъ ящикахъ дало щели и краска отстала; губернаторъ предлагаетъ начальнику дружины задѣлать щели и окрасить ящики на счетъ экономическихъ суммъ дружины. Начальникъ бѣжецкой дружины доноситъ, что патронные ящики не имѣютъ замковъ и лопасти для штыковыхъ ножень сдѣланы изъ горѣлой кожи. Губернаторъ отвѣчаетъ, что замки нужно изготовить на счетъ экономическихъ суммъ дружины, а лопасти слѣдуетъ принять, потому что онѣ были свидѣтельствованы комитетомъ и найдены хорошими... По врачебной части достаточно отмѣтить слѣдующее общее заключеніе Салтыкова: «несмотря на принятыя правительствомъ мѣры, врачебная часть въ ополченіи почти не существовала».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ нѣкоторыми закулисными сторонами снаряженія и обмундированія ополченскихъ

Digitized by Google

дружинъ Салтыковъ имѣлъ случай познакомиться еще въ Вяткѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть «Тяжелый годъ», написанный во время послѣдней восточной войны, но относящійся къ эпохѣ крымской кампаніи («Благонамѣренныя рѣчи», т. V, стр. 590, изд. 1889 г.). Мы видимъ здѣсь картину захолустья, въ верхнихъ слояхъ котораго народное бѣдствіе отражается все бо́льшимъ и бо́льшимъ обостреніемъ хищническихъ аппетитовъ. Пока дѣло ограничивается учащенными рекрутскими наборами, около него хлопочутъ и грѣютъ руки предсѣдатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, командиръ батальона внутренней стражи, совѣтникъ ревизскаго отдѣленія; когда приходитъ вѣсть о созывѣ государственнаго ополченія, движеніе захватываетъ самого губернскаго «патріарха», до тѣхъ поръ довольствовавшагося добровольными даяніями, въ видѣ рыбы, икры, миндалю, изюму и т. п. «Патріархъ прозрѣлъ окончательно. Прежде всего его поразила цифра. Всего, всего тутъ было много: и холста, и сукна, и сапожныхъ подметокъ, не говоря уже о людяхъ. Ядреная, вкусная, сочная, эта цифра разомъ разрѣшила связывавшія его узы.—Ни безпокойныхъ людей, ни критиковъ я не потерплю,—сказалъ онъ.—Критики вообще вредны, а у насъ въ особенности. Государство у насъ обширное, а потому и операціи въ немъ обширныя. И притомъ въ самоскорѣйшемъ времени. Слѣдовательно, если выслушивать критики, то для одного разсмотрѣнія ихъ придется учредить особую комиссію (припомнимъ мнѣніе тверского губернатора о безполезности комиссій). А ополченіе тѣмъ временемъ будетъ безъ сапогъ (припомнимъ, почему начальнику новоторжской дружины рекомендовалось принять никуда негодные ранцы и патронташи). Не критиковать надобно, а памятовать, что въ мірѣ все подвержено тлѣнію, а амуничныя вещи въ особенности. Одинъ ратницкій сапогъ дойдетъ до Севастополя, другой — до первой станціи (припомнимъ калужскія подметки изъ лубковъ). Никакая критика въ этомъ не поможетъ, потому что достоинство сапога зависитъ не отъ критики, а отъ сапожника. Законъ это предвидѣлъ, и потому ни въ какомъ вѣдомствѣ критика не устано-

Digitized by Google

внлъ». Правда, вожделѣнія крутогорскаго «патріарха» остались втунѣ, но это произошло совершенно независимо отъ его воли, просто потому, что нашелся другой хищникъ, болѣе смѣлый и болѣе ловкій (управляющій палатой государственныхъ имуществъ). «Неслыханнѣйшая оргія взволновала нашъ скромный городъ. Весь мало-мальски смышленый людъ заволновался. Всякій спѣшилъ какъ-нибудь поближе пріютиться около пирога, чтобы нѣчто урвать, утаить, ушить, укроить и вообще, по силѣ возможности, накласть въ загорбокъ любезному отечеству. Лица вытянулись, глаза помутились, уста оскалились. Нашъ тихій городъ словно ошалѣлъ. Обѣды, балы слѣдовали другъ за другомъ, съ патріотическими тостами, съ пѣніемъ моднаго тогдашняго романса о воеводѣ Пальмерстонѣ. Безсознательно, но, тѣмъ не менѣе, безпощадно, отечество продавалось всюду и за всякую цѣну. Кто не могъ ничего урвать, тотъ продавалъ самого себя. Все, что было въ присутственныхъ мѣстахъ пьяненькаго, неспособнаго, лѣниваго, — все потянулась въ ополченіе» (припомнимъ «личный наемъ» — во владимірскомъ ополченіи, составъ офицеровъ — въ московскомъ). Какъ глубоко запало въ душу Салтыкова печальное зрѣлище толпы, эксплоатирующей государственную невзгоду, объ этомъ можно судить и по слѣдующему отрывку изъ «Отголосковъ», также написанному во время послѣдней восточной войны («Въ средѣ умѣренности и аккуратности», т. III, стр. 483, изд. 1889 г.): «Я помню очень многое, и, между прочимъ, 1853—55 годы. Помню ликующихъ жуликовъ, помню людей, одолѣваемыхъ простымъ долгоязычіемъ, и людей, пользовавшихся долгоязычіемъ какъ подходящимъ средствомъ, чтобы запускать руку въ карманъ ближняго или казны. Мало того: я помню, что этихъ людей называли тогда благонамѣренными, несмотря на то, что ихъ лганье было шито бѣлыми нитками. И что всего ужаснѣе: не только не представлялось возможности обличить ихъ, но даже устраниться, уйти отъ нихъ было нельзя»... На ловца, гласитъ поговорка, и звѣрь бѣжитъ; первое порученіе, данное Салтыкову по возвращеніи его изъ ссылки, показало ему наглядно, что «крутогорскіе» обычаи и нравы существуютъ повсемѣстно; что

Digitized by Google

«дворянскія» губерніи ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не отличаются отъ «не-дворянскихъ». Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это усилило интенсивность щедринской сатиры. Печатая «Губернскіе Очерки», Салтыковъ не только догадывался — онъ *зналъ*, что ведетъ борьбу съ общимъ всероссійскимъ зломъ, глубоко проникшимъ въ чиновную и сословную почву.

Кромѣ свода распоряженій по призыву государственнаго ополченія, въ послужномъ спискѣ Салтыкова упомянуто только одно занятіе, возложенное на него (въ октябрѣ 1856 года), какъ на чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *): это—составленіе предположеній объ улучшеніи устройства земскихъ повинностей. Въ чемъ состояли эти предположенія—мы не знаемъ. На самомъ дѣлѣ, Салтыковъ исполнялъ, по всей вѣроятности, и другія служебныя работы. Между его бумагами нашлась черновая записка объ устройствѣ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ, относящаяся, очевидно, именно ко времени бытности его чиновникомъ особыхъ порученій. Основная мысль этой записки, написанной отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, заключается въ томъ, что понужденіе помѣщиковъ западнаго края къ постройкѣ или исправленію православныхъ храмовъ было бы несовмѣстно съ достоинствомъ правительства и православной церкви; увеличеніе числа храмовъ и приведеніе ихъ въ надлежащій видъ можетъ быть достигнуто только воззваніемъ къ добровольнымъ жертвователямъ изъ среды всего православнаго народа и устройствомъ, для сбора пожертвованій и распоряженія ими, особаго общества, съ центральнымъ управленіемъ въ Петербургѣ и отдѣленіями въ Москвѣ и во всѣхъ губернскихъ городахъ имперіи. Гораздо болѣе обширна и болѣе замѣчательна другая служебная записка, также сохранившаяся въ бумагахъ Салтыкова: объ устройствѣ градскихъ и земскихъ полицій. Съ содержаніемъ ея необходимо познакомиться подробно.

«Въ Россіи, — такъ начинаетъ Салтыковъ, — *благотворное* дѣйствіе полиціи почти незамѣтно; что касается до ея злоупо-

*) Онъ былъ утвержденъ въ этой должности 6-го ноября 1857 г.

Digitized by Google

требленій и сопряженныхъ съ всеобщимъ ущербомъ вмѣшательствъ въ частные интересы, то они не только замѣтны, но оставляютъ по себѣ несомнѣнно весьма вредное впечатлѣніе. Всякій, кто не праздно жилъ въ провинціи и всматривался въ окружающія явленія, безъ труда пойметъ справедливость этого замѣчанія. Въ провинціи существуетъ не *дѣйствіе*, а произволъ полицейской власти, совершенно убѣжденной, что не она существуетъ для народа, а народъ для нея». Послѣ этого характеристичнаго вступленія, иллюстраціей которому можетъ служить любая страница «Губернскихъ Очерковъ», Салтыковъ подчеркиваетъ различіе между полиціей въ обширномъ смыслѣ, обнимающей собою всю сумму дѣйствія центральной власти на народъ, и полиціей въ тѣсномъ смыслѣ, составляющей особую отрасль государственной администраціи. Понимаемая въ обширномъ смыслѣ, полиція не поддается точному опредѣленію; она стремится подчинять себѣ всякое проявленіе жизни и не признаетъ законности ни въ чемъ, развивающемся самобытно. Понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, полиція имѣетъ задачей преслѣдованіе правонарушеній, въ сферѣ государственной, общественной и частной; ея характеръ — чисто репрессивный: она не заслоняетъ собою самобытной дѣятельности гражданъ, а, напротивъ, является къ ней на помощь, въ особенности если осуществленіе дѣйствія полиціи возложено на самихъ гражданъ. Область полицейской власти расширяется тамъ, гдѣ господствуетъ централизація, суживается тамъ, гдѣ преобладаетъ противоположное начало. Въ поясненіе этой мысли Салтыковъ ссылается на примѣръ Франціи и Англіи. Во Франціи правительство постоянно стремилось подчинить своему вліянію какъ частные, такъ и общинные интересы народа. «Это не помѣшало ей, однакоже, въ теченіе 60 лѣтъ, волноваться революціями. Мало того: можно безъ преувеличенія сказать, что централизація власти весьма сильно способствовала тому волненію умовъ, которое и донынѣ во Франціи не прекращается. Въ Англіи, гдѣ правительство ограничивается наблюденіемъ народной жизни, государственный организмъ развивается безъ всякихъ потрясеній».

Digitized by Google

Могутъ возразить, что это объясняется развитіемъ въ англійскомъ народѣ чувства законности и консерватизма. Но чѣмъ же воспиталось это чувство? Не тѣмъ ли, что народъ всегда сознавалъ свою личность, свое право, что онъ никогда не былъ тѣмъ бездушнымъ и безсмысленнымъ субъектомъ, который правительство могло гнуть въ ту или другую сторону по усмотрѣнію? «Азбука всякой системы администраціи, — продолжаетъ Салтыковъ,—гласитъ, что предметомъ ея должно быть благо народное. Но понятіе объ этомъ благѣ, особливо въ государствахъ обширныхъ, весьма относительно и измѣняется сообразно съ условіями мѣстности, обычаевъ и т. д. Претензія подчинить всѣ мѣстности однимъ и тѣмъ же началамъ не значила ли бы то же, что уложить всѣ личности на Прокустово ложе?» Въ особенности сильно значеніе мѣстнаго элемента проявляется въ обсужденіи интересовъ «земства» *), составляющихъ плоть и кровь мѣстности, касающихся каждаго ея обитателя. Правительство, по мнѣнію Салтыкова, не имѣетъ надобности навязывать земству такіе-то и такіе-то интересы, а не тѣ, которые стоятъ на первомъ планѣ у самаго земства. Задача правительства ограничивается согласованіемъ мѣстныхъ интересовъ съ общегосударственными. Разительный примѣръ преобладанія центральной власти въ дѣлахъ чисто домашняго свойства представляетъ наше законодательство по вопросу о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя. Это переложеніе допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей центральной власти. Почему? Потому, что правительству извѣстна наклонность бюрократіи выискивать во вся-

*) Выраженіе *земство* можетъ возбудить мысль, что излагаемая нами записка Салтыкова составлена уже послѣ введенія земскимъ учрежденій. Опроверженіемъ этой мысли служитъ все содержаніе записки. Понятіе о *земствѣ* существовало у насъ и тогда, когда не было еще рѣчи о земскихъ учрежденіяхъ. Въ упомянутой выше запискѣ Салтыкова о православныхъ храмахъ въ западныхъ губерніяхъ идетъ рѣчь о *земствѣ* этихъ губерній, въ которыхъ, какъ извѣстно, земскихъ учрежденій никогда не было и нѣтъ въ настоящее время.

Digitized by Google

комъ предписаніи закона такую сторону, которая давала бы пищу для злоупотребленій, а злоупотребленіямъ денежная повинность поддается еще легче, чѣмъ натуральная. Въ бытность Салтыкова, въ 1854 г., въ Пермской губерніи (по дѣламъ службы), онъ имѣлъ случай удостовѣриться, что сборъ съ казенныхъ крестьянъ денегъ на отправленіе ямской гоньбы, взамѣнъ натуральной повинности, простирался, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, до ужасной цифры 90 коп. сер. съ души *) — и за всѣмъ тѣмъ лошади все-таки выставлялись натурой, потому что подрядчикъ, пользуясь покровительствомъ начальства, содержалъ количество лошадей недостаточное. Гдѣ же, однако, источникъ подобныхъ явленій? Не въ томъ ли, что чиновники совершенно чужды интересамъ земства, на которое они смотрятъ какъ на pays conquis, какъ на средство покормиться? Совсѣмъ иной оборотъ приняло бы дѣло, если бы забота о лучшемъ устройствѣ интересовъ земства лежала на немъ самомъ. Оно было бы заинтересовано въ бережливомъ отношеніи къ собственнымъ силамъ, а излишняя бережливость или скупость могла бы быть предупреждена вмѣшательствомъ центральной власти. «Какая, напримѣръ, надобность требовать въ Вятской губерніи, чтобы земскія лошади имѣли не менѣе 2 арш. 2 вер. роста, если мѣстная порода лошадей, славящаяся во всей имперіи своею крѣпостью и выносливостью, представляетъ такой ростъ лишь какъ исключеніе? И отчего сотскій или разсыльный земскаго суда или окружного начальника, и даже сами эти вельможи, не могутъ ѣхать въ легкомъ плетеномъ тарантасикѣ, имѣющемся у каждаго крестьянина, а должны трястись въ обширной телѣгѣ, окрашенной зеленою краскою?.. Какая существенная надобность государству знать, какъ я хозяйствую у себя, дома, если я въ точности исполняю всѣ обязанности, лежащія на мнѣ какъ на гражданинѣ? То же замѣчаніе въ такой же

*) Чтобы понять значеніе этой дѣйствительно «ужасной» цифры, необходимо припомнить, что бо́льшею частью ее не превышаетъ теперешній земскій сборъ, удовлетворяющій столь многочисленнымъ и разнообразнымъ потребностямъ крестьянскаго населенія.

Digitized by Google

степени вѣрно и по отношенію къ земству, съ тою только разницей, что хозяйство послѣдняго происходитъ, такъ сказать, при открытыхъ дверяхъ, и слѣдовательно не только правительству, но и всякому частному человѣку представляется полная возможность контроля»... Дальше Салтыковъ перечисляетъ главныя неудобства административной централизаціи. Первое изъ нихъ — солидарность между высшимъ правительствомъ и его агентами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между министромъ внутреннихъ дѣлъ и какимъ-нибудь становымъ приставомъ нѣтъ ничего общаго. Отсюда безпрестанныя жалобы на правительство, которое будто бы не имѣетъ надзора за своими агентами, будто бы не преслѣдуетъ злоупотребленій и не печется объ искорененіи ихъ. Второе неудобство централизаціи заключается въ томъ, что она какъ бы стираетъ всѣ личности, составляющія государство. Вмѣшиваясь во всѣ мелочныя отправленія народной жизни, принимая на себя регламентацію частныхъ интересовъ, правительство тѣмъ самымъ какъ бы освобождаетъ гражданъ отъ всякой самобытной дѣятельности. Третьимъ неудобствомъ централизаціи Салтыковъ признаетъ обусловливаемое ею «существованіе массы чиновниковъ, чуждыхъ населенію и по духу, и по стремленіямъ, не связанныхъ съ ними никакими общими интересами, безсильныхъ на добро, но въ области зла являющихся страшной, разъѣдающей силой. Гарантіей противъ злоупотребленій не можетъ служить даже матеріальная обезпеченность чиновниковъ. Многіе ли изъ губернаторовъ, напримѣръ, не пользуются такъ-называемыми безгрѣшными доходами? Положительно можно сказать, что такіе губернаторы извѣстны по имени не только правительству, но и всей Россіи. Важно не содержаніе — важенъ произволъ, который слѣдуетъ, но нельзя обуздать, пока въ государствѣ существуетъ особый видъ пролетаріата, носящій официальное имя чиновничествъ». Четвертое зло, производимое централизаціей, есть то невѣдѣніе народныхъ нуждъ, въ которое она погружаетъ правительство. «Рапорты о благополучіи» — необходимая принадлежность чиновничества, чуждаго населенію и равнодушнаго къ его потреб-

Digitized by Google

ностямъ. Исключеніе дѣлается только для тѣхъ предметовъ, которые, какъ извѣстно чиновникамъ, обращаютъ на себя особое вниманіе правительства. Примѣръ: раскольники. Въ отношеніи къ этимъ предметамъ все «неблагополучно». «Пишутся донесенія, отъ чтенія которыхъ становится страшно: подумаешь, что пробилъ послѣдній часъ для государства. А ларчикъ открывается весьма просто: чиновнику нужно отличиться — онъ описываетъ все какъ ему хочется».

Покончивъ съ централизаціей, «составляющей въ настоящемъ дѣлѣ главный вопросъ», Салтыковъ переходитъ къ слѣдующимъ вопросамъ «второстепенной важности»: 1) должно ли устройство полиціи быть коллегіальнымъ; 2) слѣдуетъ ли подвергать агентовъ полиціи какимъ-либо требованіямъ и испытаніямъ въ отношеніи къ способностямъ ихъ и знанію дѣла; 3) возможно ли допустить въ самомъ духѣ полицейскихъ учрежденій элементъ предупредительный, или же слѣдуетъ дать ихъ дѣйствіямъ исключительно репрессивный характеръ, и 4) какія должны быть самыя формы, въ которыхъ имѣетъ проявляться дѣйствіе полиціи? *По первому вопросу*, Салтыковъ находитъ, что и коллегія, и единоличная власть имѣютъ свои выгоды и свои невыгоды. Самая лучшая система — та, которая соединяетъ хорошія стороны обоихъ порядковъ; но такое соединеніе возможно только при децентрализаціи, когда коллегія является принадлежностью земства, а принципъ единаго агента — принадлежностью центральной власти. *По второму вопросу*, Салтыковъ признаетъ необходимымъ и теоретическое, и практическое испытаніе полицейскихъ чиновниковъ. Замѣною теоретическаго испытанія служитъ дипломъ учебнаго заведенія; степени образованія, удостовѣряемой дипломомъ, должно соотвѣтствовать и право на полученіе той или другой должности въ административной іерархіи. Обойтись безъ теоретической подготовки могутъ только низшіе полицейскіе чиновники. Практическимъ испытаніемъ должна быть безвозмездная служба, ограниченная опредѣленнымъ срокомъ. Чѣмъ шире роль, предоставленная земству, тѣмъ меньше чиновниковъ — тѣмъ легче, слѣдовательно, для правительства

Digitized by Google

убѣждаться въ ихъ способности и благонадежности. *По третьему вопросу*, Салтыковъ высказывается за необходимость предупредительнаго элемента въ полицейской дѣятельности, но лишь подъ условіемъ децентрализаціи. Чиновникъ, живущій въ постоянномъ отдаленіи отъ народа, не имѣетъ ни средствъ, ни даже охоты заботиться о предупрежденіи правонарушеній. Мѣстность, которою онъ завѣдываетъ, извѣстна ему лишь поверхностно, въ общихъ чертахъ; сегодня онъ здѣсь, завтра — тамъ, и чѣмъ онъ способнѣе, тѣмъ быстрѣе переходитъ съ одного мѣста на другое. Расширеніе полицейской дѣятельности, при господствѣ централизаціи, представляется не только непрактичнымъ, но и нежелательнымъ, потому что всякому агенту централизованной власти, даже при полной добросовѣстности его, свойственно стремленіе къ произволу. Здѣсь Салтыковъ затрогиваетъ попутно вопросъ о судѣ и является защитникомъ *суда общиннаго*, разумѣя подъ этимъ именемъ нѣчто весьма похожее на судъ присяжныхъ. Общественнымъ началомъ въ судѣ онъ дорожитъ до такой степени, что высказывается даже противъ предполагавшагося въ то время сліянія уѣздныхъ судовъ съ городовыми магистратами *). *По четвертому вопросу*, наконецъ, Салтыковъ требуетъ возможно бо́льшаго ограниченія письменной полицейской процедуры, возможно бо́льшаго развитія *матеріальной* дѣятельности, т.-е. реальной, а не бумажной охраны интересовъ, ввѣренныхъ заботливости полицейскихъ учрежденій. Въ концѣ этого отдѣла записки, авторъ еще разъ предпринимаетъ une charge à fond противъ централизаціи, сравнивая ея идею съ идеей учрежденія іезуитскаго ордена. «И тамъ, и тутъ, — восклицаетъ онъ, — царствуетъ общее недовѣріе и пастырей къ паствѣ, и пастырей между собою. И тамъ, и тутъ все до такой степени искусственно, что не знаешь, чему болѣе удивляться: терпѣнію ли людей, которые придумали призрачную машину, не

*) Уѣзднымъ судамъ, составленнымъ изъ представителей дворянства и крестьянства, было подсудно уѣздное населеніе; городовымъ магистратамъ, члены которыхъ выбирались горожанами. — городское населеніе.

Digitized by Google

имѣющую никакихъ корней въ природѣ человѣческой, или долговѣчности этой машины, которая, несмотря на всю свою противоестественность, продолжаетъ и доднесь существовать и пользоваться правами гражданственности».

Въ Россіи торжество централизаціи при Петрѣ Великомъ очень скоро принесло горькіе плоды и вызвало реакцію, признаки которой Салтыковъ видитъ уже въ преобразованіяхъ Екатерины. Чтобы смягчить крайности централизаціи, императрица предоставила извѣстныя права купечеству и дворянству; но это не привело къ желанной цѣли. «Дворянство, въ сословномъ его значеніи, уже не существовало: оно слилось съ чиновничествомъ и приняло всѣ его формы». О серьезномъ значеніи купечества тѣмъ болѣе не могло быть и рѣчи. Развитію административныхъ мѣръ Екатерины много препятствовало и то обстоятельство, что онѣ были слишкомъ исключительно сословныя. Преемники Екатерины не продолжали начатаго ею дѣла, и оно заглохло въ тинѣ постепенно расширяющейся централизаціи. «Настоящее положеніе полицейскаго управленія въ Россіи представляетъ поучительную, но крайне грустную картину. Это какое-то странное смѣшеніе произвола и дисциплины, хаоса и регламентаціи». Истинной централизаціи въ Россіи нѣтъ, потому что она предполагаетъ ясно сознанную государственную идею, а у насъ интересы государства непонятны не только для становыхъ приставовъ, но даже и для многихъ губернаторовъ. Въ Россіи существуютъ лишь попытки къ централизаціи, выражающіяся въ преобладаніи произвола и въ невозможности самобытнаго развитія народныхъ силъ. Кругъ дѣйствій полиціи несоразмѣрно великъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не опредѣленъ съ достаточною ясностью; общая полиція безпрестанно сталкивается съ спеціальными (въ примѣръ этому Салтыковъ приводитъ дорожное дѣло: общая полиція настаиваетъ на немедленномъ исправленіи дороги, не принимая въ расчетъ никакихъ побочныхъ обстоятельствъ; окружной начальникъ, облеченный полицейскою властью по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ, противопоставляетъ этому требованію хозяйственныя нужды крестьянъ, въ дан-

Digitized by Google

ную минуту не оставляющія имъ досуга для починки дороги). Наши коллегіальныя присутственныя мѣста (губернскія правленія, земскіе суды) представляютъ собою пародіи на коллегію въ истинномъ смыслѣ этого слова; все зависитъ здѣсь отъ усмотрѣнія одного лица, «наставленія» котораго равносильны предписаніямъ. Отдѣльные агенты правительства сплошь и рядомъ могутъ быть названы его врагами, потому что ежечасно подрываютъ довѣріе къ нему народа. Въ видѣ иллюстраціи, Салтыковъ ссылается на положеніе слѣдственной части, отличительная черта которой — необузданный произволъ слѣдователя. «Бюрократія, — восклицаетъ онъ, — до того уже охватила всѣ формы русской жизни, что благонамѣренному чиновнику ничего не остается болѣе дѣлать, какъ заняться перепискою бумагъ». Другое зло нашей административной жизни — это крайнее размноженіе переписки. Салтыковъ объясняетъ его двумя главными причинами: раздробленіемъ властей, изъ которыхъ каждая, считая себя чѣмъ-то независимымъ, стремится защищать свой взглядъ и отстаивать свои мнимыя права, и несоразмѣрностью штатовъ съ числомъ и значеніемъ предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствій извѣстнаго мѣста или лица. Если штатъ слишкомъ великъ, чиновники стараются доказать свою необходимость и напрасно плодятъ переписку; если штатъ слишкомъ малъ, они плодятъ ее для того, чтобы сбросить съ себя часть непосильнаго бремени, зачисливъ какъ можно больше дѣлъ за посторонними вѣдомствомъ. Основываясь на собственномъ опытѣ, Салтыковъ осмѣиваетъ практику ревизіонныхъ столовъ губернскихъ правленій, разсылающихъ ежегодно десятки тысячъ никому не нужныхъ и ни къ чему не ведущихъ подтвержденій. «Что дѣлаютъ совѣтники губернскаго правленія? А если совѣтники дѣльные, то чѣмъ занимаются секретари ихъ отдѣленій? По бо́льшей части или тѣ, или другіе, а часто и оба вмѣстѣ — люди древніе, доживающіе свой вѣкъ подъ сѣнью коллегіи, дающей имъ возможность, ничего не дѣлая, состоять на службѣ. Надобно прочитать любой журналъ губернскаго правленія, чтобы убѣдиться въ томъ, что весь онъ—результатъ работы писца, его перебѣлявшаго. Работа

Digitized by Google

столоначальника заключается въ томъ только, что онъ на подлинныхъ бумагахъ обозначаетъ, съ которыхъ поръ до которыхъ слѣдуетъ переписать. Изъ этого проистекаетъ галиматья неописанная. Встрѣчаются мѣста, которыхъ никакими силами понять нельзя, а *приказали*, т.-е. то мѣсто, въ которомъ должна выразиться самобытная дѣятельность коллегіи, бываетъ, по выраженію народному, короче утинаго носа и обыкновенно выражается въ словахъ *о содержаніи справки дать знать такому-то*; или: *предписать такому-то, чтобы поступилъ на законномъ основаніи*».

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ и соображеній Салтыковъ выводитъ заключеніе о необходимости общаго переустройства и губернской, и уѣздной администраціи, но, оставаясь въ предѣлахъ возложенной на него задачи, онъ говоритъ болѣе подробно только о преобразованіи полиціи. Прежде всего, ему кажется излишнимъ обособленіе полиціи земской (т.-е. уѣздной) отъ полиціи городской; отдѣльная городская полиція должна быть оставлена только въ большихъ городахъ. Дальше онъ предлагаетъ совершенно отдѣлить полицію исполнительную отъ судной и слѣдственной и передать первую въ вѣдѣніе земства. Организацію земства Салтыковъ представляетъ себѣ такъ. Образуется уѣздный земскій совѣтъ, изъ девяти членовъ: трехъ — по выбору дворянства, трехъ—по выбору городского сословія, трехъ—по выбору казенныхъ крестьянъ (припомнимъ, что записка Салтыкова относится ко времени, предшествующему отмѣнѣ крѣпостного права). Этотъ сословный составъ совѣта рекомендуется Салтыковымъ не какъ наилучшій (наоборотъ, сословная организація кажется ему противорѣчащей интересамъ массы), а какъ наиболѣе соотвѣтствующій тогдашней дѣйствительности; на этомъ же основаніи предсѣдательство въ совѣтѣ возлагается имъ на уѣзднаго предводителя дворянства. Характеръ занятій совѣта не долженъ быть исключительно полицейскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, административный; совѣтъ долженъ замѣнить собою всѣ нынѣ существующія уѣздныя административныя учрежденія. Ему должно принадлежать обсужденіе всѣхъ

Digitized by Google

мѣръ по общему управленію уѣздомъ и городомъ, по устройству повинностей, развитію торговли и промышленности, наблюденію за правильнымъ ихъ производствомъ, *учрежденію школъ*, охраненію тишины и спокойствія и т. п. Разъѣздовъ члены совѣта не должны предпринимать, и общее присутствіе совѣта должно быть созываемо только извѣстное число разъ въ году, когда это не можетъ быть для членовъ совѣта обременительнымъ. Въ прочее время года совѣтъ можетъ дѣйствовать въ уменьшенномъ составѣ. Содержаніе, низшая цифра котораго должна быть опредѣлена закономъ, члены совѣта получаютъ отъ своихъ сословій. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ постановленія совѣта исполняются волостными и сельскими управленіями; что касается до помѣщичьихъ имѣній, то они раздѣляются на группы, и для каждой группы избирается дворянами особый полицейскій начальникъ, исполняющій постановленія совѣта и производящій судно-полицейское разбирательство. Городъ раздѣляется на участки, и въ каждый участокъ опредѣляется полицейскій начальникъ, по выбору городского общества. Правительство, съ своей стороны, назначаетъ въ каждый уѣздъ стряпчаго и нѣсколькихъ его помощниковъ; первый присутствуетъ въ засѣданіяхъ совѣта, послѣдніе производятъ слѣдствія, при участіи депутата отъ сословія, къ которому принадлежитъ обвиняемый. По дѣламъ, касающимся интересовъ государства, голосъ стряпчаго обязателенъ для совѣта; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ его мнѣнія имѣютъ только «руководительное» значеніе. Права и обязанности земскаго совѣта, а также подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ, должны быть со всею точностью опредѣлены закономъ. Протоколы и резолюціи земскаго совѣта (протоколы—по общимъ вопросамъ, резолюціи—по частнымъ дѣламъ) должны быть излагаемы просто и ясно. «Справки должны быть въ головѣ у присутствующихъ, и потому нѣтъ надобности наполнять ими цѣлые десятки листовъ». Сношенія стряпчаго съ совѣтомъ происходятъ на словахъ. У полицейскихъ начальниковъ переписка должна быть самая ничтожная. Заканчивается записка такъ: «Предположенія, высказанныя здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, необходимо должны уясниться

Digitized by Google

при болѣе подробномъ развитіи ихъ. Порученіе, возложенное на меня, сопряжено съ большимъ трудомъ и требуетъ много самыхъ разнообразныхъ работъ и разысканій. По мнѣнію моему, оно должно обнять слѣдующія главныя части: 1) Обозрѣніе всѣхъ предположеній, собранныхъ по настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по этому предмету. Эти предположенія составятъ четырнадцать огромныхъ томовъ. 2) Обозрѣніе, по источникамъ, отечественнаго законодательства, какъ по самому устройству полиціи, такъ и по опредѣленію ихъ обязанностей. Обозрѣніе сіе должно быть сдѣлано во всей подробности и снабжено критическимъ взглядомъ. Для достиженія сей послѣдней цѣли представляется необходимымъ изъ ревизіи нѣкоторыхъ земскихъ судовъ и градскихъ полицій убѣдиться практически, какимъ образомъ приводятся въ исполненіе на мѣстахъ предписанія закона. 3) Критическій обзоръ законодательствъ главнѣйшихъ государствъ Европы по этому дѣлу. Эта часть труда необходима не для того, чтобы рабски слѣдовать въ новомъ уставѣ примѣру иностранныхъ государствъ, но для того, чтобы при сообщеніи сему дѣлу дальнѣйшаго хода, оно могло отвѣчать на всѣ вопросы. 4) Наконецъ, самый проектъ полицейскаго устава, который долженъ быть, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ логическій результатъ предшествующихъ трехъ частей труда».

Такова любопытная записка, представляющая Салтыкова въ новой для насъ роли административнаго реформатора. Мы предполагали сначала, что она составлена въ 1860 г., когда Салтыковъ, будучи рязанскимъ вице-губернаторомъ (онъ назначенъ на эту должность 6-го марта 1858 г.), участвовалъ, какъ видно изъ формулярнаго его списка, въ занятіяхъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Ближайшее знакомство съ запиской привело насъ къ другому заключенію; мы думаемъ, что она написана раньше, еще въ бытность Салтыкова чиновникомъ особыхъ порученій. Въ ней нѣтъ и намека на предстоящее освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ,—а это едва ли было бы возможно въ 1860 г., наканунѣ отмѣны крѣпостного права; нѣтъ также ни-

Digitized by Google

какихъ указаній на преобразованіе слѣдственной части, состоявшееся въ 1860 г. (учрежденіе судебныхъ слѣдователей). Вездѣ, гдѣ Салтыковъ ссылается на собственный свой служебный опытъ, онъ говоритъ только о Вятской губерніи, только о должности совѣтника губернскаго правленія; о Рязанской губерніи въ запискѣ вовсе нѣтъ рѣчи; о должности вице-губернатора сказано лишь нѣсколько словъ. Работу, предназначенную для комиссіи *о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ*, Салтыкову незачѣмъ было бы, наконецъ, искусственно замыкать въ тѣсныя рамки вопроса о земскихъ и градскихъ полиціяхъ. Если наша догадка о времени составленія записки основательна, то этимъ объясняется многое въ ея содержаніи—напримѣръ, соединеніе полицейской и судебной власти, по отношенію къ помѣщичьимъ имѣніямъ, въ рукахъ полицейскаго начальника, избираемаго дворянствомъ. При существованіи крѣпостного права такое учрежденіе было бы несомнѣннымъ шагомъ впередъ, потому что замѣнило бы, до извѣстной степени, произволъ помѣщика болѣе или менѣе правомѣрною дѣятельностью должностнаго лица, подчиненнаго всесословному земскому совѣту... Чѣмъ раньше составлена записка, тѣмъ больше она заслуживаетъ удивленія. И въ 1860 году немного было должностныхъ лицъ, способныхъ и готовыхъ говорить, въ формальной служебной бумагѣ, такъ рѣшительно и такъ откровенно, какъ говоритъ авторъ записки. Еще меньше, конечно, ихъ было за два или три года передъ тѣмъ, когда только-что начиналась новая эра. Безпощаднаго анализа системы, едва поколебленной и офиціально еще не осужденной, всего труднѣе было ожидать отъ молодого чиновника, только-что вернувшагося изъ продолжительной ссылки и занимавшаго весьма скромное положеніе въ административномъ мірѣ. Салтыковъ не остановился передъ соображеніями личной безопасности и личной выгоды; получивъ возможность высказаться, онъ воспользовался ею широко и смѣло. Оружіемъ ему послужили и личный служебный опытъ, и теоретическія знанія, пріобрѣтенныя имъ во время вынужденныхъ вятскихъ досуговъ. Первый помогъ ему нарисовать вѣрную картину дѣйствительности; въ

Digitized by Google

послѣднихъ онъ почерпнулъ масштабъ для критики и исходную точку для преобразовательнаго плана. Разсужденія о вредѣ административной централизаціи, конечно, не составляютъ авторской собственности Салтыкова, но ему принадлежитъ честь примѣненія ихъ къ русской жизни, подтвержденія ихъ данными, взятыми изъ прошедшаго и настоящаго Россіи. Многое въ запискѣ Салтыкова не устарѣло до сихъ поръ, какъ потому, что уцѣлѣли нѣкоторыя изъ тогдашнихъ учрежденій (напримѣръ— губернскія правленія), нѣкоторые изъ тогдашнихъ обычаевъ (канцелярскія отписки, доклады, составляемые съ помощью отмѣтокъ: отъ А до Б), такъ и потому, что далеко не во всемъ измѣнился общій духъ администраціи... Въ самомъ проектѣ реформы, набросанномъ Салтыковымъ, есть, конечно, очевидныя ошибки,— очевидныя *теперь*, при свѣтѣ всего совершившагося въ продолженіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій; но въ главномъ, общемъ, цѣли и пути указаны Салтыковымъ совершенно вѣрно, и рано или поздно могутъ осуществиться нѣкоторыя изъ его желаній. Къ ошибкамъ слѣдуетъ отнести, какъ намъ кажется, предположенія Салтыкова о составѣ земскаго совѣта, слишкомъ малочисленномъ для учрежденія обсуждающаго, слишкомъ многочисленномъ для учрежденія исполняющаго. Земскій совѣтъ, проектируемый Салтыковымъ,—это въ одно и то же время и земское собраніе, и земская управа; именно потому онъ не могъ бы быть какъ слѣдуетъ ни тѣмъ, ни другимъ. Не вполнѣ ясно и послѣдовательно установлено также у Салтыкова различіе между полиціей благоустройства и полиціей безопасности. Чрезвычайно плодотворной является зато мысль объ объединеніи всего уѣзднаго управленія, совершенно упущенная изъ виду въ эпоху великихъ реформъ, всплывшая наверхъ въ земскихъ проектахъ восьмидесятыхъ годовъ, но до сихъ поръ не проведенная въ дѣйствительность. Не менѣе цѣнно и то, что это объединеніе пріурочивалось Салтыковымъ къ *земской* почвѣ; отношеніе между земствомъ и центральною властью понималось имъ именно такъ, какъ оно рисуется лучшими представителями современнаго государственнаго права.

Digitized by Google

Мы уже сказали, что въ мартѣ 1858 г. Салтыковъ былъ назначенъ рязанскимъ вице-губернаторомъ. 3-го апрѣля 1860 г. онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь и нѣсколько разъ исполнялъ тамъ обязанности губернатора. Служебная дѣятельность не мѣшала Салтыкову отдавать много времени литературѣ. Въ 1857 г. окончилось появленіе «Губернскихъ Очерковъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и вслѣдъ затѣмъ они вышли въ свѣтъ особой книжкой; въ томъ же году Салтыковъ напечаталъ еще нѣсколько произведеній, отчасти вошедшихъ, отчасти не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ комедія: «Смерть Пазухина» («Русскій Вѣстникъ», № 19) и «Женихъ», картина провинціальныхъ нравовъ («Современникъ», № 10). Въ 1858 и 1859 г. произведенія Салтыкова появлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Атенеѣ», «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Московскомъ Вѣстникѣ»; почти все написанное имъ за это время вошло въ составъ «Невинныхъ разсказовъ». Съ 1860 г. Салтыковъ становится постояннымъ сотрудникомъ «Современника»; изъ другихъ ежемѣсячныхъ журналовъ только «Время» (1862 г., №№ 4 и 9) получаетъ отъ него нѣсколько сценъ и разсказовъ, перепечатанныхъ, впослѣдствіи, въ «Сатирахъ въ прозѣ». Совершенно забыты, въ настоящее время, небольшія публицистическія статьи, помѣщенныя Салтыковымъ, за его подписью, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г. (редакторомъ этой газеты былъ въ то время В. Ѳ. Коршъ, двумя годами позже сдѣлавшійся редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; онѣ не попали въ «Библіографическій очеркъ литературной дѣятельности Салтыкова», напечатанный въ № 7 «Русской Мысли» 1889 г. А между тѣмъ онѣ заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія. Мы изложимъ содержаніе ихъ по находящимся въ нашихъ рукахъ черновымъ рукописямъ Салтыкова. Первая изъ нихъ, въ рукописи озаглавленная: «Къ крестьянскому дѣлу», въ печати — «Объ истинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу», появилась въ свѣтъ весьма скоро послѣ обнародованія положеній 19 февраля. Она имѣетъ двоякую цѣль: раскрыть главный источникъ замѣ-

Digitized by Google

шательствъ и волненій, неизбѣжныхъ въ началѣ новаго фазиса народной жизни, и указать лучшее средство къ ихъ предупрежденію. «Представьте себѣ,—такъ начинаетъ авторъ, — бѣднаго петербургскаго чиновника, который, въ теченіе тридцати и болѣе лѣтъ своей службы, ежедневно прохаживался изъ Галерной Гавани въ тотъ департаментъ, гдѣ имѣлъ честь состоять писцомъ, и который давнымъ-давно забылъ мечтать о томъ, что есть на свѣтѣ мѣста помощниковъ столоначальника, дающія возможность износить въ годъ лишнюю пару сапоговъ; предположите, что этотъ забитый и загнанный судьбою человѣкъ совсѣмъ неожиданно получаетъ извѣстіе о доставшемся ему милліонномъ наслѣдствѣ. Какъ поступитъ, какъ поведетъ себя нашъ труженикъ? Прежде всего, думаю я, онъ не повѣритъ полученному извѣстію, и сомнѣнія его разсѣются уже тогда, когда объявляющій ему эту вѣсть квартальный поручикъ назоветъ его сіятельствомъ и поцѣлуетъ у него руку. Потомъ онъ сочтетъ первымъ долгомъ нагрубить своему столоначальнику и не встать съ мѣста при появленіи начальника отдѣленія. Потомъ онъ примется переписывать брошенную ему на столъ бумагу, но работа будетъ идти худо и не споро, и онъ, не кончивъ ея, сбѣжитъ изъ департамента въ свою любезную Гавань. Тамъ онъ закричитъ благимъ матомъ, созоветъ товарищей своего прежняго безотраднаго существованія и учинитъ дебошъ. Я даже не прочь отъ мысли, что онъ напьется пьянъ и что-нибудь напаскудитъ мимоходомъ». Безспорно, было бы лучше, если бы счастливецъ поступилъ иначе— сходилъ въ храмъ Божій, потомъ въ баню, испросилъ у добрыхъ начальниковъ отпускъ для устройства домашнихъ дѣлъ, и т. д.; но вѣдь въ жилахъ его течетъ кровь, сердце у него заиграло отъ радостной вѣсти, а въ такомъ настроеніи естественно и даже законно «подпрыгнуть до потолка и показать, въ нѣкоторомъ родѣ, языкъ своему прошедшему». Съ положеніемъ внезапно разбогатѣвшаго чиновника имѣетъ много общаго положеніе крестьянъ, только-что выслушавшихъ добрую вѣсть о свободѣ. Возможно ли, чтобы эта вѣсть не потрясла ихъ до глубины души, чтобы при полученіи ея они сохранили все благоразуміе, все хладнокровіе?

Digitized by Google

«Конечно, было бы весьма пріятно слышать, что они, одѣвшись въ синіе армяки или праздничные сарафаны, вышли на улицу и стали кроткимъ манеромъ играть хороводы, а потомъ спокойно разошлись по домамъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день благонравно приняться за исполненіе старыхъ обязанностей. Но—увы!—какъ ни соблазнительна подобнаго рода идиллія, она едва ли возможна. Всякій благоразумный помѣщикъ пойметъ, что крестьянину, преисполненному новымъ для него чувствомъ свободы и довольства, трудно воздержаться отъ того, чтобы даже не попривередничать малость». А между тѣмъ выискиваются люди, предъявляющіе къ крестьянамъ неисполнимыя требованія. Они ужасно волнуются при мысли, что душою крестьянина чувство благодарности за дарованныя права владѣетъ не всецѣло. Отсюда тѣ дикіе вопли, которые нерѣдко слышатся въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ; отсюда неистовыя воззванія къ насилію, какъ единственному убѣжищу противъ черной неблагодарности и единственному средству для насажденія надлежащихъ чувствъ въ черствой душѣ крестьянина. Обычнымъ орудіемъ такого насилія являются «полицейскія мѣры»—и именно противъ нихъ съ особенною силой возстаетъ Салтыковъ. Онъ желалъ бы, чтобы въ «недоразумѣнія» между помѣщиками и крестьянами вовсе не вмѣшивалась полиція, предоставляя разрѣшеніе ихъ исключительно новымъ крестьянскимъ учрежденіямъ. Отъ послѣднихъ Салтыковъ ожидаетъ образа дѣйствій, свободнаго отъ старыхъ административныхъ традицій. «Не на завладѣніе ферулой, а на исторженіе ея изъ рукъ прочихъ административныхъ мѣстъ и на преданіе ея всенародно сожженію должно быть обращено ревнивое вниманіе крестьянскихъ учрежденій». Главная ихъ задача—«толковое и терпѣливое разъясненіе крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей»; необходимо также устранять «излишнія и стѣснительныя для крестьянъ требованія помѣщиковъ», запрещенныя закономъ даже во времена крѣпостного права и еще менѣе допустимыя послѣ освобожденія крестьянъ. На степень безпорядка, неповиновенія, противодѣйствія слишкомъ часто, притомъ, возводятся такіе поступки крестьянъ, которые вовсе не имѣютъ

Digitized by Google

этого характера. «Какая-нибудь ключница Мавра донесетъ барынѣ, что дядя Корнѣй, лежа на печи, бормоталъ: вы-ста, да мы-ста—вотъ ужъ и злоумышленіе. Какой-нибудь староста Акимъ подольстится къ барынѣ, что у насъ-де, сударыня, давеча Васька-скотъ на всю сходку оралъ—а пойдемъ-ка, братцы, къ барынѣ, пускай она водки намъ поднесетъ!—вотъ ужъ и бунтъ. Васька-скотъ летитъ въ становую квартиру, а дядя Корнѣй записывается въ книжечку, какъ будущій зачинщикъ и подстрекатель. Кстати о зачинщикахъ. Одна дама спрашивала нѣкотораго глубокомысленнаго администратора, хвалившагося, что онъ въ такомъ-то случаѣ взялъ столько-то зачинщиковъ и поступилъ съ ними по всей строгости (есть такія плоскодонныя головы, которыя и этимъ хвалятся!): — скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы умѣете отличить зачинщиковъ? — Администраторъ вытаращилъ глаза и, повидимому, изумился, какъ это ему никогда не приходилъ въ голову подобный вопросъ.—Вы, можетъ-быть, отличаете ихъ по волосамъ: одинъ разъ зачинщики—бѣлокурые, другой разъ—брюнеты?—Администраторъ побагровѣлъ отъ злости, но удовлетворительнаго отвѣта не далъ. Увы! я и самъ до сихъ поръ не знаю, какіе отличительные наружные признаки зачинщика. Мнѣ все сдается, что зачинщикъ—время, и что его-то именно и слѣдуетъ подвергнуть полицейскому взысканію. Очень можетъ быть, что я ошибаюсь»... Возможность исключительныхъ случаевъ, вызывающихъ полицейскія мѣры, Салтыковъ признаетъ, но думаетъ, что они почти всегда могли бы быть предупреждены *своевременнымъ* увѣщаніемъ и соглашеніемъ. Въ самомъ своемъ началѣ безпорядокъ можетъ быть прекращенъ гораздо легче, чѣмъ тогда, когда онъ уже успѣлъ, такъ сказать, организоваться. Конечно, услѣдить за чуть примѣтными зачатками безпокойства довольно трудно; но власть не для того существуетъ, чтобы дѣйствовать спустя рукава. Отвѣтственности за безпорядки должны подлежать, поэтому, не только крестьяне, но и учрежденія или лица, допустившія развитіе безпорядковъ. Салтыковъ вполнѣ убѣжденъ, что даже и въ серьезныхъ случаяхъ мѣры, не выходящія изъ предѣловъ законности, принесутъ пользу несравненно

Digitized by Google

болѣе дѣйствительную и прочную, чѣмъ мѣры «экстренныя». Впечатлѣнія, вызванныя употребленіемъ силы, болѣе интенсивны, но менѣе продолжительны. Самая медленность законной процедуры имѣетъ свою хорошую сторону, потому что даетъ раздраженію время притупиться, а лицу, дѣйствующему противъ этого раздраженія, позволяетъ оглядѣться и приступить къ искорененію зла съ полнымъ знаніемъ его сущности... Въ заключеніе Салтыковъ высказывается за гласность засѣданій губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и за доведеніе особыхъ мнѣній, подаваемыхъ членами этихъ присутствій, до свѣдѣнія центральной власти.

Непосредственнымъ продолженіемъ этой статьи является небольшая замѣтка, посвященная спеціально членамъ отъ дворянства въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ *). На нихъ въ особенности разсчитываетъ Салтыковъ для достиженія цѣлей, указанныхъ имъ раньше—для разъясненія крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей и для предупрежденія «недоразумѣній», изъ которыхъ возникаютъ «безпорядки». Въ появленіи ихъ на мѣстѣ Салтыковъ видитъ одну изъ гарантій противъ ненавистныхъ ему полицейскихъ мѣръ. «Дѣйствіе полиціи, какъ оно до сихъ поръ представлялось въ понятіяхъ народа, есть нѣчто не успокаивающее, но даже производящее результаты совершенно противоположные... То, въ чемъ полицейская власть видитъ неповиновеніе или сопротивленіе закону, въ глазахъ добросовѣстнаго члена губернскаго правленія можетъ принять характеръ событія, коего основа лежитъ, быть-можетъ, въ неясномъ пониманіи обязанностей съ одной стороны, а быть-можетъ и въ стараніи удержаться на прежней почвѣ произвола—съ другой».

Слѣдующая замѣтка Салтыкова: «Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ», помѣщенная въ № 91 «Московскихъ Вѣдомостей» (все за тотъ же 1861 г.), написана по поводу статьи Ржевскаго (довольно извѣстнаго, въ свое время, сторонника кон-

*) Такихъ членовъ въ каждомъ губернскомъ присутствіи было четыре, двое—по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, двое—по выбору собранія губернскаго и уѣздныхъ предводителей.

Digitized by Google

сервативно-дворянской партіи): «Нѣсколько словъ о дворянствѣ», напечатанной въ № 11 «Нашего Времени». Статья Ржевскаго, насколько она касалась мировыхъ посредниковъ, была проникнута полнѣйшимъ, безграничнымъ оптимизмомъ. Авторъ не сомнѣвался въ безусловной пригодности новыхъ должностныхъ лицъ къ возложенному на нихъ дѣлу; онъ не допускалъ даже и мысли, чтобы кто-нибудь изъ нихъ могъ употребить во зло независимое положеніе, предоставленное имъ закономъ. Салтыковъ не раздѣляетъ этого прекраснодушія. Онъ напоминаетъ, что въ Россіи еще слишкомъ крѣпка привычка смотрѣть на всякую должность не столько съ точки зрѣнія обязанностей, съ нею сопряженныхъ, сколько съ точки зрѣнія доставляемыхъ ею личныхъ выгодъ. Слишкомъ мало распространена въ средѣ дворянства подготовка къ серьезному труду, къ пониманію крестьянскихъ интересовъ. Не даромъ наша литература изображала помѣщиковъ либо самодурами, либо неумѣлыми мечтателями; соединеніе добрыхъ намѣреній съ умѣньемъ проводить ихъ въ жизнь встрѣчается у насъ весьма рѣдко; помѣщики въ родѣ Костанжогло существуютъ только на бумагѣ. Слишкомъ велико, наконецъ, значеніе «рекомендацій», слишкомъ много рекомендующихъ и рекомендуемыхъ. «Не дремлетъ Матрена Ивановна, не дремлетъ статскій совѣтникъ Стрекоза — и та, и другой неустанно строчатъ рекомендательныя письма. Первая рекомендуетъ своего protégé по причинѣ comme il faut, второй своего — за скромность. Матрена Ивановна — хорошая женщина, отличные подаются у нея пироги за обѣдомъ; Стрекоза припоминаетъ въ письмѣ о пріятныхъ минутахъ, тогда-то вмѣстѣ проведенныхъ. Согласитесь, что какъ-то трудно, неловко отвѣчать отказомъ на такое въ душу лѣзущее приставанье». Въ виду всего этого трудно думать, чтобы выборъ въ мировые посредники всегда и вездѣ былъ безупреченъ. И у нихъ могутъ быть слабости, коррективомъ которыхъ должна служить строгая отвѣтственность. Независимому положенію мировыхъ посредниковъ Салтыковъ сочувствуетъ вполнѣ, но протестуетъ противъ смѣшенія независимости съ безотвѣтственностью. Законъ «оградилъ мировыхъ посредниковъ отъ придирчивости

Digitized by Google

вліянія мѣстной власти на дѣйствія ихъ и убѣжденія, но не снялъ съ нихъ отвѣтственности за послѣдствія тѣхъ и другихъ». Иначе въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ сталъ бы господствовать тотъ же произволъ, какимъ отличалась у насъ до тѣхъ поръ вся дѣятельность администраціи. Правда, привлечь мирового посредника къ отвѣту можетъ только сенатъ, но возбудить вопросъ о такомъ привлеченіи зависитъ отъ губернскаго начальства, и если оно не пользуется, въ случаѣ надобности, своимъ правомъ, то въ этомъ заключается явное нарушеніе обязанности. Салтыковъ разсчитываетъ, впрочемъ, не на одну только служебную отвѣтственность посредниковъ. Онъ предлагаетъ организацію ежегодныхъ губернскихъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, замѣчая, что нѣчто подобное было устроено въ одной изъ внутреннихъ губерній (вѣроятно, Тверской) по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ. На съѣздѣ, по его мнѣнію, мировымъ посредникамъ слѣдовало бы не только обмѣниваться мыслями и совѣщаться о возникающихъ въ ихъ практикѣ вопросахъ, но и представлять отчетъ о всей своей дѣятельности. Журналы посредниковъ одного уѣзда могли быть повѣряемы посредниками другого уѣзда. Кромѣ посредниковъ, участіе въ губернскомъ съѣздѣ должны были бы принимать члены губернскаго крестьянскаго присутствія и правительственные члены уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ. Результаты совѣщаній съѣзда и повѣрки отчетовъ слѣдовало бы публиковать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. «Мы убѣждены, — говоритъ Салтыковъ, — что одна мысль о возможности взаимной повѣрки дѣйствій мировыхъ посредниковъ много очиститъ этотъ рождающійся у насъ институтъ. Надъ нею задумается не одинъ изъ сторонниковъ идеи самоуправленія, переложеннаго на русскіе нравы; не одинъ изъ тѣхъ, которые въ юношескомъ восторгѣ повторяли другъ другу: mon cher, nous sommes indépendants! оставитъ свою затѣю и уѣдетъ во-свояси пасти гусей. Но зато тѣ, которые останутся, будутъ дѣйствительно хорошими и полезными мировыми посредниками».

Почти одновременно съ статьей объ отвѣтственности миро-

Digitized by Google

выхъ посредниковъ написана Салтыковымъ статья: «Гдѣ истинные интересы дворянства». Она также начинается возраженіемъ Ржевскому. «Покуда г. Ржевскій приглашаетъ дворянъ воспользоваться какимъ-то единственнымъ въ исторіи случаемъ, чтобы утвердить свое политическое преобладаніе надъ прочими сословіями, благоразумнѣйшіе и образованнѣйшіе изъ дворянъ помышляютъ не о преобладаніи и даже не о томъ, чтобы удержаться, такъ сказать, на поверхности возникающаго въ Россіи земства, а о томъ, чтобы просто-на-просто сдѣлаться членами этого земства—членами не случайными, признающими за собой только право, а не обязанности, но дѣйствительными членами, связанными съ земствомъ всей совокупностью условій, налагаемыхъ этимъ званіемъ. И это весьма понятно. Какими бы правами ни пользовалось извѣстное сословіе, дѣйствительная сила свободнаго государства лежитъ въ земствѣ. Тамъ источникъ матеріальнаго его благосостоянія; тамъ же залоги дальнѣйшаго его политическаго и умственнаго развитія. Оторваться отъ всего этого — значило бы оторваться отъ общей жизни государства, значило бы стать въ классъ бобылей, тотъ самый классъ, въ который нѣкоторые благодѣтели человѣческаго рода такъ усердно хлопотали пристроить крестьянъ». Въ Россіи необходимость дружной, единодушной работы всѣхъ общественныхъ силъ понималась до сихъ поръ довольно слабо; помѣхи и преграды такая работа встрѣчала со всѣхъ сторонъ. «Тутъ сословія, тамъ вѣдомства, тутъ чины, тамъ гильдіи и разряды; все топорщится, все представляетъ свои особенныя права, ни къ чему нельзя приступиться, не сдѣлавши напередъ особеннаго и совершенно безсмысленнаго маневра. Однако, русскій человѣкъ покладистъ, привыкаетъ ко всему. Привыкъ и къ маневрамъ, — такъ привыкъ, что безъ нихъ ему и жизнь не въ жизнь: все равно, что безъ клоповъ спать и безъ таракановъ щи хлебать. И если бы расплодившіяся въ Петербургѣ комиссіи не доказали намъ фактически, что мы ежечасно приносимъ въ жертву наши интересы нѣкоторому чудовищу, именуемому гилью, то мы и до сихъ поръ были бы вполнѣ довольны своей судьбой». Искус-

Digitized by Google

ственныя дробленія, созданныя администраціей, ею же могутъ быть и уничтожены. Съ этимъ уничтоженіемъ не легко примириться большинству, а между тѣмъ примиреніе необходимо. Съ отмѣной крѣпостного права сословные интересы дворянства потеряли прежнее значеніе. «Напрасно толпа (увы! въ каждомъ сословіи, какъ бы высоко оно ни было поставлено, есть своя толпа!) старается удержаться за немногія крохи, упавшія съ паскудной трапезы крѣпостного права и несметенныя лишь по недоразумѣнію; напрасно философы и юристы этой толпы усиливаются эскамотировать благодѣтельныя послѣдствія реформы, придумывая новыя, обманывающія только зрѣніе формы для упроченія того же крѣпостного права. Усилія эти останутся безплодными уже потому, что они ставятъ дворянство внѣ общей жизни государства, а ему необходимо войти въ самое сердце этой жизни». Констатировавъ признаки увеличивающагося сближенія между народомъ и дворянствомъ, Салтыковъ указываетъ на единственное средство упрочить это сближеніе, сдѣлать его дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ: помѣщикъ долженъ стать членомъ сельскаго общества и волости. Законъ этого не требуетъ, но и не воспрещаетъ, предоставляя разработку вопроса времени и общественному мнѣнію. Разрѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ было бы одинаково полезно и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, подъ однимъ только условіемъ: чтобы сближеніе было искреннее. Крестьяне сумѣютъ различить волка отъ сторожевого пса, и дѣло, испорченное однимъ, долго не поправится даже при соединенныхъ усиліяхъ многихъ. Помѣщикъ, желающій вступить въ составъ сельскаго общества и волости, долженъ предварительно окончить, путемъ выкупной сдѣлки, всѣ расчеты съ бывшими своими крестьянами, и затѣмъ участвовать, наравнѣ съ прочими членами общества, въ платежѣ податей и повинностей, лежащихъ на обществѣ.

Статья Салтыкова вызвала возраженіе Ржевскаго (въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), на которое, въ свою очередь, отвѣчалъ Салтыковъ. На личной сторонѣ спора, принявшаго довольно желчный характеръ, мы останавливаться не будемъ; для насъ важно

Digitized by Google

въ немъ только то, что способствуетъ разъяснепію мысли Салтыкова. Ржевскій назвалъ Салтыкова *бюрократомъ*. «Извѣстно мнѣ, — говоритъ по этому поводу Салтыковъ, — что въ глазахъ Собакевичей и Маниловыхъ это ужасно ругательное слово, все равно, что *моветонъ* въ глазахъ Земляники и Ляпкина-Тяпкина. Слушать, какъ разсуждаютъ эти господа о централизаціи и бюрократіи, бываетъ поистинѣ уморительно. Одинъ доказываетъ, что децентрализація заключается въ учрежденіи сатрапій; другой мнитъ, что децентрализація въ томъ состоитъ, чтобы водку во всякое время пить. Что такое бюрократъ? — спрашиваетъ Мижуевъ. — А вотъ, братецъ, объясняетъ Ноздревъ: хочу я, напримѣръ, теперь водки выпить—анъ тутъ бюрократъ: стой, говоритъ, водку велѣно пить въ двѣнадцать часовъ, а не теперь... Меня, однакожъ, это слово отнюдь не пугаетъ; во-первыхъ, оно выражаетъ собою принципъ, котораго участіе въ жизненныхъ отправленіяхъ государства столь же необходимо, какъ и участіе земства, а, во-вторыхъ, я сомнѣваюсь, чтобы даже наиучснѣйшіе изъ Ноздревыхъ могли удовлетворительно объяснить, какое отношеніе имѣетъ понятіе о бюрократіи собственно къ русской почвѣ. Гдѣ взяли, откуда вывели эти господа русскую бюрократію, отдѣльную отъ русскаго дворянства— это тайна, разгадки которой слѣдуетъ искать въ трущобахъ сердецъ ноздревскихъ. Быть-можетъ, ихъ сбило съ толку наше подьячество; но оно представляетъ собою не бюрократію, а скорѣе пародію на адвокатуру, и стоитъ въ самомъ чиновничествѣ (дворянство тожъ) такимъ особнякомъ, что служитъ для него предметомъ постоянныхъ потѣхъ и насмѣшекъ. Называя меня бюрократомъ, г. Ржевскій, очевидно, не сознавалъ, что употребляетъ выраженіе, которому въ русской жизни нѣтъ соотвѣтствующаго понятія. Въ Россіи, какъ между служащимъ дворянствомъ, такъ и между неслужащимъ (но служившимъ), могутъ быть ералашисты, могутъ быть преферансисты, могутъ быть даже люди весьма серьезные и начитанные, но бюрократіи, какъ корпораціи дисциплинированной, служащей опредѣленнымъ цѣлямъ, нѣтъ и быть не можетъ, по той естественной

Digitized by Google

причинѣ, что нѣтъ еще въ виду земства. Ужели гоголевскій губернаторъ, отлично вышивающій по канвѣ, можетъ быть названъ бюрократомъ? Нѣтъ, воля ваша, это совсѣмъ не бюрократъ, это патріархъ, бесѣдующій съ пасомымъ имъ стадомъ въ халатѣ, запросто, и только въ указанные дни натягивающій на себя досадный мундиръ»... Именуя Салтыкова *адвокатомъ благоусмотрѣнія начальствующихъ лицъ*, Ржевскій обвинялъ его въ томъ, что онъ хлопочетъ о распространеніи на мировыхъ посредниковъ *неделикатныхъ отношеній*, на которыя губернскія власти имѣютъ право во всемъ касающемся исправниковъ и становыхъ. «Отвращеніе, которое я питаю къ неделикатнымъ отношеніямъ,—отвѣчаетъ на это Салтыковъ,—достаточно доказывается всей моей литературной дѣятельностью, которая почти исключительно направлена къ обнаруженію ихъ нелѣпости». Намекалъ Ржевскій и на то, что Салтыковъ «увлекается направленіемъ извѣстной школы реформаторовъ, желающихъ во что бы то ни стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ». Салтыковъ, приводя эти слова, сопровождаетъ ихъ комментаріемъ: «вотъ оно, истинное-то значеніе слова *бюрократъ!*» Заключеніе отвѣтной статьи Салтыкова посвящено подробному развитію мысли о губернскихъ съѣздахъ мировыхъ посредниковъ. Ржевскій старался осмѣять эту мысль, представляя ее въ такомъ видѣ, что одни мировые посредники, повѣряя другихъ, будутъ просить ихъ «быть старательнѣе, писать четче, не капать чернилами и т. п.». Не смущаясь этими претензіями на остроуміе, Салтыковъ поясняетъ свой проектъ цѣлымъ рядомъ наглядныхъ примѣровъ. «Вообразите себѣ, — говоритъ онъ, — что такой-то посредникъ замѣчается въ излишнемъ пристрастіи къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Губернскій съѣздъ, свѣдавъ о подобномъ явленіи, можетъ однимъ молчаніемъ своимъ весьма краснорѣчиво выразить свое неодобреніе подобному пристрастію. Другой посредникъ слишкомъ часто прибѣгаетъ для разрѣшенія недоразумѣній къ вмѣшательству полиціи; губернскій съѣздъ можетъ сдѣлать только: *г.м!* и, конечно, посредникъ, о которомъ идетъ рѣчь, хорошо пойметъ значеніе этого *г.м!*». Салтыковъ не желаетъ,

Digitized by Google

чтобы мысль о губернскихъ съѣздахъ была осуществлена приказаніемъ свыше; ему хотѣлось бы, чтобы она была принята посредниками motu proprio, безъ всякаго принужденія.

Послѣдняя замѣтка Салтыкова направлена противъ новаго отвѣта, напечатаннаго Ржевскимъ въ № 30 «Современной Лѣтописи» (такъ называлось тогда еженедѣльное прибавленіе къ «Русскому Вѣстнику»). Въ этомъ отвѣтѣ Ржевскимъ было дано слѣдующее опредѣленіе бюрократіи: «безпрерывная регламентація, безпрерывное вмѣшательство въ частную жизнь, стремленіе замѣнить не только жизнь, но и самую совѣсть предписаніями начальства». «Гораздо справедливѣе и проще было бы сказать,— возражаетъ Салтыковъ, — что бюрократія представляетъ собою въ государствѣ органъ центральной власти, которая, въ свою очередь, служитъ представительницей интересовъ и цѣлей государственныхъ... Г. Ржевскій напрасно беретъ на себя трудъ формулировать мою мысль такъ: вездѣ, гдѣ нѣтъ земства, господствуетъ бюрократія. Нѣтъ, я сказалъ и желалъ сказать: гдѣ нѣтъ земства, тамъ нѣтъ и бюрократіи, а есть чепуха, есть безконечная путаница понятій и отношеній, при существованіи которыхъ всякій отдѣльный общественный дѣятель получаетъ возможность играть въ свою собственную дудку»... Ржевскій обвинялъ Салтыкова въ неуваженіи къ общественному мнѣнію. Отвергая это обвиненіе, Салтыковъ замѣчаетъ, что и по отношенію къ общественному мнѣнію не всегда подобаетъ играть роль Молчалина. «Бываютъ общества, гдѣ эксплоатація человѣка человѣкомъ, біеніе по зубамъ и пр. считаются не только обыденнымъ дѣломъ, но даже разсматриваются мѣстными философами и юристами съ точки зрѣнія права. Благоговѣть передъ мнѣніями такихъ обществъ было бы не только безразсудно, но и безсмысленно».

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ по поводу шести вкратцѣ изложенныхъ нами статей Салтыкова, замѣтимъ, что вопросъ о значеніи административной власти, о ея правахъ и обязанностяхъ, объ отношеніяхъ ея къ обществу и земству не переставалъ интересовать Салтыкова и много лѣтъ спустя, когда онъ

Digitized by Google

окончательно оставилъ службу и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ его бумагахъ нашлось нѣсколько нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Современной Лѣтописи» 1870 г., въ которыхъ напечатана замѣтка о губернаторахъ, по поводу тогдашняго проекта административной реформы. Свѣдѣнія, заключавшіяся въ этой замѣткѣ, должны были, очевидно, послужить Салтыкову матеріаломъ для статьи, отъ которой сохранилось въ рукописи только начало вмѣстѣ съ наброскомъ программы дальнѣйшаго изложенія. Основная мысль статьи, предназначавшейся, вѣроятно, для «Отечественныхъ Записокъ», заключалась, повидимому, въ томъ, что губернаторская власть подлежитъ не усиленію (какъ тогда предполагалось), а введенію въ законные предѣлы. «Власть губернаторовъ, — говоритъ Салтыковъ,—въ настоящее время настолько обширна, что усилить ее нѣтъ возможности. Какъ расширить то, что́ уже само по себѣ не имѣетъ точныхъ границъ? Когда все дано, то трудно себѣ представить, чтобы существовало что-нибудь такое, что́ было бы болѣе этого всего».

Публицистическія статьи Салтыкова, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г., замѣчательны, прежде всего, уже тѣмъ, что появились въ свѣтъ за полною его подписью. Онъ не счелъ нужнымъ скрыться даже подъ прозрачнымъ псевдонимомъ Щедрина, къ которому такъ часто прибѣгалъ въ другихъ случаяхъ. Онъ не могъ не знать, что его статьи многихъ раздражатъ, многихъ испугаютъ, подвергнутся злостнымъ перетолкованіямъ,—и несмотря на то, или именно потому, выступилъ на сцену съ поднятымъ забраломъ. Это было почти равносильно отказу отъ дальнѣйшей административной карьеры *). Въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ служилъ тогда Салтыковъ, охлажденіе къ только-что совершившейся реформѣ наступило весьма быстро, и горячая ея защита не могла нравиться власть имущимъ лицамъ. Когда Салтыковъ утверждалъ, что

*) Комическое впечатлѣніе производитъ, поэтому, намекъ Ржевскаго на желаніе Салтыкова сдѣлаться «крутогорскимъ» губернаторомъ.

Digitized by Google

«недоразумѣнія» между помѣщиками и крестьянами почти всегда могутъ быть покончены миролюбиво, путемъ увѣщанія и соглашенія, его слова должны были показаться косвеннымъ осужденіемъ «экстренныхъ мѣропріятій», которыми былъ такъ богатъ 1861 годъ. Когда онъ предлагалъ устройство губернскихъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, его могли обвинить въ стремленіи поставить общественный контроль на мѣсто или выше правительственнаго надзора. Когда онъ рекомендовалъ дворянамъ вступленіе въ составъ сельскаго общества и волости, его могли заподозрить въ ультра-демократическихъ тенденціяхъ, въ непризнаніи границъ, установленныхъ обычаемъ и закономъ. Не останавливаясь передъ подобными соображеніями, Салтыковъ рѣшился высказать, по возможности, все то, что̀ накопилось у него на душѣ во время службы въ двухъ центральныхъ губерніяхъ. Онъ видѣлъ, какую массу дурныхъ чувствъ возбудило освобожденіе крестьянъ, какими опасностями и затрудненіями окружено новое дѣло. Онъ зналъ, что всѣ огорченные и обиженные реформой стоятъ на стражѣ «недоразумѣній», чтобы тотчасъ же закричать о необходимости экстренныхъ полицейскихъ мѣръ, а потомъ изъ самаго факта принятія этихъ мѣръ вывести заключеніе о преждевременности освобожденія. Настаивая на миролюбивомъ прекращеніи «недоразумѣній», Салтыковъ касался именно того вопроса, который имѣлъ тогда наибольшую важность: онъ указывалъ тотъ единственный путь, на которомъ было возможно безостановочное и безпрепятственное движеніе впередъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многіе изъ крестьянскихъ «бунтовъ», омрачившихъ великій 1861 годъ, могли быть предупреждены своевременнымъ, *терпѣливымъ* разъясненіемъ новыхъ поземельныхъ и личныхъ отношеній, а чѣмъ меньше было бы бунтовъ, тѣмъ меньше было бы матеріаловъ для реакціи, первые признаки которой замѣчаются уже въ 1862 году.

Обвиненіе Салтыкова въ бюрократизмѣ возбуждаетъ невольную улыбку, въ особенности теперь, когда записка объ устройствѣ полиціи познакомила насъ съ взглядами Салтыкова на задачи и пріемы управленія. И тогда, впрочемъ, не трудно было понять, что

Digitized by Google

защитникъ гласности и общественнаго контроля, систематическій противникъ «экстренныхъ» мѣръ не имѣетъ ничего общаго съ бюрократомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это слово оппонентъ Салтыкова—Ржевскій. Отличительный признакъ истаго бюрократа—это недовѣріе къ суду и къ обществу, а Салтыковъ требовалъ формальной отвѣтственности посредниковъ передъ судомъ, нравственной отвѣтственности ихъ передъ обществомъ. Огражденію мировыхъ посредниковъ отъ административнаго усмотрѣнія онъ сочувствовалъ вполнѣ; онъ хотѣлъ только, чтобы надзоръ сената не былъ пустымъ словомъ и чтобы къ нему присоединялся надзоръ товарищей, соединяемыхъ этимъ самымъ въ одну крѣпко сплоченную корпорацію. Какимъ же образомъ могло случиться, что къ Салтыкову была примѣнена столь мало подходящая къ нему кличка бюрократа? Объясняется это, какъ намъ кажется, довольно просто. Мировые посредники, какъ извѣстно, могли быть избираемы только изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ, т. е. изъ числа бывшихъ помѣщиковъ. Естественно было предполагать, что они будутъ дѣйствовать, бо́льшею частью, въ интересахъ своего сословія. Кто желалъ этого, тотъ настаивалъ, подобно Ржевскому, на возможно бо́льшей независимости мировыхъ посредниковъ, на возможно бо́льшемъ нейтралитетѣ представителей власти, лично не заинтересованныхъ въ дѣлѣ переустройства аграрныхъ отношеній и потому сравнительно безпристрастныхъ. Кто, наоборотъ, опасался односторонняго покровительства помѣщичьихъ интересовъ, тотъ, подобно Салтыкову, искалъ гарантій противъ посредническаго произвола и находилъ ихъ въ разныхъ формахъ отвѣтственности. Открыть свои карты сторонникамъ помѣщичьихъ интересовъ было не совсѣмъ удобно, и вотъ, зная недовѣріе тогдашняго общества къ администраціи, нерасположеніе къ принципу правительственнаго вмѣшательства, они пускаютъ въ ходъ страшное словечко: *бюрократъ*. Бюрократами слыли тогда, въ извѣстныхъ сферахъ, Николай Милютинъ, Яковъ Соловьевъ и другіе дѣятели редакціонныхъ комиссій; не удивительно, что къ тому же сонму оказался сопричисленнымъ и Салтыковъ, и столь же понятно, что онъ отнесся довольно

Digitized by Google

хладнокровно къ этому сопричисленію. Истинный его смыслъ сдѣлается для насъ совершенно понятнымъ, если мы припомнимъ, что Салтыковъ изобличался одновременно въ бюрократизмѣ и въ сочувствіи «извѣстной школѣ реформаторовъ, желающихъ во что бы то ни стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ населенія»... Слабымъ пунктомъ въ полемикѣ Салтыкова противъ Ржевскаго кажется намъ одно лишь теоретическое опредѣленіе бюрократіи и противопоставленіе ея земству. Администрація, предоставляющая земству широкую свободу въ завѣдываніи мѣстными дѣлами и удерживающая за собою, въ общегосударственныхъ интересахъ, только общій контроль надъ дѣятельностью земства, едва ли можетъ быть названа бюрократіей. Характеристическіе признаки бюрократіи совсѣмъ другіе: это—высокомѣрное отношеніе къ «ограниченному уму» простыхъ гражданъ, стремленіе къ вездѣсущію и всевластію чиновничества, безусловная вѣра въ спасительную силу запрещеній и предписаній. Господство бюрократіи, съ этой точки зрѣнія, вполнѣ возможно и тамъ, гдѣ нѣтъ земства. Въ до-реформенной Россіи преобладала бюрократія, грубая, первобытная, неумѣлая, но все-таки бюрократія, къ которой принадлежали, до извѣстной степени, и «даровые полиціймейстеры», т. е. помѣщики, какъ начальники надъ своими крѣпостными. Ошибка Салтыкова заключалась, впрочемъ, исключительно въ неправильномъ выборѣ термина. Въ своихъ газетныхъ статьяхъ, какъ и въ запискѣ о переустройствѣ полиціи, онъ исходилъ изъ совершенно правильнаго пониманія взаимныхъ отношеній администраціи и земства. Мысли его по этому предмету и въ послѣдующее время—можно сказать—сохранили всю свою цѣну и далеко не утратили прежней своей силы.

Намъ могутъ замѣтить, что дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва, въ огромномъ бодьшинствѣ случаевъ, не давала повода къ подозрѣніямъ, съ которыми относился къ ней Салтыковъ. Совершенно справедливо; но изъ того, что мы это видимъ *теперь*, еще не слѣдуетъ, что это должны были видѣть и современники. Надежды крѣпостниковъ оказались тщетными, но это еще не значитъ, что онѣ не существовали. Уже одно то

Digitized by Google

обстоятельство, что за возможно бо́льшую безотвѣтственность посредниковъ стояли такіе публицисты, какъ Ржевскій, оправдывавтъ недовѣрчивость Салтыкова. Въ первой половинѣ 1861 года, къ которой относятся его статьи, нельзя было еще предугадать общій характеръ дѣятельности новыхъ учрежденій, а отдѣльные случаи злоупотребленій или бездѣйствія власти, подъ вліяніемъ которыхъ, очевидно, писалъ Салтыковъ, позволяли опасаться широкаго развитія подобныхъ явленій. Въ чемъ Салтыковъ былъ правъ безусловно — это въ проповѣди сближенія между помѣщиками и крестьянами и въ указаніи путей, къ нему ведущихъ. Обязательное включеніе помѣщиковъ въ составъ сельскаго общества и волости, если оно состоялось вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы; крестьяне, привыкшіе повиноваться, слишкомъ легко могли бы подпасть подъ исключительное вліяніе своихъ недавнихъ господъ. Другое дѣло—добровольное присоединеніе помѣщика, покончившаго всѣ расчеты съ бывшими крѣпостными. Оно дало бы сельскимъ обществамъ и волостямъ дружественныхъ совѣтниковъ и руководителей, въ которыхъ они тогда такъ нуждались, и послужило бы естественнымъ переходомъ къ сознанію настоящей всесословной волости, своевременное осуществленіе которой послужило бы залогомъ правильнаго развитія нашей государственной и общественной жизни.

9-го февраля 1862 г. Салтыковъ въ первый разъ вышелъ въ отставку. Сначала онъ хотѣлъ поселиться въ Москвѣ и основать тамъ двухнедѣльный журналъ; но когда ему это, какъ мы увидимъ, не удалось, онъ переѣхалъ въ Петербургъ и съ начала 1863 г. сдѣлался, de facto, однимъ изъ редакторовъ «Современника». Нѣсколько раньше — повидимому, въ концѣ 1862 г.—онъ написалъ «Замѣчанія на проектъ устава о книгопечатаніи», составленный въ это время особой комиссіей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ князя Д. А. Оболенскаго (впослѣдствіи этотъ проектъ былъ пересмотрѣнъ другой комиссіей, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и послужилъ основаніемъ закона 6-го апрѣля

Digitized by Google

1865 г.). Замѣчанія на проектъ — черновая рукопись ихъ сохранилась въ бумагахъ Салтыкова — начинаются съ указанія на общіе его недостатки. По мнѣнію Салтыкова, они заключаются въ слѣдующемъ: 1) Проектъ направленъ исключительно къ огражденію отъ злоупотребленія печатнымъ словомъ. Въ этомъ убѣждала его та предусмотрительность, съ которою цензура вооружалась не столько для преслѣдованія преступленій совершившихся, сколько для предупрежденія преступленій воображаемыхъ. Такая предусмотрительность, — писалъ онъ, — можетъ быть умѣстной только во Франціи, гдѣ вся внутренняя политика устремлена исключительно къ охраненію династическихъ интересовъ Наполеона III, или въ странахъ покоренныхъ и потому находящихся на военномъ положеніи. 2) Не представляя ничего существенно новаго, проектъ замѣняетъ лишь произволъ безпорядочный, существовавшій доселѣ, произволомъ систематическимъ и формально узаконеннымъ (право высшей администраціи разрѣшать или не разрѣшать періодическое изданіе, принимать или не принимать мнѣніе главнаго управленія относительно административныхъ взысканій или преданіе суду). Коррективомъ произвола, дѣйствовавшаго безъ правилъ и даже безъ права, могли служить личныя послабленія; на будущее время нельзя разсчитывать даже на этотъ коррективъ. 3) Предварительная цензура, оставляемая въ силѣ для многихъ произведеній печати, будетъ строже, чѣмъ прежде, потому что дозволенная цензурой книга все-таки можетъ быть запрещена, съ отвѣтственностью цензора за убытки, понесенные издателемъ или авторомъ. 4) Проектъ имѣетъ видъ сколка съ французскаго (наполеоновскаго) законодательства о печати. Хотя комиссія изучила даже бразильское законодательство, но сердце ея, очевидно, лежало къ французскому. При существующемъ въ публикѣ мнѣніи насчетъ зависимыхъ отношеній нашего правительства къ французскому, — говоритъ Салтыковъ,—едва ли было бы желательно, чтобы законодательство о книгопечатаніи представляло подтвержденіе этой мысли *). 5) Комиссія не должна забывать,

*) Салтыковъ намекаетъ здѣсь, вѣроятно, на упорно державшійся

Digitized by Google

что въ публикѣ ожидается законъ, облегчающій свободу слова, а не такой, который регламентируетъ лишь способы стѣсненія ея. Не должно скрывать отъ себя также, что въ публикѣ и безъ того ходятъ преувеличенные слухи о вліяніи правительства на направленіе литературы: не лишнее было бы, чтобы новое законодательство ослабило эту мысль, принявъ за исходный пунктъ возможность существованія въ Россіи самостоятельной литературы. Подобное признаніе произведетъ впечатлѣніе выгодное и для самого правительства, которое не настолько слабо, чтобы публично сознаваться въ неимѣніи другихъ средствъ защиты.

Отъ общихъ замѣчаній на весь проектъ Салтыковъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ его статей, а также нѣкоторыхъ изъ числа соображеній, которыми руководилась составлявшая его комиссія. Необходимость особенно строгихъ предупредительныхъ мѣръ по отношенію къ періодическимъ изданіямъ комиссія мотивировала, между прочимъ, тѣмъ, что эти изданія дѣйствуютъ непрерывно, систематически, образуя цѣлое направленіе, неуловимое для преслѣдованія. «Что это за направленіе, — спрашиваетъ Салтыковъ, — которое всѣ чувствуютъ, но уловить не могутъ? Положительно можно сказать, что такихъ направленій нѣтъ и быть не можетъ, *преимущественно* въ журналахъ и газетахъ. Журналъ и газета имѣютъ дѣло съ *фактомъ*, съ подробностями общественной жизни; связанные этимъ, они волей или неволей должны высказываться опредѣлительно, такъ какъ въ противномъ случаѣ потеряютъ всякое значеніе для публики». Дѣйствовать посредствомъ направленія, выражающагося въ умолчаніи, въ неясныхъ намекахъ, можетъ только подцензурная, несвободная печать; при свободѣ печати кто же станетъ подписываться на изданіе, потчующее *направленіемъ*, тогда какъ рядомъ съ нимъ другой органъ печати обсуждаетъ жизненные факты ясно и безбоязненно?.. Комиссія

въ обществѣ, хотя и явно нелѣпый, слухъ о вліяніи французскаго правительства на освобожденіе крестьянъ. Предположеніямъ о «зависимости» положили конецъ знаменитыя апрѣльскія ноты кн. Горчакова (1863 г.) по польскому вопросу.

Digitized by Google

опасалась далѣе, что журналамъ и газетамъ удастся утомить преслѣдующую власть, выходя за предѣлы дозволеннаго безпрестанно, но не слишкомъ далеко и не слишкомъ замѣтно. «Неужели, — возражаетъ на это Салтыковъ, — наша литература имѣетъ такое громадное развитіе, что можетъ даже утомить силы преслѣдующей власти? И что же такое эта преслѣдующая власть, которая такъ скоро утомляется?» Не имѣетъ никакихъ основаній, по мнѣнію Салтыкова, право администраціи освобождать или не освобождать періодическое изданіе отъ предварительной цензуры. Если и смотрѣть на слово какъ на нѣчто въ родѣ смертоноснаго орудія, «то все-таки нельзя отнимать у писателей право, которымъ обладаетъ всякій разбойникъ: право подвергать себя наказанію за совершенное преступленіе». Право автора и издателя такихъ произведеній, которыя освобождены отъ предварительной цензуры, подчиняться ей добровольно — Салтыкову кажется излишнимъ. «Какая надобность правительству предлагать свою опеку для всѣхъ нищихъ духомъ? Вѣдь не учреждаетъ же оно особой палаты для управленія тѣми имѣніями, владѣльцы которыхъ не умѣютъ извлечь изъ нихъ всѣхъ выгодъ». Во-вторыхъ, благонамѣренные издатели могутъ, если встрѣтятъ сомнѣніе въ своей благонамѣренности, посовѣтоваться съ своими пріятелями, а не затруднять правительство. Въ-третьихъ, наконецъ, проектируемый порядокъ можетъ породить въ литературѣ «дурныя привычки»; могутъ найтись люди, подчиняющіеся цензурѣ съ цѣлью заявить о своей благонамѣренности. Чѣмъ больше наберется такихъ людей, тѣмъ болѣе подозрительными будутъ казаться неслѣдующіе ихъ примѣру... Отъ перехода цензуры въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ Салтыковъ не ожидалъ пользы для литературы. Литература — одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ народнаго просвѣщенія; слѣдовательно ей и приличнѣе было бы оставаться въ вѣдомствѣ того министерства, которое завѣдуетъ просвѣщеніемъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ что-нибудь сдѣлать къ огражденію интересовъ науки и литературы. «Что сдѣлано въ этомъ отношеніи проектомъ?» — спрашиваетъ

Digitized by Google

Салтыковъ. «Предположено учредить при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Изъ кого онъ долженъ состоять? Изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ министромъ. Какія права членовъ? Право представлять министру свои замѣчанія и видѣть ихъ оставленными безъ вниманія»... Гораздо цѣлесообразнѣе было бы «наблюдательное учрежденіе», пользующееся извѣстною степенью независимости и самостоятельности, — другими словами, избираемое самими литераторами. Противъ такого избранія Салтыковъ предвидитъ два возраженія: *первое* — что литераторы стали судьями въ собственномъ дѣлѣ, *второе* — что нѣтъ литературной корпораціи, которой могло бы быть поручено производство выборовъ. Первое изъ этихъ возраженій Салтыковъ опровергаетъ тѣмъ, что «литература нигдѣ и ни въ какія времена не составляетъ однороднаго цѣлаго; напротивъ, въ ней имѣются самые разнообразные оттѣнки, начиная отъ крайне консервативнаго до крайне оппозиціоннаго. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы изъ выборовъ вышли люди крайностей, по той простой причинѣ, что крайняя партія прежде всего опасается торжества партіи ей противоположной». Отсюда вѣроятность соглашенія на чемъ-либо среднемъ, представляющемъ бо́льшія гарантіи безпристрастія. Подтвержденіе этого предположенія Салтыковъ видитъ въ составѣ комитета литературнаго фонда. Что касается до второго возраженія, то Салтыковъ считаетъ вполнѣ возможнымъ созывъ представителей отъ существующихъ органовъ русскаго слова — по два отъ большихъ и по одному отъ менѣе значительныхъ. Составленный такимъ образомъ совѣтъ пользовался бы безусловнымъ довѣріемъ литературы и былъ бы въ то же время соединяющимъ звеномъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ.

Возражая противъ той статьи проекта, которою разрѣшеніе или неразрѣшеніе новыхъ періодическихъ изданій ставилось въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи, Салтыковъ считаетъ ее, прежде всего, излишней, въ виду другихъ предупредительныхъ и репрессивныхъ мѣръ, установляемыхъ проек-

Digitized by Google

томъ. Каждое новое изданіе увеличитъ количество труда, лежащаго на министерствѣ; отсюда вѣроятность неосновательныхъ отказовъ, а, между тѣмъ, отказъ равносиленъ сопричисленію просителя къ разряду людей неблагонамѣренныхъ. «Пишущій эти строки,—продолжаетъ Салтыковъ,—на себѣ испыталъ неудобство такого порядка вещей. Въ апрѣлѣ настоящаго (очевидно, 1862) года онъ просилъ, черезъ московскій цензурный комитетъ, разрѣшенія на изданіе въ Москвѣ двухнедѣльнаго журнала, но г. министръ народнаго просвѣщенія не счелъ нужнымъ дать просимое разрѣшеніе на томъ основаніи, что такъ какъ разсматриваются новыя законоположенія о книгопечатаніи, то и принято за правило до окончанія этого дѣла не разрѣшать новыхъ журналовъ. Законоположенія эти до сихъ поръ не разсмотрѣны, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ разрѣшено не мало-таки новыхъ журналовъ. Что̀ означаетъ этотъ фактъ? Не то ли, что просто-на-просто хотѣли отказать въ изданіи журнала именно Салтыкову; но почему же Салтыкову, который четырнадцать лѣтъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, и изъ нихъ четыре года былъ вице-губернаторомъ? Салтыковъ могъ, на общемъ законномъ основаніи, принести жалобу сенату; почему же онъ не воспользовался этимъ правомъ? А потому, просто, что въ то время, когда вышелъ отказъ, онъ думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ существуетъ какое-то правило о временномъ неразрѣшеніи журналовъ; когда же онъ впослѣдствіи убѣдился, что такого правила нѣтъ или что оно нарушается, то срокъ на подачу жалобы прошелъ». Возможность такихъ фактовъ заставляетъ Салтыкова отдать предпочтеніе австрійской системѣ, требующей отъ редактора только одного условія: безукоризненной нравственности. Чтобы отказать въ разрѣшеніи на изданіе, правительство, при этой системѣ, должно доказать претенденту на редакторство его безнравственность. «Если оно докажетъ это—ну, и съ Богомъ; по крайней мѣрѣ и то утѣшительно, что въ Австріи разговариваютъ, а то такъ, безъ разговоровъ... Это ужъ слишкомъ легко!..» Остальныя замѣчанія Салтыкова, мотивированныя гораздо короче, направлены противъ требованія залога отъ под-

Digitized by Google

цензурныхъ изданій, противъ проектированнаго порядка разрѣшенія типографій и повѣрки производимыхъ въ типографіи работъ и противъ безапелляціонности административныхъ взысканій, налагаемыхъ на органы печати. Были ли представлены кому-либо замѣчанія Салтыкова на проектъ устава о книгопечатаніи, и если были, то кому именно — не знаемъ. По всей вѣроятности, они не были оставлены имъ подъ спудомъ и имѣлись въ виду при дальнѣйшей разработкѣ проекта. Весьма любопытно, что они не содержатъ въ себѣ ни слова противъ личной отвѣтственности писателей, противъ которой такъ сильно ратовалъ Салтыковъ въ 1880 г., когда ожидался пересмотръ законодательства о печати (т. VI, «За рубежемъ», стр. 80—82). Замѣну административныхъ каръ, направленныхъ противъ *изданія*, карами судебными, направленными противъ *автора*, Салтыковъ признаетъ здѣсь желательною только подъ слѣдующими условіями: 1) чтобы процедура преданія суду сопровождалась не сверхъестественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ; 2) чтобы суды были тоже не сверхъестественные, а обыкновенные, такіе же, какъ для татей, и 3) чтобы «кутузки ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ книгопечатанія не полагалось». «Ежели эти мечтанія осуществятся,—прибавляетъ Салтыковъ,—да еще ежели денежными штрафами не слишкомъ донимать будутъ, то будетъ совсѣмъ хорошо».

Въ продолженіе двухъ лѣтъ (1863 и 1864), проведенныхъ имъ въ редакціи «Современника», Салтыковъ писалъ чрезвычайно много. Только небольшая часть напечатаннаго имъ въ это время вошла въ составъ отдѣльныхъ изданій («Невинные разсказы», «Признаки времени», «Помпадуры и Помпадурши») и полнаго собранія его сочиненій. Обозрѣніе остальныхъ его статей, относящихся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ, сдѣлано было А. Н. Пыпинымъ *).

Вотъ составленный имъ списокъ статей Салтыкова, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» за 1863—1864 годы:

---

*) См. №№ 10, 11 и 12 «Вѣстника Европы» за 1889 г.

Digitized by Google

—1863. Книги 1—2.—Невинные разсказы. I. Деревенская тишь. II. Для дѣтскаго возраста. III. Миша и Ваня. Н. Щедрина, стр. 161—208.

— Нѣсколько словъ по поводу замѣтки, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1862 годъ. *Т—на*, стр. 1—16.

— Немного лѣтъ назадъ, романъ Лажечникова, стр. 111—123; Кремуцій Кордъ, Н. Костомарова, стр. 123—126; Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Воспитанница Сара. А. Вельтмана, стр. 126—129; Стихи Вс. Крестовскаго, стр. 129—136; Гражданскіе мотивы, сборн. современныхъ стихотвореній, изд. подъ редакціей А. П. Пятковскаго; Пѣсни скорбнаго поэта, стр. 136—140; Литературная подпись, А. Скавронскаго («Время» 1862 г., № 12), стр. 140—142; О старомъ и новомъ порядкѣ и объ устроенномъ трудѣ (travail organisé) въ примѣненіи къ нашимъ помѣстнымъ отношеніямъ. Члена вольнаго экономическаго Общ. Н. А. Безобразова, стр. 142—146 (разборы книгъ, безъ подписи).

— Московскія письма. I. *К. Гурина*, стр. 163—176.

— Петербургскіе театры (безъ подписи), стр. 177—198.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 357—376.

» Книга 3-я. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. *Н. Щедрина*, стр. 162—174.

— Московскія письма. II. *К. Гурина*, стр. 12—22.

— Нѣсколько полемическихъ предположеній. Изъ письма въ редакцію (безъ подписи), стр. 1—10.

— Анаѳема или торжество православія и пр. Быстротокова (разборъ книги, безъ подписи), стр. 128—130.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 175—202.

» Книга 4-я.—Нѣсколько серьезныхъ словъ, по поводу новѣйшихъ событій въ С.-Петербургѣ. М. Бенидкаго; Замѣтки и отзывы «Русск. Вѣстн.» 1863 г., № 1-й, стр. 285—295; Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго, гр. А. К. Толстого (разборы книгъ, безъ подписи), стр. 295—306.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 375—402.

— Свистокъ: Цензоръ впопыхахъ (есть въ видѣ грубости). *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 12—19; Письма отца къ сыну, стр. 19—32; Московскія пѣсни объ искушеніяхъ и невинности. Гимнъ публицистовъ. Элегія. *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 32—37; Неблаговонный анекдотъ о г.

Digitized by Google

Юркевичѣ или исканіе розы безъ шиповъ (безъ подписи), стр. 37—51; Секретное занятіе, комедія въ четырехъ сценахъ (безъ подписи), стр. 51 — 54; Пѣснь московскаго дервиша. *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 71—72; Сопѣлковцы, стр. 81—82; Заявленіе отъ Свистка, стр. 87—88.

Книга 5-я.—Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 219—258.

—1863. Книга 8-я.—Какъ кому угодно. Разсказы, сцены, размышленія и афоризмы, стр. 567—610.

— Въ деревнѣ (безъ подписи), стр. 173—198.

» Книга 9-я.—«Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!» Провинціальный романсъ въ дѣйствіи. *Н. Щедрина*, стр. 292—311.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 127—148.

» Книга 11-я. Петербургскіе театры. Горькая судьбина. Писемскаго (разборъ, безъ подписи), стр. 90—106.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 138—164.

» Книга 12-я.—Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 197— 242.

— Воля. Два романа изъ быта бѣглыхъ. А. Скавронскаго, стр. 243—252; Полное собраніе сочиненій Г. Гейне. Въ русскомъ переводѣ, изд. подъ редакціей Ѳ. Берга (разборы книгъ, безъ подписи), стр. 252—253.

—1864. Книга 1.—«Здравствуй, милая, хорошая моя!» Провинціальный романсъ въ дѣйствіи. *Н. Щедрина*, стр. 42—64.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 17—48.

— Новыя стихотворенія А. Плещеева, стр. 79—82; Наши безобразники, сцены Н. Потѣхина, стр. 82—83; Сказки Марко-Вовчка, стр. 83—85 (разборы книгъ, безъ подписи).

» Книга 2.—Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 17—48.

— Новыя стихотворенія А. Н. Майкова, стр. 260—271; Воздушное путешествіе черезъ Африку, Юлія Верна, переводъ съ франц., изданіе Алексѣя Головачева, стр. 289—290 (разборы книгъ, безъ подписи).

» Книга 3-я.—«На зарѣ ты ее не буди». Романсъ. *Н. Щедрина*, стр. 189—224.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 27—62.

» Книга 4-я.—Записки и письма М. С. Щепкина и проч., стр. 255—258; Моя судьба, М. Камской, стр. 258—261; Разсказы изъ записокъ стараго письмоводителя, Александра Высоты, стр. 261. Сборникъ изъ исторіи старообрядства, изд. Н. И. Попова, стр. 266—267 (разборы книгъ, безъ подписи).

Digitized by Google

—1864. Книга 5-я. — Литературныя мелочи (безъ подписи), стр. 1—26.

— Чужая вина, комедія Ѳ. Устрялова (разборъ, безъ подписи), стр. 57—59.

» Книга 8-я.—«Она еще едва умѣетъ лепетать». *Н. Щедрина*, стр. 343—368.

— Ролла, поэма Мюссе (разборъ, безъ подписи), стр. 201—207.

» Книга 10-я.—Въ своемъ краю. Романъ К. Н. Леонтьева, стр. 177—183 (разборъ, безъ подписи).

» Книга 12-я—Письмо въ редакцію М. Салтыкова, стр. 176.

Къ началу тѣхъ же шестидесятыхъ годовъ относится характеристика Салтыкова, встрѣчающаяся въ «Воспоминаніяхъ» госпожи Головачевой *). «Сумрачное выраженіе лица»,— которое госпожа Головачева замѣчала въ Салтыковѣ-лицеистѣ, — «еще болѣе усилилось. Я замѣтила, что у него появилось нервное движеніе шеи, точно онъ желалъ высвободить ее отъ туго завязаннаго галстука. Изъ молчаливаго онъ сдѣлался очень говорливъ... Я была однажды свидѣтельницей страшнаго раздраженія Салтыкова противъ литературы. Не могу припомнить названія его очерка или разсказа, запрещеннаго цензоромъ. Это запрещеніе было очень непріятно и Некрасову, потому что нужно было дать набирать вновь что-нибудь другое, отчего нумеръ журнала долженъ былъ очень запоздать. Салтыковъ явился въ редакцію въ страшномъ раздраженіи и нещадно сталъ бранить русскую литературу, говоря, что можно поколѣть съ голоду, если писатель разсчитываетъ жить литературнымъ трудомъ, что одни дураки могутъ посвящать себя литературному труду при такихъ условіяхъ, когда какой-нибудь вислоухій камергеръ имѣетъ власть не только исказить, но запретить печатать умственный трудъ литератора, что чиновничья служба имѣетъ передъ литературой хоть то преимущество, что человѣка не грабятъ. Салтыковъ увѣрялъ, что онъ навсегда прощается съ литературой, и набросился на Некрасова, который, усмѣхнувшись, ему замѣтилъ, что не вѣритъ этому». Весьма можетъ быть, что въ одномъ изъ такихъ

*) См. «Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 11, стр. 273—4.

Digitized by Google

настроеній Салтыковъ рѣшился оставить литературу или, по крайней мѣрѣ, журналистику и вновь поступить на службу. Были дѣлаемы попытки объяснить его выходъ изъ «Современника» размолвкой съ редакціею, вызванной, будто бы, нападеніями на Салтыкова со стороны «Эпохи» и въ особенности «Русскаго Слова»; но это опровергается свидѣтельствомъ А. Н. Пыпина *) и самымъ фактомъ продолжавшагося сотрудничества Салтыкова въ «Современникѣ», продолжавшейся близости его къ Некрасову. Какъ бы то ни было, 6-го ноября 1864 г., черезъ два года и девять мѣсяцевъ послѣ перваго выхода въ отставку, Салтыковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ пензенской казенной палаты. Два года спустя, 2-го ноября 1866 г., онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тулу, а въ октябрѣ 1867 г.—въ Рязань. Время службы Салтыкова въ вѣдомствѣ министерства финансовъ было временемъ наименьшей дѣятельности его въ области литературы. Въ продолженіе трехъ лѣтъ (1865, 1866 и 1867 г.) напечатана, сколько намъ извѣстно, только одна его статья (впослѣдствіи вошедшая въ составъ сборника: «Признаки времени»): «Завѣщаніе моимъ дѣтямъ» («Современникъ» 1866 г., № 1). Очевидно, Салтыковъ хотѣлъ-было порвать съ литературой; но влеченіе его къ ней было слишкомъ сильно. Когда Некрасовъ пригласилъ Салтыкова къ участію въ преобразованныхъ (съ 1-го января 1868 г.) «Отечественныхъ Запискахъ», Салтыковъ сразу сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ этого журнала **), а 14-го іюня 1868 г. окончательно вышелъ въ отставку, поселился въ Петербургѣ и сдѣлался, фактически, однимъ изъ редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ 1877 г., послѣ смерти Некрасова, онъ былъ утвержденъ редакторомъ журнала и руководилъ имъ до самаго его запрещенія (въ апрѣлѣ 1884 г.). По единогласному отзыву бывшихъ его сотрудниковъ

*) См. «Вѣстникъ Европы» 1889 г., № 11, стр. 228—229.

**) Изъ числа шести первыхъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» 1868 г., вышедшихъ до отставки Салтыкова, его статей нѣтъ только въ двухъ (3-й и 6-й); во второй книжкѣ помѣщены, зато, двѣ его статьи.

Digitized by Google

(Н. К. Михайловскаго, А. М. Скабичевскаго, Я. В. Абрамова и др.), онъ работалъ, какъ редакторъ, чрезвычайно много. Въ рукописяхъ, особенно беллетристическихъ, онъ часто дѣлалъ большія сокращенія и измѣненія, значительно поднимавшія достоинство произведеній и способствовавшія ихъ успѣху. По свидѣтельству тѣхъ же лицъ, подъ суровою внѣшностью и рѣзкими манерами у него скрывалась величайшая доброта, дѣлавшая его дорогимъ для всѣхъ имѣвшихъ случай узнать его поближе. Понятно, что запрещеніе журнала должно было оставить большой пробѣлъ въ жизни Салтыкова, хотя возможность продолжать литературную дѣятельность представилась для него весьма скоро. Въ бумагахъ его нашлось начало «оправдательной записки» слѣдующаго содержанія: «Я никогда не могъ похвалиться ни хорошимъ здоровьемъ, ни физическою силой, но съ 1875 г. не проходило почти ни одного дня, въ который я могъ бы сказать, что чувствую себя изрядно. Постоянные болѣзненные припадки и мучительная воспріимчивость, съ которою я всегда относился къ современности, положили начало тому злому недугу, съ которымъ я сойду и въ могилу. Не могу также пройти молчаніемъ и непрерывнаго труда: могу сказать смѣло, что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ, и только когда мнѣ становилось уже очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье. Наконецъ, закрытіе «Отечественныхъ Записокъ» и болѣзнь сына окончательно сломили меня. Недугъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ и сдѣлался главнымъ факторомъ моей жизни»...

Неизданныхъ или мало извѣстныхъ матеріаловъ, которые относились бы къ послѣднимъ двадцати пяти годамъ жизни Салтыкова, въ нашихъ рукахъ нѣтъ почти вовсе. Намъ доставлено лишь нѣсколько писемъ Салтыкова къ его дѣтямъ, и одно письмо, отъ 2-го января 1881 г., къ писателю, только-что передъ тѣмъ напечатавшему разборъ одного изъ произведеній Салтыкова («Круглаго года»). Это послѣднее письмо очень интересно, но, къ сожалѣнію, напечатаніе его вполнѣ было бы еще преждевременно, а потому мы ограничимся однимъ отрывкомъ. «Мнѣ кажется,— пишетъ Салтыковъ, — что писатель, имѣющій въ виду не одни

Digitized by Google

интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, что останавливаться на этихъ стадіяхъ—значитъ добровольно стѣснять себя. Я положительно увѣренъ, что бо̀льшее или меньшее совершенство этихъ идеаловъ зависитъ отъ бо̀льшаго или меньшаго усвоенія человѣкомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда успѣха прикладныхъ наукъ... Устраиваться въ подробностяхъ, отстаивать одни и разрушать другія — дѣло публицистовъ. Читая романъ Чернышевскаго: *Что дѣлать*, я пришелъ къ заключенію, что ошибка его заключалась именно въ томъ, что онъ черезчуръ задался практическими идеалами. Кто знаетъ, будетъ ли оно такъ? И можно ли назвать указываемыя въ романѣ формы жизни окончательными? Вѣдь и Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія. Это дало мнѣ поводъ задаться болѣе скромною миссіей, а именно спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права всякаго человѣка, и обратиться къ тѣмъ современнымъ *основамъ*, во имя которыхъ эта свобода изслѣдованія попирается»...

Письма Салтыкова къ дѣтямъ — сыну Константину и дочери Елизаветѣ—написаны весною и лѣтомъ 1880 и 1881 г., когда семья Салтыкова находилась за границей, а онъ самъ временно оставался въ Петербургѣ. Сыну его было въ 1880 г. около девяти, дочери—около семи лѣтъ. «Доношу вамъ, — пишетъ Салтыковъ въ первомъ письмѣ (12-го мая 1880 г.), — что безъ васъ скучно и пусто. Когда вы были тутъ, то бѣгали и прятались въ моей комнатѣ, а теперь такая тишина, что страшно. И еще доношу, что куклы ваши здоровы и въ цѣлости. Имъ тоже скучно, что никто ихъ не ломаетъ. А еще доношу, что сегодня Арапка (только-что оперившаяся канарейка, очевидно—большая любимица маленькихъ Салтыковыхъ), когда я вошелъ въ игральную, сѣлъ сначала мнѣ на плечо, а потомъ забрался на голову, и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ уже сходилъ.

Digitized by Google

Вотъ такъ сюрпризъ. Что же касается до Крылатки (также канарейка), то она еще совсѣмъ голенькая, но мать начинаетъ уже летать отъ нея. Ни конфектъ, ни апельсиновъ послѣ вашего отъѣзда въ Петербургѣ уже нѣтъ; всѣ уѣхали, слѣдомъ за вами въ Баденъ. Я думаю, что вы ужъ возобновили съ ними знакомство. Будьте умники и учитесь. Пишите ко мнѣ что вздумается, но непремѣнно пишите. Я буду прятать ваши письма, и когда вы будете большіе, мы станемъ вмѣстѣ ихъ перечитывать. Цѣлую васъ обоихъ крѣпко-на-крѣпко. Какъ только можно будетъ, прилечу. Не забывайте папу». Это письмо мы привели почти цѣликомъ; изъ другихъ заимствуемъ только отрывки. «Дѣла наши въ томъ же положеніи. Куколка лежитъ въ кроваткѣ и почиваетъ; Арапка летаетъ совсѣмъ какъ большой; Бепка (отецъ канареечнаго семейства) обходится съ нимъ какъ съ товарищемъ... А я все кашляю, и все на старый манеръ, даже новаго ничего выдумать не могу. И скучно мнѣ очень, что не слышу больше вашего дѣтскаго милаго шума» (№ 2, 17-го мая). «Совѣтую тебѣ (дочери) писать по линейкамъ. Ты еще маленькая, и надо привыкать писать прямо. Попроси маму, чтобы она васъ по-нѣмецки говорить пріучала: теперь вы легко научитесь, а потомъ будетъ очень трудно. Я всѣ дни сижу дома и скучаю. И дѣлать ничего не хочется. Птицы тоже скучаютъ безъ васъ и одичали. Арапка совсѣмъ дикій сдѣлался и даже не ночуетъ въ клѣткѣ, а забирается на карнизъ на печку» (№ 3, 20-го мая). «Имѣю честь доложить вамъ, что Крылатка вышелъ изъ гнѣзда, а мадамъ (канарейка-мать) опять начала нести яйца. Крылатка—премиленькій, весь въ Бепку; желтенькій, съ сѣрымъ хохолкомъ и сѣрыми крылушками. Лизина кукла все почиваетъ; никакъ разбудить нельзя» (№ 4, безъ числа)... «Костя! пересталъ ли ты вертѣться? Смотри, пріѣду, увижу, что ты вертишься — и заплачу. Мадамъ уже три дня какъ сидитъ на яйцахъ, но сколько яицъ — не знаю, потому что какъ ни придешь, а она все сидитъ. Скучно она, бѣдная, лѣто проводитъ» (№ 5, безъ числа). «Сегодня madame вывела одного маленькаго, а другое яйцо еще цѣло. Какъ назвать но-

Digitized by Google

врожденнаго? Я предлагаю назвать Милкой или Голубчикомъ. А впрочемъ, какъ прикажете, такъ и будетъ. Коверъ твоей куклы, Лиза, цѣлъ и спрятанъ отъ моли; ты можешь быть спокойна. Я очень радъ, что ты мнѣ сама, безъ диктовки, пишешь. Такъ и впередъ дѣлай. Мнѣ хочется знать, что ты думаешь» (№ 8, 9-го іюня). «Я скоро пріѣду и буду часа полтора каждый день читать и заниматься съ вами. Вижу, что вы извольничались безъ меня и никто васъ не наказываетъ. А я буду съ вами ходить и покупать ягоды и шоколадъ пить— вотъ и наказанье» (№ 9, безъ числа). «Объ какихъ куклахъ вы мнѣ пишете? Какія я могу вамъ привезти отсюда—не лучше ли купить тамъ или въ Парижѣ, гдѣ куклы и красивѣе, и дешевле. Я думаю, что вы и сами, подумавши, согласитесь съ этимъ. Лиза! ты хоть и не поцѣловала меня въ письмѣ, но я знаю, что это не нарочно случилось и что ты непремѣнно сейчасъ же объ этомъ вспомнила и мысленно поцѣловала меня. И я тебя, дружокъ, крѣпко цѣлую» (№ 10, безъ числа). Другія три письма относятся къ 1881 году. Въ первомъ, отъ 22-го мая, Салтыковъ проситъ сына обратить вниманіе на почеркъ. «Буквы у тебя выходятъ пузатенькія, съ ножками и рожками. Надо получше писать, потому что члену литературнаго фонда безъ этого стыдно глаза въ свѣтъ показать. Лиза гораздо пріятнѣе пишетъ и надо ее догонять. Очень я радъ, голубчики, что вамъ хорошо живется. Гуляйте и пользуйтесь случаемъ, чтобы по-нѣмецки научиться. Научитесь — будете родителей за границей выручать, потому что родители ваши по-нѣмецки не мастера говорить. А мнѣ здѣсь очень скучно; цѣлые дни на своемъ мѣстѣ сижу и все молчу или кашляю». Въ двухъ другихъ письмахъ разсказывается дѣтямъ сказка объ удивительныхъ похожденіяхъ канареекъ — Бепки, поступившаго въ гимназію, Арапки, вышедшей замужъ за чижа, и т. п. Вся эта переписка не требуетъ комментаріевъ; слишкомъ ясны, сами по себѣ, симпатичныя черты, которыя она прибавляетъ къ образу Салтыкова. Его отношеніе къ семьѣ обрисовывается особенно рельефно въ предсмертномъ письмѣ къ сыну,—столь же рельефно,

Digitized by Google

какъ и отношеніе его къ литературѣ. Вотъ полный текстъ этого письма, отрывки изъ котораго были напечатаны въ газетахъ вскорѣ послѣ смерти Салтыкова: «Милый Костя, такъ какъ я каждый день могу умереть, то вотъ тебѣ мой завѣтъ: люби мать и береги ее; внушай то же и сестрѣ. Помни, что ежели вы не сбережете ее, то вся семья распадется, потому что до совершеннолѣтія вашего еще очень-очень далеко. Старайся хорошо учиться и будь безусловно честенъ въ жизни. Вотъ все. Любящій тебя отецъ. — Еще: паче всего люби родную литературу, и званіе литератора предпочитай всякому другому».

Еще въ октябрѣ 1887 г., вѣроятно, въ виду усилившихся припадковъ болѣзни, М. Е. Салтыковъ началъ обнаруживать въ первый разъ опасеніе близости смерти и приготовилъ письмо къ В. И. Лихачеву (на конвертѣ написано: «вскрыть по смерти»), «какъ къ будущему попечителю» — говорится въ письмѣ — его несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Съ трогательною заботливостью покойный старался тогда предвидѣть все, что, по его мнѣнію, могло бы оградить его дѣтей, въ ихъ нѣжномъ возрастѣ, отъ всякихъ случайностей, и въ своихъ заботахъ онъ доходилъ до такихъ подробностей, что не забылъ упомянуть и о томъ, какъ устроить сыну-лицеисту его праздники-каникулы въ томъ случаѣ, если бы семьѣ его понадобилось лѣтомъ отправиться за границу. «Вообще, я умоляю,—пишетъ онъ въ заключеніе письма,— обратить вниманіе на мою семью». Возвращаясь опять къ заботамъ о сынѣ, М. Е. Салтыковъ прибавляетъ: «Я бы желалъ, чтобы онъ, по выходѣ изъ лицея, поступилъ на службу; будьте такъ великодушны, помогите ему»...

Въ послѣдній годъ жизни покойный, очевидно, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе усиливавшихся припадковъ, началъ дѣлать распоряженія, касавшіяся уже его самого лично; повидимому, онъ дѣлалъ сначала такія распоряженія на клочкахъ бумаги, попадавшихъ ему подъ руки, иногда перомъ, иногда карандашомъ, и складывалъ ихъ въ свой бюваръ на письменномъ столѣ, впослѣдствіи же соединилъ все это вмѣстѣ на отдѣльномъ листкѣ,

Digitized by Google

болѣе тщательно переписанномъ, и озаглавилъ: «Предсмертныя желанія». Въ числѣ такихъ желаній на первомъ мѣстѣ стоитъ ограниченіе суммы расходовъ на его похороны, причемъ онъ не забылъ присоединить: «если не будетъ наличныхъ денегъ, то продать изъ бумагъ»; далѣе слѣдуетъ не только указаніе, въ какихъ именно газетахъ помѣстить объявленіе въ день его смерти, но и самое содержаніе объявленія: «Такого-то числа и мѣсяца, тамъ-то, скончался М. Е. Салтыковъ (Щедринъ); погребеніе тамъ-то». Ниже говорится: «Желаю быть погребеннымъ на Волковомъ кладбищѣ, если можно, около Тургенева; желаю, чтобъ тѣло мое было *непремѣнно* (подчеркнуто авторомъ) вскрыто; на памятникѣ поставить бюстъ Беренштама, бронзовый» (стоявшій въ квартирѣ покойнаго). Въ заключеніе своихъ «предсмертныхъ желаній», М. Е. Салтыковъ говоритъ: «Прошу продать мои сочиненія»—и тутъ же прибавляетъ, что С—овъ давалъ ему 50,000 рублей; «можно согласиться, — пишетъ Салтыковъ,—только чтобы немедленно же печатать; съ капиталомъ за сочиненія поступить, какъ сказано въ завѣщаніи».

Послѣдній пунктъ даетъ возможность нѣсколько болѣе точно опредѣлить время составленія самихъ «предсмертныхъ желаній»: это могло быть не позже декабря 1888 года, когда переговоры между покойнымъ и другими новыми покупателями еще продолжались, и только въ февралѣ 1889 г. были окончательно прерваны, несмотря на то, что, какъ говорятъ, ему предлагали увеличить цѣну до 60,000 рублей, но съ такими условіями, которыя онъ считалъ тяжелыми въ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ дорожилъ болѣе литературными, чѣмъ финансовыми выгодами, а именно желали имѣть право издать его сочиненія съ такими сокращеніями, какія найдетъ издатель необходимыми. Это послѣднее обстоятельство и заставило, главнымъ образомъ, М. Е. Салтыкова взять на самого себя изданіе своихъ сочиненій, которое разошлось въ числѣ 6,500 экземпляровъ гораздо прежде, нежели успѣлъ завершиться годъ послѣ кончины автора.

К. К. Арсеньевъ.

Digitized by Google

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ.

[1856 — 1857 гг.]

Digitized by Google

Digitized by Google

ВВЕДЕНІЕ.

Въ одномъ изъ далекихъ угловъ Россіи есть городъ, который какъ-то особенно говоритъ моему сердцу. Не то чтобы онъ отличался великолѣпными зданіями, нѣтъ въ немъ садовъ семирамидиныхъ, ни одного даже трехъэтажнаго дома не встрѣтите вы въ длинномъ рядѣ улицъ, да и улицы-то все немощеныя; но есть что-то мирное, патріархальное во всей его физіономіи, что-то успокаивающее душу въ тишинѣ, которая царствуетъ на стогнахъ его. Въѣзжая въ этотъ городъ, вы какъ будто чувствуете, что карьера ваша здѣсь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать отъ жизни, что вамъ остается только жить въ прошломъ и переваривать ваши воспоминанія.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ этого города даже дороги дальше никуда нѣтъ, какъ будто здѣсь конецъ міру. Куда ни взгляните вы окрестъ—лѣсъ, луга да степь; степь, лѣсъ и луга; гдѣ-гдѣ вьется прихотливымъ извивомъ проселокъ, и бойко проскачетъ по немъ телѣга, запряженная маленькою рѣзвою лошадкою, и опять все затихнетъ, все потонетъ въ общемъ однообразіи...

Крутогорскъ расположенъ очень живописно; когда вы подъѣзжаете къ нему лѣтнимъ вечеромъ, со стороны рѣки, и глазамъ вашимъ издалека откроется брошенный по крутому берегу городской садъ, присутственныя мѣста и эта прекрасная группа церквей, которая господствуетъ надъ всей

Digitized by Google

окрестностью, вы не оторвете глазъ отъ этой картины. Темнѣетъ. Огни зажигаются и въ присутственныхъ мѣстахъ, и въ острогѣ, стоящихъ на обрывѣ, и въ тѣхъ лачужкахъ, которыя лѣпятся тѣсно, внизу, подлѣ самой воды; весь берегъ кажется усѣяннымъ огнями. И Богъ знаетъ почему, вслѣдствіе ли душевной усталости, или просто отъ дорожнаго утомленія, и острогъ, и присутственныя мѣста кажутся вамъ пріютами мира и любви, лачужки населяются Филемонами и Бавкидами, и вы ощущаете въ душѣ вашей такую ясность, такую кротость и мягкость... Но вотъ долетаютъ до васъ звуки колоколовъ, зовущихъ ко всенощной; вы еще далеко отъ города, и звуки касаются слуха вашего безразлично, въ видѣ общаго гула, какъ будто весь воздухъ полонъ чудной музыки, какъ будто все вокругъ васъ живетъ и дышитъ; и если вы когда-нибудь были ребенкомъ, если у васъ было дѣтство, оно съ изумительною подробностью встанетъ передъ вами, и внезапно воскреснетъ въ вашемъ сердцѣ вся его свѣжесть, вся его впечатлительность, всѣ вѣрованія, вся эта милая слѣпота, которую впослѣдствіи разсѣялъ опытъ, и которая такъ долго и такъ всецѣло утѣшала ваше существованіе.

Но мракъ все болѣе и болѣе завладѣваетъ горизонтомъ; высокіе шпили церквей тонутъ въ воздухѣ и кажутся какими-то фантастическими тѣнями; огни по берегу выступаютъ ярче и ярче; голосъ вашъ звонче и яснѣе раздается въ воздухѣ. Передъ вами рѣка... Но ясна и спокойна ея поверхность; ровно ея чистое зеркало, отражающее въ себѣ блѣдно-голубое небо съ его милліонами звѣздъ; тихо и мягко ласкаетъ васъ влажный воздухъ ночи, и ничто, никакой звукъ не возмущаетъ какъ бы оцѣпенѣвшей окрестности. Паромъ словно не движется, и только нетерпѣливый стукъ лошадинаго копыта о помостъ да всплескъ вынимаемаго изъ воды шеста возвращаютъ васъ къ сознанію чего-то дѣйствительнаго, не фантастическаго.

Но вотъ и берегъ. Начинается суматоха; вынимаются

Digitized by Google

причалы; экипажъ вашъ слегка трогается; вы слышите глухое позвякиванье подвязаннаго колокольчика; пристегиваютъ пристяжныхъ; наконецъ, все готово; въ тарантасѣ вашемъ появляется шляпа и слышится: «Не будетъ ли, батюшка, вашей милости?»—«Трогай!»—раздается сзади, и вотъ вы бойко взбираетесь на крутую гору, по почтовой дорогѣ, ведущей мимо общественнаго сада. А въ городѣ, между тѣмъ, во всѣхъ окнахъ горятъ уже огни; по улицамъ еще бродятъ разсѣянныя группы гуляющихъ; вы чувствуете себя дома, и, остановивъ ямщика, вылѣзаете изъ экипажа и сами идете бродить.

Боже! какъ весело вамъ, какъ хорошо и отрадно на этихъ деревянныхъ тротуарахъ! Всѣ васъ знаютъ, васъ любятъ, вамъ улыбаются! Вонъ мелькнули въ окнахъ четыре фигуры за четвероугольнымъ столомъ, предающіяся дѣловому отдохновенію за карточнымъ столомъ; вотъ изъ другого окна столбомъ валитъ дымъ, обличающій собравшуюся въ домѣ веселую компанію приказныхъ, а быть-можетъ и сановниковъ; вотъ послышался вамъ изъ сосѣдняго дома смѣхъ, звонкій смѣхъ, отъ котораго вдругъ упало въ груди ваше юное сердце, и тутъ же, съ нимъ рядомъ, произносится острота, очень хорошая острота, которую вы ужъ много разъ слышали, но которая, въ этотъ вечеръ, кажется вамъ особенно привлекательною, и вы не сердитесь, а какъ-то добродушно и ласково улыбаетесь ей. Но вотъ и гуляющіе — все больше женскій полъ, около котораго, какъ и вездѣ, какъ комары надъ болотомъ, роится молодежь. Эта молодежь иногда казалась вамъ нестерпимою: въ ея стремленіяхъ къ женскому полу вы видѣли что-то не совсѣмъ опрятное; шуточки и нѣжности ея отзывались въ вашихъ ушахъ грубо и матеріально; но въ этотъ вечеръ вы добры. Если бы вамъ встрѣтился пылкій Трезоръ, томно виляющій хвостомъ на бѣгу за кокеткой Діанкой, вы и тутъ нашли бы средство отыскать что-то наивное, буколическое. Вотъ и она, крутогорская звѣзда, гонительница знамени-

Digitized by Google

таго рода князей Чебылкиныхъ—единственнаго княжескаго рода во всей Крутогорской губерніи,—наша Вѣра Готлибовна, нѣмка по происхожденію, но русская по складу ума и сердца! Идетъ она, и издали несется ея голосъ, звонко командующій надъ цѣлымъ взводомъ молодыхъ вздыхателей; идетъ она, и прячется сѣдовласая голова князя Чебылкина, высунувшаяся-было изъ окна, ожигаются губы княгини, кушающей вечерній чай, и выпадаетъ фарфоровая куколка изъ рукъ двадцатилѣтней княжны, играющей въ растворенномъ окнѣ. Вотъ и вы, великолѣпная Катерина Осиповна, также звѣзда крутогорская, вы, которой роскошныя формы напоминаютъ лучшія времена человѣчества, вы, которую ни съ кѣмъ сравнить не смѣю, кромѣ гречанки Бобелины. Около васъ также роятся поклонники и вьется жирный разговоръ, для котораго неистощимымъ предметомъ служатъ ваши прелести. И все это такъ привѣтливо улыбается вамъ, всякому вы жмете руку, со всякимъ вступаете въ разговоръ. Вѣра Готлибовна разсказываетъ вамъ какую-нибудь новую продѣлку князя Чебылкина; Порфирій Петровичъ передаетъ замѣчательный случай изъ вчерашняго преферанса.

Но вотъ и самъ его сіятельство, князь Чебылкинъ, изволитъ возвращаться отъ всенощной, четверней въ коляскѣ. Его сіятельство милостиво раскланивается на всѣ стороны; четверня раскормленныхъ лошадокъ влачитъ коляску мѣрнымъ и томнымъ шагомъ: сами безсловесныя чувствуютъ всю важность возложеннаго на нихъ подвига, и ведутъ себя какъ слѣдуетъ лошадямъ хорошаго тона.

Наконецъ и совсѣмъ стемнѣло; гуляющіе исчезли съ улицъ; окна въ домахъ затворяются; гдѣ-гдѣ слышится захлопыванье ставней, сопровождаемое звяканьемъ засовываемыхъ желѣзныхъ болтовъ, да доносятся до васъ унылые звуки флейты, извлекаемые меланхоликомъ-приказнымъ.

Все тихо, все мертво; на сцену выступаютъ собаки...

Казалось бы, это ли не жизнь! А между тѣмъ всѣ кру-

Digitized by Google

тогорскіе чиновники, и въ особенности супруги ихъ, съ ожесточеніемъ нападаютъ на этотъ городъ. Кто звалъ ихъ туда, кто приклеилъ ихъ къ столь постылому для нихъ краю? Жалобы на Крутогорскъ составляютъ вѣчную канву для разговоровъ; за ними обыкновенно слѣдуютъ стремленія въ Петербургъ.

— Очаровательный Петербургъ!—восклицаютъ дамы.

— Душка Петербургъ!—вздыхаютъ дѣвицы.

— Да, Петербургъ...—глубокомысленно отзываются мужчины.

Въ устахъ всѣхъ Петербургъ представляется чѣмъ-то въ родѣ жениха, приходящаго въ полуночи; но ни тѣ, ни другія, ни третьи не искренни; это такъ, façon de parler, потому что ротъ у насъ не покрытъ. Съ тѣхъ поръ, однакожъ, какъ двукратно княгиня Чебылкина съѣздила съ дочерью въ столицу, восторги немного поохладились: оказывается, «qu'on n'y est jamais chez soi», что «мы отвыкли отъ этого шума», что «le prince Курилкинъ, jeune homme tout-à-fait charmant,—mais que ça reste entre nous—m'a fait tellement la cour, что просто совѣстно!—но все-таки какое же сравненіе нашъ милый, нашъ добрый, нашъ тихій Крутогорскъ!»

— Душка Крутогорскъ!—пищитъ княжна.

— Да, Крутогорскъ...—отзывается князь, плотоядно улыбаясь.

Страсть къ французскимъ фразамъ составляетъ общій недугъ крутогорскихъ дамъ и дѣвицъ. Соберутся дѣвицы, и первое у нихъ условіе: «ну, mesdames, съ нынѣшняго дня мы ни слова не будемъ говорить по-русски». Но оказывается, что на иностранныхъ языкахъ имъ извѣстны только двѣ фразы: *permettez-moi de sortir* и *allez-vous en!* Очевидно, что всѣхъ понятій, какъ бы они ни были ограничены, этими двумя фразами никакъ не выразишь, и бѣдныя дѣвицы вновь осуждены прибѣгнуть къ этому дубо-

Digitized by Google

вому русскому языку, на которомъ не выразишь никакого тонкаго чувства.

Впрочемъ, сословіе чиновниковъ—слабая сторона Крутогорска. Я не люблю его гостиныхъ, въ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, все глядитъ какъ-то неуклюже. Но мнѣ отрадно и весело шататься по городскимъ улицамъ, особливо въ базарный день, когда онѣ кипятъ народомъ, когда всѣ площади завалены разнымъ хламомъ: сундуками, бураками, ведерками и проч. Мнѣ милъ этотъ общій говоръ толпы; онъ ласкаетъ мой слухъ пуще лучшей итальянской аріи, несмотря на то, что въ немъ нерѣдко звучатъ самыя странныя, самыя фальшивыя ноты. Взгляните на эти загорѣлыя лица: они дышатъ умомъ и смѣткою и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то неподдѣльнымъ простодушіемъ, которое, къ сожалѣнію, исчезаетъ все больше и больше. Столица этого простодушія—Крутогорскъ. Вы видите, чувствуете, что здѣсь человѣкъ доволенъ и счастливъ, что онъ простодушенъ и открытъ именно потому, что не для чего ему притворяться и лукавить. Онъ знаетъ, что̀ бы ни выпало на его долю—горе ли, радость ли,—все это его, его собственное, и не ропщетъ. Иногда только онъ вздохнетъ да промолвитъ: «Господи! кабы не было блохъ да становыхъ, что̀ бы это за рай, а не жизнь была!»—вздохнетъ и смирится предъ рукою Промысла, содѣлавшаго и Киоерона, птицу сладкогласную, и гадовъ разныхъ.

Купечества въ Крутогорскѣ нѣтъ. Коли хотите, проживаютъ въ немъ такъ-называемые негоціанты, но они пробубнились до такой степени, что, кромѣ ношебнаго платья и неоплатныхъ долговъ, ничего не имѣютъ. Сгубила ихъ неосновательность разсудка да пристрастіе къ пиджакамъ и крѣпкимъ напиткамъ. Пробовали-было они, по началу, когда деньги еще кой-какія водились, на свой капиталъ торговать, да нѣтъ, не спорится! Сведетъ негоціантъ къ концу года счеты—все убытокъ, а онъ ли, кажется, не трудился, на пристани съ лихими людьми ночи напролетъ не про-

Digitized by Google

пивалъ, до послѣдней копейки въ картежъ не проигрывалъ, все въ надеждѣ увеличить родительское наслѣдіе!— Не везетъ! Пробовали они и на комиссію закупы разнаго товару дѣлать,— и тутъ оказались провинности: купитъ негоціантъ щетины, да для коммерческаго оборота въ нее песочку подсыплетъ, а не то хлѣбца такого поставитъ, чтобъ хрусту побольше ощущалось,—отказали и тутъ. Господи! совсѣмъ коммерціей заниматься нельзя.

Но вотъ наступаетъ воскресенье; весь городъ, съ ранняго утра, въ волненіи, какъ будто томимъ недугомъ. На площадяхъ шумъ и говоръ, по улицамъ ѣзда страшная. Чиновники, не обуздываемые въ этотъ день никакимъ присутственнымъ мѣстомъ, изъ всѣхъ силъ устремляются къ его превосходительству поздравить съ праздникомъ. Случается, что его превосходительство не совсѣмъ благосклонно смотритъ на эти поклоненія, находя, что они вообще не относятся къ дѣлу, но духа времени измѣнить нельзя: «помилуйте, ваше превосходительство, это намъ не въ тягость, а въ сладость!»

— Сегодня отличная погода,—говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ ея превосходительству.

Ея превосходительство слушаетъ съ видимымъ участіемъ.

— Только жарко немножко-съ, — отзывается уѣздный стряпчій, слегка привставая на креслѣ:—я, ваше превосходительство, потѣю...

— Какъ здоровье вашей супруги?—спрашиваетъ ея превосходительство, обращаясь къ инженерному офицеру, съ очевиднымъ желаніемъ замять разговоръ, принимающій слишкомъ интимный характеръ.

— Она, ваше превосходительство, всегда въ это время бываетъ въ такомъ положеніи...

Ея превосходительство рѣшительно теряется.

Общее смущеніе.

— А у насъ, ваше превосходительство,—говоритъ Порфирій Петровичъ: — случилось на прошлой недѣлѣ обстоя-

Digitized by Google

тельство. Получили мы изъ рожновской палаты бумагу-съ. Читали мы, читали эту бумагу—ничего не понимаемъ, а бумага, видимъ, нужная. Вотъ только и говоритъ Иванъ Кузьмичъ: «позовемте, господа, архиваріуса, можетъ-быть онъ пойметъ». И точно-съ, призываемъ архиваріуса, прочиталъ онъ бумагу. «Понимаешь?»—спрашиваемъ мы.—«Понимать не понимаю, а отвѣчать могу». Вѣрите ли, ваше превосходительство, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ написалъ бумагу въ палецъ толщиной, только еще непонятнѣе первой. Однако мы подписали и отправили.

Общій хохотъ.

— Любопытно,—говоритъ его превосходительство:—удовлетворится ли рожновская палата?

— Отчего же не удовлетвориться, ваше превосходительство? Вѣдь имъ больше для очистки дѣла отвѣтъ нуженъ: вотъ они возьмутъ да цѣликомъ нашу бумагу куда-нибудь и пропишутъ-съ, а то мѣсто опять пропишетъ-съ; такъ оно и пойдетъ...

Но я предполагаю, что вы—лицо служащее и не заживаетесь въ Крутогорскѣ подолгу. Васъ посылаютъ по губерніи обревизовать, изловить и вообще сдѣлать полезное дѣло.

Дорога! Сколько въ этомъ словѣ заключено для меня привлекательнаго! Особливо въ лѣтнее теплое время, если, притомъ, предстоящіе вамъ переѣзды неутомительны, если вы, не спѣша, можете расположиться на станціи, чтобы переждать полуденный зной, или же вечеромъ, чтобы побродить по окрестности,—дорога составляетъ неисчерпаемое наслажденіе. Вы, лежа, ѣдете въ вашемъ покойномъ тарантасѣ; маленькія обывательскія лошадки бѣгутъ бойко и весело, верстъ по пятнадцати въ часъ, а иногда и болѣе; ямщикъ, добродушный молодой парень, безпрестанно оборачивается къ вамъ, зная, что вы платите прогоны, а пожалуй и на водку дадите. Передъ глазами вашими разстилаются необозримыя поля, окаймляемыя лѣсомъ, которому, кажется, и конца нѣтъ. Изрѣдка попадается по дорогѣ починокъ изъ

Digitized by Google

двухъ-трехъ дворовъ, или же одиноко стоящая сельская расправа, и опять поля, опять лѣсъ! Земли-то, земли-то! то-то раздолье тутъ земледѣльцу! Кажется, и жилъ бы, и умеръ тутъ, лѣнивый и безпечный, въ этой непробудной тишинѣ!

Однако, вотъ и станція; вы утомлены немного, но это— то пріятное утомленіе, которое придаетъ еще болѣе цѣны и сладости предстоящему отдыху. Въ ушахъ вашихъ еще остается впечатлѣніе звуковъ колокольчика, впечатлѣніе шума, производимаго колесами вашего экипажа. Вы выходите изъ вашего тарантаса и немного пошатываетесь. Но черезъ четверть часа вы снова бодры и веселы, вы идете бродить по деревнѣ, и передъ вами развертывается та мирная сельская идиллія, которой первообразъ такъ цѣльно и полно сохранился въ вашей душѣ. Съ горы спускается деревенское стадо; оно ужъ близко къ деревнѣ, и картина мгновенно оживляется; необыкновенная суета проявляется по всей улицѣ; бабы выбѣгаютъ изъ избъ съ прутьями въ рукахъ, преслѣдуя тощихъ, малорослыхъ коровъ; дѣвчонка лѣтъ десяти, также съ прутикомъ, бѣжитъ вся впопыхахъ, загоняя теленка и не находя никакой возможности слѣдить за его скачками; въ воздухѣ раздаются самые разнообразные звуки, отъ мычанья до визгливаго голоса тетки Арины, громко ругающейся на всю деревню. Наконецъ, стадо загнано, деревня пустѣетъ; только кое-гдѣ по завалинкамъ сидятъ еще старики, да и тѣ позѣвываютъ и постепенно, одинъ за другимъ, исчезаютъ въ воротахъ. Вы сами отправляетесь въ горницу и садитесь за самоваръ. Но—о, чудо!— цивилизація и здѣсь преслѣдуетъ васъ! За стѣною вамъ слышатся голоса.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ одинъ голосъ.

— Кого?—отвѣчаетъ другой.

— Тебя.

— Меня-то?

— Ну, да, тебя.

Digitized by Google

— Зовутъ-то?

— Ахъ, чтобъ тебя...

Раздаются аплодисменты.

— Акимъ, Акимъ Сергѣевъ,—торопливо отвѣчаетъ голосъ.

Ваше любопытство заинтересовано; вы посылаете развѣдать, что происходитъ у васъ въ сосѣдяхъ, и узнаете, что еще передъ вами пріѣхалъ сюда становой для производства слѣдствія; да вотъ такъ-то день-деньской и мается.

Вамъ внезапно дѣлается грустно, и вы поспѣшно велите закладывать лошадей.

И снова передъ вами дорога, снова свѣжій вѣтеръ нѣжитъ ваше лицо, снова обнимаетъ васъ тотъ прозрачный полумракъ, который на сѣверѣ замѣняетъ лѣтнія ночи. А полный мѣсяцъ кротко и мягко освѣщаетъ всю окрестность, надъ которою вьется, какъ паръ, легкій ночной туманъ.

Да, я люблю тебя, далекій, никѣмъ не тронутый край! Мнѣ милъ твой просторъ и простодушіе твоихъ обитателей! И если перо мое нерѣдко коснется такихъ струнъ твоего организма, которыя издаютъ непріятный и фальшивый звукъ, то это не отъ недостатка горячаго сочувствія къ тебѣ, а потому собственно, что эти звуки грустно и болѣзненно отдаются въ моей душѣ. Много есть путей служить общему дѣлу; но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также не безполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ.

Digitized by Google

I.

ПРОШЛЫЯ ВРЕМЕНА.

Первый разсказъ подьячаго.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ"...

„...Нѣтъ, нынче не то, что̀ было въ прежнее время; въ прежнее время народъ какъ-то проще, любовнѣе былъ. Служилъ я, теперича, въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, триста рублей бумажками получалъ, семействомъ угнетенъ былъ, а не хуже людей жилъ. Прежде знали, что чиновнику тоже пить-ѣсть надо, ну, и мѣсто давали такъ, чтобъ прокормиться было чѣмъ... А отчего? оттого, что простота во всемъ была, начальственное снисхожденіе было—вотъ что̀.

„Много было у меня въ жизни случаевъ, доложу я вамъ, случаевъ истинно любопытнѣйшихъ. Губернія наша дальняя, дворянства этого нѣтъ, ну, и жили мы тутъ какъ у Христа за пазушкой; съѣздишь, бывало, въ годъ разъ въ губернскій городъ, поклонишься чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ, и знать больше ничего не хочешь. Этого и не бывало, чтобъ подъ судъ попасть, или ревизіи тамъ какія-нибудь, какъ нынче,—все шло себѣ какъ по маслу. А вотъ вы, молодые люди, поди-ка, чай, думаете, что нынче лучше: народъ, дескать, меньше терпитъ, справедливости больше, чиновники Бога знать стали. А я вамъ доложу, что все

Digitized by Google

это напрасно-съ; чиновникъ все тотъ же, только тоньше, продувнѣе сталъ... Какъ послушаю я этихъ нынѣшнихъ-то, какъ они и про экономію-то, и про благо-то общее начнутъ толковать,—инда злость подъ сердце подступаетъ.

«Брали мы, правда, что брали—кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! да вѣдь и то сказать, лучше, что ли, денегъ-то не брать, да и дѣла не дѣлать? Какъ возьмешь, оно и работать какъ-то сподручнѣе, поощрительнѣе. А нынче, посмотрю я, все разговоромъ занимаются, и все больше насчетъ этого безкорыстія, а дѣла не видно.

«Жили мы въ тѣ поры, чиновники, всѣ промежъ себя очень дружно. Не то чтобъ зависть или чернота какая-нибудь, а всякій другъ другу совѣтъ и помощь даетъ. Проиграешь, бывало, въ картишки цѣлую ночь, все до-чиста спустишь—какъ быть? Ну, и идешь къ исправнику.—Батюшка, Демьянъ Иванычъ, такъ и такъ, помоги!—Выслушаетъ Демьянъ Иванычъ, посмѣется начальнически: «вы, молъ, такіе-сякіе, приказные, и деньгу-то сколотить не умѣете, все въ кабакъ, да въ карты!» А потомъ и скажетъ: «ну, ужъ нечего дѣлать, ступай въ Шарковскую волость подать сбирать». Вотъ и поѣдешь; подати-то не соберешь, а ребятишкамъ на молочишко будетъ.

«И вѣдь какъ это все просто дѣлалось! Не то чтобъ истязаніе или вымогательство какое-нибудь, а пріѣдешь этакъ, соберешь сходъ.—Ну, молъ, ребятушки, выручайте! царю-батюшкѣ деньги надобны; давайте подати!

«А самъ идешь-себѣ въ избу да изъ окошечка посматриваешь: стоятъ ребятушки да затылки почесываютъ. А потомъ и пойдетъ у нихъ смятеніе; вдругъ всѣ заговорятъ и руками замахаютъ,—да вѣдь съ часъ времени этакъ-то прохлаждаются. А ты себѣ сидишь, натурально, въ избѣ, да посмѣиваешься, а часомъ и сотскаго къ нимъ вышлешь: «будетъ, молъ, вамъ разговаривать—баринъ сердится». Ну, тутъ пойдетъ у нихъ суматоха пуще прежняго, начнутъ жеребій кидать. Это, значитъ, дѣло идетъ на ладъ, порѣ-

Digitized by Google

шили идти къ засѣдателю, не будетъ ли Божеская милость обождать до заработковъ.

«— Э-э-эхъ, ребятушки, да какъ же съ батюшкой-царемъ-то быть? вѣдь ему деньги надобны; вы хошь бы насъ, своихъ начальниковъ, пожалѣли!

«И все это ласковымъ словомъ, не то чтобъ по зубамъ да за волосы: я, дескать, взятокъ не беру, такъ вы у меня знай, каковъ я есть окружной!—нѣтъ, этакъ лаской да жалѣньемъ, чтобъ насквозь его, сударь, прошибло!

«— Да нельзя ли, батюшка, хоть до Покрова обождать!

«Ну, натурально, въ ноги.

«— Обождать-то для-че не обождать, это все въ нашихъ рукахъ, да за что жъ я передъ начальствомъ въ отвѣтъ попаду?—судите сами.

«Пойдутъ ребята опять на сходъ, потолкуютъ-потолкуютъ, да и разойдутся по домамъ, а часика черезъ два, смотришь, сотскій и несетъ тебѣ за подожданье по гривнѣ съ души; а какъ въ волости-то душъ тысячи четыре, такъ и выйдетъ рублевъ четыреста, а гдѣ и больше... Ну, и ѣдешь домой веселѣе.

«А то вотъ у насъ еще фортель какой былъ—это обыскъ повальный. Эти дѣла мы приберегали къ лѣту, къ самой страдной порѣ. Выѣдешь это на слѣдствіе и начнешь весь окольный народъ сбивать: мало одной волости, такъ и другую прихватишь — всѣхъ тащи. Сотскіе же у насъ были народъ живой, тертый—какъ есть на всѣ руки. Сгонитъ человѣкъ триста, ну, и лежатъ они на солнышкѣ. Лежатъ день, лежатъ другой; у иного и хлѣбъ, что изъ дому взялъ, на исходѣ, а ты себѣ сидишь въ избѣ, будто взаправду занимаешься. Вотъ какъ видятъ, что время уходитъ—полевая-то работа не ждетъ, — ну, и начнутъ засылать сотскаго: «нельзя ли, дескать, явить милость, спросить, въ чемъ слѣдуетъ?» Тутъ и смекаешь: коли ребята сговорчивые, отчего жъ имъ удовольствіе не сдѣлать; а коли больно много артачиться станутъ, ну, и еще погодятъ денекъ-дру-

Digitized by Google

гой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ, что человѣкъ-то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ—шалишь!—по три пятака, дешевле не моги и думать. Покончивши это, и переспросишь ихъ всѣхъ скопомъ:

«— Каковъ, молъ, такой-то Трифонъ Сидоровъ? мошенникъ?

«— Мошенникъ, батюшка, что̀ и говорить—мошенникъ.

«— А вѣдь онъ лошадь-то у Мокея укралъ? онъ, ребята?

«— Онъ, батюшка, онъ, должно.

«— А грамотные изъ васъ есть?

«— Нѣтъ, батюшка, какая грамота!

«Это говорятъ мужички ужъ повеселѣе: знаютъ, что, значитъ, отпускъ сейчасъ имъ будетъ.

«— Ну, ступайте съ Богомъ, да впередъ будьте умнѣе.

«И отпустишь черезъ полчаса. Оно, конечно, дѣла немного, всего на нѣсколько минутъ, да вы посудите, сколько тутъ вытерпишь: сутки двое-трое сложа руки сидишь, кислый хлѣбъ жуешь... Другой бы и жизнь-то всю проклялъ—ну, ничего такимъ манеромъ и не добудетъ.

«Всему у насъ этому дѣлу учитель и заводчикъ былъ уѣздный нашъ лѣкарь. Этотъ человѣкъ былъ подлинно, доложу вамъ, необыкновенный и на всѣ дѣла преостроумнѣйшій! Министромъ ему быть настоящее мѣсто по уму; одинъ грѣхъ былъ: къ напитку имѣлъ не то что пристрастіе, а такъ—какое-то остервененіе. Увидитъ, бывало, графинъ съ водкой, такъ и задрожитъ весь. Конечно, и всѣ мы этого придерживались, да все же въ мѣру; сидишь себѣ да благодушествуешь, и много-много что въ подпитіи; ну, а онъ, я вамъ доложу, мѣры не зналъ, напивался даже до безобразія лица.

«— Я еще какъ ребенкомъ былъ,—говоритъ, бывало:—такъ мамка меня съ ложечки водкой поила, чтобы не ре-

Digitized by Google

вѣлъ, а семи лѣтъ такъ ужъ и родитель по стаканчику на день отпущать сталъ.

«Такъ вотъ этакой-то пройда и наставлялъ насъ всему.

«— Мое, говоритъ, братцы, слово будетъ такое, что никакого дѣла, будь оно самой Святой Пасхи святѣе, не слѣдуетъ дѣлать даромъ: хоть гривенникъ, а слупи, руки не порти.

«И ужъ выкидывалъ же онъ колѣна — утѣшенье вспомнить! Утонулъ ли кто въ рѣкѣ, съ колокольни ли упалъ и расшибся—все это ему рука. Да и времена были тогда другія: нынче объ такихъ случаяхъ и дѣлъ заводить не велѣно, а въ тѣ поры всякое мертвое тѣло есть мертвое тѣло. И какъ бы вы думали: ну, утонулъ человѣкъ, расшибся; кажется, какая тутъ корысть, чѣмъ тутъ попользоваться? А Иванъ Петровичъ зналъ чѣмъ. Пріѣдетъ въ деревню, да и начнетъ утопленника-то пластать; натурально, понятые тутъ, и фельдшеръ тоже, собака такая, что хуже самого Ивана Петровича.

«— А ну-ка ты, Гришуха, держи-ка покойника-то за носъ, чтобъ мнѣ тутъ ловчѣе рѣзать было.

«А Гришуха (изъ понятыхъ) смерть покойника боится, на пять саженъ и подойти-то къ нему не смѣетъ.

«— Ослобони, батюшка Иванъ Петровичъ, смерть не могу, нутро измираетъ!

«Ну, и освобождаютъ, разумѣется, за посильное приношеніе. А то другого заставляетъ внутренности держать; сами разсудите, кому весело мертвечину ослизлую въ рукѣ имѣть,—ну, и откупаются полегоньку; анъ, глядишь, и наколотитъ Иванъ Петровичъ рубликовъ десятокъ; а и дѣло-то все пустяковое.

«Однако, и страхъ Божій тоже имѣлъ, убійцу или душегуба не покроетъ.

«— Вы, братцы, этого грѣха и на душу не берите,—говоритъ, бывало:—за этакія дѣла и подъ судъ попасть можно. А вы мошенника-то откройте, да и себя не забывайте.

Digitized by Google

«— Да какъ же, молъ, это такъ, Иванъ Петровичъ?— спрашиваемъ мы.

«— А вотъ какъ. Убійца-то одинъ, да знакомыхъ да сватовей у него чуть не цѣлый уѣздъ; ты вотъ и поди перебирать всѣхъ этихъ знакомыхъ, да и преступника-то подмасли, чтобъ онъ побольше народу оговаривалъ: былъ, молъ, въ такомъ-то часу у такого-то крестьянина? не пошелъ ли отъ него къ такому-то? а часы выбирай тѣ, которые нужно... ну, и привлекай, и привлекай. Если уменъ, да дѣло знаешь, такъ много тутъ Божьяго народа спутать можно; а потомъ и начинай распутывать. Разумѣется, всѣ эти оговоры—вздоръ и кончаются пустяками, да ты-то дѣло свое сдѣлалъ: и мужика отъ напраслины очистилъ, и самъ сердечную благодарность получилъ, и преступника уличилъ.

«А то была у насъ и такая манера: заведешь, бывало, слѣдствіе, примѣрно хоть по конокрадству, облупишь мошенника, да и пустишь на волю. Смотришь, черезъ мѣсяцъ опять попался—опять слупишь и опять выпустишь. До тѣхъ, сударь, поръ этакъ дѣйствуешь, покуда на голубчикѣ, что называется, лягушечьяго пуха не останется. Ну, тогда ужъ шалишь, любезный, ступай въ острогъ и взаправду. Оно, вы скажете, скверно преступника покрывать, а я вамъ доложу, что не покрывать, а примѣрно, значитъ, пользоваться обстоятельствами дѣла. Вѣдь мы знаемъ, что онъ нашихъ рукъ не минуетъ, такъ отчего жъ и не потѣшить его?

«Жилъ у насъ въ уѣздѣ купчина-милліонщикъ, фабрику имѣлъ кумачную, большія дѣла велъ. Ну, хоть что хочешь, нѣтъ намъ отъ него прибыли, да и только! такъ держитъ ухо востро, что на-поди. Развѣ только иногда чайкомъ попотчуетъ да бутылочку холодненькаго разопьетъ съ нами— вотъ и вся корысть. Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло натравить—не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ.

Digitized by Google

«Что же бы вы думали? Ѣдемъ мы однажды съ Иваномъ Петровичемъ на слѣдствіе: мертвое тѣло нашли неподалеку отъ фабрики. Ѣдемъ мы, это, мимо фабрики и разговариваемъ межъ себя, что вотъ, подлецъ, дескать, ни на какую штуку не лѣзетъ. Смотрю я, однако, мой Иванъ Петровичъ задумался, и какъ я въ него вѣру большую имѣлъ, такъ и думаю: выдумаетъ онъ что-нибудь, право выдумаетъ. Ну, и выдумалъ. На другой день сидимъ мы, это, утромъ и опохмеляемся.

«— А что, говоритъ, дашь половину, коли купецъ тебѣ тысячи двѣ отвалитъ?

«— Да что ты, Иванъ Петровичъ, въ умѣ ли? двѣ тысячи!

«— А вотъ увидишь; садись и пиши:

«Свиногорскому первой гильдіи купцу Платону Степанову Троекурову. Вѣдѣніе. По указаніямъ такихъ-то поселянъ (валяй больше), вышепоименованное мертвое тѣло, по подозрѣнію въ насильственномъ убитіи съ таковыми же признаками безчеловѣчныхъ побоевъ, и притомъ рукою нѣкоего злодѣя, въ предшедшую предъ симъ ночь, скрылось въ фабричномъ вашемъ прудѣ. А посему благоволите въ оный для обыска допустить».

«— Да помилуй, Иванъ Петровичъ, вѣдь тѣло-то въ шалашѣ на дорогѣ лежитъ!

«— Ужъ дѣлай что говорятъ.

«Да только засвисталъ свою любимую: *При дороженькѣ стояла;* а какъ былъ чувствителенъ и не могъ эту пѣсню безъ слезъ слышать, то и прослезился немного. Послѣ я узналъ, что онъ и впрямь велѣлъ сотскимъ тѣло-то на время въ оврагъ куда-то спрятать.

«Прочиталъ борода наше вѣдѣніе, да такъ и обомлѣлъ. А между тѣмъ и мы слѣдомъ на дворъ. Встрѣчаетъ насъ, блѣдный весь.

«— Не угодно ли, молъ, чаю откушать?

«— Какой, братъ, тутъ чай!—говоритъ Иванъ Петровичъ:—тутъ нечего чаю, а ты прудъ спущать вели.

Digitized by Google

«— Помилуйте, отцы родные, за что разорять хотите?

«— Какъ разорять! видишь, слѣдствіе пріѣхали дѣлать, указъ есть.

«Слово за словомъ, купецъ видитъ, что шутки тутъ плохія, хоть и впрямь прудъ спущай; заплатилъ три тысячи,— ну, и дѣло покончили. Послѣ мы по пруду-то маленько поѣздили, крючьями въ водѣ потыкали, и тѣла, разумѣется, никакого не нашли. Только, я вамъ скажу, на угощеньи, когда ужъ были мы всѣ выпивши, и разскажи Иванъ Петровичъ купцу, какъ все дѣло было; вѣрите ли, такъ обозлилась борода, что даже закоченѣлъ весь!

«Чудовый этотъ былъ человѣкъ, нечего и говорить. За что ни возьмется, все у него такъ выходитъ, что любо-дорого смотрѣть. Кажется, пустая вещь оспопрививанье, а онъ и тутъ сумѣлъ найтись. Пріѣдетъ, бывало, въ расправу и разложитъ всѣ эти аппараты: токарный станокъ, пилы разныя, подпилки, сверла, наковальни, ножи такіе страшнѣйшіе, что хоть быка ими рѣзать; какъ соберутъ на другой день бабъ съ ребятами—и пошла вся эта фабрика въ дѣйствіе: ножи точатъ, станокъ гремитъ, ребята ревутъ, бабы стонутъ, хоть святыхъ вонъ повыноси. А онъ себѣ важно этакъ похаживаетъ, трубочку покуриваетъ, къ рюмочкѣ прикладывается, да на фельдшеровъ покрикиваетъ: «точи, дескать, востре». Смотрятъ глупыя бабы, да пуще воютъ.

«— Смотри, тетка, вѣдь совсѣмъ ребенка-то изведетъ ножищемъ-то. Да и самъ-отъ вишь пьяный какой.

«Повоютъ-повоютъ, да и начнутъ шептаться; а черезъ полчаса, смотришь, и выйдетъ всѣмъ одно рѣшенье: дастъ кто цѣлковый—ступай домой, а не дастъ, такъ всю руку на-прочь.

«И вѣдь не то чтобъ эти дѣла до начальства не доходили: доходили, сударь, и изловить-то старались, да не на того напали—такія штуки отмачивалъ подъ носомъ у самого начальства, что только помираешь со смѣху. Былъ у насъ

Digitized by Google

это рекрутскій наборъ объявленъ; ну, и Иванъ Петровичъ, само собою, живѣйшее тутъ участіе принималъ. Такіе случаи, доложу вамъ, самые были для него выгодные, и онъ, смѣючись, наборъ своимъ сѣнокосомъ звалъ. На ту пору былъ начальникомъ губерніи такой звѣрь, что у!!! (И встарину такіе скареды прорывались). Вотъ и вздумалъ онъ поймать Ивана Петровича, и научи же онъ мѣщанинишку: «поди, молъ, ты къ лѣкарю, объясни, что вотъ, такъ и такъ, состою на рекрутской очереди, не по сущей справедливости, семейство большое: не будетъ ли отеческой милости?» И прилагательнымъ снабдили, да такимъ, знаете, все полуимперьялами, такъ, чтобъ у лѣкаря нутро разгорѣлось, а за оградой и свидѣтели, и все какъ слѣдуетъ устроено: погибъ Иванъ Петровичъ, да и все тутъ. Только узналъ онъ объ этой напасти загодя, отъ нѣкотораго милостивца, и сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ну, и подлинно приходитъ, это, мѣщанинишка, излагаетъ все обстоятельство и прилагательное на столъ кладетъ. Какъ онъ все это разсказалъ, какъ взбѣленится мой Иванъ Петровичъ, да на него:

«— Ка-а-къ! ты подкупать меня! да развѣ я фальшивую присягу-то принялъ! душѣ, что ли, я своей ворогъ, царствія небеснаго не хочу!

«Да какъ хватитъ кулакомъ по столу — золотушки-то и покатились по полу, а самъ еще пуще кричитъ:

«— Вонъ съ моихъ глазъ, анаѳема! гони его, вотъ такъ, въ шею его, кулаками-то въ загорбокъ!

«Мѣщанинишку выгнали, да на другой день, не смотря, и забрили въ присутствіи. А имперьяльчики-то съ полу подняли! Ужъ что смѣху у насъ было.

«Женился онъ самымъ, то-есть, курьезнѣйшимъ образомъ. Обѣщалъ ему тесть пять тысячъ, а какъ дѣло кончилось—не даетъ, да и шабашъ. И не то чтобъ денегъ у него не было, а такъ, сквалыга былъ, разстаться съ ними жаль. Ждетъ Иванъ Петровичъ мѣсяцъ, ждетъ другой; кажный-то день жену бьетъ, а тестя непристойно обзы-

Digitized by Google

ваетъ—не беретъ. А деньги получать надо. Вотъ и слышимъ мы какъ-то: боленъ Иванъ Петровичъ, въ бѣлой горячкѣ лежитъ, на всѣхъ это кидается, попадись подъ руку ножикъ — кажется, и зарѣжетъ совсѣмъ. И такъ, сударь, искусно онъ всю эту комедію поддѣлалъ, что и насъ всѣхъ жалость взяла. Жену билъ пуще прежняго, изъ окошка, сударь, прыгалъ, по улицамъ въ развращенномъ видѣ бѣгалъ. Вотъ, покуралесивши этакъ съ недѣлю, выходитъ онъ однажды ночью, и прямо въ домъ къ тестю, а въ рукахъ у него по пистолету.

«— Ну, говоритъ, подавай теперь деньги, а не то, видитъ Богъ, пришибу.

«Старикъ перепугался.

«— Ты, говоритъ, думаешь, что я и впрямь съ ума спятилъ, такъ нѣтъ же, все это была штука. Подавай, говорю, деньги, или прощайся съ жизнью; меня, говоритъ, на покаянье пошлютъ, потому что я не въ своемъ умѣ — свидѣтели есть, что не въ своемъ умѣ,—а ты въ могилкѣ лежать будешь.

«Ну, конечно-съ, тутъ разговаривать нечего: хотъ и ругнулъ его тесть, можетъ и чести коснулся, а деньги все-таки отдалъ. На другой же день Иванъ Петровичъ какъ ни въ чемъ не бывало. И долго отъ насъ таился, да ужъ послѣ, за пуншикомъ, всю исторію разсказалъ, какъ она была!

«И не себя одного, а и насъ, грѣшныхъ, неоднократно выручалъ Иванъ Петровичъ изъ бѣды. Пріѣзжала, однажды, къ намъ въ уѣздъ особа, не то чтобъ до ревизіи, а такъ—поглядѣть.

«Однако, пошли тутъ просьбы да кляузы разныя, какъ водится, и все больше на одного засѣдателя. Особа была добрая, однако разсвирѣпѣла. «Подать, говоритъ, мнѣ этого засѣдателя!»

«А онъ, по счастью, былъ на ту пору въ уѣздѣ, на слѣдствіи, какъ разъ съ Иваномъ Петровичемъ. Вотъ и

Digitized by Google

дали мы имъ знать, что будутъ завтра у нихъ ихъ сіятельство, такъ имѣли бы это въ предметѣ, потому что вотъ такъ и такъ, такія-то, молъ, ихъ сіятельство рѣчи держатъ. Струсилъ нашъ засѣдатель, сконфузился такъ, что и желудкомъ слабѣть началъ.

«— А что, — говоритъ Иванъ Петровичъ: — что дашь? Выручу изъ бѣды.

«— Да жизни не пожалѣю, Иванъ Петровичъ, будь благодѣтель.

«— Что мнѣ, братъ, въ твоей жизни! ты говори дѣло. Выручать, такъ выручать, а не то выпутывайся самъ какъ знаешь.

«Сторговались они, а на другой день и пріѣзжаютъ ихъ сіятельство ранёхонько. Ну, и мы, то-есть весь земскій судъ, натурально, тутъ, всѣ въ мундирахъ; одного засѣдателя нѣтъ, котораго нужно.

«— А гдѣ засѣдатель Томилкинъ? — спрашиваютъ ихъ сіятельство.

«— Имѣю честь явиться,—отвѣчаетъ Иванъ Петровичъ.

«Мы такъ и похолодѣли.

«А ихъ сіятельство и не замѣчаютъ, что мундиръ-то совсѣмъ не тотъ (даже мундира не перемѣнилъ, такъ натуру-то зналъ): зрѣніе, должно полагать, слабое имѣли.

«— На васъ, — говоритъ ихъ сіятельство: — множество жалобъ, и притомъ такихъ, что мало васъ за всѣ эти дѣла повѣсить.

«— Невинно, видитъ Богъ, невинно оклеветали меня враги передъ вашимъ сіятельствомъ; осмѣлюсь униженно просить выслушать меня, и надѣюсь вполнѣ оправдаться, но при свидѣтеляхъ ощущаю робость.

«Ихъ сіятельство уважили; пошли они это въ другую комнату; цѣлый часъ онъ тамъ объяснялъ, что и какъ — никому неизвѣстно, только вышли ихъ сіятельство изъ комнаты очень ласковы, даже приглашали Ивана Петро-

Digitized by Google

вича къ себѣ, въ Петербургъ, служить, да отказался онъ тѣмъ, что скроменъ и столичнаго образованія не имѣетъ.

«А вѣдь и дѣлъ-то онъ тѣхъ въ совершенствѣ не зналъ, о которыхъ его сіятельству докладывалъ, да на остроуміе свое понадѣялся, и не напрасно.

«Одинъ былъ грѣхъ на его душѣ, великій грѣхъ — инородца загубилъ. Вотъ это какъ было. Уѣздъ нашъ, извѣстно вамъ, господа, лѣсной, и все больше живутъ въ немъ инородцы. Народъ простодушнѣйшій и зажиточный. Только ужъ очень неопрятно себя держатъ, и болѣзни, это, у нихъ иностранныя развелись такъ, что изъ рода въ родъ переходятъ. Убьютъ они это зайца, шкуру съ него сдерутъ, да такъ, не потроша, и кидаютъ въ котелъ варить, а котелъ-то не чищенъ какъ сдѣланъ: одно слово, смрадъ нестерпимый, а они, ничего, ѣдятъ все это мѣсиво съ аппетитомъ. Съ одной стороны, и не стоитъ этакой народъ, чтобъ на него вниманіе обращать: и глупъ-то, и необразованъ, и нечистъ—такъ, истуканъ какой-то. Вотъ ходилъ одинъ инородецъ бѣлку стрѣлять, да и угоразди его какимъ-то манеромъ невзначай плечо себѣ прострѣлить. Хорошо. Само собой слѣдствіе; ну, невзначай, такъ невзначай, и судъ уѣздный рѣшилъ дѣло такъ, что предать, молъ, это обстоятельство волѣ Божьей, а мужика отдать на излѣченіе уѣздному лѣкарю. Получилъ Иванъ Петровичъ указъ изъ суда — скучно ѣхать, даль ужасная! — однако вспомнилъ, что мужикъ зажиточный, недѣли съ три пообождалъ, да какъ случилось въ той сторонѣ по службѣ быть, и къ нему заодно заѣхалъ. А у того, между тѣмъ, и плечо-то совсѣмъ зажило. Пріѣхалъ, теперича, прочиталъ указъ.

«— Раздѣвайся, говоритъ.

«— Да у меня, бачка, плечомъ совсѣмъ здоровъ,—говоритъ мужикъ:—ужъ пятымъ недѣлемъ здоровъ.

«— А это видишь? видишь, идолопоклонникъ ты этакой, указъ, видишь, лѣчить тебя велѣно?

Digitized by Google

«Дѣлать нечего, раздѣлся мужикъ, а онъ ему и ну по живому-то мѣсту ковырять. Реветъ дуракъ благимъ матомъ, а онъ только смѣется да бумагу показываетъ. Тогда только кончилъ, когда тотъ три золотыхъ ему далъ.

«— Ну, говоритъ, Богъ съ тобой.

«Понадобились Ивану Петровичу опять деньги — онъ опять къ инородцу лѣчить, да такимъ манеромъ больше году его томилъ, покуда всѣхъ денегъ не высосалъ. Исхудалъ мужичонка, не ѣстъ, не пьетъ — бредитъ лѣкаремъ. Однако, какъ замѣтилъ, что тутъ взятки-то гладки, пересталъ ѣздить. Отдохнулъ мужикъ и смотрѣть веселѣе сталъ. Вотъ однажды и случилось какому-то чиновнику, совсѣмъ постороннему, проѣзжать мимо этой деревни, и спроси онъ у поселянъ, какъ, молъ, живетъ такой-то (его многіе чиновники, по хлѣбосольству, знавали). Вотъ и говорятъ мужику, что тебя, молъ, какой-то чиновникъ спрашивалъ. Что жъ, сударь, представься ему, что это опять лѣкарь лѣчить его хочетъ; пошелъ домой, ничего никому не сказалъ, да за ночь и удавился.

«Ну, это, я вамъ доложу, точно грѣхъ живую душу такимъ родомъ губить. А по прочему по всему чудовый былъ человѣкъ и прегостепріимный; послѣ, какъ умеръ, нечѣмъ похоронить было — все, что̀ ни нажилъ, все прогулялъ! Жена до сихъ поръ по міру ходитъ, а дочки — ужъ Богъ ихъ знаетъ!—кажись, по ярмонкамъ ѣздятъ: изъ себя очень красивы.

«Такъ вотъ-съ какіе люди бывали въ наше время, господа; это не то что грубые взяточники или съ большой дороги грабители: нѣтъ, все народъ-аматёръ былъ. Намъ и денегъ, бывало, не надобно, коли сами въ карманъ лѣзутъ; нѣтъ, ты подумай да прожектъ составь, а потомъ и пользуйся.

«А нынче что̀! нынче, пожалуй, говорятъ, и съ откупщика не бери. А я вамъ доложу, что это одно только

Digitized by Google

вольнодумство. Это все единственно, что деньги на дорогѣ найти да не воспользоваться... Господи!»

— Какъ же вы-то попались, Прокофій Николаевичъ, если въ ваше время все такъ счастливо сходило?

— Охъ, ужъ и не говорите! на такомъ дѣлѣ попался, что совѣстно сказать — на мертвомъ тѣлѣ. Эта у насъ музыка-то по нотамъ разыгрывалась, а меня на ней-то и попуталъ лукавый. Дѣло было зимнее; мертвое-то тѣло надо было оттаять; вотъ и повезли мы его въ что ни-на-есть большую деревню,—ну, и начали, какъ водится, по домамъ возить да отсталого собирать. Возили-возили, покуда осталась одна только изба: солдатка-вдова тамъ жила; той и заплатить-то нечего было,—ну, тамъ мы и оставили тѣло. Собрали на другой день понятыхъ,—ну, и тутъ, разумѣется, покорыстоваться желалось: такъ чтобъ не разошлись они по домамъ, мы и отобрали у нихъ шапки, да въ избу и заперли. Только не совсѣмъ осторожно это дѣло состроили; больно многіе это запримѣтили. А на ту пору у насъ губернаторъ такая ли собака былъ, и теперь еще его помню, чтобъ ему пусто было. Сейчасъ это отрѣшили отъ должности, и пошла писать. Уличить-то меня доподлинно не уличили, а обпакостили всего да суду предали. И вѣрите ли, вѣдь знаю я, что меня *учинятъ отъ дѣла свободнымъ*, потому что уликъ прямыхъ нѣтъ, такъ нѣтъ же, злодѣи, истомили всего. Лѣтъ десять все волочатъ: то справки забираютъ, то слѣдствіе дополняютъ. А я вотъ сиди безъ хлѣба да жди у моря погоды.

Второй разсказъ подьячаго.

«А вотъ городничій у насъ былъ — этотъ другого сорта былъ мужчина, и подлинно гусь лапчатый назваться можетъ. Прозывался онъ Фейеромъ, родомъ былъ изъ нѣмцевъ; изъ себя не то чтобъ видный, а больше жилистый,

Digitized by Google

бѣлокурый и суровый. То и дѣло, бывало, брови насупливаетъ да усами шевелитъ, а разговариваетъ совсѣмъ мало. Ужъ это, я вамъ доложу, самое послѣднее дѣло, коли человѣкъ бѣлокурый да суровъ еще: отъ такого ни въ чемъ пардону себѣ не жди. Снаружи-то онъ будто и не злобствуетъ, да и внутри, можетъ, нѣтъ у него на тебя негодованія, однако хуже этого человѣка на всемъ свѣтѣ не сыщешь: весь какъ есть злющій. Ужъ что забралъ себѣ въ голову—не выбьешь оттоль никакими средствами, хоть рѣжь ты его на куски. Ужъ на что Иванъ Петровичъ, а и тотъ его побаивался. Говорилъ онъ басомъ, какъ будто спросонья и все такъ кратко — одно, два слова, больше изо рта не выпуститъ. А на дѣла и на всю эту полицейскую механику былъ предошлый: готовъ ни ѣсть, ни пить цѣлыя сутки, пока всего дѣла не придѣлаетъ. Начальство наше все къ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно онъ изъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: иди, говоритъ, въ грязь — онъ и въ грязь идетъ, въ невозможности возможность найдетъ, изъ песку веревку совьетъ, да ею же кого слѣдуетъ и удавитъ.

«По той единственной причинѣ ему всѣ его противоестественности съ рукъ и сходили, что человѣкъ онъ былъ золотой. Напишутъ это изъ *губерніи* — рыбу непремѣнно къ именинамъ надо, да такая чтобъ была рыба—китъ не китъ, а около того. Мечется Фейеръ какъ угорѣлый, мечется и день, и другой—есть рыба, да все не такая, какъ надо: то съ рыла вся въ именинника вышла; скажутъ: личность; то молокъ мало, то перомъ не выходитъ, величественности настоящей не имѣетъ. А у насъ въ губерніи любятъ, чтобъ каждая вещь въ своемъ, то-есть, видѣ была. Задумается Фейеръ, да и засадитъ всѣхъ рыболововъ въ сибирку. Тѣ чуть не плачутъ.

«— Да помилуй, ваше благородіе, гдѣ жъ возьмемъ эку рыбу?

«— Гдѣ? А въ водѣ?

Digitized by Google

«— Въ водѣ-то, знамо дѣло, что въ водѣ; да гдѣ ее искать-то въ водѣ?

«— Ты рыболовъ? говори, рыболовъ ли ты?

«— Рыболовъ-то я точно что рыболовъ...

«— А начальство знаешь?

«— Какъ не знать начальства: завсегда знаемъ.

«— Ну, слѣдственно...

«И являлась рыба, и такая именно, какъ быть слѣдуетъ во всѣхъ статьяхъ.

«Или, бывало, желательно губерніи передъ начальствомъ отличиться. Пишутъ Фейеру изъ губерніи: былъ чтобъ бродяга, и такой бродяга, чтобы въ носъ бросилось. Вотъ и начнетъ Фейеръ по городу рыскать, и все нюхаетъ, къ огонькамъ присматривается, нѣтъ ли гдѣ сборища.

«Попадаются все больше бабы.

«— Откуда?—спрашиваетъ Фейеръ.

«— Да я, ваше благородіе, оттуда, изъ села изъ того..

«— Откуда?—повторяетъ Фейеръ.

«— А вотъ, ваше благородіе, по сиротству: по четвертому годку отъ родителей осталась...

«— Обыскать ее!

«Однако, отъ начальства настояніе, а объ старухъ какой-нибудь безногой докладывать не осмѣливается. Вотъ и нападетъ уже онъ, подъ конецъ, на странника заблудшаго, такъ, бродягу безталаннаго.

«— Ты, говоритъ, кто таковъ?

«— А я, ваше благородіе, съ малолѣтства по своей охотѣ суету мірскую оставилъ и странникомъ нарекаюсь; отецъ у меня Царь Небесный, мать—сыра земля; скитался я во лѣсахъ дремучіихъ со звѣрьми дикіими, въ пустыняхъ жилъ со львами лютыими; слѣпъ былъ и прозрѣлъ, нѣмъ—и возглаголалъ. А болѣе ничего вашему благородію объяснить не могу, по той причинѣ, что самъ объ себѣ свѣдѣній никакихъ не имѣю.

«— А это что?

Digitized by Google

«Возьметъ онъ сумку странническую, а тамъ все цвѣтнички да записочки разныя, а въ записочкахъ-то ужъ чего-чего не наврано! И «горияго-то Іерусалима жителю», и «райскаго житія ревнителю», и «паче звѣздъ небесныхъ добродѣтелями изукрашенному!»

«— Это что?—спрашиваетъ Фейеръ.

«— А это такъ-съ, ваше благородіе; намеднись на базарѣ ходилъ, такъ въ снѣгу въ тряпочкѣ нашелъ-съ.

«— Маршъ!

«Повлекутъ раба Божія въ острогъ, а на другой день и идетъ въ губернію пространное донесеніе, что вотъ такъ и такъ, «имѣя неусыпное попеченіе о благоустройствѣ города»—и пошла писать. И чего ни напишетъ! И «изувѣрство», и «дѣятельныя сношенія съ единомышленниками», и «плевелы», и «жатва»—все тутъ есть.

«Случилось и мнѣ ему въ этихъ дѣлахъ содѣйствовать—истинно-съ диву дался. Выберемъ, знаете, время — сумеречки, понятыхъ возьмемъ, сотскихъ человѣкъ пятокъ, да и пойдемъ съ обыскомъ. И всѣ вразсыпную, будто каждый по своему дѣлу. Какъ подходишь, гдѣ всему происшествію быть слѣдуетъ, такъ не то чтобъ прямо, а бочкомъ да ползкомъ пробираешься, и сердце-то у тебя словно упадетъ, и въ роту сушить станетъ. Ворота и ставни — все наглухо заперто. Походитъ Фейеръ около дома, пріищетъ скважинку и начнетъ высматривать, а мы всѣ стоимъ, молчимъ, не шелохнемся. Собака начнетъ ворчать—у него и хлѣбца въ рукѣ есть, и опять все затихнетъ. Какъ все заприметитъ, что ему нужно, ну и велитъ въ ворота стучаться, а самъ покуда все въ скважину высматриваетъ.

«— Кто тутъ?—кричатъ изнутри.

«— Городничій.

«Извѣстное дѣло, смятеніе: начнутъ весь свой припасъ прятать, а ему все и видно. Отопрутъ наконецъ. Стоятъ они всѣ блѣдные; бабы, которыя помоложе, тѣ больше дрожатъ, а старухи такъ совсѣмъ воютъ. И ужъ всѣ-то онъ

Digitized by Google

углы у нихъ обшаритъ, даже въ печкахъ полюбопытствуетъ, и все оттоль повытаскаетъ.

«Смолоду, однако, жизнь его совсѣмъ не такая была. Отецъ у него былъ человѣкъ богатый и дворянинъ, и нашему Фейеру, сказываютъ, восемьсотъ душъ оставилъ. Однако, онъ недолго съ ними носился: годика черезъ два всѣ спустилъ. И не то чтобъ на что-нибудь путное, а такъ — все прахомъ пошло. Служилъ онъ гдѣ-то въ гусарахъ — ну, на жидовъ охоту имѣлъ: то возьметъ да собаками жида затравитъ; то посадитъ его по горло въ ящикъ съ помоями, да надъ головой-то саблей и махаетъ; а не то еще заложитъ ихъ тройкой въ бричку, да и разъѣзжаетъ до тѣхъ поръ, пока всю тройку не загонитъ. Такимъ-то родомъ и прожилъ онъ все, да какъ остался безъ хлѣба, такъ откуда и умъ взялся. Такой ли звѣрь сдѣлался, что Боже упаси.

«Женатъ онъ не былъ, а жила съ нимъ дѣвица не дѣвица, а просто мадамъ. Звали ее Каролиной, и ужъ, я вамъ доложу, этакой красоты я и не привидывалъ. Не то чтобъ полная была или краснощекая, какъ наши барыни, а тонкая да бѣленькая вся, словно будто прозрачная. Глаза у ней были голубые, да такіе мягкіе да ласковые, что, кажется, звѣрь лютый—и тотъ бы не выдержалъ—укротился. И подлинно, грѣхъ сказать, чтобъ онъ ее не любилъ, а больше такъ все объ ней одной и въ мысляхъ держалъ. Извѣстно, могла бы она и попридерживать его при случаѣ, да ужъ очень смирна была; ну, а онъ тоже осторожность имѣлъ, во всѣ эти дрязги ее не вмѣшивалъ. Пріѣдетъ, бывало, домой весь измученный и пойдетъ къ ней. И сдѣлается такой, сударь, ласковый да нѣжный:—«Каролинхенъ да Каролинхенъ», и все это ей ручки цѣлуетъ и головку гладитъ. Или возьметъ, начнетъ нѣмецкія пѣсни пѣть—оба и плачутъ сидятъ. Выходитъ, у всякаго человѣка есть пунктъ, что съ своей дороги его сбиваетъ.

«Присланъ былъ къ намъ Фейеръ изъ другого города за

Digitized by Google

отличіе, потому что нашъ городъ торговый и на рѣкѣ судоходной стоитъ. Передъ нимъ былъ городничій старикъ, и такой слабый да добрый. Осѣдлали его здѣшніе граждане. Вотъ пріѣхалъ Фейеръ на городничество и сзываетъ всѣхъ заводчиковъ (а у насъ ихъ не мало, до пятидесяти штукъ въ городѣ-то).

«— Вы, молъ, такъ и такъ, платили старику по десяти рублевъ, ну, а мнѣ, говоритъ, этого мало: я, говоритъ, на десять рублевъ наплевать хотѣлъ, а надобно мнѣ три бѣленькихъ съ каждаго хозяина.

«Такъ куда тебѣ, и слушать не хотятъ.

«— Видали мы-ста экихъ щелкоперовъ...

«Онъ-было вспыхнулъ.

«— Ну, говоритъ, такъ не хотите по три бѣленькихъ?

«— Пять рубликовъ, кричатъ, ни копейки больше.

«— Ладно, говоритъ.

«Черезъ недѣлю, глядь, что ни-на-есть къ первому кожевенному заводчику съ обыскомъ: «кожи-то, молъ, у тебя краденыя». Краденыя не краденыя, однако, откуда взялись, и у кого купилъ, заводчикъ объясниться не могъ.

«— Ну, говоритъ, не давалъ трехъ бѣленькихъ, давай пятьсотъ.

«Тотъ-было ужъ и въ ноги, нельзя ли поменьше, такъ куда тебѣ, и слушать не хочетъ.

«Отпустилъ его домой, да не одного, а съ сотскимъ. Принесъ заводчикъ деньги, да все думаетъ, не будетъ ли милости, не согласится ли на двѣсти рублевъ. Сосчиталъ Фейеръ деньги и положилъ ихъ въ карманъ.

«— Ну, говоритъ, принеси остальныя триста.

«Опять кланяться сталъ купецъ, да нѣтъ, одеревенѣлъ человѣкъ какъ одеревенѣлъ, твердитъ одно и то же. Попробовалъ, еще сотню принесъ: и ту въ карманъ положилъ, и опять:

«— Остальныя двѣсти!

Digitized by Google

«И не выпустилъ-таки изъ сибирки, доколѣ всѣ сполна не заплатилъ.

«Видятъ парни, что дѣло дрянь выходитъ: и каменьями-то ему въ окно кидали, и ворота дегтемъ по ночамъ обмазывали, и собакъ цѣпныхъ отравливали — нейметъ ничего! Раскаялись. Пришли съ повинной, принесли по три бѣленькихъ, да не на того напали.

«— Нѣтъ, говоритъ, не дали, какъ самъ просилъ, такъ не надо мнѣ ничего коли такъ.

«Такъ и не взялъ: смекнулъ, видно, что по разнотѣ-то складнѣе, нежели скопомъ.

«Какъ сейчасъ помню я, пріѣхалъ къ намъ въ городъ сынокъ купеческій къ роднымъ погостить. Ну, все это ему ни по чемъ: цыгары, теперича, не цыгары, лошади не лошади, пальто не пальто—кути душа! Соберетъ это женскій полъ, натопитъ въ комнатѣ, да и дебоширствуетъ. Не по нутру это Фейеру, потому что насчетъ чего другого, а насчетъ нравственности левъ былъ!—однако, терпитъ-сидитъ. Видитъ купчикъ, что ничего, все ему поблажаетъ, онъ и тонъ задавать началъ. Стали доходить до городничаго слухи, что онъ и тамъ, и въ другомъ мѣстѣ чести его касался. «Я, молъ, говоритъ, и любовницу-то его куплю, какъ захочу; слышь вы, дѣвки, желательно вамъ, чтобъ городничій танціи разныя представлялъ? Это намъ все наплевать; пошлемъ двѣ сотни и сдѣлаемъ себѣ удовольствіе!»

«Молчитъ Фейеръ, только усами, какъ тараканъ, шевелитъ, словно обнюхиваетъ, чѣмъ пахнетъ. Вотъ и приходитъ какъ-то купчикъ въ гостиный дворъ въ лавку, а въ зубахъ у него цыгарка. Вошелъ онъ въ лавку, а городничій въ другую рядомъ: слѣдилъ ужъ онъ за нимъ шибко, ну, и свидѣтели на всякій случай тутъ же. Перебираетъ молодецъ товары, и все швыряетъ, все не по немъ, скверно да непотребно, да и все тутъ; и рисунокъ не тотъ, и доброта скверная, да ужъ и что это за городъ такой, что, чай, и ситцу порядочнаго найтить нельзя.

Digitized by Google

«Ну, купецъ ему и то, и сё, разные резоны говоритъ:

«— Ты, говоритъ, молодецъ, не буянь, да цыгарку-то кинь,—не то, чего добраго, городничій увидитъ.

«— А плевать я, говоритъ, на вашего городничаго...

«Въ эвто въ самое время какъ быть къ вечернѣ ударили.

«— Ты бы, говоритъ лавочникъ, хоть Бога-то побоялся бы, да лобъ-отъ перекрестилъ: слышь, къ вечернямъ звонятъ...

«А онъ, замѣсто отвѣта, такое, сударь, тутъ загнулъ, что и хмельному не выговорить.

«Оборачивается, а Фейеръ тутъ какъ тутъ, словно изъ земли выросъ.

«— Не угодно ли, говоритъ, вамъ повторить то, что вы сейчасъ сказали?

«— Я... я ничего не говорилъ, ей-Богу, не говорилъ...

«— Православные! слышали?

«— Слышали, ваше высокоблагородіе.

«— Маршъ!

«На другой день разсказываетъ намъ городничій всю эту исторію.

«— Поздравьте, говоритъ, меня съ крестникомъ. — Что бы вы думали: двѣ тысячи взялъ, да изъ городу черезъ два часа велѣлъ выѣхать: «чтобъ и духу, молъ, твоего здѣсь не пахло».

«Да и мало ли еще случаевъ было! Даже покойниками, доложу вамъ, не брезговалъ! Пронюхалъ онъ разъ, что умерла у насъ старуха-раскольница, и что сестра ея сбирается похоронить покойницу тутъ же у себя, подъ домомъ. Что жъ онъ?—ни гу-гу, сударь; далъ всю эту церемонію исполнить, да на другой день къ ней съ обыскомъ. Ну, конечно, откупилась, да штука-то въ томъ, что каждый разъ, какъ ему деньги занадобятся, каждый разъ онъ къ ней съ обыскомъ: «куда, говоритъ, сестру дѣвала?» Замучилъ старуху совсѣмъ, такъ что когда она умирать стала, и то онъ говоритъ ей: «жаль, Домна Ивановна, что уми-

Digitized by Google

раешь, а теперь бы деньги надобны! Да куда же ты, старая, сестру-то дѣвала?»

«А то еще вотъ какой случай былъ. Умеръ у насъ въ городѣ купецъ, и купецъ, знаете, не изъ мелконькихъ. Служилъ онъ какъ-то въ городѣ, головой ли, бургомистромъ ли, доподлинно теперь не упомню, только мундирчика по закону не выслужилъ. Ну, родственники, сами изволите вѣдать, народъ безобразнѣйшій, въ законѣ не искусились, гдѣ же имъ знать, что̀ въ правилѣ и что̀ не въ правилѣ! Вотъ, сударь мой, и рѣшили они семейнымъ совѣтомъ похоронить покойника во всемъ паратѣ. Пронюхалъ сначала всю эту штуку стряпчій. Человѣкъ этотъ былъ паче пса голоднаго и Фейеромъ употреблялся больше затѣмъ, что, молъ, ты только задери, а я тамъ обдѣлаю дѣло на свой манеръ. Приходитъ онъ къ городничему и разсказываетъ, что вотъ такъ и такъ: «желаетъ, дескать, борода въ землю въ мундирѣ лечь, по закону же не имѣетъ на то ни малѣйшаго права; такъ не угодно ли вамъ будетъ, Густавъ Карлычъ, принять это обстоятельство въ соображеніе?»

«— Можно, говоритъ, валяй отношеніе.

«А купчину, тѣмъ временемъ, и въ церковь ужъ вынесли... Ну-съ, и взяли они тутъ сколько было желательно, а купца такъ въ паратѣ и схоронили...

«А впрочемъ, мы, чиновники, этого Фейера не любили. Первое дѣло, онъ насъ передъ начальствомъ исполнительностью въ сумнѣнье приводилъ, а второе, у него все это какъ-то ужъ больно просто выходило, — такъ, ломитъ нахрапомъ, съ плеча, да и все. Что жъ и за удовольствіе этакъ-то служить!

«Однако, въ городѣ эти купчишки да мѣщанинишки лѣтъ десять съ нимъ маялись-маялись и, вѣрите ли, полюбили подъ конецъ. Намъ, говорятъ, лучше городничаго и желать не надо. Привычка-съ».

Digitized by Google

Непріятное посѣщеніе.

„Вы послушайте, ребята,
Какъ живали при Аскольдѣ!"
(*Изъ оперы „Аскольдова могила"*).

Темно.. По улицамъ уѣзднаго городка Черноборска, несмотря на густую и клейкую грязь, безпрестанно снуютъ экипажи самыхъ странныхъ видовъ и свойствъ. Городничій уже разъ десять, въ теченіе трехъ часовъ, успѣлъ побывать у подъѣзда ярко-освѣщеннаго каменнаго дома, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ генерала. Отвѣтъ былъ, однакожъ, всякій разъ одинъ и тотъ же: «его высокородіе изволятъ еще почивать».

— Такъ вы ужъ, пожалуйста, имъ напомните, какъ они встанутъ, — говорилъ городничій Ѳедору, камердинеру его высокородія.

— Ужъ это безпремѣнно-съ, — отвѣтствовалъ Ѳедоръ:— они завсегда у насъ въ послушаньи...

— Такъ я ужъ буду въ надеждѣ-съ...

Городничій, Дмитрій Борисычъ Желваковъ, добрый, крѣпенькій и кругленькій, но до крайности робкій старичокъ. Провинностей за нимъ особенныхъ не водилось, кромѣ того, что за столъ онъ садился всякій день самъ-двадцать, по случаю непомѣрнаго количества дочекъ, племянницъ и другихъ сиротъ-родственницъ. За обѣдомъ всегда было весело, а послѣ обѣда вся семья отправлялась, на длинныхъ дрогахъ, кататься по городу. Это бы еще ничего: Дмитрій Борисычъ очень хорошо зналъ, что начальство не только разрѣшаетъ, но даже поощряетъ невинныя занятія, и потому не мѣшалъ предаваться имъ малолѣтнимъ членамъ своего семейства. Но на бѣду вмѣшались тутъ пожарныя лошади. Сами ли эти невинныя твари получили на время даръ слова, или осунувшіяся ихъ ребра краснорѣчивѣе языка докладывали о труженическомъ существованіи, которое влачили владѣльцы ихъ,—неизвѣстно. Извѣстно только,

Digitized by Google

что его высокородіе какимъ-то образомъ объ этомъ обстоятельствѣ провѣдалъ. Обозрѣвая опрятность въ городѣ, его высокородіе счелъ долгомъ заѣхать и на пожарный дворъ.

— Это что?—спросилъ онъ, тыкая пальцемъ въ воздухѣ, когда вывели лошадей.

Дмитрій Борисычъ растерялся и озирался во всѣ стороны, не сообразивъ вдругъ вопроса.

— Это что?—повторилъ его высокородіе.

— Это... лошади-съ!—отвѣчалъ смущенный городничій.

— То-то «лошади»!—произнесъ его высокородіе и, сдѣлавши олимпическій жестъ пальцемъ, сѣлъ въ экипажъ.

Я всегда удивлялся, сколько краснорѣчія нерѣдко заключаетъ въ себѣ одинъ палецъ истиннаго администратора. Городничіе и исправники извѣдали на практикѣ всю глубину этой тайны; что же касается до меня, то до тѣхъ поръ, покуда я не сдѣлался литераторомъ, я ни о чемъ не думалъ съ такимъ наслажденіемъ, какъ о возможности сдѣлаться, посредствомъ какого-нибудь чародѣйства, указательнымъ пальцемъ губернатора или хоть его правителя канцеляріи.

Его высокородіе былъ, въ сущности, очень добрый господинъ. Тѣлосложенія онъ былъ хлипкаго, имѣлъ румяныя щеки и густые сѣдые волосы. Это послѣднее обстоятельство, по моему мнѣнію, однакожъ, сильно противорѣчило добродушному выраженію лица Алексѣя Дмитрича (такъ звали его высокородіе). Неизвѣстно почему, я съ самаго малолѣтства не могу себѣ вообразить добродѣтель иначе, какъ въ видѣ плѣшиваго старца съ немного телячьимъ выраженіемъ въ очахъ. По свойственной человѣчеству слабости, его высокородіе не прочь былъ иногда задать головомойку и вообще учинить такое невѣжество, отъ котораго затряслись бы поджилки у подчиненнаго. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ по дѣлу о пожарныхъ лошадяхъ. Алексѣй Дмитричъ очень хорошо сознавалъ, что на мѣстѣ Желвакова онъ бы и не такъ еще упарилъ лошадей, но

Digitized by Google

порядокъ службы громко вопіялъ о мылѣ и щелокѣ, и мыло и щелокъ были употреблены въ дѣло.

Тѣмъ не менѣе, когда Дмитрію Борисычу объяснили добрые люди, по какой причинѣ его высокородіе изволилъ тыкать пальцемъ, онъ впалъ въ ипохондрію. Съ нимъ приключился даже феноменъ, который навѣрное ни съ кѣмъ никогда не приключался. И именно, ощущая себя въ совершенно бодрственномъ состояніи, онъ вдругъ увидѣлъ сонъ, ужасный, но настоящій сонъ. Случилось съ нимъ это приключеніе въ то самое время, когда онъ, послѣ посѣщенія его высокородія, стоялъ посреди пожарнаго двора, растопыривши, какъ слѣдуетъ, руки въ видѣ оправданія. Впослѣдствіи онъ самъ любилъ разсказывать объ этомъ необыкновенномъ случаѣ, но, считая его за дьявольское навожденіе, всякій разъ отплевывался съ глубокимъ омерзѣніемъ.

— Стою я это, и вижу вдругъ, что будто передо мною каторга, и ведутъ будто меня, сударь, сѣчь, и кнутъ будто тотъ самый, которымъ я стегалъ этихъ лошадей — чтобъ имъ пусто было! Только я будто палъ, сударь, на колѣни, и прошу, знаете, пощады. «Нѣтъ, говоритъ, тебѣ пощады! самъ, говоритъ, не пощадилъ невинность, такъ клади теперича голову на плаху!» Вотъ я и такъ, и сякъ — не проймешь его, сударь, ничѣмъ! Только мнѣ и самому будто досадно стало, что вотъ изъ-за скотовъ, можно сказать, безсловесныхъ такое поношеніе претерпѣть долженъ... «Ну, сѣки, молъ!» говорю. На этомъ самомъ мѣстѣ и разбудилъ меня Алексѣевъ, а то бы, можетъ, и Богъ знаетъ что со мной было! Такъ вотъ-съ какія приключенія случаются!

И точно, всѣ пятеро полицейскихъ и самъ стряпчій собственными глазами видѣли, какъ Дмитрій Борисычъ сталъ на колѣни, и собственными ушами слышали, какъ онъ благимъ матомъ закричалъ: «сѣки же, коли такъ!»

Когда Дмитрій Борисычъ совершенно прочухался отъ своего сновидѣнія, онъ счелъ долгомъ пригласить къ себѣ

Digitized by Google

на совѣтъ старшаго изъ пятерыхъ полицейскихъ, Алексѣева, который не безъ основанія слылъ въ городѣ правой рукой городничаго.

— Слышалъ?—спросилъ Дмитрій Борисычъ.

— Слышалъ,—отвѣчалъ Алексѣевъ.

— Ну, такъ то-то же! — сказалъ Дмитрій Борисычъ, и хотѣлъ-было погрозить пальцемъ, по подобію его высокородія, но, должно-быть, не изловчился, потому что Алексѣевъ засмѣялся.

— Ты чему смѣешься?—спросилъ Дмитрій Борисычъ.

— Я не смѣюсь... зачѣмъ смѣяться!—отвѣчалъ Алексѣевъ.

— То-то же! смотри, чтобъ у меня теперь лошади... ни-ни... никуда... понимаешь? Даже на пожаръ не смѣть... слышишь? Вездѣ брать обывательскихъ, даже для барышенъ!..

Распорядившись такимъ образомъ, онъ поворотилъ къ окну и увидѣлъ на улицахъ такую грязь, что его собственныя утки плавали въ ней какъ въ прудѣ.

— Это что такое?—спросилъ Дмитрій Борисычъ.

— А что «что такое»?—спросилъ Алексѣевъ.

— Не видишь?—спросилъ Дмитрій Борисычъ.

— Вижу,—сказалъ Алексѣевъ.

Вся запальчивость и ретивость Желвакова разбились объ это патріархальное равнодушіе.

— Ты бы хоть тово, что ли, — произнесъ онъ, немного сконфуженный и отворачиваясь отъ Алексѣева, чтобъ скрыть свое смущеніе.

И въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ «тово», когда ужъ «грязь такъ грязь и есть» и «все отъ Бога!»

— Вотъ кабы мы этому дѣлу причинны были, — глубокомысленно присовокупилъ Алексѣевъ.

— Ишь его...

«Принесла нелегкая», хотѣлъ-было сказать Дмитрій Борисычъ, но затруднился, потому что и въ мысляхъ не осмѣливался нанести какое-нибудь оскорбленіе начальству.

Digitized by Google

Но все это еще не бѣда. Ну, побранили его высокородіе— не повѣсили же въ самомъ дѣлѣ! Даже *вы* не сказали, а продолжали попрежнему говорить *ты* и *братецъ*. Дѣло въ томъ, что въ этотъ самый день случилось Дмитрію Борисычу быть именинникомъ, и онъ вознамѣрился сотворить для дорогого гостя балъ на славу. Какимъ образомъ пригласить его высокородіе послѣ такого происшествія? Ну, если да они скажутъ, что «я, дескать, съ такими канальями хлѣба ѣсть не хочу!» — а этому вѣдь бывали примѣры. Однако, Дмитрій Борисычъ пріободрился, и на обѣдѣ у головы, втянувъ въ себя все количество воздуха, какое могли вмѣщать его легкія, проговорилъ приглашеніе не только смѣлымъ, но даже излишне звучнымъ голосомъ. И его высокородіе ничего: приняли и даже ласково посмотрѣли на Дмитрія Борисыча.

— Да, господинъ Желваковъ,—сказали его высокородіе:— мы пріѣдемъ, господинъ Желваковъ! хорошо, господинъ Желваковъ!

По этой-то самой причинѣ и пріѣзжалъ Дмитрій Борисычъ нѣсколько разъ въ домъ купчихи Облепихиной узнать, какъ почивалъ генералъ и въ какомъ они находятся расположеніи духа: въ веселомъ, прискорбномъ или такъ-себѣ.

Между тѣмъ, въ домѣ купчихи Облепихиной происходила сцена довольно мрачнаго свойства. Его высокородіе изволилъ проснуться и чувствовалъ себя мучительно. На обѣдѣ у головы подали такое какое-то странное кушанье, что его высокородіе ощущалъ нестерпимую изжогу, отъ которой долгое время отплевывался безъ всякаго успѣха.

— Чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ они тамъ кормятъ! — бормоталъ Алексѣй Дмитричъ: — масло, что ли, скверное— просто мочи нѣтъ!

И выпилъ стаканъ воды.

— Экой народъ безобразный! зоветъ ѣсть, словно не знаетъ, кого зоветъ! Рыба да рыба—обрадовался, что рѣка

Digitized by Google

близко! Ѣлъ, кажется, пропасть, а въ животѣ бурчитъ, точно три дня не ѣлъ! И изжога эта... Эй, Кшецынскій!

Вошелъ господинъ не столько малаго роста, сколько скрюченный повиновеніемъ и преданностью.

— Пріѣзжалъ городничій?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Анъ, врете вы, пріѣзжалъ!—раздалось изъ передней.

— Я не видалъ, ей-Богу, не видалъ, ваше высокородіе!— бормоталъ скороговоркой Кшецынскій.

— Пріѣзжалъ ужъ разъ десять!—произнесъ камердинеръ Ѳедоръ, входя въ комнату съ стаканомъ чаю на подносѣ.— Извѣстно, вы ничего не видите!

— Это правда, Кшецынскій, правда, что ты ничего не видишь! Не понимаю, братецъ, на что у тебя глаза! Если бъ мнѣ не была извѣстна твоя преданность... если бъ я своими руками не вытащилъ тебя изъ грязи — ты понимаешь: «изъ грязи»?.. право, я не знаю... Что жъ, спрашивалъ что-нибудь городничій?

— Спрашивалъ, что, дескать, генералъ дѣлаютъ?

— Ну, а ты что?

— Спятъ, молъ; извѣстно, молъ, что имъ дѣлать, какъ не спать! Ночью ѣдемъ—въ каретѣ спимъ, днемъ стоимъ— на квартерѣ спимъ.

— Ты такъ и сказалъ?

— Сказалъ... отчего не сказать?

— Ска-атина!

На губахъ Кшецынскаго появилась блѣдная улыбка. Очевидно, что между нимъ и Ѳедоромъ существовало соперничество такого же рода, какое можетъ существовать между хитрою, но забавною Амишкой и неуклюжимъ, но вѣрнымъ Полканомъ. Ѳедоръ всегда бралъ верхъ; онъ, нимало не стѣсняясь, оказывалъ полное презрѣніе къ самымъ законнымъ и неприхотливымъ требованіямъ несчастнаго выходца. Платье и сапоги его оставались нечищенными, а на мѣсто чая подавалась ему какая-то странная смѣсь, болѣе похо-

Digitized by Google

жая на брагу, нежели на чай. За обѣдомъ Кшецынскій не осмѣливался оставить на своей тарелкѣ ножъ и вилку, потому что Ѳедоръ, безъ церемоніи, складывалъ ихъ тутъ же къ нему на скатерть. Кшецынскій при этомъ зеленѣлъ и вздрагивалъ, и во рту у него дѣлалось скверно; но все это происходило лишь на одно мгновенье, и онъ снова потуплялъ глаза въ тарелку. Когда ему подавали кушанье (а подавали ему всегда послѣднему), Ѳедоръ никогда не забывалъ толкнуть его въ плечо, если Кшецынскій, по его мнѣнію, недостаточно проворно бралъ кушанье. Больше одного куска ему брать не дозволялось. Вообще, присутствіе Кшецынскаго за барскимъ столомъ составляло для Ѳедора предметъ постоянныхъ и мучительнѣйшихъ размышленій.

— И что это за баринъ такой,—говаривалъ онъ обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, объ Алексѣѣ Дмитричѣ:—просто шавку паршивую съ улицы поднялъ, и ту за столъ посадилъ!

Но на этотъ счетъ Алексѣй Дмитричъ оставался непреклоннымъ. Кшецынскій продолжалъ обѣдать за столомъ его высокородія, и—мало того!—каждый разъ, вставая изъ-за стола, проходилъ мимо своего врага съ улыбкою, столь непримѣтною, что понимать и оцѣнить всю ея ядовитость могъ только Ѳедоръ. Но возвратимся къ разсказу

Въ передней послышалось шарканье.

— Да вотъ и онъ! — сказалъ Ѳедоръ и, обращаясь къ Дмитрію Борисычу, прибавилъ.—А вотъ меня изъ-за васъ, сударь, обругали тутъ! Зачѣмъ только васъ носитъ сюда!

— А! это ты, господинъ Желваковъ! Милости просимъ, господинъ Желваковъ! Прошу садиться, господинъ Желваковъ!—молвилъ его высокородіе, кротко улыбаясь.

— Осмѣлюсь просить ваше высокородіе..

— Помню, господинъ Желваковъ! Будемъ, будемъ, господинъ Желваковъ! Кшецынскій! и ты, братецъ, можешь съ нами! Смотри же, не ударь лицомъ въ грязь: я люблю,

Digitized by Google

чтобъ у меня веселились... Ну, что новенькаго въ городѣ? Какъ поживаютъ пожарныя лошадки?

Желваковъ поблѣднѣлъ.

— Ну, да ты не тово! я это такъ! А дать господину Желвакову чаю!

Ѳедоръ явился съ стаканомъ, который не столько подалъ, сколько сунулъ въ руки Дмитрію Борисычу.

— Да ты попробуй прежде, есть ли сахаръ, — сказалъ его высокородіе: — а то намеднись, въ Оковѣ, стряпчій у меня цѣлыхъ два стакана безъ сахару выпилъ... послѣ ужъ Кшецынскій мнѣ это разсказалъ... Такой, право, чудакъ!.. А благонравный! Я, знаешь, не люблю этихъ вотъ, что звѣзды-то съ неба хватаютъ; у меня главное, чтобъ былъ человѣкъ благонравенъ и преданъ... Да ты, братецъ, не торопись, однакожъ, а не то вѣдь языкъ обожжешь!

— Помилуйте, ваше высокородіе, мы завсегда съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ...

Между тѣмъ, для Дмитрія Борисыча питье чая составляло дѣйствительную пытку. Во-первыхъ, онъ пилъ его стоя; во-вторыхъ, чай дѣйствительно оказывался самый горячій, а продлить эту операцію значило бы сневѣжничать передъ его высокородіемъ, потому что если ихъ высокородіе и припускаютъ, такъ сказать, къ своей высокой особѣ, то это еще не значитъ, чтобъ позволительно было утомлять ихъ зрѣніе исполненіемъ обязанностей, до дѣлъ службы не относящихся.

— Да ты, братецъ, садись.

— Помилуйте, ваше высокородіе...

— Садись, братецъ.

— Не въ такихъ чинахъ, ваше высокородіе...

— Ну, какъ хочешь.

— Исправникъ Маремьянкинъ!—провозглашаетъ Ѳедоръ.

— Такъ я буду въ надеждѣ-съ, ваше высокородіе!—говоритъ Дмитрій Борисычъ, въ послѣдній разъ обжигая губы и удаляясь со стаканомъ въ переднюю.

Digitized by Google

— А! Живоглотъ!—говоритъ Алексѣй Дмитричъ:—добро пожаловать! Молодецъ, братъ, молодецъ! Ни соринки въ судѣ нѣтъ! Молодецъ, господинъ Живоглотъ!

Исправникъ Маремьянкинъ—мужчина вершковъ пятнадцати. Живоглотомъ онъ прозванъ по той причинѣ, что, будучи еще въ дѣтствѣ и обуреваемый голодомъ, котораго требованіямъ не всегда могъ удовлетворить его родитель, находившійся при земскомъ судѣ сторожемъ, нерѣдко блуждалъ по берегу рѣки и вылавливалъ въ ней мелкую рыбешку, которую и проглатывалъ живьемъ, твердо надѣясь на помощь Божію и на чрезвычайную крѣпость своего желудка, въ которомъ, по собственному его сознанію, камни жерновые всякій злакъ въ одинъ моментъ перемалывали. Замѣчательнѣйшею странностью въ его лицѣ было то, что ноздри его представлялись безстрашному зрителю какъ бы вывороченными наизнанку, вслѣдствіе чего мѣстные чиновники, кромѣ прозвища Живоглотъ, называли его еще Пугачевымъ и «рваными ноздрями».

— Имѣю честь,—рапортуетъ Живоглотъ.

— Откуда?

— Изъ уѣзда-съ. Приключилось умертвіе-съ. Нашли туловище, а голову отыскать не могли-съ.

— Какъ же, братъ, это такъ?

— Съ ногъ сбились искамши, ваше высокородіе.

— Какъ же это? Надо, братъ, надо отыскать голову... Голова, братецъ, это при слѣдствіи главное... Ну, самъ ты согласись: не будь, напримѣръ, у насъ съ тобой головы, что жъ бы это такое вышло! Надо, надо голову отыскать!

— Будемъ стараться, ваше высокородіе.

— То-то, любезный! Ты пойми, ты вникни въ мои усилія... какъ я, могу сказать, денно и нощно...

— Это справедливо, ваше высокородіе.

— Ну, то-то же! Впрочемъ, ты у меня молодецъ! Ты знаешь, что вотъ я завтра отъ васъ выѣду, и мнѣ все эта голова показываться будетъ... такъ ты меня успокой!

Digitized by Google

— Помилуйте, ваше высокородіе, будьте безъ сумлѣнія-съ...

— Убійство, конечно, вещь обыкновенная; это, можно сказать, каждый день случиться можетъ... а голова! Нѣтъ, ты пойми меня, ты вникни въ мои усилія! Голова, братецъ, это, такъ сказать, центръ, сѣдалище...

— Найдемъ-съ, — отвѣчалъ Живоглотъ съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ, какъ бы думая про-себя: «чтобъ тебя прорвало! экъ привязался, проклятый!»

— Впрочемъ, по уѣзду благополучно?

— Благополучно, ваше высокородіе!—реветъ Живоглотъ, разъ навсегда закаявшись докладывать его высокородію о чемъ бы то ни было неблагополучномъ.

— Воровства нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Убійствъ нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— То-есть, кромѣ этой головы... Эта, братецъ, голова, я тебѣ скажу... голова эта весь сегодняшній день мнѣ испортила... я, братецъ. Титъ; я, братецъ, люблю, чтобъ у меня тово...

Живоглотъ потупился. Въ эту минуту онъ готовъ былъ отрѣзать себѣ языкъ за то, что онъ сболтнулъ сдуру этакую скверную штуку.

«И хоть бы доподлинно эта голова была,—думалъ онъ, тысячный разъ проклиная себя,—а то вѣдь и происшествія-то никакого не было! Такъ, сдуру ляпнулъ, чтобъ похвастаться передъ начальствомъ дѣятельностью!»

— Ты думаешь, мнѣ это пріятно? — продолжалъ, между тѣмъ, его высокородіе: — начальству, братецъ, тогда только весело, когда всѣ довольны, когда все смотритъ на тебя съ довѣрчивостью, можно сказать, съ упованіемъ...

Молчаніе.

— Нѣтъ, ты поѣзжай... ты поѣзжай! Я не могу! Я спокоенъ не буду, пока ты въ городѣ...

Digitized by Google

— Помѣщикъ Перегоренскій!—докладываетъ Ѳедоръ.

Входитъ Перегоренскій, господинъ лѣтъ шестидесяти, но еще бодрый и свѣжій. Видно, однакоже, что для подкрѣпленія угасающихъ силъ онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ напитку, вслѣдствіе чего и носъ его пріобрѣлъ всевозможные оттѣнки фіолетоваго цвѣта. На немъ порыжѣлый фракъ съ узенькими фалдочками и нанковыя панталонцы безъ штрипокъ. При появленіи его Алексѣй Дмитричъ прячетъ обѣ руки къ самымъ ягодицамъ, изъ опасенія, чтобъ господину Перегоренскому не вздумалось протянуть ему руку.

Перегоренскій. Защиты! О защитѣ взываю я къ вашему высокородію! Защиты невиннымъ, защиты угнетеннымъ!

Алексѣй Дмитричъ. Что же такое-съ?

Перегоренскій. Вы извините меня, ваше высокородіе! я внѣ себя! Но я вѣрноподданный, ваше высокородіе, я христіанинъ, ваше высокородіе! я... человѣкъ!

Алексѣй Дмитричъ. Позвольте, однакожъ, что же такое случилось? И къ чему тутъ «вѣрноподданный»? Мы всѣ здѣсь вѣрноподданные-съ.

Перегоренскій. Не доносъ... нѣтъ, роль доносчика далека отъ меня! Не съ доносомъ дерзнулъ я предстать предъ лицо вашего высокородія! Чувство состраданія, чувство любви къ ближнему одно подвигло меня обратиться къ вамъ: добродѣтельный царедворецъ, спаси, спаси погибающую вдову!

Алексѣй Дмитричъ. Но, позвольте... мнѣ сказали, что вы здѣшній помѣщикъ... зачѣмъ же тутъ вдова?... Я не понимаю.

Перегоренскій *(вздыхая)*. Да-съ, я здѣшній помѣщикъ, это правда; я имѣю, я имѣю несчастіе называться здѣшнимъ помѣщикомъ... У меня семь душъ... безъ земли-съ, и только онѣ, однѣ онѣ поддерживаютъ мое бренное существованіе!.. Я былъ угнетенъ, ваше высокородіе! Я былъ на службѣ— и выгнанъ! Я служилъ честно.— и вотъ предстою нищъ и убогъ! Я имѣлъ чувствительное сердце и сохранилъ его

Digitized by Google

до сихъ поръ! За что же терпѣлъ я? За что всѣ гоненія судьбы на меня? Не за то ли, что любилъ правду выше всего! Не за то ли, что, можно сказать, ненавидѣлъ ложь *и истину царямъ съ улыбкой говорилъ!* Защиты! О защитѣ взываю къ тебѣ, покровитель гонимыхъ и угнетенныхъ!

Алексѣй Дмитричъ. Да помилуйте, что же я могу сдѣлать!.. Объяснитесь, пожалуйста!

Перегоренскій. Повторяю вашему высокородію: не доносъ, котораго самое названіе презрительно для моего сердца, намѣренъ я предъявить вамъ, государь мой! — Нѣтъ! Слова мои будутъ простымъ извѣщеніемъ, которое, по смыслу закона, обязательно для всякаго вѣрноподданнаго...

Алексѣй Дмитричъ. Но въ чемъ же дѣло? Позвольте, я занятъ; мнѣ надобно ѣхать...

Перегоренскій. Коварный Живоглотъ...

Алексѣй Дмитричъ *(строго).* Кто же этотъ Живоглотъ? Я не понимаю васъ; вы, кажется, позволяете себѣ шутить, милостивый государь мой!

Перегоренскій *(не слушая его).* Коварный Живоглотъ, воспользовавшись темнотою ночи, съ толпою гнусныхъ наемниковъ окружилъ домъ торгующаго въ селѣ Чернораменьѣ, по свидѣтельству третьяго рода, мѣщанина Скурихина, и алчнымъ голосомъ требовалъ допустить его къ обыску, подъ предлогомъ, якобы Скурихинъ производитъ торговлю мышьякомъ. При чемъ обозвалъ Скурихина непотребными словами; за оставленіе же сего дѣла въ тайнѣ, взялъ съ него пятьдесятъ рублей и удалился съ наемниками вспять. Это первый пунктъ.

Алексѣй Дмитричъ. Но гдѣ же тутъ вдова?

Перегоренскій. Оный Живоглотъ, описывая, по указу губернскаго правленія, имѣніе купца Гламидова, утаилъ нѣкія драгоцѣнныя вещи, произнося при этомъ: «вещи сіи пригодятся ребятишкамъ на молочишко». При семъ равно-

Digitized by Google

мѣрно не преминулъ обозвать Гламидова непотребно... *(Пристально смотритъ на Алексѣя Дмитрича, который, въ смущеніи, нюхаетъ табакъ).* Сей же Живоглотъ, придя въ домъ къ отставному коллежскому регистратору Рыбушкину, въ то время, когда у того были гости, усиленно требовалъ, для своего употребленія, стаканъ водки, и, получивъ въ томъ отказъ, разогналъ гостей и хозяевъ, произнося при этомъ: *аллемаширъ!*

Алексѣй Дмитричъ. Но гдѣ же тутъ вдова?

Перегоренскій. Но симъ не исполнилась мѣра безчинствъ Живоглотовыхъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, прибывъ на ярмонку въ село Березино, что на Новомъ, сей лютый звѣрь, аки левъ рыкаяй и преисполнившись вина и ярости, избилъ безпричинно всѣхъ торгующихъ, и дотолѣ не положилъ сокрушительной десницы своей, доколѣ не пріобрѣлъ по полтинѣ съ каждаго воза... *(Торжественно).* На всѣ таковыя противозаконныя дѣйствія исправника Маремьянкина, въ просторѣчіи Живоглотомъ именуемаго, и лютостію своею таковое прозвище вполнѣ заслужившаго, имѣются надлежащіе свидѣтели, которыхъ я, впрочемъ, къ свидѣтельству подъ присягой допустить сомнѣваюсь.

Алексѣй Дмитричъ. Позвольте, однакожъ, я все-таки не могу понять, гдѣ тутъ вдова и въ какой мѣрѣ описываемыя вами происшествія, или, какъ вы называете ихъ, безчинства, касаются вашего лица, и почему вы... нѣтъ, воля ваша, я этого просто понять не въ состояніи!

Перегоренскій. Ваше высокородіе! Во мнѣ, въ моемъ лицѣ, видите вы естественное убѣжище общественной совѣсти, Живоглотомъ поправной, Живоглотомъ поруганной. Смѣни Живоглота, добродѣтельный царедворецъ! Смѣни! вопіютъ къ тебѣ тысячи жертвъ его звѣрообразной лютости.

Алексѣй Дмитричъ. Но какъ же это... я, право, затрудняюсь. Свидѣтелей вотъ вы не допускаете... истцовъ тоже на-лицо не оказывается.

Перегоренскій *(смѣется горько и потомъ вздыхаетъ).*

Digitized by Google

Итакъ, нѣтъ правды на землѣ! Великій Господи! здѣсь предстоитъ рабъ лукавый и лѣнивый *(указывая на Алексѣя Дмитрича)*, который меня же обзываетъ ябедникомъ и кляузникомъ...

Алексѣй Дмитричъ *(тревожно)*. Позвольте, однако, я не называлъ васъ ни ябедникомъ, ни кляузникомъ!

Перегоренскій. Ябедникомъ и кляузникомъ за то единственно, что я принялъ на себя защиту невинности! *(Къ Алексѣю Дмитричу)*. Государь мой! Необходимость, одна горестная необходимость вынуждаетъ меня сказать вамъ, что я не премину, при первой же возможности, обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ господину министру, умолять на колѣняхъ его высокопревосходительство... *(Запальчиво)*. Ты узнаешь, да, ты узнаешь, коварный царедворецъ, что̀ значитъ презирать совѣты добродѣтели! Вспомянутся тебѣ и рябчики, и рыба, посылаемые Живоглотомъ, яко дань твоей плотоядности! *(Уходитъ)*.

Алексѣй Дмитричъ *(минутъ съ пять стоитъ въ нѣкоторомъ отупѣніи, come una statua; просыпаясь)*. Чортъ знаетъ что̀ такое... Эй, Ѳедоръ! одѣваться!

Между тѣмъ домъ Желвакова давно уже горитъ въ многочисленныхъ огняхъ, и у воротъ поставлены даже плошки, что̀ привлекаетъ большую толпу народа, который, несмотря ни на дождь, ни на грязь, охотно собирается поглазѣть, какъ веселятся уѣздные аристократы. Гости уже собрались. Оркестръ, состоящій изъ двухъ флейтъ и одного контрабаса, сыгрывается въ лакейской, наводя нестерпимое уныніе на сердца черноборцевъ извлекаемыми изъ флейтъ жалобными звуками. Сальныя свѣчи въ изобиліи горятъ во всѣхъ комнатахъ; однакожъ, въ одной изъ нихъ, предназначенной, повидимому, для резиденціи почетнаго гостя, на раскрытомъ ломберномъ столѣ горятъ даже двѣ стеариновыя свѣчи, которыя Дмитрій Борисычъ, изъ экономіи, тушитъ, и потомъ, послышавъ на улицѣ движеніе, вновь

Digitized by Google

зажигаетъ. Дѣвицы, взявшись подъ-руку, вереницей ходятъ по залѣ, предназначенной для танцованія. Увивающійся около нихъ протоколистъ дворянской опеки, должно-быть, говоритъ ужасно смѣшныя вещи, потому что дѣвицы безпрестанно закрываютъ свои личики платками. Въ тревожномъ ожиданіи проходитъ два часа, въ продолженіе которыхъ всѣ бездѣйствуютъ. Нѣкоторыя дамы начинаютъ даже выказывать знаки нетерпѣнія. Въ особенности отличается жена окружного начальника, курящая папиросы и составляющая въ уѣздѣ постоянную оппозицію.

— Да помилуйте, Дмитрій Борисычъ! — говоритъ она громко:—долго ли же намъ дожидаться? Вѣдь намъ-то онъ даже почти не начальникъ!

— Ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, Степанида Карповна, повремените крошечку-съ; Михайло Трофимычъ! уговорите Степаниду Карповну!—умоляетъ Дмитрій Борисычъ.

— Stéphanie, mon ange! — говоритъ Михайло Трофимычъ:—il faut donc faire quelque chose pour ces gens.

— Однакожъ, Michel!—отвѣчаетъ Степанида Карповна.

Въ это время жена уѣзднаго судьи, не выражавшая доселѣ никакихъ знаковъ неудовольствія, считаетъ возможнымъ, въ знакъ сочувствія къ Степанидѣ Карповнѣ, пустить въ ходъ горькую улыбку, давно созрѣвшую въ ея сердцѣ. Но Дмитрій Борисычъ ловитъ эту улыбку, такъ сказать, на-лету.

— Ну, вы-то что?—говоритъ онъ судейшѣ:—ну, Степанида Карповна... это точно! А вы-то что?

И, махнувъ рукой, бѣжитъ дальше.

Однакоже, Дмитрій Борисычъ далеко не спокоенъ. Два обстоятельства гложутъ его сердце. Во-первыхъ, извѣстно ему, что у его высокородія, въ настоящее время, пропекается Перегоренскій. «Опакоститъ онъ, опакоститъ насъ всѣхъ, бестія!»—думаетъ Дмитрій Борисычъ... Во-вторыхъ, представляется весьма важный вопросъ: будетъ ли его высокородіе играть въ карты, и если не будетъ, то какимъ

Digitized by Google

образомъ занять ихнюю особу? Партію для его высокородія онъ уже составилъ, и партію приличную. Михайло Трофимычъ Сюртуковъ, окружной начальникъ, молодой человѣкъ, образованный и съ направленіемъ; асессоръ палаты, Кшепшицюльскій, тоже образованный и съ направленіемъ, и наконецъ той же палаты чиновникъ особыхъ порученій Пшикшецюльскій, не столько образованный, сколько съ направленіемъ. Всѣ они согласны играть во что̀ угодно и по скольку угодно.

— Господи! кабы не было хозяйственныхъ управленій,— говоритъ про-себя Дмитрій Борисычъ: — пропала бы моя головушка!

И второпяхъ, съ размаху останавливается передъ уѣзднымъ судьей, скромно сидящимъ въ углу, и, задумавшись, разсуждаетъ во всеуслышаніе:

— Что, еслѝ бъ все этакіе-то были! Вонъ онъ какой убогой! нищему даже подать нечего!

— Нѣтъ! куда намъ!—говоритъ, махая руками, судья, который отъ старости не дослышитъ, и думаетъ, что Дмитрій Борисычъ приглашаетъ его составить партію для высокоименитаго гостя.

Но вотъ вламывается въ дверь Алексѣевъ и изо всей мочи провозглашаетъ: «Левизоръ! левизоръ ѣдетъ!» Дмитрій Борисычъ дрожащими руками зажигаетъ стеариновыя свѣчи, на̀скоро говоритъ музыкантамъ: «не осрамите, батюшки!» и стремглавъ убѣгаетъ на крыльцо.

Его высокородіе входитъ при звукахъ музыки, громко играющей тушъ. Его высокородіе смотритъ милостиво и останавливается въ залѣ. Дмитрій Борисычъ, скользящій около гостя бокомъ, простираетъ руку въ ту сторону, гдѣ приготовлена обитель для его высокородія, и торопливо произноситъ:

— Сюда пожалуйте, сюда, ваше высокородіе!

— Зачѣмъ же? мнѣ и здѣсь хорошо!—говоритъ его высокородіе, окидывая дамъ орлинымъ взоромъ.—А впрочемъ,

Digitized by Google

дѣлай со мною что хочешь! Извините меня, mesdames,— я здѣсь невольникъ!

И, шаркнувши ножкой, мелкими шагами удаляется въ обитель, въ дверяхъ которой встрѣчаетъ его сама городничиха, простая старуха, съ платкомъ на головѣ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, пожалуйте, не побрезгайте!— говоритъ она, низко кланяясь.

— Извините, сударыня, я еще только «высокородіе»!— отвѣчаетъ Алексѣй Дмитричъ и скромно потупляетъ глаза.

Его высокородіе садится на пріуготовленномъ диванѣ; городничиха въ ту же минуту скрывается; именитѣйшіе мужи города стоятъ по стѣнѣ и безмолвствуютъ. Его высокородію, очевидно, неловко.

— Прикажете начинать музыкѣ?—спрашиваетъ Дмитрій Борисычъ.

— Какъ же, какъ же!—отвѣчаетъ его высокородіе.

Музыка играетъ; до слуха его высокородія достигаетъ только трескъ контрабаса.

— Да ты тутъ и музыку завелъ! — замѣчаетъ его высокородіе.—Это похвально, господинъ Желваковъ! это ты хорошо дѣлаешь, что соединяешь общество! Я это люблю... чтобъ у меня веселились...

— Всѣ силы-мѣры, ваше высокородіе... то-есть, сколько станетъ силы-возможности,—отвѣчаетъ Дмитрій Борисычъ.

Молчаніе.

— А вы, господа, развѣ не танцуете? — спрашиваетъ Алексѣй Дмитричъ, поводя глазами по стѣнѣ.

Именитые чины, принимая эти слова въ смыслѣ приглашенія выйти изъ комнаты, гурьбой направляются въ залу. Его высокородіе нѣсколько озадаченъ.

— Что жъ это они?—говоритъ онъ, хмуря брови.—Развѣ мое общество... кажется, я тово...

Дмитрій Борисычъ, въ совершенномъ отчаяньи, спѣшитъ догнать бѣглецовъ.

— Ну, куда же вы, ради Христа? куда вы?—говоритъ

Digitized by Google

онъ умоляющимъ голосомъ: — Михайло Трофимычъ! Мечиславъ Станиславичъ! Станиславъ Мечиславичъ! хоть вы! хоть вы! вѣдь это скандалъ-съ! это, можно сказать, неприличіе!

Но именитыя лица упорствуютъ. Дмитрій Борисычъ вновь прибѣгаетъ въ обитель.

— Ваше высокородіе! не соблаговолите ли въ карточки!

Алексѣй Дмитричъ затрудненъ.

— Я... да... я тово... но, право, я не могу придумать, съ кѣмъ же ты меня...—говоритъ онъ.

— На этотъ счетъ будьте покойны, ваше высокородіе! Партія—самая благородная: все губернскіе-съ...

— Ну, да... если партія приличная... отчего же...

Одинъ изъ партнеровъ, Михаилъ Трофимычъ, поспѣшно распечатываетъ карты и весьма развязно подлетаетъ къ его высокородію.

— Votre excellence!—говоритъ онъ, подавая карточку.

— Mais... vous parlez français?—замѣчаетъ его высокородіе съ пріятнымъ изумленіемъ.

— Они обучались въ университетѣ,—вступается Дмитрій Борисычъ.—Ихняя супруга—первая дама въ городѣ-съ.

— А! очень пріятно! J'espère que vous me ferez l'honneur... очень, очень пріятно!

Между тѣмъ танцы въ залѣ происходятъ обыкновеннымъ порядкомъ. Протоколистъ дворянской опеки превосходитъ самого себя: онъ танцуетъ и прямо, и поперекъ, потому что дамъ вдвое болѣе, нежели кавалеровъ, и всякой хочется танцовать. Слѣдовательно, кавалеры обязаны одну и ту же фигуру кадрили поперемѣнно отплясывать съ двумя разными дамами.

— Фу, упарился!—говоритъ протоколистъ, обтирая платкомъ катящіяся по лбу струи пота. — Дмитрій Борисычъ! хоть бы вы водочкой танцоровъ-то попотчивали! Вѣдь это просто смерть-съ! Этакого труда и каторжники не претерпѣваютъ!

Digitized by Google

— И ни-ни!—отвѣчаетъ Дмитрій Борисычъ, махая руками:—что ты! что ты! Ты, пожалуй, опять по-намедншнему налижешься! Вотъ уѣдетъ его высокородіе—тогда хоть графинъ выпей... Эй, музыканты!

Музыка трогается, но танцоровъ урезонить не легко. Они становятся посреди залы въ каре, устраиваютъ между собой совѣтъ и рѣшаютъ не танцовать, покуда не будетъ выполнено справедливое требованіе протоколиста.

— Что жъ это за срамъ такой! хоть бы прохладительное какое-нибудь подали!—говоритъ протоколистъ.

— Не танцуй, братцы, да и баста!—подсказываетъ мужъ совѣта Петька Трясучкинъ.

— Не хотимъ танцовать!—раздается общій отголосокъ.

Происходитъ смятеніе. Городничиха поспѣшаетъ сообщить своему мужу, что приказные бунтуются, требуютъ водки; а водки, дескать, дать невозможно, потому что вотъ еще намеднись, у исправника, столоначальникъ Подгоняйчиковъ до того натенькался, что даже вообразилъ, что домой спать пришелъ, и сталъ при всѣхъ раздѣваться.

Дмитрій Борисычъ выбѣгаетъ увѣщевать.

— Бога вы не боитесь, свиньи вы этакія! — говоритъ онъ.—Знаете сами, какая у насъ теперича особа! Нешто жалко мнѣ водки-то, пойми ты это!.. Эй, музыканты!

— Да нѣтъ, танцовать совсѣмъ невозможно... намъ что водка-съ! а совсѣмъ намъ танцовать невозможно-съ!

— Да почему же невозможно?

— Да такъ-съ... оченно ужъ трудъ великъ-съ...

— Господи! Иванъ Перфильичъ! и ты-то! голубчикъ! ну, ты умница! Прохладись же ты хоть разъ какъ слѣдуетъ образованному человѣку! Ну, жарко тебѣ — выпей воды, или выдь, что ли, на улицу... а то водки! Я вѣдь не стою за нее, Иванъ Перфильичъ! Мнѣ что водка! Христосъ съ ней! Я вамъ всѣмъ завтра утромъ по два стаканчика поднесу... ей-Богу! да хоть теперь-то ты воздержись... А! ну, была не была! Эй, музыканты!

Digitized by Google

На этотъ разъ убѣжденія подѣйствовали, и кадриль кой-какъ составилась. Изъ-за дверей коридора, примыкавшаго къ залѣ, выглядывали лица горничныхъ и другихъ зрителей лакейскаго званія, впереди которыхъ, въ самой уже залѣ, стоялъ камердинеръ его высокородія. Онъ держалъ себя, какъ и слѣдуетъ камердинеру знатной особы, весьма серьезно, съ прочими лакеями не связывался, и, заложивъ руки назадъ, производилъ глубокомысленныя наблюденія надъ танцующимъ уѣздомъ.

— Ну, а что, Ѳедя, вѣдь и мы веселиться умѣемъ?— спрашивалъ Дмитрій Борисычъ, изрѣдка забѣгая къ нему.

— Веселиться—отчего не веселиться!—отвѣчалъ Ѳедоръ.

— Ну, а какъ, Ѳедя, противъ вашихъ-то баловъ: нашъ, поди, никуда, чай, не годится?

— Да, противъ нашихъ... разумѣется... а впрочемъ, мнѣ вашъ больше нравится... проще!

— Ты, Ѳедя, добрый! Приходи ужо, я тебѣ полтинничекъ пожертвую... А чай пилъ?

— Пилъ-съ, благодаримъ покорно.

— Ты, братецъ, требуй... знаешь, безъ церемоній... распорядись самъ, коли чего захочется... леденчиковъ тамъ, икорки, балычку... тебѣ, братецъ, отказу не будетъ...

Въ началѣ пятой фигуры, въ гостиной послышался шумъ, вскорѣ затѣмъ смѣнившійся шушуканьемъ. Въ дверяхъ залы показался самъ его высокородіе. Приближался страшный моментъ,—моментъ, въ который слѣдовало дѣлать соло пятой фигуры. Протоколистъ, завидѣвъ его высокородіе, рѣшительно отказался выступать впередъ и хотѣлъ оставить на жертву свою даму. Произошло нѣчто въ родѣ борьбы, причинившей между танцующими замѣшательство. Дмитрій Борисычъ бросился въ самый пылъ сраженія.

— Ну, полно же, братецъ, иди!—увѣщевалъ онъ заартачившагося протоколиста:—вѣдь его высокородіе смотритъ...

Но протоколистъ ни съ мѣста: и не говоритъ ни слова, и впередъ не идетъ, словно ноги у него приросли къ полу.

Digitized by Google

— Оробѣлъ, ваше высокородіе! — восклицаетъ Желваковъ, перебѣгая къ Алексѣю Дмитричу. — Они у насъ непривычны-съ... всего пугаются.

— Отчего же? — говоритъ Алексѣй Дмитричъ. — Я, кажется, не страшенъ! Нехорошо, молодой человѣкъ! Я люблю, чтобъ у меня веселились... да!

И удаляется въ обитель, чтобъ не мѣшать общему веселью.

— А у меня сегодня былъ случай, — говоритъ Алексѣй Дмитричъ, обращаясь къ Михайлѣ Трофимычу, который, какъ образованный человѣкъ, слѣдитъ шагъ за шагомъ за его высокородіемъ:—приходитъ ко мнѣ Маремьянкинъ и докладываетъ, что въ уѣздѣ отыскано туловище... и какъ странно! просто одно туловище, безъ головы! Imaginez-vous cela!

— Сс! — произноситъ Дмитрій Борисычъ, покачивая головой.

— Но вотъ что̀ въ особенности меня поразило, — продолжаетъ его высокородіе:—это то, что эту голову нигдѣ не могутъ найти! даже Маремьянкинъ! Vous savez, c'est un coquin pout ces choses-là!

— Сс!—произноситъ опять Желваковъ.

— Но я, однако, принялъ свои мѣры! Я сказалъ Маремьянкину, что знать ничего не хочу, чтобъ была отыскана голова! Это меня очень-очень огорчило! Ça m'a bouleversé! Я, знаете, тружусь, забочусь... и вдругъ такая непріятность! Головы найти не могутъ! Да вѣдь гдѣ женибудь она спрятана, эта голова! Признаюсь, я начинаю колебаться въ мнѣніи о Маремьянкинѣ; я думалъ, что онъ усердный—и что̀ жъ!..

Бьетъ одиннадцать часовъ. Его высокородіе берется за шляпу. Дмитрій Борисычъ въ отчаяньи.

— Ваше высокородіе! осчастливьте! не откажите перекусить!—умоляетъ онъ, въ порывѣ преданности почти осмѣливаясь прикасаться къ рукѣ его высокородія.

Digitized by Google

Алексѣй Дмитричъ видимо тронутъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ воля его непреклонна. «У него болитъ голова», «онъ такъ много сегодня работалъ», «завтра ему надо рано выѣхать», и притомъ «этотъ Маремьянкинъ съ своею головою»...

— Спасибо, господинъ Желваковъ, спасибо! — говоритъ его высокородіе:—это ты хорошо дѣлаешь, что стараешься соединить общество! Я буду имѣть это въ виду, господинъ Желваковъ.

И удаляется медленнымъ шагомъ изъ обители.

Подсадивши какъ слѣдуетъ его высокородіе въ экипажъ, Дмитрій Борисычъ возвращается въ залъ и долго-долго жметъ обѣ руки Михайлѣ Трофимычу.

— Благодарю!—говоритъ онъ, растроганный до слезъ:— благодарю! Если бъ не вы... Эй, водки! — восклицаетъ онъ совершенно неожиданно.

Ночь. Въ домѣ купчихи Облепихиной замѣчается лишь тусклое освѣщеніе. Алексѣй Дмитричъ ужъ раздѣтъ, и Ѳедоръ снимаетъ съ него сапоги.

— Ну, а помнишь ли, Ѳедоръ, какъ мы въ Петербургѣ-то бѣдствовали?—спрашиваетъ Алексѣй Дмитричъ.

— Какъ не помнить! Такое дѣло развѣ позабыть можно?— отвѣчаетъ Ѳедоръ угрюмо.

— Помнишь ли, какъ мы въ Мѣщанской, въ четвертомъ-то этажѣ, горе мыкали?

Ѳедоръ трясетъ головой.

— У кухмистера за шесть гривенъ обѣдъ брали, и оба сыты бывали,—продолжаетъ Алексѣй Дмитричъ.—А ждалъ ли ты, гадалъ ли ты въ то время, чтобъ вотъ, напримѣръ, какъ теперича... Стоитъ передъ тобою городничій — слушаю-съ; исправникъ къ тебѣ входитъ — слушаю-съ; судья рапортуетъ—слушаю-съ... Такъ вотъ, братъ, мы каковы!

— Это точно, что во снѣ не гадалъ.

— То-то же!

Digitized by Google

— Хорошо-то оно хорошо,—говоритъ Ѳедоръ:—да одно вотъ, сударь, не ладно.

— А что̀ такое?

— Да вотъ Кшецу-то эту (Кшецынскаго) выгнать бы со двора слѣдовало.

— Опять ты... тово...

— Да нечего «тово», а продастъ онъ васъ, сударь.

— Что ты вздоръ-то городишь! только смущаешь, дуракъ!

— Мнѣ зачѣмъ смущать! я не смущаю! Я вотъ только знаю, что Кшеца эта шестьсотъ-шестьдесятъ-шесть означаетъ... ну, и продастъ онъ васъ...

Digitized by Google

II.

МОИ ЗНАКОМЦЫ.

Обманутый подпоручикъ.

Дѣло было весною, а въ тотъ годъ весна была ранняя. Уже въ началѣ марта полились съ горъ ручьи и прилетѣли грачи, чего и старожилы въ Крутогорской губерніи не запомнятъ. Время это самое веселое; видъ возрождающейся природы благотворно дѣйствуетъ на самаго сонливаго человѣка; все принимаетъ какой-то необычный, праздничный оттѣнокъ; все одѣвается радужными цвѣтами. Въ деревняхъ, на улицѣ проявляется грязь; ребятишки гурьбами возятся по дорогѣ и вездѣ, гдѣ подъ вліяніемъ лучей солнца образовалась вода; старики также выползаютъ изъ душныхъ избъ и садятся на завалинахъ погрѣться на солнышкѣ. Вообще, всѣ довольны, всѣ рады веснѣ и теплу, потому что въ зимнее время изба, наполненная какою-то прогорклою атмосферой, наводитъ уныніе даже на привыкшаго къ ней мужичка.

Однако, путешествовать въ это время, и особливо по экстренной надобности — сущее наказаніе. Дорога уже испортилась; черная, исковерканная полоса ея безобразнымъ горбомъ выступаетъ изъ осѣвшаго по сторонамъ снѣга; лошади безпрестанно проступаются, и потому вы волею-

Digitized by Google

неволею должны ѣхать шагомъ; сверхъ того, мѣстами попадаются такъ-называемыя зажоры, которыя могутъ заставить васъ простоять на мѣстѣ часовъ шесть и болѣе, покуда собьютъ окольный народъ, и съ помощью его ваша хибитка будетъ перевезена или, правильнѣе, перенесена на рукахъ по ту сторону колодца, образовавшагося посреди дороги. Это штука самая скверная; тутъ припомнишь всѣхъ, кого слѣдуетъ, и всѣхъ мысленно по-родственному обласкаешь. Не радуютъ сердца ни красоты природы, ни шумъ со всѣхъ сторонъ стремящихся водныхъ потоковъ; напротивъ того, въ душѣ поселяется какое-то тупое озлобленіе противъ всего этого: такъ бы, кажется, взялъ да и уѣхалъ; а уѣхать-то именно и нельзя.

Ночью въ такую пору ѣхать рѣшительно невозможно, поэтому и бываетъ, что отъѣдешь въ сутки верстъ сорокъ, да и славословишь остальное время имя Господне на станціи.

Подобную муку пришлось испытать и мнѣ. Промаявшись, покуда было свѣтло, въ безплодной борьбѣ со стихіями, я пріѣхалъ, наконецъ, на станцію, на которой предстояло мнѣ ночевать. Въ подобныхъ обстоятельствахъ станціонный домикъ, одиноко стоящій немного поодаль дороги, за деревьями, составляетъ истинную благодать. Уѣхалъ, кажется, всего верстъ сорокъ или пятьдесятъ, а истомѣешь, отупѣешь и раскиснешь такъ, какъ будто собственными своими благородными ногами пробѣжалъ верстъ полтораста. Разумѣется, первое дѣло самоваръ, и затѣмъ уже является на столъ посильная, зачерствѣвшая отъ времени закуска, и прилаживается складная желѣзная кровать, безъ которой въ Крутогорской губерніи путешествовать такъ же невозможно, какъ невозможно быть станціонному дому безъ клоповъ и таракановъ.

На этотъ разъ на станціи оказался какой-то проѣзжій, что̀ меня и изумило, и огорчило. Огорчило потому, что мы, коренные крутогорцы, до такой степени привыкли къ на-

Digitized by Google

шему безмятежному захолустью, что появленіе проѣзжаго кажется намъ оскорбленіемъ и посягательствомъ на наше спокойствіе. Кромѣ того, есть еще тайная причина, объясняющая наше нерасположеніе къ проѣзжему народу; но эту причину я могу сообщить вамъ только подъ величайшимъ секретомъ: имѣются за нами кой-какія провинности, и потому мы до смерти не любимъ ревизоровъ и всякаго рода любопытныхъ людей, которые любятъ совать свой носъ въ наше маленькое хозяйство. Мы разсуждаемъ въ этомъ случаѣ такъ: губернія Крутогорская хоть куда; мы тоже люди хорошіе и, къ тому же, приладились къ губерніи такъ, что она намъ словно жена; и климатъ, и все, то-есть, и то, и другое, такъ хорошо и прекрасно, и такъ все это славно, что вчужѣ даже мило смотрѣть на насъ, а намъ-то, пожалуй, и умирать не надо. Охота же кому-нибудь — прости Господи!—кобелю борзому нарушать это трогательное согласіе.

Проѣзжій оказывается нрава меланхолическаго. Онъ то и дѣло ходилъ по комнатѣ, напѣвая извѣстный романсъ: «*Уймитесь, волненія страсти*». Но страсти, должно полагать, не унимались, потому что когда дѣло доходило до «я пла-а-чу, я стрра-а-жду!», то въ голосѣ его происходила какая-то удивительнѣйшая штука: словно и вѣтеръ воетъ, и въ то же время сапоги скрипятъ до истомы. Этой штуки мнѣ никогда впослѣдствіи не приходилось испытывать; но помню, что въ то время она навела на меня уныніе. Замѣчательно было также то обстоятельство, что слова «плачу» и «стражду» безотмѣнно сопровождались возгласомъ: «эй, Прошка, водки!»—а какъ проѣзжій пѣлъ безпрестанно, то и водки, уповательно, вышло немалое количество.

Однакожъ я долженъ сознаться, что этотъ возгласъ пролилъ успокоительный бальзамъ на мое крутогорское сердце; я тотчасъ же смекнулъ, что это нашего поля ягода. Если и вамъ, милѣйшій мой читатель, придется быть въ такихъ же обстоятельствахъ, то знайте, что пьетъ человѣкъ водку—

Digitized by Google

значитъ, не ревизоръ, а хорошій человѣкъ. По той причинѣ, что ревизоръ, какъ человѣкъ злющій, въ самомъ себѣ порохъ и водку содержитъ.

— Милостивый государь! Милостивый государь... мой!— раздалось за перегородкой.

Воззваніе, очевидно, относилось ко мнѣ.

— Что прикажете?

— Не соблаговолите ли допустить побесѣдовать? Тоска смертнѣйшая-съ!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Вслѣдъ за симъ въ мою комнату ввалилась фигура высокаго роста, въ дубленомъ овчинномъ полушубкѣ и съ огромными сѣдыми усами, опущенными внизъ. Фигура говорила очень громкимъ и выразительнымъ басомъ, сопровождая свои реченія приличными жестами. Знаковъ опьяненія не замѣчалось ни малѣйшихъ.

— Рекомендуюсь! рекомендуюсь! «Блудный сынъ, или русскіе въ 18** году»...

— Очень радъ познакомиться.

— Да-съ; это такъ, это точно, что блудный сынъ—чортъ побери! Жизнь моя, такъ сказать, рроманъ и рроманъ не простой, а этакъ Рафаила Михайлыча Зотова, съ танцами и превращеніями и великолѣпнымъ фейерверкомъ — на томъ стоимъ-съ! А съ кѣмъ я имѣю удовольствіе бесѣдовать?

Я назвалъ себя.

— Такъ-съ; ну, а я отставной подпоручикъ Живновскій... да-съ! Служилъ въ полку—бросилъ; жилъ въ имѣніи—пропилъ! Скитаюсь теперь по бурному океану жизни, какъ челнъ утлый, *безъ кормила, безъ весла...*

Я стрра-ажду, я пла-ачу!

Заспанный Прошка стремительно, какъ угорѣлый, вбѣжалъ съ полштофомъ водки и стаканомъ въ рукахъ, и съ-просонья полѣзъ прямо въ окно.

— Куда? ну, куда лѣзешь? — завопилъ Живновскій. —

Digitized by Google

Эко рыло! мало ты спишь! очумѣлъ, скотина, отъ сна! Рекомендую! — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — рабъ и наперсникъ! единственный обломокъ древней роскоши! Хорошъ?

Прошка глядѣлъ на насъ во всѣ глаза и между тѣмъ, очевидно, продолжалъ спать.

— Хорошъ? рожа-то, рожа-то! да вы взгляните, полюбуйтесь! хорошъ? А знаете ли, впрочемъ, что? вѣдь я его выдрессировалъ — истинно вамъ говорю, выдрессировалъ! Теперь онъ у меня всѣ эти, знаете, поговорки и всякую команду — все понимаетъ; стихи даже французскіе декламируетъ. А ну, Прошка, потѣшь-ка господина!

Прошка забормоталъ что-то себѣ подъ носъ скороговоркой. Я могъ разобрать только припѣвъ: *се мистигрисъ же же ле номме, се мистигрисъ, се мистигрисъ.*

— А! каковъ каналья! это вѣдь, батюшка, Беранже! Два мѣсяца, сударь, съ нимъ бился, училъ — вотъ и плоды! А пріятный это стихотворецъ Беранже! Изъ русскихъ, я вамъ доложу, подобнаго ему нѣтъ! И все, знаете, насчетъ этихъ деликатныхъ обстоятельствъ... бестія!

Живновскій залпомъ выпилъ стаканъ водки.

— Ну, теперь маршъ! можешь спать! да смотри, у меня не зѣвать—понимаешь?

Прошка вышелъ. Живновскій вынулъ изъ кармана засаленный бумажникъ, положилъ его на столъ и выразительно хлопнулъ по немъ рукой.

— Изволите видѣть?—сказалъ онъ мнѣ.

— Вижу.

— Ну-съ, такъ вотъ здѣсь всѣ мои капиталы!.. То-есть, кромѣ тѣхъ, которые хранятся вотъ въ этомъ ломбардѣ!

Онъ указалъ на голову.

— Немного-съ! всего тутъ на все пятьдесятъ цѣлкачей... и это на всю, сударь, жизнь!

Онъ остановился въ раздумьи.

— Д-да-съ; это на всю жизнь!—сказалъ онъ торжественно

Digitized by Google

и съ разстановкой, почти налѣзая на меня.—Это, что называется, на всю жизнь; то-есть, тутъ и буаръ, и манже, и сортиръ!.. д-да-съ; не красна изба углами, а впрочемъ и пироговъ тутъ немного найдется... хитро-съ!

Онъ началъ шагать по комнатѣ.

— А ужъ чего, кажется, я не дѣлалъ! Тѣломъ торговалъ-съ! собственнымъ своимъ тѣломъ—вотъ какъ видите... Не вывезла! не вывезла шельма-кривая!

Молчаніе.

— Вотъ-съ хоть бы насчетъ браку! Чѣмъ не молодецъ—во всѣхъ статьяхъ! однако, нѣтъ!.. Была вдова Поползновейкина, да и та спятила: «ишь, говоритъ, какія у тебя ручищи-то! такъ, пожалуй, усахаришь, что въ могилу ляжешь!» Ужъ я какихъ ей резоновъ не представлялъ: «это, говорю, сударыня, крѣпость супружескую обозначаетъ!»—Такъ куда тебѣ! Вотъ и выходитъ, что только задаромъ на нее здоровье тратилъ: дала вотъ тулупчишку да сто цѣлковыхъ на дорогу и указала дверь! А харя-то какая, если бъ вы знали! точно вотъ у моего Прошки! словно антихристъ на ней съ сотворенія міра престолъ имѣлъ!

Живновскій плюнулъ.

— А не то вотъ Топорковъ корнетъ: «слышалъ, говоритъ, Сеня, англичане милліонъ тому даютъ, кто цѣлый годъ однимъ сахаромъ питаться будетъ?» Что жъ, думаю, вѣдь канальская будетъ штука милліончикъ получить. Вѣдь это выходитъ не много не мало, а такъ-себѣ взялъ да на пряники милліончикъ и получилъ! А мнѣ въ ту пору смерть приходилась неминучая — все просвисталъ! И кромѣ того, знаете, это у меня ужъ идея такая—разбогатѣть. Ну-съ, и полетѣлъ я сдуру въ Петербургъ. Пріѣхалъ; являюсь къ посланнику: «такъ и такъ, говорю, вызывались желающіе, а у меня, молъ, ваше превосходительство, желудокъ настоящій, русскій-съ»... Что жъ бы вы думали? Перевели ему это — какъ загогочетъ бусурманишка! Даже обидно мнѣ

Digitized by Google

стало; такъ, знаете, тамъ всѣ эти патріотическія чувства вдругъ и закипѣли.

— Да, это дѣйствительно обидно.

— Но, однакожъ, воротясь, задалъ-таки я Сашкѣ трезвону: уповательно полагать должно, помнитъ и теперь... Впрочемъ, и то сказать, я съ малолѣтства такой ужъ прожектеръ былъ. Голова, батюшка, горячая; съ головой сладить не могу! Это вотъ какъ въ критикахъ пишутъ: сердце съ разсудкомъ въ разладѣ—ну, какъ засядетъ оно туда, никакими силами оттуда и не вытащишь: на стѣну лѣзть готовъ!

— А теперь что же вы располагаете дѣлать?

— Теперь? Ну, теперь-то мы свои дѣлишки поправимъ! Въ Крутогорскъ, батюшка, ѣдемъ, въ Крутогорскъ; въ страну, съ позволенія сказать, антропофаговъ, страну дикую, лѣсную! Нога, сударь, человѣческая тамъ никогда не бывала, дикіе звѣри по улицамъ ходятъ! Вотъ-съ мы съ вами въ какую сторонушку запропастились!

Живновскій въ увлеченіи, вѣроятно, позабылъ, что передъ нимъ сидитъ одинъ изъ смиренныхъ обывателей Крутогорска. Онъ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потирая руки, и физіономія его выражала нѣчто плотоядное, какъ будто въ самомъ дѣлѣ онъ готовъ былъ живьемъ пожрать крутогорскую страну.

— Спасибо Сашкѣ Топоркову! спасибо! — говорилъ онъ, очевидно забывая, что тотъ же Топорковъ обольстилъ его насчетъ сахара.—«Ступай, говоритъ, въ Крутогорскъ, тамъ, братецъ, есть винцо тенерифъ—это, братъ, винцо!» Ну, я, знаете, человѣкъ военный, долго не думаю: кушакъ да шапку или, какъ сказалъ мудрецъ, *omnia me cum me*... зарапортовался! ну, да все равно! Слава Богу, теперь ужъ недалечко и до мѣста.

— Однакожъ, я все-таки не могу сообразить, на что же вы разсчитываете?

— На что? — спросилъ онъ меня съ нѣкоторымъ из-

Digitized by Google

умленіемъ, вдругъ остановясь передо мною:—какъ на что? Да вы, батюшка, не знаете, что̀ такое Крутогорскъ! Крутогорскъ—это, я вамъ доложу, сторона! Тамъ, знаете, купецъ—борода безобразнѣйшая, кафтанишка на немъ весь оборванный, самъ нищимъ смотритъ — нѣтъ, милліонщикъ, сударь вы мой, въ сапогѣ милліоны носитъ! Ну, а намъ этихъ негоціантовъ, что̀ въ кургузыхъ тамъ пиджакахъ щеголяютъ да генерифцемъ отдѣлываются, даромъ не надобно! Это не по нашей части! Намъ подавай этакъ бороду, такую, знаете, бороду, что какъ давнулъ ее, такъ бы старинные эти крестовики да лабанчики изъ нея и посыпались — вотъ намъ чего надобно! А знаете, не хватить ли намъ желудочнаго?—

Я пла-ачу, я стра-аждy!

Но Прошка не являлся. Живновскій повторилъ свой припѣвъ уже съ ожесточеніемъ. Прошка явился.

— Что̀ жъ ты шутить что ли, собачій сынъ, со мною вздумалъ? — возопилъ Живновскій.—Службу свою забылъ! Такъ я тебѣ ее припомню, ска-атина!

Онъ распростеръ свою длань и совершенно закрылъ ею лицо ополоумѣвшаго раба.

— Драться я, доложу вамъ, не люблю; это дѣло ненадежное! А вотъ помять, скомкать этакъ мордасы—ужъ это каше почтеніе, на томъ стоимъ-съ. У насъ, сударь, въ околоткѣ помѣщица жила, дѣвица бездѣтная, такъ она истинная была на эти вещи затѣйница. И тоже бить не била, а проштрафится у нея дѣвка, она и пошлетъ ее по деревнямъ милостыню сбирать; соберетъ она тамъ куски какіе—въ застольную: и дворовые сыты, и дѣвка наказана. Вотъ это, сударь, управленіе! это я называю управленіемъ!

Онъ выпилъ.

— Знаете ли, однакожъ, — сказалъ онъ: — напитокъ-то вѣдь начинаетъ забирать меня—какъ вы думаете?

Я согласился.

Digitized by Google

— Стара стала—слаба стала! Шли мы, я помню, въ восемьсотъ четырнадцатомъ, походомъ—въ мѣсяцъ по четыре ведра на брата выходило! Ну-съ, четырежды восемь=тридцать два—кажется, лопнуть можно!—такъ нѣтъ же, всѣ въ своемъ видѣ! такая ужъ компанія веселая собралась: все ребята были теплые!

На станціонныхъ часахъ пробило десять. Я зѣвнулъ.

— Да вы постойте, не зѣвайте! Я вамъ разскажу, былъ со мной случай. Былъ у меня братъ, такой братъ, что днемъ съ огнемъ не сыщешь — душа! Служилъ онъ, сударь, въ одномъ полку съ нѣкіимъ Перетыкинымъ—такъ, жалконькій былъ офицеришка. Вотъ только и поклялись они промежъ себя, въ счастьи ли, въ несчастьи ли, вывозить другъ друга. Братъ вышелъ въ отставку, а Перетычка эта полѣзла въ гору, перешла, батюшка, къ штатскимъ дѣламъ и дослужилась тамъ до чиновъ генеральскихъ. Въ двадцатыхъ годахъ, какъ теперь помню, пробубнился я жесточайшимъ манеромъ—штабсъ-капитанъ Терпишка въ пухъ обыгралъ, — натурально, къ брату. Вотъ и припомнилъ онъ, что есть у него другъ и пріятель Перетыкинъ: «онъ, говоритъ, тебя пристроитъ!» Пишетъ онъ къ нему письмо, къ Перетычкѣ-то: «помнишь ли, дескать, другъ любезный, какъ мы съ тобой напролетъ ночи у метрессъ прокучивали, какъ ты, какъ я... помоги брату!» Являюсь я въ Петербургъ съ письмомъ этимъ прямо къ Перетыкину. Принялъ онъ меня, во-первыхъ, самымъ, то-есть, безобразнѣйшимъ образомъ: ни самъ не садится, ни мнѣ не предлагаетъ. Прочиталъ письмо. «А кто это, говоритъ, этотъ господинъ Живновскій?» и такъ, знаете, это равнодушно, и губы у него такія тонкія—ну, бестія, одно слово—бестія. Это, говорю, ваше превосходительство, мой братъ, а вашъ старинный другъ и пріятель!—«А, да, говоритъ, теперь припоминаю! увлеченія молодости!» Ну, доложу вамъ, я не вытерпѣлъ!—А вы, говорю, ваше превосходительство, вѣрно и въ ту пору каналья изволили быть!.. Такъ и ляпнулъ. Что жъ бы вы

Digitized by Google

думали? Онъ же на меня въ претензіи: зачѣмъ, дескать, обозвалъ его!

Молчаніе.

— И вотъ все-то я такъ маюсь по бѣлу свѣту. Куда ни сунусь, вездѣ какая-нибудь пакость... Ну, да слава Богу, теперь, кажется, дѣло на ладъ пойдетъ; теперь я покоенъ... Да вы-то сами ужъ не изъ Крутогорска ли?

— Да.

— Такъ-съ; благодатная это сторона! Чай, пишете, бумагу переводите! Ну, и здѣсь, — прибавилъ онъ, хлопая себя по карману: — полагательно, толстушечка-голубушка водится!

— Ну, разумѣется.

— Такъ-съ, безъ этого нельзя-съ. Вотъ и я тоже туда ѣду; бородушекъ этихъ, знаете, всѣхъ къ рукамъ приберемъ! Руки у меня, какъ изволите видѣть, цѣпкія, а и въ Писаніи сказано: «овцы безъ пастыря — толку не будетъ». А я вамъ истинно доложу, что тѣмъ эти бороды мнѣ любезны, что съ ними можно просто, безъ церемоній... Позвалъ онъ тебя, напримѣръ, на обѣдъ: ну, надоѣла борода—и вонъ ступай!

— По крайней мѣрѣ, имѣете ли вы къ кому-нибудь рекомендацію въ Крутогорскъ?

— Ре-ко-мен-да-цію! А зачѣмъ, смѣю васъ спросить, мнѣ рекомендація? Какая рекомендація? Моя рекомендація вотъ гдѣ!—закричалъ онъ, ударяя себя по лбу.—Да, здѣсь она, въ житейской моей опытности! Пріѣду въ Крутогорскъ, явлюсь къ начальству, объяснюсь, что̀ мнѣ нужно... ну-съ, и дѣло въ шляпѣ... А то еще рекомендація!.. Эй, водки и спать!—прибавилъ онъ совершенно неожиданно.

И онъ побрелъ, пошатываясь, во-свояси.

На другой день, когда я проснулся, его уже не было; станціонный писарь сообщилъ мнѣ, что онъ уѣхалъ еще затемно и все спѣшилъ: «мнѣ, говоритъ, пора; пора, братъ, и дѣлишки свои поправить». Показывалъ также ему свой

Digitized by Google

бумажникъ и говорилъ, что «тутъ, братъ, на всю жизнь; съ этимъ, дружище, широко не разгуляешься!..»

Прошло мѣсяца два; я воротился изъ командировки и совсѣмъ забылъ о Живновскомъ, какъ вдругъ встрѣтилъ его, въ одно прекрасное утро, на улицѣ.

— Ба! ну, какъ дѣла?

Подпоручикъ смотрѣлъ невесело; на немъ висѣла шинель довольно подозрительнаго свойства, а сапоги были, очевидно, нечищены съ самаго пріѣзда въ Крутогорскъ.

— Надулъ Сашка!—проворчалъ онъ угрюмо.

— Чѣмъ же вы живете?

— А вотъ лотереи разыгрываемъ... Намеднись, Прошку на свозъ продалъ, и вѣрите ли: бестія, даже обрадовался, какъ я ему объявилъ.

— Ну, а являлись ли вы, какъ предполагали?

Онъ махнулъ рукой и пошелъ дальше.

Однакожъ я могъ разслышать, какъ онъ ворчалъ: «ну, задамъ же я тебѣ звону, бестія Сашка, дай только выбраться мнѣ отсюда!»

И, тѣмъ не менѣе, вы и до сихъ поръ, благосклонный читатель, можете встрѣтить его, прогуливающагося по улицамъ города Крутогорска и въ особенности принимающаго дѣятельное участіе во всѣхъ пожарахъ и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ. Сказываютъ даже, что онъ успѣлъ пріобрѣсти значительный кругъ знакомства, для котораго неистощимымъ источникомъ наслажденій служатъ разсказы о претерпѣнныхъ имъ бѣдствіяхъ и крушеніяхъ во время продолжительнаго плаванія по бурному морю житейскому.

Digitized by Google

Порфирій Петровичъ.

„Человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій"...

Если вы не знакомы съ Порфиріемъ Петровичемъ, то совѣтую какъ можно скорѣе исправить эту опрометчивость. Его уважаетъ весь городъ; онъ уже двадцать лѣтъ старшиною благороднаго собранія, и его превосходительство ни съ кѣмъ не садится играть въ вистъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ съ Порфиріемъ Петровичемъ.

Не высокъ онъ ростомъ, а между тѣмъ всякое тѣлодвиженіе его брызжетъ нестерпимымъ величіемъ. Баталіонный командиръ, охотно отдающій справедливость всему великому, въ заключеніе своихъ восторженныхъ панегириковъ о немъ, всегда прибавляетъ: «Какъ жаль, что Порфирій Петровичъ ростомъ не вышелъ; отличный былъ бы губернаторъ!» Нельзя сказать также, чтобъ и во всей позѣ Порфирія Петровича было много граціи; напротивъ того, весь онъ какъ-то кряжемъ сложенъ; но зато сколько спокойствія въ этой позѣ! сколько достоинства въ этомъ взорѣ, померкающемъ отъ избытка величія!

Когда онъ протягиваетъ вамъ руку, вы ощущаете, что въ вашей рукѣ заключено нѣчто неуловимое; это не просто рука, а какое-то блаженство или, лучше сказать, благоуханіе, принявшее форму руки. И не то чтобы онъ подалъ вамъ какіе-нибудь два пальца, или же сунулъ руку наизнанку, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, — нѣтъ, онъ подаетъ вамъ всю руку, какъ слѣдуетъ, ладонь на ладонь, но вы ни на минуту не усомнитесь, что передъ вами человѣкъ, который имѣлъ бы полное право подать вамъ одинъ свой мизинецъ. И вы чувствуете, что уваженіе ваше къ Порфирію Петровичу возрастаетъ до остервенѣнія.

Въ сужденіяхъ своихъ, въ особенности о лицахъ, Порфирій Петровичъ уклончивъ; если иногда и скажетъ онъ

Digitized by Google

вамъ «да», то вы несомнѣнно чувствуете, что здѣсь слышится нѣчто похожее на «нѣтъ», но такое крошечное «нѣтъ», что оно придаетъ даже рѣчи что-то пріятное, разслабляющее. Онъ не прочь иногда пошутить и сострить, но эта шутка никого не компрометируетъ; напротивъ того, она доказываетъ только, что Порфирій Петровичъ вполнѣ благонамѣренный человѣкъ: и могъ бы напакостить, но не хочетъ пользоваться своимъ преимуществомъ. Онъ никого, напримѣръ, не назоветъ болваномъ или старымъ колпакомъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые обитатели пустынь, не понимающіе обращенія; если хотите, онъ выразитъ ту же самую мысль, но такъ деликатно, что вмѣсто «болвана» вы вы удобно можете разумѣть «умницу», и вмѣсто «стараго колпака»—«почтеннаго старца, украшеннаго сѣдинами».

Когда говорятъ о взяткахъ и злоупотребленіяхъ, Порфирій Петровичъ не то чтобы заступался за нихъ, а только переминается съ ноги на ногу. И не оттого, чтобъ онъ всею душой не ненавидѣлъ взяточниковъ, а просто отъ сознанія, что вообще родъ человѣческій подверженъ слабостямъ.

Порфирій Петровичъ не поетъ и не играетъ ни на какомъ инструментѣ. Однако, всѣ чиновники и всѣ знакомые его убѣждены, что онъ могъ бы и пѣть, и играть, если бъ только захотѣлъ. Онъ охотно занимается литературой, больше по части повѣствовательной, но и тутъ отдаетъ преимущество повѣстямъ и романамъ, одолженнымъ своимъ появленіемъ дамскому перу, потому что въ нихъ нѣтъ ничего «этакого». «Дама, говоритъ онъ при этомъ, ужъ то преимущество передъ мужчиной имѣетъ, что она, можно сказать, розанъ, и, слѣдовательно, ничего, кромѣ запаховъ, издавать не можетъ».

Говорятъ, будто у Порфирія Петровича есть деньги, но это только предположенія, потому что онъ ими никого никогда не ссужалъ. Однако, какъ умный человѣкъ, онъ мета[illegible]ираетъ и въ душѣ отдаетъ большое предпо-

Digitized by Google

чтеніе тому, кто имѣетъ, предъ тѣмъ, кто не имѣетъ. Тѣмъ не менѣе, это предпочтеніе не выражается у него какъ-нибудь нахально, и развѣ нѣкоторая томность во взглядѣ изобличитъ внутреннюю тревогу души его.

Очень великолѣпенъ Порфирій Петровичъ въ мундирѣ въ тѣ дни, когда у губернатора бываетъ пріемъ, и послѣ того въ соборѣ. Тутъ самый ростъ его какъ-то не останавливаетъ ничьего вниманія, и всякій благонамѣренный человѣкъ необходимо долженъ думать, что такой, именно такой ростъ слѣдуетъ имѣть для того, чтобъ быть величественнымъ. Одно обстоятельство сильно угрызаетъ его — это отсутствіе бѣлыхъ брюкъ. Не ѣздилъ ли онъ верхомъ на Константинѣ Владимірычѣ, не осѣдлалъ ли, не взнуздалъ ли онъ его до такой степени, что несчастный старецъ головой пошевелить не можетъ? И между тѣмъ — о, несправедливость судебъ! — Константинъ Владимірычъ носитъ бѣлыя брюки, и притомъ такъ носитъ, какъ будто они у него пестрыя, а онъ, Порфирій Петровичъ, вѣчно осужденъ на черный цвѣтъ.

Не менѣе величественъ Порфирій Петровичъ и на губернскихъ балахъ, въ тѣ минуты, когда всѣ собравшіеся не осмѣливаются приступить ни къ какимъ дѣйствіямъ въ ожиданіи его превосходительства. Онъ ласково бесѣдуетъ со всѣми, не роняя, однакоже, своего достоинства и стараясь прильнуть къ губернскимъ тузамъ. Когда входитъ его превосходительство, глаза Порфирія Петровича выражаютъ тоску и какъ будто голодъ; и до той поры онъ, изнемогая отъ жажды, чувствуетъ себя въ степи Сагарѣ, покуда его превосходительство не приблизится къ нему и не пожметъ его руки. Послѣ этого акта Порфирій Петровичъ притопываетъ ножкой и, дѣлая граціозный поворотъ на каблукахъ, устремляется всею сущностью къ карточному столу, для составленія его превосходительству приличной партіи. За карточнымъ столомъ Порфирій Петровичъ не столько великолѣпенъ, сколько милъ; въ цѣлой

Digitized by Google

губерніи нѣтъ такого пріятнаго игрока; онъ не сердится, когда проигрываетъ, не глядитъ вамъ алчно въ глаза, какъ бы желая выворотѝть всѣ внутренности вашего кармана, не подсмѣивается надъ вами, когда вы проигрываете, однакожъ, и не сидитъ, какъ истуканъ. Напротивъ того, онъ охотно позволитъ себѣ, выходя съ карты, выразиться: «не съ чего, такъ съ бубенъ», или же, въ затруднительныхъ случаяхъ, крякнуть и сказать: «тэ-э-ксъ». Вообще, онъ старается руководить своего партнера болѣе взорами и тѣлодвиженіями; если же партнеръ такъ тупъ (и это бываетъ), что разговора этого не понимаетъ, то оставляетъ его на произволъ судебъ, употребивъ, однакожъ, напередъ всѣ мѣры къ вразумленію несчастнаго.

Вообще, Порфирій Петровичъ составляетъ рессурсъ въ городѣ, и къ кому бы вы ни обратились съ вопросомъ о немъ, отовсюду навѣрное услышите одинъ и тотъ же отзывъ: «какой пріятный человѣкъ Порфирій Петровичъ!», «какой милый человѣкъ Порфирій Петровичъ!» Что отзывы эти нелицемѣрны—это свидѣтельствуется не только тономъ голоса, но и всею позой говорящаго. Вы слышите, что у говорящаго, въ это время, какъ будто порвалось что-то въ груди отъ преданности къ Порфирію Петровичу.

Однако, не вдругъ и не безъ труда досталось ему это завидное положеніе. Онъ, какъ говорятъ его почтенные сограждане, произошелъ всю механику жизни и вышелъ съ честью изъ всѣхъ потасовокъ, которыми судьбѣ угодно было награждать его.

Папà Порфирія Петровича былъ сельскій понамарь; maman — понамарица. Несомнѣнно, что герою нашему предстояла самая скромная будущность, если бъ не одно обстоятельство. Извѣстно, что въ древнія времена по селамъ и весямъ нашего обширнаго отечества разъѣзжали благодѣтельные геніи, которые замѣчали природныя способности и необыкновенное остроуміе мальчиковъ, и затѣмъ, по вле-

Digitized by Google

ченію своихъ добрыхъ сердецъ, усердно занимались устройствомъ судебъ ихъ.

На этотъ разъ благодѣтель обратилъ вниманіе не столько на остраго мальчика, сколько на его маменьку. Маменька была женщина полная, грудь имѣла высокую и бѣлую, лицо круглое, губы алыя, глаза сѣрые, на выкатѣ, и рѣшительные. Полюбилась она старику-благодѣтелю. Все ему мерещится то Уріева жена полногрудая, то купель силоамская; то будто плыветъ онъ къ берегамъ ханаанскимъ по морю житейскому, а житейское-то море такого чудномолочнаго цвѣта, что гортань его сохнетъ отъ жажды нестерпимой. Наклонитъ онъ свою распаленную голову, чтобы испить отъ моря житейскаго, но — о, чудо! — передъ нимъ ужъ не море, а снѣжный суметъ, да такой-то въ немъ снѣгъ мелкій да пушистый, что только любо старику. А понамарица только смѣется, а дальше не допускаетъ: «дай, говоритъ, ваше благородіе, мѣсто мужу въ губернскомъ городѣ!»

А мужъ — пьяница необрѣзанный; утромъ, не успѣетъ еще жена встать съ постели, а онъ лежитъ ужъ на лавкѣ да распѣваетъ канты разные, а самъ горько-прегорько разливается-плачетъ. И не то чтобъ старъ былъ — всего лѣтъ не больше тридцати, — изъ себя недуренъ и теноръ такой сладкій имѣлъ, да вотъ поди ты съ нимъ! Разсудокъ ужъ больно некрѣпокъ былъ, не могъ сносить сивушнаго запаха. Билась съ нимъ долго жена, однако, совладать не могла; ни просьбы, ни слезы — все ни по чемъ: «изыди, говоритъ, окаянная, въ огнь вѣчный». Видитъ жена, что мужъ малодушествуетъ, ее совсѣмъ обросилъ, только блудницей вавилонскою обзываетъ, а самъ на постели безъ дѣла валяется; а она бабенка молодая да полная, жить-то хочется,—ну, и пошла тоже развлекаться.

Стала она сначала ходить къ управительшѣ, на горькую свою долю жаловаться, а управительшинъ-то сынъ молодой, да такой милосердый да добрый; живѣйшее, можно сказать,

Digitized by Google

участіе принялъ. Засидится ли она поздно вечеромъ—проводить ее пойдетъ до дому; сѣно ли у понамаря все выйдетъ—у отца сѣна выпросить, ржицы изъ господскихъ амбаровъ отсыплетъ — и все это по сердоболію; а управительша, какъ увидитъ понамарицу, все плачетъ, точно глаза у нея на мокромъ мѣстѣ.

Вотъ идетъ однажды молодецъ поздно вечеромъ, понамарицу провожаетъ, а мѣсто, которымъ привелось проходить, глухое.

— Страшно мнѣ чтой-то, Евсигней Ѳедотычъ,—говоритъ понамарица:—идите-ка поближе ко мнѣ.

Онъ подошелъ и руку ей подалъ, да ужъ и самъ не знаетъ какъ только обнялъ ее, а она и слышитъ, что онъ весь словно въ лихорадкѣ трясется.

— Не могу,—говоритъ:—воля ваша, Прасковья Михайловна, не могу дальше идти.

Сѣли они на пенекъ, да и молчатъ; только слышитъ она, что Евсигнейка дышитъ ужъ что-то очень прерывисто, точно захлебывается. Вотъ она въ слезы.

— Всѣ-то,—говоритъ:—меня, сироту, покинули да оставили; вотъ и вамъ, Евсигней Ѳедотычъ, тоже, чай, бросить меня желательно.

А онъ все молчитъ да вздыхаетъ: глупъ еще, молодъ былъ. Видитъ она, что малый-то ужъ больно простъ, безъ поощренья ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

— Чтой-то,— говоритъ: — мнѣ будто холодно; ноженьки до смерти иззябли. Хошь бы вы, что ли, тулупчикъ съ себя сняли да обогрѣли меня, Евсигней Ѳедотычъ.

Дѣло было весеннее: на поляхъ травка только-что показываться стала, и по ночамъ морозцемъ еще порядочно прохватывало. Снялъ онъ съ себя мерлушчатый тулупчикъ, накинулъ ей на плеча, да какъ сталъ застегивать—руки-то и не отнимаются, и колѣнки пуще дрожатъ и подгибаются. А она какъ-то ласково на него поглядываетъ да по головкѣ рукой гладитъ.

Digitized by Google

— Вотъ,—говоритъ:—кабы у меня мужъ такой красавчикъ да умница былъ, какъ вы, Евсигней Ѳедотычъ.:.

Пробыли они такимъ манеромъ съ полчаса, и пошли домой ужъ повеселѣе. Не то чтобъ «Евсигней Ѳедотычъ», или «Прасковья Михайловна», а «Евсигнеюшка, голубчикъ», «Параша, жись ты моя»—другихъ словъ и нѣтъ.

Долго ли, коротко ли, а стали на селѣ замѣчать, что управительскій сынъ и легъ, и всталъ—все у понамарицы. А она себѣ на умѣ, видитъ, что онъ ужъ больно голову терять началъ, ну, и попридерживать его стала.

— Я, — говоритъ: — Евсигнеюшка, изъ-за тебя смотри какой грѣхъ на душу приняла!

Ну, и въ слезы.

А иногда возьметъ его руками за голову, да къ груди-то своей и притянетъ, словно ребенка малаго; возьметъ гребень, да и начнетъ ему волосы расчесывать.

— А хочешь,—говоритъ:—дитятко, пряничка дамъ?

Такимъ образомъ, она все больше лаской да словами привораживала его къ себѣ.

Однако, въ домѣ у управителя стали пропадать то вещи, то деньги. Всю прислугу перепороли; не отыскивается воръ, да и все тутъ. Однажды и въ господской кассѣ не досчитались ста рублей; нечего дѣлать, поморщился старикъ-управитель, положилъ свои деньги. И невдомёкъ никому, что у понамарицы завелись чаи да обновы разныя. Вотъ однажды, въ темную ночь, слышатъ караульщики, что къ господской конторкѣ кто-то ползкомъ-ползкомъ пробирается; затаили они дыханіе, да и ждутъ, что̀ будетъ. Подползъ воръ къ двери, всталъ, сталъ прислушиваться: видитъ, что все кругомъ тихо, перекрестился и отворилъ дверь легонько. Проходитъ прихожую мимо караульщиковъ, и въ горницу, прямо къ сундуку. Вынулъ ключъ и отперъ кассу. А караульщики видятъ, что дѣло-то ужъ кончено и вору не уйти, смѣются да пугаютъ его. Кто чихнетъ, кто кашлянетъ, кто застонетъ, будто во снѣ: «ахъ, батюшки, воры!»

Digitized by Google

А воръ-то такъ и оцѣпенѣетъ весь. Такимъ образомъ они съ четверть часа надъ нимъ тѣшились; попритихли опять. Вздохнулъ воръ и только-что началъ рыться въ ящикѣ, какъ двѣ дюжія руки и схватили его сзади. Подняли управителя, засвѣтили огня; да какъ увидалъ старикъ вора, такъ и всплеснулъ руками.

— Такъ вотъ,—говоритъ:—кто воръ-отъ!

Да и повалился.

А Евсигнейка словно остервенился.

— Ну, воръ, такъ воръ! что жъ, что воръ!

Однако, сынъ не сынъ управительскій, а надѣли рабу Божьему на ноги колодки, посадили въ темную да на другой день къ допросу: «куда деньги дѣвалъ, что прежде воровалъ?» Какъ ни бились, — однихъ волосъ отецъ двѣ головы вытаскалъ,—однако, не признался: стоитъ какъ деревянный, слова не молвитъ. Только когда помянули Парашку—поблѣднѣлъ и затрясся весь, да и говоритъ отцу:

— Ты ее, батька, не замай, а не то и тебя пришибу, и деревню всю вашу выжгу, коли ей какое ни-на-есть безпокойствіе отъ васъ будетъ. Я одинъ деньги укралъ, одинъ и въ отвѣтѣ за это быть долженъ, а она тутъ ни при чемъ.

Недѣли черезъ двѣ свезли его въ рекрутское присутствіе, да и забрили лобъ.

Въ этой-то горести застала Парашку благодѣтельная особа. Видитъ баба—дѣло плохо, хоть изъ села вонъ бѣги: совсѣмъ проходу нѣтъ. Однако, не потеряла головы, и не то чтобы кинулась на шею благодѣтелю, а выдержала характеръ. Смекнулъ старикъ, что тутъ силой не возьмешь—и впрямь перетащилъ мужа въ губернскій городъ, изъ духовнаго званія выключилъ и помѣстилъ въ какое-то присутственное мѣсто бумагу изводить.

Подрастаетъ Порфирка и все около себя примѣчаетъ. И въ школу ходить началъ, способности показалъ отмѣнныя; къ старику-благодѣтелю все ластится, тятькой его назы-

Digitized by Google

ваетъ, а на своего-то отца на пьянаго ужъ и смотрѣть не хочетъ. Все даже думаетъ, какъ бы ему напакостить: то сонному въ ротъ табаку напихаетъ, то сальною свѣчей всю рожу вымажетъ, а Парашка знай себѣ сидитъ да хохочетъ. Жили они не то чтобы бѣдно, а безалаберно. У Парашки шелковыхъ платьевъ три короба, а рубашки порядочной нѣтъ; пойдетъ она на базаръ, на рубль пряниковъ купитъ, а дома хлѣба корки нѣтъ. Сиживалъ-таки Порфирка нашъ голодомъ не одинъ день; хаживалъ больше все на босу ногу, зимой и лѣтомъ, въ одномъ изодранномъ тулупчишкѣ.

Нашелъ онъ какъ-то на дорогѣ гривенникъ—поднялъ и схоронилъ. Въ другой разъ благодѣтель гривенничкомъ пожаловалъ—тоже схоронилъ. Полюбились ему деньги: дома объ нихъ только и разговору. Отецъ ли пьяный проспится—все хнычетъ, что денегъ нѣтъ; мать къ благодѣтелю пристаетъ—все деньгами попрекаетъ.

«Эка штука деньги!—думаетъ Порфирка:—а у меня ихъ всего два гривенника. Вотъ, молъ, кабы этихъ гривенниковъ хошь эко мѣсто, завелъ бы я лавочку, накупилъ бы пряниковъ. Идутъ это мальчишки въ школу, а я имъ: не побрезгайте, честные господа, нашимъ добромъ! Ну, извѣстно, кой пряникъ десять копеекъ стоитъ, а ты за него шесть пятаковъ».

Сталъ онъ и поворовывать; отецъ жалованье получитъ—первымъ дѣломъ въ кабакъ, цѣловальника съ наступающимъ первымъ числомъ поздравитъ. Воротится домой пьянѣе вина, повалится на лавку, да такъ и дрыхнетъ; а Порфирка, между тѣмъ, подкрадется, всѣ карманы обшаритъ, да въ чуланъ, въ тряпочку и схоронитъ. Парашка потомъ къ мужу пристаетъ: «куда деньги дѣвалъ?» а онъ только глазами хлопаетъ. Извѣстное дѣло—пьяный человѣкъ! что отъ него узнаешь? Либо пропилъ, либо потерялъ.

По тринадцатому году отдали Порфирку въ земскій судъ, не столько для письма, сколько на побѣгушки приказнымъ за водкой въ ближайшій кабакъ слетать. Въ этомъ почти

Digitized by Google

единственно состояли всѣ его занятія, и, признаться сказать, не красна была его жизнь въ эту пору: кто за волоса оттреплетъ, кто въ спину колотушекъ надаетъ; да бьютъ-то все смаху, не изловчась; въ такое мѣсто, пожалуй, угодитъ, что духъ вонъ. А жалованья за всѣ эти тиранства получалъ онъ всего полтора рубля въ треть бумажками.

При помощи услужливости и расторопности, втерся онъ, однакожъ, въ довѣріе къ исправнику, такъ что тотъ и на слѣдствія брать его сталъ. Способности оказалъ онъ тутъ необыкновенныя; спитъ, бывало, исправникъ, не тужитъ, а онъ и людей опроситъ, и благодарность соберетъ, и все, какъ слѣдуетъ, исправитъ. По двадцатому году, самъ исправникъ его Порфиріемъ Петровичемъ звать началъ, а приказные—не то чтобъ шлепками кормить, а и посмотрѣть-то ему въ глаза прямо не смѣютъ. Земскій судъ въ такой порядокъ привелъ, что самъ губернаторъ на ревизіи, какъ ни ковырялъ въ книгахъ, никакой провинности замѣтить не могъ; съ тѣмъ и уѣхалъ.

Однажды сидитъ утромъ исправникъ дома, чай пьетъ; по правую руку у него жена, на полу дѣтки валяются; сидитъ исправникъ и блаженствуетъ. Помышляетъ онъ о чинѣ асессорскомъ, ловитъ мысленно такихъ воровъ и мошенниковъ, которыхъ пять предмѣстниковъ его да и самъ онъ поймать не могли. Жметъ ему губернаторъ руку со слезами на глазахъ за спасеніе губерніи отъ такой заразы... А у разбойниковъ рожи-то, рожи...

— Какъ это вы, Демьянъ Иванычъ, подступились къ такимъ антихристамъ? — говоритъ ему дворянскій засѣдатель, блѣднѣя отъ ужаса.

— Дѣло мастера боится,—отвѣчаетъ Демьянъ Иванычъ, скромно потупляя глаза.

Но сонъ разсѣевается; входитъ Порфирій Петровичъ.

— Милости просимъ, милости просимъ, Порфирій Петровичъ! — восклицаетъ Демьянъ Иванычъ. — А я, любезный

Digitized by Google

другъ, вотъ помечталъ тутъ маленько, да, признаться, чуть не соснулъ. За надобностью, что ли, за какой?

— Да, за надобностью,—отвѣчаетъ Порфирій Петровичъ какъ-то не совсѣмъ охотно.

— Что же такое?

— Да то, что служить мнѣ у васъ больше не приходится: жалованье маленькое, скоро вотъ первый чинъ получу. Ну, и мѣсто это совсѣмъ не по моимъ способностямъ.

— Жаль съ тобою разстаться, Порфирій Петровичъ, жаль, право, жаль. Безъ тебя, пожалуй, не много тутъ дѣла сдѣлаешь. Ну, да коли ужъ чувствуешь этакое призваніе, такъ я тебѣ не злодѣй.

— Жаль-то оно, точно, что жаль-съ, Демьянъ Иванычъ, и мнѣ васъ жалко-съ, да не въ этомъ дѣло-съ...

— Что жъ тебѣ надо?

— Да не будетъ ли вашей милости мнѣ тысячки двѣ-съ, не въ одолженіе, а такъ, дарственно, за труды-съ.

— А за какія бы это провинности, не позволите ли полюбопытствовать?

— Разные документы у насъ въ рукахъ имѣются.

Демьянъ Иванычъ и ротъ разинулъ.

— Документы! Какіе документы?—кричитъ.—Что ты тамъ городишь, разбойникъ этакой! кляузу, чай, какую-нибудь соорудилъ!

— Разные есть документы-съ, все вашей руки-съ. Довѣріемъ вы меня, Демьянъ Иванычъ, облекали—извѣстно, не драть же мнѣ вашихъ записокъ-съ, неделикатно-съ: начальники! Изволите помнить, въ ту пору купецъ работника невзначай зашибъ — вы мнѣ еще записку писали, чтобъ-съ купца-то донять по обѣщанію... Вѣрьте Богу, Демьянъ Иванычъ, а такихъ документиковъ дешевле двухъ тысячъ никто не отдастъ! Задаромъ-съ, совсѣмъ задаромъ, можно сказать, изъ уваженія къ вамъ, что какъ вы мои начальники были, ласкали меня, — ну, и у насъ тоже не безчувственность, а чувство въ сердцѣ обитаетъ-съ.

Digitized by Google

Исправника чуть параличъ не пришибъ: упалъ на диванъ, да такъ и не встаетъ; однако, отлили водой—очнулся.

— Сподобилъ,—говоритъ,—меня Богъ этакую змѣю выкормить, за грѣхи мои.

— Оно конечно-съ, Демьянъ Иванычъ,—отвѣчаетъ Порфирій Петровичъ:—оно конечно, змѣя-съ, да вы изволите милостиво разсудить—вѣдь и грѣхи-то ваши не малые. Въ тѣ поры вонъ убійцу оправили, а то еще невиннаго подъ плети подвели; ну, и меня тоже, можно сказать, съ чистою душой, во всѣ эти дѣла запутали. Такъ вотъ коли этакъ-то посудишь, оно и недорого двѣ тысячи. Особливо, какъ на все это документики да свидѣтели-съ. А я вамъ доложу, что мнѣ двѣ тысячи безпремѣнно, до зарѣзу нужно-съ. Сами посудите: я въ губернскій городъ ѣду, мѣсто по способностямъ своимъ имѣть желаю-съ, нельзя же тутъ безъ рекомендаціи, надо у всякаго сыскать-съ.

Дѣлать нечего, Демьянъ Иванычъ—

...далъ ему злата и проклялъ его!

По пріѣздѣ въ губернскій городъ, Порфирій Петровичъ велъ себя очень прилично, одѣлся чистенько, пріискалъ себѣ квартирку и съ помощью рекомендательныхъ писемъ недолго оставался безъ мѣста. Самъ губернаторъ изволилъ припомнить необычайную, выходящую изъ порядка вещей опрятность, замѣченную въ земскомъ судѣ при ревизіи, и тотчасъ же предложилъ Порфирію Петровичу мѣсто секретаря въ другомъ земскомъ судѣ; но герой нашъ, къ общему удивленію, отказался.

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству,—отвѣчалъ онъ, слегка присѣдая:—осмѣлюсь доложить, что ужъ я сызмальства въ этомъ прискорбіи находился, формуляръ свой, можно сказать, весь измаралъ-съ. Чувства у меня, ваше превосходительство, совсѣмъ не такія-съ: не то чтобъ къ пьянству или къ безобразію, а больше отечеству пользу

Digitized by Google

приносить желаю. Будьте милостивы, сподобьте принять въ канцелярію вашего превосходительства!

Его превосходительство взглянули благосклонно.

— Ну,—говоритъ: — ужъ если тово, такъ я, теперича, благородство...

И махнули рукой.

Зажилъ Порфирій Петровичъ въ губернскомъ городѣ, и все думаетъ, какъ бы ему въ начальникахъ сыскать. Обратилъ онъ по началу на себя вниманіе яснымъ пониманіемъ дѣла. Другой смотритъ въ дѣло и видитъ въ немъ фигу, а Порфирій Петровичъ сейчасъ запримѣтитъ самую настоящую «суть»,—ну, и развиваетъ ее какъ слѣдуетъ. Вострепетали исправники, вздрогнули городничіе, поблѣднѣли дворянскіе засѣдатели; только и слышится по губерніи: «ахъ ты, Господи!» И не то чтобъ поползновеніе какое-нибудь—сохрани Богъ! прослезится даже, бывало, какъ начнетъ говорить о безкорыстіи. Вздумалъ-было, однажды, какой-то исправникъ рыжичковъ своего соленья ему прислать—вознегодовалъ ужасно, и прямо къ его превосходительству: «такъ, молъ, и такъ: за что такое поношеніе?» Рыжички разыграли въ лотерею въ пользу бѣдныхъ, а исправника выгнали.

Однако, все ему казалось, что онъ не довольно бойко идетъ по службѣ. Запримѣтилъ онъ, что жена его начальника не то чтобъ балуетъ, а такъ, по сторонамъ поглядываетъ. Самъ онъ считалъ себя къ этому дѣлу непригоднымъ,—вотъ и думаетъ, нельзя ли ему какъ-нибудь полезнымъ быть для Татьяны Сергѣевны.

Татьяна Сергѣевна была дама образованная, нервная; смолоду слыла красавицей; сначала, скуки ради, пошаливала, а потомъ ужъ и привычку такую взяла. Мужъ у нея былъ какъ есть звѣрь лѣсной, ревнивъ—страхъ, а временемъ и поколотитъ. Взяло Порфирія Петровича сердоболье; началъ ѣздить къ Татьянѣ Сергѣевнѣ и все соболѣзнуетъ.

— Все-то, — говоритъ, — у меня, Татьяна Сергѣевна,

Digitized by Google

сердце изныло, глядя на васъ, какое вы съ этимъ звѣремъ тиранство претерпѣваете. Вѣдь достанется же такое блаженство—поди кому! Кажется, ручку бы только... Такъ бы и умеръ тутъ, право бы, умеръ!

А Татьяна Сергѣевна слушаетъ это да смѣется, и не то чтобъ губами только, а такъ всѣмъ нутромъ, словно дѣтки, когда имъ легонько брюшко пощекочешь.

Смекнулъ Порфирій Петровичъ, что по нраву бабѣ такія рѣчи, что она и имъ, пожалуй, не побрезгаетъ, да не входило это въ его расчетъ.

— Откройтесь, — говоритъ, — мнѣ, Татьяна Сергѣевна; душу за васъ готовъ положить.

А самъ за руку ее беретъ, королевой называетъ и проливаетъ слезы сердолюбія.

Вотъ и открылась она ему: любила она учителя и онъ ее тоже любилъ—это ей достовѣрно извѣстно было. Только свиданья имъ неспособно имѣть было: все мужъ слѣдилъ; ну, и людишки съ нимъ за-одно; записочки тоже любила она нѣжныя писать—и тѣ съ великимъ затрудненіемъ до предмета доходятъ. Просто—угнетеніе. Вѣчно мужъ подозрѣваетъ, оскорбляетъ сомнѣніемъ, а она? «Посудите сами, Порфирій Петровичъ, заслужила ли я такую пытку? виновата ли я, что это сердце ожидаетъ любви, что нельзя заставить его молчать? Ахъ, если бъ кто зналъ, какъ горько ошибаются люди!»

Порфирій Петровичъ охотно взялъ на себя управленіе кормиломъ этой утлой ладьи, устраивалъ свиданія, а писемъ переносилъ просто безъ счета.

Однако, хоть письма и были запечатываемы, а онъ умѣлъ-таки прочитывать ихъ и даже не скрывалъ этого отъ Татьяны Сергѣевны.

— Вы меня извините, Татьяна Сергѣевна, — говорилъ онъ ей:—не отъ любопытства, больше отъ жажды просвѣщенія-съ, отъ желанія усладить душу перомъ вашимъ—такое это для меня наслажденіе видѣть, какъ ваше сердечко

Digitized by Google

глубоко всѣ эти пріятности чувствуетъ... Вѣдь я по простотѣ, Татьяна Сергѣевна, я вѣдь по-французскому не учился, а чувствовать, однако, могу-съ...

Она-то съ дураковъ ему смѣется,—даже и запечатывать письма совсѣмъ перестала, а онъ нѣтъ-нѣтъ, да и спрячетъ записочку, которая полюбопытнѣе.

Сидитъ однажды звѣрь лѣсной (это мужа они такъ шутя прозвали) у себя въ кабинетѣ запершись, надъ бумагой свирѣпствуетъ. Стучатся. Входитъ Порфирій Петровичъ—и прямо въ ноги.

— Виноватъ,—говоритъ,—Семенъ Акимычъ, не погубите! Я, то-есть, единственно, по сердолюбію: вижу, что дама образованная убивается, а онѣ... вотъ и письма-съ!.. Думалъ я, что онѣ однимъ это разговоромъ, а теперь видѣлъ самъ, своими глазами видѣлъ!..

Ощутилъ лѣсной звѣрь, что у него на лбу будто зубы прорѣзываются. Взялъ письма, прочиталъ—тамъ всякія такія неудобныя подробности изображаются. Глупая была баба! Мало ей того, чтобъ грѣхъ сотворить — нѣтъ, возьметъ, да на другой день все это опишетъ: «помнишь ли, молъ, миленькій, какъ ты сѣлъ вотъ такъ, а я сѣла вотъ этакъ, а потомъ ты взялъ меня за руку, а я, дескать, хотѣла ее отнять, ну, а ты»... и пошла, и пошла! Да страницы четыре мелко-на-мелко испишетъ, и все не то чтобъ дѣло какое-нибудь, а такъ, пустяки одни.

Извѣстно, остервенился звѣрь, жену избилъ на чемъ свѣтъ стоитъ, учителя въ палки поставилъ, а къ Порфирію Петровичу съ тѣхъ поръ довѣріе неограниченное питать сталъ.

Такимъ-то образомъ онъ лѣтъ около трехъ все только обстановлялъ себя, покуда не почувствовалъ, что атмосфера кругомъ легче сдѣлалась. Вездѣ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ, и хотя не былъ образцомъ прелестныхъ манеръ красоты, но не искалъ этого, постоянно имѣя въ виду болѣе прочное и существенное. Однако, увидѣвши себя на

Digitized by Google

торной дорогѣ, онъ нашелъ, что было бы и глупо, и не расчетъ не воспользоваться такимъ положеніемъ. Тутъ начался длинный рядъ подвиговъ, лѣтопись которыхъ была бы весьма интересна, если бъ не имѣла печальнаго сходства съ тою, которую я имѣлъ честь разсказать вамъ, читатель, въ одномъ изъ прежнихъ моихъ очерковъ *). Результатъ оказался таковъ, что лѣтъ черезъ десять Порфирія считали ужъ въ двухъ стахъ тысячахъ.

Провинція—странная вещь, господа! и вы, которые никогда не выставляли изъ Петербурга своего носа, никогда ни о чемъ не помышляли, кромѣ паевъ въ золотыхъ пріискахъ и акцій въ промышленныхъ предпріятіяхъ, не ропщите на это!

По мѣрѣ бо́льшаго плутовства, Порфирій Петровичъ все бо́льшее и бо́льшее снискивалъ уваженіе отъ своихъ сослуживцевъ и согражданъ. «Ну, что́ же, что онъ беретъ!—говорили про него:—беретъ, да зато дѣло дѣлаетъ; за свой, слѣдственно, трудъ беретъ».

Однажды пришла ему фантазія за одинъ разъ всю губернію ограбить—и что́ же? Изъѣздилъ, не полѣнился, всѣ закоулки, у исправниковъ всѣ карманы наизнанку выворотилъ, и, однакожъ, не слышно было ропота, никто не жаловался. Напротивъ того, радовались, что первыя времена суровости и лакедемонизма прошли, и что сердце ему отпустило. Ужъ коли этакой человѣкъ возьметъ—значитъ, онъ и защищать сумѣетъ. Выходитъ, что такому лицу деньги дать—все равно, что въ ломбардъ ихъ положить; еще выгоднѣе, потому что проценты больше.

И за всѣмъ тѣмъ, чтобъ было съ чиновниками у него фамильярство какое—упаси Богъ! Не то чтобы водочкой, или тамъ «братецъ» или «душка», а явись ты къ нему въ формѣ, да коли на обѣдъ звать хочешь, такъ зови толкомъ:

*) См. выше: «Прошлыя времена».

Digitized by Google

чтобъ и уха изъ живыхъ стерлядей была, и тосты по порядку, какъ слѣдуетъ.

Наконецъ, настала и для него пора любви: ему было уже подъ сорокъ. Но и тутъ онъ остался вѣренъ себѣ: не влюбился сдуру въ первую встрѣчную юбку, не ходилъ, какъ иной Трезоръ, подъ окнами своей возлюбленной. Нѣтъ, онъ женился съ умомъ, взялъ дѣвушку хоть бѣдную, но порядочную и даже образованную. Денегъ ему не нужно было — своихъ дѣвать некуда, — ему нужна была въ домѣ хозяйка, чтобъ и принять, и занять гостя умѣла, однимъ словомъ, такая, которая соотвѣтствовала бы тому положенію, которое онъ заранѣе мысленно для себя приготовилъ. Не боялся онъ также, что она выскользнетъ у него изъ рукъ; въ томъ городѣ, гдѣ онъ жилъ и предполагалъ кончить свою карьеру, не только человѣка съ живымъ словомъ встрѣтить было невозможно, но даже въ хорошей говядинѣ ощущалась скудость великая; слѣдовательно, увлечься или воспламениться было рѣшительно нечѣмъ, да при томъ же на то и умъ человѣку данъ, чтобъ бразды правленія не отпускать. И дѣйствительно, неизвѣстно, какъ жила его жена внутренно,—извѣстно только, что она никому не жаловалась и даже была весела, хоть при Порфиріи Петровичѣ какъ будто робѣла.

Но, какъ хотите, взятки да взятки, а это и самаго изощреннаго ума человѣку надоѣстъ, наконецъ. Безпрестанно изобрѣтай, да не то чтобъ награду за остроуміе получить, а будь еще въ страхѣ: пожалуй, и подъ судъ попадешь. Времена же настаютъ такія, когда за подобную остроту ума не то чтобы по головкѣ гладить, а чаще того за вихоръ таскаютъ. Чинъ у Порфирія Петровича былъ ужъ изрядный, женился онъ прилично; вездѣ принятъ, обласканъ и уваженъ; на послѣднихъ выборахъ единогласно старшиной благороднаго собранія выбранъ; губернаторъ у него въ домѣ бываетъ: скажите на милость, ну, слѣдъ ли такой, можно сказать, особѣ по уши въ грязи барахтаться!

Digitized by Google

Сталъ онъ вздыхать и томиться тоской, даже похудѣлъ и пожелтѣлъ. Въ перспективѣ ему виднѣлось мѣстечко! Господи! инда задрожитъ Порфирій Петровичъ, какъ подумаетъ объ немъ! мѣстечко съ доходами—«вотъ ужъ совершенно безгрѣшными!» — мѣстечко покойное, мѣсто злачно, прохладно, какъ говорится...

Въ провинціи о казнѣ существуютъ между чиновниками весьма странныя понятія. Она представляется чѣмъ-то отвлеченнымъ, символическимъ, невѣсомымъ: такъ, паръ какой-то, нѣчто въ родѣ Ѳемиды въ воображеніи секретаря уѣзднаго суда. Извѣстное дѣло, что такую особу какъ ни обижай—все-таки ничѣмъ обидѣть не можно; она все-таки сидитъ себѣ, не морщится и не жалуется никому. «Кому отъ этого вредъ? ну, скажите, кому?—восклицаетъ остервенившійся идеологъ-чиновникъ, который великимъ постомъ въ жизнь никогда скоромнаго не ѣдалъ, ни одной взятки не перекрестясь не биралъ, а о любви къ отечеству отродясь безъ слезъ не говаривалъ. — Кому вредъ отъ того, что вино въ казну не по сорока, а по сорока пяти копеекъ за ведро ставится?»

И начнетъ вамъ доказывать это такъ убѣдительно, что вы и руки разставите.

Излишне было бы подсказывать догадливому читателю, что Порфирій Петровичъ желаемое мѣсто получилъ.

Съ этой-то поры разлилась въ душѣ его та мягкость, та невозмутимая ясность, которой мы удивляемся въ нашихъ губернскихъ Цинциннатахъ, пользующихся вполнѣ безгрѣшными доходами.

Занятія его пріобрѣли мирный и патріархальный характеръ: онъ болѣе всего предается садоводству и бесѣдамъ съ природой, вызывающей въ немъ благочестивыя размышленія о безпредѣльномъ величіи Божіемъ.

Усладительно видѣть его лѣтомъ, когда онъ, усадивъ на длинныя дроги супругу и всѣхъ маленькихъ Порфирьичей и Порфирьевнъ, которыми щедро наградила его природа,

Digitized by Google

отправляется за городъ кушать вечерній чай. Передъ вами возстаетъ картина Іакова, окруженнаго маленькими Рувимами, Іосіями, не помышляющими еще о продажѣ брата своего Іосифа.

Тамъ, на лонѣ матери-природы, сладко отдохнуть ему отъ тревогъ житейскихъ, сладко вести кроткую бесѣду съ своею чистою совѣстью, сладко сознать, что онъ—*человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій.*

Княжна Анна Львовна.

Княжнѣ Аннѣ Львовнѣ скоро минетъ тридцать лѣтъ. Она уже довольно отчетливо сознаетъ, что надежда — та самая, которая утѣшаетъ царя на тронѣ и земледѣльца въ полѣ—начинаетъ измѣнять ей. Прошла пора дѣтскихъ игръ и юношескихъ увлеченій, прошла пора жаркихъ мечтаній и томительныхъ, но сладостныхъ надеждъ. Наступаетъ пора благоразумія. Княжна понимаетъ все это и, повидимому, покоряется своей судьбѣ; но это только повидимому, потому что жизнь еще сильнымъ ключомъ бьетъ въ ея сердцѣ и громко предъявляетъ свои права. По той же самой причинѣ, положеніе княжны дѣлается до крайности несносно. Она чувствуетъ, что *должна* отказаться отъ надежды, и между тѣмъ надежда ни на минуту не оставляетъ ея сердца... Чаще и чаще она задумывается; глаза ея невольно отрываются отъ работы и пристально всматриваются въ даль; румянецъ внезапно вспыхиваетъ на поблекнувшихъ щекахъ, и даже губы шевелятся. Должно полагать, что въ эти минуты она бываетъ очень счастлива. Когда ея папа, князь Левъ Михайловичъ, старичокъ весьма почтенный, но совершенно не посвященный въ тайны женскаго сердца, шутя называетъ ее своей Антигоной, то на губахъ ея, силящихся изобразить пріятную улыбку, образуется нѣчто кислое, сообщающее ея доброму лицу довольно непріятное вы-

Digitized by Google

раженіе. Нерѣдко также, среди весьма занимательнаго разговора съ наиостроумнѣйшимъ изъ крутогорскихъ кавалеровъ, съ княжной вдругъ дѣлается нервный припадокъ, и она начинаетъ плакать. «Антигонѣ мужа хочется!» говорятъ при этомъ крутогорскіе остряки.

Княжна вообще отличная дѣвушка. Она очень умна и привѣтлива, а добра такъ, что и сказать нельзя, и между тѣмъ—странное дѣло!—въ городѣ ея не любятъ, или, лучше сказать, не то что не любятъ, а какъ-то избѣгаютъ. Говорятъ, будто сквозь ея привѣтливость просвѣчиваетъ холодность и принужденность, что въ самой добротѣ ея нѣтъ той симпатичности, той страстности, которая одна и составляетъ всю цѣнность доброты. Все въ ней какъ будто не докончено; движенія не довольно мягки, не довольно круглы; въ голосѣ нѣтъ звучности, въ глазахъ нѣтъ огня, да и губы какъ-то ужъ черезчуръ тонки и блѣдны. «А все оттого, что надо Антигонѣ мужа!» замѣчаютъ тѣ же остряки.

Княжна любитъ дѣтей. Часто она затѣваетъ дѣтскія вечеринки и отъ души занимается маленькими своими гостями. Иногда случается ей посадить себѣ на колѣни какого-нибудь туземнаго малютку; долго она няньчится съ нимъ, цѣлуетъ и ласкаетъ его; потомъ какъ будто задумается, и вдругъ начнетъ цѣловать, но какъ-то болѣзненно, томительно. «Ишь какъ ее разобрало!—глубокомысленно замѣчаютъ крутогорцы:—надо, охъ, надо Антигонѣ мужа!»

Княжна любитъ природу—оттого что ей надо мужа; она богомольна — оттого что вымаливаетъ себѣ мужа; она весела — потому что надѣется найти себѣ мужа; скучна — оттого что надежда на мужа обманула ее... вездѣ мужъ!

Слово «мужъ» точитъ все существованіе княжны. Она читаетъ его во всѣхъ глазахъ; оно чудится ей во всякомъ произнесенномъ словѣ... И что всего грустнѣе—это страшное слово падаетъ не на здоровый организмъ, а на дѣйствительную рану, — рану глубокую и вѣчно болящую. Княжна усиливается забыть его, усиливается закалить свои

Digitized by Google

чувства, потерять зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе, сдѣлаться существомъ безразличнымъ, но всѣ усилія напрасны. «Кому ты дала радость? Кого надѣлила счастьемъ? Кого успокоила? Чье существованіе просвѣтлено тобой? Кому ты нужна?» шепчетъ ей днемъ и ночью неотступный голосъ, посильнѣе голоса крутогорскихъ остряковъ. И напрасно княжна хочетъ обмануть себя тѣмъ, что она нужна папашѣ. Тотъ же голосъ твердитъ ей: «Господи! какъ отрадно, какъ тепло горитъ въ жилахъ молодая кровь! какъ порывисто и сладко бьется въ груди молодое сердце! какъ освѣжительно ласкаетъ распаленныя страстью щеки молодое дыханье! Сколько жизни, сколько тепла... сколько любви!»

И княжна невольно опускаетъ на грудь свою голову. «И какъ хорошъ, какъ свѣтелъ Божій міръ! — продолжаетъ тотъ же голосъ.—Что за живительная сила разлита всюду, что за звуки носятся въ воздухѣ!.. Отчего такъ вдругъ бодро и свѣжо дѣлается во всемъ организмѣ, а со дна души незамѣтно встаютъ всѣ ея радости, всѣ ея свѣтлыя, лучшія побужденія?»

Очевидно, что такія сафическія мысли могутъ осаждать голову только въ крайнихъ и нетерпящихъ отлагательства «случаяхъ». Княжна плачетъ, но мало-по-малу источникъ слезъ изсякаетъ; на сцену выступаетъ вся желчь, накопившаяся на днѣ ея тридцатилѣтняго сердца; ночь проводится безъ сна, среди волненій, порожденныхъ злобой и отчаяньемъ... На другой день зеркало имѣетъ честь докладывать ея сіятельству, что ихъ личико желто, какъ выжатый лимонъ, а глаза покрыты подозрительною влагой...

Княжна попала въ Крутогорскъ очень просто. Папаша ея, промотавши значительное состояніе, ощутилъ потребность успокоиться отъ треволненій свѣта и удалиться изъ столицы, въ которой не имѣлъ средствъ поддерживать себя по табели о рангахъ. Послѣ идеи о мужѣ идея о бѣдности была самою мучительною для княжны! Наклонности къ рос-

Digitized by Google

коши и всякаго рода удобствамъ до того впились въ нее и срослись со всѣмъ ея существомъ, что скромная дѣйствительность, которая ждала ее въ Крутогорскѣ, раздражала ее. Все здѣсь было какъ-то не по ней: общество казалось тяжелымъ и неуклюжимъ; въ домахъ все смотрѣло неопрятно; грязныя улицы и деревянные тротуары наводили уныніе; танцовальные вечера, которые изрѣдка назначались въ «благородномъ» собраніи, отличались безвкусіемъ, доходившимъ до безобразія...

Такая полная невозможность утопить гнетущую скуку въ тѣхъ простыхъ и нетрудныхъ условіяхъ свѣта, которыя въ столицѣ такъ доступны для всякой порядочной женщины, вызвала въ сердцѣ княжны потребность новаго для нея чувства, чувства дружбы и довѣрчивости.

Къ сожалѣнію, хоть, быть-можетъ, и не безъ тайнаго расчета, выборъ ея палъ на сумрачнѣйшую изъ крутогорскихъ сплетницъ, вдову умершаго подъ судомъ коллежскаго регистратора, Катерину Дементьевну Шилохвостову. Катерина Дементьевна съ юношескихъ лѣтъ посвятила свою особу воздѣлыванію вертограда добродѣтелей, къ которымъ, какъ дама, оскорбленная судьбой, питала чрезмѣрную склонность. Добродѣтели эти заключались преимущественно въ различнаго рода чувствахъ преданности и благоговѣнія, предметы которыхъ благоразумно избирались ею между губернскими тузами. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстная всему міру пресыщенность носовъ нашихъ губернскихъ аристократовъ, оказывающая чувствительность лишь къ острымъ и смолистымъ ѳиміамамъ, всего болѣе руководила Катерину Дементьевну въ этомъ выборѣ. Удостоенная интимныхъ сношеній съ княжной, она нашла, что ея сіятельство въ себѣ одной соединяетъ коллекцію всѣхъ женскихъ совершенствъ. Оказывалось, напримѣръ, что «такихъ ручекъ и ножекъ не можетъ быть даже у принцессы», что лицо княжны показываетъ не болѣе восемнадцати лѣтъ: разобраны были самыя сокровенныя совершенства ея бреннаго тѣла.

Digitized by Google

мельчайшія подробности ея туалета, и вездѣ замѣчено что-нибудь въ похвалу благодѣтельницы.

И княжна потихоньку смѣялась, а иногда и вздыхала, но какъ-то сладко, успокоительно, въ нѣсколько пріемовъ, какъ вздыхаютъ капризныя, но милыя дѣти, послѣ того какъ вдоволь наплачутся.

Несмотря на всю грубость и, такъ сказать, вещественность этой лести, княжна поддалась ей: до того въ ней развита была потребность ѳиміамовъ. Отъ лести недалеко было и до сплетничанья. Княжна мгновенно, такъ сказать, гальванически, была посвящена во всѣ мелочи губернской закулисной жизни. Ей стали извѣстны всѣ скрытыя безобразія, всѣ сердечные недуги, всѣ скорби и болячки крутогорскаго общества. Добытыя этимъ путемъ свѣдѣнія вообще пошлы и грязноваты. По бо́льшей части имъ служатъ канвою половыя побужденія и самыя сѣренькія подробности будничной жизни. Въ этомъ миніатюрномъ мірѣ, гдѣ всѣ взаимныя отношенія опредѣляются въ самое короткое время съ изумительнѣйшею точностью, гдѣ всякая личность уясняется до малѣйшей подробности, гдѣ нахально выметается въ публику весь соръ съ задняго двора семейнаго пандемоніума — всѣ интересы, всѣ явленія дѣлаются до того узенькими, до того пошлыми, что человѣку, имѣющему здоровое обоняніе, можетъ сдѣлаться тошно.

И между тѣмъ — замѣчательная вещь! — даже личность, одаренная наиболѣе деликатными нервами, рѣдко успѣваетъ отдѣлаться отъ сокрушительнаго вліянія этой миніатюрной и, по наружности, столь непривлекательной жизни! Не вдругъ, а день за день, воровски подкрадывается къ человѣку провинціальная вонь и грязь, и въ одно прекрасное утро онъ съ изумленіемъ ощущаетъ себя сидящимъ по уши во всѣхъ крошечныхъ гнусностяхъ и дешевыхъ злодѣйствахъ, которыми изобилуетъ жизнь маленькаго городка. Отбиться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности: они, какъ мошки въ Барабинской степи, залѣзаютъ въ носъ и уши

Digitized by Google

и застилаютъ глаза. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни была грязна и жалка эта жизнь, на которую слѣпому случаю угодно было осудить васъ, все же она жизнь, а въ васъ самихъ есть такое нестерпимое желаніе жить, что вы съ закрытыми глазами бросаетесь въ грязный омутъ — единственную сферу, гдѣ вамъ представляется возможность истратить какъ попало избытокъ жизни, бьющей ключомъ въ вашемъ организмѣ. И вотъ провинціальная жизнь предлагаетъ вамъ свои дешевыя матеріальныя удобства, свою лѣнь, свои сплетни, свой нетрудный и незамысловатый развратъ... И все это такъ просто достается! Вамъ начинаетъ сдаваться, что вы нѣчто въ родѣ сказочнаго паши, что стоитъ вамъ только пожелать, чтобы все исполнилось... Правда, залетаетъ иногда мимоходомъ въ вашу голову мысль, что и желанія ваши сдѣлались какъ будто ограниченнѣе, и умственный горизонтъ какъ-то сталъ уже, что вы легче, дешевле миритесь и удовлетворяетесь, что вообще въ васъ происходитъ что-то неловкое, неладное, отчего въ иныя минуты бросается вамъ въ лицо краска... Но мало-по-малу и эта докучная мысль начинаетъ безпокоить васъ рѣже и рѣже; вы даже сами спѣшите прогнать ее, какъ назойливаго комара, и, къ полному вашему удовольствію, добровольно, какъ на пуховикѣ, утопаете въ болотѣ провинціальной жизни, котораго поверхность такъ зелена, что издали, пожалуй, можетъ быть принята за роскошный лугъ.

Такимъ образомъ и княжна очень скоро начала находить весьма забавнымъ, что, напримѣръ, вчерашнюю ночь Иванъ Акимовичъ, воротясь изъ клуба ранѣе обыкновеннаго, не нашелъ дома своей супруги, вслѣдствіе чего произошла небольшая домашняя драма, по-французски называемая roman intime, а по-русски — потасовкой, и оказалось нужнымъ содѣйствіе полиціи, чтобы водворить миръ между остервенившимися супругами.

Digitized by Google

— И послѣ этого она рѣшается показываться въ обществѣ? — наивно вопрошаетъ княжна.

— И, матушка! брань на вороту не виснетъ!—отвѣчала вдова Шилохвостова: — у нашихъ барынь бока мѣдные, а лбы чугунные!

Въ слѣдующій разъ предложенъ былъ разсказъ о происшествіи, случившемся въ загородномъ саду. Повздорилъ стряпчій съ какимъ-то секретаремъ. Секретарь пилъ чай, а стряпчій проходилъ мимо, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, хлыстъ секретаря — въ самую матушку-физіономію. Секретарь, не получавшій подарковъ лѣтъ десять, возразилъ на это, что стряпчій подлецъ, а стряпчій отвѣчалъ, что не подлецъ, а тотъ подлецъ, кто платки изъ кармановъ воруетъ, и ударилъ секретаря вдругорядь въ щеку. Кончилось дѣло, «ангелъ вы мой», тѣмъ, что въ ссору вступился протоколистъ, мужчина вершковъ этакъ четырнадцати, который тѣмъ только и примирилъ враждующія стороны, что и ту, и другую губительнѣйшимъ образомъ оттузилъ во всѣ мѣста.

И это было передаваемо съ тою безцвѣтною ясностью, которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго истинно-правдиваго дѣописателя.

Княжна знала, какое количество ваты истребляетъ Надежда Осиповна, чтобъ сдѣлать свой бюстъ роскошнымъ; знала, что Наталья Ивановна въ грязь полѣзетъ, если видитъ, что тамъ сидитъ мужчина; что Петръ Ермолаичъ только до обѣда бываетъ человѣкомъ, а послѣ обѣда, вплоть до другого утра, *не годится*; что Ѳедору Платонычу вчерашняго числа прислалъ полорѣцкій городничій свѣжей икры *въ презентъ*; что Вѣра Евлампьевна, выдавая замужъ свою дочь, вызывала зачѣмъ-то окружныхъ изъ уѣздовъ.

Однакожъ, въ одно прекрасное утро княжна задумалась. Ей доложили, что Катерина Дементьевна разсказывала *тамъ-то и тамъ-то*, будто она, княжна, безъ памяти влюб-

Digitized by Google

лена въ секретаря земскаго суда Подгоняйчикова. Княжна не хотѣла вѣрить, но впослѣдствіи вынуждена была уступить очевидности. По произведенному подъ рукой дознанію оказалось, что Подгоняйчиковъ приходится роднымъ братомъ Катеринѣ Дементьевнѣ, по мужѣ Шилохвостовой, и, что по всѣмъ признакамъ, онъ дѣйствительно имѣлъ какія-то темныя посягательства на сердечное спокойствіе княжны. Признаки были: двѣ банки помады и склянка духовъ, купленныя Подгоняйчиковымъ въ тотъ самый періодъ времени, когда сестрица его сдѣлалась наперсницей княжны; гитара и бронзовая цѣпочка, пріобрѣтенная въ то же самое время, новыя брюки и, наконецъ, найденные въ секретарскомъ столѣ стихи *къ ней*, писанные рукой Подгоняйчикова, и, какъ должно полагать, имъ самимъ сочиненные.

Княжна пришла въ ужасъ, и на другой день мадамъ Шилохвостова была съ позоромъ изгнана изъ дома, а Подгоняйчиковъ, для примѣра прочимъ, переведенъ въ оковскій земскій судъ на вакансію простого писца.

Вѣсть эта съ быстротою молніи разлилась по городу и произвела на чиновный людъ какое-то тупое впечатлѣніе. Обвиняли всѣ больше Подгоняйчикова.

— Слышалъ?—спрашивалъ Саша Дерновъ знакомца своего, Гирбасова, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ.

— Слышалъ, — отвѣчалъ Гирбасовъ: — что жъ, самъ виноватъ!

— Выходитъ, что надо держать языкъ за зубами...

— Да, этакъ-то, пожалуй, выгоднѣе... Недалеко вѣдь было ему и до станового!.. А не зайдешь ли къ намъ выпить водочки?

И затѣмъ Подгоняйчиковъ, съ своею помадой и новыми брюками, навѣкъ канулъ въ Лету.

Разочаровавшись насчетъ крутогорской дружбы, княжна рѣшилась заняться благотворительностью. Немедленно по принятіи такого рѣшенія, собраны были къ ея сіятельству

Digitized by Google

на совѣтъ всѣ титулярные совѣтники и титулярныя совѣтницы, способные исполнять какую бы-то ни было роль въ предложенномъ княжною благородномъ спектаклѣ. Выбрана была пьеса: «И хороша, и дурна» и т. д. Главную роль должна была исполнить, comme de raison, сама виновница сего торжества; роль же Емельяна выпала на долю статскаго совѣтника Фурначева. Статскому совѣтнику думали польстить, давъ ему эту роль, потому что его высокородіе обладалъ дѣйствительнымъ комическимъ талантомъ; однако, сверхъ всякаго ожиданія, это обстоятельство погубило спектакль. Статскій совѣтникъ Фурначевъ оскорбился; онъ справедливо нашелъ, что въ Крутогорскѣ столько губернскихъ секретарей, которые, такъ сказать, созданы въ мѣру Емельяна, что странно и даже неприлично возлагать такое порученіе на статскаго совѣтника. Спектакль не состоялся, но прозвище Емельяна навсегда упрочилось за статскимъ совѣтникомъ Фурначевымъ. Даже уличные мальчишки, завидя его издали, поспѣшающаго изъ палаты отвѣдать горячихъ щей, прыгали и кричали что̀ есть мочи: «Емельянъ! Емельянъ идетъ!»

Княжна этимъ утѣшилась.

Послѣ этой неудачи княжна попробовала благотворительной лотереи. Къ участію приглашены были всѣ лица, извѣстныя своею благотворительностью на пользу ближняго. Въ разосланныхъ на сей конецъ объявленіяхъ упомянуты были слезы, которыя предстояло отереть; старцы, обремененные дѣтьми, которыхъ непремѣнно нужно было одѣть, и даже дѣти, лишенныя старцевъ. Въ одно прекрасное утро проснувшіеся крутогорскіе чиновники съ изумленіемъ увидѣли, что по улицамъ мирнаго Крутогорска журчатъ ручьи слезъ, а площади покрыты дрожащими отъ холода голыми малютками. И княжна не напрасно взывала къ чувствительнымъ сердцамъ крутогорцевъ. Первымъ на ея голосъ отозвался управляющій палатой государственныхъ имуществъ, какъ grand seigneur и самъ попечитель мно-

Digitized by Google

жества малютокъ, приславшій табакерку съ музыкой; за нимъ послѣдовалъ непремѣнный членъ строительной комиссіи, жена котораго пожертвовала подушку съ изображеніемъ турка, играющаго на флейтѣ. Черезъ недѣлю кабинетъ княжны былъ наполненъ всякаго рода рѣдкостями. Тутъ былъ и окаменѣлый ракъ, и вѣчная борзая собака въ видѣ пресъ-папье; но главную роль все-таки играли разнаго рода вышиванья.

Княжна была очень довольна. Она безпрестанно говорила объ этихъ *милыхъ* бѣдныхъ, и называла ихъ не иначе, какъ *своими сиротками*. Конечно, «ея участіе было въ этомъ дѣлѣ самое ничтожное»; конечно, она была только распорядительницей, «elle ne faisait que courir au devant des voeux de l'aimable société de Kroutogorsk»,—тѣмъ не менѣе, она была такъ счастлива, такъ проникнута, «si pénétrés» святостью долга, выпавшаго на ея долю! — и въ этомъ, единственно въ этомъ, заключалась ея «скромная заслуга». Если бы nous autres не спѣшили навстрѣчу de toutes les misères, которыя точатъ, oui, qui rongent — c'est le mot — наше бѣдное общество, можно ли было бы сказать, что мы исполнили наше назначеніе? Съ другой стороны, если бъ не было бѣдныхъ, этихъ *милыхъ* бѣдныхъ, не было бы и благотворительности, некому было бы утирать носъ и глаза, et alors où serait le charme de cette existence! Княжна распространялась очень много насчетъ удовольствій благотворительности и казалось до того пропитанною благовоніемъ любви къ ближнему, что дѣвицы Фигуркины, тщательно наблюдавшія за нею и передразнивавшія всѣ ея движенія, увѣряли, что изъ головы ея, во время розыгрыша лотереи, вылетало какое-то электричество.

Но—увы!—кончилась и лотерея; брандмейстеръ роздалъ по два цѣлковыхъ всѣмъ безносымъ старухамъ, которыя оказались на ту пору въ Крутогорскѣ; старухи, въ свою очередь, внесли эти деньги полностью въ акцизно-откупное [illegible]нерство—и снова все сдѣлалось тихо.

Digitized by Google

Снова осталась княжна одинъ-на-одинъ съ своею томительною скукою, съ безпредметными тревогами, съ непереносимымъ желаніемъ высказаться, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь жаждой любви и счастья, которая какъ червь источила ея бѣдное сердце. Снова воздухъ насытился звуками и испареніями, отъ которыхъ дѣлается жутко сердцу и жарко головѣ.

Однажды княжнѣ встрѣтилась необходимость войти въ комнату, которая была предназначена для дежурнаго чиновника. На этотъ разъ дежурнымъ оказался Павелъ Семенычъ Техоцкій, молодой человѣкъ, отлично-скромный и обладавшій сверхъ того интереснымъ и блѣднымъ лицомъ. Павелъ Семенычъ, при появленіи княжны, нѣсколько смутился; княжна при взглядѣ на Павла Семеныча слегка покраснѣла. Въ рукахъ у нея былъ конвертъ, и конвертъ этотъ, неизвѣстно по какой причинѣ, упалъ на полъ. Техоцкій бросился поднимать его и... поднялъ. Княжна поблагодарила, но безъ всякаго измѣненія и дрожанія въ голосѣ, какъ ожидаютъ, быть-можетъ, нѣкоторые читатели, сохранившіе юношескую привычку вѣрить во внезапныя симпатіи душъ.

— Не можете ли вы отнести этотъ конвертъ на почту?— спросила княжна.

Техоцкій взялъ конвертъ и удалился изъ комнаты.

Несмотря на свою кажущуюся ничтожность, происшествіе это имѣло чрезвычайное вліяніе на княжну. Неизвѣстно почему, ей показалось, что Техоцкій принадлежитъ къ числу тѣхъ гонимыхъ и страждущихъ, которые стоятъ цѣлою головой выше толпы, ихъ окружающей, и поэтому самому должны каждый свой шагъ въ жизни запечатлѣть пожертвованіями и упорною борьбою. Она не имѣла времени или не дала себѣ труда подумать, что такіе люди, если они еще и водятся на бѣломъ свѣтѣ, высоко держатъ голову и гордо выставляютъ свой нахальный носъ въ

Digitized by Google

жертву дерзкимъ вѣтрамъ, а не понуриваютъ ее долу, какъ это дѣлалъ Техоцкій.

Княжна самоё себя считала одною изъ «непризнанныхъ», и потому весьма естественно, что душа ея жаждала встрѣтить такого же «непризнаннаго». Съ двадцатипятилѣтняго возраста, то-есть съ того времени, какъ мысль о наслажденіяхъ жизни оказалась крайне сомнительною, княжна начала уже думать о *гордомъ страданіи*, и мысленно создавала для себя среди вѣчно волнующагося океана жизни неприступную скалу, съ вершины которой она, «непризнанная», съ улыбкой горечи и презрѣнія смотрѣла бы на мелочную суетливость людей. Мудрено ли, что она и Техоцкаго нарядила въ тѣ самыя одежды, въ которыхъ сама мысленно любила красоваться? Сердце такъ легко находитъ то, къ чему постоянно стремится! Разстояніе, которое лежало между нею и бѣднымъ маленькимъ чиновникомъ канцеляріи ея папаши, только давало новую пищу ея воображенію, раздражая его и ежечасно подстрекая то стремленіе къ неизвѣстному и неизвѣданному, которое во всякой женщинѣ составляетъ господствующую страсть.

Княжна сдѣлалась задумчивѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то дѣятельнѣе. Она чаще устраивала собранія и всякаго рода общественныя увеселенія и чрезвычайно хлопотала, чтобы въ нихъ принимало участіе какъ можно болѣе молодыхъ людей. Иногда ей удавалось встрѣчать тамъ Техоцкаго, и хотя, по своему положенію въ губернскомъ свѣтѣ, она не могла ни говорить, ни танцовать съ нимъ, но въ эти вечера она была вполнѣ счастлива. По возвращеніи домой, она садилась къ окну, и сердце ея дѣлалось театромъ тѣхъ жгучихъ наслажденій, которыя сушатъ человѣка и въ то же время втягиваютъ его въ себя сверхъестественною силой. Слова любви, полныя тоски и моленій, тихо нѣжили ея слухъ; губы ея чувствовали чье-то жаркое прикосновеніе, а въ жилахъ внезапно пробѣгала тонкая, разъѣдающая струя огня... Мучительныя, но отмѣнно-хорошія мгновенія!

Digitized by Google

Однакожъ, встрѣчи съ Техоцкимъ не могли быть частыми. Оказалось, что для того, чтобы проникнуть въ святилище веселія, называемое клубомъ, необходимо было вносить каждый разъ полтинникъ, и это правило, неудобное для мелкихъ чиновниковъ вообще, было въ особенности неудобно для Техоцкаго, который былъ изъ мелкихъ мельчайшимъ. Узнавши объ этомъ, княжна разсердилась; по выраженію Сафо, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, приходилась ей двоюродною сестрицей, она сдѣлалась «зеленѣе травы». Сверхъ того, и въ отношеніи къ туалету у Техоцкаго не все было въ исправности, и провинности, обнаруживавшіяся по этой части, были такъ очевидны, что не могли не броситься въ глаза даже ослѣпленной княжнѣ. Фракъ былъ коротокъ и узокъ; рукава какъ-то мучительно обтягивали руки и на швахъ побѣлѣли; пуговицы обносились; жилетъ оказывался съ какими-то стеклянными пуговицами, а перчатокъ и совсѣмъ не было... вовсе неприлично! Хоть княжна и стремилась душой къ гонимымъ и непризнаннымъ, но ей было желательно, чтобъ они были одѣты прилично, имѣли бѣлыя перчатки и носили лакированные сапоги. Это такъ мило: Чайльдъ-Гарольдъ, съ блѣдными щеками, высокимъ лбомъ — и въ безподобнѣйшемъ черномъ фракѣ! У княжны имѣлась небольшая сумма денегъ, сбереженная отъ покупки разнаго женскаго тряпья: предстояло деньги эти, во что бы то ни стало, вручить Техоцкому.

Павелъ Семенычъ былъ снова дежурнымъ, и снова княжна посѣтила дежурную комнату. Оказывалось нужнымъ написать какой-то адресъ на конвертѣ письма.

— Отчего вы не бываете въ клубѣ?—спросила княжна совершенно неожиданно и на этотъ разъ съ видимымъ волненіемъ.

Техоцкій смутился и просто ни слова не отвѣтилъ.

— Вы хорошо пишете,—сказала княжна, разсматривая его почеркъ.

Digitized by Google

Но Техоцкій опустилъ глаза въ землю и продолжалъ упорно молчать.

— Вы гдѣ учились?

— Въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Техоцкій скороговоркой и покраснѣвъ какъ ракъ.

Княжна задумалась. При всей ея экзальтаціи, сочетаніе словъ: «сіятельство» и «училище дѣтей канцелярскихъ служителей» звучало такъ безобразно, что не могло не поразить ее.

— Хорошо,—сказала она:—приходите завтра; мнѣ нравится вашъ почеркъ, и я найду для васъ работу.

Княжна откопала какую-то старую рукописную поэму; нашла, что она дурно переписана, и на другой день вручила ее Техоцкому.

— Вы можете разобрать эту руку?—спросила княжна.

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Техоцкій.

— Отчего вы говорите мнѣ «ваше сіятельство?»

Техоцкій молчалъ.

— Порядочные люди говорятъ просто: «княжна»,—продолжала она, задумавшись и какъ будто про-себя. — Вы читаете что-нибудь?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Служу-съ.

— А дома?

Техоцкому сдѣлалось неловко.

— Вы читайте! — сказала княжна и сдѣлала знакъ головою, чтобъ онъ удалился.

По уходѣ его Аннѣ Львовнѣ сдѣлалось необыкновенно грустно; ничтожество и неотесанность Техоцкаго такъ ярко выступили наружу, что ей стало страшно за свои чувства. Въ это время вошелъ въ ея комнату папаша; она бросилась къ нему, прижалась лицомъ къ его груди и заплакала,

Digitized by Google

— Что ты! что̀ съ тобой, дурочка? — спросилъ его сіятельство, сильно потревожившись.

— Мнѣ скучно, папасецька, — отвѣчала княжна, вдругъ превращаясь въ довѣрчиваго и картавящаго шестнадцатилѣтняго ребеночка.

Его сіятельство, откровенно сказать, былъ вообще простоватъ, а въ женскихъ дѣлахъ и ровно ничего не понималъ. Однако, онъ притворился, будто о чемъ-то думаетъ, причемъ физіономія его приняла совершенно свиное выраженіе, а руки какъ-то нескладно болтались по воздуху.

— Ужъ, право, я не знаю, чего тебѣ, дурочка, хочется!—сказалъ онъ въ сильнѣйшемъ раздумьи.—Кажется, ты первое лицо въ городѣ... право, не знаю, чего тебѣ хочется!

И князь усиленно вздохнулъ, какъ будто вывезъ цѣлый возъ въ гору.

— Папасецька! какое самое послѣднее мѣсто въ свѣтѣ?— вдругъ спросила княжна.

— То-есть, какъ самое послѣднее?

— Ну, да, самое послѣднее — такое вотъ, гдѣ всѣ приказываютъ, а самъ никому не приказываешь, гдѣ заставляютъ писать, дежурить...

Князь углубился.

— То-есть, какъ же дежурить? — спросилъ онъ. — Дежурятъ, дурочка, чиновники, mais on n'en parle pas...

— Ну, а какое мѣсто выше чиновника?

Князь чрезвычайно обрадовался случаю выказать передъ дочерью свои административныя познанія, и тутъ же объяснилъ, что чиновникъ—понятіе генерическое, точно такъ же, какъ, напримѣръ, рыба; что есть чиновники-осетры, какъ его сіятельство, и есть чиновники-пискари. Бываетъ и еще особый видъ чиновника—чиновникъ-щука, который во время жора заглатываетъ пискарей; но осетры, «ma chère enfant, c'est si beau, si grand, si sublime», что на такую мелкую рыбешку, какъ пискари, не стоитъ обра-

Digitized by Google

щать и вниманіе. Княжна призналась, что она знаетъ одного такого пискаря, что у него старушка-мать, une gentille petite vieille, et très proprette—право!—и пять сестеръ, которыхъ онъ единственная опора. И для того, чтобы эта опора была солиднѣе, необходимо какъ можно скорѣе произвести пискаря, по крайней мѣрѣ, въ щурята.

. . . . . .

Между тѣмъ, Павелъ Семеновичъ, по свойственной человѣчеству слабости, спѣшилъ сообщить о постигшемъ его счастіи испытанному своему другу, Петькѣ Трясучкину. Трясучкинъ получалъ жалованья всего пять рублей въ мѣсяцъ, и по этой причинѣ былъ съ головы до пятокъ закаленъ въ горнилѣ житейскихъ бѣдствій. Родители назвали его при рожденіи Петромъ, но обычай утвердилъ за нимъ прозваніе Пѣтуха, съ которымъ онъ совершенно освоился. Нѣкоторые называли его также принцемъ и вашимъ превосходительствомъ: онъ и на эти прозвища откликался, и вообще выказывалъ въ этомъ отношеніи полнѣйшее равнодушіе. Только дѣйствительное его имя, Петръ Иванычъ, нѣсколько дико звучало въ его ухѣ: до такой степени оно было изгнано изъ общаго употребленія.

Юные коллежскіе регистраторы и канцелярскіе чиновники избирали его своимъ конфидентомъ въ сердечныхъ случаяхъ, потому что онъ по преимуществу былъ мужъ совѣта. Хотя бури жизни и порастрепали нѣсколько его туалетъ, но никто не могъ дать болѣе полезнаго наставленія насчетъ цвѣта штановъ, который могъ бы подѣйствовать на сердце женщины съ наиболѣе сокрушительною силою.

Трясучкинъ выслушалъ внимательно простодушный разсказъ своего друга и замѣтилъ, что «тутъ, братъ, пахнетъ Подгоняйчиковымъ».

— Это, братъ, дѣло надобно вести такъ,—продолжалъ онъ,—чтобъ тутъ самъ чортъ ничего не понялъ. Это, братъ, ты по-пріятельски поступилъ, что передо мной открылся; я эти дѣла вотъ какъ знаю! Я, братъ, во всѣхъ этихъ шту-

Digitized by Google

кахъ искусился! Не даромъ же я бѣдствовалъ, не даромъ три мѣсяца жилъ въ шкапу въ уголовной палатѣ: квартиры, братъ, не было—вотъ что!

— Ну, такъ какъ же ты думаешь, Пѣтухъ? Вѣдь тутъ славную можно штуку сыграть!

Трясучкинъ замоталъ головой.

— Ты *меня* послушай! — говорилъ онъ таинственнымъ голосомъ.—Это, братъ, все зависитъ отъ того, какъ поведешь дѣло! Можетъ быть славная штука, можетъ быть и скверная штука; можно быть становымъ и можно быть ничѣмъ... понимаешь?

— Да, оно хорошо, кабы становымъ!

— Ты сказалъ: становымъ — хорошо! Слѣдовательно, и дѣйствуй такимъ манеромъ, чтобъ быть тебѣ становымъ. А если, братъ, будешь становымъ, возьми меня къ себѣ въ письмоводители! Мнѣ, братъ, что: мнѣ хлѣба кусокъ да мѣсто на печкѣ! Я, братъ, спартанецъ! Одно слово, въ шкапу три мѣсяца выжилъ!

— Какъ въ шкапу?

— Такъ, братъ, въ шкапу! Ты думаешь, можетъ, дѣло обо мнѣ въ шкапу лежало? Такъ нѣтъ: самъ своею собственною персоной въ шкапу, въ еловомъ шкапу, обиталъ! Тамъ, братъ, и ночевалъ.

— Такъ вотъ мы каковы!—говорилъ Техоцкій, охорашиваясь передъ кускомъ зеркала, висѣвшимъ на стѣнѣ убогой комнаты, которую онъ занималъ въ домѣ провинціальной секретарши Ободуевой.—Въ насъ, братъ, княжны влюбляются!.. А вѣдь она... того!—продолжалъ онъ, приглаживая начатки усовъ, къ которымъ всѣ канцелярскіе чувствуютъ вообще нѣкоторую слабость:—бабёнка-то она хоть куда! И какія, братъ, у нея ручки... прелесть! такъ вотъ тебя и манитъ, такъ и подмываетъ!

— Что ручки!—отвѣчалъ Трясучкинъ уныло.—Тутъ главное дѣло не ручки, а становымъ быть: вотъ ты объ чемъ подумай!

Digitized by Google

И на дружескомъ совѣтѣ положено было о ручкахъ думать какъ можно менѣе, а, напротивъ того, всѣ силы-мѣры направить къ одной цѣли—мѣсту станового.

Ваше сіятельство! куда вы попали? что вы сдѣлали? какое тайное преступленіе лежитъ на совѣсти вашей, что какой-то Трясучкинъ, гадкій, оборванный Трясучкинъ, осмѣливается взвѣшивать ваши дѣвственныя прелести и предпочитать имъ—о, ужасъ!—мѣсто станового пристава? Embourbée! embourbée! Воды рѣки Крутогорки не смоютъ того пятна, которое неизгладимо легло на вашу особу!

Княжна дѣйствительно томится и увядаетъ. Еще въ дѣтствѣ она слыхала, что одна изъ ея grandes tantes, princesse Nina, убѣжала съ какимъ-то разносчикомъ; ей разсказывали объ этой исторіи, comme d'une chose sans nom, и даже, изъ боязни запачкать воображеніе княжны, не развивали всѣхъ подробностей, а выражались общими словами, что родственница ея сдѣлала vilenie. И вдругъ та же самая vilenie повторяется на ней! Потому что вѣдь разносчикъ и Техоцкій—это, въ сущности, одно и то же, потому что и папа удостовѣряетъ, что чиновники, «ma chère enfant, ce sont de ces gens, dont on ne parle pas».

И между тѣмъ сердце говоритъ громче, нежели всѣ доводы разсудка; сердце дрожитъ и сжимается, едва заслышитъ княжна звуки голоса Техоцкаго, какъ дрожитъ и сжимается мышонокъ, завидѣвъ для себя неотразимую смерть въ образѣ жирнаго, самодовольнаго кота.

И чѣмъ плѣнилъ онъ ее? Что могло заставить ее, княжну, снизойти до бѣднаго, никѣмъ не замѣчаемаго чиновника? Разсудокъ отвѣчаетъ, что всему виною праздность, полная бездѣятельность души, тоска, тоска и тоска! Но почему же не Трясучкинъ, а именно Техоцкій далъ сердцу ту пищу, которой оно жаждало? Княжна съ ужасомъ должна сознаться, что тутъ существуютъ какіе-то смутные расчеты, что она сама до такой степени embourbée, что даже это странное сборище людей, на которое всякая порядочная женщина

Digitized by Google

должна смотрѣть совершенно безстрастными глазами, перестаетъ быть безразличнымъ сбродомъ, и, напротивъ того, въ немъ выясняются для нея совершенно опредѣлительныя фигуры, между которыми она начинаетъ уже различать красивыхъ отъ уродовъ, глупыхъ отъ умныхъ, какъ будто не всѣ они одни и тѣ же—ah, mon Dieu, mon Dieu!

И за всѣмъ тѣмъ княжна не можетъ не принять въ соображеніе и того обстоятельства, что вѣдь Техоцкій совсѣмъ даже не человѣкъ, что ему можно приказать любить себя, какъ можно приказать отнести письмо на почту.

Это для него все единственно-съ.

Въ этой борьбѣ, въ этихъ сомнѣніяхъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Техоцкій, благодаря новому положенію, созданному для него княжной, новой парѣ платья, которую также княжна успѣла какимъ-то образомъ устроить для него на свой счетъ, втерся въ высшее крутогорское общество. Онъ уже говоритъ о княжнѣ безъ подобострастія, не называетъ ее «сіятельствомъ» и вообще ведетъ себя какъ джентльменъ, который, по крутогорской пословицѣ, «сальныхъ свѣчъ не ѣстъ, стекломъ не закусываетъ». Сама княжна, встрѣчая его въ обществѣ, помаленьку заговариваетъ съ нимъ. Разговоръ ихъ обыкновенно отличается простотою и несложностью.

— Читали вы Оссіана?—спрашиваетъ княжна, которой внезапно припадаетъ смертная охота сравнить себя съ одною изъ туманныхъ героинь этого барда.

Техоцкій краснѣетъ и закусываетъ губы. Ему въ первый разъ въ жизни приходится слышать объ Оссіанѣ.

— Вы прочтите,—говоритъ княжна, нѣсколько раздосадованная, что разговоръ, обѣщавшій сдѣлаться интереснымъ, погибъ неестественною смертью.

Вообще, княжна, имѣвшая случай читать много и пристально, любитъ сравнивать себя съ героинями различныхъ романовъ. Болѣе другихъ по сердцу пришелся Жоржъ-

Digitized by Google

Сандъ, и ей, безъ всякихъ шутокъ, иногда представляется, что она—Valentine, а Техоцкій—Benoît.

И вотъ они встрѣтились, и встрѣтились, наконецъ, одинъ-на-одинъ. Дѣло происходило въ загородной рощѣ, въ которую княжна часто ѣзжала для прогулокъ. Жаркое лѣтнее солнце еще высоко стояло на горизонтѣ, но высокія сосны и ели, среди которыхъ прорѣзаны аллеи для гуляющихъ, достаточно защищали отъ лучей его. Въ воздухѣ было томительно-сухо и жарко; сильный запахъ сосны какъ-то особенно-раздражительно дѣйствовалъ на нервы; въ рощѣ было тихо и мертво. Крутогорскіе жители вообще не охотники до романическихъ прогулокъ, а въ шестомъ часу и подавно. Въ это время всѣ спѣшатъ отдѣлаться отъ ежедневнаго посѣщенія статскаго совѣтника Храповицкаго, а не то чтобъ гулять. Княжна ходила много и раскраснѣлась; въ эти минуты она была даже недурна и казалась несравненно моложе своихъ лѣтъ. Глаза ея были влажны и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящи; ротъ полуоткрытъ, дыханье горячо; грудь поднималась и опускалась съ какою-то истомой... И надо же, въ такомъ чрезвычайномъ положеніи, встрѣтить — кого же? — предметъ всѣхъ тайныхъ желаній, Павла Семеныча Техоцкаго.

Что эта встрѣча была съ ея стороны непреднамѣренная— доказательствомъ служитъ то, что ей сдѣлалось дурно, какъ только Техоцкій предсталъ предъ глазами ея во всемъ блескѣ своей новой пары.

Человѣка княжны вблизи не было, и Техоцкому волею неволею пришлось поддержать ее и посадить на скамью. Неизвѣстно, какъ это случилось, но только когда княжна открыла глаза, то голова ея покоилась на плечѣ у возлюбленнаго. Очнувшись, она-было отшатнулась, но, вѣроятно, пары, наполнявшіе въ то время воздухъ, были до того отуманивающаго свойства, что головка ея сама собой опять прильнула къ плечу Техоцкаго. Такъ пробыла она нѣсколько минутъ, и Техоцкій возымѣлъ даже смѣлость взять

Digitized by Google

ея сіятельство за талію: княжна вздрогнула; но если бъ тутъ былъ посторонній наблюдатель, то въ немъ не осталось бы ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта дрожь происходитъ не отъ непріятнаго чувства, а вслѣдствіе какого-то страннаго, всеобщаго ощущенія довольства, какъ будто ей до того времени было холодно, и теперь вдругъ по всему тѣлу разлилась жизнь и теплота. Княжна даже не глядѣла на своего обожателя; она вся сосредоточилась въ себѣ и смотрѣла совсѣмъ въ другую сторону. Но если бы она могла взглянуть въ глаза Техоцкому, если бъ талія ея, которую обнимала рука милаго ей канцеляриста, была хоть на минуту одарена осязаніемъ, она убѣдилась бы, что взоръ его тупъ и безучастенъ, она почувствовала бы, что рука эта не согрѣта внутреннимъ огнемъ.

Техоцкій молчалъ; княжна также не могла произнести ни слова. Въ первомъ молчаніе было результатомъ тупости чувства, во второй—волненія, внезапно охватившаго все ея существо. Наконецъ, княжна не выдержала и заплакала.

— Ваше сіятельство!—произнесъ Техоцкій.

Но княжна не слышала и продолжала плакать.

— Ваше сіятельство!—вновь началъ Техоцкій:—имѣю до васъ покорнѣйшую просьбу.

Княжна вдругъ перестала плакать и пристально посмотрѣла на него. Техоцкій упалъ на колѣни.

— Ваше сіятельство! — вопіялъ онъ, ловя ея руки: — заставьте Бога за васъ молить! Похлопочите у его сіятельства!

Княжна встала.

— Что вамъ нужно?—спросила она сухо.

— Мнѣ-съ?.. Въ Оковскомъ уѣздѣ открывается вакансія станового пристава.

— А!..—произнесла княжна и съ достоинствомъ удалилась по аллеѣ.

Къ сожалѣнію, полная развязка этой исторіи не дошла до меня: знаю только, что съ этого времени остроумнѣйшіе

Digitized by Google

изъ крутогорскихъ чиновниковъ, неизвѣстно съ какого повода, прозвали княжну «паукомъ-бабой».

Пріятное семейство.

Если вы жили въ провинціи, мой благосклонный читатель, то, вѣроятно, знаете, что каждый губернскій и уѣздный городъ непремѣнно обладаетъ своимъ «пріятнымъ» семействомъ, точно такъ же, какъ обладаетъ городничимъ, исправникомъ и т. п. Въ пріятномъ семействѣ всѣ члены, отъ мала до велика, надѣлены какими-нибудь талантами. Первый и существеннѣйшій талантъ принадлежитъ самимъ хозяину и хозяйкѣ дома и заключается въ томъ, что они издали въ свѣтъ цѣлый выводокъ прелестнѣйшихъ дочерей и немалое количество остроумнѣйшихъ птенцовъ, составляющихъ красу и утѣшеніе цѣлаго города. Затѣмъ, старшая дочь играетъ на фортепьяно, вторая дочь пріятно поетъ романсы, третья танцуетъ характерные танцы, четвертая пишетъ какъ Севинье, пятая просто умна и т. д. Даже маленькіе члены семейства, и тѣ имѣютъ каждый свою спеціальность: Маша декламируетъ басню Крылова, Люба поетъ: *По улицѣ мостовой,* Ваня одѣнется ямщикомъ и пропляшетъ русскую.

— Вы не повѣрите, мсьё NN, — говоритъ обыкновенно хозяйка дома,—какъ я счастлива въ семействѣ! Мы никогда не скучаемъ.

— Да, мы никогда не скучаемъ, — отзывается хозяинъ дома, широко и добродушно улыбаясь.

Въ пріятномъ семействѣ главную роль обыкновенно играетъ maman, къ которой и гости, и дѣти обращаются. Эту maman я, признаюсь откровенно, не совсѣмъ-то долюбливаю; по моему мнѣнію, она самая неблагонамѣренная дама въ цѣломъ Крутогорскѣ (ограничимся однимъ этимъ милымъ мнѣ городомъ). Мнѣ кажется, что только горькая необходимость заставила ее сдѣлать свой домъ «пріятнымъ». — необходи-

Digitized by Google

мость, осуществившаяся въ лицѣ нѣсколькихъ дочерей, которыя, по достаточной зрѣлости лѣтъ, обѣщаютъ пойти въ сѣмена, если въ самомъ непродолжительномъ времени не будутъ пристроены. Мнѣ кажется, что въ то время, когда она, стиснувши какъ-то зубы, съ помощью однѣхъ своихъ тонкихъ губъ, произноситъ мнѣ приглашеніе пожаловать къ нимъ въ одинъ изъ слѣдующихъ понедѣльниковъ, то смотритъ на меня только какъ на искуснаго пловца, который, быть-можетъ, отважится вытащить одну изъ ея утопающихъ въ зрѣлости дочерей. Когда я бываю у нихъ, то увѣренъ, что она слѣдитъ за каждымъ кускомъ, который я кладу въ ротъ; тщетно стараюсь я углубиться въ свою тарелку, тщетно стараюсь сосредочочить всю свою мысль на лежащемъ передо мною кускѣ говядины: я чувствую, и въ наклоненномъ положеніи, что неблагонамѣренный ея взоръ насквозь пронизываетъ меня. Разговаривая съ нею за ужиномъ, я вижу, какъ этотъ взоръ безпрестанно коситъ во всѣ стороны, и въ то время, когда среди самой любезной фразы голосъ ея внезапно обрывается и принимаетъ тоны надорванной струны, я заранѣе ужъ знаю, что кто-нибудь изъ приглашенныхъ взялъ два куска жаркого, вмѣсто одного, или что лакей, на одинъ изъ столовъ, гдѣ должно стоять кагорское, цѣною не свыше сорока копеекъ, поставилъ шато-лафитъ въ рубль серебромъ.

Вообще, посѣщая «пріятное семейство» по понедѣльникамъ, я всегда нахожусь въ самомъ тревожномъ положеніи. Во-первыхъ, я постоянно страшусь, что вотъ-вотъ кому-нибудь недостанетъ холоднаго, и что даже самые взоры и распорядительность хозяйки не помогутъ этому горю, потому что одною распорядительностью никого накормить нельзя; во-вторыхъ, я вижу очень ясно, что Марья Ивановна (такъ называется хозяйка дома) каждый мой лишній глотокъ считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ; въ-третьихъ, мнѣ кажется, что, въ благодарность за вышеозначенный лишній глотокъ, Марья Ивановна чего-то ждетъ

Digitized by Google

отъ меня, хоть бы, напримѣръ, того, что я, преисполнившись яствъ, вдругъ сдѣлаю предложеніе ея Sevigné, которая безобразіемъ превосходитъ всякое описаніе, а потому менѣе всѣхъ подаетъ надежду когда-нибудь достигнуть тѣхъ счастливыхъ острововъ, гдѣ царствуетъ Гименей.

Нѣкоторые, впрочемъ, изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ искусно пользуются этимъ обстоятельствомъ, чтобы совершенно истерзать сердце Марьи Ивановны. Мой другъ, Василій Николаичъ *), напримѣръ, никакъ не упуститъ случая, чтобы не накласть себѣ на тарелку по два и даже по три куска, и половину накладеннаго сдаетъ лакею нетронутою. Точно такъ же поступаетъ онъ съ виномъ, если оно оказывается ужъ черезчуръ кислымъ. Въ этомъ случаѣ онъ подзываетъ лакея къ себѣ и безъ церемоніи приказываетъ ему подать вина съ другого стола, за которымъ сидятъ женихи и статскіе совѣтники. Однажды даже, когда подавали Василію Николаичу блюдо жареной индѣйки, онъ сказалъ очень громко лакею: «э, братъ, да у васъ нынче индѣйка-то, кажется, кормленая!»—и вслѣдъ затѣмъ чуть ли не половину ея стащилъ къ себѣ на тарелку. Вслѣдствіе этого между Марьей Ивановной и Васильемъ Николаичемъ существуетъ тайная вражда, и я даже самъ слышалъ, какъ Марья Ивановна, обратясь къ одному изъ статскихъ совѣтниковъ, сказала: «чего хочетъ отъ меня этотъ *злой* человѣкъ?»

Независимо отъ этихъ свойствъ, доказывающихъ ея материнскую заботливость, Марья Ивановна не прочь иногда и посплетничать, или, какъ выражаются въ Крутогорскѣ, вымыть ближнему косточки. Я положительно могу даже увѣрить, что она, въ этомъ смыслѣ, обладаетъ весьма замѣчательными авторскими способностями. Главная ея тактика заключается въ томъ, чтобъ подойти къ истязуемому предмету съ слабой стороны: польстить, напримѣръ, самолюбію,

*) См. «Буераковъ» и «Христосъ воскресъ!»

Digitized by Google

подъѣхать съ участіемъ и т. п. На молодежь это дѣйствуетъ почти безъ промаха. Сказанное во-время и кстати слово участія мгновенно вызываетъ наружу все, что таилось далеко на днѣ молодой души. Душа начинаетъ тогда безъ разбора и безъ расчета выбрасывать всѣ свои сокровища; иногда даже и привираетъ, потому что когда дѣло на откровенность пошло, то не приврать точно такъ же невозможно, какъ невозможно не наѣсться до отвала хорошаго и вкуснаго кушанья. Но здѣсь-то и стережетъ васъ Марья Ивановна; она кстати пожалѣетъ васъ, если вы, напримѣръ, влюблены; кстати посмѣется съ вами, если вы, *въ шутливомъ русскомъ тонѣ*, разсказываете какую-нибудь новую шутку князя Чебылкина; но будьте увѣрены, что завтра же и любовь ваша, и продѣлка его сіятельства будутъ извѣстны цѣлому городу. На этотъ счетъ у Марьи Ивановны имѣется также своя особая сноровка. Сохрани Богъ, чтобъ она назвала васъ, или сказала кому-нибудь, что вы въ томъ-то ей сознались, или то-то ей разсказали. Нѣтъ, она подходитъ къ какой-нибудь Анфисѣ Петровнѣ и издалека начинаетъ съ ней слѣдующаго рода разговоръ:

— Вы знаете мсьё Щедрина?—спрашиваетъ Марья Ивановна.

— Не имѣю этой чести,—отвѣчаетъ Анфиса Петровна, состроивши на лицѣ безконечно-язвительную улыбку, потому что Анфисѣ Петровнѣ ужасно обидно, что мсьё Щедринъ, съ самаго дня прибытія въ Крутогорскъ, ни разу не заблагоразсудилъ явиться къ ней съ почтеніемъ. Замѣчу мимоходомъ, что Марья Ивановна очень хорошо знаетъ это обстоятельство, но потому-то она и выбрала Анфису Петровну въ повѣренныя своей сплетни, что, во-первыхъ, пренебреженіе мсьё Щедрина усугубитъ рвеніе Анфисы Петровны, а во-вторыхъ, самое имя мсьё Щедрина всю кровь Анфисы Петровны мгновенно превратитъ въ сыворотку, что также на руку Марьѣ Ивановнѣ, которая, какъ дама отъ природы неблагонамѣренная, за одинъ разъ желаетъ

Digitized by Google

сдѣлать возможно бо́льшую сумму зла и уязвить своимъ жаломъ нѣсколько персонъ вдругъ.

— Какой милый, прекрасный молодой человѣкъ! — продолжаетъ Марья Ивановна, видя, что Анфису Петровну подергиваетъ судорога.—Если бъ въ Крутогорскѣ были все такіе образованные молодые люди, какъ пріятно было бы служить моему Алексису!

— Ихъ всѣ хвалятъ!—ехидно произноситъ Анфиса Петровна, переполняясь оцтомъ и желчью.

— И между тѣмъ, представьте, какъ онъ страдаетъ! Вы знаете Катерину Дмитріевну? Бѣдненькій!

Анфиса Петровна чуть дышитъ, чтобъ не проронить ни одного слова.

— Вѣдь, вы знаете, entre nous soit dit, что мужъ ея... (Марья Ивановна шепчетъ что-то на ухо своей собесѣдницѣ). Ну, конечно, мсьё Щедринъ, какъ молодой человѣкъ... Это очень понятно! И представьте себѣ: она, эта холодная, эта бездушная кокетка, предпочла мсьё Щедрину—кого же?—учителя Линкина! Vous savez?.. Mais elle a des instincts, cette femme!!!..

И, несмотря на все свое состраданье къ мсьё Щедрину, Марья Ивановна хохочетъ, но какимъ-то такимъ искусственнымъ, дѣланнымъ смѣхомъ, что даже Анфисѣ Петровнѣ становится отъ него жутко.

— Этого всегда должно было ожидать,—отвѣчаетъ кратко собесѣдница.

— Я его сегодня спрашиваю: отчего вы, мсьё Щедринъ, такой блѣдненькій? А онъ мнѣ: «ахъ, Марья Ивановна, если бъ вы знали, что̀ въ моемъ сердцѣ происходитъ!..» Бѣдненькій!

И тотъ же дѣланный смѣхъ снова коробитъ Анфису Петровну, которая очень любитъ розсказни Марьи Ивановны, но не можетъ привыкнуть къ ея смѣху.

— Такъ вы думаете, что Катерина Дмитріевна...

— Еще бы!—отвѣчаетъ Марья Ивановна, и голосъ ея

Digitized by Google

дрожитъ и переходитъ въ декламацію, а носъ, отъ душевнаго волненія, наполняется кровью, независимо отъ всего лица, какъ пузырекъ, стоящій на столѣ, наполняется красными чернилами.—Еще бы! Вы знаете, Анфиса Петровна, что я никому не желаю зла—что мнѣ! я такъ счастлива въ своемъ семействѣ! Но это ужъ превосходитъ всякую мѣру! Представьте себѣ...

Тутъ начинается шопотъ, который заключается словами: «ну, скажите на милость!» И, должно-быть, въ этомъ шопотѣ есть что-то весьма сатанинское, потому что Анфиса Петровна довольна полученными свѣдѣніями выше всякаго описанія.

Что касается до главы семейства, то онъ играетъ въ своемъ домѣ довольно жалкую роль и значеніемъ своимъ напоминаетъ того свидѣтеля, который, при слѣдствіи, на всѣ вопросы слѣдователя отвѣчаетъ: запамятовалъ, не знаю и не видалъ. Онъ очень счастливъ по понедѣльникамъ, потому что устраиваетъ въ этотъ день себѣ копеечную партію, и хотя партнеры его безпощадно ругаютъ, потому что онъ въ карты ступить не умѣетъ, но онъ не обижается. Сверхъ того, въ эти дни онъ имѣетъ возможность наѣсться досыта, ибо носятся слухи, что Марья Ивановна, какъ отличная хозяйка, держитъ обыкновенно и его, и всю семью впроголодь. Если кто-нибудь съ нимъ заговариваетъ,—а это случается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ потѣшиться надъ его простодушіемъ,—лицо его принимаетъ радостно-благодарное выраженіе; участіе же въ разговорѣ ограничивается тѣмъ, что онъ повторяетъ послѣднія слова своего собесѣдника.

Василій Николаичъ не преминулъ воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ. Нѣсколько понедѣльниковъ сряду, къ общему утѣшенію всей крутогорской публики, онъ разсказывалъ Алексѣю Дмитричу какую-то исторію, въ которой одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «ну, положимъ, что я дуракъ», и на этихъ словахъ прерывалъ свой разсказъ.

Digitized by Google

— Я дуракъ, — кротко повторялъ Алексѣй Дмитричъ.

— Ахъ, что это какой ты разсѣянный, Алексисъ!—отзывается вдругъ Марья Ивановна, прислушиваясь къ разговору.

Вообще, Василій Николаичъ смотритъ на Алексѣя Дмитрича какъ на средство самому развлечься и другихъ позабавить. Онъ показываетъ почтеннѣйшей публикѣ главу «пріятнаго семейства», какъ вожакъ показываетъ ученаго медвѣдя.

Говорятъ, будто Алексѣй Дмитричъ золъ, особливо если натравитъ его на кого-нибудь Марья Ивановна. Я довольно вѣрю этому, потому что и изъ исторіи извѣстно, что глупые люди и обезьяны всегда злы подъ старость бывали.

— Умный человѣкъ-съ,—говаривалъ мнѣ иногда по этому поводу крутогорскій инвалидный начальникъ, — не можетъ быть злымъ, потому что умный человѣкъ понятіе имѣетъ-съ; а глупый человѣкъ какъ обозлится, такъ просто, безъ всякаго резона, какъ индѣйскій пѣтухъ, на всѣхъ бросается. Вотъ хоть бы Алексѣй Дмитричъ: за что они на меня сердятся? За то, что я коляски для нихъ въ мастерской не сдѣлалъ? Точно мнѣ жалко мастеровыхъ-съ, или я обязанности своей не понимаю-съ! Докладывалъ я имъ сколько разъ, что матеріалу у меня такого не имѣется—такъ нѣтъ, сударь! заладилъ одно: не хочешь да не хочешь! Ну, и заварили кашу. Посудите сами, я-то чѣмъ же тутъ виноватъ?.. Оно и выходитъ, что и перевернешься—бьютъ, и не перевернешься—бьютъ: вотъ она, какова гусарская служба!

О прочихъ членахъ семейства сказать опредѣлительнаго ничего нельзя, потому что они, очевидно, находятся подъ гнетомъ своей maman, которая даетъ имъ ту или другую физіономію, по своему усмотрѣнію. Несомнѣнно только то, что всѣ они снабжены разнообразнѣйшими талантами, а дочери, сверхъ того, въ знакъ невинности, называютъ родителей не иначе, какъ «папасецка» и «мамасецка», и какимъ-то особеннымъ образомъ подпрыгиваютъ на ходу, если

Digitized by Google

въ числѣ гостей бываетъ новое и въ какомъ-нибудь отношеніи интересное лицо.

Пріѣхавши, въ одинъ изъ такихъ понедѣльниковъ, къ Размановскимъ, я еще на лѣстницѣ былъ пріятно изумленъ звуками музыки, долетавшими до меня изъ передней. Дѣйствительно, тамъ сидѣло нѣсколько батальонныхъ солдатъ, которые грустно настраивали свои инструменты.

— Слышь, Ильинъ,—говорилъ старшій музыкантъ Пахомовъ: — ты у меня смотри! Коли опять въ аллегру отстанешь, я изъ тебя самого флейту и контрабасъ сдѣлаю.

— А что, вѣрно я рано забрался?—спрашиваю я у Василія Николаича, одиноко расхаживающаго по залѣ.

— Да; вотъ я тутъ съ полчаса ужъ дежурю,—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ:—и хоть ты что хочешь! И кашлять принимался, и ногами стучалъ—нейдетъ никто! А между тѣмъ самъ я слышу, какъ они въ сосѣдней комнатѣ разливаются-хохочутъ!

— Да по какому случаю сегодня балъ у Размановскихъ?

— Развѣ вы не знаете? Вѣдь сегодня день ангела Агриппины, той самой, которая на фортепьянахъ-то играетъ. Ахъ, задушатъ они насъ нынче пѣніемъ и декламаціей!

И точно, въ сосѣдней комнатѣ послышалась визгливая рулада, производимая не столько пріятнымъ, сколько усереднымъ голосомъ третьей дочери, Клеопатры, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, репетировала арію, долженствовавшую восхитить всѣхъ слушателей.

Въ это время вошелъ въ комнату самъ Алексѣй Дмитричъ, и вслѣдъ затѣмъ начали съѣзжаться гости.

— Вы вѣрно спали? — спросилъ Василій Николаичъ хозяина.

— Спали,—отвѣчалъ тотъ кротко.

— А вѣдь знаете, коли зовете вы къ себѣ гостей, такъ спать-то ужъ и не годится.

— Ужъ и не годится,—повторилъ старецъ.

Мало-по-малу образовались въ залѣ кружки, и даже Але-

Digitized by Google

ксѣй Дмитричъ, желая принять участіе въ общемъ разговорѣ, началъ слоняться изъ одного угла въ другой, наводя на всѣ сердца нестерпимое уныніе. Женскій полъ скромно пробирался черезъ залъ въ гостиную и робко усаживался по стѣнкѣ, въ ожиданіи хозяевъ.

— Ну, что, вы какъ поживаете, господа? — спросилъ я, подходя къ кучкѣ горнизонныхъ офицеровъ, одѣтыхъ съ иголочки и въ бѣлыхъ перчаткахъ на рукахъ.

— Слава Богу, Николай Иванычъ,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ:—нынѣшнимъ лѣтомъ покормились-таки; вотъ и мундирцы новенькіе пошили.

— Какъ же это вы «покормились»?

— Да вотъ партію сводили-съ, такъ тутъ кой-чего къ ладонямъ пристало-съ...

Я ужасно люблю господъ горнизонныхъ офицеровъ. Есть у нихъ на все этакой взглядъ наивный, какого ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ мірѣ имѣть не можетъ. Нынче гитара и флейта даже у приказныхъ вывелись, а гарнизонный офицеръ остается вѣренъ этимъ инструментамъ до конца жизни, потому что посредствомъ ихъ онъ преимущественно выражаетъ тоску души своей. Обойдутъ ли его партіей—онъ угрюмо насвистываетъ: *Не одна-то во полѣ дороженька*; закрадется ли въ сердце его вожделѣніе къ женской юбкѣ—онъ уныло выводитъ: *Черный цвѣтъ*, и такіе вздохи на флейтѣ выдѣлываетъ, что нужно быть юбкѣ каменной, чтобы противостоять этимъ вздохамъ. На цѣлый міръ онъ смотритъ съ точки зрѣнія пайка; читаетъ онъ какое-нибудь «сочиненіе»—думаетъ: «авторъ столько-то пайковъ себѣ выработалъ»; слышитъ ли, что кто-нибудь изъ его знакомыхъ мѣсто новое получилъ—говоритъ: «столько-то пайковъ ему прибавилось». Вообще они очень добрые малые и преуслужливые. На балахъ, куда ихъ приглашаютъ цѣлою партіей, чтобъ дѣвицы не сидѣли безъ кавалеровъ, они танцуютъ со всѣмъ усердіемъ и съ величайшею аккуратностью, не болтая ногами направо и налѣво, какъ штатскіе, а выдѣ-

Digitized by Google

лывая отчетливо каждое па. Марья Ивановна очень любитъ эту отчетливость и видитъ въ ней несомнѣнный знакъ преданности къ ея особѣ.

— Посмотрите, какъ вашъ Коловоротовъ отъ души танцуетъ!—относится она къ инвалидному начальнику, который самолично наблюдаетъ, чтобы господа офицеры исполняли свои обязанности неуклонно.

— Усердный офицеръ-съ!—отвѣчаетъ командиръ угрюмо.

Но обращаюсь къ разсказу.

— О чемъ же вы такъ смѣялись тутъ, господа?—спрашиваю я того же офицера, который объяснилъ мнѣ значеніе слова «покормиться».

— Да вотъ Харченко анекдотъ разсказывалъ...

Общій смѣхъ.

— Вотъ-съ, изволите видѣть,—подхватываетъ торопливо Харченко, какъ будто опасаясь, чтобы Коловоротовъ или кто-нибудь другой не посягнулъ на его авторскую славу:— вотъ изволите видѣть: стоялъ одинъ офицеръ передъ зеркаломъ и волосы себѣ причесывалъ, и говоритъ деньщику: «что это, братецъ, волосы у меня лѣзутъ?» А тотъ, знаете, подумавши этакъ минутъ съ пять, отвѣчаетъ: «весною, ваше благородіе, всякая скотина линяетъ»... А въ то время весна была-съ,—прибавилъ онъ, внезапно краснѣя.

Новый взрывъ смѣха.

— И вѣдь «подумавши»—вотъ что̀ главное! — говоритъ прапорщикъ Коловоротовъ.

— «Линяетъ»! — повторяетъ другой прапорщикъ, едва удерживая порывы смѣха, одолѣвающіе его юную грудь.

Но этотъ анекдотъ я уже давно слышалъ, и даже вполнѣ увѣренъ, что и всѣ господа офицеры знаютъ его наизусть. Но они невзыскательны, и нѣкоторыя повѣствованія всегда производятъ неотразимый эффектъ между ними. Къ числу ихъ относятся разсказы о томъ, какъ офицеръ тройку жидовъ загналъ, о томъ, какъ русскій, квартируя у нѣмца, неприличность даже на потолкѣ сдѣлалъ, и т. д.

Digitized by Google

Я подхожу къ другой группѣ, гдѣ другъ мой Василій Николаичъ показываетъ публикѣ медвѣдя, то-есть заставляетъ Алексѣя Дмитрича говорить разную чепуху. Около нихъ собралась цѣлая толпа народа, въ которой немолчно раздается громкій и искренній смѣхъ, свидѣтельствующій о необыкновенномъ успѣхѣ представленія.

— Да нѣтъ, я что-то не понимаю этого,—говоритъ Василій Николаичъ: — воля ваша, а тутъ что-нибудь да не такъ.

— Помилуйте,—возражаетъ Алексѣй Дмитричъ:—какъ же вы не понимаете? Ну, вы представьте себѣ двѣ комиссіи: одна комиссія и другая комиссія, и въ обѣихъ я, такъ сказать, первоприсутствующій... Ну, вотъ я изъ одной комиссіи и пишу, теперича, къ себѣ, въ другую комиссію, что надо вотъ Василію Николаичу домъ починить, а изъ этой-то комиссіи пишу опять къ себѣ въ другую комиссію, что, врешь, дома чинить не нужно, потому что онъ въ своемъ видѣ... понимаете?

— Ну, и ладно выходитъ? — спрашиваетъ Василій Николаичъ.

— Ну, и ладно выходитъ, — повторяетъ Алексѣй Дмитричъ.

Хохотъ, въ которомъ хозяинъ дома принимаетъ самое дѣятельное участіе.

— Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не то, — продолжаетъ Василій Николаичъ. — Конечно, экилибръ властей — это слова нѣтъ; однако, тутъ кто-нибудь да совралъ. Поговоримъ-ка лучше объ статистикѣ.

— Поговоримъ объ статистикѣ, — повторяетъ Алексѣй Дмитричъ.

— Ну, какимъ же образомъ вы свѣдѣнія собираете? Я что-то этого не понимаю. Сами вѣдь вы не можете сосчитать всякую овцу, и однакожъ вотъ у васъ значится въ свѣдѣніяхъ, что овецъ въ губерніи семьсотъ одиннадцать тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ три... Какъ же это?

Digitized by Google

Алексѣй Дмитричъ улыбается.

— Вотъ то-то и есть,—говоритъ онъ:—все это только по наружности трудно. Вамъ съ непривычки-то кажется, что я самъ пойду овецъ считать, анъ у меня на это такіе ходоки въ уѣздахъ есть—вотъ и считаютъ! Мое дѣло только остановить ихъ, коли завруться, или прикрикнуть, если лѣниться будутъ. Вотъ, напримѣръ, намеднись оковскій исправникъ совсѣмъ одной статьи въ своихъ свѣдѣніяхъ не включилъ; ну, я, разумѣется, сейчасъ же запросъ: «почему нѣтъ статьи о шелководствѣ?» Онъ отвѣчаетъ, что потому этой статьи не включилъ, что шелководства нѣтъ. Но онъ все-таки долженъ былъ въ свѣдѣніяхъ это объяснить.

— Да, да,—замѣчаетъ Василій Николаичъ:—иначе какая же это будетъ статистика! Вотъ я тоже зналъ такого точно администратора, который во всякую вещь до тонкости доходилъ; такъ тотъ поручилъ однажды своему чиновнику составить вѣдомость всѣмъ лицамъ, получающимъ отъ казны арендныя деньги, да потомъ и говоритъ ему: «ужъ кстати, любезнѣйшій, составьте маленькій списочекъ и тѣмъ лицамъ, которыя аренды не получаютъ». Тотъ сгоряча говоритъ: «слушаю-съ», да потомъ и приходитъ ко мнѣ: «что, говоритъ, я стану дѣлать?» Ну, я и посовѣтовалъ на первый разъ вытребовать ревизскія сказки изъ всѣхъ уѣздныхъ казначействъ.

Взрывъ хохота.

— Николай Иванычъ! Николай Иванычъ!—слышу я голосъ князя Льва Михайлыча, зовущаго меня съ другого конца залы.

Я устремляюсь всѣми силами души своей и стараюсь придать своему лицу благодарное и радостное выраженіе, потому что имѣю честь служить подъ непосредственнымъ начальствомъ его сіятельства.

— Мы здѣсь разсуждаемъ о томъ,—говоритъ онъ мнѣ:—какое нынче направленіе странное принимаетъ литература—все какіе-то нарывы описываетъ! И такъ, знаете, все

Digitized by Google

это подробно, что при дамахъ даже читать невозможно... потому что дама—vous concevez, mon cher!—это такой цвѣтокъ, который ничего, кромѣ тонкихъ запаховъ, испускать изъ себя не долженъ, и вдругъ ему, этому нѣжному цвѣтку, предлагаютъ навозную кучу... согласитесь, что это непріятно!..

Я молча кланяюсь.

— Знакомятъ съ какими-то лакеями, мужиками, солдатами... Слова нѣтъ, что они есть въ природѣ, эти мужики, да отъ нихъ вѣдь пахнетъ,—ну, и опрыскай его авторъ чѣмъ-нибудь, чтобы, знаете, въ гостиную его ввести можно. А то такъ со всѣмъ, и съ запахомъ, и ломятъ... Это не только неприлично, но даже безнравственно...

У князя показываются слезы на глазахъ, потому что онъ очень добрый человѣкъ.

— Вотъ пошла, напримѣръ, нынче мода на взяточничество нападать,—продолжаетъ онъ.—Ну, конечно, это нехорошо взятки брать—кто же ихъ защищаетъ!—mais vous concevez, mon cher, дѣлай же онъ это такъ, чтобъ читателю пріятно было; ну, представь взяточника, и изобрази тамъ... да въ концѣ-то, въ концѣ-то приготовь ему возмездіе, чтобъ зналъ читатель, какъ это нехорошо быть взяточникомъ... а то такъ на распутіи и броситъ—вѣдь этакъ и понять, пожалуй, нельзя, потому что если возмездія нѣтъ, стало-быть и факта самаго нѣтъ, и все это одна клевета...

— Это совершенно справедливо ваше сіятельство изволили замѣтить,—вступается Порфирій Петровичъ, котораго очень радуетъ изреченная княземъ аксіома, что безнаказанность есть синонимъ невинности:—это совершенно справедливо, что голословно можно и самаго чистаго человѣка оклеветать.

— Я и самъ не прочь иногда посмѣяться,—снова проповѣдуетъ его сіятельство: — il ne faut pas être toujours taciturne, c'est mauvais genre! Мрачныя физіономіи бываютъ только у лакеевъ, потому что они озабочены, какъ бы имъ

Digitized by Google

подноса не уронить; ну, а мы съ подносами не ходимъ, слѣдовательно и приличіе требуетъ иногда посмѣяться; но согласитесь, что у нашихъ писателей смѣхъ ужъ черезчуръ звонокъ... Вотъ, напримѣръ, я составилъ проектъ комедіи—выслушайте и скажите свое мнѣніе. На сценѣ взяточникъ; онъ тамъ обираетъ, въ карманы лѣзетъ — можно обрисовать его даже самыми черными красками, чтобы, знаете, впечатлѣніе произвесть... Зритель увлеченъ; онъ уже думаетъ, что личность его не безопасна, онъ ощупываетъ свои собственные карманы... Но тутъ-то, въ эту самую минуту, и должна проявиться благонамѣренность автора... Въ то самое время, какъ взяточникъ снимаетъ съ бѣдняка послѣдній кафтанъ, изъ задней декораціи вдругъ является рука, которая беретъ взяточника за волосы и поднимаетъ наверхъ... Въ этомъ мѣстѣ занавѣсъ опускается, и зритель выходитъ изъ театра успокоенный и не застегиваетъ даже своего пальто...

— Это справедливо,—говоритъ Василій Николаичъ, который какъ-то незамѣтно подкрался къ намъ:—комедія вышла бы хорошая, только врядъ ли актера можно такого сыскать, который согласился бы, чтобъ его тащили кверху за волосы.

— Можно на это время куклой подмѣнить,—отзывается князь довольно сухо.

Но въ залѣ вдругъ дѣлается тихо. Является Марья Ивановна подъ-руку съ именинницей; прочіе цвѣтки роскошнаго букета скромно слѣдуютъ сзади.

Князь Левъ Михайлычъ, сѣменя ножками, поспѣшаетъ навстрѣчу Марьѣ Ивановнѣ.

— Vous voilà comme toujours belle et parée,—говоритъ онъ, обращаясь къ именинницѣ. И, пріятно округливъ правую руку, предлагаетъ ее Агриппинѣ Алексѣевнѣ, отрывая ее такимъ образомъ отъ сердца нѣжно любящей матери, которая не иначе, какъ со слезами на глазахъ, рѣшается довѣрить свое дитя когтямъ этого оплѣшивѣвшаго отъ ста-

Digitized by Google

рости коршуна. Левъ Михайлычъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, ведетъ свою даму прямо къ роялю.

— Начинается истязаніе!—шопотомъ говоритъ мнѣ Василій Николаичъ, который, несмотря на все свое остроуміе, нѣсколько побаивается Марьи Ивановны и не рѣшается говорить вблизи ея громко.

Агриппина Алексѣевна садится къ роялю, отряхиваетъ свои кудри и, принявъ видъ отчасти вдохновенный, отчасти полоумный, начинаетъ разыгрывать какой-то «Rêve». Я совершенно убѣжденъ, что въ эту сладкую минуту она отнюдь не сомнѣвается, что стихотвореніе Шиллера «Laure am Clavier» написано къ ней и что имя Лауры есть не что иное, какъ грустная опечатка.

— Прекрасно! превосходно! съ какимъ чувствомъ!—слышится со всѣхъ сторонъ во время игры, а подъ конецъ пьесы зала наполняется громомъ аплодисментовъ.

Надо сказать здѣсь, что у Марьи Ивановны имѣется въ запасѣ свой entrepreneur de succès, дѣтина рыжій и съ весьма развитыми мускулами, который не только самъ аплодируетъ, но готовъ прибить всякаго другого, кому вздумалось бы не аплодировать. Эта ехидная гадина, порожденіе провинціальнаго кліентизма, угрюмо озирается во всѣ стороны, какъ бы выискивая въ толпѣ жертву, на которую можно было бы ему нашептать въ уши Марьѣ Ивановнѣ. За этотъ бдительный надзоръ и за разныя другія послуги, преимущественно по предмету заднекрылечнаго знакомства съ уѣздными чиновниками и подрядчиками, совершающагося подъ печатью ненарушимой тайны, кліентъ пользуется чрезвычайною благосклонностью Марьи Ивановны и, кромѣ процентовъ въ общихъ прибыляхъ, имѣетъ всегда готовый кувертъ за столомъ ея.

Марья Ивановна въ восторгѣ отъ похвалъ, отовсюду раздающихся ея дочери, но вмѣстѣ съ этимъ она грустно потрясаетъ головой.

— Если бы вы знали,—говоритъ она князю Льву Михай-

Digitized by Google

ловичу: — если бы вы знали, mon cher prince, чего намъ стоили всѣ эти уроки! Вѣдь Агриппина—ученица Герке...

— Шш!.. — раздается по залѣ, и всѣ скромно разсаживаются по стульямъ, разставленнымъ вдоль стѣнъ.

Въ середину залы выступаетъ вторая дочь Марьи Ивановны, Аглаида, и звучнымъ контральтовымъ голосомъ произноситъ стихи:

Тебя съ днемъ ангела, сестра, я поздравляю.
Сестра! любимица Зиждителя небесъ!
Отъ сердца полноты всѣхъ благъ тебѣ желаю,
И чтобъ коварный вѣтръ малютку не унѣсъ...

— Коварный вѣтръ—это мужъ,—замѣчаетъ Василій Николаичъ:—а малютка — сама виновница настоящаго торжества!.. И замѣтьте: «небесъ» — «не унѣсъ».

Аглаида продолжаетъ:

Съ гнѣзда родимаго, отъ отческа крыла
Судьбина жестокая малютку унесла.
Мать безутѣшная! лети скорѣе, плачь:
Невиннаго птенца задушитъ сей палачъ...

— Да не вы ли «сей палачъ»?—обращается ко мнѣ опять Василій Николаичъ.—А я думалъ, что долго не дождаться Агриппинѣ «сего палача».

Прими жъ, сестра, мое ты поздравленье,
И да услышитъ Богъ послѣднее моленье:
Да ниспошлетъ тебѣ Онъ сердца чистоту
И да низвержетъ въ прахъ злодѣевъ клевету!

— А вѣдь «клевету»-то на вашъ счетъ сказано!—говорю я, въ свою очередь, Василію Николаичу.

— Можетъ-быть, — отвѣчаетъ онъ. — А это она хорошо сдѣлала, что пожелала Агриппинѣ чистоты: опрятность никогда не мѣшаетъ.

Гости начинаютъ уже стучать стульями, въ чаяніи, что испытаніе кончилось и что можно будетъ приступить къ настоящимъ дѣйствіямъ, составляющимъ цѣль всякаго провинціальнаго праздника: танцамъ и висту. Но надежда и

Digitized by Google

на этотъ разъ остается обманутою. Къ роялю подходятъ Клеопатра и Агриппина.

— Эти же стихи, переложенные на музыку Агриппиной Алексѣевной, будетъ пѣть Клеопатра Алексѣевна, — объясняетъ рыжій кліентъ, проходя мимо насъ.

— Выходитъ, что именинница сама себя поздравляетъ,— пополняетъ Василій Николаичъ. — *Никтмъ же не мучими сами ся мучиху...*

Именинница аккомпанируетъ, а Клеопатра Алексѣевна разливается. Въ патетическихъ мѣстахъ она оборачивается къ публикѣ всѣмъ корпусомъ, и зрачки глазъ ея до такой степени пропадаютъ, что самъ исправникъ Живоглотъ—на что ужъ бестія!—ни подъ какимъ видомъ ихъ нигдѣ не отыскалъ бы, если бъ на него возложили это деликатное порученіе. Пѣніе кончается, и на этотъ разъ аплодисменты раздаются съ учетверенною силой, потому что всѣ эти колодники, сидѣвшіе вдоль стѣны, имѣютъ полную надежду, что сюрпризы прекратились, и они могутъ отправиться каждый по своему дѣлу. И дѣйствительно, разносится слухъ, что поздравительный танецъ, предназначенный къ исполненію черезъ малолѣтнихъ членовъ «пріятнаго семейства», отложенъ до слѣдующаго понедѣльника.

— А очень жаль, очень жаль,—говоритъ Порфирій Петровичъ, подходя къ Марьѣ Ивановнѣ: — очень было бы пріятно полюбоваться, какъ эти ангельчики...

Марья Ивановна готова уже дать знакъ кліенту, чтобы исполнить желаніе гостей, но Порфирій Петровичъ, самъ испугавшійся своего успѣха, прибавляетъ:

— Впрочемъ, это удовольствіе еще не ушло отъ насъ: въ слѣдующій понедѣльникъ...

— Ну, то-то же!—шепчетъ Василій Николаичъ: — а то проврался-было старикъ!

Въ сосѣдней комнатѣ карточные столы уже заняты, а въ передней раздаются первые звуки вальса. Я спѣшу къ княжнѣ Аннѣ Львовнѣ, которая въ это время какъ-то робко

Digitized by Google

озирается, какъ будто ища кого-то въ толпѣ. Я подозрѣваю, что глаза ея жаждутъ встрѣтить чистенькаго чиновника Техоцкаго *), и, уважая тревожное состояніе ея сердца, почтительно останавливаюсь поодаль, въ ожиданіи, покуда ей самой угодно будетъ замѣтить меня.

— Ah, c'est vous, мсьё Щедринъ?—говоритъ она, наконецъ, подавляя вздохъ, созрѣвшій въ ея груди.

И мы несемся, какъ вихрь, по залѣ.

Княжна вообще очень ко мнѣ внимательна, и даже не прочь бы устроить изъ меня повѣреннаго своихъ маленькихъ тайнъ, но не хочетъ сдѣлать первый шагъ, а я тоже не поддаюсь, зная, какъ тяжело быть повѣреннымъ непризнанныхъ страданій и оскорбленныхъ самолюбій. Въ этотъ вечеръ она какъ-то ожесточена, смѣется лихорадочнымъ смѣхомъ, и все будто хочетъ о чемъ-то спросить меня, но не придумаетъ, какъ это сдѣлать. Я знаю, что она хочетъ спросить, почему нѣтъ въ числѣ гостей Техоцкаго; но я не объясняю ей истинныхъ причинъ этого отсутствія, потому что это могло бы огорчить ее. Мнѣ извѣстно, что Техоцкій не приглашенъ Марьей Ивановной именно въ пику княжнѣ и въ видахъ сохраненія добрыхъ нравовъ въ городѣ Крутогорскѣ.

— Помилуйте,—говорила мнѣ сама Марья Ивановна:— вѣдь она такая exaltée! Пожалуй, еще на шею ему вѣшаться станетъ, а у меня дочери-дѣвицы!

— Какъ вамъ кажется эта фантазія угощать произведеніями своей домашней кухни?—спрашиваетъ меня княжна, когда мы усѣлись съ ней рядомъ въ кадрили. Очевидно, что она намекаетъ на выставку талантовъ, производившуюся передъ открытіемъ танцевъ.

— Вы знаете, княжна, — отвѣчаю я, — что я не имѣю никакого мнѣнія на этотъ счетъ.

Но княжна, очевидно, меня не слушаетъ.

---

*) См. выше: «Княжна Анна Львовна».

Digitized by Google

— И замѣтьте,—продолжаетъ она: — какъ все это самодовольно навязывается вамъ! И эта Клеопатра съ своимъ маринованнымъ голосомъ, и этотъ идіотъ Алексисъ, и нахальная Марья Ивановна...

Княжна слегка вздрагиваетъ, произнося это ненавистное для нея имя.

— Вамъ начинать,—говорю я.

— А вы не знаете...—спрашиваетъ она, когда мы сѣли на мѣста, и вдругъ останавливается.

— Что?

— Нѣтъ, такъ... я хотѣла, кажется, сказать какую-то глупость... Вы не знаете, отчего здѣсь всегда пахнетъ скукой?

— Я опять-таки повторяю вамъ, княжна, что не имѣю здѣсь никакого мнѣнія...

— Да, я и забыла, что вы человѣкъ осторожный... Однако, въ самомъ дѣлѣ, вы не знаете, отчего...

И опять спотыкается, и неизвѣстно почему—мнѣ вдругъ становится ужасно жалко ее.

— ...Здѣсь нѣтъ Техоцкаго,—продолжаетъ она, начиная третью фигуру.

Въ провинціи лица умѣютъ точно такъ же хорошо лгать, какъ и въ столицахъ, и если бы кто посмотрѣлъ въ нашу сторону, то никакъ не догадался бы, что въ эту минуту разыгрывалась здѣсь одна изъ печальнѣйшихъ драмъ, въ которой дѣйствующими лицами являлись оскорбленная гордость и жгучее чувство любви, незаконно попранное,—два главные двигателя всѣхъ дѣйствій человѣческихъ.

«Бѣдная княжна»,—повторяю я мысленно.

— Мы и позабыли позвать мсьё Техоцкаго! — говоритъ Марья Ивановна, подходя къ намъ.

— А! — восклицаетъ княжна, смотря на нее съ изумленіемъ.

— А онъ такой милый молодой человѣкъ!—продолжаетъ Марья Ивановна спокойно, но такимъ голосомъ, что княжна

Digitized by Google

должна разслышать хохотъ, затаившійся въ груди этой «неблагонамѣренной» дамы.

— Очень жаль!—отвѣчаетъ княжна.

— Вы не знаете, гдѣ онъ живетъ?—спрашиваетъ Марья Ивановна, какъ будто ошибкой обращаясь къ княжнѣ.— Ахъ, pardon, princesse, я хотѣла спросить мсьё Щедрина... Вы не знаете, мсьё Щедринъ, гдѣ живетъ *господинъ* Техоцкій?

— Не имѣю этого удовольствія.

— Очень жаль, потому что за нимъ можно было бы послать... онъ сейчасъ придетъ: онъ такой жалкій! Ему все, что̀ хотите, *велять* можно!

И, уязвивъ княжну, неблагонамѣренная дама отправляется далѣе язвить другихъ.

Но танцамъ, какъ и всему въ мірѣ, есть конецъ. Наступаетъ страшная для Марьи Ивановны минута ужина, и я вижу, какъ она суетится около Василія Николаича, стараясь заранѣе заслужить его снисходительность.

— Будьте любезны съ Васильемъ Николаичемъ,— говорю я княжнѣ.

Она понимаетъ меня и улыбается. Я тоже улыбаюсь, потому что вижу впереди богатое развлеченіе. Княжна подходитъ къ моему другу, и въ нѣсколько минутъ исключительно завладѣваетъ его вниманіемъ. Надобно сказать, что Василій Николаичъ, происходя отъ «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей», ужасно любитъ, чтобы за нимъ ухаживали сильные міра сего. Впрочемъ, онъ вообще всегда бываетъ какъ-то особенно и безкорыстно снисходителенъ къ княжнѣ, за что̀ я очень уважалъ его. Марья Ивановна съ судорожнымъ безпокойствомъ слѣдитъ за ними; она съ ужасомъ видитъ, что уѣхало всего два человѣка, а всѣ остальные стоически дожидаются ужина.

— Не протанцовать ли еще польку до ужина, princesse? — говоритъ она, въ чаяніи, что кто-нибудь уѣдетъ тѣмъ временемъ.

Digitized by Google

Но грозной судьбѣ не угодно споспѣшествовать намѣреніямъ Марьи Ивановны. Въ то самое время, какъ она кончаетъ свою фразу, лакеи, какимъ-то чудомъ ускользнувшіе изъ-подъ ея надзора, съ шумомъ врываются въ залу, неся накрытые столики.

— Милости просимъ, милости просимъ, господа, ужинать!—невпопадъ кричитъ Алексѣй Дмитричъ, широко разѣвая ротъ.

— Ужъ хоть бы ты-то молчалъ! — вполголоса говоритъ Марья Ивановна, въ досадѣ не скрывая даже своихъ чувствъ.—Mesdames!—прибавляетъ она съ кислою улыбкой.

Но на первомъ же шагу встрѣчается препятствіе. Приборовъ подано на тридцать персонъ, а желающихъ ужинать оказывается на-лицо сорокъ человѣкъ. Десяти человѣкамъ рѣшительно нѣтъ мѣста на «жизненномъ пирѣ», и въ числѣ этихъ исключенныхъ обрѣтается Василій Николаичъ. Онъ приходитъ въ неистовство и громко протестуетъ противъ исключенія. Марья Ивановна чуетъ бѣду и выгоняетъ изъ-за стола Алексиса, который уже усѣлся и не прочь, пожалуй, вступить въ бой съ Марьей Ивановной за право ужинать. Сей достопочтенный мужъ, жертва хозяйственныхъ соображеній своей супруги, до такой степени изморенъ голодомъ, что готовъ, какъ Исавъ, продать право первородства за блюдо чечевицы.

Но Василій Николаичъ за все радушіе хозяйки отплачиваетъ самою черною неблагодарностью. Онъ тутъ же распускаетъ слухъ, что собственными глазами видѣлъ, какъ собирали съ полу упавшее съ блюда желе и укладывали вновь на блюдо, съ очевиднымъ намѣреніемъ отравить имъ гостей. Марья Ивановна терпитъ пытку, потому что гарнизонные офицеры, оставшіеся за штатомъ и больше всѣхъ другихъ заслужившіе право на ужинъ, въ голодной тоскѣ переглядываются другъ съ другомъ.

— Что, братъ! — говоритъ Василій Николаичъ прапор-

Digitized by Google

щику Коловоротову:—видно, не заслужилъ! А мы вотъ, видишь, какую индѣйку тутъ кушаемъ!

— Вамъ сейчасъ подадутъ, господа! — лебезитъ Марья Ивановна:—ужъ вы покушайте стоя, какъ Богъ послалъ!

— Дожидайся — подадутъ! — отзывается Василій Николаичъ.

И дѣйствительно, блюда проходятъ мимо «сверхштатныхъ» совершенно опустошенными, и ужинъ оканчивается, не удѣливъ имъ ни единой крупицы.

Надо отдать полную справедливость Марьѣ Ивановнѣ: она тоже ничего не ѣла.

— Ухъ, скуки-то, скуки-то!—говоритъ господинъ Змѣищевъ, сходя по лѣстницѣ.

— А каковъ ужинъ-то? — спрашиваетъ Василій Николаичъ у Харченки, который идетъ, понуривъ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ... ахъ, срамъ какой!—замѣчаетъ Порфирій Петровичъ.

— А я-то старался, всѣхъ удерживалъ! — говоритъ Василій Николаичъ.

Всѣ смѣются.

— Ну, ужъ «пріятное» семейство! — раздается чей-то голосъ въ толпѣ.

Digitized by Google

III.

БОГОМОЛЬЦЫ, СПУТНИКИ И ПРОѢЗЖІЕ.

Общая картина.

Утро. Спятъ еще чиновники крутогорскіе, утомленные тянувшимся за полночь преферансомъ; спятъ негоціанты, угорѣвшіе отъ излишняго употребленія съ вечера водки и тенерифа; откупщикъ разметалъ на постели свое нѣжное тѣло, и снится ему сонъ... Снится ему, будто чиновникамъ не нужно давать ни денегъ, ни водки, а кабаки попрежнему открываются до обѣдни и закрываются далеко за полночь. Частный приставъ Рогуля выползъ на минуту изъ-подъ стеганаго одѣяла, глянулъ мутными глазами на улицу, испилъ кваску, молвилъ: «рано!» и побрелъ опять на кровать досыпать веселый сонъ.

Однако, на улицѣ уже шумно и людно; толпы женщинъ всякаго возраста, съ котомками за плечами и посохами въ рукахъ, тянутся длинными вереницами къ соборной площади. Уже показалось веселое солнышко и привѣтливо заглянуло всюду, гдѣ праздность и изнѣженность не поставили ему искусственныхъ преградъ; заиграло оно на золоченыхъ шпиляхъ церквей, позолотило тихія, далеко разлившіяся воды рѣки Крутогорки, согрѣло лучами своими влажный воздухъ и прогнало, вмѣстѣ съ тьмою, чер

Digitized by Google

ную заботу изъ сердца... Солнышко, солнышко! какъ не любить тебя!

Май ужъ на исходѣ. Въ этотъ годъ онъ какъ-то особенно тепелъ и радошенъ; деревья давно одѣлись густою зеленью, которая не успѣла еще утратить свою яркость и пріобрѣсти лѣтніе тусклые тоны. Въ воздухѣ, однакожъ, слышится еще весенняя свѣжесть; рѣки еще черезъ край полны воды, а земля хранитъ еще свою плодотворную влажность на благо и крѣпость всякому злаку растущему.

Соборная площадь кипитъ народомъ; на огромномъ ея просторѣ снуютъ взадъ и впередъ пестрыя вереницы богомолокъ; нѣкоторыя изъ нихъ, въ ожиданіи благовѣстнаго колокола, расположились на землѣ, поближе къ полуразрушенному городскому водоему, наполнили водой берестяные бураки и отстегнули запыленныя котомки, чтобы вынуть оттуда далеко запрятанные и долгое время береженные мѣдные гроши на свѣчу и на милостыню. Тутъ же, между ними, сидятъ на землѣ группы убогихъ, слѣпыхъ и хромыхъ калѣкъ, изъ которыхъ каждый держитъ въ рукахъ деревянную чашку и каждый тянетъ свой плачевный, захватывающій за душу, стихъ о пресвѣтломъ потерянномъ раѣ, о пустынномъ «нужномъ» житіи, о злой превѣчной мукѣ, о грѣшной душѣ, не соблюдавшей ни середы, ни пятницы... Тутъ же, около воткнутыхъ въ землю колышковъ, изображающихъ собою временныя ярмарочныя помѣщенія, толкаются расторопные мѣщане и подгородные крестьяне, притащившіеся на ярмарку съ бураками, ведерками, горшками и другимъ деревенскимъ припасомъ. И весь этотъ людъ суетится, хлопочетъ и безпрерывно обновляется новыми толпами богомолокъ, приходящими Богъ вѣсть изъ какихъ странъ. Гулъ толпы ходитъ волнами по площади, принимая то веселые и беззаботные, то жалобные и молящіе, то трезвые и суровые тоны.

У меня во пустыни много нужи пріяти,
У меня во пустыни постомъ попоститися,

Digitized by Google

У меня во пустыни скорбя поскорбѣти,
У меня во пустыни терпя потерпѣти...

—голоситъ заунывно одна группа нищихъ, и десятки рукъ протягиваются съ копеечками къ деревяннымъ чашкамъ убогихъ калѣкъ.

— Помолись, родимый, за меня! помолись, миленькій,— говоритъ молодая бабёнка, опуская свою копеечку въ чашку слѣпенькаго старика, сидящаго на корточкахъ; но онъ, не обращая на это вниманія, продолжаетъ тоскливо тянуть свою пѣсню:

Не страши мя, пустыня, превеликими страхами...

— Издалеча, касатка, пришли?—спрашиваетъ молодуху сгорбленная и сморщенная старуха, тутъ же остановившаяся съ суковатою клюкой своей.

— Изъ Зырянъ, родимая, верстъ полтысячи болѣ будетъ; съ самаго съ Егорьева дни идемъ угоднику поклониться *).

— По обѣщанью, что ли?

— Пообѣщались, баушка: вотъ третій годъ замужемъ, а дѣтей все Богъ не даетъ...

Старуха вздыхаетъ.

— А мы такъ вотъ тутошніе, — говоритъ она, шамкая губами:—верстъ за сто отселева живемъ... Человѣкъ я старый, никому ненужный, ни порѣбить, ни въ избѣ посмотрѣть... Глазами-то плохо ужъ вижу: намеднись, чу, робенка — правнучка мнѣ-то — чуть въ корытѣ не утопила... Вотъ и отпустили къ угоднику...

— Чай, пѣшкомъ пришла, баунька? — спрашиваетъ молодуха, покачивая головой.

— На своихъ все на ногахъ... охромѣла я нонече, а то какъ бы не сходить сто верстъ!.. Больно ужъ долго шла... охъ, да и котомка-то плечи щемитъ!

*) *Изъ Зырянъ, въ Зыряны.* Такимъ образомъ простой народъ называетъ Усть-Сысольскій уѣздъ и смежныя ему мѣстности Вологодской, Пермской и Вятской губерній.

Digitized by Google

Молодуха молчитъ, поглядывая, пригорюнившись, на старуху.

— Чтой-то ужъ и смерть-то словно забыла меня, касатка!—продолжаетъ старуха.—Ровно ужъ и скончанія житію-то не будетъ... а тоже хлѣбъ вѣдь ѣмъ, на печи чужое мѣсто залеживаю... знобка я ужъ нонѣ стала!

— Чай и грошика-то у тебя, баушка, нѣту?

— Нѣтъ, таки далъ внучекъ грошикъ... Сынокъ-отъ у меня, видно, померъ, такъ внучекъ въ дому хозяйствуетъ... далъ грошикъ... какъ же! свѣчу поставить надо...

Новая толпа богомолокъ прерываетъ начатый разговоръ.

Всякімъ грѣшникамъ
Будетъ мука разная...

—раздается въ одной группѣ нищихъ.

Народился злой антихристъ,
Во всю землю онъ вселился,
Во весь міръ онъ воружился,
Стали его волю творити:
Власы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити...

—раздается въ другой группѣ.

«Порадѣйте, православные, на церковное строеніе! святому угоднику на встрѣтеніе!» Такъ взываетъ небольшой, колченогій мужичокъ, бойко пробираясь на своей деревяшкѣ сквозь густую толпу богомольцевъ. Черезъ плечо у него перекинута ременная перевязь, съ прикрѣпленнымъ къ ней небольшимъ деревяннымъ ящикомъ, въ который православные опускали свои посильныя жертвы.

— Здравствуйте, баринъ миленькій!—говоритъ мнѣ добрая гражданка Палагея Ивановна, встрѣчаясь со мной.

— Здравствуйте, Палагея Ивановна! Скажите, пожалуйста, отчего нищіе только и поютъ, что про антихриста да про муки разныя?

— И, баринъ! это ужъ заведенье у нихъ такое, не замай ихъ!

Digitized by Google

Палагея Ивановна ходитъ по площади съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ и раздаетъ ихъ нищимъ и бѣднымъ богомолкамъ, въ родѣ той старухи, о которой упомянуто выше. За ней плетется шестилѣтняя племянница съ калачикомъ въ рукахъ и по временамъ отламываетъ отъ него воробьиную дачу.

— Тётонька! дать слѣпенькому калачика?—спрашиваетъ она всякій разъ Палагею Ивановну.

— Дай, умница; слѣпенькій за тебя Богу помолитъ.

И воробьиная дача, вмѣстѣ съ копеечкой Палагеи Ивановны, опускается въ чашку убогаго..

— А вѣдь ваша Сашенька будетъ прѣдобрая, — говорю я Палагеѣ Ивановнѣ.

— Ничего, баринъ, пущай пріучается.

Палагея Ивановна продолжаетъ свой обходъ и всѣхъ надѣляетъ грошиками; Сашенька тоже вынимаетъ изъ узелка третій калачикъ и, по мѣрѣ своего разумѣнія, подражаетъ дѣлу благотворенія своей тетки.

Есть люди, которые думаютъ, что Палагея Ивановна благотворитъ по тщеславію, а не по внутреннему побужденію своей совѣсти, и указываютъ въ особенности на гласность, которая сопровождаетъ ея добрыя дѣла. Я, съ своей стороны, искренно убѣжденъ, что это мнѣніе самое неосновательное, потому что достаточно взглянуть на ея милое, сіяющее добродушіемъ и искренностью лицо, чтобъ убѣдиться, что этой свѣжей и свѣтлой натурѣ противна всякая ложь, всякое притворство. Если всѣ ея поступки гласны, то это потому, что въ провинціи вообще сохраненіе тайны—вещь матеріально невозможная, да и притомъ потребность благотворенія не есть ли такая же присущая намъ потребность, какъ и тѣ движенія сердца, которыя мы всегда привыкли считать законными? Слѣдовательно, и она, такъ же какъ эти послѣднія, должна удовлетворяться совершенно естественно, безъ натяжекъ, безъ приготовленій, безъ задней мысли, по мѣрѣ того, какъ представляется случай, и Па-

Digitized by Google

лагея Ивановна, по моему мнѣнію, совершенно права, дѣлая добро и тайно, и открыто, какъ придется.

Я вообще чрезвычайно люблю нашъ прекрасный народъ и съ уваженіемъ смотрю на свѣжіе и благодушные типы, которыми кишитъ народная толпа. Конечно, мы съ вами, мсьё Буеракинъ, или съ вами, мсьё Озорникъ, слишкомъ хорошо образованы, чтобъ приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ этими мужиками, отъ которыхъ пахнетъ печенымъ хлѣбомъ или кислыми овчинами, но издали поглядѣть на этихъ загорѣлыхъ, коренастыхъ чудаковъ мы готовы съ удовольствіемъ. Я даже съ гордостью сознаюсь, что когда на театрѣ авторъ выводитъ на первый планъ русскаго мужичка и рекомендуетъ ему отхватать въ-присядку, или же, собравъ на сцену достаточное число опрятно одѣтыхъ дѣвицъ въ тѣлогрѣяхъ, заставляетъ ихъ оглашать воздухъ звуками русской пѣсни, я чувствую, что въ сердцѣ моемъ дѣлается внезапный приливъ, а глаза застилаются туманомъ, хотя, конечно, въ камаринской нѣтъ ничего унылаго.

«Grands dieux! — говорю я себѣ, выходя изъ театра: — какъ мы, однакожъ, выросли, какъ возмужали! Давно ли русскій мужичокъ, cet ours mal léché, являлся на театральный помостъ за тѣмъ только, чтобъ сказать слово: «кормилецъ», «шея лебединая, брови соболиныя», чтобы прокричать завѣтную фразу, въ родѣ «идемъ!» «бѣжимъ!» или же отплясать гдѣ-то у воды полуиспанскій танецъ — и вотъ теперь онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣменитъ ногами и кувыркается на самой авансценѣ и оглашаетъ воздухъ неистовыми криками своей пѣсни! Grands dieux! какъ мы выросли!»

Но я оставляю свои размышленія до болѣе удобнаго времени и продолжаю свое странствованіе по площади.

На бревнахъ, наваленныхъ въ одномъ углу ея, я вижу нѣсколько странницъ, сѣвшихъ для отдыха.

— Житье-то у насъ больно неприглядное, Петровна, — говоритъ одна изъ нихъ, пожилая женщина:—земля—тундра

Digitized by Google

да болотина, хлѣбъ ни то родится, ни то нѣтъ; семья большая, кормиться нечѣмъ... Ты тò посуди, отколь пòдать-то взять?.. Ну, Семенъ-отъ Иванычъ и толкуетъ: надо, говоритъ, выселяться будетъ...

— Поди, чай, стараго-то мѣста жалко?—спрашиваетъ ея собесѣдница.

— Какъ не жалѣть? Извѣстно, жалко! Кабы не нужда, такъ коли же отъ родителей безъ ума бѣжать!

— Да нонѣ чтой-то и вездѣ жить некорыстно стало. Какъ старики-то поразскажутъ, такъ чтò встарину-то одного хлѣба родилось! А нонѣ и земля-то словно родить перестала... Да и народъ безъ христіанства сталъ... Шли мы этта на богомолье, такъ по дорогѣ-то не то чтобъ тебѣ копеечку или хлѣбца, Христа ради, подать, а еще тебя норовятъ оборвать... Все больше по лѣсочкамъ и ночлежничали.

— Чтò говорить, Петровна! Въ нашей вотъ сторонкѣ и не знавали прежде, каковъ таковъ замòкъ называется; а нонче пошли воровства да грабительства... Господи! чтò только будетъ!

— А далече ли переселенье-то вамъ будетъ?

— Да баетъ старикъ, что далече, по за Пермь: въ сибирскія страны перетаскиваться придется... Ты возьми, сколько одной дорòгой-то нужи примешь!..

— А вотъ отъ насъ тоже въ тѣ стороны переселенцы бывали, такъ пишутъ, что куда тамъ хорошо: и хлѣбъ родится, и скотинка живетъ.

— Такъ-то такъ, Петровна, да ужъ больно родителей жалко! Вѣдь ихъ здѣсь и помянуть будетъ некому...

Разсказчица тяжело вздыхаетъ; собесѣдница вторитъ ей, и разговоръ, повидимому, стихаетъ. Я говорю: «повидимому», потому что этой боли сердечной, этой нуждѣ сосущей, которую мы равнодушно называемъ именемъ ежедневныхъ, будничныхъ явленій, никогда нѣтъ скончанія. Онѣ безконечно зрѣютъ въ сердцѣ бѣднаго труженика, вы-

Digitized by Google

ражаясь въ жалобахъ, всегда однообразныхъ и всегда безплодныхъ, но, тѣмъ не менѣе, повторяющихся безпрерывно, потому что человѣку невозможно не стонать, если стонъ, совершенно созрѣвшій, безъ всякихъ съ его стороны усилій, вылетаетъ изъ груди его.

— Такъ-то, вотъ, братъ, — говоритъ пожилой и очень смирный съ виду мужичокъ, встрѣтившись на площади съ своимъ односельяниномъ:—такъ-то, вотъ, и Матюшу въ некруты сдали!

Въ загорѣлыхъ и огрубѣвшихъ чертахъ лица его является почти незамѣтное судорожное движеніе, въ голосѣ слышится дрожаніе, и обычный сдержанный вздохъ вырывается изъ груди.

— А добрый парень былъ,—продолжаетъ мужичокъ: — какова есть на свѣтѣ муха, и той не обидѣлъ, рѣбилъ непрекословно, да и въ некруты непрекословно пошелъ, даже голосу не далъ, какъ «лобъ» сказали!

Воображенію моему вдругъ представляется этотъ славный, смирный парень Матюша, не то чтобъ веселый, а скорѣй бѣязный, трудолюбивый и честный. Я вижу его за сохой, бодраго и сильнаго, несмотря на капли пота, струящіяся съ его загорѣлаго лица; вижу его дома, безропотно исполняющаго всякую домашнюю нужду; вижу въ церкви Божіей, стоящаго скромно и истово знаменующагося крестнымъ знаменіемъ; вижу его позднимъ вечеромъ, засыпающаго сномъ невинныхъ послѣ тяжкой дневной работы, для него никогда не кончающейся. Вижу я и старика-отца, и старуху-мать, которые радуются не нарадуются на ненаглядное дѣтище; вижу урну съ свернутыми въ ней жеребьями, слышу слова: «лобъ», «лобъ», «лобъ»...

— Что жъ, помолиться, что ли, ты пришелъ, дядя Иванъ?— спрашиваетъ у мужика его собесѣдникъ.

— Да, вотъ, къ угоднику... помиловалъ бы Онъ его, нашъ Батюшка!—отвѣчаетъ старикъ прерывающимся голосомъ.—

Digitized by Google

Никакого, то-есть, даже изъяну въ немъ не нашли, въ Матюшкѣ-то: тѣло-то, слышь, бѣлое-разбѣлое, да крѣпко таково.

. . . . . .

И вся эта толпа пришла сюда съ чистымъ сердцемъ, храня, во всей ея непорочности, душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу Божьяго угодника. Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого неудержимаго стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка. На меня вѣетъ невѣдомою свѣжестью и благоуханіемъ, когда до слуха моего долетаетъ все то же тоскливое голошеніе убогихъ нищихъ:

Придетъ мать весна-красна
Лузья, болота разольются;
Древа листьями одѣнутся,
И запоютъ птицы райски
Архангельскими голосами;
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!

— Нѣтъ, не покину! — готовъ я воскликнуть вмѣстѣ съ Осафьемъ-царевичемъ:

Разгуляюсь я во пустынѣ, во зеленой во дубравѣ,
Насмотрюсь во пустынѣ на различные свѣты...

Но вотъ раздался благовѣстъ соборнаго колокола: толпа вдругъ заколыхалась, и вся, какъ одинъ человѣкъ, встала...

Въ третьемъ часу пополудни площадь уже пуста; кой-гдѣ перерѣзываютъ ее нехитрые экипажи губернскихъ аристократовъ, спѣшащихъ въ соборъ или же въ городской садъ, чтобы оттуда поглазѣть на народный праздникъ. Народъ весь спустился внизъ, къ рѣкѣ, и разсѣлся на безчисленное множество лодокъ, готовыхъ къ отплытію вслѣдъ за великимъ угодникомъ. На берегу разгуливаетъ праздная толпа горожанокъ, облаченныхъ въ лучшія свои одежды.

Digitized by Google

— Марья Матвѣевна-съ, можетъ, вамъ прохладиться угодно-съ?— говоритъ канцелярскій чиновникъ Потѣшкинъ полной и краснощекой дѣвицѣ, идущей рядомъ съ своей сухощавою родительницей.

Потѣшкинъ—рослый мужчина, одѣтъ по послѣдней крутогорской модѣ; шея у него повязана желтымъ батистовымъ платкомъ, а въ рукахъ блеститъ стальная тросточка, которою онъ эффектно помахиваетъ. Эта тросточка стоила ему мѣсячнаго жалованья, но нельзя не сознаться, что въ ней Потѣшкинъ пріобрѣлъ вещь дѣйствительно полезную, потому что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнимается и дозволяетъ ему сооружать походный стальной чубукъ и обжигать имъ губы сколько душѣ угодно.

— Да чѣмъ же прохладиться, Петръ Никитичъ?—томно отвѣчаетъ Марья Матвѣевна, имѣющая виды на руку и сердце Потѣшкина.

— Прохладительныя разныя бываютъ-съ! Можно этта въ питейный сбѣгать, пива купить...

— Да вы ужъ на свой счетъ, Петръ Никитичъ!

— Помилуйте-съ... на что же-съ! Павелъ Иванычъ! Павелъ Иванычъ! побереги, братъ, Марью Матвѣевну, покуда я въ питейный за пивомъ сбѣгаю!

— Преуслужливый кавалеръ Петръ Никитичъ! — замѣчаетъ Марья Матвѣевна вслѣдъ удаляющемуся Потѣшкину. — Вотъ вы бы никогда не поступили такъ благородно, Павелъ Иванычъ.

— Это онъ по несообразности своей, — сонно отвѣчаетъ Павелъ Иванычъ.

— И какъ завсегда чисто одѣтъ! Даже за канцеляриста признать нельзя...

— Все въ долгъ, Марья Матвѣевна-съ...

— Это нужды нѣтъ; образованному человѣку завсегда свою чистоплотность наблюдать слѣдуетъ... Вотъ зато и невѣсту хорошую себѣ найдетъ, а вы не найдете!

— Я скорѣе найду-съ.

Digitized by Google

— Вотъ любопытно! Ужъ не думаете ли вы, что изъ себя очень занимательны?

— Нѣтъ-съ, я найду не по красотѣ, а по своей основательности-съ... Онъ что̀ найдетъ? Онъ горечь какую-нибудь найдетъ! а я желаю за себя купеческую дочь взять, чтобъ за ней, по крайности, тысяча серебра числилась...

— Да! отдадутъ за васъ!

— За меня отдадутъ-съ... У меня, Марья Матвѣевна, жалованье небольшое, а я и тутъ способы изыскиваю... Стало-быть, всякій купецъ такому дочь свою, зажмуря глаза, препоручить можетъ... Намеднись иду я по улицѣ, а Сокуриха-купчиха смотритъ изъ окна: «вотъ, говоритъ, солидный какой мужчина идетъ»... такъ, стало-быть, цѣнятъ же!.. А за что̀? не за вертопрашество-съ!

— Ну, ужъ нашли кого! Сокуриху! Право смѣхъ!

Эта группа смѣняется другою, состоящею изъ четырехъ женщинъ и равнаго числа мужчинъ.

— А мы вотъ такъ, Петръ Ѳедорычъ, сдѣлаемъ,—говоритъ одинъ изъ мужчинъ:—мы махнемъ на перепутье къ Пазухину на заводъ, да тамъ такую лихорадку отзвонимъ, что цѣлую недѣлю послѣ того угоримъ!

— Да Пазухинъ-то нонче не больно разгуляться даетъ!—говоритъ со вздохомъ Петръ Ѳедорычъ.

— Что̀ ты! да какъ онъ осмѣлится! А я ему въ лицо наплюю, если онъ всю нашу прихоть не исполнитъ...

— Развѣ ужъ для васъ, Николай Тимоѳеичъ!

— Еще бы онъ посмѣлъ!—вступается супруга Николая Тимоѳеича, повисшая у него на рукѣ.—У Николая Тимоѳеича и дѣла-то его всѣ—стало-быть, какой же онъ подчиненный будетъ, коли начальниковъ своихъ уважать не станетъ?

— Я, братъ Петръ Ѳедорычъ, такъ тебѣ скажу,—продолжаетъ Николай Тимоѳеичъ:—что хотя, конечно, я деньгами отъ Пазухина заимствуюсь, а все-таки, если онъ меня, окромѣ того, уважать не станетъ, такъ я хоша деньги

Digitized by Google

ему въ лицо и не брошу, однако досаду большую ему сдѣлаю.

— Еще бы!—отзывается супруга.

— И если у него за обѣдомъ уха подается розная, получше гостямъ со стерлядями, а похуже—съ окунями, такъ онъ мнѣ съ окунями не подавай, потому что я сдѣлаю ему невѣжество...

— Что говорить, Николай Тимоѳеичъ, вы человѣкъ нужный, властный!

— Я у него въ домѣ что хошь дѣлаю! Чтобъ фруктъ былъ—будетъ и фруктъ... всякій расходъ онъ для меня сдѣлать долженъ... И стало-быть, если я тебя и твоихъ семейныхъ къ Пазухину приглашаю, то ты можешь ѣхать безо всякой опасности.

— Хорошо вамъ на свѣтѣ жить, Николай Тимоѳеичъ!—говоритъ со вздохомъ Петръ Ѳедорычъ.—Вотъ и въ равныхъ съ вами чинахъ нахожусь, а все счастья нѣтъ.

— Этотъ, братъ, ты сюжетъ оставь!.. Всякое мѣсто своего обладателя знаетъ, а потому оно и дается такому человѣку, который свой предметъ въ существѣ веществъ понимаетъ.

Эту компанію смѣняетъ парочка: мужъ съ женой, тоже въ гражданскихъ костюмахъ.

— Ты мнѣ вотъ и платьишка-то порядочнаго сдѣлать не можешь,—говоритъ жена:—а тоже на гулянье идетъ!

— Молчи, сударыня, молчи!

— Мнѣ на что молчать? Мнѣ на то Богъ языкъ далъ, чтобъ говорить... Только отъ тебя и словъ, что молчать... а тоже гулять идетъ!

— Вотъ ужо погоди, домой придемъ!

— Ишь гуляльщикъ какой нашелся! женѣ шляпки третій годъ купить не можетъ... Ты развѣ голую меня отъ родителей бралъ? Чай, тоже всего напасено было.

— Молчи, говорятъ тебѣ, молчи, змѣя!

— Что ужъ ты, видно, бить меня хочешь за то, что я

Digitized by Google

тебѣ справедливость свою высказываю!.. Что жъ, бей! По крайности, пусть на народѣ посмотрятъ, каково мнѣ съ тобой житье... со сквалыжникомъ!

Пара проходитъ мимо.

— А что̀ наши господа!—говоритъ лакей одного изъ знакомыхъ мнѣ губернскихъ аристократовъ.—Только развѣ что понятіе одно, что господа... да и понятія-то нѣтъ!

— Господа бываютъ разные,—вступается другой лакей:—одинъ господинъ своего понятія не имѣетъ, такъ отъ слуги понятіемъ заимствуется! Другой, напротивъ того, желаетъ, чтобъ отъ него слуга понятіемъ заимствовался...

— А вотъ у нашихъ господъ такъ и своего-то понятія нѣтъ, да и отъ нашего брата заняться ничѣмъ не хотятъ,—замѣчаетъ третій лакей.

— Это, братъ, самое худое дѣло,—отвѣчаетъ второй лакей:—это все равно значитъ, что въ домѣ большого нѣтъ. Примѣрно, я теперь въ домѣ у буфета состою, а Петровъ состоитъ по части комнатнаго убранства... стало-быть, если безъ понятія жить, онъ въ мою часть, а я въ его буду входить, и будемъ мы, выходитъ, комнаты два раза подметать, а посуду, значитъ, немытую оставимъ.

— Господинъ хошь и господинъ, а тоже зря выговаривать не долженъ,—благоразумно замѣчаетъ первый лакей.

— Какъ можно зря выговаривать! Это значитъ человѣка только запугать и въ неспособность его произвести.

— А слышалъ, Михей, что̀ съ Петрушкой съ Порфирьевскимъ намеднись случилось... Баринъ-отъ пришелъ, а онъ спалъ на лавкѣ, да вскочивши съ-просоньевъ и ну въ холодной печкѣ кочергой мѣшать..

— Во снѣ, должно-быть, видѣлъ, что печку топитъ!

— Что̀ другого и видѣть-то! всякій свою ремесленность видитъ! Вотъ я нонче три ночи сряду все во снѣ сапоги чищу..

— Господа! разступитесь, разступитесь, сдѣлайте ваше одолженіе!—кричитъ частный приставъ Рогуля, протиски-

Digitized by Google

ваясь брюхомъ въ толпу.—Ты, мужикъ, чего тутъ сталъ? Развѣ здѣсь твое мѣсто?

Послѣднія слова относятся къ зазѣвавшемуся субъекту, обладающему бородой и облаченному въ сѣрый кафтанъ. Толпа раздается, и на сцену является генеральша Дарья Михайловна Голубовицкая. Генеральша очень видная и красивая женщина; въ ея поступи и движеніяхъ замѣчается та неробкость, которая легко дается всякой умной женщинѣ, поставленной обстоятельствами выше общаго уровня толпы; она очень хорошо одѣта, что также придаетъ не мало блеска ея прекрасной внѣшности. Впереди идутъ два маленькіе сына генеральши, но такіе миленькіе, «такія душки», какъ говорятъ въ провинціи, что ихъ скорѣе можно признать за хорошія конфетки, нежели за мальчиковъ. Генеральша окружена цѣлою толпою придворныхъ льстецовъ, которые наперерывъ усиливаются очаровать ее своимъ остроуміемъ, любезностью и преимущественно щегольскимъ французскимъ языкомъ. Въ особенности же суетится и хлопочетъ кругленькій и пузатенькій помѣщикъ Загржембовичъ, который то забѣжитъ впередъ и полюбуется на дѣтей, то опять поравняется съ Дарьей Михайловной, и всегда найдется сказать что-нибудь лестное и пріятное. Губернская молодежь безъ ума отъ Дарьи Михайловны.

— Quel charme que cette femme!—говоритъ Леонидъ Сергѣевичъ Разбитной, который, по смерти князя Чебылкина, охотно пристроился подъ крыло генерала Голубовицкаго. Дарья Михайловна слышитъ это и слегка улыбается тою сладкою улыбкой, которая принадлежитъ только хорошенькимъ женщинамъ, вполнѣ увѣреннымъ въ своемъ торжествѣ.

Шествіе замыкается самимъ генераломъ Голубовицкимъ, одѣтымъ въ вицмундирный фракъ и идущимъ, какъ прилично высокому губернскому сановнику, съ заложенными за спину руками. Сановитость генерала такова, что ника-

Digitized by Google

кое самое обстоятельное описаніе не можетъ противостоять ея лучамъ; высокій ростъ и соотвѣтствующее тѣлосложеніе придаютъ ему еще болѣе величія, такъ что его превосходительству стоитъ только повернуть головой или подернуть бровью, чтобы тьма подчиненныхъ бросилась впередъ, съ цѣлью произвести порядокъ. Генералъ также окруженъ своимъ штатомъ, но это не вертопрахи какіе-нибудь, а люди солидные, снискавшіе общее уваженіе черезъ доказанную ими преданность или же способность къ пріобрѣтеніямъ всякаго рода. Тутъ вижу я и знакомца моего Порфирія Петровича, который, по мелкости своего роста, обязывается дѣлать два шага тамъ, гдѣ его превосходительству приходится дѣлать только одинъ. Тутъ же и добродушный глава «пріятнаго семейства», господинъ Размановскій, отпущенный своею супругой погулять, и по этому случаю улыбающійся до самаго затылка. Тутъ же и величественный директоръ народнаго училища, у котораго на лицѣ начертано: «азъ есмь уныніе и тошнота, ибо корни ученія горьки и лишь плоды его сладки», и много другихъ еще, высокихъ и маленькихъ, пузатенькихъ и тщедушныхъ, горделивыхъ и смирныхъ.

Генеральша пожелала отдохнуть. Частный приставъ Рогуля стремглавъ бросается впередъ и очищаетъ отъ народа ту часть берегового пространства, которая необходима для того, чтобъ открыть взорамъ высокихъ посѣтителей прелестную картину отплытія святыхъ иконъ. Неизвѣстно откуда, внезапно являются стулья и кресла для генеральши и ея приближенныхъ. Правда, что въ помощь Рогулѣ выросъ изъ земли отставной подпоручикъ Живновскій, который, изъ любви къ искусству, суетится и распоряжается, какъ будто ему обѣщали за труды повышеніе чиномъ.

Судя по торжественному виду, съ которымъ Живновскій проходитъ мимо генеральши, нельзя не согласиться, что онъ долженъ быть совершенно доволенъ собой. Онъ какъ-то изгибаетъ свою голову, потрясаетъ спиной и не-

Digitized by Google

премѣнно прикладываетъ къ козырьку руку, когда приближается къ ея превосходительству.

— Мсьё Загржембовичъ, сядьте подлѣ меня! —говоритъ Дарья Михайловна.—Я хочу, чтобъ вы были сегодня моимъ чичероне.

Загржембовичъ устремляется къ генеральшѣ, садится на стулъ нѣсколько бокомъ и всю особу свою привѣтливо наклоняетъ по направленію къ ея превосходительству.

— Скажите, пожалуйста, въ вашихъ мѣстахъ такихъ процессій не бываетъ?—спрашиваетъ Дарья Михайловна.

— Oh, madame, mais comment donc! le peuple est dans l'enfance chez nous comme ailleurs. Mais c'est bien plus beau chez nous.

— Вы несправедливы, мсьё Загржембовичъ, вы личную свою досаду переносите на насъ, бѣдныхъ крутогорскихъ жителей...

— Только не на васъ, Дарья Михайловна!

— Посмотрите на эту толпу, одѣтую въ пестрые праздничные свои наряды, — продолжаетъ генеральша, не обративъ вниманія на комплиментъ своего усерднаго поклонника:—mais je vous demande un peu, si ce n'est pas joli?

— Oui, c'est joli, mais chez nous c'est imposant, c'est beau! Разница между этимъ зрѣлищемъ и тѣми, которыя я когда-то имѣлъ случай видѣть, та же самая, какъ между женщиной, которую мы называемъ не болѣе какъ миленькою, и женщиной... mais vous savez: il y a de ces femmes qui par leurs traits, leur port vous rappellent ces belles statues de l'antiquité!..

Загржембовичъ масляно взираетъ на Дарью Михайловну, которая, съ своей стороны, чувствуя, что комплиментъ сказанъ ей, такъ сказать, въ упоръ, впадаетъ по этому поводу въ задумчивость и предается самымъ сладостнѣйшимъ мечтаніямъ. И она тоже, belle âme incomprise, принуждена влачить son existence manquée въ незнаемомъ Крутогорскѣ, гдѣ о хорошенькой женщинѣ говорятъ съ какимъ-то небла-

Digitized by Google

говиднымъ причмокиваньемъ, гдѣ не могутъ имѣть понятія о тѣхъ тонкихъ, эѳирныхъ нитяхъ, изъ которыхъ составлено все существо порядочной женщины... И передъ глазами ея на-яву проносится сонъ... сонъ, котораго горячая атмосфера полна зовущихъ звуковъ и раздражающихъ благоуханій. Глаза ея ласково жмурятся, на губахъ показывается улыбка, и все ея хорошенькое тѣло лѣниво опускается на спинку неудобнаго кресла, которое принесено сюда, благодаря услужливости подпоручика Живновскаго.

— А все-таки это мило!— говоритъ она медленно, какъ бы просыпаясь отъ сна.

— Русскій народъ благочестивъ—это хорошо!— ораторствуетъ, въ свою очередь, супругъ ея, генералъ Голубовицкій.

— Благочестіе—основаніе всякаго знанія, ваше превосходительство!—замѣчаетъ директоръ училища.

— Всякаго знанія,—добродушно повторяетъ Размановскій.

— Это чувство въ немъ надо поддержать,—продолжаетъ генералъ, гордо озираясь.

Частный приставъ Рогуля, который это озираніе принимаетъ за желаніе со стороны его превосходительства, чтобъ гдѣ-нибудь произведенъ былъ порядокъ, стремглавъ бросается въ сторону и начинаетъ толкаться.

— Рогуля! не надо!—величественно замѣчаетъ генералъ.

— Тутъ многіе есть такіе, ваше превосходительство,— вступается Порфирій Петровичъ:— которые цѣлыя тысячи верстъ прошли, чтобъ поклониться угоднику!

— Это весьма любопытно,—замѣчаетъ генералъ.

— Губернія эта самая отличная,— говоритъ Порфирій Петровичъ:—это, можно сказать, непочатой еще край...

— Въ однѣхъ нѣдрахъ земли сколько богатствъ скрывается!—перебиваетъ директоръ.

— Постараемся развить!—отвѣчаетъ генералъ.

Но вотъ снова понеслись изъ всѣхъ церквей звуки колоколовъ: духовная процессія съ крестами и хоругвями

Digitized by Google

медленно спускается съ горы къ рѣкѣ; народъ благоговѣйно снимаетъ шапки и творитъ молитву... Черезъ полчаса берегъ дѣлается попрежнему пустыннымъ, и только зоркій глазъ можетъ различить вдали флотилію, уносящую пеструю толпу богомольцевъ.

Отставной солдатъ Пименовъ.

На завалинкѣ, у самаго почтоваго двора, расположился небольшого роста старичокъ въ военномъ сюртукѣ, запыленномъ и вытертомъ до крайности. Онъ снялъ съ плеча мѣшокъ, вынулъ оттуда ломоть чернаго, зачерствѣвшаго хлѣба, досталъ бумажку, въ которую обыкновенно завертывается странниками соль, посолилъ хлѣбъ и принялся за обѣдъ.

— Куда бредешь, старикъ?—спрашиваю я, садясь возлѣ него на завалинку.

— А вотъ, сударь, ко святымъ мѣстамъ собрался; да будто попристалъ маленько.

Солдатъ очень старъ, хотя еще бодръ; лицо у него румяное, но румянецъ этотъ старческій; подъ кожей видны жилки, въ которыхъ кровь кажется какъ бы запекшеюся; глаза тусклые и слезящіеся; борода, когда-то бритая, давно запущена; волосъ на головѣ мало. Потъ выступаетъ на всемъ его лицѣ, потому что время стоитъ жаркое, и идти пѣшему, да и притомъ съ ношею на плечахъ, должно-быть очень тяжело.

— Давно ты въ отставкѣ, старикъ?

— А какъ бы вамъ, сударь, не солгать? Лѣтъ съ двадцать пять больше будетъ. Двадцать пять лѣтъ въ отставкѣ, двадцать пять въ службѣ, да хоть двадцати же пяти на службу пошелъ... лѣтъ-то ужъ, видно, мнѣ много будетъ.

— Тяжело, чай, тебѣ идти?

— Тяжелина, ваше благородіе, небольшая. Не къ брагѣ, а за святымъ дѣломъ иду: какъ же можно, чтобъ тяжело

Digitized by Google

было! Извѣстно, иной разъ будто солнышко припечетъ, другой разъ дождичкомъ смочитъ, однако непереносная нѣту.

— Куда же идешь?

— И самъ, сударь, еще не знаю. Желаніе такое есть, чтобъ до Святой Горы дойти, а тамъ какъ Богъ дастъ.

Старикъ доѣлъ свой ломоть, перекрестился и вздохнулъ.

— Вотъ теперь кваску бы испить хорошо,—сказалъ онъ:—да отдохнуть бы, пока жара поспадетъ.

Подали, по моему приказанію, кружку квасу, къ которой старикъ припалъ съ видимымъ наслажденіемъ.

— Ну, вотъ этакъ-то ладно будетъ,—сказалъ онъ, переводя духъ:—спасибо, баринушко, тебѣ за ласку. Грошиковъ-то у меня, вишь, мало, а безъ квасу и идти-то словно неповадно... Спасибо тебѣ!

— Какъ же ты, старина, въ такой дальній путь безъ грошиковъ собрался?

— Дойду, сударь: не впервóй эти походы дѣлать. Я сызмалѣтства къ странническому дѣлу приверженность имѣю, даромъ что солдатъ. Значитъ, я со всякимъ народомъ спознался, на всякіе свѣты наглядѣлся... Извѣстно, не безъ нужи! Такъ вѣдь душевное дѣло нужей-то еще больше красится!

— Они всѣ, ваше высокоблагородіе, такимъ манеромъ довѣренность въ человѣческое добросердечіе питаютъ!—вступился станціонный писарь, незамѣтно приблизившись къ намъ.—А что, служба, коли, неровенъ часъ, по дорогѣ лихой человѣкъ ограбитъ?—прибавилъ онъ не безъ иронiи.

— Гдѣ меня грабить! я весь тутъ какъ есть!—отвѣчалъ старикъ и вздохнулъ.

— Это именно удивленія достойно-съ!—продолжалъ философствовать писарь.—Сколько ихъ тутъ черезъ все лѣто пройдетъ, и даже никакой опаски не имѣютъ! Примѣрно, скажемъ хоть про разбойниковъ-съ; разбойникъ, хошь ты какъ хошь, все онъ разбойникъ есть, разбойничья у него душа—по этому самому и называется онъ кровопійцею,—такъ и разбойника даже не опасаются-съ.

Digitized by Google

— Что его опасаться? Разбойникъ денежнаго человѣка любитъ... денежнаго человѣка да грѣшнаго! А бѣднаго ему не надо... зачѣмъ ему бѣдный!

— Я такъ, ваше высокоблагородіе, понимаю, что все это больше отъ ихней глупости, потому какъ съ умомъ человѣкъ, особливо служащій-съ, всякаго случаю опасаться должонъ. Идешь этта иной разъ до города, такъ именно издрожишься весь, чтобъ кто-нибудь тебя не изобидѣлъ... Ну, а они что-съ? Такъ развѣ, убогонькіе!

— Развѣ ты не въ первый разъ ходишь? — спросилъ я старика, давъ время уняться потоку писарского краснорѣчія.

— Нѣтъ, сударь, много ужъ разъ бывалъ. Былъ и въ Кіевѣ, и у Сергія-Троицы былъ, ходилъ и въ Соловки не однова... Только вотъ на Святой Горѣ на Аѳонской не бывалъ, а куда, сказываютъ, тамъ хорошо! Сказываютъ, сударь, что такія тамъ есть пустыни безмолвныя, что и нехотящему человѣку не спастись невозможно, и такіе есть старцы-постники и подражатели, что даже самое закоснѣлое сердце словесами своими мягко якъ воскъ содѣлываютъ!.. Кажется, только бы Богъ привелъ дойти туда, такъ и животъ-то скончать не жалко!

— Эхъ, Антонъ Пименычъ! все это анекдотъ одинъ, — сказалъ писарь.—Извѣстно, странники оттелева приходятъ, такъ надо же побаловать языкомъ, будто какъ за дѣломъ ходили...

— Развѣ ты знаешь его?—обратился я къ писарю.

— Какъ же, ваше высокоблагородіе! онъ тутошній, верстъ пятнадцать отсель жительствуетъ.

— Тутошній я, сударь, тутошній. Только ты это не дѣло, писарёкъ, говоришь про странниковъ-то! Такая ли это матерія, чтобъ насчетъ ея одного баловства ради рѣчь заводить!

— Такъ неужто жъ и въ самъ-дѣлѣ противъ каждаго ихъ слова уши развѣсить надобно! Они, ваше высокоблагородіе, и нѣвѣсть чего тутъ, воротимшись, разсказываютъ... У насъ

Digitized by Google

вотъ туточка все слава Богу, ничего-таки не слыхать, а въ чужихъ людяхъ такъ и рѣки-то, по-ихнему, молочныя, и берега-то кисельные...

— Кисельные не кисельные, а это точно, что ты, писарёкъ, только по неразумѣнію своему странниковъ обхаиваешь... Странникъ человѣкъ убогой, ему лгать нѣ по што.

— Чай, и ты, старина, не мало видалъ на своемъ вѣку?— спросилъ я.

— Какъ, сударь, не видать? Видалъ довольно: видалъ, какъ и немощные крѣпость получали, и недужные исцѣлялися; видѣлъ бѣса, изъ жены изгоняемаго; слыхалъ звоны и гулы подземные; видалъ даже, какъ озеро внезапно яко вихремъ волнуемое содѣлывается, а вѣтру нѣтъ... Много я, сударь, видалъ!

— Поразскажи-ка, пока отдыхаешь.

— Да что, сударь, вамъ разсказать! Разскажешь, да вы не повѣрите; значитъ, въ соблазнъ васъ свести надо... Коли ужъ писарь зубы скалитъ, такъ благородному господину и подавно наша глупость несообразна покажется!

— Мнѣ, однакожъ, было бы пріятно послушать тебя.

— Вотъ какъ я вашему благородію скажу, что нѣтъ того на свѣтѣ знаменія, которое бы, по Божьему произволенію, случиться не могло! Только завѣрить трудно, потому какъ для этого надобно самому большую простоту въ сердцѣ имѣть—тогда всякая вещь сама тебѣ объявится. Иной человѣкъ ума и преизбыточнаго, а идетъ, примѣрно, хоть по полю, и ничего не замѣчаетъ. Потому какъ у него въ глазахъ и ширина, и долина, и высь, и травка, и быліе—все обыдень-дѣло... А иной человѣкъ, умомъ незлокозненнымъ, сердцемъ безхитростнымъ дѣйствующій, окромѣ ширины, и долины, и выси, слышитъ тутъ гласы архангельскіе, красы безтѣлесныя зритъ... Потому-то, смекаю я, простому человѣку скрижаль Божья завсегда противъ злохитраго внятнѣе...

— Нѣтъ, не потому это, Пименычъ,—прервалъ писарь:— а оттого, что простой человѣкъ, окромѣ какъ своего невѣ-

Digitized by Google

жества, натуральнаго естества ни въ жизнь произойти не въ силахъ. Ну, скажи ты самъ, какіе тутъ, кажется, гласы слышать? Извѣстно, трава зябѣтъ, хошь въ полѣ, хошь въ лѣсу—вездѣ одно дѣло!

— Скажу, примѣрно, хошь про себя,—продолжалъ Пименычъ, не отвѣчая писарю:—конечно, меня Господь разумѣніемъ выспреннимъ не одарилъ, потому какъ я солдатъ, и стало-быть даровъ прозорливства взять мнѣ не откуда; однако истину отъ неправды и я различить могу... И это именно такъ, что бываютъ на свѣтѣ такіе угодные Богу праведники и праведницы, которые единымъ простымъ своимъ сердцемъ непроницаемыя тайны проницаемыми содѣлываютъ, и въ грядущее, яко въ зерцало, очами безтѣлесными прозрѣваютъ!

Пименовъ на минуту задумался и потомъ продолжалъ:

— Обзнакомился я, напримѣръ, въ Кіевѣ, у мощей св. Варвары Великомученицы, съ нѣкою подобною праведницей, и много мнѣ отъ нея пріятныхъ словъ довелось услышать. И такая это была жена благочестивая, что когда Богу молилася, такъ даже пресвѣтлымъ облакомъ вся одѣвалась и премногія радостныя слезы ко Всевышнему проливала. И разсказывала мнѣ она, какъ однова стояла она въ церкви Божіей, въ великомъ сокрушеніи о грѣхахъ своихъ, а очи, будто по недостоинству своему, къ землѣ опустила... И вдругъ слышитъ она вблизи себя нѣкій тихій гласъ, вѣщающій: «Мавро! Мавро! почто, раба, стужаешься! воздвигни очи свои горѣ и возрадуйся!» И что жъ, сударь, взглянула она на алтарь, а надъ самымъ-таки престоломъ сіяніе, и такое оттуда благоуханіе исходитъ, что и рещи трудно... Такъ она послѣ этого три дня безъ словъ какъ бы нѣмая пребывала, и въ глазахъ все то самое сіяніе, такъ что стерпѣть даже невозможно! Такъ вѣдь были же тутъ, сударь, и другіе, а никто опричь ея видѣнія не удостоился! Вотъ оно, стало-быть, и выходитъ по-моему, что только простое, незлокозненное сердце святыней растворяться можетъ!

Digitized by Google

— Такъ, похвальбишка какая-нибудь!—сказалъ писарь, но Пименычъ даже не обратилъ на него вниманія и продолжалъ:

— Сказывала она мнѣ также, сударь, какія чудеса отъ нетлѣнныхъ мощей преподобнаго Сергія Радонежскаго содѣлываются. Пришелъ, ваше благородіе, къ ракѣ его человѣкъ нѣкій невѣрующій, и похвалялся тотъ человѣкъ, что хоша онъ и нарочито не повѣруетъ, а ничего яко бы отъ этого ему худого не сдѣлается. И едва, сударь, онъ это вымолвилъ, какъ почувствовалъ, что у него словно языкъ отнялся, такъ что послѣднихъ-то словъ даже и выговорить путемъ не могъ. Ну, тогда и подлинно увѣдалъ *господинъ* невѣрующій, что въ мощахъ преподобнаго великая сила сокрыта, и не токмо повѣровалъ, но и въ чернецы тутъ же постригся, а языкъ сталъ у него попрежнему.

— Изъ простыхъ была, что ли, эта Мавра?

— Была она, сударь, изъ преславнаго града Тюменя, изъ мѣщанъ; родителей имѣла сильныхъ и именитыхъ, которые суету мірскую превыше душевнаго подвига возлюбили. Она же по стопамъ родителей не пошла, и столь много даже сыздѣтства къ Богу прилѣпилась, что ни о чемъ больше не помышляла, развѣ о томъ, чтобы младыя свои страсти сокрушить и любить единаго Господа и Спаса своего. Такимъ, сударь, родомъ дожила она до такого времени, когда въ совершенный возрастъ пришла, и начали родители добывать ей мужа. Она же объ этомъ ни разу не только не помыслила, но даже со слезами къ стопамъ родительскимъ припадала, да не изгубятъ души ея запрасно. Однако они младого ея разуму не послушали и выдали ее замужъ почти полмертвую... И что жъ, сударь? Не прошло полгода, какъ мужъ у ней въ душегубствѣ изобличенъ былъ и въ работы сосланъ, а она осталась одинокою въ мірѣ сиротой... Вотъ какъ Богъ-то противляющихся Ему родителей наказываетъ! И съ тѣхъ съ самыхъ поръ дала она обѣтъ въ чистотѣ тѣлесной жизнь про-

Digitized by Google

вождать и дотолѣ странничать, доколѣ тѣло ея грѣшное подвигъ душевный переможетъ. И столь смиренна была эта жена, что даже и мужа своего погубленіе къ своимъ грѣхамъ относила и никогда не мыслила на родителей возроптать!

Пименовъ снова погрузился въ думу, между тѣмъ какъ писарь потихоньку посмѣивался и иронически мнѣ подмигивалъ.

— А разскажи-ка, Пименычъ, барину, какъ ты въ пустыняхъ странствовалъ,—сказалъ онъ.

— Бывалъ, сударь, я и въ пустынѣ. Пустыня — дѣло большое, и не всякій его вмѣстить можетъ. Доложу вамъ такъ: овый идетъ въ пустыню, чтобъ плоть свою соблюсти, работать ему не желается, подати платить неохота—онъ и бѣжитъ въ пустыню; овый идетъ въ пустыню по злокозненному своему разуму, чтобы ему, примѣрно, не Богу молиться, а кляузничать да стадо Христово въ соблазнъ вводить. А есть и такіе, которые истинно отъ страстей мірскихъ въ пустыню бѣгутъ, и ни о чемъ больше не думаютъ, какъ бы душу свою спасти. Это именно старцы разумные и великіе постники! Дотолѣ плоть въ себѣ умерщвляютъ, что она у нихъ прозрачна и суха содѣлывается, такъ что видомъ только плоть, а существомъ и похожаго на нее нѣтъ...

— И ты зналъ лично такихъ?

— Зналъ, ваше благородіе,—отвѣчалъ Пименовъ рѣшительнымъ голосомъ:—самъ своими глазами видалъ. Лѣтъ съ пятокъ тому будетъ, спознался я съ однимъ такимъ старцемъ—Вассіаномъ прозывался. Жилъ онъ въ пустынѣ болѣе сорока лѣтъ, жилъ въ строгости и тѣснотѣ великой, и столько полюбилось ему ея безмолвіе, что безъ слезъ даже говорить о ней не могъ. Объ одномъ только и тосковала душа его, чтобы тѣ претѣсныя евангельскія врата сыскать, чрезъ которыя могла бы прейти отъ мрачныя и прегорькія темницы въ присносущій и неумирающій свѣтъ райскаго житія... Сказывалъ онъ мнѣ житіе свое прежнее, и именно

Digitized by Google

удивленія это достойно, какъ Батюшка-то небесный тварь Свою безотмѣнно къ тайному концу приводитъ и самый даже нечистый сосудъ очищаетъ. Былъ, сударь, онъ до того времени и татемъ, и разбойникомъ, не мало невинныхъ душъ изгубилъ и крови невинной проліялъ, однако, когда посѣтила его благость Господня, такая ли вдругъ напала на него тоска, что даже помышлялъ онъ руки на себя наложить. Началъ онъ скучать и томиться, и не зналъ, гдѣ для себя мѣсто найти, потому что всѣ душегубства его прежнія непрестанно предъ глазами его объявлялись и всюду за нимъ преслѣдовали. И указалъ ему Богъ путь въ пустыню... Пришелъ онъ въ лѣсъ дремучій, темный, неисходимый, палъ на землю и возрыдалъ многими слезами. «О, прекрасная мати пустыня! прими мя грѣшнаго, прелестью плотскою яко проказою пораженнаго! О, мати пустыня! прими мя кающагося и сокрушеннаго, прими, да не изыду изъ тебя во вѣкъ и не до конца погибну!» И что жъ, сударь! едва лишь кончилъ онъ молитву, какъ почувствовалъ, что страсти его внезапно укротились, и онъ былъ лютъ яко левъ, а сдѣлался незлобивъ и кротокъ яко агнецъ.

— Да, можетъ-быть, онъ просто отъ наказанія скрывался?—спросилъ я.

— Объ этомъ, сударь, сказать я вамъ ничего не могу. Извѣстно, что наказаніе разбойнику слѣдуетъ; однако, если человѣкъ самъ свое прежнее непотребство восчувствовалъ, такъ наврядъ и палачъ его столь наказать можетъ, сколь онъ самъ себя изнуритъ и накажетъ. Наказаніе, ваше благородіе, не спасаетъ, а собственная своя воля спасаетъ... Не на радость и не на роскошество старецъ Вассіанъ въ пустыню вселился, а на скорбь и на нужу; стало-быть, не бѣжалъ онъ отъ наказанія, а самъ же его искалъ. И на каторгѣ хлѣбъ добрый и воду непорченную даютъ, а въ пустынѣ онъ корнями да травами питался, а воду пилъ гнилую и ржавую. Была у него въ самой лѣсной чащѣ сложена келья малая, такъ истинно человѣку въ ней жить

Digitized by Google

невозможно, а онъ жилъ! Стоять въ ростъ нельзя, а можно только лежать или на колѣнкахъ стоять... точно какъ гробу подобно! Окошечко вырублено малое, да и то безъ стекла, печки нѣтъ. Какъ только жилъ!

— Да вѣдь одежду-то нужно было ему какъ-нибудь доставать?—сказалъ я.

— А какая у него одёжа? Понитокъ черный да вериги желѣзныя — вотъ и одёжа вся. Извѣстно, не безъ того, чтобъ люди объ немъ не знали; тоже прихаживали другіе, и милостыню старцу творили: кто хлѣбца принесетъ, кто холстеца; только мало онъ принималъ, развѣ по великой ужъ нуждѣ. Да и тутъ, сударь, много разъ при мнѣ скорбѣлъ, что, по немощи своей, не можетъ совершенно отъ міра укрыться и полнымъ сердцемъ всего себя Богу посвятить!

— Какимъ же образомъ ты-то дошелъ до него?

— Кто много ищетъ, ваше благородіе, тотъ безотмѣнно находитъ. Самъ я, по неразумію своему, хотя не силенъ духовнаго подвига преодолѣть, однако къ подражателямъ Христовымъ великое почитаніе имѣю. Стало-быть, того поспрошаю, у другого навѣдаюсь, ну, и дойду какъ-нибудь до настоящаго. Такъ-то было и тутъ. Пришелъ я къ нему, по милости добрыхъ людей, въ лѣтнее время, потому что зимой и жилья по близности нѣтъ, а съ старцемъ поселиться тоже невозможно. Не малое-таки время и искалъ-то я его, потому что лѣсъ большой и заплутанный, а тропокъ никакихъ нѣту; только вотъ, походивши довольно, вдругъ вижу: сидитъ около кучи валежника старецъ, видомъ чуденъ и сѣдинами благолѣпными украшенъ; сидитъ, сударь, и лапотиночку ветхую чинитъ. А это онъ самый и былъ, Вассіанъ, а куча-то валежника для того, вишь, имъ сюда снесена, чтобъ отъ непогодъ укрыть его келью тѣсную... И много я въ ту пору отъ него словъ великихъ услышалъ, и много дивился его житію, что онъ, какъ птица небесная, беззаботенъ живетъ и объ одномъ только Господѣ и Спасѣ ра-

Digitized by Google

дуется.—Какъ же ты зимой тутъ живешь, старче?—спросилъ я его.—«А отчего мнѣ-ка не жить,—отвѣчалъ онъ:—снѣгомъ келейку мою занесетъ, вотъ и тепло мнѣ; живу безъ нужды, имя Христово прославляючи». И чудо, сударь, сказывалъ онъ мнѣ: даже звѣри дикіе, и тѣ отъ сладкаго его гласа кротки пребывали! Пришла, сударь, по одинъ день зимой къ его кельѣ волчица, и хотѣла старца благочестиваго съѣсти, а онъ только поглядѣлъ на нее да сказалъ: почтò, звѣрь лютый, съѣсти мя хощеши?» и подалъ ей хлѣба, и стала, сударь, волчица лютая яко ягня кротка и пошла отъ старца вспять!

— Вѣдь чего не выдумаютъ!—прервалъ писарь.—Ну, статочное ли дѣло, чтобы волчица человѣка не задрала! Вѣдь она, Пименычъ, только аппетитъ свой знаетъ, а разуму въ ней настоящаго нѣтъ!

— Стало-быть, есть, коли вотъ простого старцева слова послушалась!.. И еще разсказывалъ мнѣ, сударь, старецъ Вассіанъ, какія въ пустыняхъ подвижникамъ Христовымъ искушенія великія бываютъ. Стоитъ, сударь, онъ однажды въ кельѣ на молитвѣ, и многія слезы о прегрѣшеніяхъ своихъ предъ Господомъ проливаетъ. И вдругъ является предъ нимъ юница добрая, одежды никакія не имуща, а тѣломъ яко снѣгъ сверкающа; является предъ нимъ, бедрами потрясаетъ, главою киваетъ, очами помаваетъ. И взговорила ему та юница: «старче убогій, Вассіане! прислалъ меня къ тебѣ князь мой, да услажду тя отъ красоты моея!» Только онъ, сударь, плюнулъ и отвернулся, а знаменія крестнаго, по неосторожности, не сотворилъ. И взяла его та юница за руки, и взглянула ему въ самыя очи, и ощутилъ Вассіанъ, яко нѣкій огнь въ сердцѣ его горитъ, и увидѣлъ пламень злой изъ очей ея исходящъ, и зрѣлъ уже себя ввереннымъ въ пропасть огненную... Но тутъ десница Божія поддержала и вразумила его: освободилъ онъ коекакъ руки отъ когтей діавольскихъ и сотворилъ крестное знаменіе... И стало мѣсто это опять пусто, только слышалъ

Digitized by Google

онъ, какъ нѣкто вблизи его сказалъ: «подождемъ мало, теперь еще не время»... И долго-таки не отставалъ отъ него врагъ человѣческій; и на другой, и на третій день все эта юница является и думала его прелестьми своими сомутить— только онъ догадался да крестъ на нее и надѣлъ... такъ повѣрите ли, сударь? вмѣсто юницы-то очутился у него въ рукахъ змѣй преогромный, который, пошипѣвъ мало, и поползъ изъ келіи вонъ... Такъ вотъ какіе соблазны и въ пустынномъ житіи подвижниковъ великихъ преслѣдуютъ.

Кончивъ этотъ разсказъ, Пименычъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, какъ будто хотѣлъ подмѣтить въ немъ признаки того глумленія, которое онъ считалъ непремѣнною принадлежностью «благороднаго» господина. Но этого глумленія не было. Пускай станціонный писарь, пунктъ за пунктомъ, доказываетъ несбыточность показаній Пименова, но я съ своей стороны не имѣю силы опровергнуть ихъ. Передо мною ярко и осязательно выступаетъ всемогущее дѣйство вѣры, и подъ обаятельнымъ вліяніемъ этой юной и свѣжей народной силы внятною дѣлается для меня скрижаль Божія.

Вѣроятно Пименычъ замѣчаетъ это, потому что глядитъ на меня какъ-то особенно ласково и весело.

— Такъ какъ же тутъ не повѣруешь, сударь!—говоритъ онъ, обращаясь уже исключительно ко мнѣ:—конечно, живемъ мы вотъ здѣсь въ углу, словно въ языческой сторонѣ, ни про чудеса, ни про знаменія не слышимъ, ну и Богато ровно забудемъ. А придешь, напримѣръ, хошь въ Москву, а тамъ и камни-то словно говорятъ! Пойдутъ это сказки да разсказы: тамъ, послышишь, цѣленіе чудесное совершилось; тамъ будто надъ невѣрующимъ знаменіе Свое Богъ показалъ, ну и восчувствуешь, и растопится въ тебѣ сердце, мягче воску сдѣлается!..

Въ это время подошла пожилая женщина тоже въ странническомъ одѣяніи и остановилась около насъ. Пименовъ узналъ ее.

Digitized by Google

— А что, Пахомовна,—спросилъ онъ:—видно, тоже Богу помолиться собралась?

— Собралась, голубчикъ, да чтой-то ужъ и не знаю, дойти ли: ништо разломило всеё!

— А посиди съ нами, касатка: баринъ добрый, кваску велитъ дать... Вотъ, сударь, и Пахомовна, какъ не я же, остатнюю жизнь въ странничествѣ препровождаетъ,—обратился Пименовъ ко мнѣ:—да и другихъ много такихъ же найдется...

Пахомовна набожно перекрестилась.

— Нашего брата, странника, на святой Руси много,—продолжалъ Пименовъ: — въ иную обитель придешь, такъ даже сердце не нарадуется, сколь тѣсно бываетъ отъ множества странниковъ и вѣрующихъ. Теперь вотъ далеко ли я отъ дому отшелъ, а и тутъ попутчицу себѣ встрѣтилъ; а тамъ, что ближе къ святому мѣсту подходить станемъ, то больше народу прибывать будетъ; со всѣхъ, сударь, дорогъ все новые странники прибавляются, и придешь ужъ не одинъ, а во множествѣ... такъ, что ли, Пахомовна?

— Такъ, голубчикъ, на народѣ и Богу молиться веселѣе.

— Лѣто-то все такимъ родомъ проходишь, а зиму прозимуешь у мощей святыхъ или у образа чудотворнаго, а потомъ опять лѣто пространствуешь, да ужъ на другую зиму домой воротишься... И чего-чего тутъ не наслышишься, и какихъ Божіихъ чудесъ не насмотришься! Довольно того, напримѣръ, что въ Соловкахъ объ лѣтнюю пору даже и ночи совсѣмъ нѣтъ! И такова, сударь, благость Господня, что только по началу и чувствуешь, будто ноги у тебя устаютъ, а потомъ даже и усталости никакой нѣтъ, — все бы шелъ да шелъ. Идешь этта временемъ жаркіимъ, по лѣсочкамъ прохладнымъ, пташка Божья тебѣ пѣсенку поетъ, вѣтерочки мягкіе главу остужаютъ, листочки звуками тихими въ ушахъ шелестятъ... и столько становится для тебя радостно и незаботно, что даже плакать можно!.. Идемъ, что ли, Пахомовна?

Digitized by Google

Пименовъ всталъ, снялъ шапку, поклонился мнѣ и писарю, потомъ нѣсколько разъ перекрестился и заковылялъ по дорогѣ рядомъ съ Пахомовной.

Пахомовна.

Собралася Ѳедосьюшка свѣтъ-Пахомовна въ путь во дороженьку, угодникамъ Божіимъ помолиться, святымъ прославнымъ мѣстамъ поклониться. Оболокалася Пахомовна въ ризы смиренныя странническія, препоясывалась она нуждой да терпѣньицемъ, обувалася она въ чоботы строгіе. «Ужъ вы, чоботы мои, чоботы строгіе, сослужите мнѣ службу вѣрную, доведите меня до святыхъ угодниковъ, до святыхъ угодниковъ, ихъ райскихъ обителей! Ты прости, государь-батюшка, ты прости, государыня-матушка! Помолитесь вы за мою душеньку грѣшную, чтобы та душа грѣшная кресту потрудилася, потрудившись, въ свѣтлыя обители вселилася».

Идетъ Пахомовна путемъ-дороженькой первый день, идетъ она и другой день; на третій день нѣтъ у Пахомовны ни хлѣбца, ни грошика; что взяла съ собой, все поистеривала на бѣдныхъ, на нищихъ, на убогіихъ. Идетъ Пахомовна, закручинилась: «какъ-то я, горькая сирота, до святого града доплетусь? Поѣсти-испити у меня нечего, милостыню сотворить — не изъ чего, про путь, про дороженьку поспрошать—не у кого!»

И видитъ Пахомовна, впереди у нея стоитъ дубравушка; стоитъ свѣтъ-дубравушка веселая, а муравушка въ ней зеленая. Садится Пахомовна середь той дубравушки, садится и горько плачется: «ты взмилуйся надо мной, государыня дубрава зеленая! пріюти ты мое недостоинство, ты насыть меня алчную, ты напой меня жадную!» Вдругъ предсталъ передъ ней медвѣдь-лютый звѣрь; задрожала-испугалась Пахомовна того звѣря лютаго, звѣринаго его образа невиданнаго; взговорила она ему: «ты помилуй

Digitized by Google

меня, лютый звѣрь, ты не дай мнѣ помереть смертью жестокою, не вкусимши Святаго Причастія, въ прегрѣшеніяхъ не покаявшись!»

И держалъ ей медвѣдь такую рѣчь: «Ты на что, Божья раба, испужалася! Мнѣ не надобно тѣло твое худое, постомъ испощенное, трудомъ изможденное! Я люблю ѣсти тѣлеса грѣшныя вынѣженныя, что къ церкви Божьей не хаживали, середы-пятницы не имывали, великаго говѣнья не гавливали, постомъ не постилися, трудомъ не трудилися! А тебѣ принесъ я, странница, медвяный сотъ, твою нужу великую видючи, о слезахъ твоихъ сокрушаючись!»

И дивилася много Пахомовна той Божіей милости, благому Божіему произволенію!

Идетъ Пахомовна путемъ-дороженькой, призастигла ее ночка темная. Не видитъ Ѳедосьюшка жила человѣческаго, не слышитъ человѣчьяго голосу; кругомъ шумятъ лѣса неисходные, пріутихли на деревахъ птицы воздушественныя, пріумеркли въ небесахъ звѣзды ясныя; собираются въ нихъ тучи грозныя, тучи грозныя собираются, огнемъ-полымемъ разсѣкаются... Раздалися гулы-громы подземные, стонетъ отъ нихъ матушка сыра земля, стонетъ, дрожитъ, хочетъ восколыбнуться. Растужилася Пахомовна отъ великаго страха и ужаса: «Не страши мя, Государь Небесный Царь, превеликими ужасами; Ты не дай мнѣ померети безо времени, не дай скончать живота безъ Святаго Пристія, безъ слезнаго покаянія!»

По молитвѣ ея въ лѣсу мѣсто очищается; стоятъ передъ нею хоромы высокія, высокія рубленныя, тесомъ крытыя; въ тѣхъ хоромахъ идетъ всенощное пѣніе; возглашаютъ попы-діаконы славу Божію, поютъ они гласы архангельскіе, архангельскія пѣсни херувимскія, величаютъ Христа Царя Небеснаго, со Отцемъ и Святымъ Духомъ спокланяема и сославима. А на самомъ порогѣ у хоромъ хозяинъ стоитъ, хозяинъ мужъ честенъ и праведенъ, сѣдинами благолѣпными изукрашенный. Онъ убогую старицу зазываетъ, свѣтъ-

Digitized by Google

Пахомовну ночевать унимаетъ, за бѣлыя руки ее принимаетъ. «Ты, хозяюшка молодая, и вы, дѣтки малыя! упокойте вы старицу Божію, старицу Божію, странницу убогую!» — «Отдохни ты здѣсь, Ѳедосьюшка! услади, свѣтъ-Пахомовна, душу твою гласами архангельскими, утоли твой гладъ отъ ѣства небеснаго!» И брала свѣтъ-Пахомовну за руки хозяйка младая, въ большое мѣсто ее сажала, ноздѣ ея умывала, питьями медвяными, ѣствами сладкими потчивала. Наслушалась Пахомовна архангельскихъ голосовъ, насладилася честныхъ пѣсней херувимскіихъ, а отъ сладкаго ѣства и мѣдвянаго пойла отказалася.

И взговорила она ко хозяину, прощаючись: «Кто же ты еси, человѣче, что меня гладную воскормилъ, жаждущу воспоилъ, въ дебрѣхъ блуждающую пріютилъ? Какъ помянуть мнѣ на молитвѣ святое твое имя богоданное?» Отвѣщалъ ей старецъ праведный: «Ты почто хощеши, раба, увѣдати имя мое? честно имя мое, да и грозно вельми; не вмѣстити его твоему убожеству; гладну я тебя воскормилъ, жаждущу воспоилъ, въ дебрѣхъ, въ вертепахъ тебя обрѣлъ— иди же ты, Божья раба, съ миромъ, кресту потрудися! уготовано тебѣ царство небесное, со ангели, со архангели, съ Асакомъ-Обрамомъ-Іаковомъ—уготована пища райская, одежда во вѣки неизносимая!»

И дивилася много Пахомовна той Божіей милости, благому Божіему произволенію!

Идетъ Пахомовна путемъ-дороженькой; идетъ-идетъ, кручинится: «Какъ же я, горькая сирота, во святой градъ приду? Масла искупити мнѣ не на что, свѣщу поставить угоднику не изъ чего, милостыню сотворити нищему и убогому — нечѣмъ! И предсталъ передъ ней змѣй-скорпій, всѣхъ зміевъ естествомъ злѣйшій, отъ Бога за погубленіе человѣческое проклятый. И рекъ ей тотъ змѣй: «Не страшись мя, старица убогая, приползъ я къ тебѣ не своимъ хотѣніемъ, а невольнымъ повелѣніемъ, притупилося у меня жало лютое, острое!»—Что же хочешь ты отъ меня, госу-

Digitized by Google

дарь лютый змѣй, поскуда, злющая ты гадина?—«А хощу я показать тебѣ мою сокровищницу; стерегу я ту сокровищницу денно и нощно многія тысящи лѣтъ, ни единому человѣчьему глазу невидимо, ни единому человѣчьему уху неслышимо! Много тамо смарагдовъ, яхонтовъ самоцвѣтныхъ; злата, сребра тамо мѣшки полные; услаждай свою душеньку до-сыта, насыпай свою котомочку странническую!» И привелъ ее змѣй къ пещерамъ глубокимъ, къ земнымъ разсѣдинамъ; отвалилъ онъ отъ пещеръ тѣхъ камень зѣло великъ, отворилъ сокровищницу тайную. Показалося оттудова пламя огненное: возопили бѣсы льстивыми голосами, восплакали лукавыми слезами, не хотѣли (яко бы) Пахомовну до злата допущать. А Пахомовна-то перекрестилася, бѣсовскую силу крестомъ побѣдила; первый-то мѣшокъ взяла—въ пропасть кинула огненную, а другой-то мѣшокъ взяла — по вѣтру злато развѣяла: насчитала она мѣшковъ число звѣрино шестьсотъ шестьдесятъ шесть, и всѣ-то раскидала, развѣяла.

И взговорила она тутъ змѣю-скорпію: «Захотѣлъ ты, слуга антихристовъ, великіимъ богачествомъ мое сердце уязвить; притворился ты, сосудъ діавольскій, агнцемъ кроткимъ, послушливымъ! Такъ не будетъ же по-твоему, гадина пресмыкающа: со мною сила крестная, со мною святыхъ угодниковъ пречестное воинство!» И сказавши такую рѣчь, загнала она поганаго змѣя въ земную разсѣдину и наваливала камнемъ великіимъ. Застонали бѣсы стонами веліими, заскрежетали они скрежетами зубовными и взмолилися тако убогой странницѣ Пахомовнѣ: «отпусти ты насъ, Ѳедосьюшка, на вольный свѣтъ, въ прелестный міръ! Что-то мы скажемъ нашему батюшкѣ, нашему батюшкѣ, самому сатанѣ!»

А Пахомовна идетъ путемъ-дороженькой, клюкою своею помахиваетъ, погубленію бѣсовскому посмѣивается да святымъ крестомъ ограждается. И вдругъ слышитъ она, словно въ котомочкѣ у нея стукъ-стукъ, а котомочка (знаетъ она)

Digitized by Google

была допрежъ того пустехонька; дивится Пахомовна, котомку отвязываетъ, и вдругъ обрѣтаетъ тамо золотую копеечку. «Ты отколѣ, золотая копеечка, проявилася? не изъ діавольскихъ ли рукъ сатанинскіихъ?» — «Не изъ діавольскихъ я изъ рукъ сатанинскіихъ, появилася я Христовымъ повелѣніемъ, на благія дѣла на добрыя, на масло на лампадное, на свѣщу воску яраго, на милостыню нищему-убогому!»

И дивилася много Пахомовна той Божіей милости, благому Божіему произволенію!

Распыхался же и сатана отъ погрому Пахомовнина; распалился онъ гнѣвомъ на странницу худую, безсильную, что этакая ли странница безсильная, а надъ хитростью его геенскою посмѣялася, вѣрныхъ слугъ его, сатаны, въ земную разсѣдину запрятала, а казну его беззаконную всю развѣяла. Возсѣлъ онъ на престолѣ на огненномъ, на главу воздѣлъ вѣнецъ зміиный и позвалъ передъ себя слугъ своихъ вѣрныхъ: «Гой вы, слуги мои, слуги-бѣси проклятіи! сослужите вы мнѣ службу вѣрную; изобидѣла меня странница худая Пахомовна, посмѣялася надъ моимъ сатанинскіимъ величествомъ!»

И по тому его сатанинскому повелѣнію разлеталися бѣсы послушные; разлетались они по вольному свѣту, прелестному міру; умышляли, како уловить имъ свѣтъ-Пахомовну.

Пришла она на ту пору на распутіе; лежатъ передъ нею три дороженьки, и не знаетъ старица, по которой идти.

Повстрѣчался съ ней тутъ младый юношъ прекрасный (а и былъ онъ тотъ самый злохитрый слуга сатанинъ); онъ снималъ передъ ней свою шапочку, ниже пояса старицѣ кланялся, ласковыя рѣчи разговаривалъ. «Ужъ ты матушка ли моя свѣтъ-Пахомовна! истомилася ты во чужой сторонушкѣ, истомилася-заблудилася, настоящую праву дороженьку позапамятовала!» Взмолилася ему тутъ Пахо-

Digitized by Google

мовна: «Ты младый юношъ прекрасный! укажи мнѣ правую дороженьку, что̀ ведетъ къ преславнымъ градамъ, гдѣ пророки пророчествовали, гдѣ святіи мученики кровь честную пролили, гдѣ святители православные прехвальное житіе свое провождали». Повелъ ее младъ юношъ по средней дороженькѣ, по той торной дороженькѣ, гдѣ ходятъ люди грѣшные. Разстилается передъ ней дороженька широкая, грѣшными стопами убитая, любодѣевыми одеждами выметенная. Усумнилася странница свѣтъ-Пахомовна: «Разгони ты, младый юношъ, мое неразумьице, отчего наша дорога торна̀-широка, а въ писаніи про райскій путь такъ не сказано?» Отвѣщалъ ей тогда добрый молодецъ: «пожди мало, Пахомовна! впереди еще будетъ узокъ путь, будетъ узокъ путь и ужасенъ путь!»

И привелъ онъ ее къ лѣсу темному; въ тыимъ лѣсѣ одни только дерева-осины проклятыя: листами дрожатъ, на весь міръ злобствуютъ. Догадалася тогда Пахомовна, что пришла она въ мѣсто недоброе; изымалъ ее самъ злой духъ-сатана со своими проклятыми деймонами; помутился у ней свѣтъ въ очахъ, и дыханьице въ груди замерло, подломилися ноги скорыя, опустилися руки бѣлыя. Вокругъ лежатъ болота смрадныя; поднимаются кверху отъ нихъ туманы зловонные, застилаючи солнце праведное, насылаючи безо времени ночь ужасную. Хочетъ она крестъ сотворить — руки отнялись; хочетъ молитву сказать — языкъ онѣмѣлъ; хочетъ прочь бѣжать—ноги не слушаются.

Разступилася вдругъ подъ нею мать сыра-земля, и разверзлася вся преисподняя огненная. Сидитъ самъ сатана, исконный врагъ человѣческій, сидитъ онъ на змѣѣ трехглавномъ огненномъ; проворные бѣсы кругомъ его грѣшниковъ мучаютъ, надъ тѣлесами ихъ беззаконными тѣшатся, пилятъ у нихъ руки-ноги пилами острыми, бьютъ ихъ въ уста камнями горячими, тянутъ изъ нихъ жилы щипцами раскаленными, велятъ лизать языкомъ сковороды огненныя, дерутъ имъ спины гребенками желѣзными... А по воздуху

Digitized by Google

летаютъ огнекрылатые зміи-аспиды, образъ дѣвичій имущи, хоботъ скорпіевъ, а по полу скачутъ жабы проклятыя, мечутся крысы злыя огненныя, ползутъ черви ядовитые... Вопіютъ грѣшники и грѣшницы ко Господу: «Господи, избавь насъ отъ рѣки огненной, отъ рѣки огненной, муки вѣковѣчныя, отъ скрежета ужаснаго зубовнаго и отъ тьмы несвѣтимыя! Господи! не вели палить нашихъ лицъ огнюжупелу, остуди наши гортани росою небесною! И вы, великіе Божіи угодники! пророцы, апостоли, страстотерпцы Христовы мученики и святіи святители! не можно ли вамъ за насъ помолитися?»

Чуетъ Пахомовна: волокутъ и ее злые деймоны ко престолу сатанинскому огненному. Распалилася она вдругъ ревностью многою, благочестіемъ великіимъ, восплакала слезами горькими, возговорила словесами умиленными: «Господи Спасе Христосъ Истинный, почто оставилъ Ты рабу Свою? почто предалъ меня на погубленіе бѣсу лукавому?»

Отъ того ея гласа молитвеннаго отшатнулися злые деймоны, отшатнулись яко вихремъ гонимые, и низвергнулись въ преисподнюю. И потухло вдругъ пламя геенское, затворилася пропасть огненная, опустилися туманы зловонные и засіяло вновь солнце праведное!

И видитъ Пахомовна: передъ нею святая обитель стоитъ тихая, мужми праведными возвеличенная, посредѣ ея златыя главы на храмахъ свѣтятся, и въ тѣхъ храмахъ идетъ служба вѣчная, неустанная. Поютъ тамо гласами архангельскіими пѣсни херувимскія, честное и великолѣпное имя Христово прославляючи со Отцемъ и Святымъ Духомъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Хрептюгинъ и его семейство.

На постоялый дворъ, стоящій въ самомъ центрѣ огромнаго села, въѣзжаютъ четыре тройки. Первая, заложенная въ тарантасъ чудовищныхъ размѣровъ, везетъ самихъ хо-

Digitized by Google

зяевъ; остальныя три заложены въ простыя кибитки, изъ которыхъ въ одной помѣщаются два господина въ гражданскомъ платьѣ, въ другой—приказчикъ Петръ Парамонычъ, тучный малый, въ замасленомъ длинноломъ сюртукѣ, и горничная дѣвушка; въ третьей—поваръ съ кухнею.

— Архипъ! а, Архипъ! смотри-кось, братъ, какую машинищу Иванъ Онуфричъ изладилъ!—кричитъ Петръ Парамонычъ, выскочивъ изъ кибитки и указывая на четвероместный тарантасъ, поворачивающій въ глубинѣ двора.

Хозяинъ, онъ же и Архипъ, мужикъ, раздувшійся отъ чрезмѣрнаго употребленія чая, съ румянымъ лицомъ, украшеннымъ окладистою бородкой и парою маленькихъ и веселыхъ глазъ, въ одной александрійской рубашкѣ, подпоясанной ниже пупка, подходитъ къ тарантасу Ивана Онуфрича, окидываетъ взглядомъ кузовъ, потомъ нагибается и ощупываетъ оси и колеса, потряхиваетъ легонько весь тарантасъ и говоритъ:

— Барская штука! Въ Москвѣ, что ли, ладили?

— Гдѣ въ Москвѣ! своими мастерами дѣлали! Тутъ одного желѣза пятнадцать пудовъ, поди, будетъ.

— Да; ладная штука!.. На богомолье, что ли, господа собрались?

— Да, на богомолье, то-есть, больше, какъ бы сказать, для блезиру прогуляться желательно.

— Такъ-съ... а ничего нонче сказать: на богомолье много господъ ѣздятъ, а чернаго народу да бабъ такъ и ужасти сколько!

Въ это время проходитъ по двору женщина, засучивши сарафанъ и неся въ одной рукѣ ведро воды, а другую, вѣроятно для равновѣсія, держа наотмашь.

— Ѳеклинья! брось ведро да подь сюда! Посмотри-кось, какую карету Иванъ Онуфричъ изладилъ! — кричитъ ей тотъ же Петръ Парамонычъ.

Ѳеклинья не смѣетъ ослушаться; она ставитъ ведро на

Digitized by Google

земь, но, подошедши, только покачиваетъ головой и шепчетъ: «ишь ты!»

— Да ты что жъ ничего не говоришь! ты посмотри, каковы оси-то!.. глупая!

— Гдѣ ей, батюшка, Петръ Парамонычъ, въ этакомъ дѣлѣ смыслить!—вступается Архипъ и, обращаясь къ Феклиньѣ, прибавляетъ: — Ты смотри, самоваръ скорѣе ставь для гостей дорогихъ!

— А я было воду-то для странницъ несла; больно ужъ испить имъ хочется! Кваску бы имъ дать, да ты не велѣлъ...

— До нихъ ли теперь! Видишь, господа купцы наѣхали! Обождутъ, не велики барыни!

— А что, Демьянычъ, видно, на квасъ-то скупенекъ, братъ, сталъ,—говоритъ ямщикъ, откладывая коренную лошадь. — Разбогатѣлъ, знать, такъ и прижиматься сталъ!.. Ну-ко, толстобрюхій, полѣзай къ хозяевамъ, да скажи, что ямщикамъ, молъ, на чай надо! — прибавляетъ онъ, обращаясь къ Петру Парамонычу.

Между тѣмъ, предметъ этихъ разговоровъ, Иванъ Онуфричъ Хрептюгинъ, расположился ужъ въ свѣтелкѣ съ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ супруги, дочери и сына, и съ двумя товарищами, сопутствующими ему въ особомъ экипажѣ. Хрептюгинъ, купецъ первой гильдіи, потомственный почетный гражданинъ, зѣваетъ и потягивается. Дорога утомила и разслабила его нѣжное тѣло; въ особенности же губительно подѣйствовала она на ноги почетнаго гражданина, несмотря на то, что ноги эти, по причинѣ необыкновенной тонкости кожи, обуты въ бархатные сапоги. Причина этого губительнаго дѣйствія заключается въ томъ, что, сооружая себѣ «карету», Иванъ Онуфричъ не столько думалъ объ удобствахъ, сколько о томъ, чтобъ желѣза и дубу было вволю, и чтобъ вышла *карета* «православнымъ аханье, нѣмцамъ смерть и сухота». Хрептюгинъ—мужчина лѣтъ сорока пяти, изъ себя видный и высокій, одѣтый по-

Digitized by Google

нѣмецкому и не дозволяющій себѣ ни малѣйшаго волосяного украшенія на лицѣ. Походку имѣетъ онъ твердую и значительную, хотя, по старой привычкѣ, ходитъ бо́льшею частью заложивши руки назадъ. Многіе еще помнятъ, какъ Хрептюгинъ былъ сидѣльцемъ въ питейномъ домѣ и какъ онъ въ то время рапортовалъ питейному ревизору, именно заложивши назадъ руки, но стоя не перпендикулярно, какъ теперь, а потолику наклоненно, поколику дозволяли это законы тяготѣнія, отъ какового частаго стоянія, должно полагать, и осталась у него привычка закладывать назади руки. Многіе помнятъ также, какъ Иванъ Онуфричъ въ ту пору поворовывалъ, и какъ питейный ревизоръ его за волосяное царство таскивалъ; помнятъ, какъ онъ постепенно, тихимъ манеромъ идя, снялъ сначала одинъ уѣздъ, потомъ два, потомъ и цѣлую губернію; какъ самая кожа на его лицѣ изъ жесткой постепенно превращалась въ мягкую, а изъ загорѣлой въ бѣлую... Но, разумѣется, всѣ эти воспоминанія передаются только шопотомъ, и присутствіе Хрептюгина вмигъ заставляетъ умолкнуть злые языки.

Супруга его, Анна Тимоѳеевна, дама весьма сановитая, но ограниченная, составляетъ непрестанно болящую рану Хрептюгина, потому что сколько онъ ни старался ее обшлифовать, но она еще до сихъ поръ, тайкомъ отъ мужа, объѣдается квашеною капустой и опивается бражкой. Нерѣдко также обмолвливается она непріятными словами, въ родѣ: «взопрѣть», «упаточиться», «тошнёхонько» и т. п., и если это бываетъ при Иванѣ Онуфричѣ, то онъ мечетъ на нее столь суровые взгляды, что бѣдная мгновенно утрачиваетъ свою сановитость, теряется и дѣлается способною учинить еще болѣе непростительную въ образованномъ обществѣ обмолвку.

Зато Аксинья Ивановна (о, сколь много негодовалъ на себя Иванъ Онуфричъ за то, что произвелъ это дитя еще въ тѣ дни, когда находился въ «подломъ» состояніи! Иначе нарекъ ли бы онъ ее столь неблагозвучнымъ именемъ!)

Digitized by Google

представляетъ изъ себя типъ тонкой и образованной дѣвицы. Она столько во всѣхъ наукахъ усовершенствована, что даже и *papa* своему не можетъ спустить, когда онъ, вмѣсто «труфель», выговариваетъ «трухель», а о *maman* нечего и говорить; она считаетъ ее рѣшительно неспособною имѣть никакого возвышеннаго чувства. Иванъ Онуфричъ, имѣя въ виду такую ея образованность, а также и то, что изъ себя она не сухопара, непремѣнно надѣется выдать ее замужъ за генерала. «Хоть бы съ улицы, хоть бы махонькаго какого-нибудь генералика!»—частенько думалъ онъ про себя, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, съ заложенными за спину руками.—«Ахъ, что это вы, папа, все за спиной руки держите, точно «чего изволите?» говорите!»—скажетъ Аксинья Ивановна, прерывая его попечительныя размышленія.—«Слушаю-съ, ваше превосходительство!»—отвѣтитъ Иванъ Онуфричъ, погладитъ Аксюту по головкѣ и станетъ держать руки по швамъ.

Совершенную противоположность съ своею сестрицей составляетъ рожденный уже по пріобрѣтеніи Иваномъ Онуфричемъ благъ цивилизаціи осьмилѣтній сынъ его, Démétrius Иванычъ. Хотя онъ одѣтъ въ бархатную курточку, но такъ какъ «отъ свиньи родятся не бобрёнки, а все поросёнки», то образъ мыслей и наклонностей его отстоитъ далече отъ благоуханной сферы, въ которой находятся его родители. Сыздѣтства головку его обуреваютъ разныя экономическія операціи, и хотя не бываетъ ни въ чемъ ему отказа, но такова уже младенческая его жадность, что, даже насытившись до болѣзни, все о томъ только и мнитъ, какъ бы съ отческаго стола стащить и подъ комодъ или подъ подушку на будущія времена сохранить. Къ изученію французскаго языка и хорошихъ манеръ не имѣетъ онъ ни малѣйшаго пристрастія, а любитъ больше смотрѣть, какъ деньги считаютъ, или вотъ заберется къ подвальному и смотритъ, какъ зеленое вино по штофикамъ разливаютъ, тряпочкой затыкаютъ да смолкой припечатываютъ. «Брысь, слякоть!»—

Digitized by Google

скажетъ ему подвальный Потапычъ, а онъ ничего, даже не обидится, только сядетъ въ уголокъ, да и наслаждается оттуда полегоньку. «Лютая бестія изъ тебя выйдетъ, Митька!»— скажетъ Потапычъ и примется снова за свое дѣло. Въ настоящее время Митька безпрестанно вынимаетъ изъ кармановъ своихъ шароваръ что-нибудь съѣдобное и меланхолически пожевываетъ.

Одинъ изъ спутниковъ Хрептюгина—армянинъ Халатовъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ бель-омовъ, которыхъ нѣкоторые остроумцы называютъ отвратительно-красивыми мужчинами. Говоритъ онъ по-русски хорошо, но ужъ по той отчетливости, съ которою выговаривается у него каждое слово, и по той дѣятельной роли, которую играютъ при произношеніи зубы и скулы, нельзя ошибиться насчетъ происхожденія этого героя. Впрочемъ, онъ нрава малообщительнаго, больше молчитъ, и во время всей послѣдующей сцены исключительно занимается всякаго рода жеваньемъ въ рекреаціонное же время вздыхаетъ и пускаетъ страстные взоры въ ту сторону, гдѣ находится Аксинья Ивановна, на сердце которой онъ имѣетъ серьезные виды.

Другой спутникъ—птица небольшая, да и немалая, той самой палаты столоначальникъ, которая и Хрептюгина, и Халатова, и всѣхъ армянъ, эллиновъ и іудеевъ воспитываетъ, «да негладны и безпечальны пребываютъ». Прозывается онъ Прохоръ Семеновъ Боченковъ, видомъ кляузенъ, жидокъ и зазоренъ, непрестанно чешетъ себѣ колѣнки, душу же хранитъ во всей чернильной непорочности, всегда готовую на послугу или на пакость, смотря по силѣ-возможности. Его тоже разломило въ дорогѣ, потому что онъ ходитъ по комнатѣ аки вѣтромъ колыхаемый, что возбуждаетъ немалую, хотя и подобострастную веселость въ Хрептюгинѣ. Везетъ его Иванъ Онуфричъ на свой счетъ.

— Видно, Богу помолиться собрались, Иванъ Онуфричъ?—спрашиваетъ вошедшій хозяинъ.

— Да, надо молиться. Онъ насъ милуетъ, и мы Ему

Digitized by Google

молиться должны, — отвѣчаетъ Иванъ Онуфричъ отрывисто.

— Изъ сидѣльцевъ... — начинаетъ Анна Тимоѳеевна, но Иванъ Онуфричъ бросаетъ на нее смертоносный взглядъ, и она робѣетъ.

— Вы вѣчно какую-нибудь глупость хотите сказать, maman!—замѣчаетъ Аксинья Ивановна.

— Что жъ за глупость! Извѣстно, папенька изъ сидѣльцевъ вышли, Аксинья Ивановна!—вступается Боченковъ и, обращаясь къ госпожѣ Хрептюгиной, прибавляетъ:—Это вы правильно, Анна Тимоѳеевна, сказали: Ивану Онуфричу денно и нощно Бога молить слѣдуетъ за то, что Онъ его, Царь Небесный, въ большіе люди произвелъ. Кабы не Богъ, такъ гдѣ бы вамъ родословной-то теперь своей искать? Въ червивомъ царствѣ, въ мушиномъ государствѣ! А теперь вотъ Иванъ Онуфричъ, подикось, отъ римскихъ цезарей, чай, себя по женской линіи производитъ!

Хрептюгинъ отъ души ненавидитъ Боченкова, но боится его, и потому только сквозь зубы цѣдитъ:

— Хоть бы при мужикѣ-то не говорилъ!

— А карету важную изладили, Иванъ Онуфричъ!—начинаетъ опять Демьянычъ, съ природною своею смѣтливостью догадавшійся, что положеніе Хрептюгина неловко.

— Карета недурна — такъ себѣ! — отвѣчаетъ Хрептюгинъ.—Что жъ, не въ телѣгахъ же ѣздить!

— Ай, какіе ужасы!—пищитъ Аксинья Ивановна.

— Какъ же можно въ телѣгахъ,—разсуждаетъ Демьянычъ:—вамъ, поди, и въ каретѣ-то тяжко... Намеднись Семенъ Николаичъ проѣзжалъ, тоже у меня стоялъ, такъ говоритъ: «я, говоритъ, Архипушко, дворецъ на колеса поставлю, да такъ и буду проклажаться!»

— Ну, ужъ ты тамъ какъ хочешь, Иванъ Онуфричъ,—прерываетъ Боченковъ, почесывая поясницу:—а я до слѣдующей станціи на твое мѣсто въ карету сяду, а ты сту-

Digitized by Google

пай въ кибитку. Потому что ты какъ тамъ ни ломайся, а у меня все-таки кости дворянскія, а у тебя холопскія.

Отъ этой рѣчи у Ивана Онуфрича спина холодѣетъ, и онъ спотыкается на ровномъ мѣстѣ.

— Въ Москвѣ, что ли, карету-то дѣлать изволили?—выручаетъ опять Демьянычъ.

— Своими мастеровыми!—отрывисто отвѣчаетъ Хрептюгинъ.

— Слышалъ, батюшка, слышалъ; сказываютъ, такой чугунный заводище поставили, что только на удивленіе!

— Я люблю, чтобъ у меня все было въ порядкѣ... заводъ такъ чтобъ заводъ, карета такъ карета... Въ Москвѣ дѣлаютъ и хорошо, да все какъ-то не по мнѣ!

— Ишь вѣдь какъ изладили! да что, по ресункамъ, что ли, батюшка! Не мало тоже, чай, хлопотъ было! Вотъ намеднись Семенъ Николаичъ говоритъ: «Ресунокъ, говоритъ, Архипушка, вещь мудреная: надо ее сообразить! Линія-то на бумагѣ все прямо выходитъ: что̀ глубина, что̀ долина̀! такъ надо, говоритъ, все сообразить, которую то-есть линію въ глубь пустить, которую въ долину̀, которую въ ширь»... Разговорился со мной—такой добрѣющій господинъ!

— Зато хорошо и выходитъ!

— Что̀ говорить, сударь, извѣстно, худо не хорошо, а хорошо не худо; такъ лучше ужъ, чтобъ все хорошо было!.. Что жъ, батюшка, самоварчикъ, что ли, наставить прикажете?

— Да тамъ у меня свой... серебряный самоваръ есть... Петръ Парамонычъ знаетъ.

— Ахъ, какъ жалко, что нашъ большой серебряный самоваръ дома остался!—замѣчаетъ Анна Тимоѳеевна.

— Почему же жалко-съ?—спрашиваетъ Боченковъ.

— Да ужъ я не знаю, Прохоръ Семенычъ, какъ вамъ сказать, а все-таки какъ-то лучше, какъ большой самоваръ есть.

— А оттого это жалко,—обращается Боченковъ къ Ар-

Digitized by Google

хину,—чтобы ты зналъ, борода, что у насъ, кромѣ малаго серебрянаго, еще большой серебряный самоваръ дома есть... Понялъ? Ну, теперь ступай, да торопи скорѣе малый серебряный самоваръ!

— Не мѣшало бы теперича и закусить,—говоритъ Халатовъ по уходѣ хозяина.

— Тебѣ бы только жрать,—отвѣчаетъ Боченковъ:—дай прежде горло промочить! Мочи нѣтъ какъ испить хочется! Съ этимъ серебрянымъ самоваромъ только грѣхъ одинъ!

— Нельзя же намъ изъ простыхъ пить!—возражаетъ Анна Тимоѳеевна:—мы не какіе-нибудь!

Однако, самоваръ готовъ и ставится на столъ; вынимаются шкатулочки, развязываются кулечки, и на столѣ появляются разныя печенья. Démétrius смотритъ на нихъ исподлобья и норовитъ что-нибудь стащить.

— Насилу и воды-то допросился,—докладываетъ Петръ Парамонычъ:—эти каверзныя богомолки такъ и набросились, даже изъ рукъ рвутъ!

— Ты бы, любезный, сказалъ имъ, что эта вода для насъ нужна....

— Да что съ ними говорить! Онѣ одно ладятъ, что мы, дескать, пѣшкомъ шли..

Въ это время опять входитъ хозяинъ.

— Какъ же это, любезный,—обращается къ нему Хрептюгинъ:—у тебя безпорядки такіе! Воду изъ рукъ мужички рвутъ!

— Ужъ извините, сударь, работница дура оплошала.

— То-то же! Это нехорошо! Вездѣ нуженъ порядокъ!

— Иванъ Онуфричъ, чай готовъ!

Хрептюгинъ принимаетъ изъ руки своей супруги чашку изумительнѣйшаго ауэрбаховскаго фарфора и прихлебываетъ, какъ благородный человѣкъ, прямо изъ чашки, не прибѣгая къ блюдечку. Но Анна Тимоѳеевна, несмотря на всѣ настоянія Ивана Онуфрича, не умѣетъ еще обойтись безъ блюдечка, потому что чай обжигаетъ ей губы. Сверхъ

Digitized by Google

того, она пьетъ въ-прикуску. Халатовъ и Боченковъ закуриваютъ сигары; Хрептюгинъ съ своей стороны также вынимаетъ сигару, завернутую въ лубокъ — столь она драгоцѣнна!—съ надписью: *bayadère*, и, испросивъ у дамъ позволенія (какъ это завсегда дѣлается въ благородныхъ опчествàхъ), начинаетъ пускать самыя миніатюрныя кольца дыма.

— Вѣдь вотъ, кажется, пустой напитокъ чай, — замѣчаетъ благодушно Иванъ Онуфричъ: — а не дай его намъ китаецъ, такъ суматоха порядочная можетъ изъ этого выйти.

— А какая суматоха?—возражаетъ Боченковъ.—Не дастъ китаецъ чаю, будемъ и липовый цвѣтъ пить! Благородному человѣку все равно, было бы только тепло! Это вамъ, брюханамъ, будетъ худо, потому что гнилье ваше некому будетъ сбывать!

— Фи, Прохоръ Семенычъ, — говоритъ Аксинья Ивановна:—какія вы выраженія все употребляете!

— А правда ли, батюшка Иванъ Онуфричъ, въ книжкахъ пишутъ, будто чай—зелiе, змѣинымъ жиромъ кропленое?—спрашиваетъ хозяинъ.

Хрептюгинъ благосклонно улыбается.

— Въ какихъ же это, Архипъ, книжкахъ написано?

— А вотъ, сударь, письменныя таки книжки есть... «Слово отъ старчества объ антихристовомъ пришествіи» называется... Такъ тамъ, сударь, именно сказано: «отъ китянъ сіе»...

— Пустяки, Архипъ, это все по неразумію! Разсуди ты самъ: змѣя—гадина ядовитая, такъ можетъ ли быть, чтобъ мы ò-сю пору живы остались, жиръ ея каждый день пимши!

— «Пимши!» фуй, папа, какъ вы говорите несносно!

— Такъ-то такъ, сударь, а все какъ будто сумнительно маленько!.. А правда ли еще, сударь, въ народѣ баютъ, некрутчина должна быть въ скорости объявлена?

— По палатѣ не слыхать,—отвѣчаетъ Боченковъ.

— Пустяки все это, любезный другъ! Извѣстно, въ народѣ отъ нечего дѣлать толкуютъ! Ты пойми, Архипъ-про-

Digitized by Google

стота, какъ же въ народѣ этакому дѣлу извѣстнымъ быть! Такія, братецъ, распоряженія отъ правительства выходятъ; а черный народъ все равно что мелево: что въ него ни кинутъ, все оно и мелетъ!

— Такъ-съ... Это справедливо, сударь, что народъ глупъ... потому-то онъ, какъ бы сказать, темнымъ и прозывается...

— Ну, а если глупъ, такъ, стало-быть, нужно у вашего брата за такіе слухи почаще подъ рубашкой смотрѣть.

— Ахъ, папа, васъ уважать совсѣмъ нельзя!

Въ это время Митька стащилъ со стола такой большой кусокъ хлѣба, что всѣ замѣтили. Онъ силится запрятать его въ карманъ, но кусокъ не лѣзетъ.

— Ишь сѣмя анаѳемское!—говоритъ Боченковъ:—малъ-малъ, а только объ томъ и въ мысляхъ держитъ, какъ бы своровать что-нибудь!

— Ну, куда, куда тебѣ столько хлѣба, Démétrius?—спрашиваетъ Иванъ Онуфричъ.

Онъ силится отнять хлѣбъ, но руки Митьки закоченѣли и самъ онъ весь обозлился и позеленѣлъ. Анна Тимоѳеевна внезапно принимаетъ сторону ненагляднаго дѣтища.

— Чтой-то ужъ вамъ, видно, хлѣба для родного сына стало жалко!—говоритъ она съ сердцемъ.

— Не жалко, сударыня, хлѣба; а дождешься ты того, что онъ у тебя объѣстся!

— Я ѣсть хочу! я ѣсть хочу!—визжитъ Démétrius.

— А и въ самомъ дѣлѣ закусить бы не худо, Иванъ Онуфричъ!—замѣчаетъ Халатовъ.

— Ну, что жъ съ вами будешь дѣлать! Вели, братъ Архипъ, тамъ повару что-нибудь легонькое приготовить... цыпляточекъ, что ли...

— Ахъ вы со своими цыпляточками! — возражаетъ Боченковъ. — А ты вели-ка, Архипушка, первоначально колбасы подать, тамъ въ кулечкѣ уложена... Станешь, что ли, колбасу, Иванъ Онуфричъ, ѣсть?

— Нѣтъ, я колбасы ѣсть не могу!

Digitized by Google

— Что̀ жъ такъ?

— Да такъ... желудокъ у меня что-то тово... Такъ я, братецъ ты мой, его въ послѣднее время усовершенствовалъ, что кромѣ чего-нибудь легонькаго... трухеля, напримѣръ...

— Ну, а помнишь ли времячко, какъ травы сельныя пожевывалъ, камешки перевариваль?..

Боченковъ произноситъ каждое слово съ разстановкой и смотритъ Хрептюгину въ глаза, наслаждаясь его смущеніемъ.

— Ну, по крайности, хошь водочки хватимъ! — продолжаетъ онъ.

— Не могу, Прохоръ Семенычъ, и водки не могу... развѣ ужъ пеперментовой.

— Экъ ты на себя вельможества-то напустилъ!

Подаютъ закуску. Боченковъ прежде всего принимается за шпанскую водку и заѣдаетъ ее огромнымъ кускомъ языковой колбасы; потомъ по очереди приступаетъ и къ другимъ яствамъ, не минуя ни одного. Халатовъ и Анна Тимоѳеевна подражаютъ ему и ѣдятъ исправно. Митька десять разъ уже подавился и, наконецъ, въ одиннадцатый разъ давится до такой степени, что глаза у него почти выскочили, и Аксинья Ивановна вынуждена бить его въ загорбокъ. Но Иванъ Онуфричъ ѣстъ полегоньку, только отвѣдываетъ, но и то самыхъ нѣжныхъ кушаньевъ: крылышко цыпленка, страсбургскаго пирога, оленьяго языка, копченой стерляди и т. п. Все это сто́итъ дорого и, слѣдовательно, должно быть легко и равносильно крылышку цыпленка.

— Подать шампанскаго!—равнодушно говоритъ онъ, обглодавши цыпленка.—Да холодняго!

— Ахъ, папа, вы все-таки говорите «холодняго»!.. Точно вамъ не все равно сказать: «холоднаго»!

Парамонъ и Демьянычъ суетятся, приносятъ шампанское «розовое» и разливаютъ его по бокаламъ.

— Вотъ этотъ напитокъ я люблю, — говоритъ Хрептюгинъ, медленно смакуя вино: — потому что это напитокъ легкій...

Digitized by Google

— Ишь ты, и шампанское-то у него не какъ у людей,— замѣчаетъ Боченковъ:—розовое!

— Розовое, братецъ, нынче въ большомъ ходу! Въ Петербургѣ на всѣхъ хорошихъ столахъ другого не подаютъ!.. Я, братецъ, шампанское вино потому предпочитаю, что оно вино нѣжное, для желудка необременительное!

— Такъ, дружище, такъ... Ну, однако, мы теперича на твой счетъ и сыты, и пьяны... выходитъ, треба есть намъ соснуть. Я пойду, лягу въ каретѣ, а вы, мадамы, какъ будетъ все готово, можете легонько придти и сѣсть... Только, чуръ, не будить меня, потому что я спросоньевъ лютъ бываю! А ты, Иванъ Онуфричъ, ужъ такъ и быть, въ кибиткѣ тѣло свое бѣлое маленько попротряси!

Боченковъ удаляется.

— Прегрубіянъ этотъ Прошка!—замѣчаетъ Иванъ Онуфричъ немедленно по удаленіи Боченкова.

— Вольно же вамъ со всякимъ мове-жанромъ связываться!—вступается Аксинья Ивановна.

— Что жъ станете дѣлать, Аксинья Ивановна, — говоритъ Халатовъ:—если Иванъ Онуфричъ Прохору Семеновичу уваженія не сдѣлаютъ...

— Ахъ ты, Господи!.. есть же на свѣтѣ счастливцы! Вотъ, напримѣръ, графы и князья: они никакихъ этихъ Прошекъ не знаютъ.

Аксинья Ивановна тяжело вздыхаетъ и, сѣвъ у окна, устремляетъ свои взоры въ синюю даль, въ которой рисуется ей молодой князь Чебылкинъ въ видѣ—

Жука чернаго съ усами
И съ курчавой головой...

— Пора, однакожъ, и на боковую!—возглашаетъ Хрептюгинъ.—Ты разбуди меня, Парамонычъ, часа черезъ два, да, смотри, буди полегоньку... Да скажи ямщикамъ, чтобъ они всѣ эти бубенчики сняли... благородные люди такъ не ѣздятъ!

Digitized by Google

Между тѣмъ внизу, въ черной избѣ, происходитъ иного рода сцена. Тамъ обѣдаютъ ямщики, и идетъ у нихъ разговоръ дружный, неперемежающійся.

— Слышалъ, Еремѣй, сказываютъ, что въ здѣшнемъ мѣстѣ чугунка пойдетъ?

— Что врать-то! еще накличешь, пожалуй!

— А чего врать, ты слушай, голова! Намеднись, ѣхалъ я ночью въ троечныхъ съ бариномъ, только и вздремнулъ я маленько, а лошади-то и пошли шагомъ. Почуялъ, что ли, онъ во снѣ, что кони не бѣгутъ, какъ вскочитъ, да на меня! «Ахъ ты сякой» да «ахъ ты этакой!» Только бить не бьетъ, а такъ, знаешь, руками помахиваетъ! Ну, а я на него смотрю, что онъ ровно какъ обезпамятѣлъ.—«Ты, что жъ, молъ, говорю, дерешься, хозяинъ? Драться, говорю, не велѣно!» Ну, онъ и попріутихъ, легъ опять въ карандасъ да и говоритъ: «вотъ, говоритъ, ужо вамъ будетъ, разбойники этакіе, какъ чугунку здѣсь поведутъ!»

— Чай, пострашать только?

— Чего пострашать! Самъ, говоритъ, я въ эвтимъ мѣстѣ служу, и доподлинно знаю, что чугункѣ здѣсь быть положено.

— А и то, ребята, сами мы виноваты!—вступается третій голосъ.—Кабы по-христіански дѣйствовали, такъ, можетъ, и помиловалъ бы Богъ... а то только и заботушки у насъ, какъ бы проѣзжаго-то ограбить!

— Ахъ ты, голова-голова нечесаная! Такъ вѣдь откуль же ни-набудь надо лошадямъ корму-то добывать! да и хозяйка тоже платочка, чай, проситъ!

— Да все же надо бы по сообразности...

— Намеднись вотъ проѣзжалъ у насъ баринъ: тихій такой... ѣхалъ-то онъ на почтовыхъ, да коней-то не случилось, а сидѣть ему неохота. Туда-сюда — вольныхъ... Только и заломилъ я съ него за станцію-то пять серебра; такъ онъ ажно глаза вытаращилъ, однако, подумамши, четыре серебра безъ гривенника за двадцать верстъ далъ... Ну, пріі-

Digitized by Google

ѣхали мы на другую станцію, анъ и тамъ кони въ разгонѣ... Пытали мы въ ту пору промежъ себя смѣяться!

Въ это время входятъ ямщики, везшіе Хрептюгина со свитою.

— Кого приволокли?—спрашиваетъ первый голосъ.

— Кого привезли? Чорта привезли! — отвѣчаетъ одинъ изъ ямщиковъ, раздѣваясь и съ сердцемъ кидая на палати армякъ и кнутъ.

— Развѣ на чай не дали?

— Дали... двугривенный на всѣхъ!

Общій хохотъ.

— Ой, Ванюха, купи у меня: лошадь продаю! Только ужъ добавь что-нибудь къ двугривенному-то, сдѣлай милость!

Новый хохотъ.

— Ишь ты, голова, какъ человѣкъ-отъ дурашливъ бываетъ! Вонъ онъ въ купцы этта вылѣзъ, денегъ большое мѣсто нагребъ, такъ и на чай-то ужъ настоящаго дать не хочетъ!.. Да ты что жъ бралъ-то?

— А и то хотѣлъ толстобрюхому въ рыло кинуть!

— Что жъ не кинулъ?

— Заѣла меня Агашка! Все говоритъ: платокъ купи, а на что купишь!

— Да кому впередъ-отъ ихъ везти? Петрухѣ, что ли?

— Мнѣ и есть,—отзывается Петруха.

— Смотри же ты, шажкомъ поѣзжай, баловства имъ дѣлать не надо! А коли фордыбачить станутъ, такъ остановись середь поля, отложи лошадей да и шабашъ!

Черезъ два часа доѣдали еще извозчики гороховый кисель, а Парамонычъ уже суетился и наконецъ какъ угорѣлый вбѣжалъ въ избу.

— Кому закладывать? чья очередь? — спрашивалъ онъ впопыхахъ.—Господа ѣхать желаютъ.

— Поспѣешь!—было ему отвѣтомъ.

— Ахъ вы черти этакіе! вотъ вамъ ужо баринъ дастъ!

Но никто не трогается съ мѣста, и извозчики продол-

Digitized by Google

жаютъ разговаривать о постороннихъ предметахъ. Иванъ Онуфричъ находитъ себя вынужденнымъ лично вступиться въ это дѣло.

— Кому закладывать?—спрашиваетъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ.

— Поспѣешь еще, господинъ двугривенный!—отвѣчаетъ голосъ изъ толпы.

— Какъ ты смѣешь? — кричитъ Хрептюгинъ, бросаясь впередъ съ протянутыми дланями.

— Не шали, руками не озорничай, купецъ! — говоритъ одинъ ямщикъ.

— Что жъ, развѣ и пообѣдать нельзя?—продолжаетъ другой.—Вольно же тебѣ было три часа дрыхнуть здѣсь!

— Закладàть, что ли, дядя Андрей?—спрашиваетъ Петруха.

— Погоди, поспѣетъ.

Иванъ Онуфричъ весь синь отъ злости; губы его дрожатъ, но онъ сознаетъ, что есть-таки въ мірѣ сила, которую даже его безспорное и неотразимое величіе сломить не можетъ! Все онъ себѣ покорилъ, даже желудокъ усовершенствовалъ, а придорожнаго мужика покорить не могъ!

— Да закладывайте же, голубчики!—говоритъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— То-то «голубчики»! Этакъ-то лучше будетъ! Инъ закладàй поди, Петруха: баринъ хорошій—по цѣлковому на чай даетъ!

— Батюшка! не будетъ ли вашей милости грошикъ пожаловать! Три дня, кормилецъ, не ѣдала!—жалобно вопіетъ старуха, старая, сгорбленная и сморщенная.

— Пошла, пошла прочь!—кричитъ Хрептюгинъ, чувствуя вдругъ новый приливъ гнѣва въ груди. — Ишь дармоѣдки какія со всѣхъ концовъ земли собрались!

Digitized by Google

Госпожа Музовкина.

Перенесемся опять на постоялый дворъ. На этотъ разъ постоялый дворъ стоитъ не на почтовомъ трактѣ и не среди большого и богатаго села, а на боковой, малопроѣзжей дорогѣ, въ небольшой и весьма некрасиво выстроенной деревнѣ. Постоялый дворъ, о которомъ идетъ рѣчь, одноэтажный; въ распоряженіе проѣзжающихъ отдаются въ немъ всего двѣ комнаты, да и тѣ частенько остаются праздными. Въ сущности, это не столько постоялый дворъ, сколько просторная крестьянская изба, выстроенная зажиточнымъ хозяиномъ для своей семьи и готовая къ услугамъ только немногихъ, да и то лично знакомыхъ ему пріѣзжихъ господъ и купцовъ. Поэтому самая отдѣлка горницъ совершенно отличная отъ отдѣлки ихъ въ настоящихъ постоялыхъ дворахъ, въ которыхъ встрѣчаются уже дешевые обои по стѣнамъ, створчатыя окна, ломберные столы и стулья подъ красное дерево, покрытые волосяною матеріей или кожей. Тутъ, напротивъ того, стѣны мшоныя, оконницы отворяются не иначе, какъ вверхъ и съ подставочкой; вмѣсто мебели, въ стѣны вдѣланы лавки, которыя лоснятся отъ давнишняго употребленія; столъ всего одинъ, но и тотъ простой, съ выдвижнымъ ящикомъ, въ которомъ всегда валяются корки хлѣба. Зато въ переднемъ углу поставленъ кивотъ съ образами, чего въ щегольскихъ и украшенныхъ обоями постоялыхъ дворахъ уже не бываетъ.

Но и постоялый дворъ, и самая дорога, на которой онъ стоитъ, какъ-то особенно любезны моему сердцу, несмотря на то, что, въ сущности, дорога эта не представляетъ никакихъ привлекательныхъ качествъ, за которыя слѣдовало бы ее любить... По всему протяженію ея идетъ жестокій и по мѣстамъ, въ полномъ смыслѣ слова, изуродованный мостовникъ, на которомъ и патентованныя желѣзныя оси ломаются безъ малѣйшихъ усилій. Въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ

Digitized by Google

тиранство мостовника исчезаетъ, колеса экипажа глубоко врѣзываются или въ сыпучіе пески, или въ глубокую, клейкую грязь. Однимъ словомъ, это именно такая дорога, отъ которой, при частой ѣздѣ, можно поглупѣть вслѣдствіе сильныхъ толчковъ въ темя и въ затылокъ. И за всю эту пытку путникъ ни откуда не получаетъ никакого вознагражденія; ничто не привлекаетъ его взора, ничто не ласкаетъ его уха, а обоняніе поражается даже весьма непріятно. По сторонамъ тянется тотъ мелкій лѣсочекъ, состоящій изъ тонкоствольныхъ, ободранныхъ и оплѣшивѣвшихъ елокъ, который въ простонародьи слыветъ подъ именемъ «паршиваго»; надъ лѣскомъ виситъ вѣчно сѣренькое и вѣчно тоскливое небо; жидкая и блѣдная зелень дорожныхъ окраинъ какъ будто совсѣмъ не растетъ, а смѣняющая ее по временамъ высокая и густая осока тоже не ласкаетъ, а какъ-то непріятно рѣжетъ взоръ проѣзжаго. По лѣсу летаетъ и поетъ больше птица-ворона, издавна живущая въ разладѣ съ законами гармоніи, а надъ экипажомъ толпятся цѣлыя тучи комаровъ, которые до такой степени нестерпимо жужжатъ въ уши, что, кажется, будто и имъ до смерти надоѣло жить въ этой болотинѣ. И если надъ всѣмъ этимъ представить себѣ неблагоуханные туманы, которые, особливо по вечерамъ, поднимаются отъ окрестныхъ болотъ, то картина будетъ полная и, какъ видится, непривлекательная.

А тѣмъ не менѣе я люблю ее. Я люблю эту бѣдную природу, можетъ-быть, потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ; она сроднилась со мной точно такъ же, какъ я сжился съ нею; она лелѣяла мою молодость: она была свидѣтельницей первыхъ тревогъ моего сердца, и съ тѣхъ поръ ей принадлежитъ лучшая часть меня самого. Перенесите меня въ Швейцарію, въ Индію, въ Бразилію, окружите какою хотите роскошною природой, накиньте на эту природу какое угодно прозрачное и синее небо—я все-таки вездѣ найду милые мнѣ сѣренькіе тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу ихъ въ

Digitized by Google

моемъ сердцѣ, потому что душа моя хранитъ ихъ, какъ лучшее свое достояніе.

Хозяинъ постоялаго двора, Акимъ Прохоровъ, знакомъ мнѣ съ дѣтства. Хотя ему, какъ онъ самъ выражается, съ небольшимъ сто годковъ, однако онъ сохраняетъ еще всю свою память и бродитъ довольно бойко, хоть и упирается при этомъ руками въ колѣнки. Теперь у него шесть сыновъ, изъ которыхъ младшему не менѣе пятидесяти лѣтъ, и у каждаго изъ этихъ сыновъ тоже свое многочисленное потомство. Если бъ бо́льшая часть этого потомства не была въ постоянной отлучкѣ изъ дому по случаю разныхъ промысловъ и торговыхъ дѣлъ, то, конечно, для помѣщенія его слѣдовало бы выстроить еще по крайней мѣрѣ три такія избы; но съ Прохорычемъ живетъ только старшій сынъ его, Ванюша, малый лѣтъ осьмидесяти, да бабы, да малые ребята, и весь этотъ людъ онъ содержитъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

— А Акимъ живъ?—спросилъ я, вылѣзая изъ тарантаса, въѣхавшаго въ знакомый мнѣ дворъ.

— Славу Богу, батюшка! милости просимъ!—отвѣчалъ мнѣ осьмидесятилѣтній Ванюша, подхватывая меня подъ руки.—Давненько, сударь, ужъ не бывали у насъ! Какъ папынька? мамынька? Слава ли Богу здравствуютъ?

— Слава Богу, Иванъ.

— Слава Богу лучше всего, сударь!

На верху крыльца встрѣтилъ меня самъ старикъ.

— Да никакъ это Щедринскій барчонокъ?—сказалъ онъ, глядя на меня изъ-подъ руки.

Надобно сказать, что Акимъ звалъ меня такимъ образомъ еще въ то время, когда, бывало, я останавливался у него, ребенкомъ, проѣзжая домой на каникулы и съ каникулъ въ гимназію.

— Да какъ же ты, сударь, остепенѣлъ! Видно, ужъ вышелъ изъ ученья-то?

— Вышелъ, Акимъ.

Digitized by Google

— Такъ, сударь; стало-быть, на лѣто-то въ деревню погостить собрался?

— Да, мѣсяца съ три пробуду здѣсь.

— Это ты, сударь, хорошо дѣлаешь, что папыньку съ мамынькой не забываешь... да и хорошо вѣдь въ деревнѣ-то! Вотъ мои ребятки тоже стороною-то походятъ-походятъ, а все въ деревню же придутъ! Въ городѣ, батъ, хорошо, а въ деревнѣ лучше. Такъ-то, сударь!

— Что, у тебя комнаты-то порожнія?

— Порѳзы, сударь, порѳзы! Нонче ѣзда малая; все, слышь, больше по Волгѣ на праходахъ ѣздятъ! Хоть бы глазкомъ посмотрѣлъ, что̀ за праходы такіе... Еще зимой нешто̀, бываютъ-таки проѣзжающіе, а лѣтомъ совсѣмъ нѣтъ никого!

— Здоровъ ли ты, по крайней мѣрѣ?

— Больше все лежу, сударь! Моченьки-то, знаешь, нѣту, такъ больше на печкѣ живу... И вотъ еще, сударь, како со мной чудо! И не бывало никогда, чтобы то-есть знобило меня: а нонче хошь въ какой жаръ—все знобитъ, все знобитъ!

— Ты, дѣдушко, и теперь бы на печку шелъ!—сказала молодуха, пришедшая за нами прибрать кое-что въ горницѣ, въ которую мы вошли.

— Не замай! вотъ маленько съ барчонкомъ побесѣдуемъ... Старинные мы съ тобой, сударь, знакомые!

— Внучка, что ли, это твоя?

— Мнукова, сударь, жена... Петруха-то моего, чай, знаешь? Такъ вотъ его-то сына—мнука мнѣ-то—жена... У меня, сударь, шесть сыновъ, и у каждаго сына старшій сынъ Акимомъ прозывается,—и не сообразишь ихъ!

— А гдѣ же теперь твои сыновья?—спросилъ я, зная наперед̀ъ, что старикъ ни о чемъ такъ охотно не говоритъ, какъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ.

— Старшой-отъ сынъ, Ванюша, при мнѣ... Второй сынъ, Кузьма Акимычъ, графскими людьми въ Москвѣ запра-

Digitized by Google

вляетъ; третій сынъ, Прохоръ, сапожную мастерскую въ Москвѣ у Арбатскихъ воротъ держитъ; четвертый сынъ, Петруша, у Троицы въ ямщикахъ—тоже хозяйствуетъ; пятой сынъ, Семенъ, у Прохора-то въ мастерахъ живетъ; а шестой, сударь, Михеюшко, лабазъ въ Москвѣ же держитъ... Вотъ сколько сыновей у меня! А мнуковъ да прамнуковъ такъ и не сосчитать... одной, сударь, своею душой безъ двухъ тридцать тяголъ его графскому сіятельству справляю, вѣдь какъ!

— Что жъ, сыновья-то отъ себя, что ли, торгуютъ?

— Покуда я живу, такъ все будто я торгую... только стали они нонѣ отбиваться отъ меня: и глазъ ко мнѣ не кажутъ, да и денегъ не шлютъ... старшенькому-то, Ванюшкѣ-то, и обидненько!

— Старъ ты ужъ, видно, сталъ Акимъ!

— Вѣстимо, не прежніе годы! Я, сударь, вотъ все съ хорошимъ человѣкомъ посовѣтоваться хочу. Второй-етъ у меня сынъ, Кузьма Акимычъ, у графа замѣсто какъ управляющаго въ Москвѣ, и графъ-то его, слышь, больно ужъ жалуетъ. Такъ я, сударь, вотъ и боюсь, чтобъ онъ Ванюшку-то моего не обидѣлъ!

— А ты бы ихъ при жизни въ раздѣлъ пустилъ.

— Такъ я, сударь, и пожелалъ; только что жъ Кузьма-то Акимычъ, узнавши объ этомъ, удумалъ? Пріѣхалъ онъ нонѣ по зимѣ ко мнѣ: «Ты, говоритъ, дѣлить насъ захотѣлъ, такъ я, говоритъ, тебѣ этого не позволяю, потому какъ я у графа первый человѣкъ! А какъ ты, молъ, не дай Богъ, кончишься, такъ на твоемъ мѣстѣ хозяйствовать мнѣ, а не Ивану, потому какъ онъ малоумный!» Такъ вотъ, сударь, каки нонѣ порядки!

— Да развѣ Иванъ-то малоумный?

— Какой онъ малоумный! Вѣстимо, попроще противъ другихъ будетъ, потому что изъ деревни не выѣзжаетъ, а то какой же онъ малоумный! Какъ есть хрестьянинъ!

— Такъ что же ты хочешь сдѣлать?

Digitized by Google

— А вотъ, сударь, думалъ я было сначала къ нашему графу писемцо написать... да и боязно словно: боюсь, какъ бы не обидѣлся на меня его сіятельство!

— Что жъ тутъ обиднаго?

— Какъ!—скажетъ:—ты, мой рабъ, хочешь меня, твоего господина, учить? Коли я,—скажетъ,—надъ тобой сына твоего начальникомъ сдѣлалъ, значитъ, онъ мнѣ тамъ надобенъ... Нѣтъ тебѣ,—скажетъ,—раздѣла!

Слѣдуетъ замѣтить, что когда дѣло доходило до передачи рѣчей Кузьмы Акимыча, Акима Кузьмича и графа, Акимъ вставалъ съ лавки и, вставши въ позицію, декламировалъ эти рѣчи, принимая возможный, при его дряхлости, величественный и повелительный видъ.

— Развѣ у васъ графъ-то сердитый?

— А кто жъ его, сударь, знаетъ, какой онъ! Только вотъ Кузьма-то Акимычъ говоритъ, будто ужъ очень онъ грозенъ.

— Да Кузьма-то, можетъ-быть, только застращать тебя хочетъ?

— Думалъ я, сударь, и такъ; да опять, какъ и напишешь-то къ графу? По-мужицки-то ему напишешь, такъ онъ и читать не станетъ... вотъ что! Такъ ужъ я, сударь, подумавши, такъ разсудилъ, чтобъ быть этому дѣлу какъ Богъ укажетъ!

— Ну, а если Кузьма-то въ самомъ дѣлѣ Ивана обидитъ?

— Обидитъ, сударь, это ужъ я вижу, что безпремѣнно обидитъ! Жалко, ужъ и какъ жалко мнѣ Иванушка! Пыталъ я тоже Кузьму-то Акимыча вразумлять: «Опомнись, молъ, говорю, ты ли меня родилъ, или я тебя родилъ? Такъ за что жъ ты меня на старости-то лѣтъ изобидѣть хочешь?»

— Что жъ онъ?

— Ну, онъ по началу было и вразумился, словно и посмирнѣлъ, а потомъ сходилъ этта по хозяйству, все обсмотрилъ: «Нѣтъ, говоритъ, воля твоя, батюшка, святая, а

Digitized by Google

только ужъ больно у тебя хозяйство хорошо! Хочу, говоритъ, надо всѣмъ самъ головой быть, а Ванюшку не пущу!»

Акимъ уперся руками въ колѣнки и закручинился.

— И въ кого это онъ у меня, сударь, такой лютый уродился! Сына вотъ—внука мнѣ-то—нонѣ въ мясоѣдъ женилъ, тоже у купца дочку взялъ, да на волю его у графа-то и выпросилъ... Ну, куда ужъ, сударь, намъ, сѣрымъ людямъ, съ купцами связываться!.. Вотъ онъ теперь, Акимъ-то Кузьмичъ, мнѣ, своему дѣдушкѣ, поклониться и не хочетъ... даже молодуху-то свою показать не привезъ!

— Однако, Кузьма-то у тебя, видно, неладный вышелъ...

— Что станешь съ нимъ, сударь, дѣлать! Жилъ-жилъ, все радовался, а теперь вотъ ко гробу мнѣ-ка ужъ время—смотри, какая у насъ оказія вышла! И чего еще я, сударь, боюсь: Акимъ-то Кузьмичъ человѣкъ нонѣ вольной, такъ Кузьма-то Акимычъ, пожалуй, въ купцы его выпишетъ, да и деньги-то мои всѣ къ нему перетащитъ... А ну, какъ онъ въ ту пору, получивши деньги-то, отцу вдругъ скажетъ: «я, скажетъ, папынька, много вами доволенъ, а денежки, дескать не ваши, а мои... прощайте, молъ, папынька!» Поклонится ему, да и вонъ пошелъ!

— Васъ, сударь, барынька тутъ одна спрашиваетъ,— доложилъ мнѣ вошедшій въ это время Иванъ.

— Какая барынька?

— Кто ее, сударь, вѣдаетъ! Побиральщица должно-быть! Она у насъ ужъ тутъ трои сутокъ живетъ, ни за хлѣбъ, ни за тепло не платитъ... на богомолье, баетъ, собиралась... Позвать, что ли, прикажете?

— Не пущай, сударь... чай, гривенничка выпросить хочетъ!—предостерегъ меня Акимъ.

Но барынька, вѣроятно, предчувствовала, что найдетъ мало сочувствія въ Акимѣ, и потому, почти вслѣдъ за Иваномъ, сама вошла въ горницу. Это была маленькая и худощавая старушка, державшаяся очень прямо, съ мелкими чертами лица, съ узенькими и разбѣгающимися глазками,

Digitized by Google

съ остренькимъ носомъ, таковымъ же подбородкомъ и тонкими блѣдными губами. Одѣта она была въ черный коленкоровый капотъ, довольно ветхій, но чистый; на плечахъ у нея былъ черный драдедамовый платокъ, а на головѣ бѣлый чепчикъ, подвязанный у подбородка.

— Я, милостивый государь, здѣшняя дворянка,—сказала она мнѣ мягкимъ голосомъ, но не безъ чувства собственнаго достоинства:—коллежская секретарша Марья Петровна Музовкина, и хотя не настоящая вдова, но по грѣхамъ моимъ и по волѣ Божіей вдовѣю вотъ ужъ двадцать пятый годъ...

— Что же вамъ угодно, сударыня?.. Да садитесь, пожалуйста.

— Мнѣ, милостивый государь, чужого ничего не надобно,—продолжала она, садясь возлѣ меня на лавкѣ: — и хотя я неимущая, но, благодареніе Богу, дворянскаго своего происхожденія забыть не въ силахъ... Я имѣю счастіе быть лично извѣстною вашимъ папенькѣ-маменькѣ... конечно, передъ ними я все равно, что червь пресмыкающій, даже меньше того, но какъ при всемъ томъ я добродѣтель во всякомъ мѣстѣ, по дворянскому моему званію, уважать привыкла, то и родителей вашихъ не почитать не въ силахъ...

— Ахъ, Марья Петровна!—прервалъ ее старикъ Акимъ:—ужъ ты бы лучше прямо, сударыня, у барчонка гривенничка попросила, нечѣмъ околесицу-то эту городить!

— Вотъ, милостивый государь, какимъ я, по неимуществу моему, грубостямъ подвержена! — сказала Музовкина, нисколько не конфузясь.—Конечно, по-христіански, я должна оставить это втунѣ, но не скрою отъ васъ, что если бы не была я разлучена съ другомъ моимъ Ѳедоромъ Гаврилычемъ, то онъ, безъ сомнѣнія, защитилъ бы меня отъ напрасныхъ обидъ...

— Охъ, сударыня! ты, чай, кіятры-то эти передъ всякимъ проѣзжающимъ представляешь!

Digitized by Google

— А хоша бы и представляла, Акимъ Прохорычъ, то представляю кіятры я, а не вы... слѣдовательно, какой же вамъ отъ того убытокъ? Хотя я и дворянка званіемъ, Акимъ Прохорычъ, но какъ при всемъ томъ я сирота, то, конечно, обидѣть меня всякому можно...

— Ну, да Богъ съ тобой! говори, я тебѣ не препятствую.

— Что же вамъ угодно?—повторилъ я.

— Я чужого не желаю, милостивый государь, — опять начала она:—я прошу только объ одномъ, чтобы вы милостиво меня выслушали.

— Въ такомъ случаѣ, ужъ распорядись, Акимъ, чтобы тамъ самоваръ скорѣе подали, да закусить что-нибудь... Вѣдь вы не откажетесь закусить со мною, Марья Петровна?

— Я сыта, сударь. Но если вамъ непремѣнно угодно, чтобъ я ѣла, я должна исполнить ваше желаніе...

— Помилуйте, сударыня, какъ вамъ будетъ угодно!

— Я прошу васъ, милостивый государь, только выслушать меня. Родители мои, царство имъ небесное, были происхожденія очень хорошаго и имѣли въ здѣшнемъ мѣстѣ своихъ собственныхъ десять душъ-съ. Папенька мой держали меня очень строго, потому что человѣкъ въ юношествѣ больше всего всякими соблазнами, какъ бы сказать, обуреваемъ бываетъ, и хотя сватались за меня даже генералы, но онъ согласія своего на бракъ мой не далъ, и осталась я послѣ ихъ смерти (маменька моя еще при жизни ихней скончалась) дѣвицею. Имѣла я тогда всего-на-всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, и, по невинности своей, ничего, можно сказать, не понимала: не трудно послѣ этого вообразить, какимъ искушеніямъ я должна была подвергнуться! А больше еще и по тому особливому случаю искушенія сдѣлались для меня доступными, что въ это время въ нашемъ селѣ имѣлъ квартированіе полкъ, и слѣдовательно какую жъ я могла имѣть противъ этого защиту? Конечно, я, какъ дочь, не смѣю противъ родителя роптать,

Digitized by Google

однако и теперь могу сказать, что отдай меня въ ту пору папенька за генерала, то не вышло бы ничего, и не осталась бы я навѣкъ несчастною... Папенька въ ту пору говорили, что будто бы генералъ, который за меня сватался, пьютъ очень много, однако развѣ не встрѣчаемъ мы многіе примѣры, что жены за пьяными еще счастливѣе бываютъ, нежели за трезвыми?

Едва она успѣла предложить мнѣ этотъ вопросъ, какъ принесли самоваръ, и я долженъ былъ оторваться отъ нея на минуту, чтобы сдѣлать чай.

— Ужъ если будетъ ваше одолженіе, милостивый государь,—сказала она:—то позвольте чашечку и мнѣ, но безъ сахару, потому что я, по моимъ обстоятельствамъ, вынуждаюсь пить въ-прикуску... Я остановилась, кажется, на томъ, что осталась послѣ папеньки сиротою. Много мнѣ стоило слезъ, чтобъ женскую слабость мою преодолѣть, однако я ее не пересилила и, по молодости моей, не устояла противъ соблазна. Былъ тутъ, въ этомъ полку, одинъ поручикъ; покорыстовался онъ, сударь, на мое родительское достояніе и вовлекъ меня съ собою въ любовь. Изъ себя онъ былъ столько хорошъ, что даже въ картинахъ нынче ужъ такихъ мужчинъ не пишутъ, обращеніе имѣлъ учтивое и одѣвался завсегда очень чисто. Слѣдовательно, могла ли я, при моей неопытности, противъ льстивыхъ его увѣреній устоять? Уговаривалъ онъ меня, за такую ко мнѣ его любовь, заемное письмо ему дать, и хоша могла я изъ этого самаго поступка объ его злomъ намѣреніи заключить, однакожъ не заключила и только въ томъ могла себя воздержать, что безъ браку исполнить его просьбу не согласилась. Ну, это точно, что онъ желанію моему сопротивленія не сдѣлалъ, и брачную церемонію всю исполнилъ какъ слѣдуетъ; я же, по своей глупости, и заемное письмо ему въ семь тысячъ рублей ассигнаціями въ тотъ же вечеръ отдала... Только что жъ бы думали онъ со мной, сударь, сдѣлалъ? Первое дѣло, что избилъ меня въ то время ужас-

Digitized by Google

нѣйшимъ образомъ, за то будто бы, что я не въ своемъ видѣ замужъ за него вышла; да это бы еще ничего, потому что, и при строгости мужниной, часто счастливые браки бываютъ; а второе дѣло, просыпаюсь я на другой день, смотрю, Ѳедора Гаврилыча моего нѣтъ; спрашиваю у служанки: куда дѣвался, молъ, Ѳедоръ Гаврилычъ? Отвѣчаетъ: «еще давеча ранехонько на охоту ушли». И вотъ, милостивый государь, съ самаго этого времени и до сей минуты Ѳедоръ Гаврилычъ все съ охоты не возвращается!

Она остановилась и устремила взоры свои на меня, какъ бы выжидая, чтобъ я высказался.

— Что жъ,—сказалъ я:—быть-можетъ, это и къ лучшему для васъ, сударыня, потому что, судя по началу, едва ли вы могли ожидать чего-нибудь хорошаго отъ Ѳедора Гавриловича.

— И я, милостивый государь, по началу точно такъ думала, однако вышло совсѣмъ напротивъ. Вы забыли объ заемномъ-то письмѣ, а Ѳедоръ Гаврилычъ объ немъ не забылъ. На другой день сижу я и, какъ слѣдуетъ молодой женщинѣ, горюю, какъ вдругъ входитъ ко мнѣ ихней роты капитанъ и самое это заемное письмо въ рукѣ держитъ. И что жъ, сударь, я отъ него узнала? Что Ѳедоръ Гаврилычъ этому самому капитану состоялъ еще прежде того одолженнымъ четыре тысячи рублей, и какъ заплатить ему было нечѣмъ, то и отдалъ въ уплату заемное письмо на меня!.. Ну, конечно, я сразу обидѣть себя не дала, а тоже судомъ съ капитаномъ тягалась, однако ничего противъ него сдѣлать не могла!.. И такимъ, сударь, родомъ, въ одну, можно сказать, ночь лишилась я и Ѳедора Гаврилыча, и всего моего имущества!

— Вы, быть-можетъ, желаете, чтобъ я помогъ вамъ, сударыня?

— Я, милостивый государь, чужого ничего не желаю; я прошу васъ только выслушать меня... Осталась я, послѣ этого происшествія, при одной рабѣ да при трехъ десяти-

Digitized by Google

нахъ земли, которыя капитанъ мнѣ изъ милости предоставилъ. Конечно, и съ трехъ десятинъ я могла бы еще нѣкоторую поддержку для себя получать, но ихъ, сударь, и по настоящее время отыскать нигдѣ не могутъ, потому что капитанъ только указалъ ихъ на планѣ пальцемъ, да вскорѣ послѣ того и скончался, а настоящаго ничего не сдѣлалъ. Пришлось, сударь, идти послѣ этого въ люди!

Марья Петровна пожелала отдохнуть и опять остановилась, и хотя я убѣжденъ былъ, что разсказъ ея былъ заученый, однако не безъ любопытства слѣдилъ за ея болтовней, которая для меня была дѣломъ совершенно новымъ. Она, впрочемъ, не сидѣла даромъ и въ теченіе отдыха, а какъ-то прискорбно и желчно вздрагивала губами и носомъ, приготовляясь, вѣроятно, къ дальнѣйшему разсказу своихъ похожденій.

— Уговорила меня, сударь, къ себѣ тутошная одна помѣщица къ ней переселиться: «Живите, говоритъ, при мнѣ, душенька Марья Петровна, во всемъ вашемъ спокойствіи; кушать, говоритъ, будете съ моего стола; комната вамъ будетъ особенная; платьевъ въ годъ два ситцевыхъ и одно гарнитуровое, а занятія ваши будутъ самыя благородныя». Я, однакожъ, остереглась и выговорила тутъ ей, что я, молъ, Анфиса Ивановна, роду не простого, такъ не было бы у васъ для меня обиды... Только она, сударь, противъ этого и забожилась, и заклялась. И жила я у ней такимъ манеромъ лѣтъ пять, и точно, грѣхъ сказать, кромѣ хорошаго, обиды отъ нея никакой не видала. Чай ли, бывало, кофій ли пьютъ, я свою чашку безотмѣнно получала, а занятія только у меня и было, что послѣ обѣда въ карты Анфисѣ Ивановнѣ, бывало, погадаешь. Только замѣшалась тутъ дочка Анфисы Ивановны, и съ нея-то пошло у насъ все дѣло. При поступленіи моемъ въ домъ моей благодѣтельницы, было ихнему дитяти лѣтъ двѣнадцать, а потомъ стали онѣ постепенно подрастать и достигли, наконецъ, совершеннаго возраста. Но, достигши такимъ манеромъ за-

Digitized by Google

конныхъ лѣтъ, выказали онѣ при этомъ чувства совершенно не господскія, а скорѣе, какъ бы сказать, холопскія. Полюбился имъ, съ своей стороны, нашъ становой, Дмитрій Михайлычъ; въ этомъ, конечно, они имѣли резонъ, потому что Дмитрій Михайлычъ былъ изъ себя мужчина очень видный, но для чего жъ онѣ меня тутъ припутали? Развѣ я тутъ въ чемъ-нибудь, сударь, виновата, что Дмитрій Михайлычъ не Вѣрѣ Павловнѣ, а мнѣ предпочтеніе оказывалъ? Однако онѣ этому не вняли, и пошла тутъ мнѣ отъ нихъ во всемъ обида большая. Анфиса Ивановна тоже не желали такую партію для дитяти своего упустить, и начали меня попрекать всѣмъ-съ: даже куски, которые я въ пять лѣтъ съѣла, и тѣ, кажется, пересчитали! Однако, какъ видѣла я свою правоту, то терпѣла до послѣдняго, и прожила у нихъ до тѣхъ поръ, покуда онѣ сами меня не выгнали... Тогда я, заявивши предъ добрыми людьми о моей невинности, хоша, какъ христіанка, въ душѣ и простила Анфисѣ Ивановнѣ ея обиду, однако, какъ дворянка, не могла свое званіе позабыть, и стала искаться на ней судомъ въ личной обидѣ-съ...

Марья Петровна, сказавши это, посмотрѣла на меня какъ-то особенно проницательно.

«Ужъ не хочетъ ли она застращать меня или вызвать на какое-нибудь оскорбленіе?»—подумалъ я и потомъ прибавилъ вслухъ:—Что жъ, выиграли вы ваше дѣло?

— Нѣтъ-съ; выиграть я не могла, потому что не имѣла средствъ вести его; однако Анфисѣ Ивановнѣ большую черезъ это непріятность сдѣлала, такъ что, послѣ того, не только Дмитрій Михайлычъ, но и никто другой къ Вѣрѣ Павловнѣ касательства имѣть не захотѣлъ, и пребываютъ онѣ и до настоящей минуты въ дѣвичествѣ...

— Ну, а вы-то сами что̀ черезъ это выиграли?

— Выиграла я или не выиграла, это дѣло стороннее-съ, а должна же я была за оскорбленіе моей чести вступиться, потому что друга моего Ѳедора Гаврилыча со мной нѣтъ,

Digitized by Google

и слѣдственно, защитить меня, сироту, некому... Но я прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе, выслушать меня. Разставшись съ Анфисой Ивановной, я отправилась къ сосѣдкѣ ея по имѣнію, госпожѣ Говорковой. Госпожа Говоркова была вдова и весьма страдала нервами, а такъ какъ я очень искусна въ обращеніи съ чувствительными дамами, то онѣ приняли меня къ себѣ съ величайшимъ удовольствіемъ. Откровенно сознаюсь вамъ, милостивый государь, много видала я на своемъ вѣку нервныхъ дамъ, и сама даже до сихъ поръ этимъ очень страдаю, однако, столько разстроенной госпожи, сколько была разстроена Дарья Григорьевна, я никогда и не знавала. Бывало, начнутъ онѣ страдать, такъ это именно жалости подобно; только одинъ Иванъ Карлычъ, учитель ихнихъ дѣтей, и имѣли возможность эти припадки усмирить! Прожила я такимъ родомъ и у Дарьи Григорьевны три года слишкомъ, и обиды для себя никакой отъ нихъ не видала. Да и не случился бы у насъ съ ними никогда разрывъ, если бы не Иванъ Карлычъ. Соскучились, что ли, ими Дарья Григорьевна, или показался имъ очень пріятенъ ихній новый управляющій, Карлъ Иванычъ, только онѣ во всемъ мнѣ открылись и попросили моего посредничества. Согласитесь, милостивый государь, могла ли я въ чемъ-нибудь благодѣтельницѣ моей отказать? А если не могла отказать, то слѣдственно въ чемъ же тутъ моя вина состоитъ? Однако Иванъ Карлычъ объ этомъ узнали, пришли въ восторженность и всячески меня при людяхъ раскостили! И такова была слабость Дарьи Григорьевны, что онѣ меня же, свою покорную слугу, по настоянію Ивана Карлыча, изъ дому своего выгнали...

— Что жъ, вы, я думаю, и объ этомъ происшествіи просьбу въ судъ подали?

— Подала, сударь, и хотя опять дѣло мое проиграла, однако не могла же я не подать просьбы, потому что дворянскую свою честь очень знаю и защищать ее по закону завсегда обязываюсь... Послѣ того...

Digitized by Google

— Нѣтъ, позвольте... для меня этого достаточно. Я желалъ бы только знать: чѣмъ вы въ настоящее время занимаетесь и по какому случаю находитесь здѣсь?

— Позвольте мнѣ, милостивый государь, попросить васъ выслушать меня...

— Извините, но для меня весьма достаточно сказаннаго вами, и я желалъ бы знать, на какой конецъ вы удостоили меня своею довѣренностью?

— Въ настоящее время, пришедши въ преклонность моихъ лѣтъ, я, милостивый государь, вижу себя лишенною пристанища. А какъ я, съ самыхъ малыхъ лѣтъ, имѣла къ божественному большое пристрастіе, то и хожу теперь больше по святымъ монастырямъ и обителямъ, не столько помышляя о настоящей жизни, сколько о жизни будущей...

— Что же вамъ отъ меня угодно, сударыня?

Она встала съ лавки, призвала на помощь всю сумму чувства собственнаго достоинства, какая была у нея въ распоряженіи, и сказала:

— Милостивый государь! я чужого ничего не желаю, но если бы вамъ угодно было одолжить мнѣ заимообразно хоть пять рублей, то я весьма была бы вами облагодѣтельствована!

Я готовился уже вынуть изъ бумажника требуемыя деньги, какъ въ то же самое время, гремя бубенчиками и колокольцами, къ воротамъ подъѣхалъ экипажъ, и я услышалъ въ сѣняхъ знакомый мнѣ голосъ Семена Ивановича Призорова, сосѣда моего по имѣнію, а Марья Петровна, при первыхъ звукахъ этого голоса, замѣтно сконфузилась.

— Милостивый государь! Позвольте васъ поторопить, потому что я не желала бы, чтобъ заклятой мой врагъ видѣлъ мое униженіе!—сказала она.

Но было уже поздно, потому что дверь въ эту минуту отворилась, и Призоровъ вошелъ въ горницу.

— Ба! да и ты здѣсь, Скорпіона Аспидовна!—обратился онъ къ Музовкиной, поздоровавшись со мною.—По какому

Digitized by Google

же ты случаю становище свое перемѣнила? Вѣрно въ Михайловскомъ ужъ ремесло-то твое сдѣлалось невыгодно?

— Я не знаю, что̀ вамъ угодно сказать, Семенъ Иванычъ, а я никакимъ ремесломъ не занимаюсь,—стало-быть, слова ваши ничего больше, какъ обида мнѣ...

— Ужъ не просила ли она у васъ денегъ?—продолжалъ, между тѣмъ, Призоровъ.—Упаси васъ Боже дать что-нибудь!.. Ну-съ, Скорпіона Аспидовна, налѣво кругомъ маршъ!

— Помилуйте, Семенъ Иванычъ, я чужого ничего не желаю, а прошу только заимообразно...

Но Семенъ Иванычъ ничего не хотѣлъ слышать и, повернувъ Марью Петровну довольно безцеремонно, выпроводилъ ее изъ комнаты.

Дня черезъ три, будучи въ деревнѣ, я получилъ отъ Призорова записку слѣдующаго содержанія:

«Любезнѣйшій Николай Иванычъ! Послѣ того, какъ мы съ вами разстались, извѣстная вамъ Скорпіона Аспидовна сочла нужнымъ подать на васъ прошеніе, съ котораго, препровождая при семъ копію, прошу васъ принять увѣреніе, и пр.»

Въ прошеніи было изображено:

«Такого-то числа, мѣсяца и года, собравшись я, по усердію своему, на поклоненіе св. мощамъ въ *** монастырь, встрѣчена была на постояломъ дворѣ, въ деревнѣ Овонининой, здѣшнимъ помѣщикомъ, господиномъ Николаемъ Иванычемъ Щедринымъ, который, увлекши меня въ горницу... (Слѣдовали обвинительные пункты).

«И потому о таковомъ насильственномъ со мною поступкѣ господина помѣщика Щедрина, доводя до свѣдѣнія *** уѣзднаго суда»...

«Однакожъ, это, чортъ возьми, скверно!» — подумалъ я, прочитавши прошеніе, и приказалъ закладывать лошадей, чтобъ ѣхать немедленно въ городъ.

Digitized by Google

IV.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ и МОНОЛОГИ.

Просители.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь Левъ Михайловичъ Чебылкинъ, старецъ, украшенный сѣдинами, съ кроткимъ и благосклонно улыбающимся лицомъ; походка медленная, голосъ мягкій, почти младенческій.

Княжна Анна Львовна, дочь его, высокомѣрная дѣвица, лѣтъ тридцати пяти.

Самуилъ Исаковичъ Шифель, неизвѣстныхъ лѣтъ; медикъ, обладающій походкой такъ-называемыхъ австрійскихъ камергеровъ, съ перевальцемъ. Съ трудомъ скрываетъ свое іудейское происхожденіе. Шифель—довѣренное лицо князя.

Отставной капитанъ Пафнутьевъ, проситель, шестидесяти лѣтъ, съ подвязанною рукой и деревяшкой вмѣсто ноги; видъ имѣетъ не столько воинственный, сколько наивный; голова плѣшивая, усы и бакенбарды отъ старости лѣзутъ; напротивъ того, на мѣстахъ, гдѣ не должно быть волосъ, какъ-то: на концѣ носа, оконечностяхъ ушей, таковые произрастаютъ въ изобиліи. До появленія князя стоитъ особнякомъ отъ прочихъ просителей, по временамъ шмыгаетъ носомъ и держитъ въ неповрежденной рукѣ приготовленную заранѣе просьбу.

Отставной подпоручикъ Живновскій. Объ этомъ лицѣ зри разсказъ: «Обманутый подпоручикъ».

Digitized by Google

Петръ Ѳедоровъ Забіякинъ, тридцати пяти лѣтъ, проситель, въ венгеркѣ и широкихъ шароварахъ, носитъ усы и говоритъ теноромъ. Комплекціи плотной. Сантиментальный буянъ.

Александръ Петровичъ Налетовъ, двадцати пяти лѣтъ, помѣщикъ. Смотритъ очень гордо и до появленія князя безпокойно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Съ такъ-называемыми gens de rien говоритъ отрывисто, прибавляя букву «э» и подражая голосомъ и манерами начальственнымъ лицамъ.

Ѳома Бѣлугинъ, купецъ 3-й гильдіи; въ поношенномъ сюртукѣ и шелковой жилеткѣ; физіономія замасленная; тученъ или, лучше сказать, жиренъ отъ спанья; бороды не бреетъ.

Егоръ Скопищевъ—тоже; ходитъ въ русской одеждѣ; страдаетъ одышкой, и потому вздыхаетъ.

Петръ Долгій
Семенъ Малявка
Алексѣй Сычъ } пейзане.

Анна Ивановна Хоробиткина, двадцати лѣтъ, жена канцеляриста, разодѣтая впухъ, декольтѐ и тщательно напомаженная.

Вдова коллежская секретарша **Шумилова**, сорока лѣтъ; физіономію имѣетъ оскорбленную; до появленія князя стоитъ молча въ углу и нерѣдко вытираетъ слезящіеся глаза и сморкаетъ носъ.

Разбитной, двадцати двухъ лѣтъ, чиновникъ при его сіятельствѣ; баловень фортуны, изъ породы тѣхъ, которыхъ губернскія дамы любятъ за comme il faut; ходитъ очень прямо и надменно, но въ сущности добрый малый, хотя и пустой.

Дежурный чиновникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ Крутогорскѣ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ пріемную комнату въ домѣ князя **Чебылкина**. При открытіи занавѣса просители стоятъ небольшими группами. **Живновскій** съ **Забіякинымъ**, **Бѣлугинъ** съ **Скопищевымъ**, **Хоробиткина** съ **Шумиловой**; одинъ **Пафнутьевъ** стоитъ особнякомъ. **Долгій**, **Малявка** и **Сычъ** стоятъ по стѣнкѣ и по временамъ испускаютъ глубокіе вздохи.

Забіякинъ *(Живновскому)*. И представьте себѣ, до сихъ поръ не могу добиться никакого удовлетворенія. Ужъ сколько разъ обращался я къ господину полиціймейстеру; наконецъ, даже говорю ему: «что жъ, говорю, Иванъ Карлычъ, справедливости-то, видно, на небесахъ искать нужно?»

Digitized by Google

(Вздыхаетъ). И что же-съ? Онъ же меня, за дерзость, едва при полиціи не заарестовалъ! Однако, согласитесь сами, могу ли я оставить это втунѣ? Еще если бы честь моя не была оскорблена, конечно, по долгу христіанина, я могъ бы, я даже *долженъ* бы былъ простить...

Живновскій. Да... да... христіанскій долгъ прощать повелѣваетъ... Это, знаете, у русскихъ въ обычаѣ...

Забіякинъ. Но, сознайтесь сами, вѣдь я дворянинъ-съ; если я, какъ человѣкъ, могу простить, то, какъ дворянинъ, не имѣю на это ни малѣйшаго права! Потому что я въ этомъ случаѣ, такъ сказать, не принадлежу себѣ. И вдругъ какой-нибудь высланный изъ жительства, за мошенничество, іудей проходитъ мимо тебя и смѣетъ усмѣхаться!

Живновскій. А позвольте спросить, эту усмѣшку кто-нибудь видѣлъ?

Забіякинъ. Какъ же-съ, были благородные свидѣтели: Павелъ Иванычъ Техоцкій, Дмитрій Николаичъ Подгонялчиковъ — всѣ именно видѣли, какъ онъ съ *презрительнымъ видомъ* усмѣхнулся. Такъ что жъ бы вы думали Иванъ Карлычъ-то? «Да я, говоритъ, тебя, скотина, въ бараній рогъ согну; да ты, говоритъ, еще почище будешь, гадина, нежели еврей Гиршель»... Ну, и тутъ были тоже свидѣтели-съ, какъ онъ меня такимъ манеромъ обзывалъ! А Иванъ Карлычъ на то намекаютъ, что я здѣсь нахожусь подъ надзоромъ по дѣлу о *битіи якобы* нѣкоего Свербило-Кржемпоржевскаго, такъ я на это имѣлъ свои резоны-съ; да къ тому же тутъ еще есть «якобы», стало-быть, еще неизвѣстно, кто кого раскровянилъ-съ.

Живновскій. Да, да, по-моему, ваше дѣло правое... то-есть, все равно, что Божій день. А только, знаете ли, напрасно вы связываетесь съ этими подьячими! Они, я вамъ доложу, возвышенности чувствъ понять не въ состояніи. На вашемъ мѣстѣ, я поступилъ бы какъ благородный человѣкъ *(движеніе со стороны Забіякина)*... то-есть вы не думайте, чтобы я сомнѣвался въ благородствѣ души вашей—нѣтъ!

Digitized by Google

А такъ, знаете, я взялъ бы этого жидочка за пейсики, да головенкой-то бы его объ косякъ стукъ-стукъ... Такъ онъ, я вамъ ручаюсь, въ другой разъ смотрѣлъ бы на васъ не иначе, какъ со слезами признательности... Этотъ народъ ученье любитъ-съ!

Г-жа Хоробиткина *(обмахиваясь и обиженнымъ голосомъ).* Ихъ сіятельство, кажется, изволили забыть, что ихъ ожидаютъ просители.

Живновскій *(подмигивая Забіякину).* Лакомый кусочекъ! а? Посмотрите-ко, тѣлеса какія!

Бѣлугинъ *(озлобленно).* Да-съ, часочка, поди, два ужъ дожидаемся! *(Скопищевъ вздыхаетъ; ему вторятъ Долгій, Малявка и Сычъ; Пафнутьевъ усиленно шмыгаетъ).* Кому дѣлать нече, оно въ охотку здѣсь разговаривать-то... *(Смотритъ на Живновскаго и Забіякина).*

Забіякинъ *(Живновскому).* Вѣдь этакой жестокій, необразованный народъ! Даже подождать не можетъ! даже не постигаетъ, что образованные люди могутъ найти высокое наслажденіе въ откровенной бесѣдѣ!.. Это у нихъ, изволите видѣть, не дѣло!

Бѣлугинъ *(усмѣхаясь).* А неужто жъ и дѣло—слушать, какъ вы сквернословите?

Забіякинъ *(не слушая его).* А знаете ли, что̀ по-ихнему дѣло называется? Продать связку-другую баранковъ, надуть при этомъ на копейку—вотъ это дѣло-съ!.. Принадлежа къ высшему классу общества, знаете, даже какъ-то совѣстно за нихъ, совѣстно за отечество!

Живновскій. А вотъ, дайте срокъ, мы ихъ маленько переберемъ-съ... У меня это такая ужъ манера: до страсти люблю трепать ихнія бороды...

Бѣлугинъ *(язвительно, но съ легкимъ оттѣнкомъ сомнѣнія въ справедливости своихъ собственныхъ словъ).* Ну, это еще какъ удастся бороды-то трепать! Эва! не убивши еще медвѣдя, ужъ шкуру продаетъ!.. Только чудо, право!

Живновскій. Ладно, братъ, еще такъ вычешемъ, что̀ твой

Digitized by Google

станецъ! *(Къ Забіякину)*. Такъ вы собственно по дѣлу о жидѣ сюда пожаловали?

Забіякинъ. Да-съ, вотъ и просьба въ этомъ смыслѣ написана... Тутъ вотъ, сбоку, покрупнѣе написано вкратцѣ содержаніе: *о медленности крутогорскаго полиціймейстера Кранихгартена по дѣлу объ обидѣ евреемъ Гиршелемъ отставного прапорщика Забіякина*—знаете, чтобъ его сіятельству сразу было видно, въ чемъ дѣло.

Живновскій. Такъ вы тоже военная косточка?.. Очень радъ, очень радъ быть знакомымъ!

Забіякинъ. Какъ же-съ; служилъ шесть мѣсяцевъ въ Крапивенскомъ егерскомъ полку; только въ атакахъ быть не удостоился. Что дѣлать-съ, всякому свое счастье!

Живновскій. Очень пріятно. Но знаете ли, я вамъ, какъ старый товарищъ, правду-матку долженъ сказать: едва ли вы получите удовлетвореніе по просьбѣ...

Забіякинъ. Почему же-съ?

Живновскій. Потому что тутъ, знаете, шахеръ-махеръ, рука руку моетъ... *(шепчетъ Забіякину на ухо и потомъ продолжаетъ вслухъ)*. Послѣ этого, какимъ же образомъ? Ну, я васъ спрашиваю, будьте вы сами на мѣстѣ князя!

Забіякинъ *(пожимая плечами и обращая сантиментально глаза къ небу)*. Послѣ вашихъ словъ, что жъ остается дѣлать, какъ не склониться передъ волею Провидѣнія!

Живновскій. Тутъ, батюшка, толку не будетъ! То-есть, коли хотите, онъ и будетъ, толкъ-отъ, только не вашъ-съ, а собственный ихній-съ!.. Однако, вы вотъ упомянули о какомъ-то *«якобы избитіи»*—позвольте полюбопытствовать! Я, знаете, съ молодыхъ лѣтъ горячность имѣю, такъ мнѣ такія исторіи... знаете ли, что я вамъ скажу? Какъ посмотришь иной разъ на этакого гнуснаго штафирку, какъ онъ съ камешка на камешокъ пробирается, да боится даже кошку задѣть, такъ даже кровь въ тебѣ кипитъ: такая это отвратительная картина!

Digitized by Google

Забіякинъ *(конфузясь)*. Да вы, поручикъ, быть-можетъ, полагаете, что тутъ...

Живновскій. И, полноте! Ужъ, вѣрно, тутъ найдутся всякіе милые мордасы и любезныя зуботычины... ха-ха!

Забіякинъ. Извольте видѣть, были мы какъ-то въ трактирномъ заведеніи, ну, и Свербило-Кржемпоржевскій тутъ же...

Живновскій. И фамилія-то какая анаѳемская! Ну, какъ же такихъ людей не бить-то?

Забіякинъ. Я, знаете, давно этого господина не долюбливалъ, потому что онъ хоть и не то чтобы совсѣмъ жидъ, а все-таки жидомъ припахиваетъ... Смѣсь, знаете, жида съ меделянскою собакой...

Скопищевъ *(вполголоса)*. Вѣдь эва что̀ выдумалъ!

Забіякинъ. Только онъ сидитъ и прихлебываетъ себѣ чай... Ну, взорвало, знаете, меня, не могу я этого выдержать! Пей онъ чай, какъ люди пьютъ, я бы ни слова—Богъ съ нимъ! А то, знаете, помаленьку, точно Богъ вѣсть какимъ блаженствомъ наслаждается... Ну, я, конечно, въ то время его раскровянилъ.

Живновскій. Ха-ха! Отлично! Знаете, вы напомнили мнѣ мою молодость! *(Жметъ ему руку)*.

Забіякинъ (*съ чувствомъ*). Ну, а вы, поручикъ, вы по какому случаю здѣсь?

Живновскій. У меня дѣло вѣрное. Жилъ я, знаете, въ Воронежской губерніи, жилъ и, можно сказать, бѣдствовалъ! Только Сашка Топорковъ—вотъ, я вамъ доложу, душа-то!—«скатай-ко, говоритъ, въ Крутогорскъ; тамъ, говоритъ, винцо тенерифъ есть — такъ это точно мое почтеніе скажешь!» Ну, я и пріѣхалъ!

Забіякинъ. Какія же ваши намѣренія, если позволено будетъ полюбопытствовать?

Живновскій. А намѣренія мои — городишко какой-нибудь получить... Такъ, знаете, немудреный — чтобъ рѣка была судоходная, ну, или тамъ раскольники, что ли... Однимъ словомъ, чтобы влачить существованіе было возможно.

Digitized by Google

Забіякинъ. Да, это статьи хорошія-съ; не знаешь даже, которой отдать преферансъ *(подумавъ)*; а всего бы лучше, кабы обѣ вмѣстѣ соединить... Не правда ли, поручикъ? *(Пафнутьевъ, который въ это время прислушивался къ разговору, вдругъ прыскаетъ со смѣху отъ одной идеи возможности осуществленія предположеній Забіякина).*

Живновскій. Ишь его разобрало! *(Тихо Забіякину).* Вѣрно совмѣстникъ-съ... раненый...

Забіякинъ. Не имѣю удовольствія знать. А впрочемъ, осмѣлюсь вамъ доложить, поручикъ, что нынче мѣста подобнаго рода ужасно какъ туго даются. Былъ у меня знакомый... ну, самый, то-есть, милый человѣкъ... и образованный, и съ благородными чувствами... такъ онъ даже цѣлый годъ ходилъ, чтобъ только мѣсто станового получить, и все, знаете, одинъ отвѣтъ *(подражая голосу и манерѣ князя Чебылкина):* «нѣтъ мѣста, нѣтъ, мой милый, нѣтъ мѣста! подождите, любезный!» Такъ онъ, знаете ли, какую штуку удралъ! «Коли, говоритъ, нѣтъ у вашего сіятельства мѣста станового, такъ, по крайней мѣрѣ, позвольте хоть въ жены станового!»

Живновскій. Ха-ха! А вѣдь, знаете, онъ не глупо выдумалъ, вашъ пріятель! Бываютъ случаи, что женой станового даже выгоднѣе быть, нежели самимъ становымъ!

Бѣлугинъ *(вполголоса).* Ишь наругатели какіе!

Забіякинъ. И что жъ бы вы думали? Этой, можно сказать, блистательной фразѣ пріятель мой обязанъ былъ мѣстомъ! Его сіятельство улыбнулись: «ну, ужъ, говоритъ, коли такъ тебя забрало, дать ему мѣсто станового!» Оно выходитъ и справедливо, что съ вельможами нужно быть завсегда откровеннымъ, потому что вельможа, вы понимаете, такъ воспитанъ, что благородство чувствъ ему доступно... Вотъ былъ у насъ начальникъ—Бенескриптовъ (изъ *прискорбныхъ-съ*), такъ этотъ, бывало, и разговаривать не станетъ: «давай, говоритъ, мнѣ прежде наличными». Ну, а сами знаете, гдѣ же благородному человѣку наличныхъ взять?

Digitized by Google

Благородный человѣкъ является какъ есть, съ открытою душой... Другое дѣло впослѣдствіи, когда, знаете, оперится... Ну, тогда точно что было бы неблагодарно не удѣлить начальству.

Живновскій (*задумчиво*). Ну, нѣтъ, отъ меня ужъ не отвертится... я, пожалуй, и за горло ухвачу. (*Поднимаетъ руки и разставляетъ пальцы граблями*).

Забіякинъ. Конечно-съ; такого подчиненнаго, какъ вы, имѣть пріятно.

Живновскій. Еще бы! Насчетъ этой исполнительности, я, просто, не человѣкъ, а огонь! Люблю, знаете, распорядиться! Ну, просто, я вамъ вотъ какъ доложу: призови меня къ себѣ его сіятельство и скажи: «Живновскій! не нравится вотъ мнѣ эта борода (*указываетъ на Бѣлугина*), задуши его, мой милый»—и задушу! То-есть, самъ тутъ замру, а задушу. (*Бѣлугинъ плюетъ*). Не плюйся, не плюйся, борода! Погоди плеваться-то!

СЦЕНА II.

Тѣ же и Налетовъ.

Налетовъ (*входитъ съ шумомъ; въ одномъ глазу у него стеклышко; онъ останавливается посреди залы и окидываетъ взглядомъ просителей. Пафнутьевъ ему кланяется*). Э... скажите, пожалуйста, князь принимаетъ? (*Отвѣта нѣтъ; только Пафнутьевъ подается впередъ, но и тотъ умолкаетъ*). Э... это удивительно! въ передней никого нѣтъ... что за genre! (*Ходитъ по залѣ*).

Бѣлугинъ (*вынимаетъ изъ жилетки серебряную луковицу*). Да-съ; теперича будетъ часика три, какъ дожидаемся... (*Къ Скопищеву*). А что, Егоръ Иванычъ, видно убраться отселева за добра-ума?

Скопищевъ (*вздыхая*). Дѣло-то наше такое... Нѣтъ, ужъ заодно, видно, подождать, Ѳома Савичъ.

Бѣлугинъ. А и то инъ подождать; дѣло-то у насъ больно

Digitized by Google

ужъ ровно очень несообразное затѣялось... никогда и не слыхивано: такое, братецъ ты мой, дѣло!

Скопищевъ. А что?

Бѣлугинъ. Да такое, братецъ ты мой, дѣло, что даже завѣрить трудно. Задумалъ я, братецъ ты мой, строиться, воображеніе свое то-есть соблюсти... (*Продолжаетъ разсказывать шопотомъ*).

Налетовъ (*очень громко*). Э... однакожъ, я не привыкъ такъ долго дожидаться!.. (*Обращается къ Забіякину*). Сдѣлайте одолженіе, доложите хоть вы князю,—скажите ему, что помѣщикъ Налетовъ пріѣхалъ.

Забіякинъ (*съ сладкою улыбкою и жмуря глаза*). Извините меня, Александръ Петровичъ, но я не имѣю права, я не осчастливленъ довѣренностью князя. (*Показываетъ на дверь, ведущую во внутренніе покои, какъ бы желая сказать, что онъ не смѣетъ войти туда*).

Налетовъ. Какая это, однакожъ, досада! Но скажите, пожалуйста, почему жъ вы меня знаете?

Забіякинъ. Помилуйте-съ... вы довольно по губерніи извѣстны своимъ просвѣщеніемъ.

Налетовъ. Э... однакожъ, князь, кажется, этого не знаетъ.

Забіякинъ (*улыбается, мотаетъ головой и показываетъ на лобъ*). Не взыщите-съ.

Налетовъ. Д-да? Ну, это другое дѣло! (*Входитъ дежурный чиновникъ очень смирной наружности*). Э... скажите пожалуйста, мой любезный, скоро князь принимать будетъ?

Чиновникъ. Неизвѣстно-съ.

Налетовъ. Э... въ такомъ случаѣ доложите, пожалуйста, князю, что помѣщикъ Налетовъ пріѣхалъ засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе... Помѣщикъ Налетовъ.

Чиновникъ. Я не смѣю докладывать: ихъ сіятельство завтракать изволятъ.

Бѣлугинъ (*вполголоса*). Такъ-то вотъ—все ѣсть! Давеча чай съ кренделями кушалъ, теперича завтракаетъ, ужо, поди, за обѣдъ сядетъ—только чудо, право, какъ и дѣла-то дѣлаются!

Digitized by Google

Налетовъ. Э... однакожъ, это странно! Скажите, пожалуйста, гдѣ я могу, по крайней мѣрѣ, найти Леонида Сергѣича Разбитного? Хоть бы онъ объяснилъ князю, что я не кто-нибудь...

Бѣлугинъ (*тихо Скопищеву*). Подождешь, братъ! Больно высоко крылья подымаешь!

Чиновникъ. Леонидъ Сергѣичъ съ княземъ кушаютъ... Прикажете сказать имъ?

Налетовъ. Да, пожалуйста. (*Чиновникъ выходитъ; Налетовъ продолжаетъ ходить по залѣ и напѣвать вполголоса, а по временамъ и довольно громко, какую-то арію*).

Живновскій (*вполголоса Забіякину*). Это что за птица?

Забіякинъ. Налетовъ, Александръ Петровичъ, здѣшній помѣщикъ... образованнѣйшій!

Живновскій. А, понимаю, фюрлю-мюрлю... Въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ ни алтына, а въ головѣ *вѣтры сѣверные ду...ютъ, гулять не пойду.*

Забіякинъ. Нѣтъ, поручикъ: Александръ Петровичъ помѣщикъ достаточный. Съ ними, можно сказать, всѣ здѣшнія власти въ духовномъ свойствѣ обрѣтаются.

Живновскій. А не знаете вы, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

Забіякинъ. А, право, не могу вамъ доложить... Должно полагать, что по дѣлу объ умертвіи черноборской мѣщанской дѣвки Пучеглазовой.

Живновскій. А что? Видно, тово... (*Дѣлаетъ движеніе рукою сверху внизъ*).

Забіякинъ (*улыбаясь*). Должно-быть, что не безъ того-съ. По человѣчеству, знаете... А вѣдь прискорбно будетъ, поручикъ, если вы, съ вашими познаніями, съ вашими способностями, съ вашимъ патріотизмомъ—потому что порядочный человѣкъ не можетъ не быть патріотомъ,—прискорбно будетъ, если со всѣмъ этимъ вы не получите себѣ приличнаго мѣста...

Живновскій. Кто? Я не получу? Нѣтъ-съ, ужъ это аттѐнде-съ; я ужъ это въ своей головѣ такъ рѣшилъ, и слѣдственно

Digitized by Google

рѣшенія этого никто измѣнить не можетъ! Да помилуйте, чорта же ли ему надобно! Вы взгляните на меня! (*Протягиваетъ впередъ руки, какъ будто держитъ возжи*).

Забіякинъ. Да, конструкція настоящая полицейская... однако, случаи бываютъ всякіе... Вотъ третьяго года пріѣзжалъ сюда въ полиціймейстеры проситься... мужчина безъ малаго трехъ аршинъ былъ, даже страшно смотрѣть—машинища какая! Однако, ему отказали, а дали мѣсто этому плюгавому Кранихгартену.

Живновскій. Да нѣтъ! да вы поймите, вѣдь этого нельзя! На меня посмотрѣть—такъ картина! А у этого трехъаршиннаго, вѣрно, изъянъ какой-нибудь былъ. (*Рѣшительнымъ тономъ*). Нельзя этого!

Забіякинъ. А что вы думаете? Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ изъянъ... это бываетъ! Я помню, какъ-то изъ Пермской губерніи проѣзжали здѣсь, мѣщанина показывали, слишкомъ трехъ аршинъ-съ. Такъ вы не повѣрите... точный ребенокъ-съ! До того ужъ, знаете, великъ, что стоять не въ силахъ. Постоитъ-постоитъ для примѣру да и сядетъ: собственная это, знаете, тяжесть-то его такъ давитъ.

Живновскій. Какъ же вотъ и не сказать тутъ, что природа-то все премудро устроила!.. Вотъ онъ готовъ бы до небесъ головой-то долѣзти, анъ ему природа говоритъ: «шалишь! молода, въ Саксоньи не была! Изволь-ка посидѣть!» Ахти-хти-хти-хти! всѣ, видно, мы люди, всѣ человѣки!

Забіякинъ (*крѣпко сжимая ему руку*). Именно такъ, поручикъ, именно такъ! Святую вы истину сказали: всѣ мы люди, всѣ человѣки!

Живновскій. Однакожъ, и въ самомъ дѣлѣ сіятельный-то князь что-то долго поворачивается! У меня, значитъ, и въ животѣ дрожки проѣхали; не мѣшало бы, знаете, выпить и закусить... А вы, чай, съ Настоемъ Ерофеичемъ тоже знакомы?

Забіякинъ. У насъ въ полку его Настасьей Ерофевной прозывали... Какъ же-съ, пью.

Digitized by Google

Живновскій. Ха-ха! Настасья Ерофевна! А надо правду сказать, что нашъ братъ военный какъ ужъ скажетъ что̀, такъ именно, можно сказать, помеломъ причешетъ!

Налетовъ (*въ нетерпѣніи останавливаясь посреди залы*). Э... однако, это просто терпѣнья никакого недостаетъ! Быка, что-ли, они тамъ ѣдятъ! Даже Разбитной не идетъ. (*Становится противъ Хоробиткиной и устремляетъ на нее свое стеклышко. Въ сторону*). А недурна! Есть надъ чѣмъ позаняться. (*Вслухъ ей*). Э... вы, сударыня, вѣрно тоже съ просьбой къ князю?

Хоробиткина (*потупляя глаза и зарумяниваясь*). Точно такъ-съ; только ихъ сіятельство чтой-то ужъ очень долго держатъ!..

Налетовъ. Да вы бы сѣли, сударыня. (*Подаетъ стулъ Хоробиткиной, которая жеманится*).

Живновскій (*Забіякину*). Это значитъ: пошелъ нашъ соколъ по клюкву по ягоду!

Хоробиткина. Помилуйте-съ, вы слишкомъ учтивы, графъ.

Налетовъ. Это нашъ долгъ служить прекрасному полу. (*Садится возлѣ нея*). Э... а у васъ вѣрно какое-нибудь важное дѣло? Мамаша обидѣла? (*подражая произношенію маленькихъ дѣтей*) платьица хорошенькаго не купила? куколку не подарила? конфетки не дала?

Хоробиткина (*рдѣя*). Ахъ, какіе вы насмѣшники! Развѣ я маленькая, чтобы мнѣ въ куклы играть?

Налетовъ. Еще бы! Ну, признайтесь, давно ли вы ходить начали? Все, чай, «мамаса», «папаса»! Ну, признайтесь!

Хоробиткина (*наивничая*). Помилуйте-съ, какъ это возможно! Я ужъ два года замужемъ!

Налетовъ. Э... не можетъ этого быть! Вы на себя клевещете! Да, впрочемъ, это извѣстная замашка у дѣтей прибавлять себѣ лѣта... (*Дѣтскимъ произношеніемъ*). Ну, пьизнайтесь, большой оценъ хочется быть?

Живновскій (*Забіякину*). Ишь, шельма, какъ таетъ! Молодецъ онъ, а все, знаете, не то, что̀ въ наше время бы-

Digitized by Google

вало... орлы! Налетишь, бывало, изъ-за сизыхъ тучъ, такъ всѣ эти курочки словно сожмутся, даже взглянуть не смѣютъ: просто, трепетъ какой-то!

СЦЕНА III.

Тѣ же и Шифель (*который, нѣсколько избочившись по-камергерски и забѣгая впередъ правой ногой, намѣревается перейти черезъ пріемную комнату во внутренніе покои*).

Налетовъ (*быстро устремляясь навстрѣчу Шифелю*). А! Самуилъ Исаковичъ! спаситель! хоть бы вы нашему князю діэту предписали! Шутка ли! цѣлыхъ полчаса здѣсь изнываю, покуда его сіятельство изволитъ завтракать.

Шифель. Да, князь любитъ покушать. Знаете, *mens sana in corpore sano;* а у кого тѣло въ добромъ здоровьи да совѣсть чиста, такъ желудокъ ужасно какую массу перевариваетъ... А у нашего князя именно чистая совѣсть!

Налетовъ. А вы къ нему?

Шифель. Нѣтъ, я къ княжнѣ: она у насъ что-то прихварываетъ. Я и то ужъ сколько разъ ей за это выговаривалъ: «дурно, ваше сіятельство, себя ведете!» Право, такъ и выразился, ну и она ничего, даже посмѣялась со мною. Впрочемъ, тутъ наша наука недостаточна (*тихо Налетову*): знаете, тамъ хоть княжна, хоть не княжна, а все безъ мужа скучно; (*громко*) таковъ ужъ законъ природы.

Налетовъ. Не можете ли вы хоть намекнуть князю, что я его ожидаю?

Шифель. Съ удовольствіемъ, отчего же! Только я вамъ скажу, что у князя пищевареніе очень, очень трудно всегда совершается!..

Налетовъ. Ну, хоть Разбитного. Я уже послалъ за нимъ, да что-то нейдетъ.

Шифель. То-есть, Леонида Сергѣича, хотите вы сказать?

Налетовъ. Ну, да.

Шифель. Такъ онъ у насъ Разбитнымъ ужъ не назы-

Digitized by Google

вается, а называется Леонидомъ Сергѣичемъ... отношенія, знаете...

Налетовъ. А что же такое?

Шифель *(вполголоса).* Онъ нынче довѣренное лицо у князя, а особливо у княжны... знаете, послѣ этой исторіи съ Техоцкимъ...

Налетовъ. Гм!

Шифель. То-то. Вы не вздумайте его, попрежнему, Разбитнымъ называть... то-есть, вы, однакожъ, не подумайте, чтобъ между нимъ и княжной... нѣтъ! А знаете, невинныя этакъ упражненія; онъ вздохнетъ, и она вздохнетъ; она скажетъ: «ахъ, какъ сегодня въ воздухѣ весной пахнетъ!» А онъ отвѣчаетъ: «да, весна обновляетъ человѣка», или что-нибудь въ этомъ родѣ... *(Хохочутъ оба).* Только вы, смотрите, не выдавайте меня!

Налетовъ. Помилуйте, какъ можно! Однако, вы проказникъ, Самуилъ Исаковичъ! *(Хохочетъ):*

Шифель. А вы здѣсь, вѣрно, по тому дѣлу?

Налетовъ. Ну, да; надоѣло ужъ оно мнѣ. Да и ваше-то губернское начальство хорошо! Изъ-за какой-нибудь дѣвки столько embarras подняли, точно сыръ-боръ загорѣлся!

Шифель. Шалунъ! А зачѣмъ же было поступать такъ неосторожно?.. Ну, да Богъ милостивъ, какъ-нибудь дѣло устроится: князь у насъ человѣкъ души необыкновенной; это, можно сказать, ангелъ, а не человѣкъ...

Налетовъ. Помогите хоть вы мнѣ какъ-нибудь. Сами согласитесь, за что я тутъ страдаю? Ну, умерла дѣвка, ну, и похоронили ее: стоитъ ли изъ-за этого цѣлый годъ благороднаго человѣка безпокоить! Вѣдь они меня съ большого-то ума чуть-чуть подъ судъ не отдали!

Шифель *(грозя пальцемъ).* Шалунъ! А что по свидѣтельству-то оказалось?

Налетовъ. Нѣтъ, позвольте, Самуилъ Исаковичъ, ужъ если такъ говорить, такъ свидѣтельствъ было два: по одному точно что «оказалось», а по другому ровно ничего не ока-

Digitized by Google

залось. Такъ, по-моему, вѣрить слѣдуетъ послѣднему свидѣтельству, во-первыхъ, потому, что его производилъ человѣкъ благонамѣренный, а во-вторыхъ, потому, что и законъ велитъ слѣдователю дѣйствовать не въ ущербъ, а въ пользу обвиненнаго... Обвинить всякаго можно!

Шифель. Ну, да, ну, да *(смѣется)*; а скажите-ка по совѣсти, wie viel haben sie... за послѣднее-то свидѣтельство?

Налетовъ *(горячась)*. Ну, нѣтъ, Самуилъ Исаковичъ, ни-ни! Этого вы, пожалуйста, и не подозрѣвайте! Да помогите же вы мнѣ, мой многоуважаемый! Я вотъ только хотѣлъ его сіятельству почтеніе сдѣлать, и отъ него къ вамъ...

Шифель. А! пріѣзжайте! Можно будетъ направо-налѣво переметнуть... Ну, и поговоримъ. *(Уходитъ)*.

Налетовъ *(вслѣдъ ему)*. Такъ вы, пожалуйста, напомните князю, что я его здѣсь дожидаюсь. *(Возвращается на свое мѣсто подлѣ г-жи Хоробиткиной)*.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, кромѣ Шифеля.

Живновскій *(Забіякину)*. Кажется, намъ съ вами ночевать здѣсь придется. Проходимецъ долженъ быть этотъ лѣкаришка! И какъ онъ далъ тонко почувствовать: «ну, и поговоримъ»! Общиплетъ онъ этого молодчика! Какъ вы думаете? Вѣдь тысячкой отъ этого прощелыги не отдѣлаешься?

Забіякинъ *(поднимая глаза къ небу)*. Поручикъ! хотите вы мнѣ вѣрить? *(Утвердительный знакъ со стороны Живновскаго)*. Такъ я васъ честью завѣряю, что если у Александра Петровича не заложено имѣніе, то онъ вынужденъ будетъ заложить его *въ самомъ непродолжительномъ времени*... Вѣрите мнѣ?

Живновскій. Отчего не вѣрить! Вы, батюшка, меня объ этомъ спросите, какъ благородные люди на эти удовольствія проживаются! Я самъ, да, самъ, вотъ какъ вы видите!.. Ну, да что объ этомъ вспоминать... зато пожили, сударь!..

Digitized by Google

Забіякинъ. Оно, коли хотите, меньше и нельзя. Положимъ, хоть и Шифель: человѣкъ онъ достойный, угнетенный семействомъ—ну, ему хоть три тысячи; ну, двѣ тысячи... *(Продолжаетъ шептаться, причемъ считаетъ на пальцахъ; по временамъ раздаются слова:* тысяча... тысяча... тысяча).

Бѣлугинъ. Эва, братъ Егоръ Иванычъ, сколь много нынче тысячъ-то развелось!

Скопищевъ *(вздыхая).* Намъ, братъ, съ тобою не дадутъ!

Бѣлугинъ. Инъ и впрямь торговлю бросать да и въ чиновники идти... оказія!

Налетовъ *(Хоробиткиной).* А скажите, пожалуйста, по вашему мнѣнію, какое чувство выше: любовь или дружба?

Хоробиткина. А вамъ какое до этого дѣло-съ?

Налетовъ. Да такъ; хотѣлось бы узнать, къ которому изъ двухъ чувствъ вы склоннѣе?

Хоробиткина. Какъ же можно сравнить-съ?

Налетовъ. То-есть, что же выше-то?

Хоробиткина. Ужъ разумѣется, дружба-съ.

Налетовъ. Почему же вы такъ полагаете?

Хоробиткина. Потому что любовь, извѣстно, одни пустяки-съ, такъ, мечтанье-съ.

Налетовъ. А мнѣ, напротивъ, кажется, что дружба мечтанье, а любовь существенное.

Хоробиткина. Ахъ, нѣтъ-съ! *(Напыщенно и впадая въ фистулу).* Влюбленный мужчина—это пожаръ-съ, другъ—это... это другъ-съ, одно слово! Влюбленный человѣкъ ни на какія жертвы не способенъ, а другъ—совсѣмъ напротивъ-съ.

Налетовъ. Нѣтъ, какъ хотите, а любовь все-таки слаще. Конечно, дружба имѣетъ достоинства—этого отнять нельзя; но любовь... ахъ, это божественное чувство! *(Хочетъ обнять ее, но она выскользаетъ).*

Бѣлугинъ. Ишь ты!

Семенъ Малявка *(стоявшій до сихъ поръ смирно, вдругъ начинаетъ суетиться, махаетъ руками и обращается ско-*

Digitized by Google

говоркою къ Долгому). Смотри, Пятруха, смотри! ишь ты! барышня-то! барышня-то! Ахъ ты, Господи! (*Но Долгій хранитъ суровое молчаніе, а Сычъ моргаетъ глазами*).

Живновскій. Это, что̀ называется, пришпорилъ.

Хоробиткина (*обижаясь*). Какой вы, однакожъ, дерзкій, графъ! (*Къ Малявкѣ*). Ну, а ты, мужикъ, чему обрадовался?

Налетовъ. Ну, полноте, я это такъ, въ порывѣ чувствъ... никакъ не могу совладѣть съ собою! Коли женщина мнѣ нравится, я весь тутъ... не обижайтесь, пожалуйста, будемте говорить, какъ друзья... Мы вѣдь друзья? а?

Хоробиткина (*тяжело дыша отъ волненія*). Право, графъ, я не знаю, какъ вамъ отвѣчать на ваши слова!.. Я бы желала знать, что̀ они означаютъ?

Налетовъ (*тихо*). Вы гдѣ живете, душенька?

Хоробиткина (*такъ же и кобенясь*). Я живу съ мужемъ у Ѳедосьи Петровны... вдова такая есть...

Налетовъ. Слушаю-съ. (*Громко*). Ну, а какъ полагаете, кто можетъ сильнѣе чувствовать: мужчина или женщина?

Хоробиткина. Какъ же можно сравнить? Разумѣется, женщина-съ!

Налетовъ. Почему же вы такъ думаете?

Хоробиткина. Потому что женщина всѣ эти чувства безсравнительнѣе понимать можетъ... Ну, опять и то, что женщина, можно сказать, живетъ для одной любви, и, кажется, нѣтъ еще той пріятности, которою не пожертвовала бы женщина, которая очень сильно влюблена. (*Смотритъ томно на Налетова.*)

Живновскій. Да бабёночка-то, батюшка, хоть куда! Ишь какіе турусы подпускаетъ! Облупитъ она его! Шифель облупитъ, и она тоже маху не дастъ—легокъ выѣдетъ молодецъ! (*За дверью слышится шумъ.*) Шш!.. кажется, самъ идетъ... (*Становится въ позицію; Шумилова сморкается; Забіякинъ закладываетъ одну руку за пуговицы венгерки, а въ другой держитъ прошеніе, стараясь принять видъ сколь можно любезный и развязный; Пафнутьевъ вздраги-*

Digitized by Google

заетъ и подается всѣмъ корпусомъ впередъ; Хоробиткина встаетъ и поправляетъ на груди выбившійся изъ-подъ платья шнурокъ; купцы и пейзане переминаются и вздыхаютъ; одинъ Налетовъ, развалившись, сидитъ на стулѣ. Картина. Однако тревога оказывается фальшивою, потому что, вмѣсто князя Чебылкина, въ дверяхъ появляется Леонидъ Сергѣичъ Разбитной).

СЦЕНА V.

Тѣ же и Разбитной.

Разбитной (*останавливаясь въ дверяхъ*). Кто меня здѣсь спрашивалъ?

Налетовъ (*поспѣшно вставая*). Ah! vous voilà, enfin, cher Леонидъ Сергѣичъ! charmé, charmé!

Разбитной (*подавая ему руку*). Такъ это вы меня спрашивали, мсьё Налетовъ! А мнѣ этотъ болванъ дежурный назвалъ какого-то Пролетаева! Mille pardons, что заставилъ васъ дожидаться... А я былъ занятъ... у насъ, знаете, князь—пренеутомимый старикашка! Все чтобы у него горѣло! Загонялъ совсѣмъ!

Живновскій (*выступая впередъ*). Губернія точно что, можно сказать, обширная; это не то что какое-нибудь нѣмецкое княжество, гдѣ плюнулъ, такъ ужъ въ другомъ царствѣ ногой растереть придется! Нѣтъ, тутъ надо-таки кой-что подумать (*вертитъ пальцемъ по лбу*).

Разбитной (*холодно осматривая Живновскаго, къ Налетову*). Ну, какъ у васъ тамъ, въ Черноборскѣ, поживаютъ? Какъ Желваковъ? Маремьянкинъ? Добрые, преданные старики! Особливо первый!

Живновскій. А позвольте узнать, объ какомъ Желваковѣ изволите говорить? У насъ былъ въ полку Желваковъ, лихой малый, такъ тотъ, кажется, опился... Можетъ-быть, это братъ его?

Разбитной (*смотря на него съ изумленіемъ, въ сторону*).

Digitized by Google

Вотъ пристала! (*Громко*). Нѣтъ, это дѣдушка того Желвакова... (*Къ Налетову*). Et voici notre existence, mon cher! tous les jours nous sommes exposés aux sottes questions de ce tas de gens qui puent, mais qui puent... pouah!

Живновскій. Надо, надо будетъ скатать къ старику; мы съ Гордѣемъ душа въ душу жили... Однако, какъ же это? Вѣдь Гордѣю-то нынче было бы подъ пятьдесятъ — такъ неужто дѣдушка его до сихъ поръ на службѣ состоитъ? Вѣдь старику-то безъ малаго сто лѣтъ выходитъ. Впрочемъ, и то сказать, тогда народъ-то былъ какой: едрёный, коренастый! Не то что нынче...

Разбитной (*пожимая плечами, къ Налетову*). Князь сейчасъ долженъ выйти: у старика, знаете, изжога сдѣлалась— покушать онъ любитъ—такъ насилу дышитъ...

Налетовъ. Какой непріятный случай!

Разбитной. А онъ объ васъ очень помнитъ... какъ же! Часто, знаете, мы сидимъ en petit comité: я, князь, княжна и еще кто-нибудь изъ преданныхъ... и онъ всегда вспоминаетъ: «а помнишь ли, говоритъ, какіе мы ананасы ѣли у Налетова — вѣдь это, братецъ, чудо! А спаржа, говоритъ, просто непристойная!..» Препамятливый старикашка! А кстати, вы знакомы съ княжной?

Налетовъ. Какъ же-съ, какъ же-съ, имѣлъ удовольствіе быть ей представленнымъ.

Разбитной. Mais n'est-ce-pas, quelle charmante petite femme?

Налетовъ. Oh, tout-à-fait charmante!

Разбитной. Есть въ ней, знаете, эта простота, эта мягкость манеръ, эта женственность, это je ne sais quoi enfin, которое можетъ принадлежать только аристократической женщинѣ. (*Воодушевляясь*). Ну, посмотрите на другихъ нашихъ дамъ... вѣдь это просто совѣстно, вѣдь отъ нихъ чутьчуть не коровьимъ масломъ воняетъ... Отъ этого я ни въ какомъ больше домѣ не бываю, кромѣ дома князя... Нѣтъ, какъ ни говорите, чистота крови—это ничѣмъ не замѣнимо...

Digitized by Google

Налетовъ. О, кто же въ этомъ сомнѣвается!

Разбитной. И при всемъ этомъ доброта! Во снѣ даже видить своихъ *милыхъ* бѣдныхъ... Согласитесь сами, въ наше время вѣдь это рѣдкость!

Налетовъ. О, безъ сомнѣнія!

Живновскій (*вступая въ разговоръ*). Вотъ вы изволили давеча выразиться объ ананасахъ... Нѣтъ, вотъ я въ Воронежѣ у купца Пазухина видѣлъ яблоки—ну, это точно что мое почтеніе! Клянусь честью, съ вашу голову каждое будетъ! (*Налетову*). Хотите, я сѣмечекъ для васъ выпишу? (*Налетовъ пожимаетъ плечами, а Разбитной смотритъ на Живновскаго, такъ сказать, въ упоръ*).

Разбитной (*къ Налетову*). А вы все по этому дѣлу... какъ, бишь, его?..

Налетовъ (*улыбаясь*). Да, объ этой дѣвкѣ... est-ce que ça vaut la peine d'en parler!

Разбитной. Д-да... eh bien, mon cher, je dois vous dire votre cause est perdue... Князь просто неумолимъ. Онъ у насъ, знаете, преупрямый старикъ, lorsqu'il s'agit de ces choses... вы понимаете? Это очень, очень непріятно, а тѣмъ больше мнѣ, который до сихъ поръ помнитъ вашъ милый пріемъ въ вашемъ великолѣпномъ château... (*Жметъ ему руку*). А скажите, пожалуйста, не имѣете ли вы въ виду какой-нибудь belle châtelaine? а? Ну, тогда я вамъ за себя не ручаюсь... les femmes, voyez-vous, c'est mon faible et mon fort en même temps... безъ этого я существовать не могу... будемъ, будемъ васъ навѣщать!

Живновскій (*въ сторону*). Ну, этотъ соколъ, кажется, еще почище будетъ помѣщика.

Налетовъ (*сконфуженный*). Очень радъ, очень радъ... Только какъ же это? Вы говорите, что мое дѣло проиграно... стало-быть, знаете... Ахъ, извините, мысли мои мѣшаются... но, воля ваша, я не могу взять этого въ толкъ... какъ же это?.. Да нельзя ли какъ-нибудь *направить* дѣло?

Разбитной. Mais je vous dis, qu'il est inéxorable...

Digitized by Google

Живновскій *(въ сторону)*. Облупитъ и этотъ!

Налетовъ. Но скажите сами, какъ же я вдругъ... нельзя же меня, какъ какого-нибудь послѣдняго каналью... нѣтъ, это невозможно!

Разбитной. Que voulez-vous? Мы употребляли всѣ мѣры... *(стучитъ по стѣнѣ)*. Вотъ!

Налетовъ. Да нѣтъ, это невозможно! Я, извините меня, не понимаю, какъ вы это такъ говорите, Леонидъ Сергѣичъ! Я самъ служилъ, и слѣдовательно знаю, что нѣтъ такого дѣла, которое нельзя бы было *направить*... Нѣтъ, мнѣ самому нужно говорить съ княземъ, онъ пойметъ... да, онъ пойметъ, что я дворянинъ... у него русская душа... У меня было два свидѣтельства... *(начинаетъ горячиться)*. Нѣтъ, вы не то чтобъ не могли, вы не *хотите* сдѣлать мнѣ снисхожденія! Я, наконецъ, малолѣтній былъ, когда это сдѣлалъ, мнѣ не было двадцати лѣтъ! Я сдѣлалъ это по глупости, по неопытности...

Разбитной. Ayez donc conscience, mon cher, вѣдь это случилось всего полгода тому назадъ — какое же тутъ малолѣтство!

Налетовъ *(не слушая его и все болѣе и болѣе разгорячаясь)*. Наконецъ, это дѣло мнѣ денегъ стоило! Я это докажу! Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, развѣ ужъ правосудія добиться нельзя! Это, наконецъ, гнусно! Я жаловаться буду, я дворянинъ!

Живновскій *(Забіякину)*. А вѣдь знаете, съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, свинство сдѣлали! Ну, взялъ—такъ удовлетвори же! у-до-вле-тво-ри же, наконецъ! Нѣтъ, это ужъ, воля ваша, грабежъ! *(Забіякинъ поднимаетъ глаза къ небу)*.

Разбитной. Tout ce que j'ai à vous conseiller d'abord, c'est de ne pas crier, parce que les cris, voyez-vous, ça ne vous mène à rien... Будете вы у Шифеля?

Налетовъ *(утихая)*. Да, буду, онъ звалъ.

Разбитной. Приходите запросто, прямо къ обѣду... мы, знаете, люди нецеремонные, живемъ по-деревенски. Тамъ,

Digitized by Google

можетъ-быть, и изыщемъ какіе-нибудь способы... Такъ при дете?

Налетовъ *(повеселѣе)*. Помилуйте, за величайшую для себя честь почту!

Живновскій (*Забіякину*). Облупитъ онъ его, жестоко облупитъ! *(Забіякинъ утвердительно киваетъ головой)*.

Разбитной *(обращаясь къ Хоробиткиной)*. Сударыня, позвольте узнать, въ чемъ заключается ваша просьба? *(Въ сторону)*. А недурна, чортъ побери!

Хоробиткина. Помилуйте-съ, я не къ вамъ, а къ его сіятельству, господину князю-съ.

Разбитной. Дѣло въ томъ, сударыня, что князь любитъ, чтобы просители излагали свое дѣло *просто, ясно, безъ околичностей*... Слѣдовательно, это мой долгъ, моя обязанность, сударыня, просить всѣхъ заранѣе, чтобы князь не затруднялся... *(скороговоркою)*. Сознайтесь сами, сударыня, вы можете заикаться, у другихъ бываетъ непріятная привычка жевать—я не про васъ это говорю, сударыня! Я, разумѣется, по долгу службы, обязанъ вынести всѣ эти непріятности, ну, а князь... Слѣдовательно, говорю я, въ подобномъ непріятномъ случаѣ, находясь, такъ сказать, при самой особѣ князя, я могу объяснить его сіятельству...

Бѣлугинъ *(въ сторону)*. Ишь какъ гладко расписываетъ! *(Хоробиткина молчитъ)*.

Разбитной *(любезно)*. Позвольте, по крайней мѣрѣ, узнать вашъ чинъ, имя и фамилію! Сдѣлайте одолженіе, вы не конфузьтесь... мы не людоѣды, хотя чиновники вообще бываютъ мало любезны... однако, мы людей не ѣдимъ... *(вполголоса)* особенно такихъ хорошенькихъ...

Хоробиткина (*опуская глаза*). Жена канцеляриста, Анна Ивановна Хоробиткина.

Разбитной. Ну-съ, Анна Ивановна, такъ въ чемъ же состоитъ *наша* просьба?

Налетовъ (*окончательно повеселѣвъ*). Анну Ивановну мамаша обидѣла; имъ хотѣлось куколку, а она не купила.

Digitized by Google

Хоробиткина. Вы все смѣетесь, графъ!

Разбитной (*къ Налетову*). Какъ, вы ужъ и въ графы попали! вотъ что значитъ дамскій кавалеръ! (*Хоробиткиной*). Такъ въ чемъ же *наша* просьба, любезная Анна Ивановна?

Хоробиткина. Это секретъ-съ... (*Снова потупляетъ глаза*).

Разбитной. Я долженъ вамъ сказать, милая Анна Ивановна, у князя нѣтъ секретовъ. Нашъ старикъ любитъ говорить à coeur ouvert... съ открытымъ сердцемъ — проклятый русскій языкъ! (*Вполголоса ей*). И притомъ неужели вы отъ *меня* хотите имѣть секреты?

Хоробиткина. Нѣтъ-съ... я не могу... я должна объясниться передъ его сіятельствомъ.

Разбитной. Отчего же передъ княземъ, а не передо мной? Повѣрьте, милая Анна Ивановна, что я сумѣю вполнѣ оцѣнить...

Хоробиткина. Помилуйте, какъ же это можно-съ! Князь— особы семейныя-съ, они понимать это могутъ-съ...

Живновскій. Ну, должна же быть просьбица!

Дежурный чиновникъ (*стремительно вбѣгаетъ*). Господа, князь идетъ! По мѣстамъ! (*Повторяется та же картина, что и въ предыдущей сценѣ. Воцаряется глубокое молчаніе. Входитъ князь, старикъ почтенной наружности, но вида скорѣе добраго, нежели умнаго; особенно замѣтно отсутствіе всякой проницательности. За нимъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, ковыляетъ Шифель*).

СЦЕНА VI.

Тѣ же, князь Чебылкинъ и Шифель.

Князь Чебылкинъ (*Шифелю*). Такъ ты полагаешь, милый, что это у нея нервное?

Шифель (*котораго все туловище находится сзади князя, а голова выдалась впередъ*). Точно такъ-съ, ваше сіятельство, опаснаго тутъ ничего нѣтъ; двѣ-три пилюлечки въ день, и все какъ рукой сниметъ-съ.

Digitized by Google

Князь Чебылкинъ. Да ты у меня смотри, ты мнѣ за нее отвѣчаешь.

Шифель. Только я осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что ихъ сіятельство очень ужъ сильно преданы умственнымъ упражненіямъ... головка у нихъ очень занята-съ...

Князь Чебылкинъ *(улыбаясь нѣжно).* Да; она у меня тово... не то что обыкновенная женщина...

Шифель. Какъ же, ваше сіятельство, можно! Это и по сложенію видно! У другихъ натура крѣпкая, совершенно какъ топоромъ вырубленная, а у ихъ сіятельства сложеньице, можно сказать, самое легонькое, зефирное-съ... Да и ткани не тѣ-съ, ваше сіятельство!

Князь Чебылкинъ. Такъ ты думаешь, что усиленныя умственныя упражненія ей вредны?

Шифель. Точно такъ-съ, ваше сіятельство. Сами изволите знать, нынче весна-съ, солнце грѣетъ-съ... а если къ этому еще головка сильно работаетъ... Ваше сіятельство! наша наука, конечно, больше простыхъ людей имѣетъ въ виду, но нельзя, однакожъ, не согласиться, что всѣ знаменитые практики предписываютъ, въ весеннее время, моціонъ, моціонъ и моціонъ.

Князь Чебылкинъ. Н-да?

Шифель. Такъ, ваше сіятельство, прикажете мнѣ теперь отправиться домой?

Князь Чебылкинъ *(задумчиво).* Н-да! Ну, поѣзжай, поѣзжай! Или вотъ что: ты ужъ сходи къ ней, скажи, что ей моціонъ необходимъ... а то меня-то она, пожалуй, не послушается... Скажи ей, что я самъ съ ней пойду пройтись...

Шифель. Слушаю-съ. *(Въ сторону).* Ахъ, чтобъ тебя чортъ побралъ, безголовый старикашка! *(Уходитъ).*

СЦЕНА VII.

Тѣ же, кромѣ Шифеля.

Налетовъ *(любезно расшаркиваясь передъ княземъ и округляя свои руки).* Ваше сіятельство... mon prince... очень

Digitized by Google

счастливъ, что имѣю честь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. (*Князь не можетъ припомнить*). Налетовъ, черноборскій помѣщикъ... прошлое лѣто изволили еще осчастливить своимъ посѣщеніемъ...

Разбитной (*слѣдующій за княземъ шагъ за шагомъ*). Ананасы большіе, ваше сіятельство!

Князь Чебылкинъ. Ахъ, да! очень радъ, очень радъ! Прекрасные, отличные ананасы... гдѣ, бишь, мы ихъ ѣли?

Разбитной. У господина Налетова, князь; вотъ онъ стоитъ предъ вами!

Князь Чебылкинъ. Ахъ, да! charmé! Налетовъ! Скажите, пожалуйста, знакомая что-то фамилія. Кажется, что-то было? (*Налетовъ раскрываетъ ротъ, но Разбитной дѣлаетъ ему жестъ*). Разбитной! mon cher, не помнишь ли ты?

Разбитной. Никакъ нѣтъ, князь; такого дѣла у насъ никогда не бывало... по крайней мѣрѣ, я не припомню.

Бѣлугинъ (*въ сторону*). Когда, чай, припомнить... стрекулисты вы этакіе!

Князь Чебылкинъ. Ну, въ такомъ случаѣ, очень радъ, очень радъ познакомится съ образованнымъ человѣкомъ. Ба! да, помнится, я ужъ знакомъ съ вами! Еще ананасы такіе прекрасные?

Разбитной (*въ сторону*). Ахъ ты, Господи! (*громко*). Да, это тотъ самый Налетовъ и есть, князь...

Князь Чебылкинъ. А! ну, очень хорошо! Прошу обѣдать! Княжна будетъ очень рада... elle s'ennuie, la pauvre enfant!

Налетовъ. Не позволите ли, mon prince, мнѣ теперь же засвидѣтельствовать почтеніе княжнѣ?

Князь Чебылкинъ. Что жъ, очень радъ! она, кажется, принимаетъ! А меня ужъ извините, у меня есть священныя обязанности! Очень радъ! (*Налетовъ уходитъ*).

Digitized by Google

СЦЕНА VIII.

Тѣ же, кромѣ Налетова.

Князь Чебылкинъ. А, кажется, онъ порядочный молодой человѣкъ! И смирный! Нынче молодые люди все дерзкіе, вольнодумцы... а этотъ, какъ, бишь, его?

Разбитной. Налетовъ, князь.

Князь Чебылкинъ. Ну, да, Налетовъ... Онъ, кажется, смирный?

Разбитной. Отличный молодой человѣкъ, князь. И въ какомъ порядкѣ у него имѣніе!

Князь Чебылкинъ. А! въ порядкѣ! Ну, это хорошо! Порядокъ во всякомъ устроенномъ обществѣ главное; потому-то такія общества и называются *благо*-устроенными... *(Вздыхаетъ. Подходя къ Хоробиткиной).* Ну, сударыня, что вамъ угодно?

Хоробиткина (*исполняясь возвышенными чувствами*). Князь, я пришла просить вашей защиты! Если вы не защитите меня, то я погибшая женщина!

Князь Чебылкинъ *(Разбитному).* Qu'est-ce qu'elle dit donc, qu'est-ce qu'elle dit? est-ce que c'est une femme perdue, par exemple?

Разбитной. Она говоритъ, что ее обижаютъ, князь, что она погибнетъ, если вы ее не защитите. *(Къ Хоробиткиной).* Извольте объяснить ваше дѣло *просто, ясно, безъ околичностей.*

Князь Чебылкинъ. Ну-съ, сударыня?

Хоробиткина. Мужъ мой, канцелярскій чиновникъ Хоробиткинъ, имѣющій счастье служить подъ высокимъ начальствомъ вашего сіятельства, поступаетъ со мной... *(Останавливается).*

Живновскій *(тихо Забіякину).* Каково баба-то рѣжетъ! а? Хотя бы нашему брату такъ объясниться!

Князь Чебылкинъ. Уховерткинъ! Я что-то такого не помню. Продолжайте, сударыня.

Digitized by Google

Хоробиткина *(потупляя глаза)*. Позвольте, князь, просить у васъ секретнаго разговора-съ..

Князь Чебылкинъ *(Разбитному)*. Qu'est-ce qu'elle a donc, cette femme?

Разбитной. Elle vous demande un entretien particulier.

Князь Чебылкинъ. Зачѣмъ же, душенька, намъ секретничать? У меня, душенька, секретовъ нѣтъ съ просителями... и я, наконецъ, не вижу никакой надобности... и зачѣмъ вы, душенька, такъ одѣлись? Вамъ должно-быть холодно?

Хоробиткина. Ваше сіятельство! я не могу изъявить передъ цѣлымъ свѣтомъ мой стыдъ... потому что я опозорена, ваше сіятельство, я несчастнѣйшая изъ женщинъ!

Князь Чебылкинъ. Въ чемъ же дѣло, сударыня?

Хоробиткина. Ваше сіятельство! довольно, если я вамъ осмѣлюсь доложить, что мужъ мой... но нѣтъ-съ, я не могу это выговорить-съ.

Живновскій *(вполголоса Забіякину)*. А! понимаю! стало-быть... *(Шепчетъ Забіякину на ухо. Пафнутьевъ, прислушивавшійся къ ихъ разговору, неожиданно фыркаетъ; князь обращаетъ взоры въ ту сторону)*.

Князь Чебылкинъ. Кажется, кто-то изъ васъ, господа, забываетъ, что просителю слѣдуетъ вести себя скромно. *(Къ Хоробиткиной)*. Что жъ такое дѣлаетъ мужъ вашъ, сударыня? *(Пафнутьевъ опять фыркаетъ)*. Господа, я долженъ буду приказать вывести нарушителя тишины!.. Продолжайте, сударыня.

Хоробиткина. Нѣтъ, князь, вы защитите меня! Вы позвольте мнѣ объясниться передъ вами секретно!

Князь Чебылкинъ. Извольте, сударыня, извольте. Снисходя на вашу просьбу, я согласенъ васъ выслушать. Я не могу потакать злоупотребленіямъ, даже супружескимъ, я люблю правду... *(Усиливъ голосъ)*. Я васъ выслушаю, сударыня, приходите завтра утромъ. *(Хоробиткина приседаетъ. Князь обращается къ вдовѣ Шумиловой)*. Ну-съ, а вы, сударыня?

Шумилова *(внезапно заливается цѣлымъ потокомъ слезъ,*

Digitized by Google

прерывающимся голосомъ). Вдова, батюшка, ваше сіятельство, вдова, коллежская секретарша Шумилова... защитите вы насъ, бѣдныхъ сиротъ...

Князь Чебылкинъ *(Разбитному)*. Je crois que c'est du ressort de la princesse?

Разбитной. Вы о пособіи, что ли, просите?

Шумилова. Ой, батюшка, ваше благородіе...

Разбитной. Обращайтесь къ князю, сударыня.

Шумилова. Батюшка, ваше сіятельство! хорошо, кабы пособіе-то... да нѣтъ ужъ моей моченьки, ваше сіятельство! Сироты больно одолѣли... Моченьки-то моей нѣтъ!

Князь Чебылкинъ. Что жъ вамъ угодно, сударыня?

Шумилова. Да я насчетъ дому-то... домишко, ваше сіятельство, старый... такъ, развалящій отъ покойника остался. Ну, вотъ только приходятъ вчерась землемѣры... *(Заливается)*. Тутъ, говорятъ, какую-то линію вести надо... Ой, батюшки!

Князь Чебылкинъ. Землемѣры, сударыня... это слѣдуетъ по закону... *(Разбитному)*. Expliquez-lui.

Разбитной. Вашъ домъ, вѣрно, не на мѣстѣ стоитъ, сударыня?

Шумилова. Какъ не на мѣстѣ! На мѣстѣ, ваше сіятельство, на землѣ стоитъ... и дѣдушки, и прадѣдушки наши такъ владѣли... Какъ не на мѣстѣ!

Разбитной. То-есть, я хотѣлъ сказать, что вашъ домъ не на плановомъ мѣстѣ выстроенъ?

Шумилова. Помилуйте, ваше благородіе...

Разбитной. Обращайтесь къ князю, вамъ говорятъ!

Шумилова. Помилуйте, ваше сіятельство, вѣдь еще наши дѣдушки домъ-отъ строили... Какъ не на мѣстѣ?

Разбитной. Стало-быть, не на мѣстѣ, если землемѣры говорятъ, что черезъ него линію вести надобно.

Шумилова. Помилуйте, ваше благ... ваше сіятельство, да какъ же это возможно, чтобъ черезъ живого человѣка линію вести... просто, зубоскалятъ они... два рублика серебромъ просятъ... *(Заливается)*.

Digitized by Google

Разбитной. Она ничего не понимаетъ, ваше сіятельство.

Князь Чебылкинъ *(строго).* Нехорошо, сударыня, нехорошо! Прежде нежели рѣшаться утруждать начальство, надо вникнуть въ предметъ... Нехорошо-съ... *(Переходитъ мимо купцовъ и крестьянъ на другую сторону зала, гдѣ стоятъ благородные просители. Купцы и крестьяне вздыхаютъ).*

Шумилова *(плача).* Господи! что жъ это такое съ нами будетъ!

Живновскій *(не переведя духа и безъ знаковъ препинанія).* Ваше сіятельство! наслышавшись столько о необыкновенныхъ качествахъ души вашего сіятельства и имѣя твердое намѣреніе по мѣрѣ моихъ силъ и способностей быть полезнымъ Престолъ-Отечеству, я не смѣлъ бы утруждать ваше сіятельство моей покорнѣйшей просьбой, если бъ не имѣлъ полной надежды оправдать лестное для меня довѣріе. *(Переводя духъ).* Проходя службу два года и три мѣсяца въ Бѣлобородовскомъ гусарскомъ полку въ чинѣ корнета, уволенъ изъ онаго по домашнимъ обстоятельствамъ и смерти единственной родительницы въ чинѣ подпоручика и скитаясь послѣ того какъ птица небесная гдѣ день, гдѣ ночь, возымѣлъ желаніе отдохнуть въ трудахъ служебныхъ... (*Выставляетъ ногу впередъ и начинаетъ декламировать*). Ваше сіятельство! благородной душѣ вашей будетъ понятна жажда дѣятельности, согрѣвающая душу благороднаго дворянина! Вы сами дворянинъ, ваше сіятельство! Вы, слѣдовательно, сами изволите понять, сколь великія обязанности возложены самою природой на это сословіе! Будучи дворяниномъ, нельзя не служить! Скажу болѣе: не служить, будучи дворяниномъ—это величайшая, постыднѣйшая неблагодарность противъ Престолъ-Отечества!

Князь Чебылкинъ *(Разбитному).* Mais il n'est pas bête cet homme! *(Живновскому).* Отчего же вы такъ долго собирались вступить на службу?

Живновскій. Ваше сіятельство! заблудшая овца, и въ Писаніи сказано, дороже...

Digitized by Google

Князь Чебылкинъ. То-есть кающаяся, хотите вы сказать?

Живновскій. Точно такъ, ваше сіятельство.

Князь Чебылкинъ. Очень радъ, очень радъ... мнѣ люди нужны, я ищу людей...

Живновскій. Рады стараться, ваше сіятельство!

Князь Чебылкинъ. Очень радъ, очень радъ. Подайте просьбу.

Живновскій *(вынимая сложенную бумагу, торчавшую между разстегнутыхъ пуговицъ сюртука).* Позвольте вручить, ваше сіятельство! *(Князь беретъ и хочетъ удалиться).*

Разбитной *(смотря проницательно на Живновскаго).* Позвольте, ваше сіятельство! Господинъ Живновскій, вы бывали подъ судомъ?

Живновскій *(смущаясь).* Какъ подъ судомъ?

Разбитной. Ну, да, подъ судомъ, подъ уголовнымъ судомъ, обыкновенно какой судъ бываетъ!

Живновскій. Былъ-съ.

Разбитной. Бывшихъ подъ судомъ дозволяется опредѣлять только подъ личною отвѣтственностью, князь.

Князь Чебылкинъ *(Живновскому).* Какъ же вы, любезный другъ, идете просить мѣста? Вѣдь вы знаете законъ? Нѣтъ, вы мнѣ скажите, знаете ли вы законъ?

Живновскій. Помилуйте, ваше сіятельство, если бъ вамъ извѣстно было, за какія дѣла я подъ судомъ находился— самые пустяки-съ! Можно сказать, вслѣдствіе благородства своихъ чувствъ, какъ не могу стерпѣть, чтобъ мнѣ кто-нибудь на ногу наступилъ...

Князь Чебылкинъ. Вотъ видите, любезный другъ, стало-быть, въ васъ строптивость есть, а въ службѣ первое дѣло—дисциплина! Очень жаль, очень жаль, мой любезный, а вы мнѣ по наружности понравились...

Живновскій. Да помилуйте же, ваше сіятельство!..

Князь Чебылкинъ. Нельзя, любезный другъ, нельзя. *(Подходитъ къ Забіякину. Сухо).* Ну, вы съ чѣмъ еще?

Digitized by Google

Живновскій *(въ сторону)*. Не вывезла кривая! *(Задумывается и, опустивши голову, начинаетъ кусать усы).*

Забіякинъ. Я, ваше сіятельство, о личной обидѣ.

Разбитной. На это полиціймейстеръ есть, князь.

Князь Чебылкинъ. Ну, да, полиціймейстеръ... обратитесь къ нему, онъ васъ разберетъ. *(Хочетъ удалиться.)*

Забіякинъ. Князь, позвольте! князь! и безъ того я угнетенъ уже судьбою! и безъ того я, такъ-сказать, уподобился червю, котораго можетъ всякая хищная птица клевать... Конечно, противъ обстоятельствъ спорить нельзя, потому что и Даніилъ былъ ввержень въ ровъ львиный, но вѣдь я погибаю, князь, я погибаю!

Разбитной. Ну, васъ и спасетъ полиціймейстеръ!

Живновскій *(въ сторону, задумчиво)*. Вѣдь тысячи полторы верстъ откаталъ, чортъ возьми!

Забіякинъ. Ваше сіятельство изволите говорить: полиціймейстеръ! Но неужели же я до такой степени незнакомъ съ законами, что осмѣлился бы утруждать васъ, не обращавшись прежде съ покорнѣйшею моей просьбой къ господину полиціймейстеру! Но онъ не внялъ моему голосу, князь, онъ не внялъ голосу оскорбленной души дворянина... Я—старый слуга отечества, князь, я, можетъ-быть, нѣсколько рѣзокъ въ моей откровенности, князь, а потому не имѣю счастія нравиться господину Кранихгартену... я не имѣю утонченныхъ манеръ, князь...

Князь Чебылкинъ *(нетерпеливо)*. Къ дѣлу, сударь, къ дѣлу!

Забіякинъ. Вчерашняго числа, въ третьемъ часу пополудни, шедши я съ отставными чиновниками: Павломъ Иванычемъ Техоцкимъ и Дмитріемъ Николаичемъ Подгоняйчиковымъ по Милліонной улицѣ для прогулки, встрѣтили мы сосланнаго сюда подъ надзоръ на жительство, за обманы и мошенничество, еврея Гиршеля. Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вашимъ сіятельствомъ объясняюсь, что ни я, ни товарищи мои не подали къ тому ни малѣйшаго по-

Digitized by Google

вода, потому что мы шли, разговаривая тихимъ манеромъ, какъ приличествуетъ мирнымъ гражданамъ, любящимъ свое отечество... Но Гиршель, проходя мимо, не внялъ долгу совѣсти и словамъ закона, повелѣвающаго оставлять мирнымъ гражданамъ безпрепятственно предаваться невиннымъ занятіямъ, и, тая на меня злобу, посмотрѣлъ на нашу сторону и *презрительно* улыбнулся. Конечно, князь, другой на моемъ мѣстѣ, какъ благородный человѣкъ, произвелъ бы тутъ дебоширство, но я усмирилъ волненіе негодующаго сердца и положилъ всю надежду на Бога... Однимъ словомъ, князь, я, какъ благородный человѣкъ, только засвидѣтельствовалъ дерзость презрѣннаго еврея и...

Разбитной. Ну, вотъ видите, о какихъ пустякахъ вы утруждаете его сіятельство!

Князь Чебылкинъ *(Разбитному).* Calmez-vous, mon cher, calmez-vous... lorsqu'on est haut placé, il faut bien boire le calice...

Забіякинъ. Вотъ вы изволите говорить, Леонидъ Сергѣичъ, что это пустяки... Конечно, для васъ это вещь не важная! Вы въ счастьи, Леонидъ Сергѣичъ, вы въ почестяхъ! Но у меня осталось только одно достояніе—это честь моя! Неужели же и ее, неужели же и ее хотятъ у меня отнять! О, это было бы такъ грустно думать!

Разбитной. Пожалуйста, объясняйте князю, не впутывая постороннихъ обстоятельствъ!

Забіякинъ. Это не постороннее обстоятельство, Леонидъ Сергѣичъ... *(Строго и закусывая нижнюю губу, какъ бы желая удержать рыданія).* Это... честь моя!

Князь Чебылкинъ. Дальше, сударь, дальше!

Забіякинъ. Засвидѣтельствовавъ, какъ я сказалъ, нанесенное мнѣ оскорбленіе, я пошелъ къ господину полиціймейстеру... Вѣрьте, князь, что не будь я дворянинъ, не будь я, можно сказать, связанъ этимъ званіемъ, я презрѣлъ бы все это... Но, какъ дворянинъ, я не принадлежу себѣ и въ нанесенномъ мнѣ оскорбленіи вижу оскорбленіе благо-

Digitized by Google

роднаго сословія, къ которому имѣю счастіе принадлежать! Я слишкомъ хорошо помню стихи старика Державина:

Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно...

И „что̀ жъ? господинъ Кранихгартенъ не только не принялъ моей просьбы, но меня же еще осмѣлился назвать шаверой!

Князь Чебылкинъ. У васъ это, „вѣроятно, все на бумагѣ написано?

Забіякинъ. Какъ же-съ, ваше сіятельство... *(Подаетъ прошеніе).*

Князь Чебылкинъ. Разберемъ, сударь, разберемъ. *(Передаетъ бумагу Разбитному.—Подходя къ Пафнутьеву.)* А! почтенный ветеранъ! *(Но Пафнутьевъ, къ общему удивленію, вѣроятно вспомнивъ о госпожѣ Хоробиткиной и ея мужѣ, вмѣсто объясненія своего дѣла, внезапно фыркаетъ).* Милостивый государь! вы, кажется, забыли, гдѣ вы находитесь? *(Вырываетъ изъ рукъ его просьбу и отдаетъ ее Разбитному).* Извольте, сударь, идти! *(Пафнутьевъ уходитъ; князь вслѣдъ ему).* Вы гдѣ потеряли руку? *(Пафнутьевъ останавливается, но, вмѣсто отвѣта, опять фыркаетъ).* Вонъ!

Живновскій. Смѣшливый часъ нашелъ-съ!

Князь Чебылкинъ *(Разбитному).* Подите, mon cher, узнайте, гдѣ этотъ почтенный ветеранъ руку потерялъ. *(Разбитной выходитъ. Къ Бѣлугину).* Ну, ты что̀?

Бѣлугинъ. А вотъ, ваше сіятельство, такое у насъ случилось дѣло, что даже не привидано...

Разбитной *(возвращаясь).* На охотѣ съ лошади упалъ, князь! *(Общій смѣхъ).*

Бѣлугинъ. Затѣялъ я этта, ваше сіятельство, строиться. Что жъ, думаю, и въ городу украшеніе, ну, и намъ тоже съ старухой поваляться гдѣ будетъ... Палаты затѣяли каменныя-съ, и плантъ свой преставили... Только вотъ, сударь, чудо какое у насъ тутъ вышло: чиновникъ тутъ — искусственникъ, что ли, онъ прозывается — «плантъ, гово-

Digitized by Google

ритъ, у тебя не какъ слѣдственно ему быть надлежитъ».— А какъ, молъ, сударь, по-вашему будетъ?—«А вотъ, говоритъ, какъ: тутъ у тебя, говоритъ, примѣрно, залъ состоитъ, такъ тутъ, выходитъ, слѣдуетъ... съ позволенія сказать...» И такъ, сударь, весь планъ сконфузилъ, что просто, выходитъ, жить невозможно будетъ.

Князь Чебылкинъ. Какъ же это? Я что-то не понимаю...

Бѣлугинъ. Да и мы, ваше сіятельство, пытались объ этомъ толковать... просто умопостиженье выходитъ!

Разбитной. Сколько я могу понимать, князь, его планъ составленъ несогласно съ правилами по искусственной части...

Бѣлугинъ. И онъ то же говорилъ, чиновникъ-то! Да помилосердуйте же, батюшки вы наши! Вѣдь это, значитъ, жить невозможно будетъ... я матеріалы припасъ...

Князь Чебылкинъ *(Разбитному).* Expliquez-lui!

Разбитной. Если тебѣ архитекторъ сказалъ, что планъ твой сдѣланъ не по правиламъ, стало-быть, надо сдѣлать другой планъ.

Бѣлугинъ. Помилосердуйте, ваше сіятельство!

Князь Чебылкинъ. Нельзя, любезный, нельзя... Ты слышалъ, закона нѣтъ! *(Подходитъ къ Скопищеву).* Ты зачѣмъ?

Бѣлугинъ *(въ сторону).* Вотъ тебѣ и резолюція!

Скопищевъ *(вздыхаетъ).* Я все насчетъ того дѣла...

Князь Чебылкинъ. Нельзя, братецъ, нельзя...

Скопищевъ *(вздыхаетъ).* Охъ, я бы еще полтинничекъ спустилъ.

Князь Чебылкинъ. Нельзя, любезный другъ; законъ прямо говоритъ... нельзя!

Скопищевъ. Для насъ бы подрядъ-то это ужъ оченно сподрученъ...

Разбитной. Русскій человѣкъ, князь, заднимъ умомъ крѣпокъ.

Скопищевъ *(вздыхая).* Кто жъ его душу зналъ, что онъ

Digitized by Google

послѣ торговъ станетъ... Я бы, ваше сіятельство, и еще полтинничекъ скинулъ...

Разбитной. Ваше сіятельство! съ нимъ говорить — только время тратить. (*Скопищевъ вздыхаетъ. Разбитной подходитъ къ Долгому; князь безпрекословно слѣдуетъ за нимъ*).

Князь Чебылкинъ. Ну, ты что?

Долгій (*мрачно и отрывисто*). Писарь дерется, ваше благородіе!

Князь Чебылкинъ. Ну, такъ что жъ? Стало-быть, ты стоишь этого, любезный другъ.

Долгій. Стою не стою, а въ законахъ того не написано, чтобы драться.

Князь Чебылкинъ. За что жъ онъ, любезный? (*Къ Разбитному*). Nous allons rire...

Долгій. А вотъ за что! Идемъ мы, слышь ты, этта съ Обрамомъ по улицѣ... Ну, ничего! Только идемъ мы это, и началъ меня вдругъ Обрамъ обзывать: и такой-то ты, и сякой-то ты... Только я ему говорю:—Обрамъ, молъ, Сергѣичъ, за что, молъ, вы меня обзываете?—А онъ меня по зубамъ: «Я, говоритъ, что хочу, надъ тобой издѣлаю»... Только я отъ него побѣгъ къ писарю: — Иванъ Павлычъ, говорю, за что, молъ, Обрамъ Сергѣичъ меня искровянилъ? А писарь-то—ужъ почудилось ему, что ли, что-нибудь! — какъ размахнется, да и ну меня по зубамъ лущить... Такъ что жъ это у насъ за порядки будутъ!

Разбитной. Что жъ ты не жаловался по начальству?

Долгій. А кому жалиться-то? Ужъ сдѣлайте ваше распоряженіе, прикажите мнѣ Обрамкѣ сдачи дать!

Князь Чебылкинъ. Хорошо, любезный, хорошо; мы обсудимъ! (*Подходитъ къ Малявкѣ*). Ну, ты?

Малявка. А я, ваше сіятельство, о коровѣ (*вздыхаетъ*)... Была, то-есть, у насъ буренькая коровушка, такая ли, слышь, гладкая да смирная...

Разбитной. Объясняй безъ околичностей!

Малявка. Ну, вотъ я и говорю, то-есть, хозяйкѣ-то своей:

Digitized by Google

смотри, молъ, Матренушка, какая у насъ буренушка-то гладкая стала! Ну, и ничего опять, на томъ и стали, что больно ужъ коровушка-то хороша. Только на другой же день забѣгаетъ къ намъ это сотскій. «Ступай, говоритъ, Семенъ: *баринъ* *) на станъ требуетъ». Ну, мы еще и въ ту пору съ хозяйкой маленько посумнились: пòшто, молъ, становому на станъ меня требовать!

Князь Чебылкинъ. Да ты, любезный, не мажь..

Малявка. Только прихожу я это на станъ, а баринъ въ ту пору и зачалъ мнѣ говорить: «Семенушка, говоритъ, коровушка у тебя моей супружницѣ очеино понравилась, такъ вотъ, говоритъ, тебѣ цѣлковый, будто на пѣиное; приводи, говоритъ, коровушку завтра на станъ»... *(За дверями слышится шумъ и раздаются голоса. Входятъ: княжна, Шифель и Налетовъ; Живновскій и Забіякинъ стараются принять граціозныя позы).*

СЦЕНА IX.

Тѣ же, княжна, Шифель и Налетовъ.

Налетовъ. Vous me permettez de vous accompagner, princesse?

Княжна. Mais oui... Папà, скоро?..

Князь Чебылкинъ. Сейчасъ, ma chère, сейчасъ кончимъ. *(Налетовъ вставляетъ стеклышко и смотритъ гордо на просителей).*

Малявка. Только я ему говорю: помилосердуйте, молъ, Яковъ Николаичъ! Какъ же, молъ, это возможно за цѣлковый коровушку продать! У насъ, молъ, только и радости! Ну, онъ туточка только посмѣялся: «ладно», говоритъ... А на другой, сударь, день и увелъ нашу коровушку на станъ! *(Плачетъ).*

Княжна *(томно).* Pauvres gens!

*) Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне называютъ станового пристава *баринома*.

Digitized by Google

Князь Чебылкинъ. Хорошо, любезный, не плачь! Твоя корова будетъ тебѣ возвращена!

Княжна *(подбѣгая къ князю).* Папа, сдѣлаемъ подписку въ пользу этого бѣднаго семейства!

Налетовъ. Quel coeur!

Князь Чебылкинъ. Хорошо, хорошо, моя Антигона! Бери его въ свое распоряженіе... Тутъ есть еще бѣдная женщина. (*Показываетъ Шумилову*).

Малявка *(внезапно повеселѣвъ).* Когда жъ за деньгами-то приходить нужно?

Княжна. Quelle naïveté!

Князь Чебылкинъ *(подходя къ Сычу).* Ты зачѣмъ? *(Сычъ молчитъ и только усиленно моргаетъ глазами).* Ты говори, любезный, не бойся! Ты представь себѣ, что предъ тобою не князь, а твой добрый староста...

Шифель. Ангелъ, а не человѣкъ!

Князь Чебылкинъ. Говори же, мой другъ! *(Сычъ, однакожъ, продолжаетъ упорно молчать).*

Разбитной. Говори же, любезный!

Малявка *(толкая Сыча въ бокъ).* Сказывай же, сказывай, дядя Лексѣй! *(Всѣ усилія остаются тщетными).*

Князь Чебылкинъ *(Разбитному).* Велите его разспросить тамъ. (*Къ просителямъ*). Прощайте, господа!.. Ну, кажется, теперь я всѣхъ удовлетворилъ!

(Занавѣсъ опускается).

Digitized by Google

Выгодная женитьба.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ комнату весьма бѣдную: по стѣнамъ поставлено нѣсколько стульевъ подъ красное дерево, съ подушками, обтянутыми простымъ холстомъ. Въ простѣнкѣ между двумя окнами — столъ, на которомъ разбросаны бумаги. У одной стѣны неубранная кровать. Вообще, убранство и порядокъ комнаты обнаруживаютъ въ жильцѣ ея отсутствіе всякаго стремленія къ чистотѣ и опрятности.

Дерновъ. Долго-таки заставилъ онъ меня дожидаться: съ часъ времени проморилъ въ передней. Потомъ выходитъ, да безъ парика и безъ зубовъ, въ какой-то полосатой поддёвочкѣ—и не узналъ я его совсѣмъ. «Ну, что жъ, говоритъ, жениться, что ли, хочешь?»—Точно такъ-съ, говорю я, коли будетъ отъ вашего высокородія милость, разрѣшите. А онъ мнѣ: «У меня, братецъ, на этотъ счетъ своя идея есть: вамъ, подьячимъ, безъ крайней надобности жениться не слѣдуетъ».—Сдѣлайте, говорю, ваше высокородіе, такую милость! Кабы не крайность моя, я бы и утруждать не осмѣлился.—«А что за невѣстой даютъ?»—Пять платьевъ, да два монто, одно лѣтнее, другое зимнее; изъ бѣлья тоже все какъ слѣдуетъ, самоваръ-съ; насъ съ женой на свой коштъ годъ содержать будутъ, ну, и мнѣ тоже пару фрашную, да пару сюртушную.—«А изъ денегъ: ничего?»—Ничего, говорю.—«Ну, такъ и нѣтъ тебѣ разрѣшенья; вы, говоритъ, подьячіе, всѣ таковы: чуть попалъ въ столоначальники, ужъ и норовитъ икру метать. Вашего крапивнаго сѣмени столько развелось, что дѣваться некуда». Я было ротъ разинулъ, чтобъ еще попросить, такъ куда тебѣ! Повернулъ спину, да и былъ таковъ.

Гирбасовъ. Что же ты намѣренъ теперь съ этимъ дѣлать, Саша?

Дерновъ. А ужъ, право, и самъ не знаю. Пойду завтра къ Порфирію Петровичу, паду имъ въ ноги: пусть что хотятъ со мной дѣлаютъ, а безъ женитьбы мнѣ невозможно.

Digitized by Google

Гирбасовъ. Да, безъ жены какая же жизнь! *(Нѣсколько секундъ молчанія).*

Дерновъ. Ты посуди самъ: вѣдь я у нихъ безъ малаго цѣлый мѣсяцъ всѣмъ какъ есть продовольствуюсь: и обѣдъ, и чай, и ужинъ—все отъ нихъ; намеднись вотъ на жилетку подарили, а меня угораздила нелегкая ее щами залить; къ свадьбѣ тоже все приготовили и сукна купили—не продавать же! На той недѣлѣ и то Вѣра Панкратьевна, старуха-то, говоритъ: «ты у меня смотри, Александра Александрычъ, на попятный не вздумай! Я, говоритъ, такой счетъ въ правленье представлю, что угоришь!» Вотъ оно и выходитъ, что теперича все одно: женись—отъ начальства на тебя злоба, изъ службы, пожалуй, выгонятъ; не женись—въ долгу неоплатномъ будешь, каждый обѣдъ изъ тебя тремя обѣдами выйдетъ, да чего и во снѣ-то не видалъ, пожалуй, въ счетъ понапишутъ. Нѣтъ, ужъ воля начальства, а не жениться мнѣ никакъ нельзя—все одно, что въ петлю лѣзть.

Гирбасовъ. Ну, а у Якова Астафьича былъ?

Дерновъ. Былъ.

Гирбасовъ. Что жъ онъ?

Дерновъ. Да что онъ! Мычитъ, да и все тутъ. Я ему говорю: помилуйте, Яковъ Астафьичъ, вѣдь вы мои прямые начальники!—«И, братецъ, говоритъ: какой я начальникъ!..» Такая, право, слякоть! *(Молчаніе).*

Дерновъ. И вѣдь все-то онъ этакъ! Тамъ ошибка какая ни-на-есть выдетъ: справка неполна, или законовъ нѣтъ приличныхъ—ругаютъ тебя, ругаютъ,—кажется, и жизни не радъ; а онъ туда же, въ отдѣленіе изъ присутствія выдетъ, да тоже начнетъ тебѣ надоѣдать: «вотъ, говоритъ, все-то вы меня подъ непріятности подводите». Даже тошно смотрѣть на него. А станешь ему, съ досады, говорить: что же, молъ, вы сами-то, Яковъ Астафьичъ, не смотрите?—«Да гдѣ ужъ мнѣ,—говоритъ:—я, говоритъ, человѣкъ старый, слабый!» Вотъ и поди съ нимъ!

Digitized by Google

Гирбасовъ. Да, ужъ съ этакимъ начальникомъ маяться не дай Господи! Вотъ и у насъ предсѣдатель такой былъ: сядетъ, бывало, въ карты играть—ступить не умѣетъ. Съ короля козырять начнетъ, а у партенера тузъ-отъ бланкъ—вотъ и взъѣстся на него партенеръ, особливо если Порфирій Петровичъ. «Вы, говоритъ, ваше превосходительство, въ карты лапти изволите плесть; гдѣ жъ это видано, чтобъ съ короля козырять, когда у меня тузъ одинъ!» А онъ только ёжится да приговариваетъ: «а почемъ же я зналъ!» А что тутъ «почемъ зналъ», когда всякому видимо, какъ Порфирій Петровичъ съ самаго начала покрякивалъ въ знакъ одиночества... Ну, а кто у тебя въ посажоныхъ будетъ?

Дерновъ. А, право, не знаю. Вотъ старуха говоритъ, чтобъ, по крайности, Якова Астафьича. Оно, коли хочешь, и дѣло, потому что онъ все-таки прямой начальникъ; ну, а знаешь ты самъ, какъ онъ въ ту пору Чернищеву отвѣчалъ, какъ тотъ его къ своей дочери въ посажоные звалъ? «Я, говоритъ, человѣкъ не общественный, дикій, словесности не имѣю, ни у кого не бываю; деньги у меня, конечно, есть, да вѣдь это на черный день—было бы съ чѣмъ и глаза закрыть. Вотъ, говоритъ, намеднись сестра пишетъ, корова тамъ у нея пала — пять цѣлковыхъ послалъ; тамъ братъ, что̀ въ священникахъ, погорѣлъ—тому двадцать пять послалъ; нѣтъ, нѣтъ, братъ, лучше и не проси!» Съ тѣмъ Чернищевъ-то и отъѣхалъ. Одно слово, дрянь — дрянь и есть. Господи! у другихъ начальники какъ начальники, а у насъ, что̀ называется, ни кожи, ни рожи. Я ужъ удумалъ къ Порфирію Петровичу.

Гирбасовъ. А не пойдетъ Порфирій Петровичъ — градского голову за бока тащи!

Дерновъ. И то правда. Да что̀, братъ! нонче ужъ и они рыло воротить стали. Только слава, что столоначальники, а хошь бы одна-те свинья головой сахару поклонилась: насъ, молъ, Ѳедоръ Герасимычъ защититъ, онъ нашъ по всей

Digitized by Google

губерніи купечеству сродственникъ и благопріятель. Намеднись къ откупщику посылалъ, чтобъ, по крайности, хошь ведро водки отпустилъ, такъ куда тебѣ: «у насъ, говоритъ, до правленья и касательства никакого нѣтъ, а вотъ, говоритъ, развѣ бутылку пива на бѣдность»... Такая, право, бестія! Не знаешь, какъ тутъ и быть — такія времена настали. Начальство не то чтобъ тебя защитить, а еще пуще крапивнымъ сѣменемъ обзываетъ; жалованье на сапоги все изведешь, а работы-то словно на каторгѣ. Ужъ и подлинно, должно-быть, насъ ровно блохъ развелось. Выгоняютъ-выгоняютъ нашего брата, выгоняютъ, кажется, такъ, что и мѣста нигдѣ не найдешь, а смотришь: все-таки мѣсто свято пусто не будетъ; куда! на одно-то мѣсто человѣкъ двадцать лѣзетъ.

Гирбасовъ. Да, большую ловкость нужно имѣть, чтобъ нонче нашему брату на свѣтѣ вѣкъ изжить. Въ старые годы этой эквилибристики-то и знать не хотѣли.

Дерновъ. Вотъ хоть бы про столоначальника! Ты думаешь, задаромъ мнѣ это мѣсто досталось? Какъ бы не такъ! Иду я это къ секретарю, говорю ему:—Иванъ Никитичъ! состоя на службѣ пятнадцать лѣтъ, я хоша не имѣю ни жены, ни дѣтей, но будучи, такъ сказать, обуреваемъ... осмѣливаюсь... ну, и такъ далѣе. А онъ, ты думаешь, что мнѣ въ отвѣтъ? «Ты!» говоритъ, «да я!» говоритъ... Прослезился я, да такъ и ушелъ отъ него, по той причинѣ, что онъ былъ на ту пору въ подпитіи, ну, а въ этомъ видѣ отъ него никакихъ резоновъ, окромѣ ругательства, не услышишь. Вотъ выбралъ я другой день, опять иду къ нему. — Иванъ Никитичъ,—говорю ему:—имѣйте сердоболіе! вѣдь я ужъ десять лѣтъ въ помощникахъ изнываю; сами изволите знать, одинъ столомъ заправляю; поощрите!—А онъ: «Это, говоритъ, ничего не значитъ десять лѣтъ: и еще десять лѣтъ просидишь, и все ничего не значитъ». — Да что жъ, говорю я, надобно сдѣлать? Я на все готовъ.—«А знаешь ли ты, говоритъ, эквилибристику?»—Нѣтъ, молъ, Иванъ Никитичъ,

Digitized by Google

не обучался я этимъ наукамъ: сами изволите знать, что я по третьему разряду.—«А эквилибристика, говоритъ, вотъ какая наука: чтобъ передъ начальникомъ всегда въ струнѣ ходить, чтобы ноги у тебя были не усталыя, чтобъ когда начальство тебѣ говоритъ: «кривляйся, Сашка!» — ну, и кривляйся! А «сиди, Сашка, смирно!»—ну, смирно и сиди, ни единымъ суставомъ не шевели, а то неравно у начальства головка заболитъ. Я, говоритъ, всю эту механику насквозь произошелъ, такъ и знаю. Да и считай ты себя еще счастливымъ, коли тебѣ говорятъ: «кривляйся!» Это, значитъ, вниманіе на тебя обращаютъ». Вотъ и выходитъ, значитъ, что кривлякъ этихъ столько развелось, что и для того, чтобъ подличать-то тебѣ позволили, нуженъ случай, протекція нужна; другой и радъ бы, да случая нѣтъ

Гирбасовъ А умный человѣкъ этотъ Иванъ Никитичъ, хоть и шельма.

Дерновъ. Да ты слушай. Высказалъ онъ мнѣ все это, да и смотритъ прямо въ глаза, точно совѣсть наизнанку выворотить хочетъ. Вотъ и поклялся я ему быть въ повиновеніи: и мучилъ же онъ меня, мучилъ до тѣхъ поръ, пока его самого, собаку, за нетрезвое поведенье изъ службы не выгнали—чтобъ ему пусто было! Напьется, бывало, пьянъ, да и посылаетъ за мной. «Пляши, говоритъ, Сашка!»—или «пой, говоритъ, Сашка, пѣсни!» Дѣлать-то нечего: и пляшешь, и поешь, а онъ-то, со своею развратною компаніей, надъ тобой безобразничаетъ. Однажды растворилъ это двери на балконъ, а жилъ во второмъ этажѣ. «Скачи!» говоритъ. Я на колѣни-было, такъ куда! «Скачи, говоритъ, а не то убью!» А глаза-то у него, какъ у быка, кровью налились—красные-раскрасные. Дѣлать нечего, спрыгнулъ я, да счастье еще, что въ ту пору грязь была, такъ тѣмъ и отдѣлался, что весь какъ чушка выпачкался. Такъ вотъ, братъ, какіе труды понесъ! А говорятъ еще: счастье! безъ году недѣлю, молъ, служитъ, а ужъ столоначальникъ!

Гирбасовъ. Это точно, что бестія былъ этотъ Иванъ Ни-

Digitized by Google

китичъ; никакого человѣчества въ немъ не было. И вѣдь диво! кажется, самъ черезъ все это прискорбіе произошелъ; самъ, значитъ, знаетъ, каково выносить эту эквилибристику-то.

Дерновъ. То-то вотъ и есть, что нашъ братъ хамъ уже отъ природы таковъ: сперва надъ нимъ глумятся, а потомъ, какъ выйдетъ на ровную-то дорогу, ну, и норовитъ все на другихъ выместить. Я, говоритъ, плясалъ—ну, пляши же теперь ты, а мы, молъ, вотъ посидимъ да поглядимъ, да рюмочку выкушаемъ, покедова ты тамъ штуки разныя выкидывать будешь. (*Входитъ сторожъ*).

Сторожъ. Господинъ Дерновъ, извольте идти къ его высокородію!

Дерновъ. А зачѣмъ?

Сторожъ. А мнѣ почемъ знать.

Дерновъ. Да кто-нибудь есть у него?

Сторожъ. Была ихняя экономка, а потомъ старикъ со старухой приходили; съ ними дѣвка была, дочь что ли — кто ихъ знаетъ?

Дерновъ. Ну, а каковъ онъ-то?

Сторожъ. Извѣстно, ругается.

Гирбасовъ (*Дернову*). Однакожъ, прощай; забѣги-ка къ намъ завтра, разскажи, какъ у васъ тамъ все будетъ; а Раиса Петровна водочки поднесетъ—у насъ, братъ, некупленая.

Дерновъ. Да, я и позабылъ спросить про Раису Петровну, какъ онѣ себя чувствуютъ?

Гирбасовъ. Ужъ извѣстно, какія у ней чувства; у меня эти чувства-то вотъ гдѣ сидятъ! (*Показываетъ на затылокъ*). Что ни девять мѣсяцевъ—смотришь, анъ и пищитъ въ углу благословеніе Божіе, словно ужъ предопредѣленіе али повѣтріе какое. Хочешь не хочешь, а не отвертишься. (*Выходятъ*).

Digitized by Google

СЦЕНА II.

Театръ представляетъ комнату съ претензіями на великолѣпіе. Мебель уставлена симметрически; по срединѣ диванъ, передъ нимъ столъ и по бокамъ кресла; диванъ и кресла крыты ярко-голубымъ штофомъ, но спинки у нихъ обтянуты коленкоромъ подъ цвѣтъ. Въ простѣнкахъ, между окнами, зеркала; на столахъ недорогая бронза: лампы, подсвѣчники и пр. Петръ Петровичъ Змѣищевъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, въ завитомъ парикѣ и съ полною челюстью зубовъ, какъ у щуки, сидитъ на диванѣ; сбоку, на второмъ креслѣ, на самомъ его кончикѣ, обитаетъ Ѳедоръ Герасимычъ Крестовоздвиженскій. Проникнутый глубокимъ умиленіемъ по случаю бесѣды съ Петромъ Петровичемъ, Крестовоздвиженскій обнаруживаетъ сильное безпокойство во всѣхъ оконечностяхъ своего бреннаго тѣла, безпрестанно привскакиваетъ и потягиваетъ носомъ воздухъ.

Крестовоздвиженскій. Осмѣлюсь увѣрить ваше высокородіе, самый то-есть пустѣйшій онъ человѣкъ, просто именно пустѣйшій человѣкъ-съ!

Змѣищевъ *(зѣвая)*. Ну, а коли такъ, разумѣется, что жъ намъ смотрѣть на него, — выгнать, да и дѣло съ концомъ. Вамъ, господа, они ближе извѣстны, а мое мнѣніе такое, что казнить никогда не лишне; по крайней мѣрѣ, другимъ примѣръ. Что, онъ смертоубійство, кажется, скрылъ?

Крестовоздвиженскій. Никакъ нѣтъ-съ, смертоубивство — это другой, это Граиилкинъ-съ. А Овчинину было предписано исполнить приговоръ надъ однимъ тамъ мѣщаниномъ, розгами высѣчь-съ, такъ онъ, вмѣсто того мѣщанина, высѣкъ просто именно совсѣмъ другого. Оно, конечно, онъ оправдывается тѣмъ, что по ошибкѣ, потому, дескать, что фамиліи ихъ сходныя, и призванный, во время экзекуціи, не прекословилъ. Спору нѣтъ, что сходныя, да вѣдь, извольте сами согласиться, это и до начальства дойти можетъ... Кто его знаетъ? Можетъ, онъ нарочно и не прекословилъ, чтобъ послѣ жаловаться. У насъ ужъ былъ такой примѣръ, что мы ограничились однимъ внушеніемъ-съ, чтобъ впредь поступалъ осторожнѣе, не сѣкъ бы зря, такъ насъ самихъ

Digitized by Google

чуть-чуть подъ судъ не отдали, а письма-то тутъ сколько было! Цѣлый годъ въ страхѣ обрѣтались.

Змѣищевъ. Ну, конечно, конечно, выгнать его; да напишите это такъ, чтобъ энергіи, знаете, побольше, а то у васъ все какъ-то безцвѣтно выходитъ — тара да бара, ничего не поймешь больше. А вы напишите, что вотъ, молъ, такъ и такъ, нарушеніе святости судебнаго приговора, невинная жертва служебной невнимательности, непониманіе всей важности долга... Понимаете! А потомъ и повѣсьте его... Ну, а того-то, что скрылъ убійство... *(Крестовоздвиженскій потупляется).* Однакожъ?..

Крестовоздвиженскій. Оно, конечно, ваше высокородіе, упущеніе не маленькое-съ.

Змѣищевъ. Какое тутъ упущеніе, помилуйте! Вѣдь этакъ по большимъ дорогамъ грабить будутъ... вѣдь онъ взятку, чай, съ убійцы-то взялъ?

Крестовоздвиженскій. Ужъ куда ему, ваше высокородіе, взятку! Просто именно отъ невѣдѣнья и простодушія; я его лично знаю-съ, онъ у меня еще писцомъ служилъ: прекраснѣйшій чиновникъ-съ, только ужъ смиренъ очень; его бы, ваше высокородіе, куда-нибудь, гдѣ поспокойнѣе, перевести; хоть бы вотъ въ засѣдатели. *(Входитъ лакей).*

Лакей. Господинъ Дерновъ пришелъ.

Змѣищевъ. Пусть войдетъ. *(Дерновъ входитъ и становится у стѣны).*

Змѣищевъ *(вставая и подходя къ нему).* Ну, такъ ты все еще жениться хочешь?

Дерновъ. Имѣя намѣренье вступить въ законный бракъ съ дочерью коллежскаго регистратора...

Змѣищевъ. Знаю, знаю; я сегодня видѣлъ твою невѣсту: хорошенькая. Это ты хорошо дѣлаешь, что женишься на хорошенькой. А то вы, подьячіе, объ томъ только думаете, чтобъ баба была; ну, и наплодите тамъ чортъ знаетъ какой чепухи.

Крестовоздвиженскій *(подобострастно улыбаясь).* Это спра-

Digitized by Google

ведливо, ваше высокородіе, изволили замѣтить, что приказные больше отъ скуки, а не то такъ изъ того женятся, что годъ кормить обѣщаютъ или тамъ сюртукъ сошьютъ-съ.

Змѣищевъ *(смѣется)*. Ну, да, ну, да. Такъ ты, смотри, меня пригласи на свадьбу-то; я тово... а вы, Ѳедоръ Герасимычъ, велите ему на свадьбу-то выдать... знаете, изъ тѣхъ суммъ... *(Дернов низко кланяется)*.

СЦЕНА III.

Комната въ квартирѣ господина и госпожи Рыбушкиныхъ. Марья Гавриловна (она же невѣста) сидитъ на диванѣ и куритъ папироску. Она высокаго роста, блондинка, съ весьма развитыми формами, нѣсколько подбѣлена и вообще сооружена такъ, что должна въ особенности нравиться сохранившимся старичкамъ и юношамъ съ потухшими сердцами.

Марья Гавриловна. Господи! что жъ это за жизнь за такая! Другіе, посмотришь, то по гостямъ, то въ клубъ, а ты вотъ тутъ день-деньской дома сиди. Только и утѣшенья, какъ папироску-другую выкуришь. Куришь-куришь, до того, что въ глазахъ потемнѣетъ. А все Мишель пріучилъ! Странно, однако, что онъ на мнѣ не женится! «Выходите, говоритъ, замужъ за Дернова, тогда и намъ свободно будетъ». Свободно! А кто его знаетъ, свободно ли? Въ душу-то къ нему никто не ходилъ. Вотъ прошлаго года Варенька выходила замужъ, тоже думала, что будетъ хозяйка въ домѣ, а вышло совсѣмъ напротивъ. Заперъ ее, да еще колотитъ. А это одно каково мученье—такого плюгаваго цѣловать-то! Даже вчужѣ тошно. Да ужъ хоть бы этотъ поскорѣй женился— все бы одинъ конецъ, а теперь сиди вотъ дома, слушай всѣ эти безобразія, да еще себя наблюдай. Всѣ говорятъ: красавица, красавица! А что въ этомъ проку-то! А какіе, право, эти мужчины смѣшные! Намеднись, вечеромъ, была я у Марьи Петровны; ну, конечно, декольте; подходитъ это Трясучкинъ, будто разговариваетъ, а самого его такъ и подергиваетъ, и глаза такіе масляные-премасляные, словно ко-

Digitized by Google

сые. Вотъ и Змѣищевъ давеча: глядѣлъ-глядѣлъ, мнѣ даже смѣшно стало. «Вы, говоритъ, украшеніе Крутогорска; Дерновъ недостоинъ обладать такимъ розаномъ». Да, розанъ,— держи карманъ! Нынче, вѣрно, не розанъ нужно. Вотъ тоже третьёва-дни сижу я вечеромъ у окна, будто погодой занимаюсь, а сама этакъ въ кофточкѣ и волосы распущены. Подходитъ этотъ прапорщикъ—какъ, бишь, его?—ну, да все равно. «Какъ вы, говоритъ, прелестны, сударыня!—А вамъ что за дѣло? говорю я.—«Я, дескать, не могу безъ волненія видѣть».—А коли не можете, такъ женитесь! говорю я. Такъ куда тебѣ!—навострилъ лыжи, да и не встрѣчается съ тѣхъ поръ... Господи! скука какая! Хоть бы поскорѣе все это кончилось. *(Входитъ Бобровъ, очень молодой человѣкъ, высокаго роста и цвѣтущій здоровьемъ; на немъ коротенькое сѣрое пальто, которое въ приказномъ быту слыветъ подъ названіемъ зефирки; жилетъ и панталоны пестроты изумительной. Подъ мышкой у него бумаги).*

Бобровъ. Вы однѣ, Машенька?

Марья Гавриловна. Ну, да, одна; насилу-то ты пришелъ!

Бобровъ. Нельзя было—дѣла; дѣла—это ужъ важнѣе всего: я и то ужъ отъ начальства выговоръ получилъ; давеча секретарь говоритъ: «у тебя, говоритъ, на умѣ только панталоны, такъ ты у меня смотри». Вотъ какую кучу переписать задалъ.

Марья Гавриловна. Ну, а Дернова видѣлъ?

Бобровъ. Видѣлъ, какъ же; у него все кончено; на свадьбу пятьдесятъ цѣлковыхъ дали; онъ меня и въ дружки звалъ; «я, говоритъ, все сдѣлаю отмѣннымъ манеромъ».

Марья Гавриловна. Да, дожидайся отъ него. Ну, а тебѣ, поди чай, и не жалко, что я за Дернова выхожу?

Бобровъ. Посудите сами, Машенька-съ, статочное ли мнѣ дѣло жениться. Жалованья я получаю всего восемь рублей въ мѣсяцъ... вѣдь это, выходитъ, дѣло-то наплевать-съ; тутъ не радости, а больше горести.

Digitized by Google

Марья Гавриловна. Удивляюсь я, право: такой ты молодой, а говоришь—словно сорокъ лѣтъ тебѣ.

Бобровъ. Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, Марья Гавриловна. Я вамъ вотъ что̀ скажу — это, впрочемъ, по секрету-съ,—я вотъ далъ себѣ обѣщаніе, какова пора ни мѣра, выйти въ люди-съ. У меня на этотъ предметъ и планъ свой есть. Такъ оно и выходитъ, что жена въ евдакомъ дѣлѣ только лишнее бревно-съ. А любить намъ другъ друга никто не препятствуетъ, было бы на то ваше желаніе. *(Подумавши).* А я, Машенька, хотѣлъ вамъ что-то сказать.

Марья Гавриловна. Что̀ еще?

Бобровъ. А вы поцѣлуйте меня.

Марья Гавриловна. Ахъ ты дурачокъ! А я думала, что онъ и взаправду дѣло скажетъ. (*Цѣлуются*).

Бобровъ. Ахъ ты, Господи! *(Вздыхаетъ).*

Марья Гавриловна. Ну, чего вздыхаешь-то?

Бобровъ. Да какъ же-съ; вѣдь вотъ, кажется, цѣлый бы вѣкъ сидѣлъ тутъ подлѣ васъ да цѣловался.

Марья Гавриловна. Это ты не глупо вздумалъ. Въ разговорѣ-то вы всѣ такъ, а вотъ какъ на дѣло пойдетъ, такъ и нѣтъ васъ. *(Вздыхаетъ).* Да что̀ жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, сказать-то мнѣ хотѣлъ?

Бобровъ. А вотъ что̀-съ. Пришелъ я сегодня въ присутствіе съ бумагами, а тамъ Змѣищевъ—разсказываетъ, какъ вы вчера у него были, а у самаго даже слюнки текутъ, какъ объ васъ говоритъ. Бѣлая, говоритъ, полная, а самъ, знаете, и руками разводитъ, хочетъ внушить это, какія вы полненькія. А Ѳедоръ Герасимычъ сидитъ противъ нихъ, да не то чтобъ смѣяться, а ровно колышется весь, и глаза у него такъ и свѣтятся, да маленькіе такіе, словно щелочки или вотъ у молодой свинки.

Марья Гавриловна. Ну, такъ что̀ жъ?

Бобровъ. А я къ тому это, Машенька, говорю, что если вы не постоите, такъ и Дернову, и мнѣ хорошо будетъ. Вѣдь онъ влюбленъ, именно влюбленъ-съ: не махалъ бы

Digitized by Google

онъ этакъ руками-то, да и Дернову бы позволенія не далъ... (*Ласкается къ ней. Марья Гавриловна задумывается*).

Марья Гавриловна (*томно*). Однако, ты добру меня тутъ учишь!

Бобровъ. Вѣдь оно только спервоначала страшно кажется, а потомъ и въ привычку взойдетъ... Что жъ вы такъ задумались, Машенька?

Марья Гавриловна. Ахъ, отстань, пожалуйста!

Бобровъ. Вотъ вы какія! А еще говорите, что любите!

Марья Гавриловна. Ну, ну, полно вздоръ-то говорить; а ты разскажи лучше, что ты вчера дѣлалъ, что тебя цѣлый день не видать было.

Бобровъ. Поутру, извѣстно, въ присутствіи былъ, а по вечеру въ городской садъ съ Трясучкинымъ ходилъ. Идемъ мы, Машенька, по аллеѣ, а впереди насъ Змѣищева экономка съ квартальнаго женой. Идемъ по аллеѣ, а экономка-то оглядывается, все на меня посматриваетъ, да и говоритъ квартальной-то: «ктой-то это такой красивый молодой мужчина?» А жена-то квартальнаго: «это, говоритъ, Бобровъ; онъ у насъ служитъ».—«А должно-быть интересный мужчина,—говоритъ экономка-то:—и какъ себя хорошо держитъ». А Трясучкинъ-то злится: «вотъ, говоритъ, счастье тебѣ! Завтра же куплю, говоритъ, себѣ новой матеріи на брюки».

Марья Гавриловна. А ты, чай, и обрадовался? (*Входитъ Рыбушкинъ въ нетрезвомъ видѣ; за нимъ Дерновъ*).

Рыбушкинъ (*поетъ*). Во-о-злѣ рѣчки, возлѣ мосту жилъ старикъ... съ сострухой... Д-да! съ сострухой... и эта старуха, чтобъ ее черти взяли... (*Боброву*). Эй ты, пошелъ вонъ!

Дерновъ. Да вы, папенька, не извольте убиваться такъ. Марья Гавриловна, позвольте ручку-съ!

Марья Гавриловна. Это вы его такъ накатили? Нече сказать... Господи! да когда жъ все это кончится? (*Даетъ Дернову руку, которую тотъ цѣлуетъ*).

Digitized by Google

Дерновъ. Что жъ мнѣ, Марья Гавриловна, дѣлать, когда папенька проситъ; вѣдь они ваши родители. «Ты, говоритъ, сегодня пятьдесятъ цѣлковыхъ получилъ, а меня, говоритъ, отъ самаго то-есть рожденья жажда измучила, словно жаба у меня тамъ въ желудкѣ сидитъ. Только и уморишь ее, проклятую, какъ полштофика сквозь пропустишь». Что жъ мнѣ дѣлать-то-съ? Вѣдь я не самъ собою, я какъ есть въ своемъ видѣ-съ.

Марья Гавриловна. Ладно, ладно, безобразничайте съ нимъ!

Рыбушкинъ. Цыцъ, Машка!.. я тебѣ говорю—цыцъ! Я тебя знаю, я тебя вотъ какъ знаю! Вся ты въ мать, въ Палашку, чтобъ ей пусто было! Заѣла она меня, вѣдьма!.. Ты, небось, думаешь, что ты моя дочь! Нѣтъ, ты не моя дочь; я коллежскій регистраторъ, а ты титулярнаго совѣтника дочь... Вотъ мнѣ его и жалко; я ему это и говорю... что не бери ты ее, Сашка, потому она какъ есть всѣмъ естествомъ страмная, вся въ Палагею... въ ту... А ты, Машка, горло-то не дери, а не то вотъ съ мѣста не сойти—убью! какъ муху, какъ моль убью!..

Марья Гавриловна (*Дернову*). Хоть бы увели вы его!

Рыбушкинъ. Увести! Меня увести! Сашка! смотри на него! (*Указывая на Боброва*). Это ты знаешь ли кто? Не знаешь? Ну, такъ это тотъ самый титулярный совѣтникъ... то-есть, для всѣхъ онъ писецъ, а для Машки титулярный совѣтникъ. Не связывайся ты, Сашка, съ нею... ты на меня посмотри: вотъ я гуляю, и ты тоже гуляй! (*Поетъ*). Во-о-алѣ рѣчки...

Марья Гавриловна. А вотъ погодите, я мамашѣ скажу: она вамъ дастъ титулярнаго совѣтника... Да уведите же его, Александра Александрычъ!

Дерновъ. Полноте же, папенька, вы лучше усните...

Бобровъ. Да вы что на него смотрите, Александръ Александрычъ? Извѣстно, пьяный человѣкъ: онъ, пожалуй, и ушибетъ чѣмъ ни-на-есть, не что съ него возьмешь.

Рыбушкинъ (*почти засыпаетъ*). Ну, да... д-да! и убью! ну

Digitized by Google

что жъ, и убью! У меня, братъ Сашка, въ желудкѣ жаба, а въ сердцѣ рана... и все отъ него... отъ этого титулярнаго совѣтника... такъ вотъ и сосетъ, такъ и сосетъ... А ты на нее не смотри... чаще бей... чтобы помнила, каковъ мужъ есть... а мнѣ... изъ службы меня выгнали... а я, ваше высоко... ваше высокопревосходительство... ишь длинный какой—ей-Богу, не виноватъ... это она... все... все Палашка! Вѣдьма ты, ч-ч-ч-о-ортъ! *(Засыпаетъ; Дерновъ уводитъ его).*

Марья Гавриловна. Вотъ этакія-то шутки каждый день слушать.

СЦЕНА IV.

Квартира Дерновыхъ; послѣ свадьбы прошло двѣ недѣли. По комнатѣ разбросаны юбки и другія принадлежности женскаго туалета. Общій безпорядокъ.

Дерновъ *(одинъ)*. Ну, вотъ и женился. Вмѣсто того, чтобъ встать пораньше да на базаръ сходить, а она до сихъ поръ въ постели валяется! «Я, говоритъ, не кухарка тебѣ далась!»—вотъ и разговаривай съ ней. Мнѣ бы теперича на службу ужъ пора, а до сихъ поръ самовара нѣтъ; пожалуй, и безъ чаю уйти придется. (*Задумывается*). А какая она, однакожъ, бѣлая да полная,—я и не ожидалъ. Оно, конечно, съ перваго разу было видно, что не сухарь, а все-таки... Только не нравится мнѣ этотъ Бобровъ: ну, чего онъ сюда каждый день таскается! Попросить развѣ Ивана Васильича, чтобъ арестовалъ его сутки на трои. Вотъ и его высокородіе тоже на свадьбѣ сконфузили: сѣли около Маши, да и не отходятъ... А тѣ-то, дурачье, и изъ комнаты вонъ повышли, а и случится которому надобность по комнатѣ пройти, такъ все норовитъ по стѣнкѣ, словно они зачумленные. Впрочемъ, самому мнѣ будто совѣстно стало; думаю, невѣжливо его высокородіе однихъ оставлять, а подойти не смѣю. Да и его высокородіе увидѣли, что я все около двери

Digitized by Google

стою: «ступай, говоритъ, любезный, я тебя не стѣсняю». Такъ и просидѣли они весь вечеръ вдвоемъ. А ужъ папенка-то, Гаврило Осипычъ, что̀ жъ это за человѣкъ такой! Не успѣли мы изъ церкви пріѣхать, а онъ ужъ нализался, и кричитъ тутъ! И диви бы штофъ, а то одну рюмку выпьетъ, и ужъ не годится. Хорошо еще, что маменька ихъ въ чуланъ заперли, а то, кажется, они и стекла-то бы всѣ повышибли! (*Входитъ купецъ Скопищевъ, человѣкъ немолодыхъ лѣтъ. Въ продолженіе разговора онъ испускаетъ частые и продолжительные вздохи*).

Дерновъ. А, Егоръ Иванычъ, добро пожаловать! Садись, братъ, гость будешь! (*Скопищевъ вздыхаетъ*). Да ну, садись! Чего вздыхаешь-то!

Скопищевъ (*садится*). Охъ!... что садиться-то! Я за дѣломъ.

Дерновъ. Знаю, что за дѣломъ, да вѣдь не стоя же намъ разговаривать. Что̀ жъ ты скажешь?

Скопищевъ. Что̀ сказать-то? Ты скажи прежде самъ.

Дерновъ. Хорошаго-то, братъ, немного; вѣдь онъ просьбу подалъ...

Скопищевъ. Ну?

Дерновъ. Сбавляетъ противъ тебя сто цѣлковыхъ...

Скопищевъ. Ну?

Дерновъ. Чего жъ тебѣ еще? Стало-быть, утвердить за тобой нельзя никоимъ манеромъ.

Скопищевъ. А торги?

Дерновъ. Мало ли что̀ торги? Тутъ, братъ, казенный интересъ. Я было сунулся доложить Якову Астафьичу, что для пользы службы за тобой утвердить надо, да онъ говоритъ: «ты, молъ, любезный, хочешь меня увѣрить, что стаканъ, сапоги и масло все одно, такъ я, братъ, хошь и дикій человѣкъ, а ариѳметикѣ-то учился, четыре отъ двухъ отличить умѣю».

Скопищевъ. Охъ!.. Такъ какъ же?..

Дерновъ. Дѣлать нечего, подавай и ты прошеніе: сбавь хошь полтину противъ его цѣны—ну, и утвердимъ за то-

Digitized by Google

бой. *(Молчаніе, въ продолженіе котораго Скопищевъ разсчитываетъ и усиленно вздыхаетъ).*

Скопищевъ. Ну, а просьбу-то, чай, на гербовой?

Дерновъ. А то на простой! Эхъ ты! Тутъ тысячами пахнетъ, а онъ объ шести гривенникахъ разговариваетъ. Шаромыжники вы всѣ! Ты на *него* посмотри; вотъ *онъ* намеднись приходитъ, дѣла не видитъ, а ужъ сторублевую въ руку суетъ—посули только, да будь ласковъ. Ахъ, кажется, кабы только не связался я съ тобой! А ты норовишь дѣло-то за двѣ головы сахару сладить. А хочешь, не будетъ по-твоему?

Скопищевъ *(съ испугомъ)*. Что ты? что ты? А кто же тебѣ кровать-то подарилъ подъ свадьбу?

Дерновъ. То-то кровать! Подарилъ кровать, да и кричитъ, что ему вотъ мѣсяцъ съ неба сыми, да на блюдѣ подай. Всѣ вы, здѣшніе колотырники, только кляузы бы да ябеды вамъ сочинять... голь непокрытая! А ты затѣялъ дѣло, такъ и веди его дѣломъ, широкою то-есть рукой. *(Входитъ Марья Гавриловна, заспанная и растрепанная, въ одной кофтѣ).*

Марья Гавриловна *(мужу)*. Ты еще не ушелъ на службу? А-а-а! *(Зѣваетъ и потягивается).*

Дерновъ. Когда же было уйти; я чаю хочу.

Марья Гавриловна. Ну, ну, пожалуйста, комедій-то не разыгрывай! Ишь графъ какой выискался! Безъ чаю ему жить невозможно! *(Скопищеву).* А ты, борода, какую кровать-то прислалъ?

Скопищевъ. Какую, извѣстно какую!

Марья Гавриловна *(передразнивая)*. Извѣстно какую! Пошевелиться нельзя, на весь домъ скрипитъ.

Дерновъ. Это точно, что скрипитъ.

Марья Гавриловна. Катерина! а Катерина! *(Является кухарка).* Приготовь ты водки да закуски подай, балычку, что ли.

Дерновъ. Это зачѣмъ?

Марья Гавриловна. А у меня Бобровъ будетъ.

Digitized by Google

Дерновъ. Нѣтъ, ужъ это тово... я чаю не пилъ, такъ вы эти закуски-то до завтрева оставьте... Я этого Боброва по шеямъ вытолкаю, я ему бока переломаю... да что̀ тутъ? Я и тебя, слякоть ты этакая, такъ отдѣлаю, что ты... (*Воодушевляясь*). Да ты что думаешь? ты что̀ думаешь? Я молчать буду?

Марья Гавриловна. А ты не храбрись! Больно я тебя боюсь! Ты думаешь, что мужъ, такъ и управы на тебя нѣтъ... держи карманъ! Вотъ я къ Петру Петровичу пойду, да и разскажу ему, какъ ты надъ женой-то озорничаешь! Ишь ты! «бока ему отломаю»! Такъ онъ и будетъ тебѣ стоять, пока ты ломать-то ихъ ему будешь!

Скопищевъ. А ты бы, Александра Александрычъ, допрежъ ее-то самое маленько помялъ... У меня вотъ жена-покойница такая же была—такъ я ее, бывало, голубушку, возьму, да всю по суставчикамъ и разомну... (*Вздыхаетъ*). Такая ли опосля шелковая сдѣлалась! Кровать, вишь, скрипитъ! А гдѣ жъ это видано, чтобъ кровать не скрипѣла, когда она кровать есть!

Дерновъ (*женѣ*). Слышишь ты у меня! Чтобъ здѣсь бобровскаго духу не пахло... Слышишь? А не то я тебя, видитъ Богъ, задушу! своими руками задушу! (*Входитъ сторожъ*).

Сторожъ. Ваше благородіе, пожалуйте! Яковъ Астафьичъ въ присутствіе зоветъ.

Дерновъ. Чего тамъ ему еще нужно?

Марья Гавриловна. Ладно, ладно, ступай-ка, тамъ еще увидимъ, какъ это ты меня задушишь! Вишь храбрецъ! Откуда это выѣхать изволили? (*Скопищеву*). А ты, борода, у меня припомнишь, припомнишь, припомнишь!

СЦЕНА V.

Квартира Змѣищева. Марья Гавриловна стоитъ у окна. Змѣищевъ входитъ въ халатѣ и съ шапочкой на головѣ.

Змѣищевъ. Ну, вотъ вы и пришли, душенька!

Занавѣсъ опускается.

Digitized by Google

Что такое коммерція?

СЦЕНА I.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ Полорѣцкѣ. Театръ представляетъ общую залу въ трактирномъ заведеніи. За однимъ столомъ сидятъ трое купцовъ и пьютъ чай. Купцы эти: **Палахвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ.** Палахвостовъ—старикъ сѣдой и угрюмый; пьетъ чай молча и крестится двумя перстами. Ижбурдинъ—среднихъ лѣтъ, нрава до крайности сообщительнаго, говоритъ много, но какъ-то, по временамъ, непріятно размазываетъ. Сокуровъ—молодой купчикъ, не отдѣленный отъ «родителя» и сильно мечтающій о возможности сдѣлаться со временемъ «негоціантомъ». За особымъ столомъ сидитъ **Праздношатающійся**, господинъ подозрительнаго свойства, занимающійся отчасти изученіемъ торговли и промышленности, отчасти же композиціей нравоописательныхъ статеекъ à la Тряпичкинъ. Во время разговора купцовъ онъ сначала прислушивается, а потомъ незамѣтнымъ образомъ самъ впадаетъ въ ихъ рѣчь.

Ижбурдинъ. А позвольте узнать, почемъ изволили, Савва Семенычъ, хлѣбецъ покупать? Эй, малый! кипяточку! (*Стучитъ ложкой по стакану*).

Палахвостовъ. Да по полтинѣ пудъ.

Ижбурдинъ. Такъ-съ, это точно-съ, цѣна сходственная, а вотъ намеднись такъ мнѣ вотячокъ по сороку копеечекъ кулей съ пятокъ въ анбары свалилъ... Этакъ-то будетъ, пожалуй, еще поавантажнѣе-съ...

Палахвостовъ. Да ты развѣ по хлѣбной-то части торгуешь, что ли?

Ижбурдинъ. Какъ же-съ; наше, Савва Семенычъ, дѣло маленькое; капиталовъ большихъ не имѣемъ, по крохамъ, можно сказать, свое благосостояніе собираемъ... И если бы да не воздержность наша да не труды—выходитъ, были бы мы теперича и совсѣмъ безъ капиталу-съ... Мы точно завсегда всѣмъ торгуемъ; главная у насъ статья, конечно, лѣса-съ, потому что намъ по этой части сподручнѣе..

Палахвостовъ. Воровать, то-есть?

Digitized by Google

Ижбурдинъ. Зачѣмъ же обижать, Савва Семенычъ? Лѣсное дѣло вы, чай, сами изволите знать, возможно ли тамъ безъ сноровки-съ? Намъ, Савва Семенычъ, безъ барышовъ быть невозможно-съ, наше дѣло коммерческое: тѣмъ только и живешь, что оборотишься, не столько капиталомъ, сколько изворотцемъ-съ. Ну, а по лѣсной части одни угощенья чего стоютъ! Было время, что и горское пили, а нынче горскаго-то и въ подпитіи ему не подашь, давай, говоритъ, шиппанскаго, да еще за бороду ухватить тебя норовитъ. Одной обиды да наругательства сколько на твою голову упадетъ! Съ пристани-то выѣдешь ровно обстрѣленный. Вотъ хошь бы онамеднись. Пили они это пили; кажется, ничего не жалѣлъ, лишь бы глотку-то его поганую залить—такъ нѣтъ вотъ мало ему и того. Внутро-то ему не лѣзетъ, такъ онъ—что бы ты думалъ—выкинулъ? «Ну, говоритъ, мы теперича пьяны; давай, говоритъ, теперича рѣку шиппанскимъ поить!» Я было ему въ ноги: за что жъ, молъ, надъ моимъ добромъ наругаться хочешь, ваше благородіе? Помилосердуй! — И слушать не хочетъ... «Давай, кричитъ, шиппанскаго! дюжину! мало дюжины, цѣльный ящикъ давай! А не то, говоритъ, сейчасъ всѣ твои плоты законфескую, и опйдешь ты въ Сибирь гусей пасти!» Дѣлать-то нечего; велѣлъ я принести ящикъ; такъ онъ позвалъ, антихристъ, рабочихъ, да и велѣлъ имъ вино-то въ рѣку бросить. Вы посудите, Савва Семенычъ, каково мнѣ-то было смотрѣть на свое добро... А онъ только икаетъ: «Вотъ, говоритъ, это тебѣ, значитъ, трессировка, чтобъ ты зналъ, что въ моей власти и по шерсти тебя погладить, и за вихоръ драть... Весь ты, говоритъ, въ моихъ рукахъ, и ты, и потомство твое!» Такъ вотъ она какова наша-то коммерція!

Палахвостовъ *(смѣется).* Это точно, что коммерція плохая, если мордой отвѣчать приходится.

Ижбурдинъ А не дай я ему этого ящика, и не вѣсть бы онъ мнѣ какой тутъ пакости натворилъ! Тутъ, Савва Семенычъ, ужъ ни за чѣмъ не гонись, ничѣмъ не брезгай.

Digitized by Google

Смотришь только ему въ зубы, какъ онъ надъ тобой привередничаетъ, словно баба беременная: того ему подай, или нѣтъ, не надо, подай другого. Только объ одномъ и толкуетъ, какъ бы ему такое что-нибудь выдумать, чтобы въ конецъ тебя оконфузить.

Сокуровъ *(стучитъ въ стаканъ)*. Тенерифу бутылку! да архангельскаго, слышишь!

Палахвостовъ. Это, братъ, зачѣмъ?

Сокуровъ. Пожалуйте! ваше здоровье-съ! (*Подаютъ бутылку вина; Праздношатающійся примѣтно подвигаетъ свой стулъ къ столу собесѣдниковъ*).

Ижбурдинъ. Такъ-то вотъ день-деньской мы и маемся: гдѣ полтина, гдѣ рубль. А вы вотъ, Савва Семенычъ, говорите, чтобы насчетъ того, однимъ товаромъ торговать! Намеднись, вотъ, и Порфирій Петровичъ тоже. Пришелъ я къ нимъ на торги по арестантской части: «чтой-то, говоритъ, тебя, Павелъ Прокофьичъ, ровно шакала во всѣ стороны черти носятъ: ты, говоритъ, свою бы часть зналъ, а то отъ тебя только казенному дѣлу поношенье!..» Да куды же я съ однимъ-то предметомъ сунусь! Нонече вонъ пошли вездѣ выдумки — ничего и сообразить-то нельзя. Цѣна-то сегодня полтина, а завтра она рубль; ты думаешь, какъ бы тебѣ польза, анъ выходитъ, что тебѣ же шею наколотятъ; вотъ и торгуй! Теперича, примѣрно, кожевенный товаръ въ ходу, сукно тоже требуется—ну, мы и сукно по малости скупаемъ, и кожи продаемъ; все это нашей совѣсти дѣло-съ. Намеднись, доложу я вамъ, былъ я въ Лежневѣ на ярмонкѣ—и что-что тамъ комиссенеровъ наѣхало, ровно звѣздъ небесныхъ: все сапожный товаръ покупать. Конечно-съ, ихнее дѣло простое. Казна имъ примѣрно хошь рубль отпущаетъ, такъ ему надо, чтобъ у него полтина или тамъ сорокъ копеекъ пользы осталось. А съ мужикомъ ему дѣло имѣть несподручно! Это хошь, можетъ, и больше пользы дастъ, да оно неспокойно; неровенъ часъ, слѣдствіе или другая напасть—всѣмъ ротъ-отъ не зажмешь. Опять же

Digitized by Google

и отчетностью они запутаны: поди да каждаго расписываться заставляй, да урезонивай, чтобъ онъ тебѣ, вмѣсто полтины, рубль написалъ. А какъ съ оптовымъ-то дѣло заведетъ, оно и шито, и крыто; первое дѣло, что хлопотъ никакихъ нѣтъ, а второе, что предательству тутъ быть невозможно, почему какъ купецъ всякій знаетъ, что за такую механику и ему заодно съ комиссенеромъ не сдобровать. Эта штука для насъ самая выгодная; тутъ, можно сказать, не токма что за трудъ, а больше за честь пользу получаешь.

Сокуровъ (*важничая*). Да, съ казной дѣло имѣть выгоднѣе всего; она, можно сказать, всѣмъ намъ кормилица... (*Наливаетъ вино въ бокалы. Къ Праздношатающемуся*). Не прикажете ли, не имѣемъ счастья знать по имени и отчеству...

Праздношатающійся. Съ охотою. (*Пьетъ*). А гдѣ вы это, господа, такой здѣсь тенерифъ достаете?.. Отличный! И жжетъ, и першитъ... славно! Точно водка.

Ижбурдинъ. Изъ Архангельска-съ: мы тоже и тамотки дѣла имѣемъ-съ.

Праздношатающійся (*къ Сокурову*). Вотъ-съ вы изволили выразиться, что съ казною дѣло имѣть выгодно. Не позволите ли узнать, почему вы такъ заключаете?

Сокуровъ. Да-съ, это точно-съ; сами изволите знать... казна... выгодно...

Палахвостовъ. Вотъ, то-то, молодецъ! Брешешь: выгодно, а почему—объяснить не умѣешь.

Ижбурдинъ. А вотъ позвольте... вы вѣрно комиссенеръ?

Праздношатающійся (*обижаясь*). Почему же комиссіонеръ!.. Я просто для своего удовольствія... желательно, знаете, этакъ по торговой части заняться...

Ижбурдинъ. Такъ вы приказный? Понимаемъ-съ! Это точно, что нонче приказные много насчетъ торговли займуются—капиталы завелись... Такъ вотъ, изволите ли видѣть, съ казной потому намъ дѣло имѣть естественнѣе, что тутъ,

Digitized by Google

можно сказать, риску совсѣмъ не бываетъ. Въ срокъ ли, не въ срокъ ли выставишь—казна все мнетъ. Конечно-съ, тутъ не безъ расходовъ, да зато и цѣны совсѣмъ другія, не супротивъ обыкновенныхъ-съ. Ну, и опять-таки оттого для насъ это дѣло сподручно, принимаютъ тамъ все, можно сказать, по-божески. Намеднись вотъ я полушубки въ казну ставилъ; только развѣ что кислятиной отъ нихъ пахнетъ, а по прочему и званія-то полушубка нѣтъ—тѣсто тѣстомъ! Поди-ка я съ этакими полушубками не токмо что къ торговцу хорошему, а на рынокъ—на смѣхъ бы подняли! Ну, а въ казнѣ все взойдетъ, по той причинѣ, что потребленіе тамъ большое. Вотъ тоже случилось мнѣ однажды муку въ казну ставить. Я было въ тѣ-поры и барку ужъ нагрузилъ: сплыть бы только, да и вся недолга. Анъ тутъ подвернулся приказчикъ отъ купцовъ заграничныхъ—цѣну даетъ хорошую. Думалъ я, думалъ, да перекрестимшись и отдалъ весь хлѣбъ приказчику.

Праздношатающійся. А какъ же съ казной-то?

Ижбурдинъ. Съ казной-то? А вотъ какъ: пошелъ я, запродавши хлѣбъ-отъ, къ писарю станового, такъ онъ мнѣ, за четвертакъ, такое свидѣтельство написалъ, что я даже самъ подивился. И наводненіе, и мелководіе тутъ; только нашествія непріятельскаго не было. (*Всѣ смѣются*). Такъ оно и доподлинно скажешь, что казна-матушка всѣмъ намъ кормилица... Это точно-съ. По той причинѣ, что если бъ не казна, куда же бы намъ съ торговлей-то дѣваться? Это все единственно, что деньги въ ланбартъ положить, да сидѣть самому на печи, сложа руки.

Праздношатающійся (*глубокомысленно*). Да, это такъ... недостатокъ предпріимчивости... Это, такъ сказать, болѣзнь русскаго купечества... Это, знаете... (*Палахвостовъ улыбается*). Вы смѣетесь? Но скажите, отчего же? Отчего же англичане, напримѣръ, французы...

Ижбурдинъ. А оттого это, батюшка, что на все свой резонъ есть-съ. Положимъ, вотъ хоть я предпріимчивый че-

Digitized by Google

ловѣкъ. Снарядилъ я, примѣрно, карабь, или тамъ подрядился къ какому ни-на-есть иностранцу выставить столько-то тысячъ кулей муки. Вотъ-съ, и искупилъ я муку, искупилъ дешево—нече сказать, это все въ нашихъ рукахъ,—погрузилъ ее въ барки... Ну-съ, а потомъ-то куда жъ я съ ней дѣнусь?

Праздношатающійся. Какъ куда?

Ижбурдинъ. Да, точно такъ-съ. Позвольте полюбопытствовать, изволили вы по Волгѣ плавать? Нѣтъ-съ? Такъ это точно, что вы на этотъ счетъ сумнѣнье имѣть можете; а вотъ какъ мы въ эвтомъ дѣлѣ, можно сказать, съ младенчества произошли, такъ и знаемъ, какая это рѣка-съ. Это рѣка, доложу я вамъ, съ позволенія сказать-съ, сегодня вотъ она здѣсь, а на другой, сударь, годъ, въ эвтомъ-то мѣстѣ ужъ песокъ, и она вѣ-куда побѣгла. Никакъ тутъ и не сообразишь. Тащишься-тащишься этта съ грузомъ-то, инда злость тебя одолѣетъ. До Питера-то изъ нашихъ мѣсть года въ два не доѣдешь, да и то еще Бога благодари, коли угодники тебя доѣхать допустятъ. А то вотъ не хочешь ли на мели посидѣть, или совсѣмъ затонуть; или вотъ рабочіе у тебя съ барокъ поубѣгутъ — ну, и плати за все втридорога. Какая же тутъ, сударь, цѣна? Могу ли я теперича досконально себя въ эвдакомъ дѣлѣ разсчитать? Что вотъ, молъ, купилъ я по томъ-то, провозъ будетъ стоить столько-то, продамъ по такой-то цѣнѣ? А неустойка? Вѣдь англичанъ-то не казна-съ; у него нѣтъ этихъ ни мелководій, ни моровыхъ повѣтріевъ, ему вынь да положь. Нѣтъ-съ, наша торговля еще, можно сказать, въ рукахъ Божьихъ находится. Вывезетъ Волга-матушка—ну, и съ капиталомъ; не вывезетъ—зубы на полку клади. *(Обращаясь къ Палахвостову).* А вотъ вы еще, Савва Семенычъ, говорите, чтобы однимъ предметомъ торговать!

Палахвостовъ (*самодовольно*). Да, оно конечно; тутъ большой нужно капиталъ имѣть, чтобъ не треснуть.

Ижбурдинъ. Вотъ-съ со мной случай былъ. Сплавляли мы

Digitized by Google

ленное сѣмя къ Архангельскому; рѣчонка эта — Луза прозывается—препакостная! Дней восемь или десять только и судоходство по ней, а плыть приходится до Устюга цѣлую недѣлю: пропустилъ тутъ часъ — ну, и бѣдствуй. Да и не пропустишь свое время, такъ и то плыть по ней наказанье; затопитъ это кругомъ верстъ на пять, и не знаешь, гдѣ берега. Плылъ я, кажись, благополучно; еще бы немножко— выплылъ бы въ безопасное мѣсто. Такъ нѣтъ же; нанесло меня, сударь, на такую колоду, что ни взадъ, ни впередъ. Куда дѣваться? А мимо меня, знаешь, проходятъ барки другихъ торговцевъ, и хошь бы одинъ-те глазомъ мигнулъ. Я было къ нимъ: помогите, дескать, родимые!—такъ куда тебѣ! Только смѣются... Принужденъ былъ искать рабочихъ вольныхъ, а тамъ и людей-то совсѣмъ нѣтъ. Что жъ бы вы думали взяли съ меня эти зыряне? Да по три рубля въ сутки на человѣка, да сутки съ-трои тутъ и проработали. Вотъ тебѣ и барышъ.

Праздношатающійся. Да отчего жъ, однакожъ, вамъ не помогли товарищи?

Ижбурдинъ. Какіе они, батюшка, товарищи? Вотъ выпить, въ три листа сыграть — это они точно товарищи, а помочь въ коммерческомъ дѣлѣ—это, выходитъ, особь статья. По той причинѣ, что имъ же выгоднѣе, коли я опоздаю ко времени, а какъ совсѣмъ затону—и того лучше. Выходитъ, что коммерція, что война — это сюжетъ одинъ и тотъ же. Тутъ всякій не то чтобъ помочь, а пуще норовитъ какъ ни-на-есть тебя погубить, чтобъ ему просторнѣе было. *(Вздыхаетъ).*

Праздношатающійся. Какъ же это по-вашему называется?

Ижбурдинъ. А какъ бы вамъ объяснить, ваше благородіе? Называютъ это и мошенничествомъ, называютъ и просто расчетомъ — какъ на что кто глядитъ. Оно конечно, вотъ какъ тонешь, хорошо какъ бы кто тебѣ помогъ; а какъ съ другого пункта на дѣло посмотришь, такъ вѣдь не всякому же тонуть приходится. Иной двадцать лѣтъ плаваетъ, и все ему

Digitized by Google

благополучно сходитъ: такъ ему-то за что жъ тутъ терять? Это вѣдь дѣло не взаимное-съ.

Праздношатающійся. Ну, а скажите, пожалуйста, вотъ вы начали говорить о судорабочихъ: какимъ образомъ вы ихъ нанимаете?

Ижбурдинъ. По контрактамъ, батюшка, по контрактамъ; нынче безъ контракта по землѣ, сударь, ходить невозможно.

Праздношатающійся. Какимъ же образомъ и съ кѣмъ заключаете вы эти контракты?

Ижбурдинъ. А съ помѣщикомъ или, всего чаще, съ начальствомъ. Съ начальствомъ-то, знаете, для насъ выгоднѣе, почему что хошь и есть тамъ расходъ, да зато они народъ ужъ больно дешево продаютъ. Дашь писарю сто рублевъ— такъ онъ хошь всю волость за тобой укрѣпитъ. Ну, и выходитъ, что и самъ ты надъ ними будто помѣщикъ. Что Бога гнѣвить, тягости намъ нисколько! А все потому, осмѣлюсь вамъ доложить, что начальство выгодъ нашихъ доподлинно опредѣлить себѣ не можетъ. Кабы знало оно ихъ, стами рублями тутъ бы не отдѣлаться; а теперича вотъ, съ малаго-то ума, ему и сто рублей за медвѣдя кажутся. Оно, конечно, сударь, отчего бы иногда и не прибавить, да испытали мы ужъ на себѣ это средствіе: далъ ты ему нынче полтораста — онъ на будущій годъ ужъ двѣсти запроситъ, да такъ-то разбалуется, что каждую зиму будетъ эту статью увеличивать. А какъ опредѣлено ему споконъ вѣку, словно заповѣдь, сто рублевъ, такъ они у него ужъ зараньше въ приходную книжку такъ записаны.

Праздношатающійся. Ну, а какъ вы полагаете, напримѣръ, насчетъ желѣзныхъ дорогъ? Вѣдь это, по моему мнѣнію, могло бы значительно подвинуть нашу торговлю... *(Палахвостовъ крестится).*

Ижбурдинъ *(въ сторону).* Э, братъ! да ты, видно, вонъ изъ какихъ сторонъ выѣхалъ!

Сокуровъ *(важно, съ разстановкой).* Да-съ, это точно... чугунки, можно сказать, нонче по Расеѣ первый сюжетъ-съ...

Digitized by Google

Осмѣлюсь вамъ доложить, ѣздили мы съ тятенькой лѣтось въ Питеръ, такъ они до самаго то-есть Волчка молчали, а какъ пріѣхали мы туда черезъ девять-ту часовъ, такъ словно закатились смѣючись. Я было къ нимъ: Христосъ, молъ, съ вами, папынька! — такъ куда! «Ой, говорятъ, умру! Эка штука: бывало, въ два дня въ Волочокъ-отъ не доѣдешь, а теперь, гляди, въ девять часовъ эко мѣсто уѣхали!» А они, смѣю вамъ объясниться, въ старой вѣрѣ состоятъ-съ!

Палахвостовъ. Да, это точно, что родитель твой въ старой вѣрѣ. Ну, а ты, щенокъ, въ какой состоишь?

Сокуровъ. Что жъ, Савва Семенычъ, мы, конечно, люди молодые, желаемъ въ образованномъ обчествѣ пребываніе имѣть — вотъ хочь бы, примѣрно, съ ихъ благороднымъ сіятельствомъ... Почему что намъ ихній сюжетъ очеино интересенъ-съ. Мы, Савва Семенычъ, благодареніе Господу, завсегда благородныхъ дѣловъ не гнушаемся, и насупротивъ того съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ къ нимъ привержены... Вотъ хочь бы касательно родителя-съ: оно, конечно, они намъ родители, а извѣстно, супротивъ насъ ужъ не придутся. Кабы да не власть ихняя, что они насъ, можно сказать, въ табакъ истереть могутъ, что жъ бы они противъ насъ могли сдѣлать?

Палахвостовъ. Знаю, братъ, знаю. Знаю, что умри вотъ сегодня у тебя отецъ, такъ ты бы прахъ-отъ его завтра по вѣтру развѣялъ. А вотъ ужо лишитъ онъ тебя родительскаго благословенія!

Сокуровъ. Благословенья онъ насъ не лишитъ; это вы напрасно, Савва Семенычъ, безпокоиться изволите. За свои грѣхи они нонче зрѣнія ужъ лишились, такъ имъ теперича впору Богу молиться, а не то что дѣла дѣлать. А ужъ коли вы насъ, Савва Семенычъ, неуваженьемъ попрекаете, такъ вамъ самимъ, уповательно, извѣстно, какими порядками нашъ родитель свой капиталъ нажилъ-съ. Кабы не сжегъ онъ въ ту пору питейный домъ со всѣмъ, и съ цѣ-

Digitized by Google

ловальникомъ, да не воспользовался бы тутотка выручкой, какой же бы онъ былъ теперича капиталистъ? За это, можетъ, и зрѣніе-то у нихъ Богъ отнялъ; какое же тутъ, Савва Семенычъ, почтеніе въ сердцѣ воспитывать можно, когда онъ сызмальства такимъ дѣломъ занимался? А мы и то завсегда противъ нихъ съ нашимъ уваженіемъ-съ.

Палахвостовъ. Ладно; вотъ тебѣ черти-то на томъ свѣтѣ языкъ-отъ вытянутъ! *(Нѣсколько минутъ молчанія).*

Ижбурдинъ. Вотъ-съ, ваше благородіе, все-то такъ у насъ нынче въ разстрой пошло.

Праздношатающійся. Ну, а какъ вы насчетъ улучшенныхъ путей сообщенія полагаете? *(Ижбурдинъ молчитъ).* Однакожъ?

Ижбурдинъ *(рѣшительно).* Для насъ, ваше благородіе, эти чугунки все одно, что разореніе. Вотъ какъ я вамъ скажу.

Праздношатающійся. Отчего же? Вѣдь вы сами сейчасъ высчитывали, какіе несете убытки отъ тысячи неудобствъ, которыя терпитъ каждая ваша операція вслѣдствіе затруднительности путей сообщенія.

Ижбурдинъ. Да-съ, это точно; я говорилъ. Да мы къ этому, сударь, дѣлу испоконъ вѣку привычны! Для насъ коли дѣло обошлось безъ ухабовъ да безъ бурлаковъ, такъ ровно оно и не дѣло. Это все единственно, что безъ клоповъ спать, безъ таракановъ щи хлебать. На все на это резонъ есть. Давно вотъ, кажется, почту завели, а нашъ братъ доселѣ ее обѣгаетъ, все норовитъ на вольныхъ проѣхать. Эти вольные берутъ съ насъ втридорога, а везутъ-то такъ, что, кажется, душу всю вытянутъ, проклятые! Лѣтось ѣздилъ я съ парнемъ въ Нижній, такъ ямщикъ-отъ сталъ на полдорогѣ отъ станціи и не ѣдетъ впередъ: «прибавьте, говоритъ, хозяева, три цѣлковенькихъ, такъ поѣду». Ну, и прибавили. А отчего мы, сударь, на почтѣ не ѣздимъ? Оттого все, не нашего это малаго разума дѣло, а дѣло оно дворянское. Да и чиновникъ тамъ такой есть, что

Digitized by Google

на кажной тебѣ станціи словно въ зубы тычетъ: «ты, молъ, за честь почитай, что сподобилъ тебя Создатель на почтѣ ѣхать!» Станешь это лошадей торопить—ну, одинъ только и есть отвѣтъ ото всѣхъ: «подождешь, молъ, борода, не великаго чина птица». Ну, и стоишь у заваленки. Выходитъ, совсѣмъ мы и обробѣли по той причинѣ, что всякъ тебѣ говоритъ: куда ты лѣзешь? Ужъ чего, кажется, деньги по повѣсткѣ получить, а и тутъ, сударь, измаешься, ждамши въ передней; не пускаютъ дальше, да и все тутъ. Полтинникъ тебѣ стóитъ, чтобъ предъ лицо-то почтмейстерское стать, а онъ тебѣ тоже: «не время, приходи завтра». И хошь бы со всѣми они такъ-то—все бы не больно досадно было, а то вѣдь подъ носомъ у тебя деньги отдаютъ, подъ носомъ сторонніе люди черезъ переднюю проходятъ... А объ мужичкахъ и говорить нече; случалось мнѣ самолично видѣть, какъ иной по мѣсяцу ходитъ за какимъ-нибудь цѣлковымъ, и все рѣшенья получить не можетъ. По эвтой самой причинѣ и капиталъ свой бережешь, даже отъ семьи-то прячешь, потому что неровёнъ часъ—деньги-то всякому вѣдь по нраву. Какъ въ этакомъ-то, сударь, передѣлѣ побываешь, такъ и не до чугунокъ тебѣ: это первое дѣло. А второе дѣло будетъ то, что для нашего брата купца, что чугунки завести, что гильдію совсѣмъ снять—это все одинъ сюжетъ, все вокругъ одного пальца вертится. Если бъ вотъ хоть теперь кто сказалъ, что нѣтъ, молъ, гильдіи, всякъ, дескать, воленъ торговать чѣмъ и какъ пожелаетъ—развѣ можно было бы оставаться въ купцахъ? Вѣдь это для насъ было бы все единственно, что въ петлю лѣзти, почему какъ въ то время всякая, можно сказать, щель тебѣ сотню супостатовъ выставитъ: «самъ-то, молъ, я хошь и проторгуюсь, да по крайности весь торгъ перепакощу». Ну, и чугунки то же-съ. *(Тягостное и продолжительное молчаніе).* Это, ваше благородіе, все враги нашего отечества выдумали, чтобъ насъ какъ ни-на-есть съ колеи сбить. А за ними и наши туда же лѣзутъ—вотъ эта гольтепа, что̀ негоціантами

Digitized by Google

себя прозываютъ. Основательный торговецъ никогда въ экое дѣло не пойдетъ, даже и разговаривать-то объ немъ не будетъ, по той причинѣ, что это все одно, что противъ себя говорить.

Палахвостовъ. Это точно, что эти щелкоперы *(указываетъ на Сокурова)* на всю нашу операцію мораль напустили.

Ижбурдинъ. Нынче вотъ молодость всѣми, сударь, дѣлами завладѣть желаетъ. Оно бы и ничего: что жъ, если царь въ головѣ есть да руку себѣ набилъ—дѣйствуй на здоровье. Такъ нѣтъ: онъ все нарохтится тебѣ съ наругательствомъ, да не то чтобъ тебя уважить, а пуще въ бороду тебѣ наплевать желаетъ. «Я, говоритъ, негоціантъ, а не купецъ; мы, говоритъ, изъ Питера отъ Руча камзолы себѣ выписываемъ — вотъ, молъ, мы каковы!» Ну-съ, отцамъ-то, разумѣется, и надсадно на него смотрѣть, какъ онъ бороду-то себѣ оголилъ, да въ кургузомъ кафтанишкѣ передъ людьми превередничаетъ. Вотъ и тянутъ старики, какъ бы достояніе-то свое тоже зря разбросать. А который не успѣлъ умереть, не растративши капиталу, молодцы мигомъ этому дѣлу подсобятъ. Такъ оно и идетъ все колесомъ. Вотъ лѣтось померъ у насъ купецъ, такъ сынокъ-отъ—что бы вы думали? — только-что успѣлъ старика схоронить, первымъ долгомъ нализался мертвецки, на заводъ поѣхалъ и перебилъ тамотка всѣ стекла: «я, говоритъ, давно эту мысль въ головѣ держалъ». Да съ тѣхъ поръ и идетъ у нихъ дебошъ: то женскій полъ соберетъ, въ горницѣ натопитъ, да въ чемъ есть и безобразничаетъ, или зазоветъ къ себѣ приказнаго какого ни-на-есть ледящаго: «вотъ, говоритъ, тебѣ сто рублевъ, дозволь, молъ, только себя выпороть!» Намеднись одинъ пьянчужка и согласился, да только-что они его, сударь, выпустили, онъ сталъ въ воротахъ да и кричитъ караулъ. Насилу ужъ городничій дѣло сладилъ, что на пяти стахъ помирились: «не хочу, говоритъ, давай тысячу; у меня, молъ, и поличное завсегда при себѣ». А не то вотъ выѣхалъ онъ третьёднись пьяный-распьяный

Digitized by Google

въ саночкахъ: сидитъ-себѣ одинъ да самъ и лошадью правитъ. Да въ глазахъ-то у него, прости Господи, видно черти ужъ скачутъ: ѣдетъ онъ одинъ-отъ, а впереди ему Ванька-кучеръ показывается, вотъ онъ и покрикиваетъ: «пошелъ, Ванька!» — «молчать, Ванька подлецъ!»... Подивились мы только въ ту пору, какъ его Богъ помиловалъ, что лошадь въ прахъ не расшибла. *(Всѣ смѣются).* Такъ неужто жъ эки-то сорванцы лучше насъ, стариковъ? *(Къ Сокурову).* Такъ-то вотъ и ты, паренекъ, коли будешь родительскимъ благословеніемъ брезговать, пойдетъ на вѣтеръ все твое достояніе.

Праздношатающійся. Отъ чего же нибудь да происходитъ этотъ разладъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ? Воспитаніе тутъ, что ли?

Ижбурдинъ. Какое тутъ, батюшка, воспитаніе! Вотъ онъ бороду себѣ выбрилъ, такъ развѣ поэтому только супротивъ насъ лучше будетъ, а грамота-то и у него не Богъ вѣсть какая! азъ-ангелъ-ангельскій-архангелъ-архангельскій-буки-бабаки... А то еще воспитанія захотѣли! Нѣтъ-съ, тутъ, признательно доложить, другого сорта есть причинность. Старые порядки къ концу доходятъ, а новыхъ еще мы не досѣлись. Вотъ-съ хошь бы ихъ тятенька: грѣхъ сказать, они человѣкъ почтенный, а только это сущая истина, что они цѣловальника-то сожгли да съ тѣхъ поръ и жить зачали. Прежде какъ мы торговали? Привезетъ, бывало, тебѣ мужичокъ овса кулей десятокъ или рогожи сотъ пять—ну, и свалишь, а за деньгами приходи, молъ, черезъ недѣлю. Придетъ онъ черезъ недѣлю—и знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, кто ты таковъ. Уйдетъ, бѣдняга, и управы никакой на тебя нѣтъ, потому что и градоначальникъ, и вся подьячая братія твою руку тянетъ. Такимъ-то родомъ и наживали капиталы, а подъ старость грѣхи передъ Богомъ замаливали. Да опять-таки, даже промежъ самихъ себя простота была; ни счетовъ, ни книгъ никакихъ, по душѣ всякій торговалъ — кто кого, можно сказать, переторгуетъ.

Digitized by Google

(Вздыхаетъ). Теперь же, сударь, все это, видно, къ концу приходитъ. Не оттого чтобы меньше на этотъ счетъ отъ начальства вольготности для насъ было—на это пожаловаться грѣхъ, а такъ, знать, больше свой же братъ, вотъ этакой-то проходимецъ кургузый, норовитъ тебя на весь народъ обхаять. Его-то самого общиплютъ кругомъ, такъ онъ и надѣется на старикахъ сердце сорвать! «Вы, молъ, богатѣете оттого, что мошенники, а я вотъ честный, такъ и бѣдный»...

Праздношатающійся. Странно, однакожъ!..

Ижбурдинъ. Какъ этакую-то мораль онъ пуститъ, такъ оно и точно, что въ оба глядѣть станешь... Ну, а ему тоже проку отъ этого мало: стариковъ-то онъ опакостилъ, а самъ выдумать ничего не выдумалъ. Вотъ оно и выходитъ, что старые порядки къ концу пришли, а новыхъ мы не доспѣлись. По той причинѣ, что выдумывать еще мы не горазды, не выросли разума въ мѣру. А приходится, видно, своею головою жить. *(Къ Сокурову).* А ну-ка, паренекъ, вотъ ты востёръ больно; разскажи-кась намъ, какъ это намъ съ тобой, въ малолѣтствіи, безъ отца-матери вѣкъ прожить, въ чужихъ людяхъ горекъ хлѣбъ снѣдаючи, рукавомъ слезы утираючи?.. *(Палахвостовъ смѣется).*

Сокуровъ *(съ досадой).* Извѣстно, мы теперь въ рукахъ Божіихъ, по стопамъ родительскимъ, можно сказать, ходимъ... Вотъ другой манеръ, кабы мы своимъ капиталомъ дѣйствовали...

Ижбурдинъ. Эка, подумаешь, приключилась надъ нами штука! Жили мы доселѣ словно въ дѣвичествѣ, горя не видали, а теперь вò куда дѣло-то пошло! Поди-ка лѣтъ пятнадцать назадъ, какъ плыветъ, бывало, по рѣкѣ конная-то машина, такъ и что̀ диву! А нонѣ выѣзжай-ко съ ней на Волгу-то—всякъ норовитъ тебя оконфузить: «эхъ-ма, говоритъ, куда-те запропастило; верстъ, чай, съ десятокъ, дяденька, въ сутки уѣдешь»! Завелись вездѣ праходы—просто хошь торговлю бросай, а тутъ еще объ какихъ-то чугункахъ твердятъ! А мы, сударь, этого дѣла и понять-то

Digitized by Google

не можемъ, почему какъ оно для насъ вмѣсто забавы. Ну, и овладѣютъ нами нѣмцы заѣзжіе... Инъ и подлинно свѣтопреставленью скоро быть надоть!..

Сокуровъ. Тятенька баетъ, что быть этому дѣлу въ 1860 году! Ему, вишь, старикъ какой-то сказывалъ, съ Чердынскихъ пустынь ономнись приходилъ.

Ижбурдинъ. Вотъ, сударь, сами изволите судить, какая тутъ можетъ статься коммерція, коли мы антихриста съ-часу-на-часъ поджидаемъ.

Праздношатающійся. Вы представили мнѣ довольно странную картину. Признаюсь вамъ даже, я мало тутъ что-нибудь понимаю. Съ одной стороны, старая система торговли, основанная, какъ вы говорили сами, на мошенничествѣ и разныхъ случайностяхъ, далѣе идти не можетъ; съ другой стороны, устройство путей сообщенія, освобожденіе торговли отъ стѣсняющихъ ее ограниченій, по вашимъ словамъ, неминуемо повлечетъ за собой обѣднѣніе цѣлаго сословія, въ рукахъ котораго находится въ настоящее время вся торговля... Какъ согласить это? Какъ помочь тутъ?

Ижбурдинъ. А кто его знаетъ! Мы объ такомъ дѣлѣ развѣ думали? Мы вотъ видимъ только, что наше дѣло къ концу приходитъ, а какъ оно тамъ напредки выйдетъ—все это въ рукѣ Божіей... Наше теперича дѣло объ томъ только думать, какъ бы самимъ-то намъ въ мирѣ прожить, безпечальну пробыть. *(Встаетъ).* Одначе, мы съ вашимъ благородіемъ тутотка забавляемся, а насъ, чай, и бабы давно, поди, ждутъ... Прощенья просимъ. *(Всѣ встаютъ и уходятъ).*

СЦЕНА II.

Праздношатающійся (*въ раздумьи*). Чего онъ мнѣ тутъ нагородилъ, ничего и не поймешь!.. Ба! мысль! (*Вынимаетъ изъ кармана записную книжку и пишетъ*). Мошенничество... обманъ... взятки... невѣжество... тупоуміе... общее безобразіе! Что̀ выйдетъ—не знаемъ, а подадимъ горячо!

Digitized by Google

Скука.

«Скучно! Крупныя капли дождя стучатъ въ окна моей квартиры; на улицѣ холодно, темно и грязно; осень давно ужъ вступила въ права свои, и какая осень! Безобразная, гнилая, съ проницающею насквозь сыростью и вѣчнымъ туманомъ, густою пеленою встающимъ надъ городомъ...

«Свѣча уныло и какъ-то слѣпо освѣщаетъ комнату; обстановка ея бѣдна и гола: дюжина стульевъ базарной работы, да диванъ, на которомъ жутко сидѣть,—вотъ и все. Какъ хотите, а комфортъ—славная вещь! Вотъ теперь бы мягкое кресло, да каминъ, да хорошую сигару—забылъ бы и грязь. и дождь. Воображеніе разгорѣлось бы, представило бы картинки заманчиваго свойства; въ струйкахъ сигарочнаго дыма показались бы нимфы, генеральскіе эполеты, звѣзды, груды золота, общее уваженіе и такъ далѣе; однимъ словомъ, все, что только можетъ вмѣстить въ себѣ тонкая струйка табачнаго дыма... А потомъ? Сонъ, сладкій сонъ наложилъ бы на все это свою всесильную руку; полногрудыя нимфы пустились бы въ обольстительнѣйшій танецъ съ генеральскими эполетами, звѣзды—съ общимъ уваженіемъ; однѣ груды золота остались бы попрежнему неподвижны, иронически посматривая на всю эту суматоху.

«А сонъ—великое дѣло, особливо въ Крутогорскѣ. Сонъ и водка—вотъ истинные друзья человѣчества. Но водка необходима такая, чтобы сразу забирала, покоряла себѣ всего человѣка; что называется воръ-водка, такая, чтобы сначала всѣ вообще твои суставчики словно перешибло, а потомъ изныли бы каждый изъ нихъ въ особенности. Такая именно водка подается у моего добраго знакомаго, предсѣдателя. Носятся слухи, будто бы и всякій крутогорскій чиновникъ имѣетъ право на полученіе подобной водки. Нужно справиться! Нѣтъ ничего мудренаго, что коварный откупщикъ употребляетъ во зло мою молодость и неопытность.

Digitized by Google

«Странная, однакожъ, вещь! Слылъ я, кажется, когда-то порядочнымъ человѣкомъ, водки въ ротъ не бралъ, не наѣдался до изнеможенія силъ, послѣ обѣда не спалъ, одѣвался прилично, былъ добръ и свѣжъ, трудился, надѣялся, и все чего-то ждалъ, къ чему-то стремился... И вотъ въ какія-нибудь пять лѣтъ какая перемѣна! Лицо отекло и одрябло; въ глазахъ свѣтится собачья старость; движенія вялы, словесности, какъ говоритъ пріятель мой, Яковъ Астафьичъ, совсѣмъ нѣтъ... Скверно!

«И какъ скоро, какъ безпрепятственно совершается процессъ этого превращенія! Съ какою изумительною быстротой поселяется въ сердцѣ вялость и равнодушіе ко всему, потухаетъ огонь любви къ добру и ненависти ко лжи и злу! И то, что̀ когда-то казалось и безобразнымъ и гнуснымъ, глядитъ теперь такъ гладко и пристойно, какъ будто все это въ порядкѣ вещей, и такъ ему и быть должно!

«Это примиреніе совершается вообще очень просто. Оглядишься вокругъ себя, всмотришься въ окружающихъ людей, и поневолѣ сознаешь, что всѣ они, право, недурные ребята. Они неглупы—и это первый пунктъ; они гостепріимны и общежительны, а стало-быть и добры—это второй пунктъ; они бѣдны и сверхъ того снабжены семействами, и потому самое чувство самосохраненія вынуждаетъ ихъ заботиться о средствахъ къ существованію, каковы бы ни были эти средства—это третій пунктъ. Разсудокъ безъ труда принимаетъ эти причины и удовлетворяется ими. Ибо что̀ сказать противъ нихъ? Какъ бы вы ни были краснорѣчивы, какъ бы ни были озлоблены противъ взятокъ и злоупотребленій, вамъ всегда готовъ очень простой отвѣтъ: человѣкъ такое животное, которое безъ одежды и пищи ни подъ какимъ видомъ существовать не можетъ. Понятно? Слѣдовательно...

«Отчего же, несмотря на убѣдительность этихъ доводовъ, все-таки ощущается какая-то неловкость въ то самое время,

Digitized by Google

когда они представляются уму съ такою ясностью? Несомнѣнно, что эти люди правы, говорите вы себѣ, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительность представляетъ такое сплетеніе гнусности и безобразія, что чувствуется невольная тяжесть въ вашемъ сердцѣ... Кто же виноватъ въ этомъ? Гдѣ причина этому явленію?

«— Въ воздухѣ,—отвѣчаетъ мнѣ искреннѣйшій мой другъ, Яковъ Петровичъ, тотъ самый, который изобрѣлъ *хвецовъ* и мазь для рощенія конскихъ волосъ на человѣческихъ головахъ.

«Въ воздухѣ! Да не можетъ же быть, чтобъ весь воздухъ былъ до такой степени зараженъ гнилыми міазмами, чтобъ не было никакихъ средствъ очистить его отъ нихъ. Прочь ихъ, эти испаренія, которыя не даютъ дохнуть свободно, которыя заражаютъ даже самаго здороваго человѣка!

«— Э, батюшка, намъ съ вами вдвоемъ всего на свой ладъ не передѣлать!—отвѣчаетъ мнѣ тотъ же изобрѣтатель растительной мази.—А вотъ лучше выпьемъ-ка водочки, закусимъ селедочкой да сыграемъ пулечку въ вистикъ: печаль-то какъ рукой снимаетъ!

«Ну, и выпьемъ...

«Сегодня утромъ принесъ ко мнѣ секретарь бумагу. Надо, говоритъ, затребовать по ней дополнительныхъ свѣдѣній.

«— Да зачѣмъ же ихъ требовать? Вѣдь они всѣ есть у васъ подъ руками?

«— Есть-съ.

«— Такъ что же?

«— Да помилуйте, за что жъ я опять подъ отвѣтственность попасть долженъ?

«— Какъ подъ отвѣтственность?

«— Да точно такъ-съ. Теперь конецъ мѣсяца, а сами вы изволите помнить, что его высокородіе еще въ прошломъ мѣсяцѣ пыталъ меня бранить за то, что у меня много бумагъ къ отчетности остается, да посулилъ еще изъ службы

Digitized by Google

за это выгнать. Ну, а если мы эту бумагу начнемъ разрѣшать, такъ разрѣшимъ ее не раньше слѣдующаго мѣсяца; а дополнительныхъ-то свѣдѣній потребуешь, такъ хоть и не разрѣшена она досконально, а все какъ *будто* исполнена: его высокородіе и останутся довольны.

«Нечего дѣлать, исполнилъ по желанію Ивана Никитича: не попадать же ему, въ самомъ дѣлѣ, подъ отвѣтственность изъ-за какой-то непонятной щепетильности.

«— Это ужъ у нихъ, у канальевъ, такъ изстари заведено,—отвѣчалъ мнѣ Яковъ Петровичъ, когда я разсказалъ ему этотъ анекдотъ.—Этого, батюшка, намъ съ вами и селитреною кислотою не вывести!

«Выпили мы по рюмочкѣ, и подлинно, я прозрѣлъ.

«А всему виной моя самонадѣянность... Я думалъ, въ кичливомъ самообольщеніи, что нѣтъ той силы, которая можетъ сломить энергію мысли, энергію воли! И вотъ оказывается, что какому-то неопрятному, далекому городку предоставлено совершить этотъ подвигъ уничтоженія. И такъ просто, почти безъ борьбы, потому что какая же можетъ быть борьба съ явленіями, заключающими въ себѣ лишь чистоотрицательныя качества?

«А мнѣ ли не твердили съ дѣтскихъ лѣтъ, что покорностью цвѣтутъ города, благоденствуютъ селенія, что она даетъ силу и крѣпость недужному на одрѣ смерти, бодрость и надежду истомленному работой и голодомъ, смягчаетъ сердца великихъ и сильныхъ, открываетъ двери темницы забытому узнику... но кто исчислитъ всѣ твои благодѣнія, всѣ твои цѣленія, о матерь всѣхъ доблестей?

«— Загляните въ скрижали исторіи,—говаривалъ мнѣ воспитатель мой, студентъ т—ской семинаріи:—загляните въ скрижали исторіи, и вы убѣдитесь, что тотъ только народъ благоденствуетъ и процвѣтаетъ, который не уносится далеко, не порывается, не дерзаетъ до вопроса. Процвѣтаютъ у него искусства и науки; конечно, и тѣ, и другія составляютъ достояніе только немногихъ избранныхъ, но

Digitized by Google

онъ, погруженный въ невѣжество, не знаетъ, какъ налюбоваться, какъ нагордиться тѣмъ, что эти избранные — граждане его страны, «это, говоритъ онъ, мои искусства, мои науки!» Произведенія его фабрикъ, его промышленности первенствуютъ во всѣхъ рынкахъ: нѣтъ нужды, что онъ самъ одѣтъ въ рубище: онъ видитъ только, что его торговля овладѣла цѣлымъ міромъ, всѣ ему удивляются, всѣ завидуютъ, и вотъ, въ порывѣ законной гордости, онъ восклицаетъ: «о, какой я богатый, довольный, благоденствующій народъ!»

«Посмотрите на этого юношу: онъ только-что сошелъ со школьной скамьи; видъ его скроменъ, щеки розовы, поступь плавна и благонравна, глаза опущены внизъ... Онъ получилъ чудесный аттестатъ отъ своихъ наставниковъ и воспитателей; успѣхи его были отличные, нравственность безпримѣрная; нѣтъ того балла, нѣтъ той цифры, которою можно было бы выразить удовольствіе начальниковъ. Гдѣ же ключъ ко всему этому? Гдѣ, какъ не въ томъ, что этотъ юноша — покорный юноша? Онъ безпрекословно выучивалъ наизусть заданныя странички, отъ «мы прошлый разъ сказали» до «объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующій разъ»; онъ аккуратно въ девять часовъ снималъ съ себя курточку, и хотя не всегда имѣлъ желаніе почивать, но во всякомъ случаѣ благонравно закрывалъ глазки и удерживалъ свое ровненькое дыханьице, чтобъ оно какъ-нибудь не оскорбило деликатнаго слуха его наставника... О, это преблаговоспитанненькое дитя, самое покорненькое дитя на свѣтѣ! Для него не существовало ни стола, ни стула, ни книги, а было: «стульчикъ», «столикъ», «книжечка»; онъ никогда не бѣгалъ, не суетился, его не видали ни распотѣвшимъ, ни раскраснѣвшимся... Въ глазахъ его, правда, не видно блеску, не видно огня молодости... но зато какая покорность! Боже, какая покорность! О, дайте мнѣ расцѣловать его, дайте обнять его, это милое, *покорное* дитя!

«Но вотъ онъ сдѣлался чиновникомъ; съ какимъ внима-

Digitized by Google

ніемъ, съ какимъ простодушіемъ выслушиваетъ онъ наставленія начальника и благодѣтеля! Какъ удивляется его проницательности, глубокомыслію, обширности взгляда! Не достойный ли, не презрѣнный ли онъ сосудъ... извините, сосудикъ!—и между тѣмъ его считаютъ достойнымъ—да, достойнымъ!—вмѣщать въ себѣ всѣ премудрости бюрократіи! И зато съ какимъ трепетомъ беретъ онъ въ руку бумажку, очиниваетъ ножичкомъ перышко, какъ работаетъ его миніатюрное воображеньице, какъ трудится его крохотная мысль, придумывая каждое слово, каждое выраженьице замысловатаго отношеньица, въ которомъ должны быть умѣщены громаднѣйшіе помыслы, величайшія начинанія, необъятнѣйшіе планы!

«— Главное дѣло, будь кратокъ!—говоритъ ему начальникъ.—Только въ выраженіи чувствъ преданности и покорности краткость неприлична и даже вредна; во всемъ же прочемъ краткость, краткость и краткость!

«И онъ слѣпо слѣдуетъ этому наставленію: излагаетъ дѣло кратко, почитаетъ плодовито. И послѣ этого можно ли изумляться, что этотъ маленькій, чистенькій, усердненькій чиновничекъ дѣлается въ свою очередь источникомъ помысловъ, начинаній и плановъ!

«Нѣтъ, покорность не значитъ подлость, не значитъ искательство и низкопоклонничество, не значитъ слабоуміе и апатія; покорность не наушничество, не лукавство исподтишка, не лицемѣріе... Это особая, своеобразная добродѣтель, съ помощью которой человѣкъ многое выигрываетъ и ровно ничего не проигрываетъ.

«Теперь все это представляется мнѣ ясно, какъ дважды-два; странно даже, какъ я когда-нибудь могъ мыслить иначе.

«Когда я ѣхалъ въ Крутогорскъ, то мнѣ казалось, что и я долженъ на дѣлѣ принесть хоть частичку той пользы, которую каждый гражданинъ обязанъ положить на алтарь отечества. Думалось мнѣ, что въ самой случайности, бросившей меня въ этотъ край, скрывается своего рода предопредѣ-

Digitized by Google

леніе... Юношескія мечты! тщетныя мечты! Сколько въ нихъ, однакожъ, свѣжести и чистоты, сколько жажды добра и истины!

«Что же я сдѣлалъ, какіе подвиги совершилъ? . . .

. . . . . .

«О, провинція! ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаніями тѣ мелкія вожделѣнія, исключительно направленныя къ матеріальной сторонѣ жизни, къ доставленію крошечныхъ удобствъ, которыя имѣютъ то неоцѣненное достоинство, что устраняютъ всякій поводъ для тревогъ души и сердца? Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно суживается? Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль? Когда человѣкъ испытываетъ горькую нужду, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, все вокругъ него свидѣтельствуетъ о благахъ жизни, все привязываетъ къ ней, тогда нѣтъ возможности не пробуждаться даже самой сонной натурѣ. Воображеніе работаетъ, самолюбіе страждетъ, зависть кипитъ въ сердцѣ, и вотъ совершаются тѣ великіе подвиги ума и воли человѣческой, которымъ такъ искренно дивится покорная генію толпа. Что нужды, что подготовительныя работы къ нимъ смочены слезами и кровавымъ потомъ; что нужды, что не одно, быть-можетъ, проклятіе сорвалось съ устъ труженика, что горьки были его исканія, горьки нужды, горьки обманутыя надежды: онъ жилъ въ это время, онъ ощущалъ себя человѣкомъ, хотя и страдалъ...

«Да; жалко, поистинѣ жалко положеніе молодого человѣка, заброшеннаго въ провинцію! Незамѣтно, мало-по-малу, погружается онъ въ тину мелочей и, увлекаясь легкостью этой жизни, которая не имѣетъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, самъ безсознательно дѣлается молчаливымъ поборникомъ ея. А тамъ подкрадется матушка-лѣнь, и такъ крѣпко сожметъ въ своихъ объятіяхъ новобранца, что и

Digitized by Google

очнуться некогда. Посмотришь кругомъ: вѣдь живутъ же добрые люди, и живутъ весело—ну, и самъ станешь жить весело.

«О, вы, которые живете другою, широкою жизнью, вы, которыхъ оставляютъ жить, и которые оставляете жить другихъ—завидую вамъ! И если когда-нибудь придется вамъ горько, и вы усомнитесь въ вашемъ счастіи, вспомните, что есть иной міръ, міръ зловоній и болотныхъ испареній, міръ сплетенъ и жирныхъ кулебякъ—и горе вамъ, если вы тотчасъ не поспѣшите подписать удовольствіе вѣчному истцу вашей жизни—обществу!

«А все-таки странно, что я сегодня цѣлый вечеръ сижу дома и одинъ. Гдѣ бы они могли быть всѣ? У Порфирія Петровича—не можетъ быть: онъ такъ милъ и любезенъ, что всегда меня приглашаетъ; Александръ Андреевичъ тоже души во мнѣ не слышитъ: «ты, говоритъ, только проигрывай, а то хоть каждый день пріѣзжай».

«Вѣрно, у князя Льва Михайловича! Странный человѣкъ этотъ князь! Разсердился на меня не на шутку за то, что я выразился, якобы онъ, въ удобное для охоты время, командируетъ своего секретаря, подъ видомъ дѣлъ службы, собственно для стрѣлянія дичи къ столу его сіятельства. «Что жъ, говоритъ, тутъ дурного? Развѣ это взятка? Вы мнѣ скажите, взятка ли это? Развѣ я вымогалъ, сдѣлалъ какую-нибудь подлость; развѣ это деньги? Деньги ли дичь, спрашиваю я васъ? И имѣлъ ли онъ право, этотъ молокососъ, осуждать дѣйствія начальства, подрывать довѣріе къ нему, онъ, который каждое воскресенье обѣдаетъ у меня?»

«Князь вообще знаменитъ строгостью своей логики, и Порфирій Петровичъ очень смѣялся, разсказывая мнѣ про негодованіе его сіятельства.

«Вообще я знаю очень много примѣровъ подобнаго рода логики. Есть у меня пріятель судья, очень хорошій человѣкъ. Пришла къ нему экономка съ жалобой, что такой-то писецъ ее изобидѣлъ: встрѣтившись съ ней на улицѣ, кар-

Digitized by Google

туза не снялъ. Экономка—бабёнка здоровая, кровь съ молокомъ; судья — человѣкъ древній и экономокъ любитъ до смерти. Подать сюда писца!

«— Ты по какому это праву не поклонился Анисьѣ?

«— Да помилуйте, ваше высокоблагородіе...

«— Нѣтъ, ты отвѣчай, по какому ты праву не поклонился Анисьѣ?

«— Да помилуйте, ваше высокоблагородіе...

«— Ты мнѣ говори: отвалятся у тебя руки? а? Отвалятся?

«— Да помилуйте, ваше высокоблагородіе...

«— Нѣтъ, ты не вертись, а отвѣчай прямо: отвалятся у тебя руки или нѣтъ?

«La question ainsi carrément posée, писецъ молчитъ и переминается съ ноги на ногу. Пріятель мой—во всемъ блескѣ заслуженнаго торжества.

«— Что жъ ты молчишь? Ты говори: отвалятся или нѣтъ?

«— Нѣтъ, — отвѣчаетъ подсудимый съ какимъ-то злобнымъ шипѣньемъ.

«— Ну, слѣдственно...

«И логика, какъ и всегда, осталась побѣдительницею анархіи.

«А можетъ-быть «они» и у доктора. Милѣйшій человѣкъ этотъ докторъ и преостроумный. Когда придетъ къ нему крестьянинъ или мѣщанинъ «за своею надобностью», или проще по рекрутской части, и принесетъ всѣ нужные по дѣлу документы, онъ никогда сразу не начнетъ *дѣла*, а сначала заставитъ просителя побожиться предъ образомъ, что другихъ документовъ у него нѣтъ, и когда побожится, «чтобъ и глаза-то мои лопнули» и «чтобъ нутро-то у меня изгнило», прикажетъ ему снять сапоги и тщательно осмотритъ ихъ. Понеже наученъ докторъ долголѣтнимъ опытомъ и практикою, что у мужика сапоги—все одно, что ломбардъ.

«И за всѣмъ тѣмъ докторъ — предрагоцѣнный человѣкъ. Выпить ли, сыграть ли въ «любишь не любишь» — на все

Digitized by Google

это онъ именно душа. Особливо какъ на ту пору подойдетъ рекрутскій наборъ . . . . . .

. . . . . .

«Были, однакожъ, и у меня иныя времена, окружали меня иные люди — все иное! Были глубокія вѣрованія, горячія убѣжденія, была страсть къ добру... Куда все это дѣвалось?

«Гдѣ-то вы, друзья и товарищи моей молодости? Ведете ли, какъ и я, безрадостную, скитальческую жизнь, или же утонули въ отличіяхъ, погрязли въ почестяхъ и съ улыбкой самодовольствія посматриваете на бѣдныхъ тружениковъ, робко проходящихъ мимо васъ съ понуренными головами? Многіе ли изъ васъ бодро выдержали пытку жизни, не смирились предъ гнетущею силою обстоятельствъ, не прониклись духомъ праздности, унынія и любоначалія?

«Господи! неужели нужно, чтобъ обстоятельства вѣчно гнели и покалывали человѣка, чтобъ не дать заснуть въ немъ энергіи, чтобы не дать замереть этой страстности стремленій, которая горитъ на днѣ души, поддерживаемая какимъ-то неугасаемымъ огнемъ? Ужели вѣчно нужны будутъ страданія, вѣчно вопли, вѣчно скорби, чтобы сохранить въ человѣкѣ чистоту мысли, чистоту вѣрованія?

«Помню я и долгіе зимніе вечера, и наши дружескія, скромныя бесѣды, заходившія далеко за полночь. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое единодушіе надеждъ и мысли оживляло всѣхъ насъ! Помню я и тебя, многолюбивый и незабвенный другъ и учитель нашъ! Гдѣ ты теперь? Какая желѣзная рука сковала твои уста, изъ которыхъ лились на насъ слова любви и упованія?

«И отчего всѣ эти воспоминанія такъ ясно, такъ отчетливо воскресаютъ передо мной, отчего сердцу дѣлается отъ нихъ жутко, а глаза покрываются какою-то пеленою? Ужели я еще недостаточно убилъ въ себѣ всякое чувство жизни, что оно такъ назойливо напоминаетъ о себѣ, и напоминаетъ въ такое именно время, когда одно представленіе о немъ

Digitized by Google

можетъ поселить въ сердцѣ отчаяніе, близкое къ мысли о самоубійствѣ! . . . . . .

. . . . . .

«А потомъ фантазія незамѣтно переноситъ меня къ далекимъ временамъ моего дѣтства. Встаютъ передо мной и сельскій нашъ домъ, и тополи въ саду, и церковь на небольшомъ пригоркѣ, и фруктовый садъ, о которомъ мы, дѣти, говорили не иначе, какъ «тотъ садъ», потому что онъ былъ разведенъ особнякомъ отъ усадьбы, и потому что насъ пускали въ него весьма рѣдко. И какъ тихо становилось во всемъ домѣ по субботамъ, послѣ всенощной, когда священникъ, окропивъ святою водой всѣ комнаты и давъ всѣмъ намъ благословеніе, уходилъ домой! Говоръ и шумъ умолкали и въ дѣвичьей, и въ дѣтской, и вездѣ, гдѣ въ теченіе дня было такъ суетливо и людно; все какъ будто сосредоточивалось и углублялось въ себя; все ждало грядущаго праздника...

«Помню я школу, но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи... Нѣтъ, я сегодня настроенъ такъ мягко, что все хочу видѣть въ розовомъ свѣтѣ... Прочь школу!

«Но отчего же вдругъ будто дрогнуло въ груди моей сердце! Отчего я самъ слышу учащенное біеніе его?

«Тамъ, вдали, вижу я, мелькаютъ два сѣренькія платьица... Боже! да это онѣ, онѣ, мои дѣвочки, съ ихъ звонкимъ смѣхомъ, съ ихъ непринужденною веселостью, съ ихъ вьющимися черными локонами! Какъ хороши онѣ, и сколько зажгли сердецъ, несмотря на свои четырнадцать только лѣтъ! Онѣ еще носятъ коротенькія платьица, онѣ могутъ еще громко говорить, громко смѣяться; имъ не воспрещены еще тѣ нѣсколько рѣзкія, угловатыя движенія, которыя придаютъ такой милый, оригинальный смыслъ каждому ихъ слову! Но въ особенности вы, моя маленькая, миленькая Бетси, вы, радость и утѣшеніе всего живущаго, волнуете всю кровь въ молодомъ человѣкѣ, изо всѣхъ силъ устремляю-

Digitized by Google

щемся къ вамъ... Но что же я вижу? Кажется, и вы покраснѣли и даже чуть-чуть не споткнулись на ровномъ мѣстѣ; и у васъ зажглись глазки, и вся ваша миніатюрная фигурка внезапно приняла какой-то томный и немного лѣнивый характеръ?..

«То была первая, свѣжая любовь моя, то были первыя сладкія тревоги моего сердца! Эти глубокіе сѣрые глаза, эта кудрявая головка долго смущали мои юношескіе сны. Все думалось: «какъ хорошо бы погладить ее! какое бы счастье прильнуть къ этимъ глазкамъ, да такъ и остаться тамъ жить!»

«Вокругъ меня мгла и туманъ: Порфиріи Петровичи, Яковы Астафьичи, Ѳедоры Герасимычи жадно простираютъ ко мнѣ голодныя руки и не даютъ мнѣ дохнуть...

«Гдѣ я, гдѣ я, Господи?!»

Digitized by Google

V.

ПРАЗДНИКИ.

Елка.

На дворѣ очень холодно; морозъ крѣпко сковалъ и угладилъ дорогу и теперь что̀ есть мочи стучится въ двери и окна мирныхъ обитателей Крутогорска. Наступилъ ужъ вечеръ, и на улицахъ стало пустынно и тихо. Полный мѣсяцъ глядитъ съ заоблачныхъ высотъ, глядитъ добродушно и весело, и свѣтитъ такъ ясно, что на улицахъ словно день стоитъ. Бѣжитъ вдали маленькая лошадка, бойко неся за собой санки съ сидящимъ въ нихъ губернскимъ аристократомъ, поспѣшающимъ на званый вечеръ, и далеко разносится гулъ отъ ея копытъ. Въ окнахъ бо́льшей части домовъ зажигаются огни, которые сначала какъ-то тускло горятъ, а потомъ мало-по-малу разрастаются въ великолѣпныя иллюминаціи. Я иду по улицѣ и, всматриваясь въ окна, вижу цѣлые снопы свѣта, около которыхъ снуютъ взадъ и впередъ милыя головки дѣтей... «Ба! да вѣдь сегодня сочельникъ!»—восклицаю я мысленно.

Просвѣщеніе проникаетъ все болѣе и болѣе на востокъ, благодаря усердію господъ чиновниковъ, которые препоясали себя на брань съ варварствомъ и невѣжествомъ. Не знаю, имѣется ли елка въ Туруханскѣ, но въ Крутогорскѣ она во всеобщемъ уваженіи — это фактъ для меня несо-

Digitized by Google

мѣнный. По крайней мѣрѣ, чиновники, которые въ Крутогорскѣ плодятся непомѣрно, считаютъ непремѣнною обязанностью купить на базарѣ елку и, украсивъ ее незатѣйливыми сюрпризами домашняго приготовленія, презентовать многочисленнымъ Ваничкамъ, Машенькамъ, а иногда и просто Ванькамъ и Машкамъ.

Иду я по улицѣ и поневолѣ заглядываю въ окна. Тамъ цѣлые выводки милыхъ птенцовъ, думаю я, тамъ любящая подруга жизни, тамъ чадолюбивый отецъ, тамъ такъ тепло и уютно... а я? Я одинъ какъ перстъ въ цѣломъ мірѣ; нѣтъ у меня ни жены, ни дѣтей, нѣтъ ни кола, ни двора, некому ни пріютить, ни приголубить меня, некому сказать мнѣ «папасецка», некому назвать меня «брюханчикомъ», въ квартирѣ моей холодно и непривѣтно; Гриша вѣчно сапоги чиститъ или папиросы набиваетъ... Господи, какъ скучно!

И я какъ-то инстинктивно останавливаюсь передъ каменными хоромами одного крутогорскаго негоціанта, выписывающаго себѣ «камзолы» отъ Руча. И тутъ тоже елка, отличающаяся отъ чиновничьихъ только тѣмъ, что богаче изукрашена и что по поводу ея присутствуетъ въ домѣ многочисленное стеченіе какъ большого, такъ и малаго люда. Въ пространной залѣ горитъ это милое дерево, которое такъ сладко заставляетъ биться маленькія сердца. Я застаю еще ту минуту, когда дѣти чинно расхаживаютъ по залѣ, только издалека посматривая на золотые яблоки и орѣхи, висящіе въ изобиліи на всѣхъ вѣтвяхъ, и нетерпѣливо выжидая знака, по которому елка должна быть отдана имъ на разграбленіе. Въ боковой комнатѣ присутствуютъ взрослые мужчины; несмотря на то, что на соборной колокольнѣ только-что пробило шесть часовъ, круглый столъ, стоящій передъ диваномъ, ломится подъ тяжестью закусокъ и фіаловъ съ водкой и тенерифомъ. Въ Крутогорскѣ это называется «не терять золотыхъ мгновеній», и господа негоціанты дѣйствительно не теряютъ ихъ, потому что я вижу

Digitized by Google

ихъ безпрерывно подступающими къ круглому столу и, разумѣется, не за тѣмъ, чтобъ проводить время праздно. Въ залѣ владычествуетъ хозяйка; въ гостиной—хозяинъ. Я вижу его съ улицы, подходящаго даже къ знакомому мнѣ сидѣльцу, который скромно стоитъ у окна, заложивши руки назадъ и не осмѣливаясь присѣсть при «хозявахъ». Хозяинъ, простирая длань по направленію къ закускѣ, сначала словесно уговариваетъ его вкусить отъ плода хлѣбнаго, но сидѣлецъ, какъ видно, оказываетъ сопротивленіе, потому что негоціантъ беретъ его за руку и силой подводитъ къ столу.

Но покуда я занимаюсь наблюденіями надъ взрослою компаніей, рядомъ со мной незамѣтно становится другой наблюдатель, въ лицѣ маленькаго и шустраго мальчугана, который подскакиваетъ съ ноги на ногу въ своемъ дубленомъ полушубкѣ.

— Чай, скоро и рушить начнутъ?—беззастѣнчиво обращается онъ ко мнѣ.

И снова начинаетъ подплясывать на одномъ мѣстѣ, изо всѣхъ своихъ дѣтскихъ силъ похлопывая ручонками, закоченѣвшими на морозѣ.

— Вона, вона! ишь какъ Оську-то задрали! — продолжаетъ онъ какъ будто про себя.

Я смотрю внимательнѣе въ окно и вижу, что дѣйствительно какіе-то два мальчика подрались, и одинъ изъ нихъ, какъ должно полагать по его оскорбленному лицу, испускаетъ пронзительнѣйшіе стоны.

— Ты знаешь этого мальчика?—спрашиваю я моего маленькаго товарища.

— Это Оська рядскій,—отвѣчаетъ онъ мнѣ.—Ишь раззѣвался, смердъ этакой! Я бы те не такъ еще угостилъ!

— А тотъ мальчикъ, который прибилъ Оську?

— Это сынъ ихняго хозяина, онъ завсегда его такъ бьетъ,—отвѣчалъ онъ, всхлипывая отъ смѣха.—Намедниись пескомъ такъ глаза засорилъ, что насилу отмыли... Эка

Digitized by Google

нюня несообразная!—прибавилъ онъ съ какимъ-то презрѣніемъ, видя, что Оська не унимается.

Около обиженнаго мальчика хлопотала какая-то женщина, въ головкѣ и одѣтая попроще другихъ дамъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, это была мать Оськи, потому что она не столько ублажала его, сколько старалась прекратить его всхлипыванья новыми толчками. Очевидно, она хотѣла этимъ угодить хозяевамъ, которые отнюдь не желали, чтобъ Оська обижался невинными проказами ихъ остроумныхъ дѣточекъ. Обидчикъ, между тѣмъ, пользуясь безнаказанностью, прохаживался по залѣ, гордо посматривая на всѣхъ.

— Вотъ кабы этакая-то елка... — задумчиво произнесъ мой собесѣдникъ.

Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: «у насъ», но остановился не докончивъ фразы, какъ это часто бываетъ съ дѣтьми, когда они о чемъ-нибудь серьезно задумаются.

— Вона! вона! рушатъ! ломаютъ!—вскричалъ онъ вдругъ такимъ неестественнымъ голосомъ, что я вздрогнулъ.—Ахъ ты батюшки! Смотри-ка, Оська-то, Оська-то!

Въ окнахъ, дѣйствительно, сдѣлалось какъ будто тусклѣе; елка уже упала, и десятки дѣтей влѣзали другъ на друга, чтобы достать себѣ хоть что-нибудь изъ тѣхъ великолѣпныхъ вещей, которыя такъ долго манили собой ихъ встревоженныя воображеньица. Оська тоже полѣзъ вслѣдъ за другими, забывъ внезапно всѣ причиненныя въ тотъ вечеръ обиды; но ему не суждено было участвовать въ общемъ раздѣлѣ, потому что едва завидѣлъ его хозяйскій сынъ, какъ мгновенно повергъ несчастнаго на-земь данною съ размаха оплеухой.

Началась прежняя сцена увѣщеванья и колотушекъ, и мнѣ сдѣлалось невыносимо тяжко.

— Я бы еще не такъ тебѣ рожу-то насалилъ! — произнесъ мой товарищъ со звонкимъ хохотомъ, радуясь претерпѣнному Оською пораженію.

— Отчего ты не любишь Оську?—спросилъ я.

Digitized by Google

— А по̀што его любить-то! Вишь какъ онъ нюни распустилъ... козявка этакая!

— А если бъ тебя такъ прибили?

— Ну, это, видно, послѣ дождичка въ четвергъ будетъ! Я самъ сдачи не займую. А вотъ, ей-Богу, я здѣсь останусь... хошь изъ-за угла эту плаксу шарахну.

Однако онъ не остался и, простоявъ еще нѣсколько минутъ, съ глубокимъ и сосредоточеннымъ вздохомъ сталъ отходить отъ окна. Я тоже пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Да ты чей?—спросилъ я.

— Кузнеца Потапыча сынъ.

Я знаю Потапыча, потому что онъ куетъ и часто даже заковываетъ моихъ лошадей. Потапычъ старикъ очень суровый, но весьма бѣдный и живущій изо-дня-въ-день скудными заработками своихъ сильныхъ рукъ. Избенка его стоитъ на самомъ краю города и вмѣщаетъ въ себѣ многочисленную семью, которой онъ единственная поддержка, потому что прочіе члены малъ-мала-меньше.

— А вѣдь тебѣ далеконько идти,—говорю я.

— Ничего-таки, будетъ! Только вотъ тятька безпремѣнно заругаетъ.

— За что̀?

— А я еще утрось изъ дому убѣгъ, будто въ ряды, да вотъ и не бывалъ съ тѣхъ самыхъ поръ... то-есть съ утра ранняго,—прибавилъ онъ, и вдругъ, къ величайшему моему изумленію, пискливымъ дискантомъ запѣлъ:—*На зарѣ ты ее не буди...*

— Кто тебя научилъ этой пѣснѣ?

— А что̀, пѣсня важнецкая! Нашъ учитель приходскій только и дѣла, что мурлычитъ ее.

— Неужто ты съ самаго утра по городу шатаешься?

— А то нѣтъ? Сказано́: съ утра ранняго... неужто жъ пропустить экой праздникъ!

— А дома у васъ развѣ нѣтъ елки?

Digitized by Google

— Какая елка, у насъ и хлѣба, поди, нѣтъ... чѣмъ еще разговѣемся завтра!

Имѣя душу чувствительную, я вдругъ проникаюсь состраданіемъ къ бѣдному мальчику, которому, можетъ-быть, завтра разговѣться нечѣмъ. Если я чему-нибудь въ мірѣ завидовалъ, то это именно положенію герцога Герольштейна, который, не щадя, можно сказать, своей изнѣженной особы, заходилъ въ tapis de-francs и за панибрата разговаривалъ съ шуринёрами. Но Крутогорскъ не представляетъ никакого поприща для моей филантропической дѣятельности, и я тщетно ищу въ немъ Fleur de Marie, потому что проходящія мимо меня мѣщанки видомъ своимъ болѣе напоминаютъ тѣхъ полногрудыхъ нимфъ, о которыхъ говоритъ Гоголь, описывая общую залу провинціальной гостиницы. Мысленный взоръ мой внезапно устремляется на бѣгущаго рядомъ со мной мальчугана, и я начинаю видѣть въ немъ достаточную жертву для своихъ благотворительныхъ затѣй.

— Хочешь ко мнѣ пойти?—спрашиваю я мальчика.

Онъ вопросительно смотритъ мнѣ въ глаза.

— Я тебѣ пряниковъ дамъ,—продолжаю я.

— Мнѣ что пряники! — говоритъ онъ. — Я, пожалуй, и вино пью.

Такая откровенность и столь раннее развитіе нѣсколько смущаютъ меня, но я далъ себѣ слово провести этотъ вечеръ не одиноко, и настойчиво преслѣдую свою цѣль.

— Что жъ, я и вина дамъ,—говорю я.

Мальчуганъ съ минуту колеблется, но потомъ безпрекословно слѣдуетъ за мной.

Насъ встрѣчаетъ Гриша, которому тоже, вѣроятно, скучно сидѣть одному, потому что онъ злобно смотритъ то на меня, то на мальчишку.

— Это еще кого привели?—сердито ворчитъ онъ.

Надо сказать, что я нѣсколько трушу Гриши, во-первыхъ, потому, что я человѣкъ чрезвычайно мягкій, а во-вторыхъ, потому, что самъ Гриша такой безподобный и безкорыст-

Digitized by Google

ный господинъ, что нельзя относиться къ нему иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ. Уже дорогой я размышлялъ о томъ, какъ отзовется о моемъ поступкѣ Гриша, и покушался даже бѣжать отъ моего спутника, но не сдѣлалъ этого единственно по слабости моего характера.

— Есть у насъ пряники, Гриша?—спрашиваю я.

— Какіе у насъ пряники! Развѣ къ намъ мужики ходятъ? Къ намъ, сударь, большіе господа ѣздятъ!—говоритъ онъ мнѣ въ видѣ поученія, какъ будто хочетъ дать мнѣ почувствовать: «эхъ ты, простота! Не знаешь самъ, кто у тебя бываетъ!»

— Ну, нѣтъ ли хоть яблокъ, винограду?—говорю я, нѣсколько смущенный.

— Этому-то слюняю я винограду дамъ! — восклицаетъ Гриша, вытаращивъ на меня глаза, и, перевернувшись всѣмъ корпусомъ, быстро удаляется въ переднюю, причемъ сильно хлопаетъ дверью.

Мальчуганъ смотритъ на меня и тихонько посмѣивается. Я нахожусь въ замѣшательствѣ, но внутренно негодую на Гришу, который совсѣмъ ужъ въ опеку меня взялъ. Я хочу идти въ его комнату и строгостью достичь того, чего не могъ достичь ласкою, но въ это время онъ самъ входитъ въ гостиную съ тарелкой въ рукахъ и съ самымъ дерзкимъ движеніемъ—не кладетъ, а какъ-то неприлично суетъ эту тарелку на столъ. На ней оказывается большой кусокъ чернаго хлѣба, посыпанный густымъ слоемъ соли.

— Будетъ съ него, что и хлѣба лопаетъ, не великъ баринъ!—говоритъ Гриша.—А то еще винограду выдумали!

— Однако, принеси же, братецъ, яблокъ и винограду, если я этого требую!—говорю я твердымъ голосомъ и не роняя своего достоинства.

— Да и вина ужъ кстати подай, холопъ!—прибавляетъ отъ себя мальчуганъ, который взлѣзъ, между тѣмъ, на диванъ и усѣлся на немъ съ ногами.

— Ахъ ты, мозглецъ ты этакой!—кричитъ Гриша, взвол-

Digitized by Google

нованный самоувѣреннымъ видомъ маленькаго наглеца.— Ишь ты, скажите на милость! на диванъ съ ногами въѣхалъ! Брысь, слякоть!

Мнѣ самому и смѣшно, и досадно, но я рѣшаюсь выдержать характеръ.

— Я тебѣ сказалъ: принеси винограду и яблокъ!—говорю я, возвышая голосъ.

— Ну, что же,—отвѣчаетъ Гриша:—пожалуй, заставляйте меня всякой козявкѣ служить! Извѣстно, вы господа, а мы холопы!

Я вижу, что самолюбіе моего дядьки страдаетъ, и спѣшу успокоить его.

— Да и ты съ нами посидишь, Гриша; знаешь, завтра праздникъ какой.

Чело его, при словѣ: «праздникъ», дѣйствительно разглаживается, и я вижу, что прихоть моя будетъ исполнена.

Черезъ пять минутъ являются на столѣ яблоки и виноградъ и бутылка тенерифа, того самаго, отъ котораго и жжетъ и першитъ въ горлѣ. Мальчуганъ, минуя сластей, наливаетъ рюмку вина и залпомъ выпиваетъ ее.

— Ишь шельмецъ какой!—замѣчаетъ Гриша.

Я всматриваюсь, между тѣмъ, въ мальчика. Лицо его очень подвижно и дышитъ смѣткою и дерзостью; каріе и, должно-быть, очень зоркіе глаза такъ быстры, что съ перваго взгляда кажутся разбѣгающимися во всѣ стороны; онъ очень худощавъ, и всѣ черты лица его весьма мелки и остры; самая кожа, тонкая и нѣжная, ясно говоритъ о чрезвычайной впечатлительности и воспріимчивости мальчугана. Я вижу, что онъ начинаетъ нравиться даже Гришѣ, потому что тотъ, поглядывая на него, изрѣдка проговаривается: «ишь, пострѣленокъ!» что доказываетъ, что онъ находится въ хорошемъ расположеніи духа.

— Что жъ ты не берешь яблока?—спрашиваю я.

— На что мнѣ?.. Развѣ сестрамъ взять?

— А много у тебя сестеръ?

Digitized by Google

— А кто ихъ знаетъ? Я не считалъ..

— Ишь, пострѣлъ!—отзывается Гриша.

— Какъ же онѣ теперь праздникъ встрѣчаютъ?

— Спятъ, чай... Намеднись тятька проговаривался, что свинью убить надо...

— Ну, а велики ли у тебя сестры?

— Одна есть большая, а другія—мелюзга.

— И мать у васъ есть?

— Какъ же! Этого добра гдѣ не водится? Только, надобыть, тятенька ей скоро конецъ сдѣлаетъ... больно ужъ онъ нонѣ зашибаться зачалъ—это, пожалуй, и не ладно ужъ будетъ!

— За что жъ онъ ее бьетъ?

— За что бьетъ! Пришла—не такъ, и ушла—не такъ, вотъ и бьетъ!

Мнѣ становится грустно; я думалъ угостить себя чѣмъ-нибудь патріархальнымъ, и вдругъ встрѣтилъ такую раннюю испорченность. Мальчишка почти пьянъ, и Гриша начинаетъ смотрѣть на него какъ на отличную для себя потѣху.

— Вели закладывать лошадей!—говорю я Гришѣ.

— А что-съ! Видно, наскучили мы вашему благородію?—спрашиваетъ мальчуганъ.

— Скажи, пожалуйста, откуда ты выучился называть меня «благородіемъ»? Откуда перенялъ всѣ эти романсы?

— Нешто мы образованнаго опчества не знаемъ?

— Скажи на милость! тоже объ образованіи заговорилъ!—удивляется Гриша.

Черезъ четверть часа докладываютъ, что лошади готовы, и я остаюсь одинъ. Мнѣ ужасно совѣстно передъ самимъ собою, что я такъ дурно встрѣтилъ великій праздникъ. Зато Гриша очень веселъ и безпрестанно смѣется, приговаривая: «ахъ ты, пострѣленокъ этакой!» Я увѣренъ, что въ сердцѣ его не осталось ни тѣни претензій на меня и что, напротивъ, онъ очень мнѣ благодаренъ.

Digitized by Google

Я ложусь спать, но и во снѣ меня преслѣдуетъ мальчуганъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то тайный голосъ говоритъ мнѣ: «Слабоумный и праздный человѣкъ! Ты праздность и вялость своего сердца принялъ за любовь къ человѣку, и съ этими данными хочешь найти добро окрестъ себя! Пойми же, наконецъ, что любовь милосердна и снисходительна, что она все прощаетъ, все врачуетъ, все очищаетъ! Проникнись этою дѣятельною, разумною любовью, постигни, что въ самомъ искаженномъ человѣческомъ образѣ просвѣчиваетъ подобіе Божіе—и тогда, только тогда получишь ты право проникнуть въ сокровенныя глубины его души!»

Душа моя внезапно освѣжается; я чувствую, что дыханье ровно и легко вылетаетъ изъ груди моей... «Господи! дай мнѣ силы не быть праздным, не быть лѣнивымъ, не быть суетнымъ!»—говорю я мысленно, и просыпаюсь въ то самое время, когда веселый день напоминаетъ мнѣ, что наступилъ «великій» праздникъ и что надобно скорѣе спѣшить къ обѣднѣ.

«Христосъ воскресъ!»

Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ тепелъ и тихъ, отчего въ небѣ горятъ милліоны звѣздъ, природа одѣвается радостью, отчего сердце у меня словно саднитъ отъ полноты нахлынувшаго вдругъ веселія, отчего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня какъ будто уноситъ какою-то невидимою волной?

«Христосъ воскресъ!» звучатъ колокола, вдругъ загудѣвшіе во всѣхъ углахъ города; «Христосъ воскресъ!» журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горы въ оврагъ; «Христосъ воскресъ!» говорятъ шпили церквей, внезапно одѣвшіеся огнями; «Христосъ воскресъ!» привѣтливо шепчутъ вѣчные огни, горящіе въ глубокомъ, темномъ небѣ; «Христосъ воскресъ!» откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

Я еще вчера явственно слышалъ, какъ жаворонокъ,

Digitized by Google

только-что прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту славную вѣсть, отъ которой сердце мое всегда билось какою-то чуткою надеждой. Я еще вчера видѣлъ, какъ добрая купчиха Палагея Ивановна хлопотала и возилась, изготовляя несчетное множество куличей и пасхъ, окрашивая сотни яицъ и запекая въ тестѣ десятки окороковъ.

— Куда вамъ такое множество куличей, Палагея Ивановна?—спросилъ я ее.

— И, батюшка, все изойдетъ для «несчастненькихъ»!— отвѣчала она, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Ужасно люблю я Палагею Ивановну. Это именно почтеннѣйшая женщина! «Несчастненькими» она называетъ арестантовъ, и, кажется, всю жизнь свою посвятила на то, чтобъ какъ-нибудь усладить тѣсноту и суровость ихъ заключенія. Она не спрашиваетъ, кто этотъ арестантъ, которому рука ея подаетъ милостыню Христовымъ именемъ: разбойникъ ли онъ, воръ, или просто «прикосновенный». Въ глазахъ ея всѣ они просто «несчастненькіе», и вотъ каждый воскресный день отправляются изъ ея дома цѣлыя вязки калачей, пуды говядины или рыбы, и, «несчастненькіе» благословляютъ имя Палагеи Ивановны, зовутъ ее «матушкой» и «кормилицей»... И я того мнѣнія, что если кто-нибудь на семъ свѣтѣ заслужилъ царствіе небесное, то, конечно, Палагея Ивановна больше всѣхъ.

Еще вчера съ вечера я чувствовалъ, что въ городѣ дѣлалось что-то необычайное. Въ половинѣ двѣнадцатаго во всѣхъ окнахъ забѣгали огни, и вслѣдъ затѣмъ потянулся по всѣмъ улицамъ народъ, застучали разнородные экипажи крутогорской аристократіи.

И я тоже съ какимъ-то особеннымъ, давно непривычнымъ мнѣ чувствомъ радости выслушалъ утреню и вышелъ изъ церкви, вынося съ собой безотчетное и свѣтлое чувство дружелюбія, милосердія и снисхожденія.

«Христосъ воскресъ! — думалъ я. — Онъ воскресъ для всѣхъ; большіе и малые, іудеи и эллины, пришедшіе рано

Digitized by Google

и пришедшіе поздно, мудрые и юродивые, богатые и нищіе—всѣ мы равны предъ Его воскресеніемъ, передъ всѣми нами стоитъ трапеза, которую приготовила побѣда надъ смертью».

Не даромъ существуетъ въ народѣ повѣрье, что душа грѣшника, умершаго въ свѣтлый праздникъ, очищается отъ грѣховъ и уносится въ райскія обители.

Можетъ ли быть допущена идея о смерти въ тотъ день, когда все говоритъ о жизни, все привязываетъ къ ней? Я люблю эти народныя повѣрья, потому что въ нихъ, кромѣ поэтическаго чувства, всегда разлито много свѣтлой, успокаивающей любви. Не знаю почему, но когда я взгляну на толпы трудящихся, снискивающихъ въ потѣ лица хлѣбъ свой, мнѣ всегда приходитъ на мысль: «какъ бы славно было умереть въ этотъ великій день!»

Для всѣхъ воскресъ Христосъ! Онъ воскресъ и для тебя, мрачный и угрюмый взяточникъ, для тебя, котораго зачерствѣвшее сердце перестало биться для всѣхъ радостей и наслажденій жизни, кромѣ наслажденія пріобрѣтенія и неправды. Въ этотъ великій день и твоя душа освобождается отъ тяготѣвшихъ надъ нею нечистыхъ помысловъ, и ты дѣлаешься добръ и милостивъ, и ты простираешь объятія, чтобы заключить въ нихъ брата своего.

Онъ воскресъ и для васъ, бѣдные заключенники, неузнанные странники моря житейскаго! Христосъ, сходившій въ адъ, сошелъ и въ ваши сердца и очистилъ ихъ въ горнилѣ любви своей. Нѣтъ татей, нѣтъ душегубовъ, нѣтъ прелюбодѣевъ! Всѣ мы братія, всѣ мы невинны и чисты предъ гласомъ любви, все прощающей, все искупляющей... Обнимемъ же другъ друга и всѣмъ существомъ своимъ возгласимъ: «други! братья! воскресъ Христосъ!»

Онъ воскресъ и для тебя, бѣдный труженикъ, кроткая жертва свирѣпой бюрократіи! Добрый начальникъ Сергѣй Александрычъ велѣлъ выдать всѣмъ чиновникамъ пособіе изъ «остаточковъ» на праздникъ—и вотъ является у тебя

Digitized by Google

на столѣ румяный куличъ, и рядомъ съ нимъ красуется добрая четверть телятины. Невеликъ твой уголъ, не веселитъ ничьего взора твое убожество, но въ этотъ день и твоя бѣдная комната вымыта и прибрана по-праздничному, дѣти одѣты въ чистенькихъ ситцевыхъ рубашонкахъ, а жена гордо расхаживаетъ въ до-невозможности накрахмаленной юбкѣ. Дѣти твои безпрестанно подходятъ и къ румяному куличу, и къ заманчивой телятинѣ: они ждутъ не дождутся, когда всѣ эти великолѣпныя вещи сдѣлаются ихъ достояніемъ. Но ты ласково сдерживаешь ихъ нетерпѣніе; ты знаешь, что въ этотъ день придутъ къ тебѣ разговѣться такіе же труженики, какъ и ты самъ, не получившіе, быть-можетъ, на свою долю ничего изъ «остаточковъ»; сердце твое въ этотъ день для всѣхъ растворяется; ты любишь, и тоскуешь только о томъ, что не можешь всѣхъ насытить, всѣхъ напитать во имя Христа Искупителя.

Онъ воскресъ и для тебя, сѣрый армякъ! Онъ сугубо воскресъ для тебя, потому что ты цѣлый годъ, обливая потомъ кормилицу-землю, славилъ имя Его, потому что ты цѣлый годъ трудился, ждалъ и все думалъ: «вотъ придетъ Свѣтлое Воскресеніе, и я отдохну подъ святою сѣнью его!» И ты отдохнешь, потому что въ полѣ бѣгутъ еще веселые ручьи, потому что земля-матушка только-что первый паръ дала, и ничто еще не вызываетъ въ поле ни твоей сохи, ни твоего упорнаго труда!

Для всѣхъ воскресъ Христосъ! Всѣ мы, большіе и малые, богатые и убогіе, іудеи и эллины, всѣ мы встанемъ и отъ полноты душевной обнимемъ другъ друга.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко, но какъ свѣтло оно сіяло, какъ тепло оно грѣло! На улицахъ было сухо; не даромъ же говорятъ старожилы, что какая ни будь дурная погода на шестой недѣлѣ поста, Страстная все дѣло исправитъ, и къ Свѣтлому празднику будетъ сухо и тепло. Мнѣ сдѣлалось скучно въ комнатѣ одному, и я вышелъ на улицу, чтобъ на народъ поглядѣть.

Digitized by Google

— Христосъ воскресъ! — кричитъ мнѣ Порфирій Петровичъ, влекомый парою кауренькихъ лошадокъ.—Тамъ будете?

И, не дождавшись моего отвѣта, прибавляетъ:

— То-то же! Сегодня грѣхъ! Сегодня не такой день, чтобы въ карты играть! Сегодня, по древнему обычаю, пораньше спать лечь слѣдуетъ.

Я иду дальше и въ скоромъ времени равняюсь съ домикомъ «матушки» Палагеи Ивановны, у которой всѣ окна, по случаю великаго праздника, настежь.

— Ну, что, какъ «несчастненькіе»?—спрашиваю я у этой милой женщины, которой кроткое лицо отрадно и освѣжительно дѣйствуетъ на мою душу.

— А что? Всѣ слава Богу! Чуть не затаскали меня, старуху, совсѣмъ! Да не побрезгай, баринъ любезный, зайди ко мнѣ разговѣться! Поди-чай тебѣ, сердечному, одному-то въ такой праздникъ какъ скучно!

И мнѣ дѣйствительно дѣлается внезапно такъ грустно и горько, что я чувствую, какъ слезы душатъ и давятъ меня. Я въ самомъ дѣлѣ припоминаю, что мнѣ чего-то недостаетъ, что я какъ будто лишній на бѣломъ свѣтѣ, что я одинъ, всегда одинъ. И я вдвое начинаю любить эту милую Палагею Ивановну за то, во-первыхъ, что она назвала меня «сердечнымъ», а во-вторыхъ за то, что она отъ всей души пригрѣла и пріютила меня въ великій праздникъ. Неизвѣстно почему, но Палагея Ивановна всегда какъ-то особенно вздыхаетъ и покачиваетъ головой, когда со мной говоритъ. Иногда мнѣ случается подмѣтить ея взоръ, устремленный на меня въ то время, когда я разговариваю съ ея племянниками и племянницами, съ ея сиротками, которыхъ у нея полонъ домъ, и взоръ этотъ всегда бываетъ полонъ какой-то тихой, любящей грусти. Нѣтъ сомнѣнія, что она и во мнѣ видитъ одного изъ толпы «несчастненькихъ», что она охотно полюбила бы меня, какъ любитъ своихъ сиротокъ, если бы я, на мое несчастіе, не былъ чиновникомъ. Чиновническій вицмундиръ во многихъ слу-

Digitized by Google

чаяхъ лишалъ меня возможности наслаждаться бездною пріятныхъ вещей. Палагея Ивановна — высокая и полная женщина; должно полагать, что смолоду она была красавицей, потому, во-первыхъ, что черты лица ея и доселѣ говорятъ еще о прошедшей красотѣ, а во-вторыхъ, потому, что женщина съ истинно-добрымъ сердцемъ, по мнѣнію моему, должна, непремѣнно должна быть красавицей.

Между тѣмъ, я вхожу во дворъ, на которомъ взапуски веселится и рѣзвится молодое поколѣніе. Палагею Ивановну эта рѣзвость очень утѣшаетъ. Какъ женщина истинно-добрая, она сама очень весела и потому любитъ, когда другіе веселятся. Съ той минуты, какъ я вхожу въ ея дворъ, моя хандра исчезаетъ мгновенно. Малолѣтніе племянники и племянницы со всѣхъ сторонъ обступаютъ меня и хвастаются передо мною своими обновками, потому что Палагея Ивановна всѣхъ для праздника надѣлила. Въ сторонѣ, у забора, положено бревно, поперекъ котораго брошена доска, и двѣ дѣвушки, лѣтъ по двѣнадцати, дѣлаютъ величайшія усилія, чтобъ подскакнуть какъ можно выше. Около службъ мирно пасется стая индѣекъ, и нѣсколько мальчишекъ усердно дразнятъ огромнаго индюка, который изъ всѣхъ силъ топырится, а по временамъ и наскакиваетъ стремительно на обидчиковъ, мгновенно разсыпающихся въ разныя стороны.

— Ваня! а Ваня! что пѣтуха, голубчикъ, дразнишь!—кричитъ Палагея Ивановна, вышедшая навстрѣчу мнѣ на крыльцо.

Но дѣти такъ тѣсно обступаютъ меня, что я не имѣю никакой возможности пробраться къ моей хозяйкѣ. Они громко и деспотически требуютъ гривенника на пряники, который и получаютъ съ знаками всеобщаго и шумнаго удовольствія.

— Ишь, пострѣлята, какъ завладѣли бариномъ! — говоритъ Палагея Ивановна, но слово «пострѣлята» выходитъ у нея какъ-то совсѣмъ не бранно.

Я, наконецъ, освобождаюсь и вхожу въ горницу, въ ко-

Digitized by Google

торой присутствуетъ ужъ большая компанія. Въ переднемъ углу сидитъ дѣдушка Иванъ Гаврилычъ; онъ ужъ лѣтъ десять ничего не видитъ и не слышитъ, и лицо его отъ старости покрылось какимъ-то мохомъ. Однакожъ Палагея Ивановна и до сихъ поръ никакого дѣла не затѣваетъ, не испросивши напередъ его благословенія, и мнѣ положительно извѣстно, что ключи отъ денежнаго сундука до сихъ поръ хранятся у «дѣдушки», который выдаетъ деньги съ величайшею скупостью. Рядомъ съ нимъ сидитъ старуха, свекровь хозяйкина, и эта почтенная фигура напоминаетъ мнѣ о мужѣ Палагеи Ивановны. Мужъ этотъ еще живъ, но онъ куда-то усланъ за дурныя дѣла, и нѣтъ сомнѣнія, что это обстоятельство имѣетъ большой вѣсъ въ томъ состраданіи, которое чувствуетъ Палагея Ивановна къ «несчастненькимъ». Тутъ же присутствуетъ и спившійся съ кругу приказный Трофимъ Николаичъ, видавшій когда-то лучшіе дни, потому что былъ онъ и исправникомъ, и засѣдателемъ, и опять исправникомъ, и просто вольнонаемнымъ писцомъ въ земскомъ судѣ, покуда, наконецъ, пройдя черезъ всѣ мѣдныя трубы, не устроилъ себѣ постояннаго присутствія въ кабакѣ, гдѣ, за шкаликъ «пѣннаго», настрочитъ можетъ о чемъ угодно, куда угодно и какую угодно просьбицу захмелѣвшему мужичку. Но въ этотъ великій праздникъ и Трофимъ Николаичъ считаетъ за грѣхъ идти въ кабакъ и отправляется съ поздравленіемъ къ разнымъ благодѣтелямъ, которыхъ у него очень много въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіи. Онъ, впрочемъ, очень рѣдко подходитъ къ большому столу, на которомъ стоятъ куличи и другія пасхальныя принадлежности, а больше придерживается малаго стола, стоящаго у стѣнки, на которомъ красуются рюмки и графины съ водкой. Нѣсколько молодыхъ бабенокъ и парней дополняютъ картину.

— Пожалуйте! просимъ покорно побесѣдовать!—говоритъ Палагея Ивановна, вводя меня въ комнату.—Батюшка! Николай Иванычъ пришелъ.

Digitized by Google

Но «дѣдушка» не слышитъ и только чавкаетъ.

— Вы старика-то моего не обезсудьте, баринъ любезный,—продолжаетъ Палагея Ивановна: — что онъ, по старости лѣтъ, почтенія вамъ отдать не въ силахъ.

Меня усаживаютъ подлѣ старика, хотя мнѣ скорѣе желалось бы побыть съ молодушками; съ другой стороны, молодушки, по всѣмъ вѣроятіямъ, подмѣтили мою кислую физіономію, потому что я вижу, какъ онѣ смѣются втихомолку.

— Кушай, батюшка, кушай! — говоритъ Палагея Ивановна приказному, который, поднявъ рюмку, не можетъ ничего уже выразить словесно и только устремляетъ на нее долгій, умоляющій взоръ.

Бесѣда, прерванная моимъ приходомъ, возобновляется, но весьма умѣренно.

— Такъ-то,—шамкаетъ дѣдушка:—такъ-то вотъ, дѣтки, старъ, старъ, а все пожить хочется... Все бы хоть годиковъ съ десятокъ протянулъ, право-ну!

Молодухи смѣются.

— Да тебѣ бы, дѣдушка, и жениться такъ въ ту же пору,—говоритъ одна изъ нихъ побойчѣе: — какой ты еще старикъ!

— Ась?—спрашиваетъ дѣдушка.

Палагея Ивановна подходитъ къ нему и на ухо, какъ можно громче, объясняетъ, что вотъ Варвара отъ живого мужа за него, старика, замужъ собирается.

— Да, да,—отвѣчаетъ дѣдушка:—я еще старикъ здоровенный... здоровенный старикъ: только вотъ ноженьки плохо ходятъ... плохо, куда плохо ходятъ ноженьки...

Молодушки смѣются пуще прежняго.

— А что, какъ торги, дѣдушка?—спрашиваетъ свекровь, наклоняясь къ самому уху старика.

— Плохо, сударыня, плохо; совсѣмъ нонѣ плохо стало; самъ я вотъ не дослышу что-то, а Палагеюшка у меня еще молода... Объ ину пору такъ разнеможешься, словно и взаправду старость пришла. А пуще всего ноженьки!

Digitized by Google

Мозжатъ это знаешь, мозжатъ, словно вотъ винтомъ тебѣ кость-ту винтитъ!

Трофимъ Николаичъ подходитъ, пошатываясь, къ дѣдушкѣ и, наклоняясь къ его уху, хочетъ, вѣроятно, пожелать ему добраго здравія, но только икаетъ и какъ-то неблаговидно сопитъ, что̀ чрезвычайно смѣшитъ молодушекъ; дѣдушка же, почуявъ носомъ сильный запахъ сивухи, пятится ближе къ стѣнѣ.

— Батюшка! Трофимъ Николаичъ добраго здоровья тебѣ желаетъ! — кричитъ Палагея Ивановна и, обращаясь къ приказному, прибавляетъ: — Кушай, батюшка, кушай на здоровье!

— Ой-ли!—шамкаетъ старикъ. — А я было думалъ, что изъ сусѣдняго кабака дверь отворилась... право-ну! А какъ-то ты, крыса приказная, вѣкъ доживаешь, винцо попиваешь?

— С-с-с-лав-ва Вввсе-ввышнему! — успѣваетъ, не безъ большихъ усилій, проговорить Трофимъ Николаичъ.

— Чего, чай, «слава Всевышнему»!—замѣчаетъ Иванъ Гаврилычъ:—поди, чай, дня три не ѣдалъ, почтенный! Все на винѣ да на винѣ, а вино-то вѣдь хлѣбомъ заѣдать надо.

— Это п-п-правильно! — произноситъ Трофимъ Николаичъ.

— То-то! а еще благородный прозываешься!

— Да что жъ вы-то, любезненькій, ничего не прикушаете?—обращается ко мнѣ Палагея Ивановна.—Хошь бы тенерифцу пожаловали, или вотъ орѣшками съ молодушками позабавились! А можетъ вамъ и скучненько со стариками-то? Пожалуйте, баринъ, хошь въ ту горницу: тамъ наши молодухи сидятъ!

Я выхожу въ другую комнату, но и тамъ мнѣ невесело. Есть какой-то скверный червякъ, который сосетъ мою грудь и мѣшаетъ предаваться общему веселью. Я сижу съ четверть часа еще и ухожу отъ Палагеи Ивановны.

Ужъ два часа; на улицахъ замѣтно менѣе движенія, но около воротъ вездѣ собираются группы купчихъ и мѣща-

Digitized by Google

нокъ, уже пообѣдавшихъ и вышедшихъ на вольный воздухъ въ праздничныхъ нарядахъ. Пѣсенъ не слыхать, потому что въ такой большой праздникъ пѣть грѣхъ; видно, что все, что̀ ни есть передъ вашими глазами, предается не столько веселію, сколько отдохновенію и какой-то счастливой беззаботности.

— Что вы все одни да одни! Зайдите хоть къ намъ, отобѣдаемъ вмѣстѣ!—говоритъ мнѣ мой искреннѣйшій другъ, Василій Николаичъ Проймин̀ъ, тотъ самый, которому помѣщикъ Буеракинъ въ великую заслугу ставитъ его наивное «хоть куда!» *).

И я отправляюсь, совершенно счастливый, что мнѣ есть съ кѣмъ раздѣлить трапезу этого великаго дня. Василій Николаичъ окончательно разгоняетъ мою хандру своимъ добродушіемъ, которому «пальца въ ротъ не клади»; супруга его, очень живая и бойкая дама, приноситъ мнѣ истинное утѣшеніе разсказами о давешнемъ пріемѣ князя Льва Михайловича; дѣтки ихъ, живостью и юркостью пошедшія въ maman, а добродушіемъ и тонкою наблюдательностью въ папà, взбираются мнѣ на плечи и очень серьезно убѣждаются, что я лошадка, а совсѣмъ не надворный совѣтникъ.

Я счастливъ; я ѣмъ съ такимъ аппетитомъ, что старая экономка Варвара съ ужасомъ смотритъ на меня и думаетъ, что я по крайней мѣрѣ всю Страстную недѣлю ничего не ѣлъ.

*) См. «Влад. Конст. Буеракинъ».

Digitized by Google

VI.

ЮРОДИВЫЕ.

Неумѣлые.

Какъ-то разъ случилось мнѣ быть въ Полорѣцкомъ уѣздѣ по одному весьма важному слѣдствію. Такъ какъ по дѣлу было много прикосновенныхъ изъ лицъ городского сословія, то командированъ былъ ко мнѣ депутатомъ мѣщанинъ Голенковъ, служившій ратманомъ въ мѣстномъ магистратѣ. Между прочимъ, Голенковъ оказался отличнѣйшимъ человѣкомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ умныхъ и смирныхъ стариковъ, какихъ нынче мало встрѣчается; держалъ онъ себя въ сторонѣ отъ всякаго столкновенія съ уѣздной аристократіей, исключительно занимался своимъ маленькимъ дѣломъ, придерживался старины, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи былъ какъ будто съ норовомъ. Во время нашихъ частыхъ переѣздовъ съ одного мѣста на другое мы имѣли полную возможность сблизиться, и, само собою разумѣется, разговоръ нашъ преимущественно касался тѣхъ же витязей уѣзднаго правосудія, о которыхъ я имѣлъ честь докладывать въ предшествующихъ очеркахъ. Въ особенности же обильнымъ источникомъ для разнаго рода соображеній служилъ знакомецъ нашъ Порфирій Петровичъ, котораго быстрое возвышеніе и обогащеніе служили въ то время баснею и поученіемъ чуть ли не цѣлой губерніи.

Digitized by Google

— Оно точно,—сказалъ мнѣ однажды Голенковъ:—точно что Порфирій Петровичъ не такъ чтобы сказать совсѣмъ хорошій человѣкъ, да съ нимъ все-таки, по крайности, дѣло имѣть можно, потому что онъ резоненъ, и напрямки тебѣ скажетъ, коли дѣло твое сумнительное. А вотъ, я вамъ доложу, тоска-то, какъ видишь, что человѣкъ-отъ и честный, и хорошій, а ни къ чему какъ есть приступиться не можетъ — все-то у него изъ рукъ валится. Съ такимъ связаться—не приведи Господи! Начнешь ему резонъ докладывать, такъ онъ не то чтобъ тебѣ благодаренъ, а словно теленокъ всѣми четырьмя ногами брыкается. «Вы, молъ, скоты, чего понимаете! Не смыслите, какъ и себя-то соблюсти, а вотъ ты на меня посмотри — видалъ ли ты экихъ молодцовъ?» И знаете, ваше благородіе, словами-то онъ, пожалуй, не говоритъ, а такъ всей фигурой въ лицо тебѣ хлещетъ, что вотъ онъ честный, да образованный, такъ ему за эти добродѣтели молебны служить слѣдуетъ. Вотъ, молъ, до чего вы, скоты, дожили, что честный-то человѣкъ у васъ словно жаръ-птица.

Николай Ѳедорычъ вздохнулъ.

— А вся эта ихняя фанаберія, — продолжалъ онъ, — осмѣлюсь, ваше благородіе, выразиться, именно отъ этого ихъ сумлѣнія выходитъ. Выходитъ по-ихнему, что они насъ спасать, примѣрно, пришли: хотимъ, дескать, не хотимъ, а дѣлать нече — спасайся, да и вся недолга. Позабудь онъ хоть на минуточку, что онъ лучше всѣхъ, поменьше онъ насъ спасай—можетъ, и могъ бы онъ дѣло дѣлать.

— Про кого же вы это говорите, Николай Ѳедорычъ?

— А я, ваше благородіе, больше къ слову-съ; однако не скрою, что вотъ нынче пошелъ совсѣмъ другой сортъ чиновниковъ: все больше молодые, а вѣдь, истинно вамъ доложу, смотрѣть на нихъ — все единственно одно огорченье. На словахъ-то онъ все тебѣ по пальцамъ перечтетъ, почнетъ это въ разныя хитрости полицейскія пускаться, и такъ-то, молъ, онъ штуку соорудитъ, и такъ-то онъ без-

Digitized by Google

дѣльника кругомъ обведетъ, а какъ приступитъ къ дѣлу— и краснѣетъ-то, и блѣднѣетъ-то, весь и смѣшался. И диви бы законовъ не знали или тамъ формъ какихъ: все, батюшка, у него въ памяти, да вотъ какъ станетъ передъ нимъ живой человѣкъ—куда что̀ пошло! «тово», «тово», да «гм!»—ничего отъ него и не добьешься больше. Изволите вы знать Михайла Трофимыча?

— Какъ не знать.

— Ну, вотъ-съ, извольте прислушать. Ѣздили мы съ нимъ, этта, на слѣдствіе. Хорошо. Ѣдемъ мы этакъ, разговариваемъ промежъ себѣ, вотъ хошь, примѣрно, какъ съ вами.—«Этихъ, говоритъ, старыхъ мерзавцевъ да кляузниковъ всѣхъ давно бы ужъ перевѣшать надо. Отъ нихъ, говоритъ, и правительству тѣнь; оно, вишь, ихъ, бездѣльниковъ, поитъ-кормитъ, а они только мерзости тутъ дѣлаютъ!» И знаете, все этакъ-то горячо да азартно покрикиваетъ, а мнѣ, пожалуй, и любо такія рѣчи слушать, потому что оно хоша не то чтобъ совсѣмъ не втерпёжъ, а это точно, что маленько двусмыслія во всѣхъ этихъ полицейскихъ имѣется. Вотъ-съ и говорю я ему: какая же, молъ, нибудь причина этому дѣлу да есть, что все оно черезъ пень-колоду идетъ, не по-божески, можно сказать, а больше противъ всякой естественности? — «А оттого, говоритъ, всѣ эти мерзости, что вы, говоритъ, сами, скоты, все это терпите; кабы, молъ, вы разумѣли, что подлецъ — подлецъ и есть, что его подлецомъ и называть надо, такъ не смѣлъ бы онъ рожу-то свою мерзкую на свѣтъ Божій казать. А то, дескать, и того-то вы, бараны, не разумѣете, что не вы для *него* тутъ живете, чтобъ брюхо его богомерзкое набивать, а *онъ* для васъ отъ правительства поставленъ, чтобъ вамъ хорошо было!» Ладно. Далъ я ему поуспокоиться,—потому что онъ даже изъ себя весь вышелъ,—да и говорю потомъ: «Вѣдь вотъ ты, ваше благородіе (я ему и *ты* говорилъ, потому что ужъ больно онъ смиренъ былъ), баешь, что, молъ, подлеца подлецомъ называть, а это, говорю, и по христіан-

Digitized by Google

ству нельзя, да и начальство, пожалуй, не позволитъ. Этакъ ты съ своего-то ума, пожалуй, и меня, подлецомъ назовешь, а я и не подлецъ совсѣмъ, такъ на что жъ это будетъ похоже? Да и подлецъ, коли ужъ онъ, то-есть, настоящій подлецъ, за лишнею ругачкой на тебя и не полѣзетъ: это ему все одно, что ковшикъ воды выпить. А ты вотъ мнѣ что скажи: говоришь ты, что не мы для *него*, а *онъ* для насъ поставленъ, а самихъ-то ты насъ, ваше благородіе, и скотами, и баранами обзываешь—какъ же это такъ? Теперича я, примѣрно, такъ разсуждаю: коли у скотскаго, то-есть, стада пастухъ, такъ пастухъ онъ и будь, и не спрашивай онъ у барана, когда ему на водопой разсудится, а веди, когда самому пригоже. Коли мы тѣ же бараны, такъ, стало, и намъ въ эвто дѣло соваться не слѣдуетъ: веди, молъ, насъ, куда вздумается!» Что жъ бы вы думали, ваше благородіе, уткнулся онъ въ кибитку, да только надулся словно пѣтухъ, раскраснѣлся весь — не понравилось, видно, что «баранами» попрекнулъ. Ужъ куда какъ они всѣ не любятъ, какъ имъ въ чемъ ни есть перечить станешь: «ты, молъ, скотина, такъ ты и слушай, покелѣва я тамъ разговаривать буду». Сидѣлъ онъ этакъ уткнувшись и молчалъ всю станцію; ну, и я ничего, стало даже совѣстно, что Божьяго младенца будто изобидѣлъ. Однако, спустя немного, опять повеселѣлъ, словно и забылъ совсѣмъ. Ѣдемъ мы другую станцію, дѣло было ночью, ямщикъ-отъ нашъ и прикурнулъ маленько на козлахъ. «Пошелъ!»—кричитъ Михайло Трофимычъ. Не тутъ-то и было! Пошевелилъ вожжами и опять плетется трухъ-трухъ. «Пошелъ!»—кричитъ, слышу, опять мой Михайло Трофимычъ, а самъ ужъ и въ азартъ вошелъ, и ручонки у него словно сучатся, а кулачонко-то такой миніатюрненькій, словно вотъ картофелина: ударить-то до смерти хочется, а смѣлости нѣтъ! Совѣстно ему, что ли, или боится онъ — и самъ не разберу. Только какъ это закричалъ дикимъ манеромъ, такъ и ямщикъ-отъ, доложу вамъ, обернулся на него,

Digitized by Google

будто удивился, а лакей ихній сидитъ тоже на козлахъ, покачивается, да говоритъ ему: «вы бы, Михайло Трофимычъ, не изволили ручекъ-то своихъ безпокоить». Именная умора была!..

Голенковъ разсмѣялся; я тоже не могъ не улыбнуться.

— Такъ вотъ оно какъ-съ! — продолжалъ онъ. — Разберите же, ваше благородіе, это дѣло какъ слѣдуетъ, такъ какая же у него отъ другихъ-то отличка? Нѣтъ-съ, вѣрно, какъ ужъ они всѣ сформированы, что у всякаго, то-есть, природное желаніе есть руками-то впередъ совать, а который не тычетъ, такъ не потому, чтобъ дошелъ онъ до того, что это не христіанскихъ рукъ дѣло, а потому, что силенки нѣтъ. Такъ, пожалуй, ударитъ, что и не почувствуешь—ну, и выйдетъ одинъ страмъ! Я, ваше благородіе, знавалъ такихъ, что ужъ и больно на руку невоздержны; вотъ какъ силенки-то у него нѣтъ, такъ онъ и норовитъ изобрать такое мѣсто, чтобъ почувствительнѣе, примѣрно хочь въ зубы, али тамъ въ глаза... Ну, этотъ народъ ужъ совсѣмъ злющій, экихъ немного. Этотъ какъ бьетъ, весь поблѣднѣетъ словно мертвый, и зубы стиснетъ, и дышитъ какъ-то трудно... А бо́льшая часть дерется откровенно, безъ злобы, на-отмашь, куда попало... такъ, чтобъ порядокъ только соблюсти.

— Такъ вы приходите къ тому заключенію, что Михайло Трофимычъ хуже какого-нибудь Фейера или Порфирія Петровича? Такъ, что ли?

— Нѣтъ, я этого не скажу, чтобъ онъ самъ по себѣ хуже былъ, потому что и самъ смекаю, что Михайло Трофимычъ все-таки хорошій человѣкъ, а вотъ изволите ли видѣть, ваше благородіе, не умѣю я какъ это объясниться вамъ, а есть въ немъ что-то неладное. Словно вотъ какъ у насъ баба робенка не доноситъ: такой слабый да хилый ходитъ, точно онъ въ половину только живой, а другой-то половиной ужъ мертвый. Живого матеріалу они, сударь, не понимаютъ! Имъ все бы вотъ за книжкой, али еще

Digitized by Google

пуще за разговорцемъ: это ихнее поле; а какъ дойдетъ дѣло до того, чтобъ пеньки считать — у него вишь и ноженьки заболѣли. Примется-то онъ бойко, и рветъ, и мечетъ, а потомъ, смотришь, анъ и попріутихъ, да такъ-то пріутихъ, что все и бросилъ; все только и говоритъ объ томъ, что, молъ, какъ это его, съ такими-то способностями, да грязь таскать запрягли; это, дескать, дѣло чернорабочихъ, становыхъ, что ли, а его дѣло сидѣть тамъ, высоко, да только колеса всей этой механики подмазывать. А того и не догадается, что коли всѣ такую мысль въ головѣ держать будутъ—вѣдь почемъ знать! можетъ, и всѣ когда-нибудь образованные будутъ! — такъ кому же пеньки-то считать?

Николай Ѳедорычъ умилился.

— Вотъ и пріѣхали мы съ нимъ на слѣдствіе. Слѣдствіе-то было важное. Въ помѣщичьемъ имѣніи, управляющаго сынъ, объ масляницѣ, съ пьяной компаніей забавлялись, да кто ихъ знаетъ? невзначай, что ли, али и для смѣху, пожалуй, только и зашибли они одну дѣвку совсѣмъ до смерти. Однако, какъ ни были пьяны, а сдѣлавши такое дѣло — опомнились; взяли и вывезли тѣло на легкихъ саночкахъ да пообокъ дороги и положили. Извѣстно, наѣхало Отдѣленіе; туда-сюда—угощенье, разумѣется; чуть-чуть и другую тутъ дѣвку не убили. Оказалось, что умертвія тутъ нѣтъ никакого, а послѣдовала смерть отъ стужи, а рана на головѣ оттого, молъ, что упала дѣвка въ гололедь и расшибла себѣ голову. Только чудно, что она это словно нарочно на самый, то-есть, високъ упала. Оно бы такъ и кончилось, да былъ на ту пору съ исправникомъ не въ ладахъ писецъ какой-то, такъ, ледащій. Донесъ. Прислали другого чиновника, ужъ изъ губерніи; оказалось, что смерть произошла истинно отъ умертвія, и что въ умертвіи подозрѣвается сынъ управляющаго. Однако, стой! былъ тутотка лѣкарь и говоритъ, что умертвія опять-таки нѣтъ, а просто смерть какъ смерть. Этого чиновника отозвали, прислали

Digitized by Google

другого; тотъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, пишетъ: точно — смерть. Судили тамъ, рядили—кому вѣрить? Одинъ говоритъ: смерть, другой говоритъ—умертвіе. Вотъ и прислали къ намъ Михайла Трофимыча; хуже-то, знать, не нашли. Пріѣхалъ онъ къ намъ форсистый такой; извѣстно, игрушки-съ; чуть не зараньше радуется, что ему начальство крестъ за такое дѣло вышлетъ. А выѣхалъ онъ теперича съ тѣмъ, чтобы въ пользу умертвія, потому, говоритъ, что ужъ это такъ и быть должно. Вотъ-съ и пріѣхали мы на мѣсто, и говорю я ему, что вѣдь эти дѣла надо, Михайло Трофимычъ, съ осторожностью дѣлать; не кричи, ваше благородіе, а ты полегоньку да съ терпѣньемъ. — «Какъ же, какъ же!» говоритъ. И точно, вижу я это, досталъ онъ зипунъ себѣ, бороду приклеилъ, парикъ надѣлъ и пошелъ— куда бы вы думали?—пошелъ въ кабакъ-съ! Ну, разумѣется, рѣчп-то у него крестьянской все-таки нѣтъ. Какъ онъ тамъ ни притворялся, а обознали его, паричокъ-отъ и всю одежду сняли, да такъ какъ есть по морозу и пустили. Право-съ. Даже бить не били, потому что до экого мизернаго и дотронуться-то никому не охота; такъ развѣ шлепка легонькаго дали, чтобъ дѣло совсѣмъ въ порядкѣ было, не безъ хлѣба-соли домой отпустить. Пришелъ онъ на квартиру: и плачетъ-то, и ругается. Однако, не унялся. Слышалъ онъ еще въ школѣ, должно-быть, что въ народѣ разное суевѣріе большую ролю играетъ: боятся это привидѣній и всякая тамъ у нихъ несообразность. Возьми да и одѣнься онъ въ бѣлую простыню; далъ, знаете, стряпкѣ управительской три цѣлковыхъ, чтобъ пропустила, куда ему нужно, да и пошелъ ночью въ горницу къ обвиненному. А тотъ лежитъ-себѣ, какъ будто ничего и не знаетъ. Вылѣзъ Михайло Трофимычъ весь въ бѣломъ изъ-подъ кровати да и говоритъ ему басомъ: «Сказывай, говоритъ, какъ ты убилъ Акулину?» Только тотъ-то плутъ изначала притворился, будто и взаправду обробѣлъ, бросился привидѣнью въ ноги. «Я, говоритъ, убилъ, я! Грѣшный чело-

Digitized by Google

вѣкъ!»—«Покайся же,—говоритъ Михайло Трофимычъ:—разсказывай, какъ ты ее убилъ!» Тотъ вдругъ какъ вскочитъ: «Вотъ какъ билъ! вотъ какъ билъ!»—да такую ли ему, сударь, встрёпку задалъ, что тотъ и жизни не радъ. «Коли ты, говоритъ, не смыслишь, такъ не въ свое дѣло не суйся!» А за перегородкой-то смѣхъ, и всѣхъ пуще заливается та самая стряпка, которой онъ своихъ собственныхъ три цѣлковыхъ далъ. Хотѣлъ-было онъ и жаловаться, такъ ужъ я насилу отговорилъ, потому что онъ самъ не въ законѣ дѣло дѣлалъ, а только будто забавлялся. Примись за это дѣло другой — вся эта штука безпремѣнно бы удалась какъ лучше нельзя, потому что другой знаетъ, къ кому обратиться, съ кѣмъ дѣло имѣть—такіе и люди въ околоткѣ есть; ну, а онъ ко всѣмъ съ довѣренностью лѣзетъ, даже жалости подобно. Ну-съ, и маялись мы съ нимъ, съ убійцей-то; Михайло Трофимычъ ему вопросъ, а онъ ему два, да ужъ не то чтобъ Михайло Трофимычъ убійцей, а убійца-то имъ же и командуетъ. Начнетъ это околесицу ему разсказывать, тотъ станетъ его останавливать, такъ куда тебѣ! «Вы, говоритъ, ваше благородіе, должны предоставить мнѣ всѣ средства къ оправданію». А не то вотъ свидѣтелей привели: того не допущаетъ по хлѣбосольству, того по враждѣ—даже свидѣтели-то смѣются, какъ онъ имъ помыкаетъ! Такъ и не допустилъ никого до присяги, кого нужнѣе, а вотъ, говоритъ, спроси такого-то: онъ въ евто самое время на селѣ былъ. И привели къ намъ старика древняго, слѣпого и глухого. Ну, того объ чемъ не спрашивали — окромѣ «асиньки» ничего не добились. А Михайло-то Трофимычъ этакимъ манеромъ поопросивши всѣхъ: «Ну, говоритъ, теперь дѣло, слава Богу, кажется, округлено?» Сѣлъ онъ писать донесеніе, кончилъ и мнѣ прочиталъ. Ну, ужъ чудо, ваше благородіе! Этакого я и не привидывалъ! Все-то онъ туда понаписалъ: и переодѣванья-то свои, и исторію о привидѣньяхъ! И вѣдь какъ это у него тамъ гладко уложилось—читать удивленье! Кажется, такъ

Digitized by Google

бы и расцѣловалъ его: такой онъ тамъ хитрый да смышленый изъ бумаги-то смотритъ!—Однако,—говорю я ему:—какъ бы тебѣ этакъ, ваше благородіе, Бога не прогнѣвить! — «А что?» — Да такъ, ужъ больно ты хорошо себя описалъ, а вѣдь посмотрѣть, такъ ты дѣло-то испортилъ только. — «Ничего, говоритъ, ладно будетъ». И точно-съ! Убійца-то и до сихъ поръ здравствуетъ!

— Что жъ это доказываетъ, Николай Ѳедорычъ? Это доказываетъ только, что Михайло Трофимычъ глупъ или къ полицейской службѣ неспособенъ—вотъ и все.

— Нѣтъ-съ, это, я вамъ доложу, не отъ неспособности и не отъ глупости, а просто отъ сумлѣнья, да отъ того еще, что терпѣнья у него, прилежности къ дѣлу нѣтъ. Все думаетъ, что дѣло-то шутки, что ему жареные рябцы сами въ ротъ полетятъ, все хочетъ на свой манеръ свѣтъ-отъ исковеркать! Такъ врешь! Ты сначала поучись, да самъ къ естеству-то подладься, да потомъ и владѣй имъ на здоровье; въ ту пору, какъ этимъ-то манеромъ съ нимъ совладаешь, оно и само отъ тебя не уйдетъ. Вы думаете, Михайло-то Трофимычъ поѣдетъ въ другой разъ на слѣдствіе? Нѣтъ-съ, его ужъ на сто верстъ туда не заманишь! Онъ и въ первой-отъ разъ поѣхалъ, потому что не зналъ, что за штука такая; думалъ, что будетъ свои фантазіи тамъ разыгрывать, а убійца, дескать, будетъ его слушать да помалчивать. Анъ и выходитъ, что во всякомъ дѣлѣ мало одной честности да доброй воли: нужна тоже добросовѣстность, нужно знаніе. Грязью-то не гнушайся, а разбери ее, да, разобравши хорошенько, и суй въ ту пору туда свой носъ. А то вишь ручки у тебя больно бѣлы, въ перчаткахъ ходишь, да носъ-отъ высоко задираешь — ну, и ходи въ перчаткахъ!

Послѣднія слова Николай Ѳедорычъ произнесъ съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ.

— Вотъ-съ, — продолжалъ онъ: — этотъ самый Михайло Трофимычъ пріѣхалъ къ намъ въ другой разъ думу реви-

Digitized by Google

зовать. Собралъ онъ все наше общество, да и ну насъ костить: все-то у насъ скверно да мерзко! Затѣялъ это торговлю повѣрять, всѣ лавчонки исходилъ, даже ходебщиковъ всѣхъ обшарилъ и все, говоритъ, не такъ. Тебѣ, говоритъ, слѣдуетъ торговать иголками, тебѣ благовоніемъ — всѣхъ расписалъ. По заводамъ пошелъ—число работниковъ сталъ повѣрять, чаны пересчиталъ, и вездѣ, сударь, нашелъ что̀ обхаять. «Ты, говоритъ, мѣщанинъ, такъ у тебя работниковъ должно быть меньше».—«Да помилуй, ваше благородіе, вѣдь съ меньшимъ-то числомъ работниковъ экова дѣла и начинать нельзя!» Такъ куда тебѣ, и слышать ничего не хочетъ: «Мнѣ, говоритъ, до этого дѣла нѣтъ». Вотъ и выходитъ, что въ эвдакомъ-то дѣлѣ и Фейера добромъ помянешь. Тому хочь и предписано, да если онъ видитъ, что и впрямь торговцу-то тѣсно, такъ и въ предписаніи-то отыщетъ такую мякоть, что все пойдетъ какъ будто попрежнему. А этотъ просто никакихъ резоновъ понимать не хочетъ. И вѣдь все-то они такъ! Окружили насъ кругомъ, такъ что дыхнуть нельзя: туда ступай, или врешь, не ступай, а сиди, или врешь, не сиди... Совсѣмъ и мы-то смѣшались. Лужаечки у насъ какія были—поотняли: бери, дескать, съ торговъ, а намъ подъ выгонъ отвели гарь — словно твоя плѣшь голо; ну, и ходитъ скотинка не ѣмши. Лѣсокъ какой есть, и въ тотъ не пускаютъ, вотъ эконькой щепочки не дадутъ; да намеднись еще спрашиваютъ, нельзя ли, молъ, и за воду-то деньги брать!.. А вѣдь дѣло-то оно наше, кровное наше — чего бы еще, кажется! Ну, и выходитъ, что тутъ ужъ не служба, а просто озорство какое-то, прости Господи!

Николай Ѳедорычъ плюнулъ.

— Какъ же вы полагаете, отчего все это происходитъ-то, Николай Ѳедырычъ?

— А вотъ, сударь, отчего. Первое дѣло, много вы объ себѣ думаете, а объ другихъ—хочь бы объ насъ грѣшныхъ—и совсѣмъ ничего не думаете: такъ, молъ, мелюзга

Digitized by Google

все это, скоты необрѣзанные. Второе дѣло, совсѣмъ не съ того конца начинаете. Ты коли хочешь служить вѣрой, такъ по верхамъ-то не лазай, а держись больше около земли, около земства-то. Если видишь, что плохо—ну, и поправь, наведи его на дорогу. А то пріѣдетъ это весь какъ пушка заряжоный, да и стрѣляетъ въ насъ своею честностью да благонамѣренностью. Ты благодѣтельствуй намъ—слова нѣтъ!—да въ мѣру, сударь, въ мѣру, а не то вѣдь намъ и тошно, пожалуй, будетъ... Ты вотъ лучше поотпусти маленько, дай дохнуть-то! Можетъ, она и пошла бы, машина!

Озорники.

„Vir bonus, dicendi peritus"...

«— Если вы думаете, что мы имѣемъ дѣло съ этою грязью, avec cette canaille, то весьма ошибаетесь. На это есть писаря, ну, и другіе тамъ; это ихъ обязанность, они такъ созданы... Мы всѣ слишкомъ хорошо воспитаны, мы обучались разнымъ наукамъ, мы мечтаемъ о томъ, чтобы у насъ все было чисто, у насъ такіе опрятные взгляды на администрацію... согласитесь сами, что даже самое comme il faut запрещаетъ намъ мараться въ грязи. Какой-нибудь Иванъ Петровичъ или Фейеръ—это понятно, они тамъ родились, тамъ и выросли: ну, а мы—совсѣмъ другое. Мы желаемъ, чтобъ и формуляръ нашъ былъ чистъ, и репутація не запятнана—vous comprenez?

«Повторяю вамъ, вы очень ошибаетесь, если думаете, что вотъ я призову мужика, да такъ и начну его собственными руками обдирать... фи! Вы забыли, что отъ него тамъ Богъ знаетъ чѣмъ пахнетъ... да и не хочу я совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ. Я просто призываю писаря или тамъ другого, et je lui dis: «mon cher, tu me dois tant et tant»—ну, и дѣло съ концомъ. Какъ ужъ онъ тамъ дѣлаетъ—это до меня не относится.

«Я самъ терпѣть не могу взяточничества—фуй, мерзость!

Digitized by Google

Взятки опять-таки берутъ только Фейеры да Трясучкины, а у насъ на это совсѣмъ другой взглядъ. У насъ не взятки, а администрація; я требую только *должнаго*, а какъ оно тамъ изъ нихъ выходитъ, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Моя обязанность только исчислить статьи: гоньба тамъ, что ли, дорожная повинность, рекрутство... Tout cela doit rapporter.

«Je suis un homme comme il faut; я дитя нынѣшняго времени, я хочу имѣть и хорошую сигару, и стаканъ добраго шатодикема; я долженъ—вы понимаете? *долженъ* быть прилично одѣтымъ; мнѣ *необходимо*, чтобъ у меня въ домѣ было все комфортабельно—le gouvernement me doit tout cela. Я человѣкъ холостой—j'ai besoin d'une belle; я человѣкъ съ высшими, просвѣщенными взглядами—нужно, чтобъ мысль моя была покойна и не возмущалась ни бѣдностью, ни какими-нибудь недостатками—иначе какой же я буду администраторъ? Какимъ образомъ буду я заниматься разными филантропическими проектами, если голова у меня не свободна, если я долженъ всечасно о томъ только помышлять, чтобы какъ-нибудь наполнить свой желудокъ? Для того, чтобы приносить дѣйствительную пользу, я долженъ быть веселъ, бодръ, свѣжъ и беззаботенъ—все это очень просто и понятно, и если судьба забила меня въ какой-нибудь гнусный Полорѣцкъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что я долженъ сдѣлаться Зенономъ.

«Нѣтъ, Dieu merci, нынче на Зеноновъ посматриваютъ косо. Это все народъ желчный и безпокойный; страдаютъ, знаете, печенью: ну, а я, слава Богу, просто благонамѣренный человѣкъ—и больше ничего. Entre nous soit dit, я даже немножко эпикуреецъ. Я убѣжденъ, что безъ матеріальныхъ удобствъ жизнь не можетъ представлять ничего привлекательнаго. Хорошій обѣдъ, хорошее вино проливаютъ въ душу спокойствіе, располагаютъ ее къ дружелюбію, сообщаютъ мысли ясность и прозрѣніе. Сами согласитесь, могли ли бы мы съ вами такъ хорошо бесѣдовать,

Digitized by Google

если бъ мы наѣлись, какъ ямщики на постояломъ дворѣ, до отвала щей да каши? Да тутъ одна изжога такой бы кутерьмы надѣлала, что и не развязался бы съ ней. Кажется, это ясно.

«Отъ этого-то я и не люблю ничего такого, что̀ можетъ меня разстроить или помѣшать моему пищеваренію. А между тѣмъ—что̀ прикажете дѣлать?—безпрестанно встрѣчаются такіе случаи. Вотъ хоть бы сегодня. Пришелъ ко мнѣ утромъ мужикъ: у него тамъ рекрута, что-ли, взяли, ну, а они въ самовольномъ раздѣлѣ...»

— Да, скажите, пожалуйста: я такъ часто слышу объ этомъ раздѣлѣ—что̀ это такое?

«— Самовольный раздѣлъ? Ну, да, это значитъ, что они тамъ раздѣлились, братъ, что ли, съ братомъ, или отецъ съ сыномъ, потому что есть у нихъ на это свои мужицкія причины, des raisons de moujik. Подерутся тамъ бабы между собой, или свекоръ войдетъ въ слишкомъ пріятныя отношенія къ снохѣ—вотъ и пойдутъ въ раздѣлъ... Ну, а этого нельзя, потому что высшія хозяйственныя соображенія требуютъ, чтобы рабочія силы были какъ можно больше сосредоточены. Мужикъ, конечно, не понимаетъ, что бываютъ же на свѣтѣ такія вещи, которыя сами себѣ цѣлью служатъ, сами собою удовлетворяются; онъ смотритъ на это съ своей матеріальной, узенькой, такъ сказать, навозной точки зрѣнія; онъ думаетъ, что тутъ рѣчь идетъ объ его безпорядочныхъ поползновеніяхъ, а не о рабочей силѣ—ну, и лѣзетъ... Но не въ этомъ дѣло. Пришелъ ко мнѣ мужикъ и говоритъ, чтобъ я вошелъ въ его положеніе. «У тебя, братецъ, свое тамъ начальство есть,—отвѣчаю я ему:—сходъ тамъ, что ли, голова, писаря».—Tout cela est fait pour leur bien. Что̀ жъ бы вы думали? Повалился ко мнѣ въ ноги, цѣлуетъ ихъ, плачетъ—даже совѣстно, parce que c'est un homme pourtant! «Вездѣ, говоритъ, былъ; на васъ только и надежда; нигдѣ суда нѣтъ!» Вотъ, видите ли, онъ даже не понимаетъ, что я не для того тутъ сижу, чтобъ

Digitized by Google

ихнія эти мелкія дрязги разбирать! Мое дѣло управлять ими, проекты сочинять, pour leur bien, наблюдать, чтобъ эта машина какъ-нибудь не соскочила съ рельсовъ—вотъ моя административная миссія. А какая же мнѣ надобность, что тамъ Куземка или Прошка пойдетъ въ рекруты? Развѣ для государства это не все равно, je vous demande un peu!»

— Однако, что же вы сдѣлали съ мужикомъ?

«— Конечно, прогналъ... Но вы замѣтьте, какъ они еще мало развиты, comme ils sont encore loin de pouvoir jouir des bienfaits de la civilisation. Вотъ имъ дали сходы, дали свой судъ—это ужъ почти selfgovernment, а онъ все-таки лѣзетъ. А почему онъ лѣзетъ? спрашиваю я васъ. Не потому ли, что онъ хоть инстинктивно, но понимаетъ, что онъ ничего, что и сходъ его ничего? Что только просвѣщенный взглядъ можетъ освѣтить этотъ хаосъ, эту, такъ сказать, яичницу, которую всѣ эти Прошки тамъ надѣлали?

«Вы спросите меня, быть-можетъ, зачѣмъ же я не разобралъ его просьбы, если только за собою однимъ признаю возможность и право сдѣлать зависящее распоряженіе къ наилучшему устройству всѣхъ этихъ дѣлъ? Mais entendons-nous, mon cher! Нѣтъ сомнѣнія, что я не люблю этихъ сходовъ; нѣтъ сомнѣнія, что тамъ только руками махаютъ, а говорятъ такъ грубо и непонятно, что даже непріятно слушать. Но, съ одной стороны, я прежде всего и выше всего уважаю форму, и тогда только, когда она предстанетъ предъ мое лицо, вооруженная всѣми подписями, печатьми и скрѣпами, я позволяю себѣ дать ей легкій щелчокъ по носу, чтобы знала форма, что она все-таки ничто передъ моими высшими соображеніями. И притомъ у меня есть такіе тамъ особенные лиллипуты, которые смотрятъ на все моими глазами и все слышатъ моими ушами: долженъ же я имъ что-нибудь предоставить! Эти лиллипуты—народъ самый крохотный, съ булавочную головку, но препонятливый. Они съ такимъ успѣхомъ разбираютъ всѣхъ этихъ Прошекъ, что даже смотрѣть любо.

Digitized by Google

«Вообще я стараюсь держать себя какъ можно дальше отъ всякой грязи, во-первыхъ, потому, что я отъ природы чистоплотенъ, а во-вторыхъ, потому, что горделивая осанка непремѣнно внушаетъ уваженіе и нѣкоторый страхъ. Я знаю очень многихъ, которые далеко пошли, не владѣя ничѣмъ, кромѣ горделивой осанки. И притомъ, скажите на милость, что̀ можетъ быть общаго между мною, человѣкомъ благовоспитаннымъ, и этими мужиками, отъ которыхъ такъ дурно пахнетъ?!

«Когда я былъ очень молодъ, то имѣлъ на предстоявшую мнѣ дѣятельность весьма наивный и оригинальный взглядъ. Я мечталъ о какихъ-то патріархальныхъ отношеніяхъ, о какихъ-то дѣтяхъ, которыхъ нужно иногда вразумлять, иногда на колѣнки ставить. Хороши дѣти! Согласитесь, по крайней мѣрѣ, что если есть тутъ дѣти, то, во всякомъ случаѣ, ce ne sont pas des enfants de bonne maison.

«Теперь, при бо̀льшей зрѣлости разсудка, я смотрю на этотъ предметъ нѣсколько иначе. Въ моихъ глазахъ цѣлый міръ есть не что̀ иное, какъ вещество, которое, въ рукахъ искуснаго мастера, должно принимать тѣ или другія формы. Я уважаю только чистую идею, которая ничему другому покориться не можетъ, кромѣ законовъ строгаго логическаго развитія. Чистая идея—это нѣчто существующее an und für sich, внѣ всякихъ условій, внѣ пространства, внѣ времени: она можетъ жить и развиваться сама изъ себя; скажите же на милость: зачѣмъ ей, при такихъ условіяхъ, совершенно обезпечивающихъ ея существованіе, натыкаться на какого-нибудь безобразнаго Прошку, который можетъ даже огорчить ее своимъ безобразіемъ? Чистая идея—нѣчто до того удивительное по своему интимному свойству все проникать, все перерабатывать, что разсудокъ теряется и меркнетъ при одномъ представленіи объ этомъ всесильномъ могуществѣ. Нѣтъ той козявки, нѣтъ того атома въ цѣлой природѣ, который ускользнулъ бы отъ вліянія ея. Она все въ себя вбираетъ, и это *все*, пройдя сквозь неугасимые и жестокіе

Digitized by Google

огни чистаго творчества, выходитъ оттуда очищенное отъ всего случайнаго, «прошковатаго» (производное отъ Прошки), выглаженное, вычищенное, неузнаваемое. Какимъ образомъ, или, лучше сказать, какимъ колдовствомъ происходитъ тамъ эта работа, эта чистка — никому неизвѣстно, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что работа и чистка существуютъ, что машина безъ отдыха работаетъ своими колесами и никакія человѣческія силы не остановятъ ее...

«Говорятъ, будто необходимо изучить нужды и особенности края, чтобы умѣть управлять съ пользою. Mon cher, je vous dirai franchement que tout ça — c'est des utopies. Какія могутъ тутъ быть нужды? Ну, я спрашиваю васъ? Знаетъ ли онъ, для чего ему дана жизнь? Можетъ ли онъ понять, se faire une idée о томъ, что̀ такое назначеніе человѣка? Non, non, non et cent fois non! Je vous le donne en mille, соберите вы тысячу человѣкъ, и переспросите у каждаго изъ нихъ по-одиночкѣ, что̀ такое государство? — ни одинъ вамъ не отвѣтитъ. Они знаютъ тамъ своихъ коровъ, своихъ бабъ, свой навозъ. Какія же тутъ нужды, какія тутъ особенности края!

«Говорятъ также нѣкоторые любители просвѣщенія, что нужно распространять грамотность, заводить школы, учить ариѳметикѣ. Eh bien, je vous dirai, что если мы ихъ образуемъ, выучимъ ариѳметикѣ—конецъ нашимъ высшимъ соображеніямъ: c'est sûr et certain comme deux fois deux font quatre. Тутъ наплодится цѣлое стадо ябедниковъ, съ которымъ и не сладишь пожалуй. Entre nous soit dit, какъ человѣкъ молодой, я почти обязанъ сочувствовать à toutes ces idées généreuses, но, скажу вамъ по секрету, въ нихъ тьма-тьмущая опечатокъ. Сивилизація—это такое тонкое, нѣжное вещество, которое нельзя по произволу бросать въ грязь; грязь отъ этого не высохнетъ, а только дастъ зловредныя испаренія, qui empesteront le monde entier. Это все оттуда, съ Запада, всѣ эти выдумки къ намъ прилѣзаютъ, а то и невдомёкъ никому, что грамотность еще не пришлась по

Digitized by Google

нашему желудку. Есть умная русская пословица: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть»; по нуждѣ, эту пословицу и наоборотъ пустить можно. Я, знаете, люблю иногда прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, потому что онѣ ко всему какъ-то прилаживаются. Конечно, есть и другая пословица: «ученье свѣтъ, а неученье тьма», но тутъ, очевидно, говорится о *настоящемъ* ученьи, то-есть о такомъ, которое... vous concevez?.. Я опять-таки не обскурантъ: я желаю, я изо всѣхъ силъ требую ученія и просвѣщенія, но *настоящаго* просвѣщенія, то-есть такого, о которомъ говорится въ вышеприведенной пословицѣ.

«Вы мнѣ скажете, что грамотность никто и не думаетъ принимать за окончательную цѣль просвѣщенія, что она только средство; но я осмѣливаюсь думать, что это средство никуда негодное, потому что ведетъ только къ тому, чтобы породить цѣлые легіоны ябедниковъ и міроѣдовъ. Только истинно просвѣщенный плотникъ можетъ пользоваться топоромъ, истинно просвѣщенный поваръ—ножомъ, ибо, не имѣй они этого «истиннаго» просвѣщенія — они непремѣнно зарѣжутся этими полезными инструментами. Слесарь, котораго души коснулось истинное просвѣщеніе, пойметъ, что замокъ и ключъ изобрѣтены на то, чтобы законный владѣлецъ ящика, шкапа или сундука могъ запирать и отмыкать эти казнохранилища; напротивъ того, слесарь-грамотѣй смотритъ на это дѣло съ своей оригинальной точки зрѣнія: онъ видитъ въ ключѣ и замкѣ лишь средство отмыкать казнохранилища, принадлежащія его ближнему. Итакъ, прежде нежели распространять грамотность, необходимо распространить «истинное» просвѣщеніе. Вамъ, можетъ, странно покажется, что тутъ дѣло какъ будто съ конца начинается, но иногда это, такъ сказать, обратное шествіе необходимо и вполнѣ подтверждается русскою пословицей: «не хвались, идучи на рать»...

«Но довольно о грамотности, возвратимся къ прежнему предмету. Многіе возстаютъ на принципъ чистой творче-

Digitized by Google

ской администраціи за то, что она стремится проникнуть всѣ жизненныя силы государства. Но, спрашиваю я васъ, что же тутъ худого, какой отъ этого кому вредъ, и можетъ ли, наконецъ, быть иначе, чтобы принципъ всеобщій и энергическій не поработилъ себѣ явленій случайныхъ и преходящихъ? Возставать противъ этого—не значитъ ли вопіять противъ исторіи, отказываться отъ своего прошлаго, отъ своего настоящаго? Оглянитесь кругомъ себя—все, что вы видите, все это плоды администраціи: областныя учрежденія—плодъ администраціи, община—плодъ администраціи, торговля — плодъ администраціи, фабричная промышленность—плодъ администраціи. Какъ соединишь, знаете, все это въ одинъ фокусъ, такъ оно дѣлается виднѣе. Vous allez me dire que c'est désolant, а я вамъ доложу, что совсѣмъ напротивъ. Все это идетъ, и идетъ довольно стройно; сталобыть, все имѣетъ свой raison d'être. Если бы мы самобытно развивались, Богъ знаетъ, какъ бы оно пошло; можетъ-быть направо, а можетъ-быть и налѣво.

«Вообще у насъ въ модѣ заниматься разными предположеніями, разсуждать о покореніи и призваніи и проч... Вотъ и вы теперь вышли изъ школы, такъ тоже, чай, думаете, что все это вопросы первостепенной важности!

«Да вы поймите, поймите же наконецъ, что нечего разсуждать о томъ, что было бы, если бъ мы вверхъ ногами, а не головой ходили! А потому всѣ эти нелѣпые толки о самобытномъ развитіи въ высшей степени волнуютъ меня.

«Надо пожить между нихъ, въ этомъ безобразіи, вотъ какъ мы съ вами живемъ, побывать на всѣхъ этихъ сходкахъ, отвѣдать этой яичницы—тогда другое запоешь. Самобытность! просвѣщеніе! Скажите на милость, зачѣмъ намъ тревожить ихъ? И если они такъ любятъ отдыхать, не значитъ ли это que le sommeil leur est doux?

«Слова нѣтъ, надо между ними вводить какія-нибудь новости, чтобъ они видѣли, что тутъ есть заботы, попеченія, и все это, знаете, неусыпно — но какія новости? Вотъ я,

Digitized by Google

напримѣръ, представилъ проектъ освѣщенія избъ дешевыми лампами. Это и само по себѣ полезно, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ высшимъ соображеніямъ, потому что l'armée, mon cher, demande des soldats bien portants, а они тамъ этою лучиною да дымомъ Богъ знаетъ какъ глаза свои портятъ.

«Mais vous n'avez pas l'idée, какъ у нихъ все это тупо прививается. Вспомните, напримѣръ, про картофель. Согласитесь, что это въ крестьянскомъ быту подспорье! Подспорье ли это, спрашиваю я васъ? А коль скоро подспорье, слѣдовательно—вещь полезная; а коль скоро это полезно, то надобно его вводить—est-ce clair, oui ou non? Et bien, je vous jure sur mes grands dieux, у насъ было столько tracas съ этимъ картофелемъ! Точно мы ихъ въ языческую вѣру обращали!

«И послѣ этого говорятъ и волнуются, что чиновники взятки берутъ! Одинъ какой-то шальной господинъ посулилъ даже гаркнуть объ этомъ на всю Россію. Конечно, я этого не оправдываю: c'est vilain, il n'y a rien à dire, но почему же они берутъ? Почему же они берутъ, спрашиваю я васъ? Не потому ли, что чиновникъ все-таки высшій организмъ относительно всей этой массы? Вѣдь какъ вы себѣ хотите, а если бъ было въ ней что-нибудь живое, состоятельное, то не могли бы существовать и производить фуроръ наши пріятные знакомцы: Фейеры, Техоцкіе и проч., и проч. Слѣдовательно, все это, что ни существуетъ, оправдывается и исторически, и физіологически, и этнографически... tout va pour le mieux dans le meilleur des mondes, какъ удостовѣряетъ нашъ общій пріятель, докторъ Панглоссъ.

«Повѣрьте мнѣ, я много обдумывалъ этотъ предметъ и не на вѣтеръ вамъ говорю. Все это именно точно такъ, какъ я вамъ докладываю, и если кто-нибудь будетъ удостовѣрять васъ въ противномъ, кланяйтесь ему отъ меня.

«А впрочемъ, не распить ли намъ бутылочку старенькаго? У меня есть такое, что пальчики оближешь!»

Digitized by Google

Надорванные.

«Если вы захотите узнать отъ крутогорскихъ жителей, что я за человѣкъ, вамъ навѣрно отвѣтятъ: «о, это собака!» И я не только смиренно преклоняюсь передъ этимъ прозвищемъ, но, коли хотите, нѣсколько даже горжусь имъ.

«Репутація эта до такой степени утвердилась за мной, что если моему начальнику не нравится физіономія какого-нибудь смертнаго, онъ ни къ кому, кромѣ меня, не взываетъ объ уничтоженіи этого смертнаго. «Любезный Филоверитовъ,—говоритъ онъ мнѣ:—у такого-то господина NN носъ очень длиненъ; это нарушаетъ симметрію администраціи, а потому нельзя ли, carissimme»... И я лечу исполнить приказаніе своего начальника, я впиваюсь когтями и зубами въ ненавистнаго ему субъекта, и до тѣхъ поръ не оставляю его, пока жертва не падетъ къ моимъ ногамъ, изгрызанная и бездыханная.

«Мягкость сердца не составляетъ моего отличительнаго качества. Скажу даже, что въ то время, когда я произвожу травлю, господинъ NN, который, въ сущности, представляетъ для меня лицо совершенно постороннее, немедленно дѣлается личнымъ моимъ врагомъ,—врагомъ тѣмъ болѣе для меня ненавистнымъ, чѣмъ болѣе онъ употребляетъ средствъ, чтобы обороняться отъ меня. Я внезапно вхожу во всѣ виды моего начальника; взоръ мой дѣлается мутенъ, у рта показывается пѣна, и я грызу, грызу до тѣхъ поръ, пока самъ не упадаю отъ изнеможенія и бѣшенства... Согласитесь сами, что въ этомъ постоянномъ, неестественномъ напряженіи всѣхъ струнъ души человѣческой есть тоже своя поэтическая сторона, которая, къ сожалѣнію, ускользаетъ отъ взора пристрастныхъ наблюдателей.

«И не то чтобъ я былъ, въ самомъ дѣлѣ, до того ужъ озлобленъ, чтобы несчастіе ближняго доставляло мнѣ неизреченное удовольствіе... совсѣмъ нѣтъ! Но я строго различаю мою обыденную, будничную дѣятельность отъ дѣя-

Digitized by Google

тельности служебной, офиціальной. Въ первой сферѣ я — рабъ своего сердца, рабъ даже своей плоти, я увлекаюсь, я умиляюсь, я дѣлаюсь негоднымъ человѣкомъ; во второй сферѣ—я совлекаю съ себя ветхаго человѣка, я отрѣшаюсь отъ видимаго міра и возвышаюсь до ясновидѣнія. Если злоба и желчь недостаточно сосутъ мое сердце, я напрягаю всѣ силы, чтобъ искусственными средствами произвести въ себѣ болѣзнь печени.

«Въ бо́льшей части случаевъ я успѣваю въ этомъ. Я столько получаю ежедневно оскорбленій, что состояніе озлобленія не могло не сдѣлаться нормальнымъ моимъ состояніемъ. Кромѣ того, жалованье мое такое маленькое, что я не имѣю ни малѣйшей возможности расплыться въ матеріальныхъ наслажденіяхъ. Находясь постоянно впроголодь, я съ гордостью сознаю, что совѣсть моя свободна отъ всякихъ постороннихъ внушеній, что она не подкуплена брюхомъ, какъ у этихъ «озорниковъ», которые смотрятъ на міръ съ высоты гастрономическаго величія.

«Фамилія моя Филоверитовъ. Это достаточно объясняетъ вамъ, что я не родился ни въ бархатѣ, ни въ златѣ. Нынѣшній начальникъ мой, искавшій для своихъ домашнихъ потребностей такую собаку, которая сочла бы за удовольствіе закусать до смерти другихъ вредоносныхъ собакъ, и видя, что цвѣтъ моего лица отмѣнно желтъ, а животъ всегда подобранъ, обратилъ на меня вниманіе.

«— Чувствуешь ли ты въ себѣ столько силы, — сказалъ онъ мнѣ: — чтобъ быть всегда озлобленнымъ, всегда готовымъ бодро и злокачественно слѣдовать указанію перста моего?

«Я сошелъ въ свою совѣсть и убѣдился, что въ состояніи оправдать возложенныя на меня надежды. Я посредствомъ цѣлаго ряда ясныхъ и строгихъ силлогизмовъ дошелъ до убѣжденія, что человѣкъ офиціальный не имѣетъ права обладать ни однимъ изъ пяти чувствъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность обыкновеннаго человѣка. Что́ я такое и что́ значу въ этой громадѣ админи-

Digitized by Google

страціи, которая пугаетъ глаза, поражаетъ разумъ сложностью и цѣпкостью всѣхъ частей своего механизма? Я не больше, какъ ничтожный атомъ, который фаталистически осужденъ на тѣ или другія отправленія и который ни на пядь не можетъ выйти изъ очарованнаго круга, начертаннаго для него невидимою рукой! Какое право предъявлю я, чтобъ имѣть свое убѣжденіе? И кому оно нужно, это убѣжденіе? Однажды я какъ-то осмѣлился заикнуться передъ моимъ начальникомъ, что *по моему мнѣнію*... такъ онъ только поглядѣлъ на меня, и съ тѣхъ поръ я болѣе не заикался. И онъ былъ правъ...

«Съ этой поры все у насъ идетъ ладно и гладко. Не скрою отъ васъ, что это постоянное заказное озлобленіе иногда утомляетъ меня. Бываютъ времена, что вся спинная кость какъ будто перешиблена, и ходишь весь сгорбленный... Но это только на время: почуется въ воздухѣ горечь, получается новое приказаніе, вызывающее къ дѣятельности, и я, какъ почтовая лошадь, распрямляю разбитыя ноги и скачу по камнямъ и щебню, по горамъ и оврагамъ, по топямъ и грязи. Ноги у меня искровавлены, дыханье дѣлается быстро и прерывисто, какъ у пойманной крысы, но я все-таки останавливаюсь только затѣмъ, чтобы вновь скакать, не переводя духу.

«Эта скачка очень полезна; она поддерживаетъ во мнѣ жизнь, какъ рюмка водки поддерживаетъ жизнь въ закоснѣломъ пьяницѣ. Посмотришь на него: и руки, и ноги трясутся, словно весь онъ ртутью налитъ, а выпилъ рюмку-другую — и пошелъ ходить, какъ ни въ чемъ не бывало. Точно такимъ образомъ и я: зная, что на мнѣ лежитъ долгъ, я при одномъ этомъ словѣ чувствую себя всегда готовымъ и бодрымъ. Не изъ мелкой корысти, не изъ подлости дѣйствую я такимъ образомъ, а по крайнему разумѣнію своихъ обязанностей, какъ человѣка и гражданина.

«Дѣятельность моя была самая разнообразная. Былъ я и слѣдователемъ, былъ и судьею; имѣлъ, стало-быть, дѣло

Digitized by Google

и съ живымъ матеріаломъ, и съ мертвою буквою, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ всегда оставался вѣренъ самому себѣ или, лучше сказать, идеѣ долга, которой я сдѣлалъ себя служителемъ.

«Слѣдственную часть вы знаете: въ ней представляется столько искушеній, если не для кармана, то для сердца, что трудно овладѣть собой надлежащимъ образомъ. И я вамъ откровенно сознаюсь, что эта часть не по нутру мнѣ; вообще, я не люблю живого матеріала, не люблю этихъ вздоховъ, этихъ стоновъ: они стѣсняютъ у меня свободу мысли. Разскажу вамъ два случая изъ моей полицейской дѣятельности, — два случая, которые вамъ дадутъ понятіе о томъ, съ какими трудностями приходится иногда бороться неподкупному слѣдователю.

«Первый случай былъ въ Черноборскомъ уѣздѣ. Въ селѣ Березинѣ произошелъ пожаръ; причина пожара заключалась въ поджогѣ, признаки котораго были слишкомъ очевидны, чтобы дать мѣсто хотя малѣйшему сомнѣнію. Оставалось раскрыть, кто былъ виновникомъ поджога, и былъ ли онъ умышленный или неумышленный. Среди разысканій моихъ по этому предмету являются ко мнѣ мужикъ и баба, оба очень молодые, и обвиняютъ себя въ поджогѣ избы. При этомъ разсказываютъ мнѣ и всѣ малѣйшія подробности поджога съ изумительною ясностью и полнотою.

«— Что жъ побудило васъ рѣшиться на этотъ поджогъ?

«Молчаніе.

«— Вы мужъ и жена?

«Оказывается, что они другъ другу люди посторонніе, но что оба уже несвободны: онъ женатъ, а она замужемъ.

«— Знаете ли вы, чему подвергаетесь за поджогъ?

«— Знаемъ, батюшка, знаемъ,—говорятъ оба, и говорятъ довольно весело.

«Одно только показалось мнѣ страннымъ: по какому случаю баба и мужикъ, совершенно другъ другу посторонніе, вмѣстѣ совершаютъ столь тяжкое преступленіе. Если бъ

Digitized by Google

не это сомнѣніе, то оставалось бы только повѣрить ихъ показанію и отослать дѣло въ судебное мѣсто. Но я не могу успокоиться до тѣхъ поръ, пока не разберу дѣло отъ *а* до *я*. И дѣйствительно, по повѣркѣ показанія, оно оказалось вполнѣ согласнымъ съ обстоятельствами, въ которыхъ совершился поджогъ; но когда я приступилъ къ разъясненію побудительныхъ причинъ преступленія —что бы вы думали я открылъ? Открылъ я, что два поименованные субъекта давнымъ-давно находятся въ интимной связи.

«— Къ чему же тутъ поджогъ? — спрашиваю я обвиненныхъ, предварительно уличивъ въ непозволительной связи.

«Оба молчатъ. Я увѣщеваю ихъ, объясняю, что побудительныя причины часто имѣютъ вліяніе на смягченіе мѣры наказанія.

«— А какое будетъ намъ наказаніе? — спрашиваетъ мужикъ.

«И объяснилъ ему, и вижу, что оба поникли головами. Послѣ многихъ настояній оказывается, наконецъ, что они любили другъ друга и, должно-быть, страстно, потому что задумали поджогъ, въ чаяньи, что ихъ сошлютъ за это на поселеніе въ Сибирь, гдѣ они и обвѣнчаться могутъ.

«Надо было видѣть ихъ отчаянье и стоны, когда они узнали, что преступленіе совершено было ими напрасно. Я самъ былъ пораженъ моимъ открытіемъ, потому что, вмѣсто повода къ смягченію наказанія, оно представляло лишь поводъ къ усугубленію его...

«Признаюсь вамъ, мнѣ было тяжко бороться съ совѣстью; съ одной стороны представлялось мнѣ, что поджогъ тутъ обстоятельство совершенно постороннее, что самое преступленіе, какъ оно ни великò, содержитъ въ себѣ столько наивныхъ, столько симпатичныхъ сторонъ; съ другой стороны вопіялъ иной голосъ,—голосъ долга и службы, доказывавшій мнѣ, что я, какъ слѣдователь, не имѣю права разсуждать и тѣмъ менѣе соболѣзновать...

«Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Можетъ-быть,

Digitized by Google

оправили бы виновныхъ, или, по крайней мѣрѣ, придумали для нихъ такой исходъ, который значительно бы облегчилъ ихъ участь? Я самъ былъ на волосъ отъ этого, но восторжествовалъ...

«Другой случай былъ въ Оковскомъ уѣздѣ. Жили мужъ съ женой, жили лѣтъ пять мирно и согласно. Дѣтей у нихъ не было; однакожъ, это не мѣшало тому, что въ семействѣ мужа сноху любили, а мужъ, бывало, не надышится красоткой-женой. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стала жена мужа не долюбливать. То перечитъ мужу безпричинно, то грозитъ извести его. Дуритъ баба да и полно. Впослѣдствіи я очень старался раскрыть это обстоятельство, однакожъ, съ какой стороны ни принимался за дѣло, не могъ дознать ничего даже приблизительнаго. Билъ я и на то, что какая-нибудь скрытая связишка у бабы была; однако и семьяне, и весь міръ удостовѣрили, что баба во всѣхъ отношеніяхъ вела себя примѣрно; билъ и на то, что, быть-можетъ, ревность бабу мучила—и это оказалось неосновательнымъ. Самъ даже мужикъ, когда она ему сулила извести, только смѣялся: все думалъ, что баба обсѣменилась, да и привередничаетъ отъ этого. Только рано ли, поздно ли, а эти привередничанья начали принимать серьезный характеръ. Думали-думали семейные — принялись бабу лѣчить отъ «глазу». Наговаривали на воду, сыпали въ пищу порошокъ изъ какого-то корня. А баба все говоритъ: «свяжите мнѣ, родимые, рученьки, смерть хочется зашибить Петруню». Однако они предосторожностей особенныхъ не приняли, и вотъ, въ одно прекрасное утро, бабенка, зная, что мужъ на дворѣ колодезь копать зачалъ, подошла къ самой ямѣ и начала его звать. Только-что успѣлъ онъ высунуть изъ ямы свою голову, какъ она изо всей силы хвать ему остріемъ косы по головѣ. Къ счастью, ударъ пришелся вскользь, и мужикъ отдѣлался только глубокою раной и страхомъ.

«Когда я производилъ это слѣдствіе, мужъ въ ногахъ у

Digitized by Google

меня валялся, прося пощадить жену; вся семья стояла за нее; повальный обыскъ также ее одобрилъ. Но какимъ же образомъ объяснить это преступленіе? Помѣшательствомъ ума? Но гдѣ же тотъ авторитетъ, на который я могъ бы опереться?

«И я принялъ это дѣло въ томъ видѣ, какъ мнѣ представляли его факты. Я не умствовалъ и не вдавался въ даль. Я просто раскрылъ, что преступленіе совершено, и совершено преднамѣренно. Я не внялъ голосу сердца, которое говорило мнѣ: «пощади бѣдную женщину! Она не знала сама, что̀ дѣлаетъ; виновата ли она, что ты не въ состояніи опредѣлить душевную болѣзнь, которою она была одержима?» Я не внялъ этому голосу по той простой причинѣ, что я только слѣдователь, что я tabula rasa, которая обязана быть равнодушною ко всему, что̀ на ней пишется.

«Впослѣдствіи времени я увидѣлъ эту самую женщину на площади, и, признаюсь вамъ, сердце дрогнуло-таки во мнѣ, потому что въ частной жизни я все-таки остаюсь человѣкомъ и съ охотою соболѣзную всевозможнымъ несчастіямъ...

«Но я вамъ сказалъ уже, что слѣдственной части не люблю, по той главной причинѣ, что тутъ живой матеріалъ есть. То ли дѣло судейская часть! Тутъ имѣешь дѣло только съ бумагою; сидишь-себѣ въ кабинетѣ, никто тебя не смущаетъ, никто не мѣшаетъ; сидишь и дѣйствуешь согласно съ здравою логикой и строгою законностью. Если силлогизмъ построенъ правильно, если всѣ нужныя посылки сдѣланы—значитъ, и дѣло правильное, значитъ, никто въ мірѣ кассировать меня не въ силахъ.

«Я не схожу въ свою совѣсть, я не совѣтуюсь съ моими личными убѣжденіями; я смотрю на то только, соблюдены ли всѣ формальности, и въ этомъ отношеніи строгъ до педантизма. Если есть у меня въ рукахъ два свидѣтельскія показанія, надлежащимъ порядкомъ оформленныя, я доволенъ и пишу: *есть;* если нѣтъ ихъ — я тоже доволенъ и пишу:

Digitized by Google

нѣтъ. Какое мнѣ дѣло до того, совершено ли преступленіе въ дѣйствительности, или нѣтъ! Я хочу знать, *доказано* ли оно, или *не доказано*—и больше ничего.

«Кабинетно-силлогистическая дѣятельность представляетъ мнѣ неисчерпаемыя наслажденія. Въ нее можно втянуться точно такъ же, какъ можно втянуться въ пьянство, въ куреніе опіума и т. п. Помню я одну ночь. Обвиненный ускользалъ уже изъ моихъ рукъ, но какое-то чутье говорило мнѣ, что не можетъ это быть, что должно же быть въ этомъ дѣлѣ такое болото, въ которомъ субъектъ непремѣнно обязанъ погрязнуть. И точно, хоть долго я бился, однако открылъ это болото, и вы не можете себѣ представить, какое наслажденіе вдругъ разлилось по моимъ жиламъ.

«Вы можете, въ настоящее время, много встрѣтить людей одинаковаго со мною направленія, но врядъ ли встрѣтите другого *меня*. Есть много людей, убѣжденныхъ, какъ и я, что внѣ администраціи въ мірѣ все хаосъ и анархія, но это бо́льшею частію или горлопаны, или эпикурейцы, или такіе младенцы, которые приступиться ни къ чему не могутъ и не умѣютъ. Ни одинъ изъ нихъ не возвысился до понятія о *долгѣ*, какъ о чемъ-то серьезномъ, не терпящемъ суеты, ни одинъ не возмогъ умертвить свое *я* и принесть всего себя въ жертву своимъ обязанностямъ.

«Дѣлаютъ мнѣ упрекъ, что манеры мои нѣсколько жестки, что весь я будто сколоченъ изъ одного куска, что видъ мой не внушаетъ довѣрія и т. п. Странная вещь—отъ чиновника требовать граціозности! Какая въ томъ польза, что я буду милъ, любезенъ и предупредителенъ? Не лучше ли, напротивъ, если я буду стоять нѣсколько поодаль, чтобы всякій смотрѣлъ на меня если не со страхомъ, то съ чувствомъ неизвѣстности?

«Въ губерніяхъ чиновничество и безъ того дошло до какого-то страннаго панибратства. Для того, чтобы выпить лишнюю рюмку водки, съѣсть лишній кусокъ лакомаго блюда, а главное—насытить свой носъ зловонными испа-

Digitized by Google

реніями лести и ласкательства, готовы лѣзть почти на преступленіе. «Это не взятка», говорятъ. Да, это не взятка, но хуже взятки. Взятку береть чиновникъ съ осмотрительностью, а иногда и съ невольнымъ угрызеніемъ совѣсти, а ѣдучи на обѣдъ, онъ не ощущаетъ ничего, кромѣ удовольствія. Разсудите сами, можете ли вы отказать въ чемъ-нибудь человѣку, который оказывалъ вамъ тысячу предупредительностей, тысячу маленькихъ услугъ, которыя цѣнятся не деньгами, а сердцемъ? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Деньги можно назадъ отдать, если дѣло оказывается черезчуръ сомнительнымъ, а невѣсомыя, моральныя взятки остаются навѣки на совѣсти чиновника и рано или поздно вылѣзутъ изъ него или подлостью, или казнокрадствомъ.

«А между тѣмъ посмотрите вы на нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ аристократовъ, какъ они привередничаютъ, какъ они пыжатся на обѣдѣ у какого-нибудь негоціанта, который потому и кормитъ ихъ, чтобы казну обворовать поделикатнѣе. Фу ты, что за картина! Сидитъ индѣйскій пѣтухъ и хвостъ распуститъ—ну, не подступишься къ нему да и только! Анъ, нѣтъ! Покудова онъ тамъ распускаетъ хвостъ, въ головѣ у него ужъ зрѣетъ канальская идея, что какъ, молъ, не прибавить по копеечкѣ такому милому, преданному негоціанту!

«Скажите же на милость, какимъ тутъ образомъ не сдѣлаться желчнымъ человѣкомъ, когда кругомъ себя видишь только злоупотребленія или такое нахальное самодовольство, отъ котораго въ груди сердце воротитъ?..

«А впрочемъ, знаете ли, и меня начинаетъ уже утомлять мое собственное озлобленіе; я чувствую, что въ груди у меня дѣлается что-то неладное: то будто удушье схватитъ, то начнетъ что-то покалывать, словно буравомъ сверлитъ... Какъ вы думаете, доживу ли я до лѣта, или же, вмѣстѣ съ зимними оковами рѣки Крутогорки, тронется, почуявъ весеннее тепло, и душа моя?..»

Digitized by Google

VII.

ТАЛАНТЛИВЫЯ НАТУРЫ.

Коропаковъ.

Въ провинціи «печоринство» приняло совершенно своеобразныя формы; оно утратило свой демоническій характеръ, свою прозрачность и нѣжность, которыми въ особенности привлекаетъ къ себѣ симпатіи дамъ, и облеклось въ свой будничный, плотяный нарядъ, вполнѣ соотвѣтственный нашему сѣверному климату, который, какъ извѣстно, ничего прозрачнаго и легкаго не терпитъ. Провинціальныхъ Печориныхъ такое множество разныхъ сортовъ и видовъ, что весьма трудно исчерпать этотъ предметъ подробно. Одни изъ нихъ занимаются тѣмъ, что ходятъ въ халатѣ по комнатѣ и отъ нечего дѣлать посвистываютъ; другіе проникаются желчью и дѣлаются губернскими Мефистофелями; третьи барышничаютъ лошадьми или передергиваютъ въ карты; четвертые выпиваютъ огромное количество водки; пятые переваривaютъ на досугѣ свое прошедшее и съ горя протестуютъ противъ настоящаго... Общее у всѣхъ этихъ господъ: во-первыхъ, «червякъ», во-вторыхъ, то, что на «жизненномъ пирѣ» для нихъ не случилось мѣста, и, въ-третьихъ, необыкновенная размашистость натуры. Но главное—червякъ. Этотъ глупый червякъ причиною тому, что наши Печорины слоняются изъ угла въ

Digitized by Google

уголъ, не зная, куда приклонить голову; онъ же познакомилъ ихъ ближайшимъ образомъ съ помѣщиками: Полежаевымъ, Сопиковымъ и Храповицкимъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Печорины водятся исключительно между молодыми людьми. Старый, заиндивѣвшій чиновникъ или помѣщикъ не можетъ сдѣлаться Печоринымъ; онъ на жизнь смотритъ съ практической стороны, а на тернія или неудобства ея—какъ на неизбѣжныя и неисправимыя. Это блохи и клопы, которые до того часто и много его кусали, что сдѣлались не врагами, а скорѣе добрыми знакомыми его. Онъ не вникаетъ въ причины вещей, а принимаетъ ихъ такъ, какъ онѣ есть, не задаваясь мыслью о томъ, какими бы онѣ могли быть, если бы... и т. д. Молодой человѣкъ, напротивъ того, начинаетъ уже смутно понимать, что вокругъ него есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; онъ видитъ себя въ странномъ противорѣчіи со всѣмъ окружающимъ; онъ хочетъ протестовать противъ этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примиренія, остается при одномъ зубоскальствѣ или псевдо-трагическомъ негодованіи. Коли хотите, тутъ и дѣйствительно есть червякъ, но о свойствахъ и родопроисхожденіи его до сихъ поръ не преподавали еще ни въ одномъ университетѣ, а потому и я, пишущій эти строки, предоставляю другимъ, болѣе меня знающимъ, и въ другой, болѣе удобной для того формѣ, опредѣлить причины его зарожденія и средства къ исцѣленію.

У княжны Анны Львовны былъ дѣтскій балъ, въ которомъ, однакожъ, взрослые принимали гораздо бо́льшее участіе, нежели дѣти. Послѣднія были тутъ, очевидно, ради одного спектакля, который могъ доставить вящшее удовольствіе взрослымъ. Тутъ находились дѣти всевозможныхъ сортовъ и видовъ, начиная отъ чумазыхъ и слюнявыхъ и кончая такъ-называемыми «душками», составляющими гордость и утѣху родителей. Чумазыя веселились довольно

Digitized by Google

шумно, нерѣдко даже дрались между собою; они долгое время сначала сидѣли около маменькиныхъ юбокъ, не рѣшаясь вступить на арену веселія, но, однажды рѣшившись, откровенно приняли княжескій залъ за скотный дворъ и предались всей необузданности своихъ побужденій; напротивъ того, «душки» вели себя смирно, граціозно расшаркивались сперва одною ножкой, потомъ другою, и даже весьма удовлетворительно лепетали французскія фразы. На этомъ же балѣ встрѣтился со мной незнакомый молодой человѣкъ (я въ то время только-что прибылъ въ Крутогорскъ), Иванъ Павлычъ Корепановъ, который держалъ себя какъ-то особнякомъ отъ взрослыхъ и преимущественно бесѣдовалъ съ молодымъ поколѣніемъ. Онъ былъ высокаго роста, носилъ очки и длинные волосы, которые у него кудрявились и доходили до плечъ. Лицо у него было довольно странное; несмотря на то, что его нельзя было назвать дурнымъ, оно какъ-то напоминало объ обезьянѣ, и вслѣдствіе того скорѣе отталкивало отъ себя, нежели привлекало. Впрочемъ, быть-можетъ, это казалось еще и потому, что всѣ мускулы этого лица были до такой степени подвижны, что оно ни на секунду не оставалось въ покойномъ состояніи. Я замѣтилъ, что сидѣвшія по стѣнамъ залы маменьки съ безпокойствомъ слѣдили за Корепановымъ, какъ только онъ подходилъ къ ихъ дѣтищамъ, и пользовались первымъ удобнымъ случаемъ оторвать послѣднихъ отъ сообщества съ человѣкомъ, котораго онѣ, повидимому, считали опаснымъ.

— Вы не знакомы съ мсьё Корепановымъ?—спросила меня княжна, замѣтивъ, что я вглядываюсь въ него.— Хотите, я васъ другъ другу представлю?

Черезъ минуту мы были уже знакомы и бесѣдовали.

— Итакъ, вы тоже удостоились побывать въ Крутогорскѣ?—сказалъ онъ мнѣ.—Поживите, поживите у насъ! Это, знаете, васъ немножко расхолодитъ.

— А вы давно здѣсь?

Digitized by Google

— Обо мнѣ говорить нечего: я человѣкъ отпѣтый!.. А васъ вотъ жалко!

— Вы говорите о Крутогорскѣ, точно это и Богъ знаетъ какое страшилище!

— Страшилище не страшилище—нѣтъ у него достаточно данныхъ, чтобъ быть даже порядочнымъ страшилищемъ,— а помойная-таки яма порядочная!... И такія зловонныя испаренія отъ нея поднимаются если бъ вы знали!

— Чѣмъ же вы здѣсь занимаетесь?

— А у меня занятіе очень странное... это даже, коли хотите, ужъ и не занятіе, а почти офиціальная должность: я крутогорскій Мефистофель...

— Дѣйствительно, это странно.

— Вы удивляетесь, но это только теперь, покуда вы не обжились у насъ... Поживите и увидите, что здѣсь всякій человѣкъ обязывается носить однажды накинутую на себя ливрею безсмѣнно и неотразимо. У насъ все такъ заранѣе опредѣлено, такъ разсчитано, такой вездѣ фатализмъ, что каждый членъ общества безошибочно знаетъ, что думаетъ въ извѣстную минуту его сосѣдъ... Вотъ я, напримѣръ, навѣрно знаю, что Анфиса Ивановна—вотъ эта дама въ полосатой шали, которую она въ прошломъ году устроила изъ старыхъ панталонъ своего мужа—совершенно увѣрена, что я въ настоящую минуту до-бѣла перемываю съ вами косточки нашихъ ближнихъ...

— Только ужъ не со мною, потому что я тутъ ни при чемъ...

— Ну, положимъ, хоть и ни при чемъ, но все-таки она васъ уже считаетъ моимъ соучастникомъ... Посмотрите, какіе умоляющіе взоры она кидаетъ на васъ! Такъ, кажется, и говоритъ: не вѣрь ему, этому злому человѣку! шаль моя во-истину новая, взятая въ презентъ... тьфу, бишь! купленная въ магазинѣ почетнаго гражданина Пазухина!

— Я думаю, что эти ближніе не должны чувствовать къ вамъ особеннаго сердечнаго влеченія?

Digitized by Google

— Не скажу этого; они знаютъ, что ругать ихъ—мое назначеніе, моя служба, такъ сказать... Конечно, иногда не обходится безъ того, чтобъ посердиться, но мы вѣдь свои люди и дѣйствуемъ по пословицѣ: «милые дерутся—только тѣшатся». Я увѣренъ, что если бъ я оставилъ свое ремесло, они перестали бы уважать меня, мало того—они бы соскучились! Иногда мнѣ случается быть нѣсколько времени въ отсутствіи по дѣламъ службы—не этой, а дѣйствительной службы,—такъ—повѣрите ли?—многіе даже плачутъ: скоро ли-то нашъ Иванъ Павлычъ воротится, спрашиваютъ.

— Однакожъ это незамѣтно, потому что васъ, повидимому, здѣсь обѣгаютъ.

— Это только повидимому, а въ сущности, вѣрьте мнѣ, всѣ сердца ко мнѣ несутся... Они только опасаются моихъ разговоровъ съ дѣтьми, потому что дѣти—это такая неистощимая сокровищница для наблюденій за родителями, что человѣку опытному и благонамѣренному стоитъ только слегка запустить руку, чтобъ вынуть оттуда цѣлыя пригоршни чистѣйшаго золота!.. Иванъ Семенычъ! Иванъ Семенычъ! пожалуйте-ка сюда!

Къ намъ подбѣжалъ мальчикъ лѣтъ пяти, весь завитой, въ бархатной зеленой курточкѣ и таковыхъ же панталонцахъ.

— Рекомендую вамъ! Иванъ Семенычъ Фурначевъ, сынъ статскаго совѣтника Семена Семеныча Фурначева, который, двадцать лѣтъ живя съ супругой, не имѣлъ дѣтей, покуда, наконецъ, шесть лѣтъ тому назадъ, не догадался съѣздить на нижегородскую ярмарку. Поэтому-то самому Иванъ Семенычъ и слыветъ здѣсь больше подъ именемъ антихриста... А что, Иванъ Семенычъ, подсмотрѣлъ ты сегодня послѣ обѣда, какъ папка деньги считаетъ?

— Нельзя,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Отчего же нельзя? Я тебя училъ вѣдь: спрятаться подъ кресло, которое въ углу, и оттуда подсмотрѣть... Какъ вы осмѣлились меня ослушаться, милостивый государь?

Digitized by Google

— Нельзя; папка видѣлъ.

— Стало-быть, ты спрятался?

— Спрятался.

— Стало-быть, ты все-таки что-нибудь видѣлъ?

— Сначала папка вынулъ много бумагъ, и все считалъ, потомъ вынулъ много денегъ—и все считалъ!

— А потомъ, вѣрно, и тебя увидѣлъ, да за уши изъ-подъ кресла и вытащилъ. Ну, теперь отвѣчай: какая на тебѣ рубашка?

— Батистовая.

— Хорошо. А какую рубашку носилъ твой папка въ то время, когда къ отеческому дому гусей пригонялъ?

— Посконную.

— А откуда взялъ папка деньги, чтобъ тебѣ батистовую рубашку сшить?

— Укралъ.

— Jean, пойдемъ со мной!—сказала госпожа Фурначева, подходя къ намъ. — Онъ, вѣрно, надоѣдаетъ вамъ своими глупостями, господа...

— Помилуйте, Настасья Ивановна, можетъ ли такое прелестное дитя надоѣсть! Онъ такъ похожъ на Семена Семеныча!

— Скажите, однакожъ, неужели у васъ не найдется другихъ занятій?—спросилъ я, когда отъ насъ отошла госпожа Фурначева.

— А чѣмъ мои занятія худы? — спросилъ онъ въ свою очередь.—Напротивъ того, я полагаю, что они въ высшей степени нравственны, потому что мои откровенныя бесѣды съ молодымъ поколѣніемъ поселяютъ въ немъ отвращеніе къ тѣмъ мерзостямъ, въ которыхъ закоренѣли ихъ милые родители... Да позвольте полюбопытствовать, о какихъ это «другихъ» занятіяхъ вы говорите?

— Да вы гдѣ же нибудь и чему-нибудь да учились?

— Учился, это правда, то-есть былъ въ выучкѣ. Но вотъ уже пять лѣтъ, какъ вышелъ изъ ученья и поселился

Digitized by Google

здѣсь. Поселился здѣсь я по многимъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что желаю кушать, а въ Петербургѣ или Москвѣ этого добра не найдешь сразу; во-вторыхъ, у меня здѣсь родные, и слѣдовательно ими ужъ насижено мѣсто и для меня. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ хорошо, но для тѣхъ, у кого есть бабушки и дѣдушки, да сверхъ того родовое или благопріобрѣтенное. Но у меня ничего этого нѣтъ, и я еще очень живо помню, какъ въ годы ученія приходилось мнѣ бѣгать по гостиному двору и изъ двухъ подовыхъ пироговъ, которые продаются на лоткахъ офиціантами въ бѣлыхъ галстукахъ, составлять весь обѣдъ свой... Конечно, какъ воспоминаніе, это еще можетъ имѣть свою прелесть, но смѣю васъ увѣрить, что въ настоящее время я не имѣю ни малѣйшаго желанія, даже въ теченіе одной минуты, быть впроголодь... И вѣдь какіе это были подовые пироги, если бъ вы знали! Честью васъ завѣряю, что они отзывались больше сапогами, нежели пирогами!

— Но развѣ и въ провинціи нельзя найти для себя болѣе дѣльнаго занятія?

— На этотъ вопросъ я отвѣчу вамъ немедленно, а покуда позвольте мнѣ познакомить васъ еще съ однимъ милымъ молодымъ человѣкомъ... Николай Ѳедорычъ! пожалуйте-ка, милостивый государь, сюда!

Николай Ѳедорычъ—мальчикъ лѣтъ семи—въ сущности довольно похожъ на Ивана Семеныча, только одѣтъ попроще: безъ бархатовъ и батиста.

— Позвольте мнѣ васъ спросить, Николай Ѳедорычъ, какое самое золотое правило на свѣтѣ?

— Не посѣщай воровъ, ибо самъ въ скоромъ времени можешь сдѣлаться таковымъ, — пролепеталъ скороговоркою мальчикъ.

— Отлично-съ; вотъ вамъ за это конфетка. Этимъ мудрымъ изреченіемъ, почерпнутымъ изъ прописей, встрѣтилъ меня Николай Ѳедорычъ однажды, когда я посѣтилъ его

Digitized by Google

папашу, многоуважаемаго и добрѣйшаго Ѳедора Николаича,—сказалъ Корепановъ, обращаясь ко мнѣ.

— Теперь я буду продолжать прерванный разговоръ,— продолжалъ онъ, когда мальчикъ ушелъ. — Вы начали, кажется, съ вопроса, учился ли я чему-нибудь, и я отвѣчалъ вамъ, что точно былъ въ выучкѣ. Какая была тому причина—этого я вамъ растолковать не могу, но только ученье не впрокъ мнѣ шло. Я, милостивый государь, человѣкъ не простой; я хочу, чтобъ не я пришелъ къ занятію, а оно меня нашло; я не люблю корпѣть надъ книжкой и клевать по крупицѣ, но не прочь былъ бы, если бъ нашелся человѣкъ, который бы знаніе влилъ мнѣ въ голову ковшомъ, и сдѣлался бы я послѣ того мудръ какъ Минерва... Все, что я въ молодости моей отъ умныхъ людей съ каѳедры слышалъ, все это только раззадорило меня или, лучше сказать, чувственно растревожило мои нервы... Потомъ, какъ я вамъ уже докладывалъ, оставилъ я храмъ наукъ и поселился, по необходимости, въ Крутогорскѣ... И вы не можете себѣ представить, въ какомъ я былъ сначала здѣсь упоеніи! Молодой человѣкъ, кончившій курсъ наукъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, бывавшій, слѣдовательно, и въ аристократическихъ салонахъ (вѣдь чѣмъ чортъ не шутитъ!), наглядѣвшійся на итальянскую оперу — этого слишкомъ достаточно, чтобы произвести общій фуроръ. И бабьё это дѣйствительно до такой степени на меня накинулось, что даже вспомнить тошно! И вотъ-съ, сѣлъ я въ эту милую колясочку и катаюсь въ ней о-сю пору!.. Что прежде зналъ, все позабылъ, а снова приниматься за черепословіе — головка болитъ.

Сказавъ это, онъ взглянулъ на меня какъ-то особенно выразительно, такъ что я могъ ясно прочитать на лицѣ его вопросъ: «а что! вѣрно ты не ожидалъ встрѣтить въ глуши такого умнаго человѣка?»

— Знаете, — продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту: — странная вещь! Никто меня здѣсь не задѣваетъ, всѣ меня

Digitized by Google

ласкаютъ, а между тѣмъ въ сердцѣ моемъ кипитъ какой-то страшный, неистощимый источникъ злобы противъ всѣхъ ихъ! И совсѣмъ не потому, чтобы я считалъ ихъ отвратительными и безнравственными — въ такомъ случаѣ я презиралъ бы ихъ, и мнѣ было бы легко и спокойно... Нѣтъ, я злобствую потому, что вижу на ихъ лицахъ улыбку и веселіе, потому что въ сердцахъ ихъ царствуетъ то довольство, то безмятежіе, которыхъ я, при всѣхъ своихъ благонамѣренныхъ и высоконравственныхъ воззрѣніяхъ, добиться никакъ не могу... Мнѣ кажется, что самое это довольство есть доказательство, что жизнь ихъ все-таки не прошла даромъ, и что, напротивъ того, бѣснованіе и вѣчная мнительность въ родѣ моихъ—признакъ натуры самой мелкой, самой ничтожной... Вы видите, я не щажу себя! И я ненавижу ихъ, ненавижу всѣми силами души, потому что желалъ бы отнять въ свою пользу то умѣнье пользоваться дарами жизни, которымъ они вполнѣ обладаютъ...

— А мнѣ кажется, вы все это напустили на себя, — отвѣчалъ я, — а въ сущности, если захотите, можете сдѣлать и вы много полезнаго въ той маленькой сферѣ, которая назначена для нашей дѣятельности.

— Если вы поживете въ провинціи, то поймете и убѣдитесь въ совершенствѣ, что самая большая польза, которую можно здѣсь сдѣлать, заключается въ томъ, чтобы дѣлать ее какъ можно меньше. Съ перваго раза вамъ это покажется парадоксомъ, но это дѣйствительно такъ.

— Докажите же мнѣ это, потому что я не могу и не имѣю права вѣрить вамъ на слово.

— Доказательства представитъ вамъ за меня самая жизнь, а я, признаюсь вамъ, даже не въ состояніи правильно построить вамъ какой-нибудь силлогизмъ... Для этого необходимо разсуждать, а я давно ужъ этимъ не занимался, такъ что и привычку даже потерялъ.

— Ну, теперь, благодаря мсьё Корепанову, вы вѣрно ужъ достаточно знакомы со всѣмъ крутогорскимъ обще-

Digitized by Google

ствомъ? — перебила княжна Анна Львовна, садясь возлѣ меня.

— Нѣтъ еще, княжна,—отвѣчалъ Корепановъ.—Николай Иванычъ покамѣстъ болѣе познакомился со мной, нежели съ здѣшнимъ обществомъ... Впрочемъ, здѣшнее общество осязательно изобразить нельзя: въ него нужно самому втравиться, нужно самому пожить его жизнью, чтобъ узнать его. Здѣшнее общество имѣетъ свой запахъ, а свойство запаха, какъ вамъ извѣстно, нельзя объяснить человѣку, который никогда его не обонялъ.

— Вы злой человѣкъ, мсьё Корецановъ!

— Это мой долгъ, княжна. И при томъ вы не совсѣмъ благодарны: если бъ меня не было, кто бы могъ доставить вамъ столько удовольствія, сколько доставляю, напримѣръ, я своимъ злорѣчіемъ? Согласитесь сами—это услуга немаловажная! Конечно, я до сихъ поръ еще не принесъ никакой непосредственной пользы: я не вырылъ колодца, я не обжигалъ кирпичей, не испекъ ни одного хлѣба, но взамѣнъ того я смягчалъ нравы, я изгонялъ меланхолію изъ сердецъ и поселялъ въ нихъ расположеніе къ добрымъ подвигамъ... вотъ прямыя заслуги моей юмористической дѣятельности!

— А что онъ обо мнѣ сказалъ, мсьё Щедринъ?

— До васъ еще не дошла очередь, княжна... До сихъ поръ мы съ Николаемъ Иванычемъ объ томъ только говорили, что міръ полонъ скуки, и что порядочному человѣку ничего другого не остается... Но угадайте, на чемъ мы рѣшили?

— Умереть?

— Гораздо проще: отправиться домой и лечь спать...

И онъ дѣйствительно всталъ, зѣвнулъ, посмотрѣлъ лѣниво по сторонамъ и побрелъ изъ залы.

— Странный человѣкъ! И однакожъ съ большими способностями!.. une bonne tête!—задумчиво сказала княжна, провожая его взоромъ.

Digitized by Google

Лузгинъ.

Господи! какъ время-то идетъ! Давно ли, кажется, давно ли! Давно ли въ трактирѣ кипѣли горячіе споры объ искусствѣ, о Мочаловѣ, о Гамлетѣ? Давно ли незабвенная С*** приводила въ неистовство молодыя сердца? Давно ли приводили мы въ трепетъ полицію?

Лузгинъ! мой милый, безцѣнный Лузгинъ! Какимъ-то я застану тебя? Все такъ же ли кипитъ въ тебѣ кровь, такъ же ли ты безразсчетно добръ и великодушенъ, попрежнему ли одолѣваетъ тебя твоя молодость, которую тщетно усиливался ты растратить и вкривь, и вкось: до того обильна, до того неистощима была животворная струя ея? Или уходили сивку крутыя горки? Или ты... но нѣтъ, не можетъ это быть!

Такъ, или почти такъ, думалъ я, подъѣзжая къ усадьбѣ друга моей молодости, Павла Петровича Лузгина. Прошло ужъ лѣтъ пятнадцать съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, и я совершенно нечаянно, находясь по службѣ въ Песчанолѣсьѣ, узналъ, что Лузгинъ живетъ верстахъ въ двадцати отъ города въ своей собственной усадьбѣ. Признаюсь откровенно, при этомъ извѣстіи что-то мягкое прошло по моей душѣ, какъ будто до такой степени пахнуло туда весной, что даже носъ мой совершенно явственно обонялъ этотъ милый весенній запахъ, который всегда дѣйствуетъ на меня весело. Весна и молодость — вотъ тѣ два блага, которыя Творецъ природы далъ въ утѣшеніе человѣку за всѣ огорченія, встрѣчающіяся на жизненномъ пути. Весною поютъ на деревьяхъ птички; молодостью—эти самыя птички поселяются на постоянное жительство въ сердцѣ человѣка и поютъ тамъ самыя радостныя свои пѣсни; весною солнышко посылаетъ на землю животворные лучи свои, какъ бы вытягивая изъ нѣдръ ея всю ея роскошь, всѣ ея сокровища; молодостью — это самое солнышко просвѣтляетъ все существо человѣка; оно, такъ сказать, поселяется въ

Digitized by Google

немъ и пробуждаетъ къ жизни и дѣятельности всѣ тѣ богатства, которыя скрыты глубоко въ незримыхъ тайникахъ души; весною ключи выбрасываютъ изъ нѣдръ земли лучшія, могучія струи свои; молодостью—ключи эти, не умолкая, кипятъ въ жилахъ, во всемъ организмѣ человѣка; они вѣчно зовутъ его, вѣчно порываютъ впередъ и впередъ... Отлично, что весна каждый годъ возвращается, и съ каждымъ годомъ все какъ будто больше и больше хорошѣетъ; но худо, что молодость ужъ никогда не возвращается. Самый ли процессъ жизни васъ умаиваетъ, или обстоятельства порастрясутъ дорогой кости, только сердце вдругъ оказывается такое дрябленькое, такое робконькое, что какъ начнешь самому о себѣ откровенно докладывать, такъ и показывается на щекахъ, ни съ того, ни съ сего, дѣвическій румянецъ... Да хорошо еще, если румянецъ; худо, что иногда и его-то не оказывается въ наличности.

Когда я вошелъ въ залу, Лузгинъ и семейство его сидѣли уже за обѣдомъ, хотя былъ всего часъ пополудни.

— Щедринъ!

— Лузгинъ!

Мы бросились другъ другу въ объятія; но тутъ я еще больше убѣдился, что молодость моя прошла безвозвратно, потому что, несмотря на радость свиданія, я очень хорошо замѣтилъ, что губы Лузгина были покрыты чѣмъ-то жирнымъ, щеки по мѣстамъ лоснились, а въ жидкихъ бакенбардахъ запутались кусочки рубленой капусты. Нѣтъ сомнѣнія, что, будь я помоложе, это ни въ какомъ случаѣ не обратило бы моего вниманія.

— По угламъ, бѣсенята!—закричалъ онъ на дѣтей, которыя, повыскакавъ изъ-за стола, обступили насъ.—Жена! рекомендую! Щедринъ, другъ дѣтства и собутыльникъ!

Я взглянулъ на его жену; это была молодая и свѣжая женщина, лѣтъ двадцати пяти; повидимому, она принадлежала къ породѣ тѣхъ женщинъ, которыя никогда не старѣются, никогда не задумываются, смотрятъ на жизнь откровенно,

Digitized by Google

не преувеличивая въ глазахъ своихъ ни благъ, ни золъ ея. Взглядъ ея былъ привѣтливъ, довѣрчивъ и ясенъ; онъ исполнялся какой-то кроткой, почти материнской заботливости, когда обращался на Лузгина; голосъ былъ свѣжъ и звонокъ; въ немъ слышалась еще та полнота звука, которая лучше всего свидѣтельствуетъ о неиспорченной и неутомленной натурѣ. Она никогда не оставалась праздною и всякому движенію своему умѣла придать тотъ милый оттѣнокъ заботливости, который женщинѣ, а особенно матери семейства, придаетъ какую-то особенную привлекательность. Вообще такія женщины составляютъ истинный кладъ для талантливыхъ натуръ, которыя въ семействѣ любятъ играть, по преимуществу, роль трутней.

— Очень рада, — сказала она, протягивая мнѣ маленькую ручку.—Полинькѣ очень пріятно будетъ провести время съ старымъ товарищемъ!

— Полинькѣ! Сколько разъ просилъ я тебя, Анна Ивановна, не называть меня Полинькой!—замѣтилъ онъ полушутя, полудосадуя, и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:—Вотъ, братъ, мы какъ! въ Полиньки попали!

Тутъ я въ первый разъ взглянулъ на него попристальнѣе. Онъ былъ въ широкомъ халатѣ, почти безъ всякой одежды; распахнувшаяся на груди рубашка обнаруживала цѣлый лѣсъ волосъ и обнаженное тѣло красновато-мѣднаго цвѣта; голова была неприбрана, глаза сонные. Очевидно, что онъ вошелъ въ разрядъ тѣхъ господъ, которые, кромѣ бани, иного туалета не подозрѣваютъ. Онъ, кажется, замѣтилъ мой взглядъ, потому что слегка покраснѣлъ и какъ будто инстинктивно запахнулъ и халатъ, и рубашку.

— А мы здѣсь по-деревенски,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—солнышко полдничаетъ—и мы за обѣдъ, солнышко на боковую—и мы хр-хр...—прибавилъ онъ, ласково поглядывая на старшаго сынишку.

Дѣти разомъ прыснули.

— Эй, живо! подавать съ начала! — продолжалъ онъ.—

Digitized by Google

Признаюсь, я вдвойнѣ радъ твоему пріѣзду: во-первыхъ, мы поболтаемъ, вспомнимъ наше милое времячко, а во-вторыхъ, я вторично пообѣдаю... да, бишь! и еще въ-третьихъ — главное-то и позабылъ!—мы отлично выпьемъ! Эхъ, жалко, нѣтъ у насъ шампанскаго!

— Ахъ, Полинька, тебѣ это вредно!—сказала жена.

— Ну, на нынѣшній день, Анна Ивановна, супружескіе совѣты отложимъ въ сторону. Вредно ли, не вредно ли, а я, значитъ, былъ бы свинья, если бъ не напился ради пріятеля! Полюбуйся, братъ, — продолжалъ онъ, указывая на столъ:—пусто! Пьемъ, сударь, воду! Въ общество воздержанія поступилъ! Эй вы, олухи, вина! Да сказать ключницѣ, чтобъ не лукавила, подала бы все, что̀ есть отмѣннѣйшаго.

— Скажи, Николай, Машѣ, — прибавила отъ себя Анна Ивановна, — чтобъ она то вино подала, которое для Мишенькиныхъ крестинъ куплено.

— Мишенька—это пятый,—сказалъ Лузгинъ:—здѣсь четверо, а то еще пятый... сосуночекъ, знаешь...

Дѣти снова прыснули.

— Вы чего смѣетесь, бѣсенята? Женись, братъ, женись! Если хочешь кататься какъ сыръ въ маслѣ, и если сознаешь въ себѣ способность быть сыромъ, такъ это именно масло—супружеская жизнь! Видишь, какихъ бѣсенятъ выкормили, да на этомъ еще не остановимся!..

Онъ взялъ старшаго сынишку за голову и посмотрѣлъ на него съ особенною нѣжностью. Анна Ивановна улыбалась.

— А папка вчера домой пьяный пришелъ!—поспѣшилъ сообщить мнѣ второй сынъ, мальчикъ лѣтъ пяти.

— Да, пьянъ былъ папка вчера!—отвѣчалъ Лузгинъ.— Свинья вчера папка былъ! Отъ этихъ бѣсенятъ ничего не скроешь! У сосѣда вчера на именинахъ былъ: ну, дома-то ничего не даютъ, такъ поневолѣ съ двухъ рюмокъ свалился!

— Ай, папка, самъ сказалъ мамкѣ, что двѣ бутылки выпилъ! — вступилась дѣвочка лѣтъ трехъ, сидѣвшая подлѣ

Digitized by Google

Анны Ивановны.—Папка всегда домой пьянъ пріѣзжаетъ!—прибавила она, вздыхая.

— Женись, братъ, женись! Вотъ этакая ходячая совѣсть всегда налицо будетъ! Сдѣлаешь свинство—даромъ не пройдетъ! Только результаты все еще какъ-то плохи! — прибавилъ онъ, улыбаясь нѣсколько сомнительно:—не дѣйствуютъ! Ужъ очень, что ли, мы умны сдѣлались, да выросли, только совѣсть-то какъ-то скользитъ по насъ: «свинство»!—скажешь себѣ, да и пошелъ опять щеголять попрежнему.

— А главное, что это для тебя, Полинька, нездорово,—сказала Анна Ивановна.

— Ну, а ты какъ?

— Да что, служу...

— Слышалъ, братецъ, слышалъ! Только не зналъ навѣрное, ты ли: вѣдь васъ, Щедриныхъ, какъ собакъ на бѣломъ свѣтѣ развелось... Ну, теперь, по крайней мѣрѣ, у меня протекція есть, становой въ покоѣ оставитъ, а то такой сталъ озорникъ, что просто не приведи Богъ... Намеднись градъ у насъ выпалъ, такъ онъ, братецъ ты мой, слѣдствіе пріѣхалъ объ этомъ дѣлать; да еще кабы самъ пріѣхалъ, все бы не такъ обидно, а то писаришку своего прислалъ... Нельзя ли, дружище, такъ какъ-нибудь устроить, чтобы ему сюда въѣзду не было?

Принесли ботвинью; Лузгинъ попросилъ себѣ цѣлую тарелку и началъ сызнова свой обѣдъ.

— Ты, братъ, ѣшь, — сказалъ онъ мнѣ: — въ деревнѣ какъ поживешь, такъ желудокъ такою дѣятельною бестіей дѣлается, просто даже одолѣваетъ... Встанешь этакъ раннимъ утромъ, по хозяйству сходишь...

— Ахъ, какой папка лгунъ сталъ!—замѣтила дѣвочка.

— Вотъ, дружище, даже поврать не дадутъ — вотъ что значитъ совѣсть-то налицо! У меня, душа моя, просто; я живу патріархомъ; у меня всякій можетъ говорить все, что на языкъ взбредетъ... Анна Ивановна! Потчуй же гостя, сударыня! Да ты къ намъ погостить, что ли?

Digitized by Google

— Нѣтъ, я на слѣдствіе въ Песчанолѣсьѣ, долженъ сегодня же быть тамъ...

— Ну, стало-быть, ночевать у насъ все-таки можешь. Я, братъ, вѣдь знаю эти слѣдствія: это именно та самая вещь, о которой сложилась русская пословица: *дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ*... Да, другъ, вотъ ты въ чины полѣзъ; со временемъ, можетъ, исправникомъ у насъ будешь...

Совершенно противъ моего желанія, при этихъ словахъ Лузгина на губахъ моихъ сложилась предательская улыбка.

— А что, видно, намъ съ тобой этого ужъ мало? — сказалъ онъ, замѣтивъ мою улыбку.—Полѣзай, полѣзай и выше; это похвально... Я назвалъ мѣсто исправника по неопытности своей, потому что въ моихъ глазахъ нѣтъ ужъ этого человѣка выше... Я, братъ, деревенщина, отношеній вашихъ не знаю, я Цинциннатъ...

— А какъ мы давно не видались, однакожъ? — прервалъ я.

— Да, пятнадцать лѣтъ! Это въ жизни человѣческой тоже что-нибудь да значитъ!

— Вы, вѣрно, не ожидали встрѣтить Полиньку такимъ?— спросила Анна Ивановна.

— Да, было, было наше время... Бывали и мы молоды, и мы горами двигали!.. Чай, помнишь?

— Какъ не помнить! Хорошее было время!

— А, впрочемъ, и теперь жару еще пропасть осталось, только некуда его дѣвать... сфера-то у насъ узка, разгуляться негдѣ...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!

Вотъ, братъ, намъ чего бы нужно!

— Вотъ Полинька все жалуется, что для него простора нѣтъ, а я ему указываю на семейство, — прервала Анна Ивановна.

— Семейство, Анна Ивановна, это святыня; семейство—

Digitized by Google

это такая вещь, до которой моими нечистыми руками даже и прикасаться не слѣдуетъ... Я не о семействѣ говорю, Анна Ивановна, а о жизни...

— Да ты это такъ только, Полинька, говоришь, чтобъ свалить съ себя, а по-моему и семейная жизнь — чѣмъ же не жизнь?

— Размѣры не тѣ, сударыня! Размѣры насъ душатъ,— продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Природа у насъ широкая, желалъ бы захватить и вдоль, и поперекъ, а размѣры маленькіе... Ты, Анна Ивановна, этого понимать не можешь!

— Признаюсь, и я что-то мало понимаю это.

— Да ты, братецъ, чиновникъ, ты, стало-быть, удовлетворился—это опять другой вопросъ; ты себя сузилъ, брюхо свое подкупилъ, сердце свое посолилъ, прокоптилъ и размѣнялъ на кредитные билеты...

— Однако, ты не щадишь-таки выраженій!

— Другое дѣло вотъ мы грѣшные, — продолжаетъ онъ, не слушая меня: — въ насъ осталась натура первобытная, неиспорченная, въ насъ кипитъ, сударь, этотъ непочатой ключъ жизни, въ насъ новое слово зрѣетъ... Такъ какимъ же ты образомъ этакую-то натуру хочешь втянуть въ свои мизерныя, зачерствѣвшія формы? Вѣдь это, братъ, значитъ желать протащить канатъ въ игольное ушко! Ну, само собою разумѣется, или ушко прорветъ, или канатъ не влѣзетъ!

— Однакожъ, надобно же имѣть какой-нибудь выходъ изъ этого!

— Ищите—вы! Наше дѣло сторона; мы люди непричастные, мы сидимъ да глядимъ только, какъ вы стараетесь и какъ у васъ ничего изъ этого не выходитъ!

— И я вотъ часто говорю Полинькѣ, чтобъ онъ чѣмъ-нибудь занялся... Предводитель нашъ очень насъ любитъ... сколько разъ въ службу приглашалъ!

Digitized by Google

— Нѣтъ, Анна Ивановна, это не по нашей части; ты мнѣ объ этомъ не говори...

— Однако, могутъ же быть и другія занятія!

— А какія это, позвольте спросить? Въ торговлю броситься — на то есть почтенное купеческое сословіе; земледѣльцемъ быть — на это существуютъ мирные поселяне... Литература! наука! А позволь, братъ, узнать, многому ли мы съ тобой выучились? Да предположимъ, что и выучился я чему-нибудь, такъ вѣдь тутъ мало еще одного знанія, надобенъ и талантъ... А если у меня его нѣтъ, такъ не подлецъ же я въ самомъ дѣлѣ, чтобы для меня изъ-за этого ужъ и мѣста на свѣтѣ не было!.. Нѣтъ, любезный другъ, тутъ какъ ни кинь, все клинъ! Тутъ, братъ, червякъ такой есть—вотъ что!

— А что, каковъ у васъ предводитель? — спросилъ я, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Да что, любезный другъ, человѣкъ онъ хорошій: свѣчъ сальныхъ не ѣстъ, ѣздитъ часто въ Крутогорскъ, тамъ съ кѣмъ слѣдуетъ нюхается... Хорошій человѣкъ! Только вотъ тутъ (онъ указалъ на лобъ)—не взыщите!

— Ну, полно же, Полинька! Алексѣй Петровичъ такъ любезенъ къ тебѣ, а ты еще его вѣчно бранишь!

— Еще бы онъ не былъ любезенъ! Онъ знаетъ, что у меня горло есть... А удивительное это, право, дѣло!—обратился онъ ко мнѣ.—Посмотришь на него—ну, человѣкъ да и все тутъ! И говорить начнетъ—тоже цѣлые потоки изливаетъ: и складно, и грамматическихъ ошибокъ нѣтъ! Только, братъ, безцвѣтность какая, прѣсность, благонамѣренность!.. Ну, не могу я! Такъ, знаешь, и подымаются руки, чтобъ съ лица земли его стереть... А женщинамъ нравиться можетъ!.. Да я, впрочемъ, всегда спать ухожу, когда онъ къ намъ пріѣзжаетъ.

— Вотъ видишь, какъ онъ добръ! Онъ вѣдь знаетъ, что ты его не любишь и не хочешь даже занять его, а между гѣмъ все-таки навѣщаетъ насъ!

Digitized by Google

— А знаешь ли, почему онъ пріѣзжаетъ къ намъ, почему онъ извиняетъ мнѣ мое пренебреженіе?—сказалъ Лузгинъ, обращаясь ко мнѣ.—Вѣдь онъ меня за низшій организмъ считаетъ!.. Такъ, дескать, мужикъ какой-то! Онъ, изволишь ты видѣть, человѣкъ просвѣщенный, съ высшими взглядами, а я такъ себѣ, невѣжда, не могу даже понять, что предводители изъ пшеничной муки пекутся! И надобно видѣть, какъ онъ принимается иногда поучать меня — ну, точь-въ-точь онъ патріархъ, а я малый ребенокъ, который, кромѣ «папы» да «мамы», говорить ничего не умѣетъ... Такъ, знаешь, благосклонно, не сердясь.

— И ты выслушиваешь?

— Нѣтъ, братецъ, надоѣло. Прежде еще забавлялся, даже самъ его на нравоученья натравливалъ, а нынче нѣтъ—очень ужъ онъ глупъ! Опротивѣлъ.

Обѣдъ приходилъ къ концу; мы выпили-таки достаточно, и надо сказать правду, что вино было недурное. Начали подавать пирожное.

— Ну, это не по нашей части! — сказалъ Лузгинъ. — Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, а ты, Анна Ивановна, на сегодняшній день ужъ оставь насъ. Легко можетъ статься, что мы что-нибудь и такое скажемъ, что̀ для твоихъ ушей неудобно... хотя, по-моему, неудобныхъ вещей въ природѣ и не существуетъ,—обратился онъ ко мнѣ.

Мы пришли въ кабинетъ. Впрочемъ, я и до сихъ поръ не могу себѣ объяснить, почему пріятель мой, говоря объ этой комнатѣ, называлъ ее кабинетомъ. Тутъ не было ни одной изъ обыкновенныхъ принадлежностей кабинета: ни письменнаго стола, ни библіотеки, ни чериильницы. По стѣнамъ стояли диваны, называемые турецкими, которые, по всей вѣроятности, болѣе служили для спанья, нежели для бесѣды, такъ что и комнату приличнѣе было назвать опочивальнею, а не кабинетомъ. Въ одномъ углу торчала этажерка съ множествомъ трубокъ, а въ другомъ—шкапъ, но и въ немъ хранились не книги, а разбитыя бутылки,

Digitized by Google

подсвѣчники, сапожная щетка, Богъ вѣсть откуда зашедшая, синяя помадная банка и вообще всякій хламъ.

— Здѣсь мое царство!—сказалъ Лузгинъ, усаживая меня на диванъ.

— Эй, Ларивонъ: скажи барынѣ, чтобъ прислала намъ бутылочки три шипучки... Извини, братъ, шампанскаго нѣтъ. Такъ-то, другъ!—продолжалъ онъ, садясь подлѣ меня и трепля меня по колѣнкѣ.—Вотъ я и женатъ... А кто бы это подумалъ? Кто бы могъ предвидѣть, что Павлушка Лузгинъ женится и остепенится!.. А порядочные-таки мы были съ тобой ёрники въ свое время!

— Однакожъ, разскажи, пожалуйста, какъ ты женился?

— А какъ, братецъ, очень простымъ манеромъ. Вышелъ я тогда, какъ у насъ говорятъ, изъ ученья, поѣхалъ, разумѣется, къ родителямъ, къ папенькѣ, къ маменькѣ... Отецъ сталъ на службу нудить, мать говоритъ: около меня посиди, ну, и сосѣди тоже лихіе нашлись—вотъ я и остался въ деревнѣ. Тутъ же отецъ померъ... а впрочемъ, славное, братъ, житье въ деревнѣ! Я хоть и смотрю байбакомъ и къ лѣности съ юныхъ лѣтъ сердечное влеченье чувствую, однако вѣдь на все это законныя причины есть... Пріѣдешь иной разъ въ городъ—ну, такая, братецъ, тамъ мерзость и вонь, что даже душу тебѣ воротитъ! Кляузы, да сплетни, да франтовство какое-то тупоумное!.. А воротишься въ деревню—какая вдругъ Божья благодать всю внутренность твою просвѣтлитъ! Выйдешь этакъ на лужайку, или вотъ хоть въ лѣсокъ зайдешь — такъ это хорошо, и свѣтло, и покойно, что даже и идти-то никуда не хочется! Сядешь подъ дерево, наверху тебѣ птичка пѣсенку споетъ, по травѣ мурашка ползетъ, и станешь наблюдать за мурашкой...

— Однако, все это не объясняетъ мнѣ, какимъ образомъ ты женился?

— А женился я, братецъ, вотъ какимъ образомъ,—сказалъ Лузгинъ скороговоркой:—жила у сосѣдей гувернантка, дѣвочка лѣтъ семнадцати; ну, житье ея было горькое: хо-

Digitized by Google

зяйка капризная, хозяинъ сладострастнѣйшій, дѣти тупоголовыя... Эта гувернантка и есть жена моя... Понимаешь?

«Бракъ по состраданію!»—подумалъ я и продолжалъ громко:

— Неужели же ты съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, жилъ все въ деревнѣ?

— Какое, братецъ, ѣздилъ и въ Петербургъ, только все это какъ-то не по мнѣ! У меня натура цѣльная, грубая,— ну, а тамъ все выморозки...—Ты давно оттуда?

— Да лѣтъ съ восемь.

— И не ѣзди туда никогда. Тамъ и людей-то нѣтъ, а такъ, знаешь, что-то холодное, ослизлое—возьмешь въ руку и бросишь: такая это дрянь! Ходятъ, братецъ, слоняются цѣлый день, точно время-то у нихъ на золотники продается, а посмотришь, въ результатѣ оказывается, что въ такомъ-то мѣстѣ часа три прождалъ, чтобъ имѣть счастіе поганымъ образомъ искривить ротъ въ улыбку при видѣ нужнаго лица, въ другомъ мѣстѣ два часа простоялъ, но и этого счастья не дождался. А провинціальное простодушіе смотритъ на эту толкотню, да только ротъ разѣваетъ: вотъ, молъ, дѣловой-то городъ! Какъ же!

Произнося эту филиппику, Лузгинъ столь искренно негодовалъ на Петербургъ, что и мнѣ самому вдругъ начало казаться, что въ рукахъ у меня какая-то слизь и передъ глазами деревянные люди на пружинахъ ходятъ.

— Помнишь ты Пронина? Вѣдь ужъ на что, кажется, славный парень былъ! Ну, такъ слушай же. Пріѣзжаю я въ Петербургъ; туда-сюда, справляться, отыскивать старыхъ знакомыхъ — между прочимъ, отыскался и Пронинъ. Прихожу къ нему—онъ женатъ, однако перемѣнился мало и принялъ меня съ распростертыми объятіями. Я, разумѣется, очень радъ, ну, и говорю: хоть одинъ человѣкъ! Однако, какъ бы ты думалъ? Говорилъ онъ, говорилъ со мною, да вдругъ, такъ, знаешь, въ скобкахъ, и далъ мнѣ почувствовать, что ему такой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ Стрекоза внучатнымъ братомъ приходится, а

Digitized by Google

княгиня, дескать, Оболдуй-Тараканова — другъ дѣтства съ его женою, а вчера, дескать, у нихъ раутъ былъ, баронесса Оксендорфъ пріѣзжала... И все, знаешь, этакъ въ скобкахъ: ты, дескать, не думай, любезный другъ, что это для меня составляетъ важность, а такъ, надо же связи поддерживать! Такъ вотъ какими тамъ прихвостнями самые порядочные люди дѣлаются! Ну, съ тѣхъ поръ я и не ѣздилъ...

Принесли шипучку.

— Барыня приказала сказать,—обратился флегматически Ларивонъ къ Лузгину: — что вамъ, сударь, пить не приказано.

— Ну, поди скажи барынѣ, что я потому-то именно и буду пить, что не приказано... Вотъ, братецъ, возится со мной, точно съ малымъ ребенкомъ...

— Да если въ самомъ дѣлѣ тебѣ вредно?

— Предразсудокъ, любезный другъ! Загляни въ русскую исторію, и увидишь, что не только бояре, но и боярыни наши вино кушали, и отъ этого только въ тѣлѣ раздавались, а никакого иного ущерба для здоровья своего не ощущали... Выпьемъ!

Мы выпили.

— Помянемъ, братъ, свою молодость! Помянемъ тѣхъ, кто въ наши молодыя души сѣмя добра заронилъ!.. Вѣдь ты не измѣнилъ себѣ, дружище, ты не продалъ себя, какъ Пронинъ, баронессѣ Оксендорфъ и дѣйствительному статскому совѣтнику Стрекозѣ, ты остался все тотъ же сорвиголова, которому море по колѣно?

Мнѣ показалось, что послѣднія слова онъ произнесъ съ легкимъ оттѣнкомъ иронiи, и я внезапно ощутилъ какую-то неловкость во всемъ существѣ, какъ будто бы вдругъ сдѣлался виноватъ передъ нимъ.

— А впрочемъ, какъ бы то ни было, а это достовѣрно, что Лузгинъ Павлушка остался тѣмъ же, чѣмъ былъ всегда,—продолжалъ онъ:—то-есть душевно... Ну, конечно, въ другихъ отношеніяхъ маленько, быть-можетъ, и поот-

Digitized by Google

стали—что̀ дѣлать! Всякому своя линія на свѣтѣ вышла...

— Да, хорошо было прежде,—сказалъ я, оправляясь отъ своего смущенія.

— Ужъ такъ-то, братъ, хорошо, что даже вспомнить грустно! Кипѣло тогда все это, земля, бывало, подъ ногами горѣла! Помнишь ли, напримѣръ, Катю—вѣдь что̀ за прелесть была! А! Какъ цыганскія-то пѣсни пѣла! Или вотъ эту: *Помнишь ли, мой любезный другъ?* Вѣдь душу выплакать можно! Ужъ на что̀ селедка—статскій совѣтникъ Кобыльниковъ изъ Петербурга пріѣзжалъ, а и тотъ двадцатипятирублевую кинулъ—камни говорятъ!

— Да, Катя дѣйствительно отличная была дѣвушка.

— Или помнишь ли Мочалова въ «Гамлетѣ»? *Умереть—уснуть... Башмаковъ еще не износила...* и этотъ хохотъ, захватывающій дыханье въ груди зрителя... Вотъ это жизнь, это сфера безграничная, какъ самое искусство, разнообразная, какъ природа!.. А что̀ мы теперь? Выпьемъ!..

Онъ впалъ въ раздумье, уперся руками въ колѣни и минуты двѣ оставался молчаливымъ.

— Чего жъ теперь-то тебѣ недостаетъ?—спросилъ я.—Ты, кажется, счастливъ, у тебя семейство...

— Да, братъ, я счастливъ, — прервалъ онъ, вставая съ дивана и начиная ходить по комнатѣ.—Ты правъ: я счастливъ, я любимъ, жена у меня добрая, хорошенькая... однимъ словомъ, не всякому даетъ судьба то, что̀ она дала мнѣ! А и за всѣмъ тѣмъ, все-таки... я свинья, братъ, я гнусенъ съ верхняго волоска головы до ногтей ногъ... я это знаю! Чего мнѣ еще надобно? Насущный хлѣбъ у меня есть, водка есть, спать могу вволю... Опустился я, братъ, куда какъ опустился!

— Отъ тебя зависитъ и опять подняться...

— Нѣтъ, не говори этого! Пробовалъ я — и не идетъ. Кто привыкъ каждый день пшеничные пироги ѣсть, тому ржаной хлѣбъ только оскомину набьетъ; кто привыкъ на пуховикахъ отдыхать, тотъ на голомъ полу всю ночь про-

Digitized by Google

ворочается, а не уснетъ! Я привыкъ ужъ къ праздности; я въѣлся въ нее до такой степени, что даже и думать ни о чемъ не хочется! Точно, знаешь, всѣ мыслящія способности пеленою какою-то подернуты: не могу, да и все тутъ! И если я съ тобой теперь разговорился, такъ это именно частный случай! А впрочемъ, что объ этомъ толковать: видно, есть какой-нибудь норовъ въ насъ, что *всѣ люди какъ люди, одинъ чортъ въ колпакѣ...* Молодость-то мы свою погано провели! Не столько лекціями, сколько безобразничествомъ да ухарствомъ занимались—вѣдь помянуть, братъ, ее нечѣмъ, молодость-то! Satis! выпьемъ!

Мы выпили.

— Нѣтъ,—началъ онъ снова:—тутъ что-нибудь да есть такое, какая-нибудь да вкралась тутъ опечатка, что нѣтъ вотъ да и нѣтъ тебѣ мѣста на свѣтѣ! Я, кажется, человѣкъ и честный, и не то чтобы совсѣмъ глупый — напротивъ, добрые люди еще «головой» зовутъ, — а ни за что-таки приняться не могу. Начнешь этакъ иногда самъ съ собой разговаривать, такъ даже во рту скверно дѣлается: какъ ни повернешь дѣломъ, а все выходитъ, что только чужой вѣкъ заѣдаешь. И добро бы жару, горячности, любви не было — есть, братецъ, есть все это! Да такъ, вѣрно, и суждено этому огню перегорѣть въ груди, не высказавшись ни въ чемъ... Нѣтъ, ты скажи: кто виноватъ-то, кто виноватъ-то въ этомъ?

— Я полагаю, что это оттого происходитъ, что ты представляешь себѣ жизнь слишкомъ въ розовомъ цвѣтѣ, что ты ждешь отъ нея непремѣнно чего-то хорошаго, а между тѣмъ въ жизни требуется трудъ, и она даетъ не то, чего отъ нея требуютъ капризныя дѣти, а только то, что берутъ у нея съ бою люди мужественные и упорные.

— Это отчасти правда; но вѣдь вопросъ въ томъ, для чего же природа не сдѣлала меня Зенономъ, а наградила наклонностями сибарита? Для чего она не закалила мое сердце для борьбы съ терніями суровой дѣйствительности.

Digitized by Google

а, напротивъ того, размягчила его и сдѣлала способнымъ откликаться только на доброе и прекрасное? Для чего, однимъ словомъ, она сдѣлала меня артистомъ, а не труженикомъ?.. Природа-то вѣдь дура, выходитъ!

Я вспомнилъ то, что слово «артистъ» было всегдашнимъ конькомъ Лузгина, по мнѣнію котораго «артистическая натура» составляла нѣчто не только всеобъемлющее, но и все извиняющее. Артистической натурѣ, на основаніи этого своеобразнаго кодекса, дозволяется сидѣть сложивши руки и заниматься разговоромъ сколько душѣ угодно, дозволяется рѣшать безапелляціонно вопросы первой важности и даже прорицать будущность любого народа. Артистической натурѣ отпускаются напередъ всѣ грѣхи, всѣ заблужденія, ибо уму простыхъ смертныхъ могутъ ли быть доступны тѣ тонкія, почти эѳирныя побужденія, которыми руководствуются натуры геніальныя, исключительныя, и можетъ ли быть, слѣдовательно, примѣненъ къ нимъ принципъ вмѣненія? Артистическая натура вправѣ быть невѣжественною; à la rigueur, она можетъ даже презирать самый процессъ мышленія, потому что ея назначеніе не мыслить, а прорицать, что̀ несравненно выше и глубже. Итакъ, слова Лузгина не только не были для меня новостью, но даже напомнили мнѣ цѣлый рядъ шумныхъ и нескончаемыхъ споровъ, которыми украшалась моя молодость; но, несмотря на это, какъ-то странно подѣйствовало на меня это воспоминаніе. Привычка ли обращаться преимущественно съ явленіями міра дѣйствительнаго, сердечная ли сухость, слѣдствіе той же практичности, которая приковываетъ человѣка къ факту и заставляетъ считать бреднями все то, что̀ ускользаетъ отъ простого, чувственнаго осязанія, какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ мнѣ показалось, что я внезапно очутился въ какой-то совершенно иной атмосферѣ, въ которой не имѣлъ ни малѣйшаго желанія оставаться долѣе. Лузгинъ, вѣроятно, замѣтилъ это, потому что поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

Digitized by Google

— Ну, а ты какъ?—сказалъ онъ.

— Да вотъ служу, какъ видишь.

— Служи, братъ, служи. Дослужишься до высокихъ чиновъ—не забудь и насъ грѣшныхъ.

— А развѣ ты тоже желалъ бы служить?

— Нѣтъ, братъ, куда намъ! А все, знаешь, какъ-то лучше, какъ есть протекція, какъ-то легче на свѣтѣ дышится.

Въ эту самую минуту послышался шумъ подъѣзжающаго къ дому экипажа.

— Василій Иванычъ пріѣхали!—доложилъ Ларивонъ, и вслѣдъ затѣмъ ввалилась въ кабинетъ толстая и неуклюжая фигура какого-то господина, облеченнаго въ сѣрое пальто.

— Вотъ кстати!—сказалъ Лузгинъ, бросившись навстрѣчу новопришедшему.

— Честной компаніи мира и благоденствія желаемъ,— отвѣчалъ Василій Иванычъ, утирая потъ, катившійся по лицу.—Миръ вамъ и мы къ вамъ!

— Рекомендую! мой задушевный другъ, Василій Иванычъ Кречетовъ,—сказалъ Лузгинъ, обращаясь ко мнѣ, и затѣмъ представилъ Кречетову и меня.

— Много наслышанъ-съ,—замѣтилъ Кречетовъ.

— Ну, что, какъ дѣла? Что въ Крутогорскѣ дѣлается?

— А какъ бы вамъ доложить, благодѣтель? Денегъ поистрясъ довольно, а толку не добился.

— Что жъ говорятъ-то?

— Да, просто, никакого толку нѣтъ-съ. Даже и не говорятъ ничего... Пошелъ я этта сначала къ столоначальнику, говорю ему, что вотъ такъ и такъ... Ну, онъ, было, и выслушалъ меня, да какъ кончилъ я: «Что жъ, говоритъ, дальше-то?» Я говорю: — Дальше, говорю, ничего нѣтъ, потому что я все разсказалъ. — «А! говоритъ, если ничего больше нѣтъ... хорошо», говоритъ. И ушелъ съ этимъ, да съ тѣхъ поръ я ужъ и изымать его никакъ не могъ.

Digitized by Google

— Ахъ ты простыня безъ кружева! Да развѣ денегъ у тебя съ собой не было?

— Помилуйте, Павелъ Петровичъ, какъ не было-съ. Извѣстно, въ губернскій городъ безъ денегъ нельзя-съ. Только очень ужъ они мудрено говорятъ, что и не поймешь, чего имъ желательно.

— Помоги, братъ, ты ему!—обратился ко мнѣ Лузгинъ.

— А въ чемъ дѣло?

— Содержалъ я здѣсь на рѣчкѣ, на Песчанкѣ, казенную мельницу-съ, содержалъ ее двѣнадцать лѣтъ... Только стараніями своими привелъ ее, можно сказать, въ отличнѣйшее положеніе, и капиталъ тутъ свой положилъ-съ...

— Ну, капиталу-то ты немного положилъ, — замѣтилъ Лузгинъ.

— Нѣтъ-съ, Павелъ Петровичъ, положилъ-съ, это именно какъ передъ Богомъ, положилъ-съ, — это вѣрно-съ. Только вотъ приходитъ теперь двѣнадцатый годъ къ концу... мнѣ бы, то-есть, пользу бы начать получать, анъ тутъ торги новые назначаютъ-съ. Такъ мнѣ бы, ваше высокоблагородіе, желательно, чтобъ безъ торговъ ее какъ-нибудь...

— То-есть вамъ желательно бы было, чтобы въ вашу пользу смошенничали?

— Э, братъ, какъ ты рѣзко выражаешься!—сказалъ Лузгинъ съ видимымъ неудовольствіемъ. — Кто же тутъ говоритъ о мошенничествахъ! А тебя просятъ, нельзя ли *направить* дѣло.

— Да я-то что жъ могу тутъ сдѣлать?

— А ты возьми въ толкъ,—человѣкъ-то онъ какой! Золото, а не человѣкъ! Для такого человѣка душу прозакладывать можно, а не то что мельницу безъ торговъ отдать!

— Да я-то все-таки тутъ ничего не могу.

— Э, любезный, дрянь ты послѣ этого!

Онъ отвернулся отъ меня и обратился къ Кречетову.

— Брось, братецъ, ты всѣ эти мельницы и переѣзжай ко мнѣ! Тебѣ чего нужно? чтобъ былъ для тебя обѣдъ, да

Digitized by Google

была бы подушка, чтобъ подъ голову положить? Ну, это все у меня найдется... Эй, Ларивонъ, водки!

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго молчанія; всѣмъ намъ было какъ-то неловко.

— А какія, Павелъ Петровичъ, нынче ржи уродились!— сказалъ Кречетовъ:—даже на удивленье-съ...

— Гм! — отвѣчалъ Лузгинъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, а потомъ машинально остановился передъ Кречетовымъ и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Такъ ты говоришь, что ржи хорошія?—произнесъ онъ.

— Отмѣннѣйшія-съ. Повѣрите ли, даже человѣка не видать—такая солома...

— Можетъ-быть, колосомъ не выйдутъ?—спросилъ Лузгинъ.

— Нѣтъ-съ, и колосъ хорошъ, и зерно богатое-съ.

Принесли водки; Лузгинъ началъ какъ-то мрачно осушать рюмку за рюмкой; даже Кречетовъ, который долженъ былъ привыкнуть къ подобнаго рода сценамъ, смотрѣлъ на него съ тайнымъ страхомъ.

— А ты не будешь пить?—спросилъ меня Лузгинъ.

— Нѣтъ, я не пью.

— Разумѣется, разумѣется—куда жъ тебѣ пить! Пьютъ только свиньи, какъ мы... Выпьемъ, братъ, Василій Иванычъ!

Мнѣ приходилось изъ рукъ вонъ неловко. Съ одной стороны, я чувствовалъ себя совершенно лишнимъ; съ другой стороны, мнѣ какъ-то непріятно было такъ разительно обмануться въ моихъ ожиданіяхъ.

— Мнѣ надо бы въ городъ,—сказалъ я.

Лузгинъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Ты, можетъ-быть, думаешь, что я въ пьяномъ видѣ буйствовать начну?—сказалъ онъ.—А впрочемъ... Эй, Ларивонъ, лошадей *господину* Щедрину!

Черезъ полчаса мы разстались. Онъ сначала холодно пожалъ мнѣ руку на прощанье, но потомъ не выдержалъ и обнялъ меня очень крѣпко.

Digitized by Google

Я поѣхалъ по пыльной и узкой дорогѣ въ городъ: ржи оказались, въ самомъ дѣлѣ, удивительныя.

Владиміръ Константиновичъ Буеракинъ.

— Дома?—спросилъ я, вылѣзая изъ кибитки у подъѣзда сѣренькаго деревяннаго домика, въ которомъ обиталъ мой добрый пріятель, Владиміръ Константиновичъ Буеракинъ, владѣлецъ села Заовражья, живописно раскинувшагося въ полуверстѣ отъ господской усадьбы.

— Дома, дома!—отвѣчалъ Буеракинъ, собственною особой показываясь въ окошкѣ.

Но прежде нежели я введу читателя въ кабинетъ моего знакомаго, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о личности Владиміра Константиныча.

Буеракинъ былъ сынъ богатыхъ и благородныхъ родителей. Отецъ его былъ усерднымъ помѣщикомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни наружностью, ни цивилизаціей нисколько не напоминалъ того лѣниваго и нѣсколько заспаннаго типа помѣщика, который, неизвѣстно почему, всего чаще является нашему воображенію. Нѣтъ, старикъ считалъ себя однимъ изъ передовыхъ людей своего времени, не прочь былъ повольнодумствовать въ часы досуга и вообще былъ скептикъ и вольтерьянецъ. Замѣтно было, однакожъ, что всѣ эти аналитическія стремленія составляли въ жизни старика не серьезное убѣжденіе, а родъ забавы или отдохновенія, или, лучше сказать, игру casse-tête, не имѣвшую ничего общаго съ его жизнью и никогда не прилагавшуюся на практикѣ. Тѣмъ менѣе могли быть они не только прилагаемы, но даже высказываемы при Володѣ. Въ отношеніи къ сыну старикъ Буеракинъ являлся въ шкурѣ стараго грѣшника, внезапно понявшаго, что грѣшить и не время, и не къ лицу. Поэтому, если когда-нибудь и прорывалось у него при Володѣ что-нибудь сомнительное, то онъ немедленно спѣшилъ поправить свой промахъ. Вообще Володя былъ

Digitized by Google

воспитываемъ въ правилахъ субординаціи и довѣрія къ папашиному авторитету, а о старыхъ грѣхахъ почтеннаго родителя не было и помину, потому что на старости лѣтъ онъ и самъ началъ сознавать, что вольтерьянизмъ и вольнодумство—не что̀ иное, какъ дворянская забава.

Несмотря на это, съ Володей приключилось странное происшествіе. Слушая лекціи въ школѣ, вдали отъ надзора родительскаго, онъ хотя твердо помнилъ совѣты и наставленія, которыми нашпиговали его юную голову, однако, къ величайшему своему изумленію и вполнѣ непримѣтнымъ для себя образомъ, пошелъ по иному пути. Не то чтобъ въ головѣ его выработались какіе-нибудь положительные результаты, а просто ему понравилась атмосфера, царствовавшая въ аудиторіи, нравились слова, произносимыя въ нецеремонныхъ товарищескихъ бесѣдахъ, и мало ли что̀ еще! Возвращаясь домой поздно вечеромъ, онъ принимался сводить въ одно цѣлое все говоренное и слышанное въ теченіе дня, и хотя не успѣвалъ въ этомъ, но чувствовалъ себя какъ-то отлично хорошо и легко. Въ чемъ именно заключалось это хорошо и легкое—онъ опредѣлить не могъ, а просто хорошо да и все тутъ.

Всякому изъ насъ памятны, вѣроятно, эти дни ученія, въ которые мы не столько учимся, сколько любимъ поговорить, а еще больше послушать, какъ говорятъ другіе, о разныхъ взглядахъ на науку и въ особенности о томъ, что надо во что бы то ни стало идти впередъ и развиваться. Подъ словомъ «развиваться» разумѣются нерѣдко вещи весьма неопредѣленныя, но всегда привлекательныя для молодежи. Если немногіе, вслѣдствіе этихъ разговоровъ, получаютъ положительный вкусъ къ наукѣ, зато очень многіе дѣлаются дилетантами и до глубокой старости стоятъ за просвѣщеніе и за comme il faut, которое они впослѣдствіи начинаютъ не шутя смѣшивать съ просвѣщеніемъ.

— C'est un homme si savant, si instruit!—говорятъ обыкновенно дѣвицы, слегка при этомъ вздрагивая и сжимаясь.

Digitized by Google

— Et si comme il faut!—прибавляютъ дамы.

— O, c'est une tête bien organisée!—замѣчаютъ мужчины, принимая дипломатическій видъ:—ça fera son chemin dans le monde... surtout si les dames s'y prennent...

И вотъ пошелъ дилетантъ гулять по свѣту съ готовою репутаціей!.. Но къ дѣлу.

Какъ дитя благовоспитанное и благородное, Володя, несмотря на увлеченіе, которому поддался наравнѣ съ прочими, не могъ, однакожъ, не вспоминать родительскихъ наставленій, тѣмъ болѣе, что родители обращались съ нимъ не столько какъ съ рабомъ, сколько какъ съ милымъ ребенкомъ, имѣющимъ чувствительное сердце. Это дало имъ право на полную благодарность съ его стороны. Ему было всегда такъ весело, что родители у него такіе миленькіе, чистенькіе родители, что папà отчасти даже вольтерьянецъ, un tout petit peu, и вообще сочувствуютъ порывамъ, а maman всегда такъ мило одѣта, toujours causante, affable. Поэтому-то онъ изъ всѣхъ силъ хлопоталъ и бился о томъ, чтобы какъ-нибудь согласить нѣсколько старческій скептицизмъ папаши, по какому-то странному обстоятельству легко мирившійся и съ авторитетомъ, и съ субординаціей, и съ автономическими стремленіями школьнаго кружка, въ которомъ онъ поневолѣ вращался.

Тогда произошелъ въ Володѣ тотъ разладъ, который необходимо происходитъ въ дѣтяхъ благовоспитанныхъ, имѣющихъ несчастіе долгое время тереться между дѣтьми сапожниковъ и другихъ господъ прискорбно-огорченнаго свойства.

Съ одной стороны, не подлежало сомнѣнію, что въ душѣ его укоренились тѣ общія и нѣсколько темныя начала, которыя заставляютъ человѣка съ уваженіемъ смотрѣть на всякій подвигъ добра и истины, на всякое стремленіе къ общему благу. Но, съ другой стороны, рядомъ съ этими убѣжденіями воспиталось въ немъ и другое чувство—чувство исключительности, заставлявшее его думать, что цивилизація, со всѣми ея благами и плодотворными послѣд-

Digitized by Google

ствіями, можетъ принадлежать въ полную собственность лишь ему и другимъ Буеракинымъ. Поэтому если онъ и ладилъ съ школьною молодежью, которая, по обыкновенію, густою толпой окружала благовиднаго и богатаго барича, то тайныя, живыя его симпатіи стремились совсѣмъ не къ ней, а къ господамъ Буеракинымъ, которые близки были его сердцу и по воспитанію, и по тѣмъ стремленіямъ къ обще-буеракинскому обновленію, которое они считали необходимымъ для поправленія буеракинскихъ обстоятельствъ. Въ сущности, Владиміръ Константинычъ былъ весьма близко къ своему папà, по пословицѣ: «отъ свиньи не родятся бобрёнки, а все поросенки». Въ немъ обрѣтался тотъ же дилетантизмъ, то же безсиліе къ чему-нибудь опредѣленному и положительному; только формы были нѣсколько мягче и общедоступнѣе.

Въ то время, какъ я познакомился съ нимъ, ему было уже лѣтъ тридцать и онъ обладалъ приличною помѣщичьему званію тучностью. Папà его давно лежалъ уже въ могилѣ; maman тоже вскорѣ послѣдовала за своимъ супругомъ. Оба они покоились рядышкомъ подъ великолѣпными памятниками на кладбищѣ села Заовражья. Нельзя сказать, чтобы Владиміръ Константинычъ, принявъ въ свои руки кормило правленія, не старался сдѣлаться полезнымъ для своихъ крестьянъ, но роль благодѣтельнаго и просвѣщеннаго помѣщика не далась ему. Самъ ли онъ былъ съ изъянцемъ, или крестьяне у него оказались оболтусами—неизвѣстно; но онъ долженъ былъ оставить административныя поползновенія свои. Въ результатѣ оказалось, что, живучи въ деревнѣ, онъ достигъ только того, что обрюзгъ и страшно облѣнился, не выходя по цѣлымъ днямъ изъ халата.

— Насилу-то васъ занесло въ нашу сторону!—сказалъ онъ, протягивая мнѣ обѣ руки.—А я было не на шутку начиналъ думать, что становые ведутъ себя примѣрно.

— Какую же связь имѣетъ мой пріѣздъ къ вамъ съ поведеніемъ становыхъ?

Digitized by Google

— Ну, не хитрите, не скрывайтесь же, милѣйшій мой Немвродъ, велій ловецъ становыхъ предъ губернаторомъ! Развѣ мы не знаемъ, зачѣмъ вы въ наши страны жалуете!

И онъ началъ похаживать по комнатѣ, посматривая на меня и улыбаясь нѣсколько иронически.

— Ну, славу Богу, кажется, все обстоитъ по-старому!— продолжалъ онъ, весело потирая руки.—Немвродъ въ движеніи—стало-быть, хищные звѣри не оставили проказъ своихъ... Ну, а признайтесь, вы, вѣрно, на ловлю собрались?

Я сознался.

— То-то же; я на это имѣю ужъ взглядъ... А знаете ли, вѣдь вы отличнѣйшій человѣкъ... Это я вамъ говорю безъ комплиментовъ...

Я поблагодарилъ.

— Только жаль, что донкихотствуете,—прибавилъ онъ.

— Это почему?

— Да потому, что вотъ задумали всѣхъ блохъ переловить... Сами согласитесь, что вѣдь на это порошокъ такой нуженъ и что съ одними пальцами, какъ бы они ни были прытки, тутъ не уѣдешь далеко... А ну, покажите-ка мнѣ вашъ порошокъ!

— Я дѣлаю, что могу,—возразилъ я.

— То-то что могу! Вотъ вы одну какую-нибудь крохотную блошинку изловите, да и кричите, что мочи есть, что вотъ, дескать, одной блошицей меньше, а того и не видите, что на то самое мѣсто сотни другихъ блохъ изъ нечистоты выскакиваютъ... Такое ужъ, батюшка, удобное для этой твари мѣсто.

— Согласитесь, однакожъ, что если бы всѣ смотрѣли на это такъ же равнодушно, какъ вы смотрите; если бъ никто не начиналъ, а всѣ ограничивались только разговорцемъ, то куда жъ бы дѣваться отъ блохъ?

— Такъ вы серьезно вѣрите въ злодѣевъ, вѣрите въ злоупотребленія? — спросилъ онъ, останавливаясь передо мной.

Digitized by Google

— Какъ нельзя болѣе серьезно.

— И думаете, что всѣ эти дѣйствія, которыя вы называете злодѣйствами и злоупотребленіями, что вся эта галиматья, однимъ словомъ, проникнута какою-нибудь идеей, что къ ней можно примѣнить принципъ «вмѣненія»?

— Да.

— Да это потѣха, и вы истинно наивный молодой человѣкъ; я очень желалъ бы, чтобъ вы покороче сошлись съ нашимъ милѣйшимъ Иваномъ Демьянычемъ, чтобы вы лично удостовѣрились, какъ онъ кротко пьетъ водку, какъ благодушно съ вами бесѣдуетъ, какъ онъ не знаетъ, чѣмъ угостить, гдѣ усадить васъ... А между тѣмъ не безызвѣстно и вамъ, господинъ губернскій чиновникъ, что тотъ же самый Иванъ Демьянычъ съ удовольствіемъ и совершенно спокойною совѣстью обереть до тла добродушнаго субъекта, который попадется ему въ вершу... И вы называете преступникомъ этого прекраснѣйшаго отца семейства, этого добродѣтельнаго гражданина?

— А вольно же ему ставить верши!

— А ставитъ онъ ихъ потому, что такъ инстинктъ ему велитъ: ставитъ потому, что онъ животное плотоядное... Слыхали вы когда-нибудь о танцѣ, называемомъ «комаринскою»?

— Слыхалъ.

— Это такой, сударь, танецъ, въ которомъ ни связи, ни системы, ни смысла ни подъ какимъ видомъ добиться нельзя. Развѣ можете дать себѣ отчетъ, почему онъ танцуется такъ, а не иначе? Точно такимъ же образомъ течетъ и жизнь Ивана Демьяныча: онъ не умствуетъ, не заносится, танцуетъ себѣ комаринскую, покуда ноги носятъ. И какимъ образомъ, спрашиваю я васъ, прекратите вы этотъ танецъ, если онъ въ нравахъ, если въ воздухѣ есть что-то располагающее къ нему? Ну, положимъ, вы его остановили, вы размяли ему надлежащимъ образомъ руки и ноги, научили становиться въ пятую позицію, дѣ-

Digitized by Google

лать chassé en avant, pas de cosaque и проч. Но что же изъ этого? Выпустили вы его изъ-подъ вашей ферулы, смотрите—а онъ опять отплясываетъ комаринскую... Такъ-то, мой милѣйшій!

Разговоръ этотъ, однакоже, тяготилъ меня.

— Ну, а вы что подѣлываете?—спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія, чтобы перемѣнить тему.

— Да вотъ какъ видите. Лѣнюсь и отчасти мечтаю о томъ, какъ вы, бѣдняги, люди молодые и здоровые, желаете луну съ неба селитреною кислотой свести, душу станового наизнанку вывороти́ть, какъ вы черненькое хотите сдѣлать сѣренькимъ, и какъ это черненькое изо всѣхъ силъ протестуетъ противъ вашихъ администраторскихъ поползновеній.

— Это занятіе очень милое,—сказалъ я:—дѣйствительно, оно легче, если я буду въ халатикѣ похаживать да показывать добрымъ людямъ, какіе у меня зубы бѣлые, нежели дѣло дѣлать.

— А что вы думаете? И въ самомъ дѣлѣ, показывать зубы весело, особливо если они бѣлые и вострые... Всѣ смотрятъ на тебя и думаютъ: о, этому господину не попадайся на зубы—какъ разъ раскуситъ! Это я на себѣ испыталъ! Знаете ли вы, что я здѣсь слыву за отмѣнно злого и, слѣдовательно, за отмѣнно умнаго человѣка?

— Знаю... что жъ, это и справедливо... отчасти...

— Вы мнѣ льстите. Я вамъ скажу, напротивъ, что я отмѣнно добрый, и хотя дѣйствительно не совсѣмъ глупый, но совершенно негодный человѣкъ... Знаете ли вы, чѣмъ я занимаюсь?..

— Нѣтъ, но догадываюсь...

— Напримѣръ?

— А вотъ похаживаете изъ угла въ уголъ и думаете, что кругомъ васъ все такъ скверно, такъ растлѣнно, такъ неопрятно, что никакая панацея этого ни измѣнить, ни исправить не можетъ.

Digitized by Google

— Угадали. Но отъ васъ ускользнули нѣкоторыя подробности, которыя я и постараюсь объяснить вамъ. Первое дѣло, которымъ я занимаюсь,—это мое искреннее желаніе быть благодѣтельнымъ помѣщикомъ. Это дѣло не трудное, и я достигаю достаточно удовлетворительныхъ результатовъ, коль скоро какъ можно менѣе вмѣшиваюсь въ дѣла управленія. Вы, однакожъ, не думайте, чтобъ я поступалъ такимъ образомъ изъ безпечности или преступной лѣности. Нѣтъ, у меня такое глубокое убѣжденіе въ совершенной ненужности вмѣшательства, что и управляющій мой существуетъ только для вида, для очистки совѣсти, чтобъ не сказали, что овцы безъ пастыря ходятъ... Поняли вы меня?

— Ну, тутъ еще не много работы...

— Больше, нежели вы предполагаете... Однакожъ, въ сторону это. Вы не можете себѣ вообразить,—вы, человѣкъ дѣятельный, вы, нашъ Немвродъ, сколько страшной, разнообразной дѣятельности представляетъ лѣнь. Вамъ кажется вотъ, что я, въ халатѣ, хожу безполезно по комнатѣ, иногда насвистываю итальянскую арію, иногда поплевываю, и что все это, взятое въ совокупности, составляетъ то состояніе души, которое вы, профаны, называете праздностью.

— Почти что такъ,—замѣтилъ я мимоходомъ.

— Вы меня извините, но вы глубоко заблуждаетесь. Все это происходитъ отъ вашей близорукости, оттого, что вы, господа Немвроды, не умѣете читать за строками, что васъ поражаетъ только то, что хлещетъ вамъ прямо въ глаза. Вы не въ состояніи понять, что никогда дѣятельность души не бываетъ такъ напряженно сильна, какъ въ то время, когда я сплевываю или мурлыкою подъ носъ арію: *oh, per chè non posso odiar ti!* Вы не можете постигнуть, какая страшная работа происходитъ тогда во мнѣ, какія смѣлыя утопіи, какія удивительнѣйшія панацеи рождаются въ моемъ возбужденномъ воображеніи. Вы—люди практическіе и, слѣдовательно, ограниченные; вамъ бы вотъ только блоху поймать да и сжечь ее на свѣчкѣ; вы даже не хотите посмо-

Digitized by Google

трѣть, какъ она дрыгаетъ ножками, палимая огнемъ, потому что вдали мелькаетъ передъ вами другая блоха, которую вамъ также настоитъ изловить... Ну, а мы — люди мысли, люди высшихъ взглядовъ и общихъ соображеній,— мы смотримъ на это дѣло иначе: насъ занимаютъ міровыя задачи... Такъ-то-съ!

Послѣднія слова онъ произнесъ не безъ ироніи.

— И вы не можете себѣ представить. — продолжалъ онъ:—какая втягивающая, почти одурманивающая сила заключается въ этой лѣни! Ходишь этакъ по комнатѣ, ходишь цѣлый день, а мысли самыя милыя, самыя разнообразныя такъ и роятся, такъ и роятся въ головѣ... Иная даже какъ-то особенно пристанетъ къ тебѣ, словно вотъ пчела жужжитъ, да такъ сладко, такъ успокоительно. Ну, и доволенъ, да еще такъ доволенъ, что на пріѣздъ посторонняго—я не говорю этого объ васъ—смотришь какъ на что-то въ родѣ наказанія... Знаете, я все добиваюсь, нельзя ли какъ-нибудь до такого состоянія дойти, чтобъ внутри меня все въ конецъ успокоилось, чтобъ и кровь не волновалась, и душа чтобъ переваривала только тѣ милые образы, тѣ кроткія ощущенія, которыя она самодѣятельно выработала... вы понимаете? — чтобъ этого внѣшняго міра съ его прискорбіемъ не существовало вовсе, чтобъ я самъ былъ авторомъ всѣхъ своихъ радостей, всей своей внутренней жизни... Какъ вы думаете, достигну я этого?

— Но позвольте мнѣ замѣтить, — сказалъ я: — блаженствомъ, котораго вы такъ добиваетесь, обладаютъ очень многіе...

— Сумасшедшіе, хотите вы сказать?.. Договаривайте, не краснѣйте! Но кто же вамъ сказалъ, что я не хотѣлъ бы не то чтобъ съ ума сойти—это непріятно,—а быть сумасшедшимъ? По моему искреннему убѣжденію, смерть и сумасшествіе—двѣ самыя завидныя вещи на свѣтѣ, и когда-нибудь я попотчую себя этимъ лакомствомъ. Смерть я не могу себѣ представить иначе, какъ въ видѣ состоянія слад-

Digitized by Google

кой мечтательности, состоянія грёзъ и несокрушимаго довольства самимъ собой, продолжающагося цѣлую вѣчность... Я понимаю иногда Вертера.

Пріятель мой началъ ходить большими шагами по комнатѣ, и лицо его дѣйствительно приняло какое-то болѣзненно-довольное выраженіе.

— Знаете ли вы, какой предметъ занималъ меня передъ вашимъ пріѣздомъ?—спросилъ онъ, останавливаясь передо мной.—Бьюсь объ закладъ, что ни за что въ свѣтѣ не угадаете.

— Очень можетъ быть.

— Да; а между тѣмъ вещь очень простая. Вотъ теперь у насъ конецъ февраля и начинается оттепель. Я хожу по комнатѣ, посматриваю въ окошко, и вдругъ мысль озаряетъ мою голову. Что такое оттепель? спрашиваю я себя. Задача не хитрая, а занимаетъ меня цѣлыя сутки.

Оттепель—говорю я себѣ—возрожденіе природы; оттепель же—обнаженіе всѣхъ навозныхъ кучъ.

Оттепель—съ горъ ручьи бѣгутъ: бѣгутъ, по выраженію народному, чисто, непорочно; оттепель же — стекаются съ заднихъ дворовъ всѣ нечистоты, всѣ гнусности, которыя скрывала зима.

Оттепель—воздухъ наполненъ благоуханіемъ весны, ароматами всѣхъ злаковъ земныхъ, весело возстающихъ къ жизни отъ полугодового оцѣпенѣнія; оттепель же—всѣ міазмы, всѣ гнилыя испаренія, поднимающіяся отъ помойныхъ ямъ... И все это: и міазмы, и благоуханія — все это стремится вверхъ, къ одному и тому же небу!

Оттепель — полное томительной нѣги пѣніе соловья, задумчивый свистъ иволги, пробужденіе всѣхъ звуковъ, которыми наполняется Божій міръ, какъ будто ищетъ и рвется природа вся въ звукахъ излиться послѣ долгаго насильственнаго молчанія; оттепель же—карканье вороны, наравнѣ съ соловьемъ радующейся теплу.

Оттепель—пробужденіе въ самомъ человѣкѣ всѣхъ слад-

Digitized by Google

кихъ тревогъ его сердца, всѣхъ лучшихъ его побужденій; оттепель же—возбужденіе всѣхъ животныхъ его инстинктовъ.

Вѣдь это, батюшка, почти стихи выходятъ!

Вы скажете, что меня занимаютъ пустые вопросы, но объясните мнѣ на милость: вы-то, вы-то рѣшеніемъ какихъ міровыхъ задачъ занимаетесь? Я, по крайней мѣрѣ, изощряю свои діалектическія способности, у меня, слѣдовательно, есть самостоятельная дѣятельность; ну, а вы что? Строчите бумаги, ѣздите по губерніи, ловите блохъ; но какъ вы тамъ не разглагольствуйте о разныхъ высшихъ взглядахъ, а все это дѣлается у васъ безъ всякаго участія мысли, машинально, совершенно независимо отъ вашихъ убѣжденій. Для васъ это ли дѣлать, въ карты ли играть—все одно! Ну, не во сто ли, не въ тысячу ли кратъ моя участь завиднѣе вашей, а моя дѣятельность полезнѣе вашей? Я, по крайней мѣрѣ, хожу, гляжу въ окно, умиляюсь, размышляю... Въ недавнее время вотъ точно такимъ же образомъ я разрѣшалъ вопросъ о томъ, что было бы, если бъ вмѣсто болота, которое тянется, какъ вамъ извѣстно, сзади моей усадьбы, вдругъ очутился зеленый лугъ, покрытый душистыми и сочными травами?.. И вышли соображенія довольно оригинальныя и даже, можно сказать, философическія...

— Любопытно было бы знать ихъ.

— Теперь не время, а впослѣдствіи я не отказываюсь объяснить ихъ вамъ... Въ настоящее время я хотѣлъ вамъ доказать только ту истину, что, несмотря на мою кажущуюся лѣность и безпечность, я работаю отнюдь не менѣе, нежели вы, люди практическіе, и если результаты моихъ невинныхъ работъ незамѣтны, то и ваши усилія не приносятъ плодовъ болѣе обильныхъ... Хотите водки?

— Пожалуй.

— Эй, Павлуша! Отчего ты водку не подаешь? Развѣ не видишь, чиновникъ наѣхалъ?

Павлуша засмѣялся.

— Чему ты смѣешься?

Digitized by Google

— Да развѣ они чиновники?

— Ты неразвитъ еще, Павлуша! Ты думаешь, что чиновникъ непремѣнно долженъ быть дикобразъ... Вы его извините!

Павлуша вышелъ.

— А странный народъ эти чиновники!—продолжалъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ.—Намедни пріѣхалъ ко мнѣ нашъ исправникъ. Сталъ я съ нимъ говорить... вотъ какъ съ вами. Слушалъ онъ меня, слушалъ, и все не отвѣчаетъ ни слова. Подали водки; онъ выпилъ, закусилъ и опять выпилъ, и вдругъ его озарило наитіе: «Какой, говоритъ, вы умный человѣкъ, Владиміръ Константинычъ! Отчего бы вамъ не служить?» Вотъ и вы, какъ выпьете, можетъ-быть, тотъ же вопросъ сдѣлаете.

— Ну, а кромѣ шутокъ, отчего вы не служите?

— А позвольте васъ спросить, почему вы такъ смѣло полагаете, что я не служу?

— Да потому, что не служите—вотъ и все.

— А въ такомъ случаѣ позвольте вамъ доказать совершенно противное. Во-первыхъ, я каждый мѣсяцъ посылаю становому четыре воза сѣна, двѣ четверти овса и куль муки—слѣдовательно, служу; во-вторыхъ, я ежегодно жертвую десять цѣлковыхъ на покупку учебныхъ пособій для уѣзднаго училища — слѣдовательно, служу; въ-третьихъ, я ежегодно кормлю крутогорское начальство, когда оно благоволитъ заѣзжать ко мнѣ по случаю ревизіи — слѣдовательно, служу; въ-четвертыхъ, я никогда не позволяю себѣ сказать г. исправнику, когда онъ взялъ взятку, что онъ взятки этой не взялъ — слѣдовательно, служу; въ-пятыхъ... но какъ могу я объяснить въ подробности всѣ манеры, которыми я служу?!

— Однако, это легкая манера служить...

— Вы думаете? Это все зависитъ отъ взгляда. Я самъ убѣжденъ, что легкая, но не для всякаго. У васъ въ Крутогорскѣ есть господинъ — онъ тоже чиновникъ, — котораго

Digitized by Google

физіономія напоминаетъ мнѣ добродушно-насмѣшливое лицо Крылова. Вся служба этого чиновника — или, по крайней мѣрѣ, полезнѣйшая часть ея — состоитъ, кажется, въ томъ, что когда мимо его проходитъ кто-нибудь изъ вашихъ губернскихъ аристократовъ, во всемъ величіи, свойственномъ индѣйскому пѣтуху, онъ вполголоса произноситъ ему вслѣдъ только два слова: «хоть куда!» — но этими двумя словами онъ приноситъ обществу неоцѣненную услугу. Во-первыхъ, эти слова очищаютъ воздухъ отъ тлетворныхъ испареній, которыя оставляетъ за собой губернскій аристократъ, а во-вторыхъ, они огорошиваютъ самого аристократа, который поспѣшно подбираетъ распущенный хвостъ и изъ нахальнаго индюка становится хоть на время скромною индѣйкой... Однимъ словомъ, это именно полезнѣйшій сортъ чиновника, потому что дѣйствительно и положительно смягчаетъ нравы и искореняетъ дикость!.. Итакъ, за здоровье крутогорскаго Крылова и всѣхъ чиновниковъ, подобно ему служащихъ обществу безкорыстно и нелицепріятно! — продолжалъ Буеракинъ, выпивая рюмку водки.

Я тоже выпилъ.

— Эту фанаберію, то-есть жажду практической дѣятельности,—продолжалъ онъ, — долго носилъ и я въ своей головѣ—и бросилъ. Такой ужъ у меня взглядъ на вещи, что я не желаю ничѣмъ огорчаться и алкаю проводить дни свои въ спокойствіи. Другой на моемъ мѣстѣ помчался бы по первопуткѣ въ Петербургъ, а я сижу въ Заовражьѣ, и совсѣмъ не потому, что желаю подражать Юлію Цезарю; другой читалъ бы книжки, а я не читаю; другой занялся бы хозяйствомъ, а я не занимаюсь; другой бы женился, а я не женюсь... А вѣдь я не совсѣмъ-таки еще старъ, чтобы ужъ тово...

— Такъ, напустили на себя дурь,—замѣтилъ я:—выдумали, что вамъ надоѣло, да и все тутъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, господинъ Немвродъ. Это вы справедливо замѣтили, что я выдумалъ. Но если вы-

Digitized by Google

думка моя такъ удачна, что точка въ точку приходится по мнѣ, то полагаю, что не лишенъ же я на нее права авторской собственности... А! Пашенька-съ! и вы тоже вышли подышать весеннимъ воздухомъ! — прибавилъ онъ, отворяя форточку.—*Знать, забило сердечко тревогу!*

Я тоже подошелъ къ окну. На крыльцѣ флигеля сидѣла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, но такая хорошенькая, такая умница, что мнѣ стало до крайности завидно, что какой-нибудь дряблый Буеракинъ можетъ каждый день любоваться ея веселымъ, умнымъ и свѣжимъ личикомъ, а я не могу.

— Ваша?—спросилъ я.

— Дочь моего кучера. Желаете познакомиться? По этому случаю я вамъ предварительно анекдотъ разскажу. Былъ у меня товарищъ, по фамиліи господинъ Крутицынъ, добрякъ ужаснѣйшій, но простоватъ, до непристойности безобразенъ и при этомъ влюбчивъ какъ жаба—все бы ему этакъ около юбочекъ. Вотъ и сыгралъ же съ нимъ штуку другой товарищъ, Прозоровъ, тоже малый простодушнѣйшій, но побойчѣе. Увѣрили Крутицына, что къ Прозорову пріѣхала сестра, богатая наслѣдница, которая до того влюблена въ него, Крутицына, что его только и спитъ и видитъ. Устроили нарочно обѣдъ, чтобъ доставить случай любовникамъ видѣться, и одѣли крѣпостную дѣвку Прозорова барышней. Нужно было видѣть, какъ разсыпался передъ ней Крутицынъ! Эта комедія продолжалась около часа, и когда ужъ всѣмъ надоѣло забавляться, посреди самыхъ краснорѣчивыхъ объясненій Крутицына, вдругъ раздался голосъ хозяина. «Ну, будетъ, Акулька! маршъ въ дѣвичью!» Завѣряю васъ, что на нашихъ глазахъ Крутицынъ поглупѣлъ на полъаршина.

— Да, анекдотъ недуренъ.

— А что вы думаете? Вы не обижайтесь, а, право, и съ вами можно бы такую штуку сыграть, хоть вы и не Кру-

Digitized by Google

тицынъ... Пашенька! бѣгите-ка сюда поскорѣй: я вамъ жаръ-птицу покажу!

Послѣдовало нѣсколько секундъ молчанія.

— А знаете ли, отличная вещь быть помѣщикомъ! — обратился онъ ко мнѣ.—Какъ подумаешь этакъ, что у тебя всего вдоволь, всякаго, что̀ называется, злаку, такъ даже разслабнешь весь—такъ оно пріятно!

И онъ дѣйствительно опустился въ вольтеровское кресло,— будто ослабъ.

— А впрочемъ, и то сказать, какіе мы помѣщики! Вотъ у васъ, въ Крутогорскѣ, я видѣлъ господина — это помѣщикъ! Коли хотите, крѣпостныхъ у него нѣтъ, а станетъ онъ этакъ у окошечка—анъ у него въ садикѣ арестантики работаютъ: грядки полютъ, бесѣдки строятъ, дорожки чистятъ, цвѣточки сажаютъ... Посмотритъ онъ на эту идиллію и пригорюнится. Подойдетъ къ нему супруга, подползутъ ребятишки, малъ-мала-меньше... «Какъ хорошъ и свѣтелъ Божій міръ!»—воскликнетъ Михайло Степанычъ.—«И какъ отдѣланъ будетъ нашъ садикъ, душечка!»—отвѣчаетъ супруга его. — «А у папки денески все валёванныя!» — кричитъ старшій сынишка, родъ enfant terrible, котораго какой-то желчный господинъ научилъ повторять эту фразу.—«Цыцъ, пострѣленокъ!»—кричитъ Михайло Степанычъ, внезапно пробужденный отъ идиллическаго сновидѣнія... А вотъ онъ и не помѣщикъ!

Въ это время Пашенька вбѣжала въ комнату, и, какъ видно, застѣнчивость не была однимъ изъ ея привычныхъ качествъ, потому что она, не ожидая приглашенія, усѣлась въ кресло съ тою же непринужденностью, съ какою сидѣла на крыльцѣ.

— Пашенька!—сказалъ Буеракинъ:—извѣстно ли вамъ, отчего у насъ на дворѣ сегодня птички поютъ, а съ крышъ капель льется? Неизвѣстно? Такъ знайте же: оттого такъ тепло въ мірѣ, оттого птички радуются, что вотъ господинъ Щедринъ пріѣхалъ, тотъ самый господинъ Щедринъ, кото-

Digitized by Google

рый сердца становыхъ смягчаетъ и вселяетъ въ непремѣнномъ засѣдателѣ внезапное отвращеніе къ напитку!

— Какой вы все вздоръ говорите!—сказала Пашенька.— Какіе тамъ еще становые!

— Но нужно же вамъ знать, Пашенька, кто такой господинъ Щедринъ... Посудите сами!

— Извѣстно, чиновники...

— Конечно, чиновники! Но разные бываютъ, Пашенька, чиновники! Вотъ, напримѣръ, Иванъ Демьянычъ *) чиновники и господинъ Щедринъ чиновники. Только Иванъ Демьянычъ въ передней водку пьетъ и закусываетъ, а господинъ Щедринъ исполняетъ эту потребность въ собственномъ моемъ кабинетѣ. Поняли вы, Пашенька?

— А зачѣмъ же вы ихъ пускаете, если они чиновники?

— Нельзя, Пашенька! Они вотъ въ Крутогорскъ поѣдутъ, его превосходительству насплетничаютъ, что, молъ, вотъ, ваше превосходительство, живетъ на свѣтѣ господинъ Буеракинъ—опаснѣйшій человѣкъ-съ, такъ не худо бы господина Буеракина сцапцарапать-съ. «Что жъ, скажетъ его превосходительство: если онъ подлинно опасный, такъ сцапцарапать его теперича можно».

— Да и то бы пора: все глупости говорите.

— Ну, а вы, моя умница, что сегодня дѣлали?

— А какія мои дѣла? Встала, на кухню сбѣгала, съ теткой Анисьей побранилась; потомъ на конюшню пошла—нельзя: Ваньку-косача наказываютъ...

— Вы, кажется, заврались, душенька?

— А что мнѣ врать? Извѣстно, наказываютъ....

— И у васъ, кажется, свой enfant terrible есть, какъ у Михайла Степаныча!—сказалъ я.

Буеракинъ сконфузился.

— Потомъ домой пошла,—продолжала Пашенька:—не крылечкѣ посидѣла, да и къ вамъ пришла... Да ты что

*) См. очеркъ: «Порфирій Петровичъ».

Digitized by Google

меня все разспрашиваешь?.. Ты лучше пѣсенку спой. Спой, голубчикъ, пѣсенку!

— Такъ вотъ вы каковы, Владиміръ Константинычъ,— сказалъ я:—и пѣсенки поете!

Буеракинъ покраснѣлъ пуще прежняго.

— Да ты никакъ застыдился, баринъ?—продолжала приставать Пашенька.

Но Буеракинъ молчалъ.

— А еще говоришь, что любишь! Нѣтъ, вотъ наша Арапка, такъ та точно меня любитъ!.. Арапка! Арапка!— кликнула она, высовываясь въ форточку.

Арапка завиляла хвостомъ.

— Любишь меня, Арапка? любишь, черномазая? Вотъ ужо хлѣбца Арапкѣ дамъ...

— А хотите, я вамъ спою пѣсенку?—спросилъ я.

— А пой, пожалуй! Мнѣ что за надобность!

— Какъ что за надобность! Вѣдь вы сейчасъ просили Владиміра Константиныча спѣть пѣсню...

— Да то *баринъ!* Онъ вотъ никому пѣсенъ не поетъ, а мнѣ поетъ... *Баринъ* пѣсни поетъ!

Сцена эта, видимо, тяготила Буеракина.

— Ну, полно же, полно, дурочка!—сказалъ онъ, стараясь улыбнуться, а въ самомъ дѣлѣ изображая своими устами гримасу довольно кислаго свойства.

Павлуша, вошедшій съ докладомъ о приходѣ старосты, выручилъ его изъ затрудненія.

— А! здравствуй, братъ! здравствуй, Абрамъ Семенычъ! Давненько не изволили къ намъ жаловать! Ну, какъ дѣла?

Пашенька скрылась.

— Да что, батюшка, совсѣмъ намъ туточки жить стало невозможно.

— А что?

— Да больно ужъ нѣмецъ осерчалъ: сѣчетъ всѣхъ поголовно, да и вся недолга! «На то, говоритъ, и сидѣнье у тебя, чтобъ его стегать»... Помилосердуйте!

Digitized by Google

— Странно!

— Я ему говорилъ тоже, что, молъ, насъ и баринъ николи изъ своихъ ручекъ не жаловалъ, а ты, молъ, колбаса, поди какѳ дѣло завелъ, надъ христіанскимъ тѣломъ наругаться! Такъ онъ пуще еще осерчалъ, меня за бороду при всемъ мірѣ оттаскалъ: «Я, говоритъ, всѣхъ васъ издеру! Мнѣ, говоритъ, не указъ твой баринъ! Баринъ-то, молъ, у васъ словно ребенокъ малый, не смыслитъ!»

— А онъ не пьянъ, Абрамъ Семенычъ?

— Коли бы пьянъ! Только тѣмъ и пьянъ, стало-быть, что съ ручищамъ своимъ совладать не можетъ... Совсѣмъ ужъ мужикамъ неспособно стало!.. Пожалуй, и ушибетъ кого ненарокомъ; съ исправникомъ-то и не раздѣлаешься въ ту пору.

— Ну, хорошо, Абрамъ Семенычъ! За это я тебѣ благодаренъ, что ты ко мнѣ откровенно... Ступай, пошли за Ѳедоромъ Карлычемъ, а самъ обожди въ передней.

— Какъ же вы говорите, что у васъ управляющій только для вида? — сказалъ я, когда Абрамъ Семенычъ вышелъ изъ комнаты.

— Да, я съ тѣмъ нанималъ его... да что прикажете дѣлать? Самолюбивъ, каналья. Безпрестанныя эти... превышенія власти—такъ, кажется, у васъ называются?

— Да.

— То выпоретъ, что называется, вплотную, сколько влѣзетъ, то зубы расшибетъ... Того и гляди, полиція пронюхаетъ—ну, и опять расходъ... Ахъ ты, Господи!

Говоря это, Владиміръ Константинычъ дѣйствительно озирался, какъ будто бы полиція гналась по пятамъ его и съ минуты на минуту готова была настичь.

— Ужъ я ему нѣсколько разъ повторялъ, — продолжалъ онъ встревоженнымъ голосомъ: — чтобъ былъ осторожнѣе, въ особенности насчетъ мордасовъ, а онъ все свое: «Во-первыхъ, говоритъ, у мужичка въ сидѣньи истома и геморрой, если не тово... а во-вторыхъ, говоритъ, я ужъ

Digitized by Google

двадцать лѣтъ имѣньями управляю, и безъ этого дѣло не обходилось, и вамъ учить меня нечего!..» Право, такъ вѣдь и говоритъ въ глаза! Такая грубая шельма!

— Отчего жъ вы его не смѣните?

— Нѣсколько разъ предлагалъ, да нейдетъ! То у него, какъ нарочно, Амальхенъ напослѣдяхъ ходитъ, то изъ дѣтокъ кто-нибудь... Ну, и оставишь изъ жалости... Нѣтъ, это вѣрно ужъ предопредѣленіе такое!

Буеракинъ махнулъ рукой.

— А вѣдь мизерный-то какой! Я разъ, знаете, собственными глазами изъ окна видѣлъ, какъ онъ тамъ распоряжаться изволилъ... Привели къ нему мужика чуть не въ сажень ростомъ; такъ онъ достать-то его не можетъ, такъ даже подпрыгиваетъ отъ злости... «Нагибайся!» кричитъ. Насилу его уняли!..

— А староста у васъ каковъ?

— Онъ у меня по выбору...

— Зачѣмъ же вы ему не поручите управленія, если онъ человѣкъ хорошій?

— Да все, знаете, говорятъ, свой глазъ нуженъ... Вотъ и навязали мнѣ этого нѣмца.

— Ѳедоръ Карлычъ пришли!—доложилъ Павлуша.

Вошелъ маленькій человѣкъ, очень плѣшивый и, повидимому, очень наивный. По-русски выражался онъ довольно грамотно, но никакъ не могъ овладѣть буквою *л* и сверхъ того *наперсника* называлъ *соперникомъ*, и наоборотъ.

— А! Ѳедоръ Карлычъ!—сказалъ Буеракинъ.—Ну, каково, mein Herr, поживаете, каково прижимаете? Какъ Амалія Ивановна въ *ихнемъ* здоровьи?

— Gut, sehr gut.

— Это хорошо, что гутъ, а вотъ было бы скверно, кабы нихтъ гутъ... Не правда ли, Ѳедоръ Карлычъ?

Буеракинъ видимо затруднялся приступить къ дѣлу. Я взялся-было за фуражку, чтобъ оставить ихъ вдвоемъ, но Владиміръ Константинычъ бросился удерживать меня.

Digitized by Google

— Нѣтъ, вы, пожалуйста...—шепталъ онъ мнѣ торопливо:—вы не оставляйте меня въ эту критическую минуту!

Я остался.

— Ну, такъ какъ же, Ѳедоръ Карлычъ, кофеекъ попиваемъ? а?

— На все свое время,—отвѣчалъ Ѳедоръ Карлычъ.

— Да, да; это правда... Нѣмцы, знаете, народъ пунктуальный; во всемъ имъ порядокъ нуженъ...

— Вамъ угодно было меня видѣть? — перебилъ Ѳедоръ Карлычъ сухо.

— Да. Знаете, Абрамъ Семеновъ, вашъ *соперникъ*...

Абрамъ Семеновъ, наскучивъ дожидаться въ передней, вошелъ въ это время въ комнату.

— Я ужъ распорядился,—сказалъ Ѳедоръ Карлычъ.

— То-есть, какъ же вы распорядились?

— Онъ весьма требуетъ розга,—отвѣчалъ Ѳедоръ Карлычъ хладнокровно:—розга и получитъ...

— Нѣтъ, ужъ это, видно, отдумать надобно,—замѣтилъ Абрамъ Семенычъ, злобно мотая головой, но какъ-то сомнительно улыбаясь.

— Розга и получитъ,—повторилъ Ѳедоръ Карлычъ твердымъ и мягкимъ голосомъ.

— Однако, за что же?—проговорилъ Буеракинъ, видимо смущенный рѣшительнымъ тономъ нѣмца.

— Онъ меня «колбаса» сказалъ!—угрюмо сказалъ Ѳедоръ Карлычъ.

— Это ужъ больно что-то тово, — разсуждалъ Абрамъ Семенычъ:—размашистъ сталъ оченно... Это, братъ-колбаса, больно ужъ вольготно тебѣ будетъ, коли начальниковъ стегать станешь.

— Онъ получитъ розга,—повторилъ Ѳедоръ Карлычъ.

— Однакожъ, согласитесь сами, мой почтеннѣйшій,—сказалъ Буеракинъ: — развѣ пріятно было бы, напримѣръ, вамъ, если бъ, по чьему-нибудь крайнему убѣжденію, розга эта слѣдовала вашей особѣ?

Digitized by Google

— О, если я заслужилъ—очень пріятно!

— Que voulez-vous que je fasse? — обратился ко мнѣ Буеракинъ:—ce n'est pas un homme, c'est une conviction, voyez-vous!

Ѳедоръ Карлычъ стоялъ совершенно безстрастно, не шевеля ни однимъ мускуломъ.

— Нѣтъ, ужъ это оченно что-то размашисто будетъ! — повторилъ Абрамъ Семенычъ, но какимъ-то слабымъ голосомъ. Очевидно, злое сомнѣніе уже начинало закрадываться въ его душу.

— Онъ заслужилъ и получитъ!—сказалъ Ѳедоръ Карлычъ.

— А если я попрошу васъ оставить меня!..—высказался вдругъ Буеракинъ.

— О, я оставлю, но все-таки онъ розга получитъ: заслужилъ и получитъ!

— Но я васъ прошу оставить меня сейчасъ же... Вы понимаете? То-есть не комнату эту оставить, а мой домъ, мое имѣніе... Слышите?

Нѣмецъ взглянулъ съ изумленіемъ.

— О, это быть не можетъ! — проговорилъ онъ черезъ секунду совершенно равнодушно:—Абрамъ, маршъ!

Абрамъ Семенычъ нехотя повиновался; Ѳедоръ Карлычъ медленно послѣдовалъ за нимъ. Буеракинъ долгое время пребывалъ въ изумленіи съ растопыренными руками.

— Ну, что же тутъ прикажете дѣлать? — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Горехвастовъ.

Горехвастовъ преспокойно развалился на диванѣ, между тѣмъ какъ Рогожкинъ и я скромно сидѣли противъ него на стульяхъ.

Горехвастову лѣтъ около сорока; онъ, что называется, видный мужчина, въ родѣ тѣхъ, которыхъ зрѣлище поселяетъ истому въ организмѣ сорокалѣтнихъ капиталистокъ и

Digitized by Google

убогихъ вдовъ-ростовщицъ. Росту въ немъ безъ малаго девять вершковъ, лицо бѣлое, одутловатое, украшенное приличнымъ носомъ и огромными, тщательно закрученными усами; сложенье такое, о которомъ выражаются: «на одну ладонку посадить, другою прикроетъ — въ результатѣ мокренько будетъ»; голосъ густой и зычный; глаза, какъ водится, свиные. Вообще замѣтно, что здѣсь матерія преобладаетъ надъ духомъ, и что страсти и неумѣренныя увеселенія плоти, говоря языкомъ старинныхъ русскихъ романовъ, «оставили на немъ свои глубокія бразды». Онъ замѣтно любитъ щеголять: на немъ надѣто что-то круглое, сюртукъ не сюртукъ, пальто не пальто, фракъ не фракъ, а что-то среднее, то, что въ провинціи называютъ «обѣденнымъ фракомъ»; сапоги лаковые, перчатки палевыя, жилетъ кашемировый, пестроты ослѣпительной; на рубашкѣ столько складокъ, что умъ теряется. Несмотря на все это, несмотря на множество колецъ, украшающихъ его пухлыя руки, и на немъ самомъ, и на его одеждѣ лежитъ какая-то печать поношенности: какъ будто и самъ онъ, и все, что на немъ, полиняло и выцвѣло. Когда я смотрю на него, мнѣ, не знаю почему, всегда кажется, что вотъ передо мною человѣкъ, который ночи три сряду не спалъ и не снималъ съ себя ни «обѣденнаго фрака», ни рубашки. Складки на рубашкѣ смяты и на сгибахъ покрыты какою-то подозрительною тѣнью, платье на швахъ поистерлось, самыя щеки одрябли и какъ-то непріятно, хрящевато бѣлы. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ субъектовъ, которые называются «жуирами»: живали и въ роскоши, живали и въ нищетѣ, заставляли другихъ изъ окна прыгать, но и сами изъ онаго прыгивали.

Въ нравственномъ отношеніи онъ обладаетъ многими неоцѣненными качествами: отлично передергиваетъ карты, умѣетъ подписываться подъ всякую руку, готовъ бражничать съ утра до вечера, и исполняетъ это безъ всякаго ущерба для головы, лихо поетъ и пляшетъ по-цыгански, и

Digitized by Google

со всѣмъ этимъ соединяетъ самую добродушную и веселую откровенность. Одно только въ немъ не совсѣмъ пріятно: онъ любитъ иногда приходить въ какой-то своеобразный, дѣланный восторгъ, и въ этомъ состояніи лжетъ и хвастаетъ немилосердно.

Въ Крутогорскъ попалъ онъ совершенно случайно, и хотя это совершилось недобровольно, но онъ не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ уныніи или отчаянія.

— Произошло это дѣло вотъ какимъ образомъ,—разсказывалъ онъ мнѣ однажды, въ минуту откровенности, когда я попросилъ его объяснить, по какимъ коммерческимъ или служебнымъ дѣламъ онъ осчастливилъ нашъ городъ: — затѣяли мы этакъ штуку, знаете, en grand. Собралась насъ цѣлая компанія, все народъ голодный, и притомъ жаждущій дѣятельности, жизненныхъ бурь... Собрались мы и начали обдумывать строго свое положеніе... А надо вамъ сказать, что до этого времени мы большую игру вели, а потомъ какъ-то вдругъ такъ случилось, что никто съ нами играть не сталъ. «Нѣтъ, чортъ возьми!—сказалъ (какъ сейчасъ это помню) Петръ Бурковъ, лихой малый и закадычный мой другъ:—въ такомъ положеніи намъ, воля ваша, оставаться нельзя; мы, господа, люди образованные, имѣемъ вкусъ развитой; мы, чортъ возьми, любимъ вино и женщинъ!» Въ это время—можетъ-быть, слыхали вы?—имѣлъ въ Петербургѣ резиденцію нѣкоторый Размахнинъ, негоціантъ тупоумнѣйшій, но милліонеръ. Сынъ у него былъ — ну, этого никогда въ трезвомъ видѣ никто не видывалъ; даже во снѣ, если можно такъ выразиться, пьянъ былъ, потому что спалъ все урывками, и не успѣетъ, бывало, еще проспаться, какъ опять, смотришь, пьянъ. Пробовали мы его въ свою компанію залучить, однако пользы не оказалось никакой; первое дѣло, что отецъ отпускалъ ему самую малую сумму, всего тысячъ десять на серебро въ годъ, и слѣдовательно денегъ у него въ наличности не было; второе дѣло, что хотя онъ заемныя письма и съ охотою давалъ, но уплаты

Digitized by Google

по нимъ приходилось ждать до смерти отца, а это въ нашемъ быту не расчетъ; третье дѣло, чести въ немъ совсѣмъ не было никакой: другой, если ткнуть ему кулакомъ въ рожу или назвать при всѣхъ подлецомъ, такъ изъ кожи вылѣзетъ, чтобы достать деньги и заплатить; а этотъ ничего, только смѣется. Слѣдовательно, надо было дѣйствовать на отца. А старикъ хоть и держалъ своего сына въ черномъ тѣлѣ, однакожъ любилъ его, но любилъ, если можно такъ выразиться, утробою. Вотъ эту-то утробную любовь и рѣшились мы эксплоатировать. Въ одинъ прекрасный вечеръ, двое изъ насъ переодѣлись въ офиціальное платье и, перекрестившись, отправились къ Размахнину. Старикъ перепугался, особливо какъ мы ему объяснили, что цѣль нашего посѣщенія заключается въ томъ, чтобы сына его, за такія-то и такія-то дебоширства, взять и отвезти въ такое мѣсто, куда, можно сказать, воронъ костей не нашивалъ... Проливаетъ слезы, валяется въ ногахъ: «Батюшки, говоритъ, что хотите возьмите, только Алешку моего не трожьте! Я, говоритъ, его сею минутою черезъ чухонскихъ контрабандистовъ за границу отправлю». И смиловались мы надъ положеніемъ злополучнаго старца—взяли сто тысячъ и ушли. Только тутъ случилась съ нами самая скверная штука: выходимъ мы на подъѣздъ, потихоньку даже посмѣиваемся, какъ вдругъ передъ нами, словно изъ земли выросли, три кавалера ужаснѣйшихъ размѣровъ... Ужъ, кажется, я не могу назваться слабонервнымъ, а даже и со мной дурно сдѣлалось... И вотъ, какъ видите, я въ Крутогорскѣ, прочіе въ другихъ тихихъ городахъ переплываютъ многоволнистое житейское море... Что дѣлать! il faut que jeunesse passe!

Такого рода добродушная откровенность дѣлала отношенія къ Горехвастову чрезвычайно легкими и пріятными. Въ крутогорскихъ салонахъ было рѣшено, что молодой человѣкъ «увлекался»—кто же не увлекался въ молодости?—но что во всякомъ случаѣ нельзя же увлеченья въ порокъ ставить. И на совѣтѣ губернскихъ аристократовъ было рѣ-

Digitized by Google

шено Горехвастова принимать, но въ карты съ нимъ не играть, и вообще держать больше около дамъ, для которыхъ онъ своими талантами можетъ доставить пріятное развлеченіе. А такъ какъ я также (говорю это не безъ нѣкоторой гордости) былъ всегда однимъ изъ ревностнѣйшихъ посѣтителей крутогорскихъ салоновъ, то, слѣдуя за общимъ движеніемъ умовъ, тоже въ скоромъ времени сблизился съ Горехвастовымъ, и онъ даже очень полюбилъ меня.

— Entre nous soit dit, — говаривалъ онъ мнѣ по этому случаю:—мы одни только и можемъ понимать другъ друга. Посмотрите кругомъ, что это за чудаки, что за рожи, что за костюмы! Одинъ изъ своего фрака точно изъ брички выглядываетъ; другой куритъ сигары, отъ которыхъ воняетъ печеными раками; третій прибѣгаетъ къ носовому платку только для того, чтобы обтереть имъ пальцы; четвертый, когда карты сдаетъ, оба пальца первоначально въ ротъ засунетъ... Господи! какое безобразіе! Поэтому вы не удивляйтесь, Николай Иванычъ, если я предпочитаю быть съ вами.

И я, дѣйствительно, по врожденной мнѣ скромности, съ терпѣніемъ взиралъ на его посѣщенія, которыя иногда не на шутку меня одолѣвали.

Что касается до Рогожкина, то это маленькій человѣчекъ, совершенно кругленькій. Онъ когда-то служилъ въ военной службѣ, но вскорѣ нашелъ, что тутъ только одно разстройство здоровья: вставать надо рано, потомъ часовъ пять ходить, а куда идешь—неизвѣстно, и потому рѣшился пріютиться по гражданской части, гдѣ, по крайности, хоть выспаться вволю даютъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ тотъ нѣсколько томный видъ, который невольнымъ образомъ пріобрѣтаютъ искатели мѣстъ, не снабженные достаточно убѣдительными рекомендательными письмами. Но когда разговоръ заходитъ о какомъ-нибудь вакантномъ мѣстѣ, то въ глазахъ его внезапно зажигается плотоядный огонь и на устахъ показывается слюнотеченіе. Говорить

Digitized by Google

онъ довольно вразумительно, но съ околичностями, и усердно смѣется, когда того требуютъ обстоятельства, или когда видитъ, что другіе смѣются. Впрочемъ, онъ малый добрый и привязанный, а на Горехвастова смотритъ какъ на высшее существо, и охотно исполняетъ его маленькія порученія, какъ-то: набиваетъ и закуриваетъ ему трубку, распоряжается насчетъ питейнаго и съѣдобнаго и сопутствуетъ ему вездѣ, гдѣ только можетъ. Голосъ у него самый тоненькій, можно сказать, дѣтскій, глазки маленькіе и съ глянцемъ, точно у пшеничныхъ жаворонковъ, которымъ вставляютъ, вмѣсто глазъ, можжевеловыя ягодки.

Въ утро, когда начинается мой разсказъ, Горехвастовъ былъ какъ-то особенно разговорчивъ. Онъ разлегся на диванѣ, закуривъ одну изъ прекрасныхъ сигаръ, которыя я выписывалъ для себя изъ Петербурга, и ораторствовалъ. Передъ диваномъ, на кругломъ столѣ, стояла закуска, хересъ и водка, и надо отдать справедливость Горехвастову, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни того, ни другого, ни третьяго, и хотя хвалилъ преимущественно хересъ, но въ дѣйствительности оказывалъ предпочтеніе зорной горькой водкѣ. Рогожкинъ, съ своей стороны, не столько пилъ, сколько, какъ выражаются, «потюкивалъ» водку.

— А скажите, пожалуйста, Николай Иванычъ,—сказалъ мнѣ Горехвастовъ:—откуда у васъ берутся всѣ эти милыя вещи: копченыя стерляди, индѣечья ветчина, оленьи языки... и эта безцѣнная водка—водка, отъ которой, я вамъ доложу, даже слеза прошибаетъ! Да вы Сарданапалъ, Николай Иванычъ!... Нѣтъ, вы просто Сарданапалъ!

Я сообщилъ ему, какъ умѣлъ, требуемыя свѣдѣнія.

— А что ни говорите, — продолжалъ онъ: — жизнь—отличная вещь, особливо если есть человѣкъ, который тебя понимаетъ, съ кѣмъ можешь сказать слово по душѣ! Я вамъ доложу про себя, Николай Иванычъ: я вѣкъ свой прожилъ шутя... Бывали у меня, конечно, происшествія, бывали непріятности—ну, бывали—что жъ изъ этого! Развѣ

Digitized by Google

слѣдуетъ отъ этого унывать духомъ, приходить въ отчаяніе? Живалъ я и въ Петербургѣ, ѣзжалъ и въ каретахъ, и сотнями тысячъ ворочалъ, и игру велъ, и француженокъ содержалъ—ну, было, было все это! Ну, а теперь живу въ Крутогорскѣ, ѣзжу на безобразной долгушѣ, играю по копейкѣ въ ералашъ и, получая отъ казны всего шесть цѣлковыхъ въ мѣсяцъ содержанія, довольствуюсь, вмѣсто француженки, повивальною бабкой! И между тѣмъ, какъ видите, не унываю и даже не отчаиваюсь въ своемъ будущемъ.

Онъ привсталъ на диванѣ и налилъ себѣ рюмку зорной.

— А все оттого, что вотъ здѣсь, въ этомъ сердцѣ, жаръ обитаетъ! Все оттого, хочу я сказать, что въ этой вотъ головѣ свѣтъ присутствуетъ, что всякую вещь понимаешь такъ, какъ она есть—ну и спокоенъ! Я, Николай Иванычъ, патріотъ! я люблю русскаго человѣка за то, что онъ не задумывается долго. Другой вотъ, нѣмецъ или французъ, надъ всякою вещью остановится,—даже смотрѣть на него тошно, точно родить желаетъ, — а нашъ братъ только подошелъ, глазами вскинулъ, руками развелъ: «Этого-то не одолѣть, говоритъ, да съ нами крестная сила! Да мы только глазомъ мигнемъ!» И дѣйствительно, какъ почнетъ топоромъ рубить — только щепки летятъ; геніальная, можно сказать, натура! Безъ науки всѣ науки прошелъ! Люблю я, знаете, иногда посмотрѣть на нашего мужичка, какъ онъ тамъ дѣйствуетъ: лежитъ, кажется, цѣлый день на боку, да зато ужъ какъ примется, такъ у него словно горитъ въ рукахъ дѣло! Откуда что берется!

— Да-съ... это точно... пріятное зрѣлище!—пролепеталъ Рогожкинъ.—Вотъ я однажды...

— Геніальная натура, доложу я вамъ,—перебилъ Горехвастовъ, — науки не требуетъ, потому что до всего собственнымъ умомъ доходитъ. Спросите, напримѣръ, меня... ну, о чемъ хотите! На все отвѣтъ дамъ, потому что это у меня русское, врожденное! А потому я никогда и не зналъ, что̀ такое горе!

Digitized by Google

Онъ задумался. Рогожкинъ въ это время умильно посматривалъ на него и выражалъ свое наслажденіе тѣмъ, что усиленно терся спиною о спинку стула.

— А бывали-таки у меня случаи, такое сцѣпленіе, что даже описанія достойно! Надо вамъ сказать, что состояніе у меня было небольшое, отецъ и мать мои, безспорно, были благороднаго званія; но при настоящемъ развитіи цивилизаціи, при колоссальности нашего кругозора, это благородство, можно сказать, только путаетъ. Воспитаніе получилъ я отличнѣйшее; въ заведеніи, которое пріютило мою юность, было преимущественно обращено вниманіе на пріятность манеръ и на то, чтобы воспитанники смотрѣли привѣтливо и могли говорить — causer — обо всемъ. Воспитывались со мной вмѣстѣ и графы, и бароны; слѣдовательно, мы въ самомъ заведеніи вели жизнь веселую; ѣзжали, знаете, по воскресеньямъ къ француженкамъ, и тамъ пріобрѣли мало-по-малу истинный взглядъ на жизнь и ея блага. Можете, стало-быть, представить себѣ мое положеніе, когда я, по выходѣ изъ заведенія, долженъ былъ затесаться куда-то въ четвертый этажъ, гдѣ вороны чуть не на самой лѣстницѣ гнѣзда вьютъ! Конечно, я, какъ водится, поступилъ и на службу, но, между нами, это матерія скучная. Я понимаю, что можно служить, какъ служатъ, напримѣръ, князья Патрикѣевы, Щенятевы, Ижеславскіе, Оболдуи-Тараканові. Они, я вамъ доложу, посостоятъ крошечку, а потомъ и катаютъ внезапно въ государственные мужи. Этакъ служить пріятно, il n'y a rien à dire. Но сидѣть каждый день семь часовъ въ какой-то душной конурѣ и облизываться на мѣсто столоначальника — ce n'est pas mon genre... Другихъ карьеръ также въ виду не имѣется, то-есть, коли хотите, онѣ и есть, но все это скучная матерія, черепословіе; а я, вы понимаете, славянинъ, хочу жить, хочу жуировать: *homo sum et nuhil humani a me alienum puto.* Положеніе мое было, слѣдовательно, прескверное... И вотъ встрѣчается со мною однажды на жизненномъ пути

Digitized by Google

тотъ самый Петръ Бурковъ, о которомъ я ужъ вамъ какъ-то говорилъ. Встрѣчается и держитъ такую рѣчь: «Грегуаръ, говоритъ онъ мнѣ, я вижу по твоимъ глазамъ, что ты жаждешь фортуну сдѣлать!» Я ему сознался со всею откровенностью. Я былъ честолюбивъ, Николай Иванычъ! Я чувствовалъ, что стою выше общаго уровня! Я сознавалъ, что тутъ, въ этомъ сердцѣ, есть достаточно жару, чтобы сдѣлать изъ меня и поэта, и литератора, и прежектера, и капиталиста — que sais-je enfin! Оставалось только выбрать поприще, потому что, какъ я вамъ уже сказалъ, русскій человѣкъ на все способенъ. Поэтомъ или литераторомъ сдѣлаться легко, но невыгодно — это народъ все млекопитающійся; прожектеромъ быть тоже нетрудно, но тутъ опять нужно ждать, прохаживаться, знаете, по переднимъ... Я рѣшился быть капиталистомъ. И вотъ тотъ же самый Бурковъ свелъ меня съ людьми... Но что это за народъ былъ, Николай Иванычъ! Просто я не умѣю даже выразить... Ахъ! да что объ этомъ и вспоминать — только себя дразнить!

Онъ залпомъ выпилъ рюмку хереса и такъ сильно ударилъ ею о подносъ, что ножка ея отвалилась.

— Я вамъ скажу, напримѣръ Флорансъ—что это за женщина, что это за огонь былъ! Сгорала, милостивый государь, сгорала и вновь возрождалась, и вновь сгорала! Однажды, пріѣзжаю къ ней, и вижу, что есть что-то тутъ неладное: губки блѣдныя, бровки сдвинуты, а въ глазахъ огоньки горятъ.

— Ah! c'est toi, monstre!—говоритъ она, увидѣвъ меня:— viens donc, viens que je te tue!.. Повѣрите ли, насилу даже урезонить могъ—такъ и бросается! И вся эта тревога оттого только, что я на какомъ-то балѣ позволилъ себѣ сказать нѣсколько любезныхъ словъ Каролинѣ! Вотъ это такъ женщина! А! Николай Иванычъ! вѣдь въ Крутогорскѣ такихъ не найдешь, сознайтесь?

Я вынужденъ былъ согласиться.

Digitized by Google

— Да-съ... аппетитная штучка эта Флоранчикъ была!.. хе-хе!—проговорилъ Рогожкинъ.—А что, Григорій Сергѣичъ, если бы этотъ Флоранчикъ... такъ сказать, на мѣсто Марины Ѳерапонтовны... хе-хе! сюжетъ былъ бы тово-съ... подходящій-съ!

Горехвастовъ свирѣпо посмотрѣлъ на него.

— А впрочемъ, Григорій Сергѣичъ, вамъ Бога гнѣвить нечего, — продолжалъ Рогожкинъ: — Марина Ѳерапонтовна тоже-съ... дама плотная-съ... хе-хе!

— Ну, ты что понимаешь!

— Помилуйте-съ, Григорій Сергѣичъ! какъ не понимать-съ: это и малый ребенокъ понимаетъ-съ... счастливчикъ вы, Григорій Сергѣичъ! Однакожъ, извините-съ, извольте продолжать.

— Были у меня тогда деньги,—началъ снова Горехвастовъ:—коммерсанъ такой появился, котораго мы, можно сказать, безъ малѣйшаго напряженія мышцъ обобрали—деньги были, слѣдовательно, большія. Ну, что такое деньги? спрашиваю я васъ,—что такое деньги, какъ не презрѣнный металлъ? Ну, и точно, бросалъ я тогда этотъ металлъ пригоршнями, такъ что у Флорансъ, бывало, только глазки свѣтятся. Въ кружевахъ ее утопилъ, мебели incrusté завелъ; на столахъ—бронзы, фарфоръ, на стѣнахъ—Тинторетто, Поль Поттеръ Ванъ-Дейкъ. Словомъ сказать, en grand жили, чортъ побери! Пріѣдешь, бывало, ночью съ работы домой, измученный, и прямо къ ея постели. А она, знаете, ручонки протягиваетъ, глазенки открываетъ, и глазенки, знаете, томные, влажные: «Eh bien, mon farceur d'homme; as-tu beaucoup gagné ce soir?»—Выигралъ, жизнь ты моя, выигралъ, только люби ты меня! Любишь что ли?—А она, знаете, какъ кошечка, потянется этакъ въ постелькѣ: «lioubliou»—говоритъ... ахъ! да вы поймите, какъ это нѣжно, какъ это воздушно: *lioubliou!*.. А знаете ли, чортъ побери, не выпить ли намъ съ горя по бокальчику!

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе!—сказалъ я, смущенный нѣ-

Digitized by Google

сколько моею недогадливостью.—Петръ Васильичъ! распорядитесь, пожалуйста.

— Да ты, братецъ, скажи человѣку, чтобъ завертѣлъ хорошенько!—прибавилъ отъ себя Горехвастовъ:—а то они его такъ теплое и подаютъ—vous n'avez pas l'idée, comme ils sont brutes, ces gens-là! Признаюсь вамъ, я, грѣшный человѣкъ, люблю этакъ и поѣсть, и выпить—въ мѣру, знаете, въ мѣру... Если бъ вы сдѣлали мнѣ честь, побывали у меня въ Петербургѣ въ то время, когда я былъ въ счастіи, я попотчивалъ бы васъ такимъ винцомъ, передъ которымъ и ваше, пожалуй, сконфузится. Въ горлѣ оно, знаете, точно атласъ, а между тѣмъ въ носъ бьетъ! Но возвращусь къ Флорансъ. Я принялъ ее у барона Оксендорфа—знаете, извѣстный магнатъ есть на островѣ Эзелѣ. Бѣловолосый сынъ Эстоніи сначала было-заартачился, началъ-было тамъ свои *was soll das heissen,* но я показалъ ему кулакъ такого колоссальнаго размѣра, о которомъ на островѣ Эзелѣ не имѣютъ никакого понятія. — Баронъ, сказалъ я ему, у меня течетъ въ жилахъ кровь, а у васъ лимфа; и притомъ видите вы эту машину?—«Вижу», сказалъ онъ мнѣ.—А если видите, сказалъ я ему, то знайте, что эта машина имѣетъ свойство, въ одинъ моментъ и безъ всякихъ посредствующихъ орудій, обращать въ ничто человѣческую голову, которая, подобно вашей, похожа на яйцо! Herr Baron! разойдемтесь!—«Разойдемтесь, Herr Graf», сказалъ онъ мнѣ, хотя я и не графъ. И мы разошлись... разошлись потому, что баронъ понялъ, что одна минута болѣе—и островъ Эзель лишился бы лучшаго своего украшенія...

Горехвастовъ самодовольно обнажилъ свою жилистую, покрытую волосами руку и протянулъ ее, какъ будто хотѣлъ, чтобы мы понюхали, какъ она пахнетъ.

— Да-съ, устройство благонадежное!—пролепеталъ Рогожкинъ.

— И надо было видѣть, какъ она любила меня! Этакъ

Digitized by Google

могутъ любить только француженки! Обовьется, бывало, около меня—и не выпускаетъ...

— Эхъ, канальство!—сказалъ Рогожкинъ, и, сказавши это, какъ-то сладострастно хикнулъ и, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соображеній, запѣлъ: «Ой вы, уланы!»

— Или вотъ на диванѣ раскинется...

— Нѣтъ ужъ, Григорій Сергѣичъ, сдѣлайте ваше одолженіе!—прервалъ Рогожкинъ, поспѣшно разливая по стаканамъ принесенное вино:—мы тоже вѣдь люди, тоже человѣки-съ... чувствовать можемъ...

— Мастерица она была тоже гривуазныя пѣсни пѣть. *Un soir à la barrière* выходило у нея такъ, что пальчики облизать слѣдуетъ... Вотъ такую жизнь я понимаю, потому что это жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова! Надо родиться для нея, чтобы наслаждаться ею какъ слѣдуетъ... А то вотъ и онъ, пожалуй, говоритъ, что живетъ!—прибавилъ онъ, указывая на Рогожкина.

Рогожкинъ обидѣлся.

— Что же вы, Григорій Сергѣичъ, и въ самъ-дѣлѣ обижаете!—сказалъ онъ.—Конечно, намъ до васъ далеко, потому какъ и размѣръ у насъ былъ не такой, однако, когда въ полку служили, тоже свои удовольствія имѣли-съ!

— Ну, какія твои удовольствія! Чай, кошку камнемъ на улицѣ зашибить!..

— Нѣтъ-съ, не кошку зашибить-съ, а тоже жидовъ собаками травливали-съ... Капитанъ Полосухинъ у насъ въ ротѣ былъ: «пойдемте, говоритъ, господа, шинокъ разбивать!»—и разбивали-съ.

— Ну, это еще туда-сюда...

— Или же вотъ тотъ же капитанъ Полосухинъ: «полюбилась, говоритъ, мнѣ Маша Цыплятева—надо, говоритъ, ее выкрасть!» А Марья Петровна была тоже супруга помѣщика-съ... И однако мы ее выкрали-съ. Такъ это не кошку-съ... Нѣтъ-съ! Чтобъ одно только это дѣло замазать, Полосухинъ восемьсотъ душъ продалъ-съ!

Digitized by Google

— Ну, ужъ и восемьсотъ! Вѣрно, вдесятеро привралъ! Ну, куда же армейскому офицеру, да еще пѣхотинцу, восемьсотъ душъ имѣть!

— Нѣтъ-съ, Григорій Сергѣичъ, не говорите этого! Этотъ Полосухинъ, я вамъ доложу, сначала въ гвардейской кавалеріи служилъ, но за буйную манеру переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армейскую кавалерію; тамъ тоже не заслужилъ-съ, ну и пріютился у насъ... Такъ это былъ человѣкъ истинно ужаснѣйшій! «Мнѣ, говоритъ, все равно! Я, говоритъ, и по дорогамъ разбивать готовъ!» Конечно-съ, этому многіе десятки лѣтъ прошли-съ...

— Ну, а что же Флорансъ?—спросилъ я.

Горехвастовъ, который совсѣмъ-было и забылъ про Флорансъ, посмотрѣлъ на меня глазами нѣсколько воспаленными, на минуту задумался, провелъ какъ-то ожесточенно рукою по лбу и по волосамъ и, наконецъ, ударилъ кулакомъ по столу съ такою силой, что нѣсколько рюмокъ полетѣло на полъ, а вино расплескалось на подносѣ.

— Извините,—сказалъ онъ угрюмо.—Д-да... Флорансъ... гм!.. Флорансъ...

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе котораго Горехвастовъ то безпрестанно и усиленно вздыхалъ, то судорожно стискивалъ между пальцами какую-нибудь несчастную прядь своихъ собственныхъ волосъ, то искривливалъ свои губы въ горькую и презрительную улыбку. Очевидно, что онъ готовился произвести эффектъ.

— Обманула!—закричалъ онъ, наконецъ, вскакивая изъ-за стола, визгливымъ голосомъ, выходившимъ изъ всякихъ границъ естественности.—Вы это понимаете: обманула! Обманула, потому что я въ это время былъ нищъ; обманула, потому что въ это время какая-то каналья обыграла нашу компанію до мозга костей... Обманула, потому что безъ денегъ я былъ только! Я былъ только гадина, которую надо было топтать, топтать и...

Digitized by Google

Онъ съ ожесточеніемъ рвалъ на себѣ волосы и наконецъ упалъ въ изнеможеніи на диванъ.

— Пускай отдохнутъ! — шепталъ, между тѣмъ, Рогожкинъ.—Любопытнѣйшій ихній романъ-съ!

И дѣйствительно, минутъ черезъ десять, Горехвастовъ былъ уже спокоенъ; кровь, которая прилила-было къ головѣ, опять получила естественное обращеніе, и минутное раздраженіе совершенно исчезло. Вообще онъ не выдерживалъ своей игры, потому что игралъ какъ-то не внутренностями, а кожей; но для райка это былъ бы актеръ неоцѣненный.

— Въ одно прекрасное утро,—продолжалъ онъ,—я очутился безъ хлѣба, безъ денегъ и безъ любовницы. Я вышелъ на улицу, выгнанный изъ собственной моей квартиры, изъ той самой квартиры, гдѣ наканунѣ еще какой-то шутникъ, желая заискать мое расположеніе, написалъ на стѣнѣ: *ману-текель-фаресъ*. Ночь была зимняя и морозная, но я ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ. Передо мною все мелькала блѣдная улыбка банкомета, который билъ карту за картой и постепенно лишалъ меня жизни... Эта улыбка затемняла всю мою мысль; она мѣшала придти въ себя! Я могъ только съ изумленіемъ смотрѣть на эту воображаемую улыбку и безсознательно слѣдить за бѣлыми худощавыми руками, которыя какъ-то бездушно щелкали по столу, высасывая ежемгновенно все мое существо... Въ эту минуту я былъ близокъ къ отчаянію, я готовъ былъ стать среди улицы на колѣни и просить прощенія. Я былъ похожъ на того жалкаго пропойцу, который, пробезобразничавъ напролетъ ночь въ дымной и душной комнатѣ, выбѣгаетъ утромъ, въ одномъ легонькомъ платьишкѣ, на морозный воздухъ и спѣшитъ домой, безсознательно озираясь по сторонамъ и не имѣя ни единой мысли въ головѣ... Но я, быть-можетъ, надоѣдаю вамъ, господа, своими похожденіями?

— Помилуйте, какъ это можно! — поспѣшилъ я сказать.

— И если бъ не Бурковъ, то кто знаетъ, имѣлъ ли бы

Digitized by Google

я теперь удовольствіе бесѣдовать съ вами, господа. Наше несчастіе было общее; я шелъ къ нему, твердо рѣшившись перенести всѣ удары, всѣ ругательства, потому что показалъ себя въ этомъ дѣлѣ не только опрометчивымъ, но даже глупымъ, и, слѣдовательно, заслуживалъ самыхъ тяжкихъ обидъ и истязаній. Но онъ поступилъ иначе... онъ побѣдилъ мою покорность своимъ великодушіемъ. Онъ не только не избилъ меня, какъ я былъ того достоинъ, но и подѣлился со мною тою небольшою суммой, которая у него осталась въ цѣлости.—Будемъ жить en artistes!—сказалъ онъ мнѣ. И мы дѣйствительно наняли скромную квартиру и начали жить en artistes... Такъ вотъ-съ какіе со мной бывали переходы, господа! Жизнь мою можно уподобить петербургскому климату: сегодня оттепель, съ крышъ капель льетъ, на улицахъ почти полая вода, а завтра двадцатиградусный морозъ гвоздитъ... И однакожъ, живутъ, ухитряются люди!

— Да-съ, это точная истина, что живучѣе человѣка нѣтъ на свѣтѣ твари, — вступился Рогожкинъ. — Вотъ хоть бы тотъ же капитанъ Полосухинъ, о которомъ я ужъ имѣлъ честь вамъ докладывать: засталъ его однажды какой-то ревнивый старецъ... а старецъ, знаете, какъ не надѣялся на свою силу, идетъ и на всякій случай по пистолету въ рукахъ держитъ. Ну-съ, капитанъ точно что сконфузился и живымъ манеромъ полѣзъ подъ кровать. «Выходи, подлецъ!» говоритъ старецъ.—«Не выйду!» кричитъ Полосухинъ. И точно-съ, три дня тамъ лежалъ, покуда старецъ самъ, что называется, плюнулъ. Послѣ мы его спрашивали, какъ онъ этакую пытку вытерпѣлъ? «Ничего, говоритъ, облежался»...

— А если хотите, — продолжалъ Горехвастовъ, расплываясь и впадая въ сантиментальность: — коли хотите, и житье en artistes—славное житье. Конечно, тутъ трюфюлей не ищи, но зато есть эта безпечность, cet imprévu, это спокойствіе совѣсти, которое, согласитесь сами, дороже всѣхъ земныхъ благъ...

Digitized by Google

Рогожкинъ подмигнулъ мнѣ глазомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «знаемъ мы это спокойствіе совѣсти!» Но за всѣмъ тѣмъ въ этомъ подмигиваніи выражалось не осужденіе, а, напротивъ того, безгранично-нѣжное сочувствіе къ подвигамъ Горехвастова.

— Поселились мы въ четвертомъ этажѣ, на дворѣ... Конечно, и высоко оно... ну, и запахъ, знаете... однимъ словомъ, нехорошо, очень нехорошо. Но счастье не въ каменныхъ палатахъ обитаетъ, сказалъ какой-то философъ, и это мудрое изреченіе оправдалось на насъ. Буркова полюбила Саша, а меня полюбила Катя. Немудреныя были эти дѣвочки — il n'y a rien à dire; однако, въ нихъ былъ тотъ запахъ дикаго, нелелѣяннаго растенія, который на охотника, пожалуй, слаще всякаго оранжерейнаго цвѣтка дѣйствуетъ. И притомъ, знаете, эта преданность, эта готовность на всякаго рода жертвы... Согласитесь, что въ нашемъ грустномъ положеніи такая находка была просто безцѣнна. Званія наши возлюбленныя были не высокаго: всего-на-все горничныя какихъ-то господъ, жившихъ въ одномъ съ нами домѣ. Ходили онѣ къ намъ урывками, но объ этихъ урывкахъ я до сихъ поръ вспоминаю съ наслажденіемъ. Я даже думаю, что тотъ, кто хочетъ испытать всю силу пламенной любви, тотъ именно долженъ любить урывками: это сосредоточиваетъ силу страсти, даетъ ей тѣ знойные тоны, безъ которыхъ любовь есть не что иное, какъ грустный философическій трактатъ о безсмертіи души.

— Истинная правда! — прервалъ Рогожкинъ. — Вотъ у насъ въ полку служилъ поручикъ Живчиковъ, такъ онъ какъ залучитъ, бывало, метреску, да станетъ она ему свои резоны разсказывать: «ты, говоритъ, мнѣ *момо*-то не говори, а подавай настоящее дѣло!»... Погубители вы! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Горехвастову и трепля его по ляжкѣ.

— Однажды приходитъ Катя и объявляетъ, что ея госпожа очень заинтересована мной. Какъ ни мила идиллія,

Digitized by Google

какъ ни прекрасны «ручейки и мурава зеленая», но для широкихъ натуръ существуетъ на свѣтѣ своего рода фатумъ, который невольнымъ образомъ увлекаетъ ихъ изъ тѣсныхъ сферъ на иное, блестящее поприще. Коли хотите, я освоился съ своею скромною долей, то-есть склонилъ голову передъ судьбой, но все-таки чувствовалъ, что мѣсто мое не здѣсь, не на этой маленькой, тѣсной аренѣ, гдѣ я имѣлъ видъ рыбы, выброшенной бурею изъ воды. Однимъ словомъ, я задыхался въ четвертомъ этажѣ, я жаждалъ блеска и свѣта, меня давила эта умѣренность, съ которою могутъ ужиться только убогія, посредственныя натуры... Былъ у насъ сосѣдъ по квартирѣ, нѣкто Дремиловъ: этотъ, какъ ни посмотришь, бывало, — все корпитъ за бумагой; спросишь его иногда: «что же вы, господинъ Дремиловъ, высидѣли?» такъ онъ только покраснѣетъ, да и бѣжитъ скорѣе опять за бумажку. Ну, что это за жизнь? — спрашиваю я васъ, и можетъ ли, имѣетъ ли человѣкъ право отдавать себя въ жертву геморрою? И чего, наконецъ, онъ достигнетъ? «Я, говоритъ, буду ученымъ, хочу принести пользу наукѣ!» Хорошъ ученый, который не имѣетъ понятія о жизни! Да я на первомъ словѣ докажу ему, что всѣ его затѣи не что иное, какъ грустное черепословіе, потому что намъ, наконецъ, не умозрѣнія эти тусклыя нужны, а жизнь, вы понимаете: ж-ж-изнь!.. Телемахидисты они всѣ!..

Вся фигура Горехвастова, во время этой выходки, выражала такое полное, глубокое презрѣніе къ бѣдному Дремилову, что мнѣ сдѣлалось даже вчужѣ совѣстно за несчастнаго труженика.

— Да вы, Григорій Сергѣичъ, къ дѣлу-съ!—сказалъ Рогожкинъ, притопывая ногой.

— Надо вамъ сказать, messieurs,—продолжалъ Горехвастовъ, — что барыня, которой я имѣлъ честь понравиться, была очень безобразна... Признаюсь вамъ, я даже нѣсколько затруднился. Однако, Бурковъ и тутъ меня выру-

Digitized by Google

чилъ. «Что жъ, сказалъ онъ мнѣ, надо быть снисходительнымъ къ человѣческимъ слабостямъ; вѣдь эта милая капиталистка представляетъ для насъ единственную надежду выйти изъ сквернаго положенія... Пожертвуй собою священнымъ узамъ дружбы!» И я пожертвовалъ. Пришелъ я къ ней, по приглашенію, вечеромъ; она сидѣла, какъ сейчасъ помню, на диванѣ, во всемъ величіи своего безобразія, и когда я вошелъ, то осмотрѣла меня въ лорнетъ съ головы до ногъ, какъ товаръ. Должно-быть, я очень ей пришелся по вкусу, потому что она то и дѣло повторяла: «charmant! charmant!» Но я былъ нестерпимо глупъ въ этотъ вечеръ; сердце у меня не то чтобы билось, а какъ-то, знаете, непріятно колотило грудь. Однимъ словомъ, я былъ робокъ, застѣнчивъ, нелѣпъ. Однако это ей, повидимому, еще болѣе понравилось, потому что слово «charmant» не переставало сходить съ ея языка. И въ самомъ дѣлѣ, безъ хвастовства скажу, я былъ очень недуренъ собой. Въ то время, знаете, вее это было неизмято, кровь обращалась быстро... А старушки всѣ эти подробности разбираютъ по-аматёрски: ихъ сантиментальничаньемъ да томными взглядами не удивишь... Конечно, я и теперь могу нравиться, но все, знаете, нѣтъ этого огня, который въ одну минуту зажигаетъ пожары...

— Знаютъ себѣ цѣну!—прервалъ Рогожкинъ.—Полноте-съ, Григорій Сергѣичъ, скромничать-то! Объ этомъ надобно допросить у Марины Ѳерапонтовны, какъ у васъ огня якобы нѣтъ!

— Въ одно прекрасное утро я увидѣлъ себя обладателемъ небольшого капитала, и счелъ уже возможнымъ бросить тяжелый образъ жизни, который положительно разстраивалъ мое здоровье. «И конечно! — сказалъ Бурковъ, которому я сообщилъ о моихъ намѣреніяхъ: — ну, потѣшилъ старуху—и чортъ съ ней!» Оставалось рѣшить, какое употребленіе сдѣлать изъ пріобрѣтеннаго капитала. «Знаешь, mon cher, сказалъ Бурковъ, мнѣ надоѣлъ ужъ Петербургъ; все какъ-то здѣсь холодно, непривѣтливо, нѣтъ

Digitized by Google

этой поэзіи, этой милой простоты, которой проситъ душа... Послѣ жизненныхъ треволненій намъ нужно успокоиться, освѣжиться на лонѣ природы — будемъ ѣздить по ярмонкамъ!»

— Ай да молодецъ Петька Бурковъ! — воскликнулъ Рогожкинъ, прыснувъ со смѣха.—Нашелъ же природу... слышите ли—гдѣ: на ярмонкѣ! Ахъ ты шельма!

— Во-первыхъ, такая скотина, какъ ты,—отвѣчалъ Горехвастовъ сурово,—должна выражаться о геніальныхъ людяхъ съ почтеніемъ; во-вторыхъ, слѣдовало бы тебя, за твою продерзость, выбросить изъ окошка; а въ-третьихъ, если тебѣ и прощается твой поступокъ на первый разъ, то единственно изъ уваженія къ слабости твоего разсудка... Цыцъ! молчать!

Рогожкинъ хотѣлъ-было оправдываться; онъ уже лепеталъ, что слово «шельма» употреблено имъ не въ осужденіе, но Горехвастовъ взглянулъ на него такъ грозно, что онъ присѣлъ.

— Однако, мы не нашли покоя, котораго искали, — продолжалъ Горехвастовъ нѣсколько сантиментально.—Однажды я металъ банкъ, и металъ, по обыкновенію, довольно счастливо, какъ вдругъ одинъ изъ понтеровъ, незнакомецъ вершковъ этакъ десяти, схватилъ меня за руки и сжалъ ихъ такъ крѣпко, что кости хрустнули. «Вы, сударь, подлецъ!» сказалъ онъ мнѣ. Я обидѣлся; но онъ такъ сжалъ мои руки, что я чувствовалъ себя совершенно въ клещахъ. «Вы подлецъ,—продолжалъ онъ,—и я сейчасъ это докажу». Ну, и доказалъ... «Вы, говоритъ, должны сейчасъ выйти вонъ отсюда, черезъ это окошко». Дѣло было во второмъ этажѣ; а въ этихъ проклятыхъ провинціяхъ вторые этажи Богъ знаетъ какъ высоко отъ земли строятся. Я было-протестовалъ; но тутъ поднялись такіе дикіе крики, что я внезапно озябъ, несмотря на то, что въ комнатѣ было даже душно. «Выбросить его, каналью!» кричали одни. «Да головой внизъ, а руки сзади связать!» предлагали другіе. «Нѣтъ, господа,—

Digitized by Google

возразилъ незнакомецъ: — такое важное дѣло надо въ порядкѣ устроить: сначала оберемъ всѣ капиталы у господина промышленника, а потомъ предложимъ ему выпрыгнуть изъ окна самому»...

Горехвастовъ остановился и углубился на минуту въ горестныя размышленія.

— Вина, Рогожкинъ!—сказалъ онъ, какъ бы просыпаясь отъ непріятнаго сновидѣнія и приходя въ дѣланный азартъ.— Вина, чортъ побери, вина!

Рогожкинъ засуетился.

— И такова несправедливость судебъ,—продолжалъ Горехвастовъ, — что мнѣ же велѣно было выѣхать изъ города...

— Сс!..—произнесъ Рогожкинъ, качая головой.

— Что̀ ужъ со мной послѣ этого было—право, не умѣю вамъ сказать. Разнообразіе изумительное! Былъ я и актеромъ въ странствующей труппѣ, былъ и повѣреннымъ, и опять игрокомъ... Даже удивительно, право, какъ природа неистощима! Вотъ, кажется, такъ упалъ, что расшибся въ прахъ—анъ, нѣтъ, смотришь, опять вскочилъ и пошелъ шагать, да еще бодрѣе прежняго.

— Нѣтъ-съ, Григорій Сергѣичъ, воля ваша, а вы разскажите про Машеньку-то!—сказалъ Рогожкинъ.

— Да, это было чудное, неземное существо! — отвѣчалъ сантиментально Горехвастовъ: — она любила меня, любила такъ, какъ никто любить не будетъ... Была она купеческая жена... Казалось бы, «купеческая жена» и «любовь» — два понятія несовмѣстимыя, а между тѣмъ, знаете ли, въ этомъ народѣ, въ этихъ gens de rien, есть много хорошаго... право! Бѣдная Мери! она пожертвовала мнѣ всѣмъ: «ты и хижина на берегу моря!»—говорила она мнѣ, и я увѣренъ, что она была искренна, и въ крайнемъ случаѣ могла бы даже обойтись и безъ моря. Я въ то время принадлежалъ къ странствующей труппѣ актеровъ, и мы видались довольно часто. Но что̀ это были за свиданья, Николай Иванычъ,—я даже

Digitized by Google

приблизительно не могу описать вамъ! Это было нѣчто зной-ное, душное, саднящее... почти нестерпимое! Я блаженство-валъ. Однажды, въ одно прекрасное утро, она приходитъ ко мнѣ совершенно растерянная. «Знаешь ли, говоритъ, мой идолъ, мы открыты!» Оказалось, что ея гнусный мужъ, эта сивая борода, замѣтилъ ея посѣщенія и туда же вздумалъ оскорбляться! Я задумался. — Мери, сказалъ я ей, хочешь навѣки быть моею?—Ну, разумѣется, клятвы, увѣренія; по-ложили на томъ, чтобы ей захватить какъ можно больше денегъ и бѣжать со мной... Но нѣтъ, я не въ силахъ про-должать...

Горехвастовъ поникъ головой и началъ горько подерги-вать губами, а черезъ нѣсколько времени сдержаннымъ и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— И я ее оставилъ!.. Я взялъ всѣ ея деньги и бросилъ ее на первой же станціи!

Онъ вскочилъ съ дивана и, обхвативъ обѣими руками голову, зашагалъ по комнатѣ, безпрестанно повторяя:

— Нѣтъ, я подлецъ! я не стою быть въ обществѣ по-рядочныхъ людей! я долженъ просить прощенія у васъ, Николай Иванычъ, что осмѣлился осквернить вашъ домъ своимъ присутствіемъ!

Въ это самое время мой камердинеръ шепнулъ мнѣ на ухо, что меня дожидается въ передней полиціймейстеръ. Хотя я имѣлъ душу и сердце всегда открытыми, а слѣдо-вательно не зналъ за собой никакихъ провинностей, кото-рыя давали бы поводъ къ знакомству съ полицейскими вла-стями, однакожъ встревожился таинственностью пріемовъ, употребленныхъ въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что Горехвастовъ внезапно поблѣднѣлъ и началъ дрожать.

— Извините, Николай Иванычъ,—началъ господинъ по-лиціймейстеръ:—но у васъ въ настоящее время находится господинъ Горехвастовъ?

Digitized by Google

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ я, невольнымъ образомъ робѣя.—Но какое же отношеніе между господиномъ Горехвастовымъ и вашимъ посѣщеніемъ?.. Ахъ, да не угодно ли закусить?..

— Благодарю покорно, я сытъ-съ. У меня до господина Горехвастова есть дѣльце... Вчерашній день обнаружилась въ одномъ мѣстѣ пропажа значительной суммы денегъ, и такъ какъ господинъ Горехвастовъ находился въ непозволительной связи съ женщиною, которая навлекаетъ на себя подозрѣніе въ кражѣ, то... Извините меня, Николай Иванычъ, но я долженъ вамъ сказать, что вы очень неразборчивы въ вашихъ знакомствахъ!

Я поникъ головой.

— Я какъ отецъ говорю вамъ это,—продолжалъ господинъ полиціймейстеръ (мнѣ даже показалось, что у него слезы навернулись на глазахъ):—потому что вы человѣкъ молодой, еще неопытный, вы не знаете, какъ много значатъ дурные примѣры...

— Помилуйте, вѣдь и князь Левъ Михайлычъ принимаетъ господина Горехвастова!—рѣшился я сказать.

— Князь Левъ Михайлычъ особа престарѣлая-съ; они, такъ сказать, закалены въ горнилѣ опытности, а у васъ душа мягкая-съ!.. Вы все равно какъ дѣти на огонь бросаетесь,—прибавилъ онъ, ласково улыбаясь.

— Такъ вамъ угодно...

— Да-съ; я бы желалъ произвести арестъ-съ... Господинъ Горехвастовъ!—сказалъ онъ, входя въ комнату:—вы обвиняетесь въ кражѣ казенныхъ денегъ... благоволите слѣдовать за мной!

Горехвастовъ не прекословилъ; онъ внезапно упалъ духомъ до такой степени, какъ будто потерялъ всякое сознаніе. Мнѣ даже жалко было смотрѣть на это пожелтѣвшее лицо и на вялыя, какъ бы машинальныя движенія его тѣла.

— А! и ты здѣсь, Рогожка!—продолжалъ господинъ по-

Digitized by Google

лиціймейстеръ, замѣтивъ Рогожкина, который забился въ уголъ и трясся всѣмъ корпусомъ.

Рогожкинъ началъ усиленно топтаться на одномъ мѣстѣ.

— Захватить кстати и его!—сказалъ господинъ полиціймейстеръ, обращаясь въ переднюю, изъ которой вылѣзли два кавалера колоссальныхъ размѣровъ.

Я невольнымъ образомъ вспомнилъ возвращеніе отъ Размахнина

Digitized by Google

VIII.

ВЪ ОСТРОГѢ.

Посѣщеніе первое.

Видъ городской тюрьмы всегда производитъ на меня грустное, почти болѣзненное впечатлѣніе. Высокія, бѣлыя стѣны зданія съ его рѣдкими окнами, снабженными рѣшетками, съ его дворомъ, обнесеннымъ тыномъ, съ плацформой и мрачною кордегардіей, которую туземцы величаютъ *карреградіей* и *каллегвардіей*, — все это можетъ навести на самаго равнодушнаго человѣка то тоскливое чувство недовольства, которое внезапно и безотчетно сообщаетъ невольную дрожь всему его существу.

Что̀ привело сюда ихъ, этихъ странниковъ моря житейскаго? Постепенно ли, съ юныхъ лѣтъ развращаемая и, наконецъ, до отупѣнія развращенная воля, или просто жгучее чувство личности, долго не признаваемое, долго сдерживаемое въ разъѣдающей борьбѣ съ самимъ собою и, наконецъ, разорвавшее всѣ преграды и, какъ вышедшая изъ береговъ рѣка, унесшее въ своемъ стремленіи все — даже бѣднаго своего обладателя? Мы, люди прохожіе—народъ благодушный и добрый; мы, по натурѣ своей, склонны болѣе оправдывать, нежели обвинять, скорѣе прощать, нежели карать; при томъ же мы дѣломъ не заняты — такъ мудрено ли, что такіе вопросы толпами лѣзутъ въ наши праздныя головы?..

Digitized by Google

Намъ слышатся изъ тюрьмы голоса, полные силы и мощи, передъ нами во-очію развиваются драмы, одна другой запутаннѣе, одна другой замысловатѣе... Какъ ни говорите, а свобода все-таки лучшее достояніе человѣка, и потому какъ бы ни было велико преступленіе, совершонное имъ, но лишеніе, которое его сопровождаетъ, такъ тяжело и противоестественно само по себѣ, что и самый страшный злодѣй возбуждаетъ наше сожалѣніе, коль скоро мы видимъ его въ одеждѣ и оковахъ арестанта. Намъ дѣла нѣтъ до того, что̀ такое этотъ человѣкъ, который стоитъ передъ нами; мы не хотимъ знать, какая черная туча тяготѣетъ надъ его совѣстью — мы видимъ, что передъ нами арестантъ, и этого слова достаточно, чтобъ поднять со дна души нашей всѣ ея лучшіе инстинкты, всю эту жажду состраданія и любви къ ближнему, которая въ самомъ извращенномъ и безобразномъ субъектѣ заставляетъ насъ угадывать брата и человѣка со всѣми его притязаніями на жизнь человѣческую и ея радости и наслажденія.

Находившись, по обязанности, въ частомъ соприкосновеніи съ этимъ темнымъ и безотраднымъ міромъ, въ которомъ, кажется, самая идея надежды и примиренія утратила всякое право на существованіе, я никогда не могъ свыкнуться съ нимъ, никогда не могъ преодолѣть этотъ смутный трепетъ, который, какъ сырой осенній туманъ, проникаетъ человѣка до костей, какъ только хоть издали послышится глухое и мѣрное позвякиванье желѣзныхъ оковъ, безпрерывно раздающееся въ длинныхъ и темныхъ коридорахъ замка. Атмосфера арестантскихъ каморъ, несмотря на частое освѣженіе, тяжела и удушлива; сѣровато-желтыя лица заключенниковъ кажутся суровыми и непреклонными, хотя, въ сущности, они по бо̀льшей части выражаютъ только тупость и равнодушіе; однообразіе и узкость формъ, въ которыя насильственно втиснута здѣсь жизнь, давитъ и томитъ душу. Чувствуется, что здѣсь конецъ всему, что здѣсь не можетъ быть ни протеста, ни борьбы, что здѣсь цар-

Digitized by Google

ство агоніи, но агоніи молчаливой, безъ хрипѣнія, безъ стоновъ...

И между тѣмъ тамъ, за этими толстыми желѣзными затворами, въ этихъ каменныхъ стѣнахъ, куда не проникаетъ ни одинъ звукъ, ни одинъ лучъ веселаго Божьяго міра, есть также своего рода жизнь; тамъ также установляются своеобразныя отношенія, заводятся сильные и слабые, образуется свое общее мнѣніе, свой судъ — посильнѣе и подѣйствительнѣе суда смотрительскаго. Проникнуть въ эту жизнь, освоиться съ ея маленькими интересами нѣтъ почти никакой возможности. Надо быть или очень благодушнымъ, или очень хитрымъ человѣкомъ, чтобы овладѣть довѣріемъ людей, которые имѣютъ свои причины, чтобы на всякую такого рода попытку смотрѣть подозрительно, какъ на попытку воспользоваться этимъ довѣріемъ въ ущербъ ихъ интересамъ. Странное дѣло! эти люди, для которыхъ преступленіе составляетъ привычку, съ необыкновеннымъ инстинктомъ умѣютъ отличить истинное благодушіе отъ хитрости и лукавства и даже отъ простого праздная любопытства!

У меня былъ въ Крутогорскѣ хорошій знакомый,—назовемъ его хоть Яковомъ Петровичемъ, — который обладалъ особеннымъ искусствомъ вызывать довѣріе арестантовъ. Обязанный посѣщать тюрьму почти ежедневно, онъ зналъ не только исторію преступленія, но и характеръ, и даже привычки каждаго арестанта. Человѣкъ онъ былъ простой и малограмотный до наивности; убѣжденъ былъ, что Лондонъ стоитъ на устьѣ Волги, и что есть въ мірѣ народъ, называемый *хвецы*, который исключительно занятъ выдѣлкой мази для рощенія волосъ. По словамъ его, онъ самъ мазалъ свою лысину этимъ составомъ, и волосы точно выросли, но такіе толстые, какъ въ лошадиномъ хвостѣ, и большихъ усилій и страданій ему стоило, чтобъ ихъ оттуда повыдергать. Несмотря на это, онъ все-таки былъ отличнѣйшій человѣкъ: въ немъ въ высшей степени было развито то высокое благодушіе, которое претворяетъ чиновника въ чело-

Digitized by Google

вѣка, которое, незамѣтно для нихъ самихъ, проводитъ живую и неразрывную связь между судьею и подсудимымъ, между строгимъ исполнителемъ закона и тѣмъ, который, говоря отвлеченно, составляетъ лишь казусъ, къ которому тотъ или другой законъ примѣнить можно. Поэтому не покажется страннымъ, если и между арестантами были у него своего рода фавориты, возбуждавшіе въ немъ если не сочувствіе, то, по крайней мѣрѣ, живое участіе къ ихъ положенію.

Его-то обязательное содѣйствіе поставило меня въ возможность подѣлиться съ читателемъ разсказами, которые рекомендуются здѣсь его благосклонному вниманію.

Стоявшій передъ нами арестантъ былъ невеликъ ростомъ и довольно сухощавъ; но широкая грудь и чрезвычайное развитіе мускуловъ свидѣтельствовали о его физической силѣ. Лицо у него было молодое, умное и даже кроткое; высокій лобъ и впалые, но еще блестящіе глаза намекали на присутствіе мысли, на возможность прекрасныхъ и благородныхъ движеній души; только концы губъ были нѣсколько опущены, и это какъ будто разрушало гармонію цѣлаго лица, придавая ему оттѣнокъ чувственности и сладострастія. Онъ вообще велъ себя скромно и никогда не роптalъ, но частые вздохи и постоянно тоскливое выраженіе глазъ показывали, что выпавшее ему на долю положеніе тяжелымъ камнемъ легло ему на сердце.

«А попалъ я, сударь,—началъ онъ,—сюда вотъ какимъ родомъ. Жилъ я до того времени въ своей семьѣ и ничѣмъ по крестьянству отъ Бога изобиженъ не былъ. Сторона наша лѣсистая, болотистая и непривольная; куда ни глянешь—все лѣсъ, да вода, да тундра непроходимая; однако, лучше этой стороны, кажется, на всемъ свѣтѣ не сыщешь; все тамъ хорошо. Извѣстное дѣло, къ чему кто сызмальства пріобыкъ, то и любо, особливо нашему брату, мужику. Возьмемъ, примѣрно, хоть службу солдатскую — чѣмъ не

Digitized by Google

служба?—а идти туда мало охочихъ сыщешь, развѣ ужъ у кого ни роду, ни племени. Худого мнѣ въ ту пору и во снѣ не снилось, не то что наяву; однако, вотъ теперь въ острогѣ. Оно и выходитъ, что кому какая линія написана, той и не миновать. Меня и на деревнѣ знали; и не пьяница я былъ, и не воръ, а вотъ сдѣлалъ же такое дѣло... ну, да ужъ Богъ съ нимъ! Изъ сказки слова не выкинешь...

«Жила у насъ на деревнѣ солдатка, Паранькой звали. Бабенка она была молодая, изъ себя пригожая, бѣлая, крѣпонькая. Только и полюбись она мнѣ. Деревня, извѣстно, не городъ: и у колодца, и въ полѣ, и въ лѣсу—вездѣ встрѣчаешься; тамъ слово скажешь, тамъ глазомъ мигнешь—ну, и понятно. А я, какъ увижу, бывало, ее, такъ словно тебѣ нутро знобить начнетъ; взялъ бы, кажется, ее въ охапку, да такъ бы и закоченѣлъ весь тутъ. Это, баринъ, бываетъ. А не то бывало и такъ, что подъ окошкомъ избы цѣлый вечеръ сидишь, и все только ждешь, не пройдетъ ли Параня по улицѣ. А пройдетъ, такъ и въ глазахъ словно свѣтлѣе сдѣлается... Не веселая, я вамъ доложу, эта жизнь, по той причинѣ, что и говорить будто совсѣмъ забылъ, и работать не хочется, а какъ вспомнишь прошлое, такъ и теперь бы, пожалуй, хоть мало-мальски такъ пожилъ. Выходитъ, что всякому человѣку такое время бываетъ, что вотъ, кажется, пройдетъ да только сарафаномъ тебя задѣнетъ, такъ словно дрожь тебя всего проберетъ. А сами знаете, какой у нашихъ бабъ сарафанъ!

«Свидѣлись мы съ нею сперва-на-перво у колодца; деревенскіе были всѣ на работѣ: стало-быть, никого при этомъ и не было. Будто теперь вижу: опустила она въ колодецъ бадью, а вытащить-то и не по силамъ.

«— Что, говорю, Параня, али тяжело?

«— Да, говоритъ, тяжело.

«Только и разговору у насъ въ этотъ разъ было. Хотѣлъ я подойти къ ней поближе, да робостно: хотѣнье-то есть, а силы нѣтутка. Однако, стало-быть, она запримѣтила, что

Digitized by Google

у меня сердце по ней измираетъ: на другой день и опять къ колодцу пришла. Пришелъ и я. Извѣстно, стою у сруба да молчу, даже ни слова молвить не могу: такъ, словно все дыханье умерло, дрожу весь—и вся недолга. Въ этотъ разъ она ужъ сама зачала.

«— Что ты, говоритъ, какой смѣшной ходишь! Али кто тебя изобидѣлъ?

«Ну, а я все молчу.

«— Ты, говоритъ, мнѣ скажи, коли у тебя что болитъ: я вѣдь лѣкарка.

«А сама нагибается, чтобъ взяться за коромысло, а грудь-то у нея высокая да бѣлая, словно пѣна молочная: свѣта я, сударь, не взвидѣлъ. Бросился къ ней, выхватилъ коромысло изъ рукъ, а самъ словно остервенѣлъ: ужъ не то что цѣловать, а будто задушить ее хотѣлъ; кажется, кабы она не барахталась, такъ и задушилъ бы тутъ. Очень для меня этотъ день памятенъ.

«Не по нраву ей, что ли, это пришлось, или такъ ужъ всѣмъ естествомъ баба пагубная была — только стала она меня оберегаться. На улицѣ ли встрѣтитъ—въ избу хоронится, въ полѣ завидитъ—назадъ въ деревню бѣжитъ. Сталъ я примѣчать, что и парни меня будто на смѣхъ подымаютъ; идешь это по деревнѣ, а сзади тебя то и дѣло смѣхъ да шушуканье: «слышь, молъ, Гаранька, ночесь Парашка отъ тоски по тебѣ задавиться хотѣла!» Ну, и я все терпѣлъ—терпѣлъ не отъ робости, а по той причинѣ, что развлекаться мнѣ пустымъ дѣломъ не хотѣлось.

«Разъ какъ-то изымалъ я, однако, ее: изымалъ да и говорю:

«— Что жъ, молъ, ты, Параня, къ колодцу ходить перестала? Али не любъ сталъ?

«А она, знашь, легла у меня головонькой-то на грудь, глаза закрыла, вся словно помертвѣла и не дышитъ.

«— Что жъ, говорю, Параня, молви хоть словечко!

«А самъ, знашь, по головѣ ее глажу... Очнулась она маленько, я опять къ ней.

Digitized by Google

«— Полюби, говорю, меня, Параня; горько мнѣ безъ тебя на свѣтъ-то глядѣть.

«А она—что бы вы, сударь, думали?—вырвалась у меня изъ рукъ.

«— Что, говоритъ, на мученье, на тиранство, что ли, я тебѣ досталась, разбойникъ ты этакой, что ты надо мной властвовать задумалъ? Я, говоритъ, хочу—люблю, не хочу—не люблю.

«И убѣжала.

«Пришелъ и я, ваше благородіе, домой, а тамъ отецъ съ матерью ругаются: работать, вишь, совсѣмъ дома некому; пошли тутъ брань да попреки разные... Самъ вижу, что за дѣло бранятъ, а перенести на себѣ не могу; окромѣ злости да досады, ничего себѣ въ разумъ не возьму; такъ-то тошно стало, что взялъ бы, кажется, всѣхъ за однимъ разомъ зарубилъ, да и на себя, пожалуй, руку наложить, такъ въ ту же пору.

«Время это было осеннее; объ эту пору наши мужички въ заводы на заработки уходятъ: руду копать, уголье обжигать, лѣсъ рубить; почесть что цѣлую зиму въ лѣсахъ живутъ. Однако, какъ я одинъ былъ сынъ въ семьѣ, то на эти работы еще не хаживалъ, да и достатками мы, супротивъ другихъ, были поисправнѣе. Вотъ и вздумалъ я проситься у родителей въ заводы. Отпустили. Пришлось на мой пай уголья обжигать; работа эта самая тяжелая; глаза дымомъ такъ и изъѣдаетъ, а на лицѣ не то чтобъ Божьяго, а и человѣчьяго образа не увидишь. Принялся я горячо, потому что думаю, какъ бы мнѣ хоть за работой, что ли, свою дурость забыть. И точно, всю эту зиму я словно въ раю блаженствовалъ; только вечеромъ, отработавшись, какъ сядешь этакъ передъ костромъ, такъ словно Параня изъ огня тоненькими струйками выходитъ... Что жъ! плюнешь, перекрестишься, и опять ничего.

«Пришла опять весна, пошли ручьи съ горъ, взглянуло и въ наши лѣса солнышко. Я, ваше благородіе, больно это

Digitized by Google

времечко люблю; кажется, и не нарадуешься: вездѣ капѣль, вездѣ вода—вездѣ, выходитъ, шумъ; въ самомъ то-есть пустомъ мѣстѣ словно кто-нибудь тебѣ соприсутствуетъ, а не одинъ ты бредешь, какъ зимой, напримѣръ.

«Пошли наши по домамъ; сталъ и я собираться. Собираюсь, да и думаю: Господи! что, если лѣтошняя дурость опять ко мнѣ пристанетъ? И тутъ же далъ себѣ зарокъ: коли будетъ надо мной такая пагуба — идти въ лѣса къ *старцамъ* душу спасать. Я было и зимой объ этомъ подумывалъ, да все отца-матери будто жалко. Прибрелъ я домой, а на улицѣ встрѣчаетъ меня Параинька. Встрѣтила, да сама смѣется. Я было отвернулся, такъ нѣтъ, сударь, такъ и тянетъ; подошелъ къ ней.

«— Здравствуй, говорю, Параня!

«— Здравствуй! А много заработалъ?

«— Что жъ ты смѣешься?—спрашиваю я.

«— А мнѣ что не смѣяться? Развѣ ужъ и смѣяться нельзя? Ишь строгой какой!

«— Да ты не смѣйся, говорю я, а скажи мнѣ толкомъ: согласна ли ты меня любить—вотъ, молъ, что!

«Сѣла она на скамеечку и молчитъ; только словно изъ-подъ платка потихоньку посмѣивается; сѣлъ и я тутъ же возлѣ.

«— Полно, говорю я, не дурачься, Параня; стало-быть, не миновать этому дѣлу, если вотъ хотѣлъ себя перемочь, да ишь нѣту... Перестань же, Параня!

«— А развѣ ты за тѣмъ въ работы ходилъ, чтобъ меня забыть?

«— Да.

«— Ну, такъ и забывай же...

«Хотѣла она тутъ встать, да я не пустилъ; схватилъ ее въ охапку, да и усадилъ ужъ силомъ.

«— Нѣтъ, говорю, не уйду, доколѣ ты не отвѣтишь, какъ мнѣ желательно.

«— Да что ты, проспись! Вѣдь у меня мужъ есть: что я тебѣ скажу?

Digitized by Google

«— Знаю я, что мужъ есть! Да вѣдь онъ солдатъ!

«— Такъ что жъ, что солдатъ! Вотъ годковъ черезъ пятнадцать воротится, станетъ спрашивать, зачѣмъ, молъ, съ Гаранькой дружбу завела — дастъ онъ тебѣ въ ту-пору встрепку...

«А сама все смѣется и на меня глазами косить; а у меня зло такъ и подступаетъ: такъ бы, кажется, и разорвалъ ее всю, да боюсь дѣло напортить.

«— А что, говоритъ, никакъ ты меня и взаправду любишь?

«Я было къ ней, такъ куда!—понесла опять старое: мужъ да мужъ—только и словъ.

«Вотъ и сталъ я ей припоминать, все припоминалъ: и Михейку рыжаго, и татарина-ходебщика, и станового — всѣхъ тутъ назвалъ... что жъ, молъ, хуже я ихъ, что ли?

«А она, сударь, хоть бы тебѣ поморщилась.

«— Ишь, говоритъ, сколько набралъ!

«Съ тѣмъ я и ушелъ. Много я слезъ черезъ эту бабу пролилъ! И Христосъ ее знаетъ, что на нее нашло! Знаю я самъ, что она совсѣмъ не такая была, какою передо мной прикинулась; однако, и денегъ ей сулилъ, и извести божился — нѣтъ, да и все тутъ. А не то возьметъ да дразнить начнетъ: «смотри, говоритъ, мнѣ лѣсничій намеднись платочекъ подарилъ!»

«Дразнила она меня такимъ манеромъ долго, и все я себя перемогалъ; однако, Богъ попуталъ. Узналъ я какъ-то, что Параня въ лѣсъ по грибы идетъ. Пошелъ и я, а за поясомъ у меня топоръ: не то чтобъ у меня въ то время намѣреніе какое было, а просто потому, что мужику безъ топора быть нельзя. Встрѣтился я съ ней, а она — вѣрно, забыла, какъ я ее у колодца-то трепалъ—опять надо мною посмѣивается:

«— Что, говоритъ, знать, въ лѣсу тоску разогнать пришелъ?!

. . . . . .

«Богъ свидѣтель, баринъ, не чуялъ я въ ту пору и самъ,

Digitized by Google

что̀ дѣлаю; не знаю и теперь. Помню только, что выхватилъ я топоръ изъ-за пояса, и билъ имъ, куда попало, билъ дотолѣ, доколѣ самъ съ ногъ не свалился. Потемнѣло у меня въ глазахъ, и вся кровь въ голову такъ и хлынула! Однако, я тутъ уснулъ и спалъ этакъ съ полсутки. Только выспавшись и увидѣвши подлѣ себя Парашку ужъ мертвую, я будто очнулся и началъ припоминать все, какъ было. Сначала, я было-испужался и хотѣлъ бѣжать, а потомъ махнулъ на все рукой и объявился становому. У него, сударь, въ это самое время лѣсничій въ гостяхъ сидѣлъ— тотъ самый, что̀ платокъ-отъ ей подарилъ; началъ-было онъ меня бить, да мнѣ ужъ что̀!.. Надѣли на меня тутъ колодки и привезли сюда».

Арестантъ вздохнулъ.

— Что жъ, объяснялъ ты объ этомъ подробно при слѣдствіи?—спросилъ я.

— А объ чемъ это, ваше благородіе?

— Ну, да объ этомъ, какъ она тебя почти сама на преступленье вызвала?

— Сначала объяснялъ, а потомъ бросилъ.

— Отчего же?

— Да становой сказываетъ, что это все лишнее: «*почти*-то, говоритъ, не считается; ты, говоритъ, дѣло показывай, а околесицу-то не городи!»

Арестантъ потупился.

— Что̀ жъ,—продолжалъ онъ:—виноватъ я; правда, что виноватъ... А коли по правдѣ-то разсудить, такъ вѣдь истинно, ваше благородіе, я не въ своемъ разумѣ тогда былъ; оттого что, будь я въ своемъ разумѣ, зачѣмъ бы мнѣ экое дѣло дѣлать! Я вѣдь знаю, что нашего брата за эти дѣла не похвалятъ... Вотъ ихъ благородіе довольно меня знаютъ: сдѣлалъ ли я когда дурное дѣло? согрубилъ ли кому-нибудь? А вотъ ужъ пятый годъ здѣсь! Ну, и міръ весь за меня стоялъ: всякому вѣдомо, что я въ жизнь никого не обидѣлъ, исполнялъ свое крестьянство, какъ слѣ-

Digitized by Google

дуетъ — стало-быть, не разбойникъ и не душегубъ былъ! Однако вотъ я въ тюрьмѣ, да и то, видишь, еще мало, потому, говорятъ, у тебя на душѣ убивство! Оно конечно, убивство, да вѣдь надо его сообразить—убивство-то!

На послѣднихъ словахъ голосъ его задрожалъ и щеки замѣтно поблѣднѣли.

— Мнѣ не то обидно,—говорилъ онъ почти шопотомъ:— что меня ушлютъ—міръ вездѣ великъ, стало-быть, и здѣсь, и въ другомъ мѣстѣ, вездѣ жить можно,—а то вотъ, что всякъ тебя убійцей зоветъ, всякъ пальцемъ на тебя указываетъ! Другой, сударь, сызмальства воръ, всю жизнь по чужимъ карманамъ лазилъ, а и тотъ норовитъ въ глаза тебѣ наплевать: я, дескать, только воръ, а ты убійца!..

Въ слѣдующей каморѣ было нѣсколько арестантовъ; при нашемъ появленіи они всѣ встали съ наръ и обступили Якова Петровича.

Впереди всѣхъ стоялъ молодой парень, лѣтъ двадцати, не болѣе, по прозванію Колесовъ; онъ держалъ себя очень развязно, и тогда какъ прочіе арестанты оказывали при разспросахъ болѣе или менѣе смущеніе и вообще отвѣчали не совсѣмъ охотно, онъ самъ вступалъ въ разговоръ и велъ себя какъ джентльменъ бывалый, которому на все наплевать.

— Смирно онъ себя ведетъ? — спросилъ Яковъ Петровичъ у смотрителя.

— Съ тѣхъ поръ, какъ высидѣлъ въ темной...

— Конечно-съ,—вступается арестантъ:—находясь, можно сказать, въ несчастіи, отъ природы преслѣдуемъ, отъ властей гонимъ; претерпѣвъ всѣ кораблекрушенія и бури житейскія и будучи при всемъ томъ воспитанъ отъ родителей въ мѣщанскомъ состояніи, самъ собою просвѣщеніе получилъ...

— А что у тебя въ рукахъ? — спрашиваетъ Яковъ Петровичъ, беря у него изъ рукъ книгу.

Digitized by Google

— Гражданскія исторіи-съ. Имѣя съ малолѣтства жажду къ просвѣщенію и будучи отторгнутъ отъ свѣтскаго общества, единственную нахожу для себя отраду въ своей невинности-и въ чтеніи назидательныхъ исторій.

Книжка оказалась какой-то переводный романъ Дюма.

— На, а разскажи-ка намъ, за что ты тутъ сидишь?

— Вашему высокоблагородію извѣстно, что собственно отъ моей невинности-съ; по той причинѣ, что можно и голубицу оклеветать, и черезъ это лишить общества образованныхъ людей... Однако, самъ господинъ становой видѣли мою невинность и оправдали меня, потому какъ я единственно изъ-за своей простоты страдаю-съ...

— Да; становой за это ужъ и суду преданъ.

— Конечно-съ, мы съ нимъ ѣздили на лодкѣ, съ хозяиномъ-съ: это я передъ вашимъ высокоблагородіемъ какъ передъ Богомъ-съ... А только какимъ манеромъ они утонули, этого ни я, ни товарищъ мой объясниться не можемъ-съ, потому что какъ на это ихъ собственное желаніе было, или какъ они противъ меня озлобленіе имѣли, такъ, можетъ, черезъ эвто самое хотѣли меня подъ сумнѣніе ввести, а я въ эвтомъ дѣлѣ не причастенъ.

Товарищъ, на котораго ссылался Колесовъ, стоялъ тутъ же и обнаруживалъ полнѣйшее равнодушіе. Онъ тоже былъ мѣщанинъ, огромнаго роста и, повидимому, весьма сильный. Изрѣдка, вслушиваясь въ слова Колесова, онъ тупо улыбался, но вмѣстѣ съ тѣмъ хранилъ упорное молчаніе; по всему видно было, что онъ служилъ только орудіемъ для совершенія преступленія, душою же и руководителемъ былъ въ этомъ дѣлѣ Колесовъ.

— Ну, а какъ же утопленникъ-то очутился со связанными назади руками?

— Ничего я объ этомъ, ваше благородіе, объяснить не могу... Это точно, что они передъ тѣмъ, какъ изъ лодки имъ выпрыгнуть, обратились къ товарищу: «свяжи мнѣ, говоритъ, Трофимушка, руки!» А я еще въ ту пору и говорю

Digitized by Google

имъ: «Христосъ, молъ, съ вами, Аггей Ѳедотычъ, что вы надъ собой задумываете?» Ну, а они не послушали: «цыцъ, говоритъ, собака!» Что же-съ, извѣстно, ихъ дѣло хозяйское: намъ имъ перечить развѣ возможно?

— Разумѣется, разумѣется... А дѣло вотъ въ чемъ,—продолжалъ Яковъ Петровичъ, обращаясь ко мнѣ:—нужно было ихнему хозяину съѣздить изъ города на фабрику; поѣхалъ онъ на лодкѣ, а гребцами были вотъ эти два молодца. Хозяинъ купецъ богатѣйшій — вотъ и задумали они его утопить, и деньги, которыя при немъ были, ограбить. Только должно-быть купцу-то умирать еще не больно хотѣлось, такъ они ему и руки связали, чтобъ не барахтался, да такъ въ рѣку и кинули... Ну, разумѣется, слѣдствіе. Что жъ бы вы думали! Становой нашелъ, что всѣ это произошло очень натурально — вотъ хошь бы такимъ образомъ, какъ онъ сейчасъ разсказывалъ...

Колесовъ вздохнулъ.

— Оно конечно-съ,—сказалъ онъ:—ваше высокоблагородіе надъ нами властны, а это точно, что я передъ Богомъ въ этомъ дѣлѣ не причиненъ. Противъ воли хозяйской какъ идти можно? Сами вы извольте разсудить.

— Ну, а ты что?— обратился мой путеводитель къ маленькому мужичонкѣ, тутъ же стоявшему.

— Много довольны, много довольны, ваше благородіе!— отвѣчалъ мужичонка, безпрестанно кланяясь и торопясь говорить.—Скоро ли, батюшка, рѣшенье выйдетъ?

— А ты развѣ давно сидишь?

— Четвертый годъ, выше благородіе, четвертый годокъ вотъ послѣ второго Спаса пошелъ... Не можно ли, ваше благородіе, поскорѣе рѣшенье-то? Намеднись жена изъ округи приходила—больно жалится: «Охъ, говоритъ, Самсонушко, хошь бы тебя поскорѣй, что ли, отселева выпустили: все бы, молъ, дома способнѣе было». Право-ну!

— Скоро, скоро будетъ и рѣшенье; однако, врядъ ли тебя домой отпустятъ...

Digitized by Google

— Ну! стало-быть, слышь, въ Сибирску губернію?

— Не знаю; только врядъ ли домой попадешь... А знаете ли вы, за что̀ онъ подъ судъ попалъ? Дѣло очень простое: мужичонка онъ простоватый, несмышленый, и жилъ въ большой бѣдности...

— Правда это сущая, ваше благородіе, правда, — заговорилъ арестантъ:—такая-то бѣдность, что и Господи! Въ дому вотъ эконькой корочки хлѣбца не сыщешь—сущая это правда!

— Между тѣмъ пришло время по̀дать за полугодіе платить. Что̀ тутъ дѣлать? Денегъ дома нѣтъ ни копейки, достать негдѣ, а сборщикъ требуетъ настоятельно...

— Истинно такъ, ваше благородіе,—опять перебилъ арестантъ:—«я, говоритъ, тебя нагишомъ въ снѣгъ по̀сажу, доколѣ все до копейки не заплатишь»... И посадилъ бы, ваше благородіе, именно посадилъ бы...

— Вотъ и задумалъ онъ въ бурлаки... А впрочемъ, разсказывай самъ, коли перебиваешь.

«— Иду я, ваше благородіе, въ волостное—тамъ, знашь, всѣхъ насъ скопомъ въ работу продаютъ, такіе есть и подрядчики, — иду я въ волостное, а самъ горько-разгорько плачу: жалко мнѣ, знашь, съ бабой-то разставаться. Хорошо. Только чую я, будто позади кто на телѣгѣ ѣдетъ — глядь, анъ это дядя Онисимъ. «Куда, говоритъ, путь лежитъ?»

«— А вотъ, говорю, въ волостное.

«— Почто въ волостное?

«— Продаваться въ бурлаки; а ты, говорю, куда?

«— А я, молъ, въ Опенино, полведра купить.

«А мнѣ, ваше благородіе, только всего и денегъ-то надобно, что̀ за полведра заплатить слѣдуетъ... Вотъ и сталъ мнѣ будто лукавый въ ухо шептать. «Стой, кричу, дядя, подвези до правленья!» А самъ, знашь, и камешекъ за пазуху спряталъ... Сѣли мы это вдвоемъ на телѣгу: онъ впереди, а я сзади, и все у меня изъ головы не выходитъ, что будь у меня рубль семьдесятъ, отдай мнѣ онъ ихъ, за-

Digitized by Google

мѣсто того, чтобъ водки купить, не нужно бы и въ бурлаки идти»...

Арестантъ задрожалъ и заплакалъ.

— Кончилось тѣмъ, — договорилъ Яковъ Петровичъ: — что онъ швырнулъ въ дядю Онисима камнемъ и, взявши у него ни больше, ни меньше, какъ рубль семьдесятъ копеекъ, явился въ волостное правленіе и заплатилъ подать.

Посѣщеніе второе.

На этотъ разъ камора, въ которую ввелъ меня Яковъ Петровичъ, заключала въ себѣ лицъ все чиновной породы. Ихъ было трое, и кровати ихъ стояли по угламъ. Одинъ былъ въ замасленномъ форменномъ сюртукѣ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, два другіе—въ халатахъ. При нашемъ появленіи форменный сюртукъ и одинъ изъ халатниковъ встали; но другой халатникъ продолжалъ лежать, растянувшись на постели. Форменный сюртукъ обладалъ довольно замѣчательною физіономіей. Онъ былъ плотно сложенъ и небольшого роста; лицо его не поражало съ перваго взгляда ни чрезмѣрною глупостью, ни чѣмъ-либо особенно-порочнымъ или злымъ; но, вглядѣвшись въ него пристальнѣе, нельзя было не изумиться той подавляющей ограниченности, той равнодушной ко всему пошлости, о которыхъ свидѣтельствовали: и узкій, покатый лобъ, окаймленный коротко-обстриженными, но густыми и черными волосами, и потупленные маленькіе глаза, въ которыхъ свѣтилось что-то хитрое, но какъ бы недоконченное, недодуманное, и наконецъ вся его фигура, нѣсколько сутуловатая, съ одною рукой—отдѣленною отъ туловища въ видѣ размышленія, и другою—постоянно засунутою въ застегнутый сюртукъ. Очевидно, то былъ, что называется, разсудительный человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, которые никогда не скажутъ положительной глупости, но отъ которыхъ, при всякомъ ихъ словѣ, вѣетъ неотразимою тошнотой и унынiемъ. Встрѣтится

Digitized by Google

такой господинъ съ вами на улицѣ, и если вы не принадлежите къ породѣ Дерновыхъ, Гирбасовыхъ и т. п., и не заговорите съ нимъ сами, то онъ посмотритъ вамъ, какъ собака, умильно въ глаза, потопчется на одномъ мѣстѣ, вздохнетъ, пожметъ вамъ руку и отправится во-свояси. Но если вы называетесь Гирбасовымъ, то разговору не будетъ конца—и какому разговору!

— А что, братъ, какъ дѣла идутъ?—спроситъ васъ форменный сюртукъ.

— Да что, братъ, хорошо,—отвѣтите вы.

— Это ладно, что хорошо,—скажетъ сюртукъ.

— Да, братъ; хорошо не худо, худо не хорошо...

И такъ далѣе. Можно исписать цѣлыя страницы подобными наставительными рѣчами. У этихъ господъ всегда имѣются готовые афоризмы, которыми они любятъ кстати щегольнуть, въ родѣ того, что «братъ, надо это дѣло вести съ осторожностью», или: «ты когда чего захотѣлъ, такъ того ужъ и хоти». Такіе образчики встрѣчаются вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества, только афоризмы бываютъ различные. Божій міръ кишитъ ими—это несомнѣнно. Это люди ограниченные, съ сплюснутыми черепами, пришибленные съ дѣтства, что̀ не мѣшаетъ имъ, однакоже, считать себя столпами общественнаго благоустройства и спокойствія и съ остервенѣніемъ лаять на всякаго, у кого лобъ оказывается несплюснутымъ. Я имѣлъ огорченіе познакомить читателя съ ними въ свободномъ состояніи; теперь приходится познакомить съ ними же въ тюрьмѣ.

Второй субъектъ былъ молодой человѣкъ, довольно красивой наружности, высокій и стройный. Онъ носилъ усы, что̀ давало ему видъ отставного военнаго, и держалъ себя даже излишне привѣтливо. По всему было видно, что на свободѣ онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ со стороны дамскаго пола, прикосновеніе къ которому вездѣ и всегда смягчаетъ сердца и нравы. Съ другой стороны, нельзя было не замѣтить и того, что это же прикосновеніе отчасти

Digitized by Google

вредоносно подѣйствовало на здоровую и могучую натуру субъекта, потому что, несмотря на его молодость, щеки его нѣсколько опухли и сдѣлались уже дряблыми, а въ глазахъ просвѣчивало что-то старческое.

Третій субъектъ былъ длинный и сухой господинъ. Онъ нисколько не обезпокоился нашимъ приходомъ и продолжалъ лежать. По временамъ изъ груди его вырывались стоны, сопровождаемые удушливымъ кашлемъ, такимъ, какимъ кашляютъ люди, у которыхъ, что называется, печень разорвало отъ злости, а въ жилахъ течетъ не кровь, а желчь, смѣшанная съ оцтомъ.

— Ну, ты что, Пересѣчкинъ?—спросилъ Яковъ Петровичъ у форменнаго сюртука.

— Ничего-съ, ваше высокоблагородіе, живемъ по малости-съ вашими молитвами,—отвѣчалъ онъ, тупо улыбаясь и отставляя руку, какъ бы декламируя.

— Чего имъ дѣлается! — вступился усачъ. — Они этого огорченія и понять не могутъ-съ!

— Скоро ли же эту каналью отсюда выведутъ?—отозвался желчный господинъ.—Я вѣдь господина министра утруждать буду, свиньи вы этакія!

Эта апострофа, смутившая меня своею откровенностью, не оказала никакого дѣйствія на Якова Петровича. Очевидно, что ему не въ первый разъ пришлось подвергать свою особу подобнаго рода ласкамъ.

— За что вы здѣсь содержитесь? — спросилъ я Пересѣчкина.

Онъ молчалъ и все держалъ руку наотвѣсъ, какъ бы разговаривая самъ съ собой.

— Ну, говори же, за что ты здѣсь посаженъ?—сказалъ Яковъ Петровичъ.

Пересѣчкинъ совершенно неожиданно фыркнулъ.

— Ишь, животное!—отозвался голосъ съ кровати:—даже самому смѣшно... Скотъ!

— Что же-съ, сказывайте!—понуждалъ усачъ.

Digitized by Google

Пересѣчкинъ съ минуту помялся и потомъ скороговоркою отвѣчалъ:

— Статистику собиралъ-съ...

— Какъ статистику?

— Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе! Отъ начальства наистрожайше было предписано-съ: то-есть, чтобъ все до точности-съ, сколько у кого коровъ-съ, куръ-съ; даже рябчиковъ-съ пересчитать велѣно было-съ...

— Да ты сказывай, животное, какъ ты собиралъ-то статистику? Пчелъ-то позабылъ, подлецъ!

— Ваше высокоблагородіе!—сказалъ Пересѣчкинъ, обращаясь къ Якову Петровичу:—вотъ-съ, изволите сами теперича видѣть, какъ они меня, можно сказать, денно и нощно обзываютъ... Я, ваше высокоблагородіе, человѣкъ смирный-съ, я, осмѣлюсь сказать, въ крайности теперича находился, и ежели согрѣшилъ-съ, такъ опять же не передъ ними, а передъ Богомъ-съ...

— Да ты не виляй, скотъ, а разсказывай, какъ ты статистику-то собиралъ!

Пересѣчкинъ опять замялся и черезъ нѣсколько секундъ снова фыркнулъ. Видно было, что онъ самъ внутренно былъ совершенно доволенъ собой.

— Извѣстно-съ, у мужичка былъ, — сказалъ онъ наконецъ:—количество пчелъ надлежало дознать со всею достовѣрностью...

— Ну, продолжай же, продолжай!

Но Пересѣчкинъ только фыркнулъ.

— Э, братъ, да ты, вѣрно, только на пакости боекъ! — отозвался желчный господинъ:—а дѣло очень простое. Призвалъ онъ мужика. «Сколько, говоритъ, у тебя пчелъ»! Тотъ показываетъ ему ульи. «Нѣтъ, говоритъ, мнѣ начальство пишетъ дознать, *сколько именно* у тебя пчелъ — такъ ты, говоритъ, не полѣнись, сосчитай»! Мужикъ, сударь, остолбенѣлъ.—Гдѣ же, молъ, ихъ считать? «Знать, говоритъ, не хочу—считай». Ну, и взялъ онъ съ него по цѣлковому съ

Digitized by Google

улья, а въ вѣдомости и настрочилъ: «У такого-то, Пахома Сидорова, лошадей двѣ, коровъ три, барановъ и овецъ десять, теленокъ одинъ, домашнихъ животныхъ шестнадцать, куръ семь, пчелъ тридцать одна тысяча девятьсотъ девяносто семь»...

Молчаніе.

— А вѣдь рожа-то какая!—продолжалъ желчный господинъ.—Глупъ-то вѣдь какъ! а выдумалъ! Только выдумать-то выдумалъ, а концы схоронить не сумѣлъ.

— Какимъ же образомъ это открылось?—спросилъ я.

— Исправникъ-съ злодѣй! — наивно отвѣчалъ Пересѣчкинъ.

— Это точно, что злодѣй... и такая же ракалья, какъ и ты; только поумнѣй тебя будетъ... Увидалъ, что эта скотина весь предметъ такимъ манеромъ обработать хочетъ—ну, и донесъ, чтобъ самому въ отвѣтѣ не быть... Эко животное!

— А вы за что?—спросилъ я усача.

Молодой человѣкъ, глядѣвшій до сихъ поръ весело, въ свою очередь опустилъ глаза и началъ обдергивать опояску у халата.

— Что же-съ, сказывайте и вы-съ!—замѣтилъ Пересѣчкинъ.

Усачъ взглянулъ на него свирѣпо.

— Нѣтъ-съ, ужъ когда сказывать, такъ сказывать всѣмъ-съ,—настаивалъ Пересѣчкинъ.

— По причинѣ женскаго пола-съ, ваше высокоблагородіе!—отвѣчалъ усачъ умильно.—Какъ я къ эвтому предмету съ малолѣтствія привыченъ-съ.

— Да вы чиновникъ?

— Точно такъ-съ, канцелярскій служитель Боровиковъ-съ.

— Что же вы сдѣлали?

— Сдѣлалъ ли я, нѣтъ ли — на это еще достовѣрныхъ доказательствъ не имѣется, а это точно-съ, что тѣло ихнее въ оврагѣ нашли въ безчувствіи-съ...

Digitized by Google

— Чье же тѣло?

— Ихнее-съ, мѣщанина Затрапезникова-съ.

— Ну, такъ что же?

— Ихъ благородіе, господинъ слѣдователь, настаиваютъ, что будто бы мы это тѣло... то-есть тѣломъ ихъ сдѣлали-съ, а будто бы до тѣхъ поръ они были живой человѣкъ-съ... А только это, ваше благородіе, именно до сихъ поръ не открыто-съ...

— Какъ же случилось это происшествіе?

— Были мы, ваше высокоблагородіе, въ одномъ мѣстѣ-съ... Боровиковъ потупился и потомъ продолжалъ:

— Былъ съ нами еще секретарь изъ земскаго суда-съ, да столоначальникъ изъ губернскаго правленія... Ну-съ, и они тутъ же... то-есть мѣщанинъ-съ... Только были мы всѣ въ подпитіи-съ, и отдали имъ это предпочтеніе-съ... то-есть не мы, ваше высокоблагородіе, а Аннушка-съ... Ну-съ, по этой причинѣ мы точно ихъ будто помяли... то-есть бока ихніе-съ—это и слѣдствіемъ доказано-съ... А чтобъ мы до чего другого касались... этого я, какъ передъ Богомъ, не знаю...

— А какъ же осмотръ тѣла-то? — спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Объ эвтимъ я вашему высокоблагородію доложить не въ состояніи-съ, а что онъ точно отъ насъ пошелъ домой въ цѣлости-съ—на это есть свидѣтели-съ... Можетъ-быть, они въ дорогѣ что ни-на-есть надъ собой сдѣлали...

— Да кто же эти свидѣтели?

— Конечно, ваше высокоблагородіе, свидѣтели наши Творецъ Небесный-съ... Они видѣли...

— И тебѣ не стыдно?—сказалъ Яковъ Петровичъ.

Боровиковъ смутился.

— Вотъ онъ самый,—продолжалъ Яковъ Петровичъ: — до этой исторіи былъ въ обществѣ принятъ! въ собраньи на балахъ танцовалъ!.. Взойди ты ему въ душу-то!

— На твоей дочери сватался!—замѣтилъ желчный господинъ.

Digitized by Google

Яковъ Петровичъ плюнулъ.

— Ну, а по совѣсти,—сказалъ я:—признайтесь: точно вы Затрапезникова убили?

Боровиковъ молчалъ.

— Здѣсь нѣтъ слѣдователя...

— Это единому Богу извѣстно-съ,—отвѣчалъ онъ, бросивши на меня угрюмый взглядъ.

— Гдѣ же прочіе-то?—спросилъ я.

— А гдѣ! чай, въ карточки понгрываютъ, водочку попиваютъ! — отозвался желчный господинъ. — Ихъ сдѣлали только свидѣтелями! Какъ же можно такую знатную особу, господина секретаря, въ острогъ посадить!.. Антихристы вы!—присовокупилъ онъ, глухо кашляя.

— А это что за господинъ? — спросилъ я у Якова Петровича вполголоса, указывая на говорящаго.

Яковъ Петровичъ дернулъ меня за фалду фрака и не отвѣчалъ, а какъ-то странно потупился. Я даже замѣтилъ и прежде, что во все время нашего разговора онъ отворачивалъ лицо свое въ сторону отъ лежащаго господина, и когда тотъ начиналъ говорить, то смотрѣлъ больше въ потолокъ. Очевидно, Яковъ Петровичъ боялся его. Однако, дерганье за фалды не ускользнуло отъ внимательнаго взора арестанта.

— Что за фалду-то дергаешь?—спросилъ онъ злобно.

— Оставьте... оставьте... буйный человѣкъ-съ! — прошепталъ Яковъ Петровичъ.

— То-то буйный! — сказалъ арестантъ, медленно привставая на постели. — Вашему брату, видно, не по шкурѣ пришелся!

Яковъ Петровичъ хотѣлъ-было удалиться.

— Нѣтъ, ты меня выслушай, не верти хвостомъ! Пришелъ, такъ слушай! Вы спрашиваете, государь мой, кто я таковъ?—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Я, государь мой, поклонникъ правды и ненавистникъ лжи! Вотъ кто я—бездѣлица! Имя мое не легіонъ, какъ вотъ этакимъ

Digitized by Google

(указательный перстъ устремленъ на Якова Петровича, который пожимается), а Павелъ Трофимычъ сынъ Перегоренской—не *скій*, а *ской*,—званіе же мое отставной титулярный совѣтникъ. Съ юныхъ лѣтъ, государь мой, я получилъ страсть къ истинѣ, всосавъ ее, могу сказать, съ млекомъ матери. Будучи еще секретаремъ въ магистратѣ, изобрѣлъ слѣдующія науки: *правдистику, патріотистику и монархоманію*. Тщетно я обращался ко всѣмъ властямъ земнымъ о допущеніи меня къ преподаванію наукъ сихъ, тщетно угрожалъ имъ карою земною и небесною; тщетно указывалъ на растлѣніе, царствующее въ сердцахъ чиновническихъ—тщетно! Овые отвѣчали молчаніемъ, овые—презрѣніемъ и ругательствомъ... Плоды моихъ усилій выразились лишь въ гербовыхъ пошлинахъ, коихъ въ теченіе двадцати лѣтъ выплатилъ до тысячи серебромъ...

Онъ закашлялся.

— Что оставалось мнѣ? Чѣмъ могъ насытить я гладъ истины, терзавшій мою душу? Оставались исправники, оставались становые... Ну, и ябедникъ.

Онъ вознамѣрился встать, и передъ нами взвилось нѣчто безобразно-длинное, въ родѣ удава.

— Ябедникъ, государь мой! Вы понимаете: ябедникъ!

— Да вы разскажите, за что вы здѣсь-то сидите? — неожиданно прервалъ Пересѣчкинъ.

— Приступаю къ тягостнѣйшему моменту моей жизни,— продолжалъ Перегоренской угрюмо:—къ исторіи переселенія моего изъ міра свободнаго мышленія въ міръ авторитета... Ибо съ чѣмъ могу я сравнить узы, въ которыхъ изнываю? Звѣрообразные инквизиторы гишпанскіе, и тѣ не возмыслили бы о тѣхъ мукахъ, которыя я претерпѣваю! Гладъ и жажда томятъ меня; гнусное сообщество Пересѣчкина сокращаетъ дни мои... Былъ я въ селѣ Лекминскомъ, былъ для наблюденія-съ, и за этою собственно надобностью посѣтилъ питейный домъ...

Digitized by Google

— Чай, просьбицу настрочить?—сказалъ Пересѣчкинъ.— Извѣстно, зачѣмъ вашъ братъ...

— Зашедши въ питейный домъ, увидѣлъ я зрѣлище... зрѣлище, относящееся къ двумъ пунктамъ-съ... Могъ ли я, вопрошаю васъ, государь мой, могъ ли я оставить его втунѣ? Могъ ли не извѣстить предержащую власть!

Общее молчаніе.

— Но здѣсь, здѣсь именно и открылась міру гнусность злодѣя, надменностью своею насъ гнетущаго и нахальствомъ обуревающаго... Получивъ мое извѣщеніе и имѣя на меня, какъ исконный врагъ рода человѣческаго, злобу, онъ, не помедливъ даже мало, повелѣлъ псамъ своимъ повлещи меня въ тюрьму, доколѣ не представлю ясныхъ доказательствъ вымышленнаго якобы мною злоумышленія... гдѣ и до днесь пребываніе имѣю.

— Что жъ, такъ и по закону слѣдуетъ, — замѣтилъ нерѣшительно Яковъ Петровичъ.

— Слѣдуетъ; а слѣдуетъ ли, спрашиваю я тебя, рабъ лукавый и невѣрный, слѣдуетъ ли оставлять страждущихъ заключенниковъ въ жертву лютому мразу и буйствующимъ стихіямъ?

Онъ указалъ на разбитое окно. Дѣло происходило въ іюлѣ, и дни стояли знойные.

— Они сами безпрестанно въ окнахъ стекла бьютъ, — возразилъ бывшій съ нами смотритель замка.—Не успѣешь новаго вставить, смотришь, оно ужъ и разбито...

— А слѣдуетъ ли оставлять узника боса и сира?—продолжалъ Перегоренской, указывая на свои ноги, которыя дѣйствительно лишены были всякой обуви.

— Они ужъ третьи сапоги нарочно бросаютъ въ сортиръ...

— А слѣдуетъ ли того же узника оставлять безъ пищи, томимаго голодомъ и жаждой?—перебилъ Перегоренской.

— Они требуютъ вафель-съ, а вафель у насъ не положено... посудите сами, ваше высокоблагородіе! — возразилъ смотритель.

Digitized by Google

— Всѣ эти вопросы, и множество другихъ, возымѣлъ я твердое намѣреніе предложить господину министру, и не далѣе, какъ съ первою же почтой... И тогда — трепещи, злодѣй!

— Вотъ этакая-то у насъ цѣлый день каторга!—сказалъ смотритель, когда мы вышли изъ каморы. — Хошь бы рѣшили его, что ли, поскорѣй!

— Чего же вы-то боитесь? — спросилъ я Якова Петровича.

Онъ махнулъ рукой.

— Вѣдь вы человѣкъ чистый,—продолжалъ я:—какая же вамъ надобность позволять говорить себѣ дерзости арестанту и притомъ ябеднику? Развѣ у васъ нѣтъ карцера?

— И-и-и!—произнесъ только Яковъ Петровичъ и пуще прежняго замахалъ руками.

— Да какъ же тутъ свяжешься съ экимъ каверзникомъ? — замѣтилъ смотритель. — Вотъ намеднись пріѣзжалъ къ намъ ревизоръ, только разъ его въ щеку щелкнулъ, да и то полегоньку, такъ онъ себѣ и рожу-то всю раскровавилъ, и духовника потребовалъ: «умираю, говоритъ, убилъ ревизоръ!»—да и все тутъ. Такъ господинъ-то ревизоръ и не рады были, что дали рукамъ волю... даже поблѣднѣли всѣ и прощенья просить начали—такъ испужались! А тоже, какъ шли сюда, похвалялись: я, молъ, его усмирю! Нѣтъ, съ нимъ не свяжись...

— Вѣрно онъ изъ породы «хвецовъ», Яковъ Петровичъ?—спросилъ я.

— Хуже!

— Здорово, ребята!—крикнулъ Яковъ Петровичъ, входя въ просторную комнату, въ которой находилось человѣкъ до тридцати арестантовъ.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

Digitized by Google

Яковъ Петровичъ улыбнулся. Онъ видимо былъ доволенъ, что между арестантами прививается дисциплина, и что они скандуютъ привѣтствіе не хуже, чѣмъ въ иномъ гарнизонномъ батальонѣ.

— Всѣмъ довольны?—спросилъ онъ.

— Много довольны!—отвѣчали голоса.

Одинъ арестантъ выступилъ робко впередъ съ засаленною бумажкой въ рукахъ. То былъ маленькій, жалконькій мужичонка, въ родѣ того, котораго я имѣлъ уже случай представить читателю въ первомъ острожномъ разсказѣ.

— Ты по какому дѣлу?—спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Да вотъ объ коровѣ-то, ваше благородіе...

— Господи! неужто еще не кончено?

— Не кончено, ваше благородіе, да вотъ баютъ, словно и никогда ему кончанья не будетъ...

— А за что ты содержишься?—спросилъ я.

— А Христосъ е знаетъ за что! Баютъ, по прикосновенности, что, молъ, видѣлъ, какъ у сосѣда корову со двора сводили...

— Развѣ ты не объявилъ кому слѣдуетъ?

— Пошто не объявилъ! Да вотъ, баютъ, зачѣмъ объявилъ, а зачѣмъ корову съ воромъ въ полицу не преставилъ! А когда его преставишь? Онъ, чай, поди-ка троихъ экихъ, какъ я, одной десною придавитъ... извѣстно, воръ!

— А гдѣ же воръ-то?

— А воръ, батюшка, говоритъ: и знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; это, говоритъ, онъ самъ коровушку-то свелъ, да на меня, молъ, брешетъ-ну! Я ему говорю: Тимоѳей, молъ, Савичъ, Бога ты, молъ, не боишься, когда я коровушку свелъ? А становой-етъ, ваше благородіе, замѣсто того-то, чтобы меня, знашь, слушать, поглядѣлъ только на меня да головой словно замоталъ. «Нѣтъ, говоритъ, какъ посмотрю я на тебя, такъ точно, что ты корову-то укралъ!» Вотъ и сижу я съ тѣхъ поръ въ острогѣ. А на что бы я ее укралъ? Не видалъ я, что ли, коровы-то!

Digitized by Google

— А ты точно самъ видѣлъ, какъ Тимоѳей Савичъ корову-то сводилъ?

— Коли не самъ! Да вотъ словно лукавый, прости Господи, мнѣ въ ту пору на языкъ сѣлъ: скажи да скажи... Ну, вотъ теперь и сиди да сиди...

Арестантъ вздохнулъ.

— И хошь бы науки, сударь, не было, а то и наука была. Вдругорядь со мной эко дѣло случается. Впервой-етъ разъ, поди лѣтъ съ десятокъ ужъ будетъ, шелъ, знашь, у насъ по деревнѣ парень, а я вотъ на улицѣ стоялъ... Ну, и другіе мужички тоже стояли, и всѣ глазами глядѣли, какъ онъ шелъ... Только хмеленъ, что ли, парень-етъ былъ, или просто причинность съ нимъ сдѣлалась—хлопнулся онъ, сударь, объ земь, и прямо какъ есть супротивъ моей избы... Ну, и вышло у насъ туточка мертвое тѣло... Да хошь бы я пальцемъ-те до него дотронулся, все бы легче было—потому какъ знаю, что въ эвтимъ я точно бы виноватъ былъ,—а то и не подходилъ къ нему: умирай, молъ, Христосъ съ тобой!.. Такъ нѣтъ, ваше благородье, года съ три я въ ту пору высидѣлъ въ острогѣ, въ эвтой въ самой горницѣ... Какое же тутъ будетъ хозяйство!

— Да ужъ и насъ тоже пора бы, кажется, рѣшить чѣмъ-нибудь, — сказалъ, выступая впередъ, арестантъ, вида не столько свирѣпаго, сколько нахальнаго и довольнаго.

— А ты кто таковъ?

— Да мы по дѣлу о барышняхъ-съ... Жили у насъ, ваше благородіе, въ городѣ барышни, а мы у нихъ въ кучерахъ наймовались; жили старушки смирно, Богу молились, капиталъ сберегали-съ... Какъ мы въ эвтомъ дѣлѣ ужъ и сознаніе учинили, такъ намъ скрываться для че-съ!.. Только вотъ и думаемъ мы, что живутъ, дескать, это барышни, а и душа-то, молъ, въ нихъ куриная, а капиталами большими владѣютъ-съ. Кабы да этакіе капиталы да въ хорошія они руки—тутъ что̀ добра-то сдѣлать можно!

Digitized by Google

Ну-съ, и выбрали мы этта ночку, ночку темную, осеннюю... Ломаемъ, знашь, окно какъ слѣдуетъ, а барышеньки-то и проснулись... Видятъ, что воръ къ нимъ лѣзетъ, встали съ постелекъ да только дрожатъ отъ страху... Ну, а мы, знашь, и въ комнату: «Здравствуйте, молъ, барышни! Каково поживаете, каково прижимаете? Ну, и мы тоже, молъ, слава Богу, вѣкъ живемъ, хлѣбъ жуемъ!» А онѣ, сердешныя, встали на колѣнки да только ровно крестятся: умирать-то, вишь, больно не хочется... Ну, это точно, мы имъ Богу помолиться дали, да опосля и прикончили разомъ обѣихъ... даже не пикнули-съ.

Онъ оглядѣлъ насъ торжествующимъ взглядомъ.

— Только надули-съ! Какъ ни бился искамши,—больше пяти цѣлковыхъ во всемъ дому не нашелъ-съ!

Аринушка.

Идетъ-идетъ Аринушка, идетъ полемъ чистыимъ, идетъ дорогой большою-торною, идетъ и проселочкомъ, идетъ лѣсомъ дремучіимъ, идетъ топью глубокою-неисходною, идетъ и по снѣгу рыхлому, и по льду звончатому, идетъ-идетъ не охаетъ.

Свищутъ ей вѣтры прямо въ лицо, дуютъ буйные сзаду и спереду... Идетъ Аринушка, не шатается, лопотинка *) у ней развѣвается, лопотинка старая-ветхая, вѣтромъ подбитая, нищетою пошитая... Свищутъ ей вѣтры: ходи, Аринушка, ходи, Божья рабынька, не лѣнися, съ убожествомъ своимъ обживися: глянь, кругомъ добрые люди живутъ, живутъ ни тошно, ни красно, а хлѣбъ жуютъ не напрасно...

Журчатъ Аринушкѣ ручьи весенніе, весенніе ручьи непорочные, чистые: жалко намъ тебя, Божья старушенька! лопотиночка у тебя—рѣшето дырявое, ноженьки худыя,

*) Лопотинка—одежда.

Digitized by Google

иззяблыя; обмолола ихъ гололедь строгая, призастыла на нихъ кровинка горячая...

И все идетъ Аринушка...

Видитъ она: впереди у нея Іерусалимъ-градъ стоитъ; стоитъ градъ за морями синіими, за туманами великіими, за лѣсами дремучіими, за горами высокими. И первая гора—Араратъ-гора, а вторая гора—Ѳаворъ-гора, а третья-то гора—мѣсто лобное... А за ними стоитъ Іерусалимъ-градъ великъ-пригожъ; много въ немъ всякаго богачества, много настроено храмовъ Божіихъ, храмовъ Божіихъ христіянскіихъ; турка пройдетъ—крестъ сотворитъ, кизилбашъ пройдетъ—храму кланяется.

«Ты скажи мнѣ-ка, куку-кукушенька, ты повѣдай мнѣ-ка, Божья птахонька, ужъ когда же я до святъ-града дойду-доплетусь, у престола у Спасова отдохну-помолюсь: ты услышь, Господине, мое воздыханьице, уврачуй, Спасе, мои ноженьки, уврачуй мою бѣдну головоньку!»

Промежъ всѣхъ церквей одинъ храмъ стоитъ, въ тымъ храмѣ злать-кованъ престолъ стоитъ, престолъ стоитъ всему міру красота, престолъ христіянскимъ душамъ радованіе, престолъ — злымъ жидовемъ сухота. Столбы у престола высокіе, кованные, изумрудами, яхонтами изукрашенные... на престолѣ самъ Спасъ Христосъ Истинный сидитъ.

«Ты почто, раба, жизнью печалуешься? Ты воспомяни, раба, Господина твоего, Господина твоего Самого Христа Спаса Истиннаго! Какъ пречистыя руцѣ Его гвоздями пробивали, какъ честныя нозѣ Его къ кипаристу-древу пригвождали, терновъ вѣнецъ на главу надѣвали, какъ святую Его кровь злы жидове проліяли... Ты воспомни, раба, и не печалуйся; иди съ миромъ, кресту потрудися: дойдешь до креста кипаристнаго, обрѣтешь тамо обители райскія; возьмутъ тебя, рабу, за руки ангели чистые, возьмутъ рабу, понесутъ на лоно Авраамлее...

«Ты скажи мнѣ-ка, куку-кукушенька, ты повѣдай мнѣ-ка, Божья птахонька-птичка вѣщая! Сколь идти мнѣ еще до

Digitized by Google

честнаго деревца, честна дерева—кипариста-креста? Отдохнуть ли тогда мои ноженьки, понесуть ли меня ангели чистые на лоно свѣтлое Авраамлее!..»

Идетъ-идетъ Аринушка; идетъ полемъ чистымъ, идетъ дорогой большою-торною, идетъ и проселочкомъ; идетъ лѣсомъ дремучимъ, идетъ топью глубокою; идетъ, клюкою помахиваетъ, иззябльми ноженьками по льду постукиваетъ...

«Было это, братецъ ты мой, по веснѣ дѣло, на селѣ у насъ праздникъ былъ большой; только пришла она, стала посередь самаго села, мычитъ: «ба» да «ба»—и вся недолга. Сидѣлъ я въ ту-пору у себя въ избѣ у самаго окошечка; гляжу, баба посередь дороги рёвмя-реветъ.

«— Глянь-ко,—говорю женѣ:—глянь, Василиса, некакъ вѣдь баба-то реветъ?

«— А и то, говоритъ, реветъ! Подь, молъ, сюда, подь, баунька! подь! корочку подадимъ! иззябла, чай, любезненькая!

Подошла она къ окошечку, взяла пирога кусокъ, а сама вся дрожжитъ словно: вешнякомъ-то ее, знаешь, прохватило оченно. Дрожжитъ и ни шагу тоись ступить нѣту ей моченьки.

«— Что жъ, молъ,—говоритъ Василиса:—нечѣмъ тебѣ на морозѣ-то холодѣть, инъ милости просимъ къ нашему хозяину.

«Пришла она въ избу, усѣлась въ уголъ, и знай зубами стучитъ да себѣ подъ носъ чего-то бормочетъ, а чего бормочетъ, и Господь ее вѣдаетъ. Ноженьки у ней словно вотъ изорваны, всѣ въ кровѣ, а лопотинка такъ и сказать страсти!—гдѣ лоскутокъ, гдѣ два! И какъ она это совсѣмъ не измерла—подивились мы тутотка съ бабой. Василиса же у меня, самъ знашь, бабонька милосердная; смотритъ на нее на убогую, да только убивается.

«— Откуда шагаешь, касатка?—спрашиваю я.

«— Съ Воргушина, говоритъ.

«— Ну, что, молъ, какъ ваша барынька тамотки перевертывается?

Digitized by Google

«А барыня ихняя не взаправду была барыня, а нѣмцова, слышь, жена управителя. И слухъ былъ про нее такой, что эку бабу охаверную да наругательницу днемъ съ огнемъ поищи — не сыщешь. Разогнала она народъ весь, кормить не кормитъ, а работы до истомы всякой—съ утра ранняго до вечера поздняго рукъ не покладывай: извѣстно, не свои животы, а господскіе!

«Только какъ напомнилъ я ей про барыню, такъ ее словно задергало всю; берется поскорѣе опять за клюку, мычитъ чего-то и шагаетъ, знашь, вонъ изъ избы.

«— Куда же ты, баушка?—говоритъ Василиса.

«А она знай шагаетъ, и на насъ не смотритъ, ровно какъ, братецъ ты мой, въ туманѣ у ней головушка ходитъ. Только взялась она за дверь, да отворить-то ее и не переможетъ... Сунулась-было моя баба къ ней, а она тутъ же къ ногамъ-то къ ея и свалилася, а сама все мычитъ: «пора» да «пора», да барыню, слышь, поминаетъ... Эка оказія!

«— А подико-сь, Нилушко, положи ее на печку!—говоритъ моя баба:—ишь Божья старушенька: инно перемерзла вся.

«Положить-то я ее на печку положилъ, а самъ такъ и трясусь. Вотъ, думаю, кака надъ нами бѣда стряслась; поди, чай, сотской давно запахъ носомъ чуетъ да во станъ лыжи навастриваетъ... Добро какъ оживетъ убогая, а не оживетъ—ну, и плачь тутотка съ нею за свою за добродѣтель. Думаю я это, а хозяйка моя смотритъ на меня, словно въ мысляхъ моихъ угадываетъ.

«— Перекрестись, говоритъ, Нилушко! некакъ ты чего-то задумалъ! Ты бы лучше вотъ приголубилъ ее, сиротинушку: душа-то вѣдь въ ней христіянская! А ты, замѣсто того, и не знай чего задумалъ!

«— Ну, говорю, баба! инъ быть по твоему! А все, говорю, пойтить надо къ сосѣду (Власъ-старикъ у насъ въ сосѣдахъ жилъ, тоже мужичокъ смиренный боязливый): можетъ, онъ и наставитъ насъ уму-разуму.

Digitized by Google

«— Подь, подь къ Власу, голубчикъ!

«Иду я къ Власу, а самъ дорѳгой все думаю: Господи ты Боже нашъ! что же это такое съ нами будетъ, коли да не оживетъ она? Господи! что же, молъ, это будетъ! Вѣдь засудятъ меня на смерть, въ острогѣ живьемъ, чать, загибнешь: зачѣмъ, дескать, мертвое тѣло въ избѣ держалъ! Инъ вынести ее за околицу въ поле — все полегче, какъ цѣлымъ-то міромъ передъ начальствомъ въ отвѣтѣ будемъ.

«— Дѣдушко Власъ! а дѣдушко Власъ!

«— Здорово,—говоритъ:—али у тебя въ дому-то что попритчилось?

«— А что?

«— Да такъ, молъ; на тебѣ, мотри, ровно лица нѣтути.

«— А и то, дѣдушко, вѣдь попритчилось.

«— Что таково?

«— Подь къ намъ, самъ увидишь.

«Пришелъ дѣдушко, и повелъ я его на печь: мотри, молъ, како дѣтище Богъ для праздника далъ.

«— Ой! да это некакъ, говоритъ, Оринушка! Да, слышь ты, некакъ ужъ и дышать-то перестала... Какъ же она это, паренекъ, на печку-то взлѣзла!

«— Коли бы взлѣзла! самъ встащилъ!..

«Сталъ я ему сказывать сызначала до конца что и какъ.

«— Ну, говорю, выручай, дѣдушко!

«— Жалко мнѣ тебя, паренекъ! Парень ты добрый, душа въ тебѣ христіянская, а поди какую самъ надъ собой бѣду состроилъ! Чай, теперь и себя въ полонъ отдай, такъ и то тутотка добромъ отъ начальниковъ не отъѣдешь.

«— Что жъ, по-твоему, загубить, что ли, христіянскую душу!—завопила на него Василиса.—Старикъ ты, дѣдушко, старый, а каки рѣчи говоришь!

«— Старъ-то я старъ, больно ужъ старъ, оттого, молъ, и рѣчи таки говорю... Ну, Нилушко, дѣлай, какъ тебѣ разумъ указываетъ, а отъ меня вамъ совѣтъ такой: какъ

Digitized by Google

станутъ на дворѣ сумеречки, вынесите вы эту Оринушку полегоньку за околицу... все одно преставляться-то ей, что здѣсь, что въ полѣ...

«— Слышишь,—говорю бабѣ:—слышишь, что старики говорятъ!

«Въ это время застонала наша гостья на печкѣ. Бросился я къ ней да и думаю: только бы ты, баунька, до сумеречекъ дожила, а тамъ умирай какъ тебѣ надобно!

«— Да кто же такая она, эта Оринушка, на насъ наслалась?—спрашиваетъ моя баба.

«— А Христосъ ее знаетъ? Баетъ, съ Воргушина, отъ нѣмки отъ управительши по міру ходитъ! Лѣтось она и ко мнѣ экъ-ту наслалась: «пусти, говоритъ, родименькой, переночевать». Ну, и поразсказала же она мнѣ про ихніе распорядки! Хошь она и въ ту-пору на языкъ-то не шустра была, а наслушался я.

«— А что?

«— Да такъ-то истомно у нихъ житье, что и сказать страсть! Ровно не христіянскій народъ эти нѣмцы! Не что ужъ дворовые—этотъ народъ точно что озорливый,—а и мужички-то у нихъ словно въ заключеньи на мѣсячинѣ сидятъ: «этакъ-ту, говоритъ, будетъ для меня сподрушнѣе»... Ишь, подлецъ, скотину каку для себя сыскалъ!

«— И-и, какъ, чай, мужички-то его ругаютъ!

«— Коли не ругаться-то! Ругаться-то ругаютъ, а не что станешь съ нимъ дѣлать! А по правдѣ, пожалуй, и народъ-отъ напослѣдяхъ неочесливъ становиться сталъ! «Мнѣка, говоритъ, что надобѣ? Я, молъ, весь тутъ какъ есть, хочь съ кашей меня ѣшь, хочь со щами хлебай»... А ужъ хозяйка у эвтого у управителя, такъ, кажется, звѣря всякаго лютаго лютѣе. Зазѣваетъ это на бабу, такъ ровно, прости Господи, черти за горло душатъ, даже обезпамятѣетъ со злости!

«— Да ты развѣ видѣлъ ее, дѣдушко?

«— Видѣлъ. Года два назадъ масло у нихъ покупалъ,

Digitized by Google

такъ всего туточка насмотрѣлся. На моихъ глазахъ это было: облютѣла она на эту самую на Оринушку... Ну, точно, баба она ни въ какую работу не подходящая, по той причинѣ, что убогая—разъ, да и разумомъ Богъ изобидѣлъ—два, а все же христіянскій животъ, не скотина же... Такъ она таскала-таскала ее за косы, инно жалость меня взяла.

«— Да чего жъ мужъ-отъ глядитъ?

«— А ему что! Онъ въ эвто дѣло и входить не хочетъ: Это, говоритъ, дѣло женское; я ей всѣхъ бабъ и дѣвокъ препоручилъ: съ меня, молъ, и того будетъ, что я объ мужиковъ всѣ руки обшаркалъ... право! Така затѣйная нѣмчура...

«— Да чего жъ господа-то воргушинскіе на него смотрятъ?

«— А что господа! Господа-то у нихъ, можетъ, и добрые, да далече живутъ, слышь. На селѣ-то ихъ лѣтъ, поди, ужъ двадцать не чуть; ну, и прокуратитъ нѣмецъ, какъ ему желается. Года три назадъ, баютъ, ходили мужики жалобиться, и господа вызывали тоже нѣмца—господа, нече сказать, добрые!—да коли же этака выжига виновата будетъ! Насказалъ, поди, съ три короба: и разбойники-то мужики, и нерадивцы-то! А кто, какъ не онъ, ихъ разбойниками сдѣлалъ?

«— А развѣ и вправду разбойники?

«— Есть тако дѣло. Двадцать лѣтъ назадъ, эта вотчина изо всѣхъ вотчинъ первѣйшая была, ну, а теперь точно... Таки даже душегубы сдѣлались, что и проѣзжать мимо ихней деревни опасно. А все этотъ управитель!

«— Да управитель-то тутъ при чемъ?

«— А какъ бы тебѣ это въ толкъ дать, бабонька! Оно точно, что онъ словно не при чемъ тутъ, а какъ вотъ хошь бы и тебя, примѣрно, нонѣ мужъ потаскалъ, да завтра потаскалъ, такъ и тебѣ бы, чай, тасканцы-то пріѣлись... Такъ вотъ и они, ко всему приглядѣлись, да таки ли звѣри сдѣ-

Digitized by Google

лались, что прости, Господи! Велитъ ему управитель за вину сотню, что ли, отсчитать, такъ наказчикъ-то ужъ отъ себя норовитъ полсотни всыпать! Кровь-то у нихъ замѣсто удовольствія сдѣлалась—своего даже брата не жалко... Варваръ же вѣдь и мужикъ, какъ его разожгутъ — что̀ твой звѣрь!..

«— Ну, а за что̀ же они въ ту-пору Оринушку-то измучивали?

«— А вотъ видишь, положенье у нихъ такое есть, что всяка душа свою то-исъ тяготу нести должна; ну, а Оринушка каку тяготу нести можетъ — сама видишь! Вотъ и удумали они съ мужемъ-то, чтобъ пущать ее въ міръ; обрядили ее, знашь, сумой, да отъ понедѣльника до понедѣльника и ходи, собирай куски, а въ понедѣльникъ безпремѣнно домой приди и отдай, чего насобирала. Какъ не противъ указаннаго насобираетъ—ну и тасканцы.

«— Эко, подумаешь, бываютъ же на свѣтѣ злодѣи! Ну, а какъ же ты, дѣдушко, одумалъ: какъ же намъ съ ней-то быть, чтобы въ отвѣтъ моему мужику не попастись?

«— Я тебѣ сказывалъ ужъ, бабонька, что надо ее сумеречками полегоньку за околицу вынести, а по прочему какъ хотите! Мнѣ-ка что̀ туть! Я для васъ же уму-разуму васъ учу, чтобъ вреды вамъ какой отъ эвтова дѣла не было... Мотри, братъ Нилъ, кабы розыску какого не случилось — не радъ будешь и добродѣтели своей.

«Ужъ на что была мягка моя баба, а урезонилась. «Инъ быть, говоритъ, дѣдушка, по-твоему». А гостья-то знай на печкѣ стонетъ.

«— А что, тётонька, — говоритъ Василиса: — тошно, что ли, тебѣ, испить хочется? Али пирожка дать поѣсти?

«А она все стонетъ. Дала ей баба воды испить; полежала она съ часочекъ, ну и вздохнула словно маленько.

«— Что̀, тётонька, али полегше стало?

«Вдругъ она, знашь, заговорила, да такъ-то внятно, словно совсѣмъ у ней отлегло.

Digitized by Google

«— А что,—говоритъ:—до Ерусалима-града далече отсель будетъ?

«— Что ты! Христосъ съ тобой, тётонька. Какой такой Ерусалимъ-градъ, мы и не слыхивали!

«— А Ерусалимъ—градъ Христовъ,—говоритъ:—мнѣ сегодни повечеру безпремѣнно поспѣть туда надоть.

«И опять на печкѣ растянулась и обезпамятѣла. Губы-то у ней шевелятся, а чего она ими бормочетъ—не сообразишь! То Ерусалимъ опять называетъ, то управительшу поминаетъ, то «Христа ради!» закричитъ, и такъ, братецъ ты мой, жалостно, что у меня съ бабой ровно подъ сердце что подступило.

«— Ну, говорю, Василисушка, видно, кончается!

«— А и то кончается, говоритъ.

«Помыкалась она, раба Божія, такимъ родомъ съ полчасика и замолчала совсѣмъ. Полѣзъ я къ ней на печку — не дышитъ... Ну, пропала, думаю, моя головушка!

«— А что, говорю, Василиса, — инъ и взаправду старуха-то совсѣмъ замерла!

«И говорю это, знашь, не то чтобы громко, а потихоньку, словно чудится мнѣ, что за дверью кто-нибудь меня слухаетъ! Говорю, а у самого сердце-то такъ и дрожжитъ въ груди. Поставила Василиса свѣчу къ образу, начала надъ старухой молитвы читать, а мнѣ ровно не до того. И жалко-то мнѣ, и зло-то меня беретъ, а пуще зло. «Вотъ, думаю, занесли-те лѣшіе!» И опять же и то думаю, что зачѣмъ старуху убогую обижать... Сижу, слышь, на лавкѣ, а передъ глазами-то у меня-ц становой мерещится, и острогъ, и всякая напасть. Пошелъ опять къ дѣдушкѣ Власу.

«— Что, говорю, никакъ померла, дѣдушко!

«— Ну, царство небесное!—говоритъ:—много убогая кресту потрудилася!

«— Какъ же, молъ, теперь мнѣ быть-то съ ней?

«— А снеси, какъ сказывалъ, на гумно! На лбу-то у

Digitized by Google

ней не написано, гдѣ она спала-ночевала! Заблудилась, да и вся недолга...

«Пришелъ опять домой; жена обѣдать сбираетъ.

«— Ну, тебя, говорю, до обѣдовъ ли мнѣ теперя! Ты мнѣ-ка эту петлю на шею навязала!

«— Бога ты не боишься, Нилъ Ѳедотычъ! — говоритъ баба: — Божью тварь призрѣлъ-обогрѣлъ, а поди-ка ругаешься, словно на большую дорогу на разбой ходилъ!

«Пришли это сумеречки; изладилъ я санишки; обвязали мы бауньку вожжами, чтобъ не болталась, и тронулся я съ нею въ поле. Бѣгу, знашь, съ санишками-то, а самъ все оглядываюсь. И что я въ это время мýки принялъ — разсказать не умѣю. Изъ кажнаго словно окошечка голова выглядываетъ; даже мѣсяцъ сверху свѣтитъ, и тотъ будто смотритъ: что, дескать, ты, злодѣй, дѣлаешь?.. Сапожнишки-то я загодя скинулъ, въ однѣхъ портянкахъ пошелъ — и тѣ скрипятъ, проклятыя, словно звонъ по улицѣ раздается. Бѣгу я это и не думаю ничего; все это одна у меня въ головѣ дума: «Куда же, молъ, это поле запропастилося? Было, кажется, рукой подать, а теперь вотъ словно часъ бѣгу — не добѣгу да и полно»... Однако, прибѣжалъ-таки къ гуменникамъ, свалилъ свою ношу и драло домой...

«Сижу я дома, а меня словно лихоманка ломаетъ: то ознобъ, то жарынь всего прошибаетъ; то зубъ съ зубомъ сомкнуть не могу, то весь такъ и горю-горма. Цѣлую ночь надо мной баба промаялась — ни-ни, ни одной минуточки не сыпалъ. На другой день, ранымъ-ранёхонько, шасть ко мнѣ дядя Ѳедотъ въ избу.

«— Слышалъ?—говоритъ.

«— Нѣтъ, молъ, не слыхалъ.

«— У Куземки тѣло, говоритъ, по-за гумномъ оказалося.

«— Ой ли?—говорю, а самого такъ и ломитъ лихоманка.

«— Да, — говоритъ, — тѣло; сотскій ужъ къ становому угналъ; да что ты словно трясешься весь?

«— Да что, говорю, лихоманка всего истрепала; и то за

Digitized by Google

всю ночь ни на минуту не сыпалъ. Да како же, молъ, тако тѣло, Потапычъ, оказалося?

«— А старушонка кака-то, Христосъ ее знаетъ! Воргушинская, сказываютъ ребята. Только вотъ что чудно, парень, что лежитъ она, а руки-ноги у ней вожжами перевязаны... Ужъ мы и то хотѣли развязать ее да посмотрѣть, чьи вожжи, да сотскій не пускаетъ: до станового нельзя, говоритъ.

«А я, знашь, въ ту пору, какъ ее бросилъ на гумённикѣ, и развязать-то второпяхъ позабылъ... Гляжу, къ обѣду и становой прикатилъ; поволокли насъ всѣхъ туда міромъ; сняли съ нея вожжи, со старухи.

«— А чьи это вожжи, ребята?—спрашиваетъ становой.— Не признаете ли?

«Посмотрѣли ребята на вожжи, посмотрѣли на меня.

«— Нилкины вожжи,—говорятъ.

«Я было въ запирательство—такъ куда! Тотъ же Потапычъ дохнуть не далъ.

«— Нѣтъ, братъ, это, говоритъ, ужъ дѣло не слѣдственное, чтобъ кашу наварить, да потомъ на міръ сваливать.

«Подумалъ-подумалъ я; вижу, точно мои вожжи; ну, и міръ, знашь, лаяться на меня зачалъ; вспомнили туточки, что какая-то старуха наканунѣ по селу шаталась, что она и въ избу-то ко мнѣ заходила—какъ тутъ запрешься? . .

. . . . . .

«— Да вотъ съ той поры и сижу, братецъ ты мой, въ эвтимъ мѣстѣ, въ острогѣ каменномъ, за рѣшетками за желѣзными, живу-поживаючи, хлѣбъ-соль поѣдаючи, о грѣхахъ своихъ размышляючи... А веселое, братъ, наше житье—право-ну!»

Старецъ.

«Я старецъ. Старцемъ я прозываюсь потому, первое, что грѣховную суету оставилъ и удалился въ пустынножитель-

Digitized by Google

ство, а второе потому, что въ писаніи божественномъ искуснѣе, нечѣмъ прочіе христіяне. Прочіе христіяне въ темнотѣ ходятъ, Бога только по имени знаютъ; спросишь его: «какой ты вѣры? — онъ тебѣ отвѣчаетъ: «старой», а почему «старой», и въ чемъ она состоитъ, для него ото дѣло темное.

«Родители мои изстари «христіяне» были; лѣтъ около сотни будетъ назадъ, еще дѣдушка мой бѣжалъ изъ Великой Россіи и поселился въ Пермской губерніи на желѣзномъ заводѣ. Жалко, сказываютъ, было ему съ родной стороной разставаться! Извѣстно, тамъ наши родители въ землю легли, тамъ вся наша святыня, тамъ гробы чудотворцевъ, гробы благовѣрныхъ князей россійскихъ и первосвятителей православной церкви... Кому неволя отъ такихъ святыхъ мѣстъ идти въ сторону глухую, незнаемую, дикую! Стало-быть, тѣснота была великая, коли ужъ перемочь было не можно.

«Бѣжали они въ тѣ-поры цѣлыми селеньями, кто въ Поморье, кто въ Сибирскій край. Однако, хошь и дикая была эта сторона, а точно Господня благодать осѣнила ее. Всего было довольно: и звѣря лѣсного, и рыбы всякой, и угодій—ни въ чемъ нужды не видѣли. А всего пуще общеніе и дружба между селянами была. Еще на моей памяти жили мы тутъ словно въ райскихъ обителяхъ. Не было ни раздору, ни соблазну, ни пьянства; кабакъ и другія тамъ заведенія пошли только въ недавнихъ годахъ. Ну, и подлинно: не сломила сила, не сломило слово, а кабакъ сломилъ—это точно. Кои селенья богаты были, въ тѣхъ теперь словно разоренье прошло: все въ кабакъ снесли.

«Помню я свое дѣтство, помню и родителя, мужа честна и праведна; жилъ онъ лѣтъ съ семьдесятъ, жилъ чисто, какъ младенецъ, мухи не изобидѣлъ и многая возлюбилъ... Теперь онъ видитъ лицо Создателя и молится за насъ грѣшныхъ. Памятенъ онъ мнѣ такъ, словно сейчасъ его вижу: сѣдой и строгій, а въ глазахъ кротость и благость Господня. Какъ вы хотите разсудите, ваше благородіе, а

Digitized by Google

какая-нибудь причина тому есть, что между «мірскими» такихъ стариковъ не бываетъ. Весь онъ будто святой, и всякъ, кто его видитъ, по неволѣ передъ нимъ шапку сниметъ и поклонится... Почтенный былъ старикъ.

«Сердце у меня сызмальства уже къ Богу лежало. Какъ сталъ себя помнить, какъ грамотѣ обучился, только о святомъ дѣлѣ и помышленіе въ умѣ было. Начитаешься, бывало, на ночь, какія святіи отцы мученія претерпѣвали, какіе подвиги совершали—на сердцѣ ровно сладость какая прольется: точно вотъ плывешь или вверхъ уносишься. И уснешь-то, такъ и во снѣ-то видишь все, какъ они, наши заступники, въ лютыхъ мученіяхъ имя Божіе прославляли, на мучителей своихъ Божеское милосердіе призывали. А другой разъ случалось и такъ, что голова словно въ огнѣ горитъ, ничего кругомъ не видишь, и все будто неповинная кровь передъ тобою льется, и кроткія рѣчи въ ушахъ слышатся, а въ углу будто самъ Деоклитіянъ-царь сидитъ, и видъ у него звѣроподобный, суровый.

«Еще тогда, сколь припомню, только объ томъ и думалось, чтобъ въ пустынножительствѣ спасеніе найти, чтобъ уподобиться древнимъ отцамъ-пустынникамъ, которые суету мірскую хуже нечѣмъ мученія адовы для себя почитали... Ну, и привелъ Богъ въ пустыню, да только не такъ, какъ думалось.

«Лѣтъ за пятнадцать до смерти принялъ родитель иночество отъ нѣкоего старца Агаѳангела, приходившаго къ намъ изъ стародубскихъ монастырей. Съ этихъ поръ онъ ничѣмъ ужъ не занимался и весь посвятилъ себя Богу, а домомъ и всѣмъ хозяйствомъ заправляла старуха-мать, которую онъ и называлъ «посестріей». Помню я множество странниковъ, посѣщавшихъ нашъ домъ: и невѣсть откуда приходили они: и изъ Стародуба, и съ Иргиза, и съ Керженца, даже до Аѳона доходили иные; и всѣхъ-то отецъ принималъ, всѣхъ чествовалъ и отпускалъ съ милостыней.

«Между *христіянами* въ то время большое смятеніе

Digitized by Google

было; не только отъ мірскихъ гоненье терпѣли, а и промежъ себя все были раздоры да неурядицы: кто хотѣлъ священства, а кто его и вовсе отвергалъ *). Родителя моего это сильно печалило. Безпрестанно получали мы письма и посланія то отъ той, то отъ другой стороны, и всякъ уговаривалъ не слушать противника, у всякаго противникъ супостатомъ и отщепенцемъ св. церкви назывался. Странники, бывшіе на Москвѣ, тоже немного хорошаго пересказывали: тамъ, на этихъ соборахъ, доходило чуть не до убивства.

«Горько сдѣлалось родителю; своими глазами сколько разъ я видалъ, какъ онъ цѣлые дни молился и плакалъ. Наконецъ, онъ рѣшился самъ идти въ Москву. Только Богъ не допустилъ его до этого; отъѣхалъ онъ не больше какъ верстъ сто и заболѣлъ. Вамъ, ваше благородіе, оно, можетъ, неправдой покажется, что вотъ простой мужикъ въ такое большое дѣло все свое, можно сказать, сердце положилъ. Однако это такъ.

«Дали намъ знать, что родитель умираетъ. Пріѣхали мы съ матушкой въ Ножовку (село такое есть), гдѣ онъ лежалъ у одного старинаго благопріятеля; пріѣхали, а у него ужъ руки и ноги отнялись. Принялъ онъ, сударь, и схиму, передъ кончиной, по той причинѣ, что предъ лицо Божіе похотѣлъ предстать въ ангельскомъ всеоружіи; объ одномъ только жалѣлъ, что не сподобилъ его Богъ мученическій вѣнецъ воспріять, что вотъ онъ на свободѣ преставляется, а не въ узахъ и не въ тѣснотѣ. Смекаю, что онъ затѣмъ больше и въ путь отправлялся, что чаялъ за Христа душу положить.

«Умеръ онъ въ полной памяти и свѣтломъ разумѣ, съ

*) Любопытствующихъ узнать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ смутахъ отсылаемъ къ сочиненію протоіерея Андрея Іоаннова: «Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ», и пр., а также къ «Исторіи русскаго раскола», преосвященнаго Макарія, епископа винницкаго.

Digitized by Google

молитвой и благословеніемъ... Это-то самое воспоминаніе объ его, то-есть, тихой и праведной смерти еще болѣе утвердило меня. Можетъ ли статься, думалъ я, чтобы наше дѣло было неправое, когда вотъ родитель ужъ на что былъ большого разума старикъ, а и тотъ не отступился отъ своей старины: какъ жилъ въ ней, такъ и умеръ. Къ тому же и такая была у меня мысль, что передъ смертью каждый человѣкъ сокровеннымъ вѣдѣніемъ просвѣщается; стало-быть, если бъ совѣсть его была чѣмъ ни-на-есть замарана, зачѣмъ же бы ему не примириться съ ней передъ смертью: тамъ вѣдь не человѣческій судъ, а Божій!

«Случился въ это самое время въ Ножовкѣ засѣдатель. Какъ ни секретно мы свое дѣло устраивали, однако онъ пронюхалъ, что вотъ, дескать, померъ старикъ безъ покаянія; пришелъ къ намъ въ домъ.

«— Отъ какой, говоритъ, причины померъ здѣсь старикъ, да и чтой-то за старикъ таковъ? Давайте, говоритъ, мнѣ его видъ.

«А вида у отца точно-что никакого не было, по той причинѣ, что пашпортъ считалъ онъ дѣломъ сугубо грѣховнымъ. У насъ насчетъ этого такой разговоръ былъ, что пашпортъ ли, печать ли антихристова,—все это едино. Есть книга такая, Трифологія прозывается, и въ ней именно наказано: «опасатися трехъ вещей: звѣринаго образа, карточекъ и наипаче всего душепагубныя печати». Опять-таки и Зиновій-мнихъ на вопросъ: «которыми вещьми хощетъ увязати человѣкомъ умъ сопротивникъ Божій?»—прямо отвѣчаетъ: «повелитъ творити нѣкая письмена на карточкахъ, съ тайнымъ именемъ, да не могутъ безъ тѣхъ въ путь шествовать». Ну, и выходитъ, что карточки пашпортъ и есть.

«Однако, засѣдатель всего этого разговору не понимаетъ.—«Мнѣ, говоритъ, подавай пашпортъ».

«— Да гдѣ жъ его возьмешь, коли нѣтути?—говоримъ мы ему.

Digitized by Google

«— Такъ нѣтъ, стало, пашпорта? — ладно; это пунктъ первый. А теперь, говоритъ, будетъ пунктъ второй: кто, бишь, изъ васъ старика отравилъ? И въ какихъ это законахъ написано, чтобъ смѣлъ человѣкъ умереть безъ напутствія!

«Мы такъ, сударь, и помертвѣли всѣ.

«— Да, говоритъ, это надлежитъ дѣло изслѣдовать, потому что и законами не повелѣно безъ напутствія умирать!

«А самъ, знашь, подошелъ къ мертвому-то, да еще надругаться надъ нимъ норовитъ. Я въ тѣ-поры еще молоденекъ былъ; кровь-то во мнѣ играла—ну, и обидно мнѣ это показалось.

«— А что, говорю, много жалованья, ваше благородіе, получаешь за то, чтобъ надъ праведникомъ надругаться?

«Такъ онъ только засмѣялся, антихристъ, да въ щеку мнѣ легонько потрафилъ.

«Истрясли мы въ ту пору рублей больше тысячи на тогдашнія еще деньги, и схоронили-таки родителя по своему обычаю. Однако, съ этихъ поръ словно знобитъ у меня все нутро, какъ увижу полицейскаго: такъ и представляется мнѣ покойникъ, какъ онъ его рѣзать и потрошить хотѣлъ.

«Остался я послѣ отца по двадцатому году; ни братьевъ, ни сестеръ не было: одинъ какъ перстъ съ матушкой. Года были подходящіе; матушка стала стара; хозяйство въ разстрой пошло... вотъ и стала ко мнѣ приставать старуха: женись да женись.

«Конечно, сударь, и отецъ, и дѣдъ мой, всѣ были люди семьянистые, женатые; стало-быть, нѣтъ тутъ грѣха. Да и Богъ сказалъ: «не добро быти единому человѣку». А все-таки какая-нибудь причина тому есть, что писаніе, коли порицаетъ какую ни-на-есть вещь или установленіе или дѣяніе, не сравнитъ ихъ съ мужемъ непотребнымъ, а все съ дѣвкой-жидовкой, съ женой скверной. Да и Адамъ не

Digitized by Google

самъ собою въ грѣхопаденіе впалъ, а все черезъ Евву. Оно и выходитъ, что баба всему будто на землѣ злу причина и корень.

«Къ тому же и отецъ, на смертномъ одрѣ, не больно желалъ, чтобъ я осемьянился, даже матери наказывалъ, чтобъ она меня къ этому дѣлу не нудила. Припомнилъ я это старухѣ—такъ куда! И святыхъ-то всѣхъ помянула, и отца потревожила: такая ужъ ихъ бабья природа. «Онъ, говоритъ, и живъ-то былъ, такъ ровно его не было, только слава, что мужъ, а умеръ—одно разоренье оставилъ». А то и забыла, что и домъ, и все, что̀ въ немъ ни было, все трудовъ отцовскихъ дѣло. Крѣпился я года съ три, однако она меня одолѣла. Какъ съ утра да до ночи къ тебѣ пристаютъ, такъ и не вѣсть чего сдѣлаешь.

«Вотъ я и женился. Жила у насъ на селѣ дѣвка не дѣвка, вдова не вдова, а такъ женщина сумнительная. Словно диво сталось какое, полюбилась она моей старухѣ. Слухъ у насъ былъ, будто она съ старцами дружбу водитъ, которые неподалеку отъ насъ въ лѣсахъ спасались; старцы были все молодые да здоровенные, зачастую къ намъ на село за подаяньемъ прихаживали, и все, бывало, у ней становятся. Сталъ я говорить про это матери, такъ и то все прахомъ пошло: «что̀ жъ, говоритъ, развѣ старцы люди простые? Отъ нихъ, окромя благодати, ничего и быть-то не можетъ». Ну, и обвѣнчали въ церкви. Я было-хотѣлъ, чтобъ дѣло просто сталось, по-родительскому то-есть благословенію, по той причинѣ, что и учители наши сказываютъ: «не въ томъ-де замыкается сила тайны брака, чтобъ черезъ попа оную отправить» *); однако, и тутъ мать-старуха не допустила. «Это, говоритъ, ты хочешь, чтобъ меня засудили на старости лѣтъ? Мало, что ли, я въ тѣ-поры съ покойничкомъ денегъ истрясла?»

«Оно и точно, ваше благородіе, тяжкія времена тогда

*) См. «Извѣстія о стригольникахъ и пр.», соч. Андрея Іоаннова. Изд. 5-е, ч. II, стр. 36.

Digitized by Google

были. Отъ самой, то-есть, утробы материнской и до самой смерти земская полиція неотступно за нами слѣдила. Какъ пастырь вѣрный и никогда не спящій, стерегла она стадо наше и получала отъ того для себя утѣху великую. Первая была мзда за нехожденіе, вторая за сожительство, третья за неокрещеніе, четвертая за погребеніе не по чину. Удивляешься нынче, какъ на все это ихъ ставало, откуда деньги у стариковъ брались. И не то чтобъ помаленьку, по-христіянски брали—отчего жъ и не взять бѣдному человѣку, коли случай есть?—нѣтъ, норовитъ, знашь, смаху ограбить въ конецъ. Бывали случаи, какъ поважнѣе дѣло, вотъ хошь бы насчетъ совращенья, такъ въ домѣ-то послѣ полиціи словно послѣ погрому.

«Ну, и подлинно повѣнчали насъ въ церкви; оно, конечно, попъ по̀солонь вѣнчалъ—такъ у насъ и уговоръ былъ, а все-таки я свое начало исполнилъ: воротился домой, семь земныхъ поклоновъ положилъ и прощенья у всѣхъ испросилъ: «простите, молъ, святіи отцы и братья, яко по нуждѣ азъ грѣшный въ еретической церкви повѣнчался» *). Были тутъ наши старцы; они съ меня духомъ этотъ грѣхъ сняли.

«Не долго мы пожили въ согласіи. Первое дѣло, что брань промежъ бабъ пошла, а второе дѣло—эти старцы больно ужъ одолѣвать меня зачали. Кажный-то день все они къ намъ да къ намъ, и пошло у нихъ это бражничанье да хлѣбосольство, словно кабакъ какой у насъ въ домѣ завелся. Старуха-мать только сидитъ да плачетъ, а я... мнѣ, сударь, полюбилась такая жизнь. Соберемся мы, бывало, въ кружокъ, поставитъ намъ жена браги, и пошелъ разговоръ. Старцы эти были народъ хошь не больно грамотный, однако изъ этихъ цвѣтниковъ да азбуковъ понабрались кой-чего; сидитъ себѣ, знай, пьетъ, да каждый глотокъ изреченіемъ изъ святого писанія будто закусываетъ: особливо одинъ—отцомъ Никитой прозывался. Сталъ я въ ту-пору

*) Тамъ же.

Digitized by Google

и хмелемъ зашибаться; понималъ я, конечно, что это дѣло нехристіянское, да удержаться никакъ невозможно: такъ и тянетъ и тянетъ въ этотъ развратъ.

«Такимъ-то родомъ пропили мы и послѣднія денежки. Думалъ я, думалъ, куда дѣвать мнѣ свою головушку, и рѣшился наконецъ. Рѣшился я, сударь, идти въ повѣренные на винный заводъ. Владѣлецъ его зналъ еще нашего родителя, и хошь, можетъ, доходили до него слухи, что сынъ не въ отца пошелъ, однако принялъ меня и жалованье большое положилъ. Не дошелъ бы я, сударь, до этой крайности, лучше бы съ голоду умеръ, чѣмъ въ экое поганое мѣсто служить идти, да жена и тутъ сомустила. «Что жъ, говоритъ, развѣ ты тутъ при чемъ-нибудь будешь? Ихъ, молъ, дѣло особь статья, а твое особь статья: вотъ кабы твой заводъ былъ, это точно что грѣхъ, а то и родитель твой съ ними дѣла имѣлъ, не гнушался». Ну, и старцы тоже приговорили, что ничего закону противнаго нѣтъ; только старуха-мать ровно по покойникѣ голосила, какъ я на заводъ отправлялся.

«Въ заводѣ этомъ пробылъ я лѣтъ восемь; какую жизнь я тѣмъ временемъ велъ, даже вспомнить стыдно. Довольно сказать, что по постнымъ днямъ скоромное ѣлъ, водку пилъ, табачище курилъ! И гдѣ-гдѣ не перебывалъ я въ эти восемь лѣтъ! И въ Астрахани, и въ Архангельскомъ, всю Россію почесть вдоль и поперекъ изъѣздилъ. Подивился я, баринъ, въ ту пору, что такое есть Русское царство! Куда ни пріѣдешь—все новый обычай, новая рѣчь, даже одежда новая. Много узналъ я слезъ, много нужды, много печали, и однако все это будто мимо меня прошло. Нажилъ я денежекъ, поприсмотрѣлся кой-къ-чему и самъ сталъ поторговывать, сначала исподволь, а потомъ все больше да шире. Торговалъ я, знаете, книжками, лѣстовками да образками, а какая это была торговля—одному Богу извѣстно. Овладѣлъ мною духъ неправды и любостяжанія; сталъ я обманывать, бѣдный народъ притѣснять, свою братію про-

Digitized by Google

давать, отъ христіянства отказываться, все въ чаяньи пріобрѣтенья благъ земныхъ.

«И вѣдь чудо! не поразилъ же меня въ то время Господь, какъ пса смраднаго, когда я не вѣсть до какого кощунства доходилъ. Обманъ, сударь, конечно, дѣло простое, потому какъ на немъ у насъ, пожалуй, весь торговый промыселъ состоитъ, да я-то вѣдь на чемъ обманывалъ? Я вѣдь именемъ Христовымъ, можно сказать, торговалъ! Особливо есть у насъ, въ нашемъ быту, собраньица такія рукописныя, цвѣтнички прозываются; тамъ, знаете, изо всѣхъ книгъ собрано, что̀ намъ на потребу. Эти тетрадки самый для насъ выгодный промыселъ; покупаетъ ихъ народъ больше неграмотный, которому и не вѣсть чего тутъ наскажешь: вотъ онъ, наслушавшись-то, и точно готовъ на стѣну лѣзти.

«Помощникъ былъ у меня на всѣ такія дѣла предошлый. Прозывался онъ по-простому Андріяшкой, и какъ бы вамъ сказать, не ошибиться, за полтину серебра душу свою готовъ былъ на всякое дѣло продать. Гдѣ и въ какихъ онъ дѣлахъ не бывалъ, этого я вамъ и объяснить не умѣю: довольно сказать, что у комедіянтовъ подсказчикомъ былъ... изволите знать, что̀ по городамъ комедіянты бываютъ. Онъ и стихи слагать умѣлъ, особливо про пустынножительство или вотъ насчетъ антихристова пришествія. Одно слово, остроумный, живой парень былъ. Конечно, промежъ насъ-то онъ будто замѣсто шута состоялъ, а въ темномъ народѣ тоже свою ролю разыгрывалъ. Часто самому мнѣ случалось слышать, какъ его величали «горняго житія ревнителемъ», ну, и онъ ничего, даже глазомъ не моргнетъ. Такъ вотъ этакой-то проходимецъ и вызвался быть моимъ помощникомъ. И точно: поддѣлать ли что̀ подъ старый манеръ, разсказать ли такъ, чтобъ простой человѣкъ уши развѣсилъ— на все на это у него такой талантъ былъ, что, кажется, если бы да на хорошую дорогу его поставить, озолотилъ бы, не разстался бы съ нимъ.

Digitized by Google

«Какъ пошла у меня эта торговля, я и мѣсто бросилъ. Слухомъ земля полнится; стали и на Москвѣ знать, что есть-де такой-то ревнитель; ну, и засылать ко мнѣ зачали. Получаю я однажды писемцо, отъ одного куща изъ Москвы (богатѣйшій былъ и всему нашему дѣлу голова), пишетъ, что, молъ, такъ и такъ, извѣстился онъ о моихъ добродѣтеляхъ, что отъ Бога я свѣтлымъ разумомъ надѣленъ, такъ не заблагоразсудится ли мнѣ взять на свое попеченіе утвержденіе старой вѣры въ Крутогорской губерніи, въ которой «христіяне» претерпѣваютъ якобы тѣсноту и истязаніе великое. А средствомъ къ утвержденію предлагалось открытіе постоялаго двора, въ которомъ могли бы имѣть пристанище всѣ «христіяне». Ну, разумѣется, и деньги на обзаведеніе тутъ же посулилъ, десять тысячъ рублевъ на бумажки... «А мы, говоритъ, Богу произволящу, надѣемся въ скоромъ времени и пастыря себѣ добыть добраго, который бы могъ и поповъ ставить, и стадо пасти духовное: такъ если, молъ, пастырь этотъ къ вамъ обратится когда, такъ вы его, имени Христова ради, руководствуйте, а насъ, худыхъ, въ молитвахъ передъ Богомъ не забывайте, а мы за васъ и за всѣхъ православныхъ христіянъ молимся и напредъ молиться готовы».

«Ну, что жъ, думаю, это дѣло хорошее. Поѣхалъ въ Крутогорскъ, взялъ съ собой Андріяшку, снюхался тамъ съ кѣмъ слѣдуетъ и открылъ въѣзжій дворъ. Крутогорская эта сторона, доложу я вамъ, сплошь населена нашимъ братомъ; только все это тамъ у нихъ, съ позволенія сказать, какая-то тарабарщина. Отъ дикости ли это ихней, а только что ни деревня у нихъ, то толкъ новый; даже въ одномъ и томъ же селеньи по нѣскольку бываетъ. Одни на воду вѣруютъ; соберутся, знашь, въ избѣ, поставятъ посреди чанъ съ водой и стоятъ вокругъ, доколѣ вода не замутится; другіе дѣвку нагую въ подполье запираютъ, да потомъ ей кланяются; третьи говорятъ: «несогрѣшивый спасенья не имѣетъ», и стараются по этой причинѣ какъ возможно

Digitized by Google

больше грѣха на душу принять, чтобъ потомъ было что замаливать. Есть даже такіе изувѣры, что голодомъ себя измариваютъ; только нонѣ этихъ стало менѣ замѣтно.

«Надлежало, стало-быть, всѣхъ этихъ разнотолковъ въ одно согласить, и задача трудненька-таки была. Писалъ я объ этомъ въ Москву къ своему благодѣтелю, такъ онъ отвѣчалъ, что это ничего, лишь бы были всѣ «христіяне». Ну, я такъ и дѣйствовалъ.

«Конечно, сударь, какъ теперь разсудить, такъ оно точно выходитъ, что въ этихъ дѣлахъ много сумнительнаго бываетъ. На этотъ счетъ, доложу я вамъ, трехъ сортовъ есть люди. Одни именно сердцемъ это дѣло понимаютъ, и эти люди хорошіе, примѣрно вотъ какъ родитель мой. Правы они или неправы, это статья особенная, да по крайности они вѣруютъ. И вы, баринъ, не подумайте, что они изъ-за сугубой аллилуіи или изъ-за перстовъ такъ убиваются. Нѣтъ, тутъ совсѣмъ дѣло другое; тутъ, сударь, вотъ антихристъ примѣшался, тутъ старина родная, земство, и мало ли еще чего! Извѣстно, Андрея Денисова ученики. Экихъ людей немного, а нонѣ, пожалуй, и совсѣмъ нѣтъ. Эти на все готовы: и смерть принять, и поруганіе претерпѣть, все это даже за радость себѣ почитаютъ. А вотъ другой есть сортъ, такъ эти именно разбойники и святотатцы. Это больше все люди богатые или хитрые; заводятъ смуты не для чего другого, какъ изъ того, чтобы прибытокъ получить, или еще для того, чтобъ честь ему была. Хуже, злѣе этихъ людей на свѣтѣ нѣтъ; готовъ полсвѣта зарѣзать, чтобъ прихоть свою исполнить. Самъ онъ не только въ старую, а, просто сказать, ни въ какую вѣру не вѣруетъ; знали бы только, что, молъ, вотъ онъ каковъ: слово скажетъ, такъ четь Россіи этого слова слушаетъ. Ну, подлинно слушаютъ, потому что народъ не разсуждаетъ: ему только скажи, что такъ, молъ, при царѣ Горохѣ было, или тамъ что какой ни-на-есть папа Дармосъ былъ, котораго тѣло было ввержено въ рѣку Тивирь, и отъ этого въ

Digitized by Google

рѣкѣ той вся рыба повымерла, — онъ и вѣритъ. Это третій сортъ.

«И еще доложу вамъ, сударь, такой, примѣрно, предметъ, что сколько вотъ я ни бродилъ по свѣту, сколько ни зналъ «особниковъ», а истинной, настоящей то-есть любви въ нихъ не видалъ. Всѣ они какъ есть «особники». Нѣтъ того, чтобъ душу свою за ближняго положить, а пуще горло ему перегрызть готовы. Мало въ нихъ общительности, мало и радушія, и милосердія. Кто больше ихъ подаетъ милостыни? Кто больше ихъ жертвуетъ на общее дѣло? А все какъ-то сразу замѣчаешь, что тутъ истиннаго мало, что все это—и жертва, и приношенія—одинъ хазовый конецъ. Конечно, есть же какая-нибудь этому причина, что сердце въ нихъ словно зачерствѣло, что они на свѣтъ Божій сурово глядятъ, а только это истинная истина, что къ общенію ихъ мало тянетъ. Иной богатый купецъ тысячи броситъ, чтобъ прихоть свою на народѣ удовольствовать, а умирай у него съ голоду на дворѣ душа христіянская — онъ и съ мѣста не двинется...

«Дѣла мои шли ладно. На дворѣ, въ банѣ, устроилъ я моленную, въ которой мы по ночамъ и сходились; анбары навалилъ иконами, книжками, лѣстовками, всякимъ добромъ. Постояльцевъ во всякое время было множество, но выгоднѣе всѣхъ были такіе, которыхъ выгоняли въ городъ для увѣщаній. Позовутъ ихъ, бывало, въ присутствіе, стоятъ съ утра ранняго, а потомъ, глядишь, и выйдетъ самъ секретарь.

«— А вы, молъ, кто такіе?

«— А мы, батюшка, вотъ такіе-то; нельзя ли, кормилецъ, надъ нами скорѣе конецъ сдѣлать?

«— А!—скажетъ секретарь:—ну, теперь поздно, пора водку пить, приходите завтра.

«Придутъ и завтра; тоже постоятъ и опять: «приходите завтра». Иной разъ такимъ-то манеромъ съ мѣсяцъ томятъ, пока не догадаются мужички полтинничекъ какой-нибудь

Digitized by Google

приказной крысѣ сунуть. Тутъ ихъ въ одинъ день и окрутятъ — извѣстно, остались всѣ непреклонны, да и вся недолга. И диво бы не остались, баринъ! Дома-то онъ одинъ; видитъ ли, нѣтъ ли передъ собой такого же сиволапа, какъ и самъ, а тутъ придетъ въ городъ, остановился, примѣрно, хошь у меня или у другого такого же, и чего-чего ему въ ушп-то тутъ ни нашепчутъ! Какъ изъ деревни-то онъ шелъ, совѣсть-то у него, можетъ, шаталася, а тутъ, гляди, совсѣмъ другой человѣкъ сдѣлался. «Не хочу, да не хочу!» да и полно; а почему «не хочу»—молчитъ; «просто, говоритъ, не хочу!» Что жъ съ нимъ станешь дѣлать?

«Ну, а для насъ, крохоборцевъ, оно и хорошо. Простоятъ они этакъ съ мѣсяцъ—глядишь, анъ на коемъ тридцать, на коемъ сорокъ бумажками. А расходу для нихъ не Богъ знаетъ сколько: только за тепло да за ласку, потому что хлѣбъ у него завсегда свой, и такой, сударь, хлѣбъ, что нашему брату только на диво, какъ они его ѣдятъ. Какъ приходится домой идти, да объявишь каждому расчетъ, такъ онъ только вздыхаетъ. И денегъ-то у него нѣтъ, и припасъ-отъ весь извелъ, потому что собирался на недѣлю одну, а продержали мѣсяцъ. Ну, мы насчетъ этого не прекословимъ: тутъ же и условимся, чтобъ замѣсто денегъ хлѣбомъ, или медомъ, или холстомъ по ихней, то-есть, цѣнѣ: доставка тоже ихняя. Это дѣло очень выгодное и обмановъ тутъ не бываетъ—чего!—еще гостинцу всякій разъ присылаютъ!

«Однажды получаю я письмо отъ своего милостивца, что всъ добыли они себѣ пастыря, мужа честна и добра, и что похотѣлъ онъ овцы своя узрѣти и даже нашъ городъ предположилъ посѣтить.

Вотъ и подлинно пріѣхалъ онъ. Пріѣхалъ ночью, съ возаи, будто извозчикъ; одѣтъ словно мѣщанинъ простой, въ кафтанчикѣ и въ жилеткѣ, и волосы въ кружокъ обстрижены, и паспортъ при немъ; только чужой али фальшивый!— доложить не могу. Приняли мы его съ честью ве-

Digitized by Google

ликою, подъ благословенье, какъ слѣдуетъ, подошли; только самъ онъ словно необычно держалъ себя: чуть немного не по немъ—онъ не то чтобъ просто забранить, а все норовитъ обозвать тебя непотребно. Служилъ онъ (такая при немъ церковь походная была), и за службой уставщика то и дѣло ругалъ азартно, словно не въ церкви, а въ кабакѣ онъ дѣйствуетъ. Смотрѣлъ я на него, смотрѣлъ: самъ вижу, словно морда у него знакомая, а припомнить не могу. Что жъ, сударь, открылось? Кончилъ онъ всю эту комедію, поломался-таки передъ нами досыта и остался со мной ужъ одинъ-на-одинъ.

«— Что жъ, говоритъ, или не признаешь меня, Александра Петровичъ?

«— Нѣтъ, молъ, не признаю; это точно, что сдается, будто тебя знаю, а гдѣ и когда видѣлъ—доподлинно сказать не умѣю.

«— А не припомнишь ли, говоритъ, Степку, казанскаго дворника?

«— Да что ты шутишь, что ли?

«— Нѣтъ, не шучу; вотъ мы теперь рѣшимъ и вяжемъ и какое хошь таинство творимъ.

«— Господи, ты, Боже мой! Такъ вотъ, молъ, ты кто таковъ!

«А знаете ли вы, сударь, кто этотъ Степка? Въ Казани онъ былъ дворникомъ и за блудную жизнь да за воровство въ некруты присужденъ былъ отъ общества.

«Вотъ онъ и бѣжалъ; старую вѣру, слышь, принялъ, да потомъ нашими благопріятелями и уставленъ къ намъ настыремъ! И ума-то даже хитраго не имѣлъ, да видно по этой причинѣ и полюбился нашимъ милостивцамъ, что на немъ подозрѣнья держать было нельзя: весь онъ былъ въ ихъ рукахъ.

«Только наказалъ же меня за него Богъ! Послѣ ужъ я узналъ, что за нимъ шибко слѣдили, и что тотъ же Андріяшка-антихристъ насъ всѣхъ выдалъ. Жилъ я въ Кру-

Digitized by Google

тогорскѣ во всемъ спокойствіи и сумнѣнія никакого не имѣлъ, по той причинѣ, что плата отъ меня, кому слѣдуетъ, шла исправно. Сидимъ мы это вечеромъ, ни о чемъ не думаемъ; только вдругъ словно въ ворота тукъ-тукъ. Посмотрѣлъ я въ оконце, анъ тамъ ужъ и домъ со всѣхъ сторонъ окруженъ, а въ комнатѣ частный.—«Что, говоритъ, попался мошенникъ!»

«Только я къ нему:—Помилосердуйте, говорю, ваше благородіе! за что жъ конфузить? Кажется, съ меня и то сходитъ не мало, а это, молъ, нашъ пріятель; человѣкъ заѣзжій, и пашпортъ при немъ. За что его безпокоить!

«— Да, говоритъ, это точно, что приношеніе отъ тебя бываетъ, и мы, говоритъ, оченно за это тебѣ благодарны; да то, вишь, приношеніе вообще, а Степка въ него не входитъ. Степка, стало-быть, большой человѣкъ, и за этого человѣка съ другого три тысячи цѣлковыхъ взять мало будетъ; ну, а тебя начальство пожаловать желаетъ, полагаетъ взять только три. Такъ ты это чувствуй; дашь — твой Степка, не дашь—нашъ Степка.

«А Степка сидитъ въ углу словно неживой.

«Я по началу заупрямился-было.

«— Ну, говоритъ, жаль мнѣ тебя, Александра Петровичъ, а дѣлать нечего—надѣвай, братъ, кандалы. А разоришься-то ты, все-таки, разоришься...

«Ну, и Андріяшка тутъ; смѣется, сосудъ сатанинъ, словно отъ того ему радость сердечная, что вотъ благодѣтеля своего погубилъ. Бываютъ, сударь, экіе скареды, что просто тебя изъ-за ничего, безъ всякой, то-есть, выгоды загубить готовы.

«Дѣлать нечего, отдалъ я тутъ всѣ деньги, какія черезъ великую силу всякими неправдами накопилъ; онъ и покончилъ дѣло. Самъ даже Степку при себѣ снарядилъ и со двора выпроводилъ:—«Ступай, говоритъ, на всѣ четыре стороны, да впередъ не попадайся, а не то, неровенъ часъ, не всякій будетъ такой добрый, какъ я».

Digitized by Google

«Ну, да это все бы еще ничего. Сижу я на другой день одинъ, будто горюю; смотрю, частный опять ко мнѣ на дворъ ѣдетъ: что бы это за оказія такая?

«И, главное, вѣдь вотъ что обидно: они тебя, можно сказать, жизни лишаютъ, а ты, вишь, и глазомъ моргнуть не моги — ни-ни, смотри весело, чтобъ у тебя и улыбочка на губахъ была, и привѣтливость въ глазахъ играла, и закуска на столѣ стояла: неравно господину частному выпить пожелается.

«Вошелъ онъ.—«Ну, говоритъ, ты теперича, пожалуй, собираться въ дорогу можешь».

«— Какъ, говорю, собираться? Куда?

«— Ну, да вотъ хоть туда, откуда къ намъ пріѣхалъ.

«— А домъ-то какъ?

«— А домъ продашь наускори: у меня ужъ и покупщикъ такой сыскался.

«— Да помилуй, ваше благородіе, за что же ты три-то тысячи вчерась взялъ?

«— Это, говоритъ, не твое дѣло; нынче порядокъ такой. Мы вотъ начальнику докладывали, что Степка, молъ, неизвѣстно куда изъ дому твоего скрылся, такъ начальство изволитъ говорить: если ужъ такъ, что Степку изловить не могли, такъ, по крайности, чтобъ духу твоего въ городѣ не пахло: развращаешь ты весь народъ.

«— Господи, ты, Боже мой! да что жъ, ограбить, что ли, вы меня, удавить, что ли, хотите?

«Онъ, знаешь, вспыхнулъ.

«— Какъ, говоритъ, ограбить? Кто здѣсь грабитъ?

«Да ногами такъ и затопоталъ и ручищи впередъ выпятилъ, знамо для чего.

«— Счастливъ твой Богъ, говоритъ, что человѣкъ-то я добрый: вижу, что ты больно ужъ огорченъ, не въ своемъ будто умѣ такія дѣла говоришь.

«Ну, и представили мнѣ покупщика на домъ, а покупщикъ-отъ Андріяшка. Выложилъ онъ мнѣ тутъ же тысячу

Digitized by Google

серебряныхъ рублей, однако и тѣ частный взялъ:—«Ты, говоритъ, пожалуй, съ деньгами-то здѣсь останешься, да опять смуту заводить станешь, а вотъ, говоритъ, тебѣ на дорогу двадцать цѣлковенькихъ, ступай во-свояси».—Я было попросить хотѣлъ—такъ куда!—«Ты, говоритъ, видно брыкаться задумалъ, такъ вѣдь у насъ дѣло-то еще не кончено; пожалуй, и теперь еще въ казаматъ угомонить можно, яко пристанодержателя и развратителя — это все въ нашихъ рукахъ».

«Въ ту же ночь я отправился пѣшкомъ на родину, а Андріяшка и доселѣ въ моемъ дому хозяйствуетъ.

«Что ужъ ни передумалъ я дорогой—этого вашему благородію и пересказать не могу. А пуще того голова у меня словно онѣмѣла; вижу, поля передо мной, снѣгъ лежитъ (тогда первопутка была), лѣсъ кругомъ, съ возами мужики ѣдутъ—и все будто ничего не понимаю: что лѣсъ, что снѣгъ, что мужикъ—даже различить не могу. А не то вотъ словно дурость найдетъ: все еще думается, что я богатъ, что скоро обѣдать надо, что свѣчи дома всѣ вышли, что съ такого-то вотъ рубль донять слѣдуетъ, а Мокея оковскаго и постращать не лишнее. И всякая, знаете, въ голову чепуха лѣзетъ, точно самъ-то не думаешь, а одни прежніе остатки сами собой въ тебѣ дорабатываются.

«Пришелъ я домой нищъ и убогъ. Матушка у меня давно ужъ померла, а жена даже не узнала меня. Что тутъ у насъ было брани да покоровъ, этого и пересказать не могу. Дома-то на меня словно на дикаго звѣря показывали: «вотъ, молъ, двадцать лѣтъ по свѣту шатался, смотри, какое богачество принесъ!»

«Къ тому же и болѣзнь въ это время посѣтила меня. Отъ огорченья что ли, или просто отъ простуды, только сдѣлался я словно ребенокъ, ни однимъ то-есть суставомъ пошевелить не могу. По тѣлу пошли струпья, и чувствовалъ я, будто весь живой истлѣваю. Господи! чего ужъ я въ это время не передумалъ, чего не перестрадалъ. Голова не бо-

Digitized by Google

литъ, а словно передъ тобой въ туманѣ все ходитъ. То будто кажется, что вдругъ черти тебя за языкъ ловятъ; то будто самъ Ведекосъ на тебя смотритъ и говоритъ тебѣ: «и пріидутъ вси людіе со тщаніемъ...» Въ глазахъ у него свѣтъ и тьма, изъ гортани адомъ пышетъ, а на главѣ корона звѣриная. Вся моя прежняя блудная жизнь встала передо мной, всѣ эти грѣхи: и святотатство, и наругательство, и любострастіе, и обманы, и кривда, и прелюбодѣяніе, и разбой. То будто за руку меня повѣсили, или вотъ каленымъ желѣзомъ глаза и уста прожигаютъ. Однажды даже вся преисподняя мнѣ открылась; сидитъ Вельзевулъ на престолѣ огненномъ, а кругомъ престола слузи его хвостами помавають, а крылѣ у нихъ словно у мыши летучей. Завидѣлъ онъ меня еще издалека и завопилъ: «се грядетъ вѣрный слуга нашъ, онъ нашу паству добрѣ пріумножилъ, примемъ его съ честью великою». Подхватили меня тутъ бѣсы подъ руки и поволокли къ самому престолу. Оглянулся я, а сзади знакомыя все лица: и точно, всѣ тутъ были, которыхъ я въ свою жизнь на пагубу настроилъ.

«Однако, сударь, случилось тутъ со мной чудо. Сталъ я выздоравливать; кровь словно отошла маленько, и хошь вставать я съ печки не могъ, да по крайности черти въ глазахъ не вертѣлись. И вдругъ, знаете, сижу я одинъ, будто сномъ забывшись, и слышу, что по избѣ благовоніе разливается: ѳиміамъ не ѳиміамъ, а такого запаху я и не слыхивалъ—одно слово, по душѣ словно мягкимъ прошло: такъ оно сладко и спокойно на тебя дѣйствуетъ. Открылъ я глаза—это точно я помню, что открылъ—и вижу передъ собой старца, ликомъ чудна и облакомъ пресвѣтлымъ озареннаго. Трепетъ объялъ меня. Порывался я броситься на землю, чтобы облобызать честныя ногѣ его, и не могъ: словно тайная сила сковала всѣ суставы мои и не допустила меня, недостойнаго, вкусить такого блаженства. «Господи!—могъ я только произнесть:—грѣшенъ я, грѣшенъ я, Господи!»

Digitized by Google

«Что со мной потомъ сталось, я разсказать не могу. Должно-быть, больно я испужался, что и въ памяти-то у меня ничего не осталось. Однако, проснувшись, ощутилъ себя здрава и тутъ же положилъ сбросить съ себя суету грѣховную и удалиться въ пустынножительство.

«Сказывали мнѣ странники, что такія есть мѣста въ Чердынскомъ уѣздѣ, въ самомъ то-есть углу, гдѣ Божьи люди душу свою спасаютъ. Тамъ по рѣкамъ: Лупьѣ, Пильвѣ, Лёлѣ и Колвѣ, въ лѣсахъ дремучихъ, построены, дескать, кельи, и въ нихъ не мало-таки народу живетъ. Сказываютъ, что даже изъ Москвы въ тѣ мѣста благочестивые старцы спасаться ходятъ, что много тамъ есть могилъ честныхъ, и начальство про то не знаетъ и не вѣдаетъ. А то вотъ и про другое мѣсто сказывали. Въ Оренбургской губерніи, около Златоуста, въ горахъ, такіе же пустынники обитаютъ, и все больше въ пещерахъ, и одна такая пещера есть, что въ ней денно и нощно свѣща горитъ, а чьей рукой возжигается—неизвѣстно. Въ этихъ, баринъ, пещерахъ люди безъ одежды ходятъ, питаются злаками земными, и даже промежъ себя рѣдко общеніе имѣютъ. Ну, къ этакой жизни я еще не считалъ себя готовымъ, по той причинѣ, что спервоначала надлежало плоть въ себѣ добре умертвить. Къ тому же и на мѣста эти не всѣ одинаково указываютъ; одинъ говоритъ: «дойдешь до Златоуста, вороти на сиверъ»; другіе: «отъ Златоуста на восходъ ступай». Вотъ и думалъ я идти сперва на Лупью, а тамъ, буду, молъ, живъ, постепенно душу спасать стану.

«И подлинно, только началъ я силами владѣть, не сказалъ никому ни слова, взялъ съ собою часословъ древній да тулупчикъ, и скрылся изъ дому, словно тать, ночью.

«Шелъ я туда съ мѣсяцъ мѣста, потому что отъ насъ будетъ туда верстъ болѣе шестисотъ. Шелъ я Христовымъ именемъ, словно Самъ Онъ съ небеси меня подкрѣплялъ на подвигъ душевный. Сказали мнѣ, что тамъ деревнишка такая есть — пермяки въ ней живутъ; оттуда, молъ, всякій

Digitized by Google

мальчишка тебѣ укажетъ, какъ пройти къ пустынникамъ. И точно, пришелъ я туда, спросилъ только старцевъ, мнѣ и проводника ту жъ минуту дали, и *маточкой*—такой канпасикъ есть крестьянскій — снабдили *). Пермяки эти къ старцамъ большое почитанье имѣютъ, и не только сами ихъ не трогаютъ, а даже отъ полиціи всячески укрываютъ. Причина тому, сударь, простая. У старцевъ и хлѣбъ завсегда водится, и порохъ, и припасъ всякій, всего этого имъ довольно изъ окольныхъ мѣстъ въ милостыню присылаютъ. Ну, а пермяки народъ бѣдный, хлѣба у нихъ или совсѣмъ не родится, или родится такая малость, что только по праздникамъ имъ лакомятся. Ѣдятъ они совсѣмъ мало, а больше пьютъ; такая у нихъ брага изъ овса дѣлается: и хмельно, и питаетъ. Хмель тѣмъ для него хорошъ, что словно какъ себя при немъ забываешь, а болтушка эта мучнистая хоть и небольно сытна, а животъ отъ нея довольно-таки пучитъ: ему это тоже на руку, потому что онъ хошь и не сытъ взаправду, а все будто сытъ. Одежи они тоже почти не знаютъ; въ самый сильный морозъ на немъ понитокъ изъ холста, только и всего. Какая же имъ, сталобыть, причина старца тревожить, когда онъ отъ него, можно сказать, и продовольствіе, и промыселъ свой получаетъ за то только одно, чтобъ не мѣшать ему душу спасать?

«Шли мы этакъ съ часъ времени, и шли все на лыжахъ, потому что простыми ногами въ такихъ снѣгахъ и ходить невозможно. Хоть зима была ужъ на исходѣ (подъ Благовѣщенье почти подходило дѣло), однако въ тѣхъ мѣстахъ снѣгъ даже не тронулся совсѣмъ. Шли мы сначала

---

*) *Маточкой* называется небольшой компасъ или, лучше сказать, грубо сдѣланная коробочка съ крышкою: внутри коробки, подъ самою крышкой, вдѣлывается бумажный кружокъ, на которомъ означены страны свѣта; на днѣ же ея прикрѣпляется желѣзная шпилька, на которой вращается магнитная стрѣлка. Эта *маточка* составляетъ необходимую принадлежность всякаго охотника между пермяками и зырянами.

Digitized by Google

полемъ, этакъ съ версту, а потомъ пошелъ лѣсъ, да такой частый, заплутанный, что даже пройти трудно, не то что проѣхать. Дивное это дѣло; кажется, вотъ и жило тутъ не далеко, человѣкъ, стало-быть, дѣйствуетъ, а въ этихъ мѣстахъ словно ноги человѣческой не бывало: кромѣ звѣринаго слѣду, все ровно и гладко.

«Тамъ, въ самой чащѣ, наткнулись мы, подъ конецъ, на лачужку. Стояла она неподалеку отъ оврага, въ которомъ рѣчка Ворчанъ бѣжитъ; позади ея, саженяхъ этакъ въ двадцати, полянка расчищена; на рѣчкѣ меленка маленькая, по-нашему мутовка. Кажись бы, все хозяйство тутъ—какъ бы жилья не найти? Однакожъ безъ проводника именно не сыщешь, по той причинѣ, что ужъ оченно лѣсъ густъ, а тропокъ и совсѣмъ нѣтъ: зимой тутъ весь ходъ на лыжахъ, а лѣтомъ и ходить некому: крестьяне на работѣ, а старцы въ разбродѣ; остаются дома только самые старые и смиренные.

«Старецъ Асафъ, къ которому я присталъ, подлинно чудный человѣкъ былъ. Въ то время, какъ я въ лѣсахъ поселился, ему было, почитай, болѣе ста лѣтъ, а на видъ и шестидесяти никто бы не сказалъ: такой онъ былъ крѣпкій, словоохотливый, разумный старикъ. Лицомъ онъ былъ чистъ и румянъ; волосы на головѣ имѣлъ мягкіе, бѣлые, словно снѣгъ, и не больно длинные; глаза голубые, взоръ ласковый, веселый, а губы самыя пріятныя.

«Онъ меня согрѣлъ и пріютилъ. Жилъ онъ въ то время съ ученикомъ Іосифомъ: такой, сударь, убогонькій, словно юродивый. Не то чтобъ онъ старику служилъ, а больше старикъ о немъ стужался. Такая была ужъ въ немъ простота и добродѣтель, что не могъ будто и жить, когда не было при немъ такого убогонькаго, ровно сердце у него само пострадать за кого ни-на-есть просилось.

«Никому изъ пустынниковъ не было вѣдомо, откуда онъ пришелъ и когда въ лѣсахъ поселился, а самъ онъ никому объ этомъ не сказывалъ. Разъ какъ-то, однакоже, сталъ я

Digitized by Google

объ этомъ, любопытства ради, его спрашивать, такъ старикъ и не вѣсть какъ растужился.

«— Кая для тебя польза, — отвѣчалъ онъ мнѣ (а говорилъ онъ все на манеръ древней славянской рѣчи): — и какой прибытокъ увѣдать званіе смиреннаго раба твоего, который о томъ только и помыслу имѣетъ, чтобъ самому о томъ званіи позабыть и спасти въ мирѣ душу свою? И кая тебѣ польза отъ того, что очамъ твоимъ раны мои душевныя объявятся и гноище мое узриши? И станешь ли ты вѣстника, глашающаго тебѣ вѣсть добрую, вопрошать о томъ, откуда онъ, и не посадишь ли его, вмѣсто того, за столъ и не насытишь ли гладъ его? Азъ есмь для тебя вѣстникъ добрый, азъ душу твою обрѣлъ и изъ пламени адова исхитилъ ю, а ты мене же вопрошаешь, откудовъ я!

«— Да хотѣлось бы узнать, отче святой,—отвѣчалъ я,— какими, то-есть, путями ты ангельскаго житія похотѣлъ и суетою многомятежною и прелестьми житейскими возгнушался, возлюбивъ всѣмъ сердцемъ Христа и Спаса нашего.

«Но онъ только головой потрясъ, да сказалъ мнѣ, что житіе его, яко сонъ блудницы, во мракѣ нощи прейде, и самъ онъ, яко скоморохъ безстудный, во тмѣ метахся.

«— Да, по крайности, скажи мнѣ, какъ ты иночество получилъ?—спросилъ я.

«— А какъ бы тебѣ сказать,—отвѣчалъ онъ:—пришелъ въ пустыню, палъ ницъ предъ Господомъ Вседержителемъ, проліялъ передъ Нимъ печаль сердца моего, отрекся отъ соблазна мірского, и сталъ инокъ... А посвященія правильнаго на мнѣ нѣтъ.

«На томъ мы съ нимъ и покончили.

«Время, которое я провелъ съ Асафомъ въ пустынѣ, самое для меня памятное. Въ ту пору не завелось еще въ тѣхъ мѣстахъ ни безчинствъ, ни разврату; проводили мы дни въ тишинѣ, трудѣ и молитвѣ. А трудъ былъ одинъ: книги божественныя переписывали. Придетъ, бывало, весна, старцы, кои помоложе, сплывутъ съ книгами внизъ, да и

Digitized by Google

продадутъ ихъ тамъ, а по осени домой съ выручкой возвращаются. Разговоровъ промежъ себя у насъ было мало, развѣ что поученія отца Асафа слушали. Говорилъ онъ очень складно, особливо про антихристово пришествіе. Онъ и выкладки такія дѣлалъ, и выходило, что быть тому дѣлу въ скорости, однако вотъ и до сей поры не дождались.

«Насчетъ антихриста, доложу я вамъ, вещь эта подлинно любопытная. У «особниковъ» всякое почесть слово антихристъ выходитъ, потому что вся эта механика, можно сказать, у него въ рукахъ. Недостанетъ у него въ словѣ числа—онъ тебѣ прибавитъ букву, какую ему нужно; лишняя естъ буква — онъ и отсѣчетъ, не задумается. А не то возьметъ, примѣрно, хоть русское слово; не выходитъ оно по выкладкѣ—онъ по-гречески переведетъ, и опять въ числа. Бываетъ, что и такъ не выходитъ — онъ титулъ прибавитъ: господинъ, или графъ, или князь, или духъ тьмы. До тѣхъ поръ этакъ дѣйствуетъ, покуда и подлинно антихристъ выйдетъ. На простой народъ это большое дѣйство имѣетъ.

«А впрочемъ, живучи въ пустынѣ, и не до разговору, баринъ. Тамъ человѣкъ совсѣмъ будто другой дѣлается. Особливо лѣтомъ. Выйдешь, это, на лужайку: вверху синё, кругомъ лѣсъ неисходный; птица всякая тебя поетъ, особливо кукушечка; тамъ будто заяцъ пробѣжитъ, а вдалекѣ трескъ: значитъ, медвѣдь себѣ дорогу прокладываетъ. И вѣдь все слышно; слышно даже будто, какъ травка растетъ... Запахъ такой мягкій, милый, потому что все это дичь, все словно лѣсомъ, землею пахнетъ. И на сердцѣ ни печали, ни досады, ни заботы нѣтъ; тутъ и невѣрующій въ Бога повѣруетъ. Это нужды нѣтъ, что край тамъ холодный, что въ немъ больше тундра да мокрое мѣсто: лѣто прежаркое, и такія мѣста боровыя случаются, что, кажется, и не разстался бы съ ними.

«Или вотъ опять вѣтеръ гудётъ; стоишь въ лѣсу: наверху гулъ и трескъ, дождикъ льетъ, буря вершины ломитъ, а

Digitized by Google

внизу тихо, ни одинъ сучокъ не шелохнется, ни одна капля дождя на тебя не падетъ... ну, и почудишься тутъ Божьему строенію!

«Какъ поживешь этакъ въ пустынѣ, да приходитъ иное время, что мѣсяцъ-другой живого лица не увидишь, такъ именно страсть можно къ такой жизни получить. Никто тебя не трогаетъ, никакой тебѣ, стало-быть, ни откудова досадности нѣтъ, значитъ бодръ, не тоскливъ, всегда въ своемъ видѣ. Древніе отцы-пустынники даже отвращеніе къ міру получали: такъ оно хорошо въ пустынѣ бываетъ. Оглядишься кругомъ—все такъ пространно: и въ высь, и въ ширь, и въ глубь идетъ; всяка былинка малая, и та, сударь, жизнь имѣетъ: ну, и восчувствуешь тутъ, что и самъ ты словно былинка.

«Хорошо тоже весной у насъ бываетъ. Въ городахъ или деревняхъ, даже по дорогамъ грязь и навозъ вездѣ, а въ пустынѣ снѣгъ отъ пригрѣву только пуще сверкать начнетъ. А потомъ пойдутъ по-подъ снѣгомъ ручьи; снаружи ничего не видно, однако, кругомъ тебя все журчитъ... И рѣчка у насъ тутъ Ворчанъ была, такая быстрая, веселая рѣчка. Никуда отъ этихъ радостей идти-то и не хочется.

«И какъ все оно чудно отъ Бога устроено, на благость и пользу, можно сказать, человѣку! Какъ бы, кажется, въ такихъ лѣсахъ ходить—не заблудиться! Такъ нѣтъ, вездѣ тебѣ дорога указана, только понимать ее умѣй. Вотъ хошь бы корка на деревѣ: къ ночи она крѣпче и толще, къ полудню тоньше и мягче; сучья тоже къ ночи короче, бѣднѣе, къ полудню длиннѣе и пушистѣе. Вездѣ, стало-быть, указъ для тебя есть.

«И народъ-то тамъ словно лучше, добрѣе. Напослѣдяхъ и въ немъ порча заводиться начала, потому что стали тамъ проходить возы съ товарами на *Вочевскую* пристань *):

*) *Устьвочевская* пристань (Вологодской губерніи) находится въ верховьяхъ Сѣверной Кельтмы, впадающей въ Вычегду. Товары, сплавляемые съ этой пристани, преимущественно заключаются въ

Digitized by Google

ну, знамо дѣло, постоялые дворы завелись, пошли барыши да расчеты; а допрежъ того, кромѣ звѣринаго промысла, никакихъ другихъ дѣловъ народъ этотъ и не зналъ. Звѣря тамъ всякаго множество: олени, лоси, лисицы, медвѣди, горностайки, даже соболи попадаются. А бѣлки да зайцы просто кишмя-кишатъ. И птица всякая стадами летаетъ: рябцы, курочки бѣлыя (куропаточки) — всего, кажется, и въ жизнь не перестрѣляешь. Пермяки и зыряне цѣлую зиму по лѣсамъ ходятъ; стрѣльба у нихъ не съ руки, а будто къ дереву прислонясь; ружья длинныя, по-ихнему *туркой* прозываются; зарядъ въ него кладется маленькій, и пулька тоже самая маленькая: вотъ онъ и норовитъ бѣлкѣ или горностайкѣ въ самый то-есть конецъ мордочки попасть. Эта статья самая любопытная.

«Прожили мы въ этомъ спокойствіи года три, все это время я находился безотлучно при Асафѣ, по той причинѣ,

---

разнаго рода хлѣбѣ и льняномъ сѣмени, привозимомъ туда гужомъ изъ сѣверозападныхъ уѣздовъ Пермской губерніи: Чердынскаго, Соликамскаго и отчасти Пермскаго и Оханскаго. Вообще, Вологодская губернія изобилуетъ судоходными и сплавными рѣками, особенно въ сѣверовосточной части (уѣзды: Устьсысольскій, Никольскій и Устюжскій), которыя приносятъ пользу не столько для Вологодскаго края, въ этой части безлюднаго и негостепріимнаго, сколько для сосѣднихъ губерній: Вятской и Пермской. Извѣстно, напримѣръ, что вся торговля сѣверной части Вятской губерніи почти исключительно направлена къ Архангельскому порту, куда товары (хлѣбъ и ленъ) сплавляются по рѣкамъ: Лузѣ (пристани: Ношульская и Быковская), Югу (пристань Подосиновская) и Сысолѣ (пристань Кайгородская). Ко всѣмъ этимъ пристанямъ ведутъ коммерческіе тракты, весьма замѣчательные по своему торговому движенію. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что этотъ фактъ, узаконенный естественною силой обстоятельствъ, обратилъ на себя еще слишкомъ мало вниманія. Такъ, напримѣръ, дорога отъ городовъ: Орлова, Слободского и Вятки до Ношульской пристани находится въ самомъ печальномъ состояніи, а отъ тѣхъ же городовъ до Быковской пристани почти вовсе не существуетъ дороги, между тѣмъ какъ проложеніе до нея удобнаго тракта, по причинѣ выгоднѣйшаго ея положенія, сравнительно

Digitized by Google

что долженъ былъ еще въ вѣрѣ себя подкрѣпить, да и полюбилъ онъ меня крѣпко, такъ что и настоятельство мнѣ передать думалъ. Однако, этому дѣлу статься было нельзя, потому что другіе пустынники смотрѣли на нашу пріязнь злобно. Человѣкъ ихъ было съ десятокъ и жили всѣ отъ Асафа неподалечку: у кого въ двухъ, у кого въ трехъ верстахъ кельи были. Особливо отецъ Мартемьянъ былъ—старецъ преехиднѣйшій!—большую онъ надъ прочими силу имѣлъ, и даже противъ Асафа нерѣдко ихъ сомущалъ. Выходитъ, что вся эта братія только и держалась, покуда живъ былъ старикъ.

«Однажды приходитъ къ намъ въ келью мужикъ, а привелъ его Мартемьянъ.

«— Откудовъ, молъ, и зачѣмъ? — спрашиваетъ нашъ старикъ.

съ Ношульскою пристанью, было бы благодѣяніемъ для цѣлаго края. Вообще, изученіе торговаго движенія по коммерческимъ трактамъ сѣверовосточной Россіи, и въ особенности Вятской губерніи, и сравненіе его съ движеніемъ, совершающимся по трактамъ офиціальнымъ (почтовымъ), представило бы картину весьма поучительную. На первыхъ—дѣятельность и многолюдство, на послѣднихъ—пустыня и мертвенная тишина. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно проѣхать по коммерческому тракту, издревле существующему между городами и уѣздами Глазовскимъ и Нолинскимъ, и потомъ прокатиться по почтовому тракту, соединяющему губернскій городъ Вятку съ тѣмъ же Глазовымъ. На первомъ безпрестанно встрѣчаете вы длинные ряды обозовъ, нагруженныхъ товарами; тамъ же лежатъ богатыя и торговыя села: Богородское, Ухтымъ, Уканъ, Уни, Вожгалы (послѣднія два немного въ сторонѣ)—эти центры мѣстной земледѣльческой промышленности; на второмъ все пустынно, торговыхъ селъ вовсе нѣтъ, и въ теченіе цѣлой недѣли проѣдетъ лишь почтовая телѣга, запряженная парой и везущая два предписанія и сотню подтвержденій мѣстнымъ дремотствующимъ властямъ, да письмо къ секретарю какого-нибудь присутственнаго мѣста отъ губернскаго его кума и благопріятеля. Нельзя сомнѣваться, что торговые обороты много терпятъ отъ продолжительности времени, которая сопровождаетъ сношенія частныхъ лицъ.

Digitized by Google

«— А вотъ, говоритъ, съ Зюздина *).

«— Зачѣмъ же къ намъ пожаловалъ?

«— Да поселиться бы здѣсь желательно, отецъ святой. Подати добрѣ одолѣли, да вотъ и парнишку нонѣ въ некрута тащатъ, а идти ему неохота да и грѣхъ.

«— Такъ ты семьянистый?

«— Да, молъ, семья есть: жена-старуха, двѣ дочки-дѣвки да трое сыновъ.

«— Гдѣ жъ ты поселишься?

«— Здѣсь вотъ, около васъ бы желательно; я ужъ и на деревню къ пермякамъ ходилъ; они говорятъ: «пожалуй, заводись: куды намъ эко мѣсто!»

«— Такъ ты, стало, отъ податей бѣгаешь?

«— Да оно точно, что тово... подати больно ужъ совсѣмъ одолѣли **)

«— Да что, святой отецъ,—вступился тутъ Мартемьянъ:— словно ты къ допросу его взялъ! Если ты объ вѣрѣ радѣешь, такъ не спрашивай, отъ какой причины въ твое стадо овца бѣжитъ, потому какъ тебѣ до эвтого дѣла касательства нѣтъ.

«Начался у насъ совѣтъ. Сколько ни отстаивалъ Асафъ свою правду, а Мартемьянъ перемогъ. Крупненько-таки они, сударь, поговорили, и если бъ не я, такъ, можетъ,

---

*) Бывшая Зюздинская, нынѣ Порубовская, волость находится въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, неподалеку отъ описываемаго здѣсь мѣста дѣйствія, которое составляетъ какъ бы уголъ, гдѣ сходятся границы трехъ обширнѣйшихъ въ Русскомъ царствѣ губерній: Вологодской, Вятской и Пермской.

**) Ревизскія сказки Порубовской волости Глазовскаго уѣзда и Юксеевской — Чердынскаго могутъ засвидѣтельствовать о чрезвычайномъ количествѣ крестьянъ, находящихся въ безвѣстной отлучкѣ. Замѣчательно, что въ Вятской губерніи, гдѣ подати вездѣ выплачиваются безпомочно, только Порубовская и Трушниковская (Слободского уѣзда) волости считаютъ за собой постоянную недоимку. Впрочемъ, накопленіе недоимокъ въ послѣдней волости зависитъ отъ причинъ особыхъ, сюда не относящихся.

Digitized by Google

Мартемьяшка, сосудъ сатанинъ, и руку бы на старика поднялъ.

«— Ты, говоритъ, вотъ семьдесятъ годовъ здѣсь живешь, а какой отъ тебя святой вѣрѣ прибытокъ? Этакое дѣло большое затѣяли, а чихнуть здѣсь боимся; еще гдѣ становой запахъ дастъ, а мы ужъ въ лѣсу бѣжимъ, отъ него, отъ антихриста, хоронимся. Нѣтъ, отецъ, старъ ты сталъ. По-нашему, это дѣло такъ вести слѣдуетъ, чтобъ онъ носу своего здѣсь не показалъ, а показалъ, такъ чтобъ *турка* его въ разумъ привела. Вотъ, посмотришь, на Пильвѣ старцы живутъ: и видно, что народъ крѣпкій. По этой причинѣ они и стороной всею завладѣли, а ты только сумнѣнье кругомъ посѣялъ. Какія же это дѣла!

«Старикъ только стоналъ да крестился.

«— Ну,—сказалъ онъ подъ конецъ:—вижу, что и подлинно я старъ сталъ, а пуще того вамъ не угоденъ... Знаю я, знаю, чего тебѣ хочется, отецъ Мартемьянъ! Къ бабамъ тебѣ хочется, похоть свою утолить хощешь у сосуда дьявольскаго... Коли такъ, полно вамъ меня настоятелемъ звать; выбирайте себѣ другого. Только меня незамайте, Христа ради, дайте передъ Богомъ въ чистотѣ предстать!

«Начали-было уговаривать его не оставлять братію: иные искренно, а бо́льшая часть только для виду, потому что всѣмъ имъ изъ лѣсу вонъ хотѣлось. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что выбрали изъ среды своей того же Мартемьяна, который всю смуту завелъ.

«Вскорѣ послѣ того и преставился старецъ Асафъ. Словно чуяло его сердце, что конецъ старой вѣрѣ, конецъ старымъ людямъ пришелъ.

«Послѣ него пошло по-новому. Сперва поселился Мокей зюздинскій съ бабами, а за нимъ семей еще болѣе десятка перетащилось. Старцы наши замѣтно стали къ нимъ похаживать, и пошелъ у нихъ тутъ грѣхъ и соблазнъ великій. Что́ при старикѣ Асафѣ было общее, припасы ли, деньги

Digitized by Google

ли, то при Мартемьянѣ все врозь пошло; каждый о томъ только и помыслу имѣлъ, какъ бы побольше милостыни набрать да поскорѣй къ любовницѣ снести.

«Надо было и мнѣ подумать, какъ себя пропитать. Пришлось впервой съ пустыней разстаться, и ужъ куда мнѣ тяжело показалось. Думалъ я и жить, и умереть тутъ, думалъ душу свою спасти, нарочно отъ родныхъ, отъ своихъ мѣстъ бѣжалъ—и тутъ нѣтъ удачи. Собралъ я свои писанья, сдалъ Іосифа мужичку на деревню и сплылъ по веснѣ внизъ по Камѣ, на плотахъ. Домой мнѣ идти не хотѣлось, да и не слѣдъ, потому что схватятъ, пожалуй; вотъ и высадился я въ Лёнвѣ *).

«Здѣсь, сударь, начались мои странствія: гдѣ ночь, гдѣ день. Тамъ канунчикъ прочитаешь, въ другомъ мѣстѣ младенцу молитву дашь, въ третьемъ просто побесѣдуешь. И все-таки, доложу вамъ, тутъ я еще больше увѣрился, что рушилась старая вѣра, что все это обманъ одинъ сдѣлался въ рукахъ нечестивыхъ. Главное у меня мѣсто, въ которомъ я жилъ и откудова направлялъ свои странствія, было село Ильинское **). Жилъ тамъ крестьянинъ такой, Захватѣевымъ прозывался; и чѣмъ-чѣмъ ни промышлялъ онъ! Сынишка у него Миколка былъ, такъ тотъ и пашпорты фальшивые поддѣлывалъ, и буквы гражданскія откудова-то досталъ. Принесутъ это ему негодящій пашпортъ, такъ

*) *Лёнва*—большое село, принадлежащее графинѣ Строгановой, въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Оно находится въ шести верстахъ отъ обширнаго села *Усолья*, знаменитаго своими соляными варницами и принадлежащаго пяти владѣльцамъ: графу и графинѣ Строгановымъ, князю Голицыну, графинѣ Бутера и гг. Лазаревымъ. Эти два села и лежащее между ними село Веретія (графини Строгановой), также весьма большое, составляютъ какъ бы сплошное мѣстечко, которое, по обширности и количеству народонаселенія, едва ли уступаетъ губернскому городу Перми, а въ торговомъ и промышленномъ значеніи стоитъ несравненно выше его.

**) Пермской губерніи и уѣзда; принадлежитъ графинѣ Строгановой.

Digitized by Google

онъ старую-то печать вытравитъ, да новое, что̀ ему нужно, и вставитъ. Чертить тоже искусникъ былъ, особливо Апокалипсисъ разрисовывать.

«Разъ какъ-то и разговорились мы съ старикомъ о нашемъ дѣлѣ. То-есть, я будто напомнилъ ему тутъ, что не слѣдъ въ святое дѣло такую, можно сказать, фальшь пущать. Посмотрѣлъ онъ на меня, ровно глаза вытаращилъ.

«— А ты откудова, говоритъ, съ такими рѣчьми сюда пріѣхалъ, пріятель?

«Сталъ я ему объяснять, что вотъ и старикъ Асафъ этого не одобрялъ, что онъ наставлялъ бѣжать отъ суеты въ пустыню, а не то чтобъ зазорнымъ дѣломъ заниматься, фальшивые пашпорты сочинять.

«— Вспомни, молъ, ты, говорю, что̀ въ книгахъ про пашпорты-то написано! Самъ Спасъ Христосъ Истинный сказалъ: *странна мя пріимите*; а какой же я буду странникъ, коли у меня пашпортъ въ рукахъ! Съ пашпортомъ-то я къ губернатору во дворецъ пойду! А ты не токма что пашпортъ, а еще фальшивый сочиняешь!

«А онъ, сударь, только засмѣялся.

«— Это, говоритъ, вы съ Асафомъ бредили. Вы, говоритъ, извѣстно, погубители наши. Надъ вами, молъ, и доселева бо̀льшаго нѣтъ; такъ если вы сами о себѣ промыслить не хотите, мы за васъ промыслимъ, и на̀большаго вамъ дадимъ, да не старца, а старицу, или, по-простому сказать, солдатскую дочь... Ладно, что ли, этакъ-то будетъ?

«— Чѣмъ не ладно, говорю:—поди, чай, она и съ дѣвками къ намъ на епархію прибудетъ?

«— А хошь бы и съ дѣвками. Это вы только тамъ въ лѣсахъ съ-просонковъ-то бредите, а намъ нужно дѣло. Намъ до того касательства нѣтъ, что̀ вы тамъ дѣлаете, блудно или свято живете; намъ надобны старцы, чтобъ мы всякому указать могли, что вотъ, молъ, у насъ пустынники въ лѣсахъ спасаются; а старцы вы или жеребцы, про то знаете вы сами. Ну, и окромя того надобенъ намъ и

Digitized by Google

пріютъ про черный день, чтобъ было гдѣ уберечься. Нонече жить на селѣ совсѣмъ неспособно стало: то управляющій графскій, то полицейскіе тебя безпокоятъ. Послѣ обыску-то каждый разъ дня три словно шальной ходишь: овое растащутъ, овое туда запихаютъ, что и не сыщешь. Вотъ я и къ церкви присталъ, а какой въ этомъ прокъ? Только отъ своихъ сумнѣнье, что будто вѣру свою продалъ, а начальство тоже въ оба глядитъ: врешь, молъ, все, притворствуешь. А мы вотъ нонѣ какую штуку придумали: чтобъ быть въ вашихъ лѣсахъ скитамъ великимъ, и чтобъ всякому тамъ укрыться способно было. У насъ и пошта такая будетъ отъ деревни до деревни: чуть что прослышимъ, вамъ ту жъ минуту и слухъ подадимъ. Покедова они тамъ собираются да ѣдутъ, у васъ и слѣдъ ужъ простылъ. А съ бреднями-то, пріятель, хошь и далеко уѣдешь, да пожалуй, не туда, куда хочется.

«Полюбопытствовалъ я узнать, кто такова эта Артемида-богиня, и провѣдалъ, что прозывается она Натальей, происхожденіемъ отъ сѣмени солдатскаго и родилась въ Перми. Жила она, слышь, долгое время въ иргизскихъ монастыряхъ, да тамъ будто и схиму приняла.

«И точно, воротился я къ Михайлову дню домой, и вижу, что тамъ все новое. Мужички въ деревнишкѣ смутились; сталъ я ихъ разспрашивать, ничего и не поймешь. Только и словъ, что, молъ, генеральская дочь въ два мѣсяца большущія хоромы верстахъ въ пяти отъ деревни поставила. Стали-было они ей говорить, что и безъ того народу много селится, такъ она какъ зарычитъ, да пальцыто, знашь, рогулей изладила, и все впередъ тычетъ, да бумагу каку-то указываетъ.

«— Вы, говоритъ, знайте, собаки, что мнѣ и губернаторъ пріятель: захочу, говоритъ, всѣхъ васъ въ Сибирь вышлютъ».

«— Кто же хоромы-то ей ставилъ?—спрашиваю я.

«— Да мы же; старшина, слышь. и мѣсто самъ отво-

Digitized by Google

дилъ, и доподлинно всѣмъ нàстрого наказывалъ, что насъ и невѣдомо куда вышлютъ, если мы какое ни-на-есть прекословіе сдѣлаемъ енаральской дочери.

«— А много съ ней народу пріѣхало?

«— Да съ десятокъ дѣвокъ будетъ; одна только старая, будто у ней помощница, смирная такая, все Богу молится, а прочія—таки здоровенныя дѣвки.

«Пошелъ я въ свою келью, а дорòгой у меня словно сердце схватило; пойду, думаю, къ отцу Мартемьяну; онъ хошь и не любилъ меня, а все же старика Асафа, чай, помнитъ: можетъ, и придумаемъ съ нимъ что-нибудь на пользу душѣ.

«Однако, понадѣялся я, выходитъ, понапрасну. У Мартемьяна засталъ я дѣвокъ зюздинскихъ: сидятъ, безстыжія, и тоже духовныя пѣсни распѣваютъ, словно молитвой занимаются. Промежъ нихъ, вижу, сидитъ мужчина, здоровенный такой, лицо незнакомое.

«— А это,—говоритъ Мартемьянъ,—новый у насъ старецъ прибылъ, отецъ Іаковъ прозывается; онъ для насъ сколь хошь всякой монеты надѣлаетъ—мастеръ!

«А у мастера въ рукахъ гармонія.

«— Зачѣмъ же, говорю, гармонія-то? Развѣ пустыннику на то руки даны, чтобъ на богомерзкой гармоніи дѣвокъ забавлять?

«— А это, молъ, кимвалы. И въ писаніи сказано, что царь Давидъ въ кимвалы игралъ... Да ты, молъ, теперича не ломайся, а вотъ хочешь ли я тебѣ штуку покажу? Такая, отче святой, штука, что и на ярмонкѣ за деньги не увидишь.

«И ударилъ его ладонью-то по лбу, а тамъ буква бѣлая объявилась: клейменый значитъ.

«— А что, молъ,—промолвилъ я: — чай, и на спинѣ начальническое подареньице есть?

«— Какъ же, говоритъ, во всѣхъ мѣстахъ; сказано: по

Digitized by Google

окіяну житейскому происходилъ, всѣ, значитъ, бури-напасти претерпѣлъ.

«— Откуда же ты къ намъ экой мѣченый проявился?— спрашиваю я.

«— А тутъ неподалечку, говоритъ, былъ, въ Иркутской губерніи, около Нерчинска, въ томъ въ самоемъ мѣстѣ, гдѣ солнце восходитъ великое..

«— Зачѣмъ же къ намъ?

«— Да провѣдалъ про ваши добродѣтели многія, и думаю, чѣмъ душегубствомъ мнѣ займоваться, такъ стану, молъ, я инъ душу спасать.

«— Да развѣ ты посвященъ, что чинъ иноческій на себѣ носишь?

«— А я тутъ ихъ всѣмъ гуртомъ окрутилъ,—говоритъ Мартемьянъ:—чего намъ ждать? Указу намъ нѣту, а слуги Христовы надобны. Вотъ другой еще у насъ старецъ есть, Николай зовется: этотъ больше веселый да забавный. Наши дѣвки всѣ больно о немъ стужаются. «У меня, говоритъ, робятъ было безъ счету; я имъ и отецъ, и кумъ, и попъ; ты, говоритъ, только напусти меня, дяденька, а я ужъ христіянское стадо пріумножу». Такой веселый.

«На другой день посѣтилъ я и дѣвическій скитъ.

«Все, думаю, распознать прежде надо, нечѣмъ на что-нибудь рѣшиться. Да на что жъ и рѣшаться-то? думаю. Изъ скитовъ бѣжать? Это все одно, что въ острогъ прямо идти, по той причинѣ, что я и бродяга былъ, и не вѣсть съ какими людьми спознался. Оставаться въ лѣсахъ тоже нельзя: такъ мнѣ все тамъ опостылѣло, что глядѣть-то сердце измираетъ... Господи!

«Встрѣтила меня сама мать-игуменья, встрѣтила съ честью, подъ образа посадила: «побесѣдуемъ», говоритъ. Женщина она была изъ себя высокая, сановитая и взглядъ имѣла суровый, что мудренаго, что она мужикамъ за генеральскую дочь почудилась! Началъ я съ ней говорить, что не дѣло она заводитъ, сталъ Асафа-старика поминать.

Digitized by Google

Только слушала-слушала она меня, дала все выговорить, да словно головой потомъ покачала.

«— Ну, говоритъ, сказалъ ты свою рѣчь, честной отецъ: выслушай же теперь мою. Все это точно истина, что ты говоришь: въ лѣса люди бѣгутъ извѣстно не за тѣмъ, чтобъ мірскимъ дѣломъ заниматься, а за тѣмъ, чтобъ душу спасать. Это сущая правда. Да ты вотъ только то позабылъ, что ты или я. мы, слова нѣтъ, душу спасти хотимъ: мы съ тобой вѣкъ-отъ изжили, намъ, примѣрно, суета ужъ на умъ нейдетъ. Ну, а другому еще пожить хочется: оно вѣдь и не грѣхъ какой, что ему пожить желательно. Самъ ты знаешь, что если всякій душу спасать начнетъ, кто же въ мірѣ-то жить станетъ? А какъ тутъ быть, самъ ты посуди, когда на тебя словно на звѣря лѣсного поглядываютъ. Коли ты жилъ въ мірѣ, такъ знаешь, чай, какова наша жизнь. Ты вотъ трудился, капиталъ, сказываютъ, нажилъ, а куда все это дѣвалось?

«— За грѣхи мои Богъ меня наказалъ,—говорю я.

«— Это ты говоришь: «за грѣхи», а я тебѣ сказываю, что грѣхъ тутъ особь статья. Да и надобно жъ это дѣло порѣшить чѣмъ-нибудь. Я вотъ сызмальства будто всѣ эти каверзы терпѣла: и въ монастыряхъ бывала, и въ пустыняхъ жила, такъ всего насмотрѣлась, и знашь ли, какъ на сердцѣ-то у меня нагорѣло... словно кора. Право такъ!

«Говоритъ она, сударь, это, а сама блѣдная-разблѣдная, словно мертвая сдѣлалась: и губы у ней трясутся, и глаза горятъ.

«— Намѣренья у меня покудова нѣтъ, а знаю только, что сердце мнѣ сорвать надоть. Это ужъ я себѣ обѣщанье такое дала, и сдѣлаю. И опять вотъ говоришь ты, что надо, молъ, Богу молиться да душу спасать, а я тебѣ сказываю, что не дѣло ты языкомъ болтаешь. И Богу молиться, и душу спасать, все это не лишнее, да отъ этого только для одного тебя, можно сказать, польза; а мы желаемъ, чтобъ всему христіянству благодать была... И вотъ

Digitized by Google

тебѣ моя послѣдняя заповѣдь: хочешь за насъ стоять—живи съ нами; не хочешь — волёнъ идти на всѣ четыре стороны; мы нудить никого не можемъ. А насъ не мути.

«Съ тѣмъ она меня и отпустила. Пошелъ я къ черницамъ, а онѣ сидятъ себѣ сложа руки да пѣсни подъ носъ мурлыкаютъ.

«— Что жъ вы тутъ дѣлаете?—спрашиваю я.

«— Какъ что? Пѣсни поемъ, спимъ да хлѣбъ жуемъ. Вотъ ужо старцы придутъ.

«— И весело вамъ такъ-ту жить?

«— Для-че не весело? Ужо Николка «пустынюшку» споетъ; больно эта пѣсня хороша, даже мать Наталья изъ кельи къ намъ ее слушать выходитъ. Только вотъ бѣда съ нами напасть случилась: именъ своихъ вспомнить не можемъ. Больно ужъ мудрено насъ игуменья прозвала: одну Синефой, другую Полинаріей—и не сообразишь.

«— А грамотѣ знаете?

«— Какая грамота—поди ты съ грамотой! У насъ такъ и условіе выговорено, чтобъ грамотѣ не учить. Извѣстно, пѣсни пѣть можемъ—вотъ и вся грамота.

«Объявлено было въ ту пору по нашимъ мѣстамъ некрутство; зовутъ меня однажды къ Натальѣ. Пришелъ.

«— Ну, говоритъ, ступай ты въ городъ.

«— Зачѣмъ?

«— А вотъ, говоритъ, тамъ некрутство сказано, такъ я мужичку обѣщала сына изъ некрутъ выкрасть. Тамъ у меня и человѣкъ такой есть, что это дѣло безпремѣнно сдѣлаетъ.

«— Да я-то при чемъ тутъ буду?

«— А ты будешь ему въ этомъ дѣлѣ помощникомъ... А можетъ тамъ и другіе некрута объявятся, что въ скиты охочи будутъ, такъ ты ихъ уговаривай. А охочимъ людямъ сказывай, что житье, молъ, хорошее, работы нѣтъ, денегъ много, пища—хлѣбъ пшенисный.

«— Воля твоя, мать игуменья, а на такое дѣло мнѣ идти не приходится.

Digitized by Google

«— Нѣтъ, говоритъ, приходится. Я тебя нарочито выбрала, чтобъ узнать, крѣпокъ ли ты; а не крѣпокъ, такъ мы и прикончимъ съ тобой: знаешь *тужу?*

«Вижу я, что дѣло мое плохо: что же, думаю, соглашусь, а тамъ вышелъ въ поле, да и ступай на всѣ четыре стороны. Такъ она словно вывѣдала мою душу.

«— Ты, говоритъ, сбѣжать не думаешь ли? Такъ отъ насъ къ тебѣ такой человѣкъ приставленъ будетъ, что ни на пядь отъ себя не отпуститъ.

«И точно, вышелъ я отъ нея не одинъ, а съ новымъ старцемъ, тоже мнѣ неизвѣстнымъ; молодой такой, крѣпкій парень. Уѣхали мы съ нимъ въ ночь на перемѣнныхъ. Подъ утро встрѣчаемъ мы это тройку, а въ саняхъ человѣкъ съ шесть сидятъ.

«— Здорово! — кричитъ мой провожатый: — куда путь лежитъ?

«Сани остановились.

«— А мы къ вамъ въ скиты; охочихъ людей веземъ.

«— Неужто некрута?

«— Каки некрута! Подымай выше—узники!

«— Какъ такъ?

«— Да вотъ какъ видишь! Какая еще штука-то уморная была! Поймали, знашь, вотъ этихъ трехъ молодцовъ у кассы вотчинной: понюхать имъ, вишь, захотѣлось, каковъ въ ней есть духъ. Однако, управляющій не вѣритъ: «въ кандалы ихъ», говоритъ. Только провѣдали мы объ этомъ съ Захватѣевымъ Миколкой и думаемъ: вотъ кабы экихъ бы робятъ въ скиты, да они, молъ, душу свою за насъ извести готовы, нечѣмъ въ Сибирь шагать. Узнали мы, что повезутъ ихъ съ тремя десятками—что жъ, попытать развѣ счастья, разступись, молъ, мать-сыра земля, разгуляйся, Волга-матушка! Съѣздили мы въ Очёру *), взяли у человѣка три тройки—и шабашъ. Сѣло насъ въ сани человѣкъ

*) Желѣзодѣлательный заводъ въ Пермской губерніи, принадлежащій гг. Лазаревымъ.

Digitized by Google

съ двѣнадцать, приготовили, для осторожности, на головы такіе мѣшки съ дырьями, ждемъ у лѣсочка. Вотъ только, видимъ, катятъ будто наши, скоро-не-шибко, а такъ трюхъ-трюхъ. Вскочили мы въ сани и пустили лошадей во всѣ то-есть колокола. Намъ кричатъ встрѣчу: «сторонись!» — а у насъ будто уши залежило: наѣхали на нихъ смаху, санишки ихніи выворотили, а молодцовъ похватали... вотъ и ѣдемъ теперь.

«— Подь-ка, чай, Васька злится!

«А Васька-то, сударь, ихній управитель.

«Такъ вотъ какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются.

«Пріѣхали мы въ городъ и остановились у мѣщанина. Началъ тутъ къ намъ разный народъ приходить, а больше все некрута. Мѣщанинъ этотъ ту же должность въ городѣ справлялъ, какую я въ Крутогорскѣ; такой же у него былъ въѣзжій домъ, та же торговля образами и лѣствами: выходитъ, словно я къ себѣ, на старое свое пепелище воротился. Стали-было они меня понуждать поначалу, чтобъ я вмѣстѣ съ ними въ уговорахъ часть принялъ; однако, такъ сердце у меня сильно растужилось, что я не похотѣлъ принять на душу новый грѣхъ. Такъ они меня, звѣри этакіе, въ холодный чуланъ на день запирали, чтобы я только голоса своего не подалъ.

«Чудно́е, сударь, это дѣло! и доселѣ понять не могу, зачѣмъ она меня въ городъ выслала. Въ этомъ дѣлѣ, за которымъ они поѣхали, нуженъ былъ человѣкъ усердный, разумѣется, а отъ меня она не могла усердья ждать. Вотъ и сдается, что затѣмъ она мнѣ это препорученье сдѣлала, чтобы изъ скитовъ меня сбыть. Сталъ я подумывать, прикидывать разумомъ, куда мнѣ идти. Домой на заводъ ворочаться—стыдно; въ пустыню — изгубятъ злодѣи; въ другія мѣста, гдѣ тоже наши братья-пустынники душу спасаютъ— горше прежняго житье будетъ. Какая же это, думаю, старая вѣра, и что́ жъ это съ нами будетъ?

«Вотъ и порѣшилъ я, сударь, такимъ манеромъ, что вы-

Digitized by Google

бралъ время сумерочки, какъ они всѣ на базаръ пошли, сказался, что за ворота поглядѣть иду, а самъ и былъ таковъ. Дошелъ до перваго стана и объявился приставу».

Матушка Мавра Кузьмовна.

Предлагаемый разсказъ заимствованъ изъ записокъ, оставшихся послѣ пріятеля моего, Марка Ардаліоныча Филоверитова, съ которымъ читатель имѣлъ уже случай отчасти познакомиться *). Онѣ показались мнѣ, несмотря на небрежность отдѣлки, достаточно любопытными, чтобы предложить ихъ на судъ публики.

Я не намѣренъ возобновлять здѣсь знакомство читателя съ Филоверитовымъ, тѣмъ не менѣе, обязываюсь, однакожъ, сказать, что онъ одною своею стороной принадлежалъ къ породѣ тѣхъ крошечныхъ Макіавелей, которыми, благодаря повсюду развивающемуся просвѣщенію, наводнены въ послѣднее время наши губернскіе города, и которые охотно оправдываютъ всѣ средства, лишь бы они вели къ достиженію предположенныхъ цѣлей.

Городъ С***, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ разсказѣ, не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго; но мѣстность, среди которой онъ расположенъ, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ. Коли хотите, нѣтъ въ ней ни особенной живописности, ни того разнообразія, которое веселитъ и успокаиваетъ утомленный взоръ путника, но есть какая-то дѣвственная прелесть, какая-то привлекательная строгость въ пустынномъ однообразіи, царствующемъ окрестъ. Необозримые лѣса, по мѣстамъ истребленные жестокими пожарами и пересѣкаемые быстрыми и многоводными лѣсными рѣчками, тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги, скрывая въ своихъ неприступныхъ нѣдрахъ тысячи звѣрей и птицъ, оглашающихъ воздухъ самыми разнообразными голосами; дорога, бѣгущая узенькимъ и прихотливымъ извивомъ среди

*) См. выше: «Надорванные».

Digitized by Google

обгорѣлыхъ пней и старыхъ деревьевъ, наклоняющихъ свои косматыя вѣтви такъ низко, что онѣ безпрестанно цѣпляются за экипажъ, напоминаетъ тѣ старинныя просѣки, которыя устроены какъ бы исключительно для насущныхъ нуждъ лѣсниковъ, а не для ѣзды; паръ, встающій отъ тучной, нетронутой земли, сообщаетъ мягкую, нѣжную влажность воздуху, насыщенному смолистымъ запахомъ сосенъ и елей, и милыми, свѣжими благоуханіями многоразличныхъ лѣсныхъ злаковъ... И если надъ всѣмъ этимъ представить себѣ палящій весенній полдень, какой иногда бываетъ на нашемъ далекомъ сѣверѣ въ концѣ апрѣля,—вотъ картина, которая всегда производила и производитъ на мою душу могучее, всесильное впечатлѣніе. Каждое слово, каждый лѣсной шорохъ какъ-то чутко отдаются въ воздухѣ и долго еще слышатся потомъ, повторяемые лѣснымъ эхомъ, покуда не замрутъ, наконецъ, Богъ вѣсть въ какой дали. И несмотря на тишину, царствующую окрестъ, несмотря на однообразіе пейзажа, уныніе ни на минуту не овладѣваетъ сердцемъ; ни на минуту нельзя почувствовать себя одинокимъ, отрѣшеннымъ отъ жизни. Напротивъ того, въ себѣ самомъ начинаешь сознавать какую-то особенную чуткость и воспріимчивость, начинаешь смутно понимать эту общую жизнь природы, отъ которой такъ давно ужъ отвыкъ... И тихіе, ясные сны проносятся надъ душой, и сладко успокаивается сердце, ощущая нестерпимую, безграничную жажду любви.

Но вотъ лѣсъ начинаетъ мельчать; впереди, сквозь рѣдкія насажденія деревьевъ, бѣлѣетъ свѣтъ, возвѣщающій поляну, рѣку или деревню. Вотъ лѣсъ уже кончился и передъ вами рѣчонка, черезъ которую вы когда-то переѣзжали лѣтомъ вбродъ. Но теперь вы ея не узнаете; передъ вами цѣлое море воды, потопившей собою и луга, и лѣсъ верстъ на семь. Вы подъѣзжаете къ спуску, около котораго долженъ стоять досчаникъ, но его нѣтъ.

— Неужто это Уста такъ разлилась, ребята? — спраши-

Digitized by Google

ваете вы мужичковъ, которые, должно-быть, уже много часовъ грѣются на солнышкѣ, выжидая досчаника.

— Пошто̀ не Уста? Уста и есть!—отвѣчаетъ одинъ из ожидающихъ, не только не привставая, но даже не оборачивая къ вамъ своей головы.—А кма (много) нонѣ воды, пàря: трàвы, поди, важныя будутъ!

— Скоро ли досчаникъ будетъ?—спрашиваете вы.

— А кто его знаетъ! Нонѣ онъ, поди, верстъ семь за одинъ конецъ ходитъ. Къ вечеру, надо быть, придетъ...

Скрѣпя сердце, вы располагаетесь на берегу, разстилаете коверъ подъ тѣнью дерева и ложитесь; но сонъ не смыкаетъ глазъ вашихъ; дорога и весенній жаръ привели всю кровь вашу въ волненіе, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ заставить себя заснуть, вы убѣждаетесь въ рѣшительной невозможности такого подвига.

Вы встаете и садитесь около самой воды, неподалеку отъ группы крестьянъ, къ которой присоединился и вашъ ямщикъ, и долгое время безцѣльно слѣдите мутными глазами за кружкàми, образующимися на поверхности воды. Лошади отъ вашей повозки отложены и пущены пастись на траву; до васъ долетаетъ вздрагиванье бубенчиковъ, но какъ-то смутно и неясно, какъ будто уши у васъ заложило. Въ группѣ крестьянъ возобновляется прерванный вашимъ пріѣздомъ разговоръ.

— Эхъ, братецъ ты мой, да ты пойми, любезный,—говоритъ одинъ голосъ:—вѣдь онà, старуха-то, всему нашему дѣлу голова; ну, онъ къ ней, стало-быть, и преставился, становой-етъ... «Коли вы, говоритъ, матушка Уалентина, захочете, такъ и дѣлу этому конецъ будетъ, какой вамъ желательно». Ну, а она по началу тоже думала, что онъ ее заманиваетъ, чтобы какъ ни-на-есть въ острогъ угодить. «Я, говоритъ, ваше благородіе, тутъ ни при чемъ, я человѣкъ мертвый, ветхій, только именемъ человѣкъ, а то ноги насилу таскаю»... Однако, онъ отъ своего планту не отступился и началъ со всею откровенностью: «Я, говоритъ, ма-

Digitized by Google

тушка, не притязатель какой. Потому какъ знаю, что не сегодня, такъ завтра, во всякое время дебошъ могу сдѣлать и васъ изобидѣть... А я, говоритъ, по усиленной только необходимости это дѣлаю, потому какъ деньги мнѣ ужъ оченно нужны»... Ну, и она тоже ему: «Коли ты, говоритъ, ваше благородіе, со всею откровенностью, такъ, пожалуй, станемъ бесѣдовать. Сколь же, молъ, вашему благородію денегъ нужно?»—«Да сотни кабы три, говоритъ, такъ я бы и уѣхалъ»...—«Ну, это, говоритъ, много, неравно облопаешься: ты, молъ, и безъ того три дня у насъ тутотка живешь, всю снѣдь отъ насъ тащишь, такъ, по этому судя, и полторы сотни тебѣ за глаза будетъ»... Только онъ-было ее и застращивать, и просить примался — уперлась баба, да и вся недолга, а безъ ея то-есть приказу видитъ, что ему никакого дѣла сдѣлать нельзя. Ну, и порѣшилъ на томъ, что дали... Такъ она у насъ теперь и стоитъ, часовня-то, исправленная, да такая ли, парень, едрёная, что, кажется, и скончанья ей никогда не будетъ... Въ ту пору, вотъ, какъ исправлять-то ее принимались, такъ плотникъ Осипъ началъ накаты было рубить: такіе ли здоровенные, что, слышь, и топоръ не беретъ, а нутро-то у бревна словно желтокъ желтое скипѣлось... вѣ какъ отцы-то наши на долгіе вѣка строились, словно чуяли, что и про насъ будетъ надобѣ...

— Когда же не надобѣ!.. Да чтой-то, парень, словно онъ дешево больно отъ васъ отступился? — вступается другой голосъ.

— И то, голова, дешево. Ужъ пытали и мы сумнѣваться, что̀ бы такѣ̀ значило, что вотъ прежній становой за-это же самое дѣло по пятисотъ и больше съ насъ таскалъ... Ужъ и на то, братъ, думали, что, може, приказъ у него есть, чтобы насъ то-есть незамать...

— А что̀ думаешь, може и взаправду есть!

— А кто его знаетъ? Може и такъ, а може и оттого, что въ тѣ-поры, какъ пятьсотъ-то давали, не было у насъ

Digitized by Google

старицы нашей, некому было, стало-быть, и говорить-то съ нимъ толкомъ.

— Да, благодатная эта старица... Да что жъ она въ кельѣ, что ли, у васъ живетъ?

— А у дяди Онуфрія на дворѣ въ банѣ... Чай, знаешь дядю Онуфрія? Ну, и мы къ ней съ полнымъ нашимъ уваженіемъ,—только заступись за насъ, матушка!

Разговоръ на нѣсколько минутъ прекращается, и до васъ долетаютъ только вздохи, которые испускаетъ ветхій старикъ, сидящій въ самомъ центрѣ группы, да хлестъ кнута, которымъ ямщикъ, для препровожденія времени, бьетъ себя по сапогу.

— Ну, а ты, дѣдушка, каково перевертываешься?—спрашиваетъ разсказчикъ, обращаясь къ старику.

— Да вотъ къ Онисиму на заводъ ходилъ хлѣбушка попросить... только чтой-то онъ ужъ нонѣ больно сердитъ сталъ: ничего-таки не далъ.

— Что жъ снѣдать-то будете?

— А чего снѣдать?—нечего!

Снова наступаетъ молчаніе и снова слышатся вздохи старика.

— Да ты, дѣдушко, опять сходи попроси,—вступается ямщикъ:—дядя Онисимъ старикъ любезный: ты уважь его, сходи въ другой разъ, онъ дастъ, какъ не дать!

— Извѣстно, дядя Онисимъ любитъ, чтобъ передъ нимъ завсегда съ почтеніемъ пребывали,—объясняетъ разсказчикъ.

— Инъ и взаправду сходить придется,—отвѣчаетъ старикъ, вздыхая.—Только ноженьки-то у меня больно ужъ ходимши примаялись... словно вотъ вертма вертитъ въ костѣ-то... А сходить надо будетъ: не ѣмши вѣку не изживешь!

— Ну, а у васъ какъ, все ли на порядкахъ?—спрашиваетъ разсказчикъ у ямщика.

— А что!—ничего, живемъ. Вотъ ономнясь вятскіе купцы въ Москву проѣзжали.

— Ну?

Digitized by Google

— Ну, и проѣхали, — отвѣчаетъ ямщикъ, нахлестывая себя слегка по ногѣ.

— Экъ тебя вывезло! А ты говори дѣло!

— Да что и говорить-то? Извѣстно, живемъ. Да чу! некакъ досчатникъ-отъ пловетъ?

Дѣйствительно, вдали, изъ-за кустовъ, показывается чуть замѣтная точка, которая мало-по-малу разрастается, и черезъ нѣсколько минутъ вы уже начинаете ясно различать очертанія лодки.

— Да-а-вай! — кричитъ ямщикъ, устроивши изъ кулака своего подобіе трубы.

— По-о-спѣешь! — долетаетъ издали отвѣтный голосъ лодочниковъ.

— Вона! вона! мотри-ка, никакъ наши старочки изъ лѣсу выходятъ! — вскрикиваетъ внезапно молодой парень съ добродушнѣйшею физіономіей, доселѣ не принимавшій никакого участія въ разговорѣ.

— Ишь тебя разобрало! — говоритъ ямщикъ. — Спалъ небось, соня, а дѣвокъ увидѣлъ — во какъ зазѣвалъ! А и то старки, да никакъ и Полинарія (Аполлинарія) тутъ! — продолжалъ онъ, всматриваясь пристально въ даль. — Эка вѣдь воистая дѣвка: въ самую то-есть пору завсегда поспѣетъ.

Дѣйствительно изъ лѣса выходитъ группа молодыхъ бабъ, которыя спѣшатъ къ рѣкѣ. Одна изъ нихъ, побойчѣе, опережаетъ прочихъ и подбѣгаетъ къ группѣ мужиковъ.

— А и то, дѣвки, въ пору пришли! Сказано: стань передо мной, какъ листъ передъ травой! — говоритъ она, какъ бы отвѣчая на замѣчаніе ямщика. — А вы тутъ, поди-чай, съ утра ранняго ждете-поджидаете...

— Ну, гдѣ же ты, чтица, была-побывала? — спрашиваетъ разсказчикъ.

— Надъ дѣдушкой Парѳентьемъ читать ходила, да больно ужъ отъ покойника-то нестройно смердитъ...

— Чего, чай, надъ дѣдушкой читала, — замѣчаетъ ямщикъ: — подн, Омелькѣ, чай, на печи сказки сказывала.

Digitized by Google

— А и Омелькѣ сказывала,—отвѣчаетъ бойкая баба, не конфузясь:—тебѣ, стало-быть, завидно, что ли?

— Мнѣ-ка чего! — говоритъ ямщикъ, дѣлая полуоборотъ и пристально устремляя глаза на сапогъ. — Не видался я, что ли, сказокъ-ту?

— То-то чего!... Вѣрно чего-нибудь да надобѣ, коли только объ Омелькѣ да объ Омелькѣ и рѣчи на языкѣ.

— Мнѣ чего Омелько! — продолжаетъ ямщикъ. — Мнѣ Омелько плюнуть да растереть—вотъ что! А только это точно, что какъ встрѣтимся мы съ нимъ—не пройдетъ безъ того, чтобъ не обломать ему бока: право слово, обломаю.

Аполлинарія хохочетъ.

— Да такъ-таки обломаю, что тебѣ и взаправду читать придется... Да-а-вай! — кричитъ онъ перевозчикамъ, какъ будто желая на нихъ сорвать свое сердце.

Досчаникъ приближается: это небольшая лодка, поперекъ которой перекинутъ досчатый накатъ. Тарантасъ едва можетъ уставиться на немъ, и заднія колеса, только наполовину умѣстившіяся на накатѣ, ежеминутно угрожаютъ скатиться въ воду и увлечь за собою весь экипажъ. Лошадей заставляютъ спрыгнуть на корму, и только испытанное благонравіе этихъ животныхъ можетъ успокоить ваши опасенья насчетъ того, что одно самое ничтожное, самое естественное движеніе лошади можетъ стоить жизни любому изъ пассажировъ, кое-какъ пріютившихся по стѣнкамъ и большею частью сидящихъ не праздно, а съ весломъ въ рукахъ.

Русло рѣчки переплывается очень скоро, и затѣмъ досчаникъ вступаетъ въ лѣсъ. Зрѣлище это поражаетъ васъ своею новизной и оригинальностью; вы плывете по аллеямъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ дѣлаются до того узкими, что досчаникъ только съ помощью величайшихъ усилій протаскивается впередъ. Случается, что на поворотахъ теченіе воды столь быстро, что даже совокупное дѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ, сопровождаемое дружными и одобрительными криками, на нѣкоторое время дѣлается тщетнымъ. Напрасно команди-

Digitized by Google

руется одна партія гребцовъ въ воду, и тамъ, схватившись руками за вѣтви деревьевъ и кустовъ, тянетъ всѣмъ корпусомъ веревку, прицѣпленную къ досчанику: лодка какъ будто бы топчется на одномъ мѣстѣ, не подвигаясь ни на пядь впередъ, и только слышно, какъ вода не то чтобы шумитъ, а какъ-то сосредоточенно жужжитъ кругомъ, поминутно угрожая перевернуть вверхъ дномъ утлую скорлупу. Такого рода препятствія встрѣчаются на каждомъ шагу, и оттого переправа совершается до такой степени медленно, что переѣздъ этихъ шести-семи верстъ отнимаетъ, по крайней мѣрѣ, пять-шесть часовъ. Но вотъ, наконецъ, виднѣется за туманами берегъ, образуемый пригоркомъ, на которомъ привольно растетъ все тотъ же неисходный лѣсъ; говоръ и шумъ стихаютъ, весла опускаются, и досчаникъ потихоньку и плавно подступаетъ къ берегу...

И опять зазвенѣлъ колокольчикъ, опять потянулись направо и налѣво лѣса; только тишина сдѣлалась какъ-то глубже, торжественнѣе, потому что и звѣри, и птицы, и растенія— все это заснуло чуткимъ сномъ подъ прозрачнымъ покровомъ весенней ночи.

Понятно, что необычайная простота и незатѣйливость этой природы должна сурово дѣйствовать и на человѣка, въ ней обитающаго. И дѣйствительно, поселяне, живущіе въ деревняхъ, которыя, какъ рѣдкіе оазисы, попадаются среди лѣсовъ, упорно держатся такъ-называемыхъ старыхъ обычаевъ и непріязненно смотрятъ на всякаго проѣзжаго, если онъ видомъ своимъ напоминаетъ чиновника или вообще барина. Живутъ они очень зажиточно и опрятно, но на всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, на всѣхъ движеніяхъ лежитъ какая-то печать формализма, устраняющая всякій намекъ на присутствіе идеала или того наивно-поэтическаго колорита, который хоть изрѣдка обливаетъ мягкимъ свѣтомъ картину поселянскаго быта. Коли хотите, есть у нихъ свои удовольствія, свои отклоненія отъ постоянно-суровой, уединенно-эгоистической жизни; но эти удовольствія, эти увлеченія принимаютъ ка-

Digitized by Google

кой-то темный, плотяный характеръ; въ нихъ нѣтъ ни мягкости, ни искренней веселости, и потому они легко превращаются въ безобразный и голый развратъ. И до сихъ поръ въ лѣсахъ этой мѣстности попадаются одинокіе скиты, въ которыхъ нерѣдко находятъ убѣжище не жажда молитвы и спасенія душевнаго, а преступленіе и грубое распутство. Но поселяне не только съ тупымъ равнодушіемъ смотрятъ на такое явленіе, но даже, нѣкоторымъ образомъ,, способствуютъ развитію его...

Таковъ народъ, такова мѣстность, окружающіе городъ С***. Городъ этотъ, самъ по себѣ ничтожный, имѣетъ, впрочемъ, весьма важное нравственное значеніе, какъ центръ, къ которому тянетъ не только вся окрестность, но многія самыя отдаленныя мѣстности Россіи. Въ особенности замѣчательно въ немъ преобладаніе женскаго элемента надъ мужскимъ. На улицахъ и у воротъ почти исключительно встрѣчаются однѣ женщины, въ неизмѣнныхъ темно-синихъ сарафанахъ, съ пуговицами, идущими до низу, и съ черными миткалевыми платками на головахъ, закалывающимися у самаго подбородка, вслѣдствіе чего лицо представляется какъ бы вставленнымъ въ черную рамку. Встрѣчаются дома (а такихъ чуть ли даже не большинство), въ которыхъ живутъ исключительно однѣ женщины. И весь этотъ женскій людъ движется какъ-то чинно и истово по улицамъ, вслѣдствіе чего и самый городъ пріобрѣтаетъ церемонно-унылый характеръ. Ни пьянства, ни дракъ незамѣтно, почему даже самый откупщикъ, обыкновенно душа и украшеніе уѣзднаго общества, угрюмо и озлобленно выглядываетъ изъ оконъ каменныхъ палатъ своихъ.

Но обращаюсь къ запискамъ Филоверитова.

I.

— Ваше высокоблагородіе немедленно приступить изволите?—спросилъ меня исправникъ Маслобойниковъ въ ту

Digitized by Google

самую минуту, какъ я вылѣзалъ изъ тарантаса съ намѣреніемъ направиться къ станціонному дому, расположенному въ самомъ центрѣ города С***.

Маслобойниковъ — небольшой, но коренастый мужчина, рябой и безобразный, съ узенькимъ лбомъ, чрезвычайно развитымъ затылкомъ и налитыми кровью глазами. Онъ безпрестанно отираетъ потъ, выступающій на его лицѣ, но при этомъ всякій разъ отворачивается и исполняетъ это на скорую руку. Когда ему сообщаютъ что-нибудь по дѣлу, въ особенности же секретное, то онъ всѣмъ корпусомъ подается впередъ, причемъ мнетъ губами, а глазами разбѣгается во всѣ стороны, какъ дикій звѣрь, почуявшій носомъ добычу. Впрочемъ, онъ не прочь иногда прикинуться простачкомъ и разсказать игривый анекдотецъ, особливо если дѣло касается его служебной дѣятельности; но всѣ эти анекдоты пріобрѣтаютъ въ устахъ его какой-то мрачный характеръ.

Меня изумило, во-первыхъ, то, какимъ образомъ Маслобойниковъ очутился у станціоннаго двора въ такую именно минуту, когда я подъѣхалъ къ нему; во-вторыхъ, то, какимъ образомъ онъ вызналъ не только о характерѣ моего порученія, но, повидимому, и о самомъ предметѣ его. Я не могъ воздержаться, чтобы не выразить моего изумленія.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, мы васъ ужъ съ утра поджидаемъ,—отвѣчалъ онъ весьма хладнокровно.—Съ часъ назадъ и гонецъ съ послѣдней станціи прискакалъ, гдѣ вы изволили чай кушать.

И при этомъ на лицѣ его показалась какая-то безцвѣтная, но отвратительно-проницательная улыбка, которая привела меня въ невольное смущеніе.

— Странно!—сказалъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Помилуйте-съ, по мѣрѣ силы-возможности стараемся облегчить вашимъ высокоблагородіямъ-съ,—произнесъ онъ скороговоркой, глядя на меня исподлобья и какъ-то странно извиваясь передо мной.—Нашъ братъ народъ сѣрый, мы и

Digitized by Google

въ трубу, и въ навозъ сходимъ-съ... Извѣстно, перчатокъ не покупаемъ.

— Да вѣдь здѣсь городъ,—сказалъ я:—какимъ же образомъ вы, а не городничій...

— Они, ваше высокоблагородіе, человѣкъ слабый, можно сказать, и въ умѣ даже повредившись, по той причинѣ, что съ утра, теперича, и до вечера въ одномъ этомъ малодушествѣ спокойствіе находятъ... Да и дѣло-то оно такое-съ, что хоша онѣ (то-есть скитницы) и не въ уѣздѣ, а все словно изъ уѣзда порядкомъ въ городъ не водворены; такъ мы, то-есть земскій судъ-съ, по этому самому случаю и не лишаемъ ихъ своего покровительства... Мы насчетъ этого имѣли ужъ съ Иваномъ Макарычемъ (городничимъ) матерію, что будто бы ихъ супруга очень ужъ оскорбляются, что этимъ дѣломъ не они, а мы заправляемъ-съ... Ну, да ихнее дѣло дамское; имъ, конечно, оно и невдомекъ, почему и какъ обращеніе земли совершается... Такъ прикажете приступить?—повторилъ онъ, возвращаясь къ дѣлу.

— Да я полагаю, что можно и завтра.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, — произнесъ онъ съ таинственнымъ видомъ, наклонившись ко мнѣ:—часа черезъ два у нихъ, можно сказать, ни синя-пороха не останется... Это вѣрное дѣло-съ.

— Да вѣдь теперь и ночь скоро...

— Это нужды нѣтъ-съ: они завсегда обязаны для полиціи домъ свой открытымъ содержать... Конечно-съ, вашему высокоблагородію почивать съ дорожки хочется, такъ ужъ вы извольте мнѣ это довѣрить... Будьте, ваше высокоблагородіе, удостовѣрены, что мы своихъ начальниковъ обмануть не осмѣлимся, на чести дѣло сдѣлаемъ, а насчетъ проворства и проницательности, такъ истинно, осмѣлюсь вамъ доложить, что мы однимъ глазомъ во всѣхъ углахъ самомалѣйшее насѣкомое усмотрѣть можемъ...

— Нѣтъ, ужъ у меня свой расчетъ есть, чтобы начать дѣло завтра.

Digitized by Google

— Слушаю-съ.

— Только если вы что-нибудь съ своей стороны узнаете относящееся до дѣла, то предувѣдомьте меня.

— Слушаю-съ.

— Да вотъ еще: завтра къ ночи должны сюда прибыть люди, такъ вы поставьте кого-нибудь у заставы... Понимаете? Чтобъ ихъ въ городѣ не видали.

— Слушаю-съ.

Онъ всталъ, чтобы откланяться, и направилъ-было къ двери шаги свои, но съ половины комнаты воротился.

— Имѣю сообщить вашему высокоблагородію нѣчто весьма секретное,—сказалъ онъ, подходя ко мнѣ, и потомъ шопотомъ прибавилъ:—Ваше высокоблагородіе до Мавры Кузьмовны дѣло имѣть изволите?

— Да вѣдь вы знаете: зачѣмъ же спрашивать?..

— Извините, это точно-съ... Я тоже до нея хоша въ настоящій моментъ и не имѣю касательства, однако на сихъ дняхъ безотмѣнно имѣть таковое намѣренъ.

— По какому же случаю?

— По предмету о совращеніи, такъ какъ по здѣшнему мѣсту это, можно сказать, первый сюжетъ-съ... Вашему высокоблагородію, конечно, не безызвѣстно, что народъ здѣсь живетъ совсѣмъ необнатуренный-съ; такъ эти бабы да дѣвки такое на нихъ своимъ естествомъ вліяніе имѣютъ, что даже представить себѣ невозможно... Я думалъ, что ваше высокоблагородіе прикажете, можетъ, по совокупности...

— У васъ заведено развѣ ужъ дѣло?

— Никакъ нѣтъ-съ: дѣло это, такъ сказать, еще въ воображеніи...

— Почему же вы думаете, что оно изъ области вашего воображенія непремѣнно должно перейти въ область дѣйствительности?

— Слѣдимъ... шестую недѣлю, можно сказать, денно и нощно слѣдимъ... такъ какъ же ему не быть-то-съ? Это

Digitized by Google

все одно, что бабѣ понести, да въ десятый мѣсяцъ не родить-съ...

— Въ такомъ случаѣ, если что-нибудь будетъ, то сообщите мнѣ, а я пріобщу къ своему дѣлу... Да вы объ моемъ-то дѣлѣ знаете?

— Помилуйте-съ, ваше высокоблагородіе!

— Однакожъ?

— Помилуйте-съ, ваше высокоблагородіе!

— А Мавра Кузьмовна знаетъ?

— Въ этомъ, ваше высокоблагородіе, будьте безъ сумнѣнія-съ; гонецъ прямо къ ней въ домъ и прискакалъ

— Однакожъ, это непріятно.

— Ничего, ваше высокоблагородіе.

— Какъ ничего? Она можетъ принять свои мѣры, будетъ запираться.

— Мѣры она точно-что принять можетъ-съ, да и запираться будетъ непремѣнно, однако, на это обращать вниманія не слѣдуетъ, потому какъ съ ними одинъ разговоръ—подъ арестъ-съ; а тамъ какъ Богъ разсудитъ... А впрочемъ, вашему высокоблагородію насчетъ этого дѣла и опасаться нельзя-съ, потому какъ тутъ и истцы налицо...

— Ну, а ваше дѣло въ чемъ же состоитъ?

— Нѣтъ-съ, ужъ позвольте до завтрева... по той причинѣ, что у вашего высокоблагородія ужъ и глазки слипаются, а наша исторія длинная и до завтрева не убѣжитъ.

Мы разстались.

II.

Городъ С***, въ которомъ мнѣ пришлось производить слѣдствіе, принадлежитъ къ числу самыхъ плохихъ городовъ Россіи. Если онъ расположился или, лучше сказать, разлѣзся на довольно большомъ пространствѣ, то нельзя сказать, чтобъ къ этому была какая-либо иная побудительная причина, кромѣ того, что русскому человѣку вообще

Digitized by Google

просторъ любъ. Напримѣръ, домъ мѣщанина Карпущенкова занимаетъ всего-на-все двадцать пять квадратныхъ саженъ, но зато подъ дворовымъ участкомъ, принадлежащимъ тому же мѣщанину, навѣрное отыщется саженъ тысячу. Спросите у Карпущенкова, зачѣмъ ему такое пространство земли, изъ которой онъ не извлекаетъ никакой для себя выгоды, — онъ, во-первыхъ, не пойметъ вашего вопроса, а, во-вторыхъ, пораздумавши маленько, отвѣтитъ вамъ: «что жъ, Христосъ съ ней! развѣ она кому въ горлѣ встала, земля-то!»—«Да, вѣдь нужно, любезный, устраивать тротуаръ, поправлять улицу передъ домомъ, а куда жъ тебѣ сладить съ такимъ пространствомъ?»—«И, батюшка!—отвѣтитъ онъ вамъ:—какая у насъ улица! Дорога, извѣстно, про всѣхъ лежитъ, да и по ней некому ѣздить».

Такимъ образомъ прозябаетъ это грустное племя, внѣ всякихъ понятій о красотѣ и удобствѣ прямыхъ линій. Вообще, въ рѣдкихъ еще городахъ Россіи земля имѣетъ какую-нибудь цѣнность. Мѣщане, и даже крестьяне, пріобрѣтаютъ огромные дворовые участки за безцѣнокъ, а часто и задаромъ, то-есть самовольно, и всѣ послѣдствія такого пріобрѣтенія ограничиваются выстройкой какой-нибудь бани, въ которой ютится хозяинъ съ семействомъ, и обнесеніемъ участка плетнемъ или заборомъ. Отъ этого такое множество пустырей, которые придаютъ нашимъ городамъ нестерпимо тоскливый видъ.

Многіе благонамѣренные начальники старались превозмочь это тупое равнодушіе жителей къ ихъ собственнымъ выгодамъ и удобствамъ. Когда князь Левъ Михайлычъ *) пріѣхалъ въ губернію, то первымъ дѣломъ его было написать, «чтобы въ городахъ *непремѣнно* были заведены мостовыя, и чтобы дома возводимы были въ два этажа и, *по возможности*, каменные». Однако, успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, потому что князь все-таки кротокъ очень.

*) См. выше. Филоверитовъ былъ одинъ изъ фаворитовъ князя.

Digitized by Google

Тутъ надобно льва, который, не взирая ни на что, могъ бы настоять.

Только къ центру, тамъ, гдѣ находится и базарная площадь, городъ становится какъ будто люднѣе и принимаетъ физіономію торговаго села. Тутъ уже попадаются изрѣдка каменные дома мѣстныхъ купцовъ, лари, на которыхъ симметрически расположены калачи и баранки; тутъ же снуютъ приказные, поспѣшающіе въ присутствіе или обратно, и, меланхолически прислонясь гдѣ-нибудь у воротъ, тупо посматриваютъ на базарную площадь туземные мѣщане, въ нагольныхъ тулупахъ, заложивъ одну руку за пазуху, а другую засунувъ въ боковой карманъ.

На другой день по пріѣздѣ въ С*** я раннимъ утромъ отправился къ Маврѣ Кузьмовнѣ.

У меня былъ свой планъ; къ сожалѣнію, я долженъ былъ отказаться отъ выполненія нѣкоторыхъ частей его. Я хотѣлъ остановиться въ городѣ инкогнито, прикинуться этакъ мѣщаниномъ, желающимъ получить «просвѣщеніе», и вывѣдать все дѣло исподволь. На этотъ конецъ было у меня припасено и соотвѣтственное одѣяніе, какъ-то: тулупчикъ дубленый, азямъ, сапоги русскіе и проч.; но появленіе Маслобойникова и завѣреніе, что Кузьмовна меня ожидаетъ, разсѣяли въ прахъ мои надежды. Во всякомъ случаѣ, я вынужденъ былъ если не совершенно отказаться отъ своего плана, то подвергнуть его измѣненіямъ. Но и теперь, прежде всего, я разсчитывалъ на то обстоятельство, что хотя, быть-можетъ, и знаетъ Мавра Кузьмовна, что имѣетъ наѣхать чиновникъ, но знаетъ это смутно, не имѣя настоящаго понятія ни о цѣли пріѣзда, ни о намѣреніяхъ чиновника. Въ такомъ случаѣ, думалъ я, можно будетъ сказать, что я имѣю порученіе сдѣлать дознаніе объ истинномъ состояніи раскола или что-нибудь подобное. Руководители и руководительницы этого дѣла охотно подаются на эту удочку, если взяться за нее умѣючи. Натура человѣческая до крайности самолюбива, и если, ловко набросивъ

Digitized by Google

на свое лицо маску добродушія и откровенности, слѣдователь обращается къ всемогущей струнѣ самолюбія, успѣхъ почти всегда бываетъ вѣренъ. Тутъ охотно выкладываются на столъ всѣ самыя сокровенныя вещи, а ради краснаго словца даже и прилыгается малость; слѣдовательно, остается только на усъ мотать. Тутъ же могутъ быть, кстати, употреблены и другія невинныя средства, внушающія довѣренность. Такимъ образомъ можно, напримѣръ, направить рѣчь издалека о собственныхъ дѣлахъ Мавры Кузьмовны, поприласкать ее (посадить), начать слегка соболѣзновать и вообще «бесѣдовать разумно», сбросивъ съ себя всякую офиціальность и пригнувъ себя къ одному уровню съ почтенною старухой. Я зналъ слѣдователей весьма благонамѣренныхъ, которые своимъ неумѣніемъ обращаться съ живымъ матеріаломъ, щекотливостью, съ которою они относились къ темнымъ сторонамъ жизни, съ перваго же шагу возбуждали полное недовѣріе подсудимаго и, разумѣется, не достигали никакихъ результатовъ. Съ другой стороны, зналъ я и такихъ слѣдователей, которые были, что называется, до мозга костей выжиги, и между тѣмъ сразу внушали полное довѣріе къ себѣ, потому только, что умѣли кстати ввернуть слово «голубчикъ», или потрепать подсудимаго по брюху, или даже дать ему, въ *шутливомъ русскомъ тонѣ*, порядочную затрещину въ спину — полицейская ласка, имѣющая равносильное значеніе со словомъ «голубчикъ».

Я — слѣдователь благонамѣренный и добиваюсь только истины, не имѣя при этомъ никакихъ личныхъ видовъ; слѣдовательно, я не только имѣю право, но и обязанъ изыскать всѣ средства, чтобы достигнуть этой истины. Конечно, я не стану давать любезныхъ затрещинъ—на это я не способенъ,—но и кромѣ затрещинъ есть цѣлый рядъ полицейскихъ хитростей, который можетъ быть употребленъ въ дѣло. Мнѣ скажутъ, можетъ-быть, что это нравственное вымогательство (другіе, пожалуй, не откажутся употребить

Digitized by Google

при этомъ и слово «подлость»), но, въ такомъ случаѣ, я позволю себѣ спросить: какія же имѣются средства къ открытію истины?

Итакъ, мнѣ нужна была довѣренность Мавры Кузьмовны; необходимо было вызвать ее на откровенность, и если бы она, въ частномъ и любезномъ разговорѣ (особливо же при свидѣтеляхъ), высказала то, что для меня потребно, въ такомъ случаѣ я не прочь былъ бы оформить эту любезную откровенность законнымъ порядкомъ. Само собою разумѣется, что въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла могутъ быть нущены въ ходъ разнаго рода неожиданности: чтеніе нѣкоторыхъ писемъ, появленіе изъ заднихъ дверей интересныхъ лицъ и т. п. И все это въ пользу истины, только истины...

Полный этихъ намѣреній, я рѣшился лично посѣтить Мавру Кузьмовну, чтобы ее, такъ сказать, сразу ошеломить моею благосклонною внимательностью. Сверхъ того, нелишне было ознакомиться и съ характеромъ моей новой паціентки, чтобы приспособиться къ нему и замѣтить ту струнку, на которую удобнѣе можно дѣйствовать.

Домъ Мавры Кузьмовны, недавно выстроенный, глядѣлъ чистенько и уютно. Дверь изъ сѣней вела въ коридоръ, раздѣлявшій весь домъ на двѣ половины. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ коридоръ былъ устроенъ не случайно, а вслѣдствіе особыхъ и довольно остроумныхъ соображеній.

Дѣло въ томъ, что по обѣимъ сторонамъ коридора были расположены горницы, изъ которыхъ каждая имѣла свой особый ходъ и образовала родъ кельи, не имѣвшей съ сосѣднею комнатой иного сообщенія, какъ черезъ коридоръ. Первыя и ближайшія къ сѣнямъ, а слѣдовательно и къ свѣту, горницы имѣли хозяйственное назначеніе; тутъ были: стряпущая, кладовая и т. д. Но чѣмъ далѣе нужно было углубляться въ коридоръ, тѣмъ тусклѣе достигалъ свѣтъ, такъ что съ трудомъ можно было распознать даже двери; тутъ-то и были покои самой Мавры Кузьмовны, жившей вмѣстѣ съ племянницей и нѣсколькими посторонними ста-

Digitized by Google

рухами, которыхъ она пропитывала на старости лѣтъ. Затѣмъ, въ самой глубинѣ коридора, тамъ, куда свѣтъ совершенно почти не досягалъ, было нагорожено множество мелкихъ чуланчиковъ, которыхъ не было возможности даже днемъ нащупать безъ помощи свѣчи.

— Какъ же вы-то успѣваете вдругъ осмотрѣть всѣ эти закоулки? — спрашивалъ я у Маслобойникова, когда, впослѣдствіи, самъ ближе познакомился съ устройствомъ этого рода домовъ.

— Это точно-съ, что по началу дѣло было трудное,— отвѣчалъ онъ:—въ первый разъ, какъ былъ я еще неопытенъ, они меня лихо надули. Пришелъ я къ нимъ этта съ обыскомъ; ну, она меня и встрѣчаетъ такая, знаете, ласковая... «Милости просимъ, говоритъ, Иванъ Демьянычъ, удостойте старуху своимъ посѣщеніемъ», а сама, ваше высокоблагородіе, и отворяетъ мнѣ первую-то дверь. Ну, я съ дураковъ-то и вошелъ—кухня-съ; разумѣется, чумички, лохани, ведра, все какъ слѣдуетъ. — «Да ты показывай, говорю, мнѣ настоящее дѣло». — «А вотъ, говоритъ, пожалуйте». И привела меня насупротивъ въ кладовую. Ну, точно, вижу полна горница сундуковъ и мѣшковъ—надо все это свидѣтельствовать. Съ часъ я тутъ бился, разсматривалъ; ну, разумѣется, кромѣ солоду, муки да крупы ничего не нашелъ, а покуда я тутъ копался, въ другихъ-то комнатахъ и поприбрали... Съ тѣмъ и ушелъ, что ничего найти не могъ... «Ну, говорю, спасибо, голубушка, за науку».— «Ничего, говоритъ, на здоровье, родимый!» А у самой отъ смѣху даже нутро все колыхается, у поганки. Ну, да добро, молъ, за мной, не за кѣмъ другимъ, наука не пропадаетъ. Пришелъ и опять случай: «нѣтъ, думаю, шалишь, баба!»—и прямо, знаете, какъ ворвался, въ самую, что называется, въ глубь, покуда въ стѣну лбомъ не наткнулся... тутъ и замеръ-съ... А между тѣмъ на прочихъ пунктахъ свое распоряженіе идетъ; двери всѣ настежь, и какъ кого смертный часъ засталъ, такъ и пребывай, застынь, не ше-

Digitized by Google

велись... Ну, и точно-съ, диковинныя иногда вещи въ этихъ чуланчикахъ находишь...

Но возвращаюсь къ разсказу. Встрѣтила меня въ сѣняхъ какая-то старуха, должно-быть стряпка, которая, взглянувъ на мои пуговицы, поблѣднѣла и какъ-то странно вся всколыхалась. Испугъ, очевидно, парализировалъ всю ея мыслящую силу, потому что она безотчетно топталась на одномъ мѣстѣ, какъ бы недоумѣвая, оставаться ей или бѣжать.

— Дома Мавра Кузьмовна?—спросилъ я.

— Ась? — закричала она во всю мочь, съ очевиднымъ намѣреніемъ, чтобы голосъ ея какъ-нибудь дошелъ по назначенію.

Я повторилъ вопросъ.

Она опять затопталась на мѣстѣ, а губы ея начали судорожно подергиваться.

— Дома Мавра Кузьмовна?—крикнулъ я ей въ самое ухо.

— Не упомню я, батюшка, не упомню... Кажется, не бывала... Стара я, ваше сіятельное благородіе, больно стара, дай чтой-то нынче и памятью-то Богъ изобидѣлъ... Объ комъ это изволишь спрашивать?

Сознавая безполезность дальнѣйшихъ разспросовъ, я хотѣлъ-было идти далѣе, въ тотъ знаменитый коридоръ, о которомъ говорено выше, какъ вдругъ, совершенно для меня неожиданно, старуха какъ снопъ повалилась поперекъ двери.

— Батюшки! спасите! рѣжутъ!—вопила она, уцѣпившись за фалды моего вицмундира. — Отецъ родной! не ходи, не губи своей душеньки!

На этотъ крикъ выбѣжала баба, высокая и плотная, въ синемъ сарафанѣ, повязанная чернымъ платкомъ. Это была сама хозяйка дома, которая вмигъ поняла, въ чемъ дѣло.

— Мать Меропея, мать Меропея! — сказала она ласковымъ, но твердымъ голосомъ, подходя къ намъ:—полно, не блажи, пусти его благородіе!

Старуха встала, глухо кашляя и злобно посматривая на меня. Она одною рукою уперлась о косякъ двери, а дру-

Digitized by Google

гою держала себя за грудь, изъ которой вылетали глухіе и отрывистые вопли. И долгое еще время, покуда я сидѣлъ у Мавры Кузьмовны, раздавалось по всему дому ея голошеніе, нагоняя на меня нестерпимую тоску.

— Милости просимъ, ваше благородіе!—говорила, между тѣмъ, Мавра Кузьмовна:—милости просимъ къ намъ въ горницу... Аннушка! отворь-ка дверь: посвѣтлѣе барину идти будетъ! Ужъ вы насъ, сударь, не обезсудьте за старуху-то! Здѣсь мы собрались народъ все старый да пуганный; мужчинъ никого нѣтъ—ну, и думается, что лихой человѣкъ старухъ сирыхъ изобидѣть хочетъ... А такимъ гостямъ, какъ ваше благородіе или хочь и Иванъ Демьянычъ (Маслобойниковъ), мы оченно завсегда рады... Или, можетъ, ваше благородіе, изначала съ обыскомъ пройдете? — прибавила она, какъ-то масляно засматривая мнѣ въ глаза.

— Нѣтъ... Да развѣ ты не видишь, что и понятыхъ со мной нѣтъ?

— Такъ-съ; а то мы завсегда готовы... У насъ, ваше благородіе, завсегда и ворота, и горницы всѣ безъ запору... Такое ужъ Иванъ Демьянычъ, дай Богъ имъ много лѣтъ здравствовать, заведеніе завелъ... А то, коли съ обыскомъ, такъ милости просимъ хошь въ эту горницу (она указывала на кладовую), хошь куда вздумается... Такъ милости просимъ въ наши покои.

— А эта Меропея у тебя въ стряпкахъ, что ли, живетъ?—спросилъ я.

— Въ стряпкахъ, сударь, въ стряпкахъ... Что жъ, это, кажется, сударь, не запрещается?...

Мы вошли въ это время въ горницу, чистую и свѣтлую. На полу разостланъ бѣлый холстъ, а стѣны гладко выструганы; горница раздѣлена перегородкой, за которой виднѣлась кровать съ цѣлою горой перинъ и подушекъ и по временамъ слышался шорохъ. Передъ диваномъ, на столѣ, стояла закуска, которую впопыхахъ, очевидно, забыли прибрать. Закуска была такъ-называемая дворянская, то-есть

Digitized by Google

зачерствѣлый балыкъ, колбаса, твердая какъ камень, и мелко нарѣзанные куски икры буроватаго цвѣта; на томъ же подносѣ стоялъ графинъ съ бѣлою водкой и бутылка тенерифа.

— Милости просимъ бесѣдовать! — сказала Мавра Кузьмовна, усаживая меня на диванъ.

Но мы были не одни; кромѣ лицъ, которыя скрылись за перегородкой, въ комнатѣ находился еще человѣкъ въ длинноломъ, узкомъ кафтанѣ, съ длинными свѣтло-русыми волосами на головѣ, собранными въ косичку. При появленіи моемъ онъ всталъ и, вынувъ изъ-за пояса гребенку, подошелъ, пошатываясь, къ зеркалу и началъ чесать свои туго связанные волосы.

Блѣдно-желтое, отекшее лицо его, украшенное жиденькою бородкой, носило явные слѣды постоянно невоздержной жизни; маленькіе голубые и воспаленные глаза смотрѣли какъ-то слѣпо и тупо; губы распустились и не смыкались; руки, изъ которыхъ одна была засунута въ боковой карманъ, дѣйствовали нетвердо. Во все время, покуда продолжалось причесываніе волосъ, онъ вполголоса мурлыкалъ какую-то пѣсню и изрѣдка причмокивалъ языкомъ и губами.

— Это что̀ за человѣкъ?—спросилъ я хозяйку.

Мавра Кузьмовна желала улыбаться, но губы ея только судорожно двигались и никакъ не складывались въ улыбку; она постоянно заглядывала мнѣ въ глаза, какъ бы усиливаясь уловить мою мысль, а своимъ собственнымъ глазамъ стараясь придать выраженіе безпечности и даже наивной веселости.

— Это, ваше благородіе, такъ... уволенный, ваше благородіе... онъ передъ вами только-что выпить зашелъ... Это вѣдь, кажется, можно?

Послѣднія слова были сказаны не безъ ироніи.

— Да чтой-то, Михеичъ, хошь бы ты почтеніе его благородію отдалъ.—продолжала Мавра Кузьмовна:—а то мурлыкаешь тамъ невѣсть что̀.

Digitized by Google

Неизвѣстный обернулся, подошелъ къ столу и уставилъ безсмысленный взоръ на водку.

— А что, благодѣтельница, повторить можно?—спросилъ онъ сиплымъ голосомъ и слабо трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Что ты за человѣкъ?—спросилъ я его.

Онъ посмотрѣлъ на меня мутными глазами.

— То-есть... ваше благородіе желаете знать, каковъ я таковъ человѣкъ есть? — сказалъ онъ, спотыкаясь на каждомъ словѣ.—Что жъ, для васъ объясниться дѣло не мудреное... не прынцъ же я, потому какъ и одѣянія для того приличнаго не имѣю, а лучше сказать, просто-на-просто, я исключенный изъ духовнаго званія причетникъ, сирѣчь овца заблудшая... Вотъ я каковъ человѣкъ есть!

Онъ остановился, сначала глубоко вздохнулъ, но потомъ вдругъ фыркнулъ и, изобразивъ изъ себя фертъ, внезапно перешелъ изъ довольно густого баритона въ самый тонкій, маслянистый теноръ.

— Не возмогу рещи,—продолжалъ онъ, вздернувъ голову кверху и подкативъ глаза такъ, что видны дѣлались одни воспаленные бѣлки: — не возмогу рещи, сколь многія претерпѣлъ я гоненія. Если не сподобился, яко Іона, содержаться во чревѣ китовѣ, зато въ собственномъ моемъ чревѣ содержалъ бѣса три года и три мѣсяца... И паки обуреваемъ былъ злою женою, по вся дни износившею передо мной звѣриный свой образъ... И паки обуянъ былъ жаждою огненною, и не утолилъ гортани своей до сего дня...

— Вы его не обезсудьте, ваше благородіе, — прервала Мавра Кузьмовна: — онъ у насъ ужъ такой отъ рожденія, въ умѣ оченно ужъ недостаточенъ... Полно, полно, Михеичъ; пора, чай, и къ домамъ.

— Нѣтъ, Мавра Кузьмовна, ужъ коли языкъ самъ возговорилъ, стало-быть говорить ему надо, и вы мнѣ не препятствуйте... Ваше высокоблагородіе! вотъ какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами... нагъ и босъ, нищъ и убогъ

Digitized by Google

предстою! Прошу водки—не даютъ! Стало-быть, за что же я, за что же...

— Да, не даютъ тебѣ водки! И то ужъ почесть кабакъ въ нутрѣ-то у тебя завелся!—прервала его хозяйка, стараясь улыбнуться, но съ очевиднымъ озлобленіемъ.

— Не препятствуйте, Мавра Кузьмовна! Я здѣсь передъ ихъ высокоблагородіемъ... Они любопытствуютъ знать, каковъ я есть человѣкъ,—долженъ же я объ себѣ отвѣтствовать! Ваше высокоблагородіе! позвольте рѣчь держать! Позвольте какъ отцу объявиться, почему какъ я на краю погибели нахожусь, и если не изведетъ меня оттуда десница ваша, то въ скорости буду даже на днѣ оной! За что они меня рѣжутъ?

И онъ неожиданно подбѣжалъ къ окну и, отворивъ его, неистовымъ голосомъ закричалъ:—«Православные, рѣжутъ!»

Мавра Кузьмовна поблѣднѣла. Сцена эта видимо ее безпокоила съ самаго начала; но при такомъ неожиданномъ окончаніи она до такой степени смутилась, что какъ будто бы совершенно позабыла обо мнѣ.

— Ахъ ты, Господи! Вотъ ужъ шестую недѣлю такъ-то съ нимъ маемся! Инъ искать ужъ другого!—повторяла она про себя.—Одною этою водкой всю келью испоганилъ, антихристъ ты этакой!

И, уцѣпившись за полы его кафтана, она тянула его отъ окна. Во время этой суматохи изъ-за перегородки шмыгнули двѣ фигуры: одна мужская, въ вицмундирномъ фракѣ, другая женская, въ нѣмецкомъ платьѣ. Мавра Кузьмовна продолжала нѣкоторое время барахтаться съ Михеичемъ, но онъ присмирѣлъ такъ же неожиданно, какъ и пришелъ въ экстазъ, и обратился къ намъ уже съ веселымъ лицомъ.

— Ну, полноте, полноте, Мавра Кузьмовна, — сказалъ онъ, съ улыбкою глядя на хозяйку, которая вся тряслась:— я ничего... я такъ только покуражился маленько, чтобъ знали его высокоблагородіе, каковъ я человѣкъ есть, потому какъ могу въ вашемъ домѣ всякое неистовство учинить, и ни

Digitized by Google

отъ кого ни въ чемъ мнѣ запрету быть невозможно... по той причинѣ, что могу я вамъ въ глаза всѣмъ наплевать, и безъ меня вся ваша механика погибѣ.

Старуха была ни жива, ни мертва; она и тряслась, и охала, и кланялась ему почти въ ноги, и въ то же время охотно вырвала бы ему поганый его языкъ, который готовъ былъ, того и гляди, выдать какую-то важную тайну. Мое положеніе также дѣлалось изъ-рукъ-вонъ неловкимъ; я не могъ не предъявить своего посредничества уже по тому одному, что присутствіе Михеича рѣшительно мѣшало мнѣ приступить къ дѣлу.

— Что ты за человѣкъ и по какому случаю находишься здѣсь?—спросилъ я снова Михеича.—Отвѣчай!

Онъ улыбнулся и поглядѣлъ на Мавру Кузьмовну, которая съ пытливымъ безпокойствомъ смотрѣла ему въ глаза.

— А хочешь разскажу?—сказалъ онъ.

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія.

— Ну, не трясись! Такъ ужъ и быть не скажу! Только завтра смотри у меня, перевертываться живѣй! Теперь ужъ всего два денька и погулять-то осталось! Прощай, старуха! Припасай водки! — И, взявши картузъ, онъ тутъ же въ комнатѣ надѣлъ его на голову и побрелъ, пошатываясь, къ двери. Мавра Кузьмовна вздохнула свободнѣе и начала креститься.

— А хорошъ буду архіерей?—спросилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ и растопыривъ руки фертомъ.

Мавра Кузьмовна снова заохала.

— Ну, ну, добро, не трясись! Прощенья просимъ, ваше высокоблагородіе! Какъ буду архіереемъ, безотмѣнно отпущу вамъ вольная и невольная...

— Что жъ это за человѣкъ?—спросилъ я Мавру Кузьмовну, когда онъ вышелъ.

Она уже оправилась отъ страха, который нагнала-было на нее выходка Михеича, и стояла передо мной довольно спокойно.

Digitized by Google

— Не пожалуете ли водочки?—сказала она, не отвѣчая на мой вопросъ.—Али, можетъ, виноградnаго... или чайку угодно?

— Хитришь ты со мной, Мавра Кузьмовна.

— Зачѣмъ, кажется, мнѣ съ тобой хитрить, баринъ? Кажется, хитрить мнѣ съ тобой не надо... Да просимъ милости откушать... Аннушка! Аннушка!

— Отчего жъ ты не хочешь сказать, что̀ за человѣкъ этотъ Михеичъ?

— Да что̀ сказать-то, ваше благородіе? Такъ, праздношатающій, пьяница... его и оттолѣва-то ужъ выгнали... гдѣ ему настоящее мѣсто есть. Ходитъ по домамъ да водку пьетъ... Это хоть у кого въ городѣ спросите...

— Зачѣмъ же ты его къ себѣ въ домъ пускаешь?

— А коли не пустишь! Сами, чай, видѣли, каковъ онъ есть человѣкъ... Не пусти, такъ, пожалуй, и гнѣздо-то наше огнемъ разоритъ. Да выкушайте хоть виноградnаго-то!

Въ это время вошла Аннушка, дѣвка лѣтъ двадцати пяти, шумя великимъ множествомъ туго-накрахмаленныхъ юбокъ; на ней было ситцевое платье декольте, а на рукахъ перчатки, у которыхъ пальцы наполовину обрѣзаны. Дѣвка, какъ всѣ вообще русскія мѣщанки, воспитанныя на пуховикахъ и чаѣ, отличалась съ виду тою дряблою тучностью, которая почему-то напоминаетъ о китовомъ жирѣ; лицо у нея было, что̀ называется, форменное: мясистое, круглое, плоское, мягкое, сильно избѣленное и съ крѣпко приглаженными волосами, намазанными мусатовскою помадой.

— Вы меня, тетонька, кликали?—спросила она, потупляя глаза и произнося слова въ носъ.

— Подь, подь сюда, умница!—сказала Мавра Кузьмовна, которой лицо расцвѣло при видѣ этого жирнаго, бѣлаго выкормка.—Вотъ, батюшка, какую красавицу выростила... племянница мнѣ будетъ.

— Ахъ, тетонька, вы меня завсегда въ конфузію при-

Digitized by Google

водите!—проговорила дѣвица, какъ будто нехотя подвигаясь впередъ.

— Подь, чего стыдиться-то! Подь, касатка,—баринъ добрый! Мы здѣсь, ваше благородіе, въ дикости живемъ, окромѣ приказныхъ да пьянаго народу никого не видимъ... Было и наше времечко, тоже съ людьми важивались; народъ все чистый, капитальный ѣзживалъ... Ну, и мы, глядя на нихъ, обхожденіе перенимали... Попроси, умница, его благородіе чайкомъ!

— Я не буду пить, Мавра Кузьмовна; теперь ужъ поздно, да и дѣло мнѣ есть до тебя.

— Чтой-то, батюшка, ужъ будто дѣло горитъ! Дѣло-дѣломъ, а чай-чаемъ; выкушай, родимый.

— Ужъ сдѣлайте такое ваше одолженіе, господинъ графъ!—пролепетала Аннушка, складывая губы на манеръ сердца.—Мы завсегда съ пріѣзжими учтивыми кавалерами компанію имѣть готовы, по той самой причинѣ, что и сами обхожденіемъ заимствоваться оченно желаемъ...

— Просимъ выкушать!—настаивала, съ своей стороны, Кузьмовна. — У меня, сударь и генералы чай кушивали... Тоже, чай, знаете генерала Гореглядова, Ардальона Михайлыча — ну, пріятель мнѣ былъ. Пріѣдетъ, бывало, въ скиты, царство ему небесное: — «ну, говоритъ, Кузьмовна, хоть келью мы у тебя и станемъ ужотка зорить, а чаю выпить можно»... Да гдѣ же у тебя женихъ-отъ дѣвался, Аннушка? Ты бы, небось, позвала его сюда: все бы барину-то поповаднѣе было.

— А у васъ въ домѣ и свадьба?—спросилъ я.

— Какъ же, сударь; тоже за благороднаго Аннушку выдаю: больно ужъ смиренъ парень-отъ... Да позови же Алексѣя-то Иваныча!

— Они, тетонька, въ присутствіе пошли; сказываютъ, дѣловъ оченно много.

— Какъ же ты отдаешь племянницу за чиновника? Вѣдь онъ не дозволитъ ей въ старыхъ-то обычаяхъ оставаться.

Digitized by Google

— И, батюшка! объ насъ только слава этта идетъ, будто мы кому ни-на-есть претимъ... Какіе тутъ старые обычаи! Она вотъ и теперича въ нѣмецкомъ платьѣ ходитъ... Да выкушай же чайку-то, господинъ чиновникъ!

Нечего дѣлать, я долженъ былъ согласиться выпить чаю среди бѣла дня.

— Однако, признайся, Кузьмовна, — сказалъ я, когда Аннушка вышла:—знала ты, что я сегодня у тебя буду?

Мавра Кузьмовна пристально взглянула на меня и какъ будто призадумалась.

— Почемъ же я такó дѣло знать могу? — сказала она немного погодя.

— Однако, вспомни: можетъ-быть и знала.

— Нѣтъ, ваше благородіе, намъ въ мнѣніяхъ нашихъ начальниковъ произойти невозможно... Да хоша бы я и могла знать, такъ, значитъ, никакой для себя пользы изъ этого не угадала, почему какъ ваше благородіе сами видѣли, въ какихъ меня дѣлахъ застали.

— Это-то меня и удивляетъ, что ты знала, что я долженъ у тебя быть, и не приготовилась.

— Кабы знать, отчего бы не приготовиться.

— А къ кому же вчера вечеромъ шалдежскій Аѳанасій пріѣзжалъ?

Она посмотрѣла на меня съ такимъ наивнымъ изумленіемъ, что я не могъ не расхохотаться. Она тоже улыбнулась.

— Какой же это такой Аѳанасій? Кажется, я никакого Аѳанасья словно и не знаю.

— Полно, старуха, вѣдь Аѳанасій-то у исправника въ арестантской сидитъ; онъ ужъ сознался.

— Нѣтъ, батюшка, ваше благородіе, ужъ коли на то пошло, такъ я истинно никакого Аѳанасья не знаю... Можетъ, злые люди на меня сплетки плетутъ, потому какъ мое дѣло одинокое, а я ни въ какихъ дѣлахъ причинна не состою... Посѣщенію твоему мы, конечно, оченно рады,

Digitized by Google

однако за какимъ ты дѣломъ къ намъ пріѣхалъ, объ эвтомъ мы неизвѣстны... Такъ-то, сударь!

— Мнѣ нужно бы кой-о-чемъ спросить тебя.

— Спрашивай, сударь, спрашивай, я завсегда готова. Извѣстно, ваше дѣло спрашивать, а наше—отвѣчать. Только объ чемъ же ты спрашивать-то будешь?

— Да нужно мнѣ кой-о-чемъ узнать... Изволишь ты видѣть, много ужъ вашего стада здѣсь прибываетъ...

— Кто же это прибываетъ... кажется, мы всѣ старые: мы, сударь, никого вѣдь неволить ни къ себѣ, ни отъ себя не можемъ... Да что̀ жъ ты ко мнѣ-то, сударь? Вѣдь тутъ, кажется, и мужчины есть — вонъ хоть бы Иванъ Мелентьичъ...

— Да вѣдь ты, Мавра Кузьмовна, въ скитахъ живала, начальницей была.

— Оно, конечно, живала... игуменьей тоже прозывали... Ну, что жъ, спрашивай, сударь, я отвѣчать тебѣ могу.

— Нѣтъ, объ этомъ надо ладкомъ поговорить—приходи какъ-нибудь ко мнѣ, а теперь некогда, другія дѣла есть... А что̀, Кузьмовна, кабы ты эти дѣла-то оставила? — прибавилъ я какъ будто стороною.

— Какія же это дѣла, сударь?—спросила она съ наивнымъ изумленіемъ.

— Ну, да извѣстно какія: расколъ. За тобой бы, поди, вся здѣшняя сторона старину бы оставила.

— Чтой-то, будто я этому дѣлу причинна стала? Кажется, и до меня люди были, и послѣ меня будутъ... Чай, у всякаго свой умъ есть.

— А славно было бы...

— Нѣтъ ужъ, сударь, этотъ разговоръ нужно оставить,— сказала она серьезно.

— Да вѣдь я жалѣючи тебя говорю, старуха.

— Оно такъ... можетъ, и добрый ты баринъ, да объ этомъ разговаривать намъ ужъ не приходится, потому какъ, значитъ, слова занапрасно терять будемъ... А вотъ порассказать какъ и что̀—это дѣло возможное...

Digitized by Google

III.

Я воротился домой, предварительно условившись съ Маврой Кузьмовной насчетъ «новаго свиданія». Но загадочное лицо Михеича мучило меня, и я непремѣнно хотѣлъ объяснить себѣ его. Въ это самое время вошелъ ко мнѣ Маслобойниковъ, но вошелъ на цыпочкахъ и, предварительно засвидѣтельствованія мнѣ почтенія, заглянулъ въ замочную скважину двери, ведущей въ комнату, въ которой помѣщались хозяева.

— Изволили видѣть?—спросилъ онъ меня шопотомъ.

— Кого?

— А Михеича-съ?

— Да; скажите, пожалуйста, что̀ это за человѣкъ такой?

— Нашъ-съ... ужъ шесть недѣль въ предметѣ имѣемъ-съ... Только говорить-то здѣсь неудобно-съ... хозяева-съ...

И онъ снова на цыпочкахъ перешелъ черезъ всю комнату къ враждебной двери, отворилъ ее и посмотрѣлъ. Оказалось, что сосѣдняя комната пуста.

— Осмѣлюсь доложить вашему высокоблагородію, — началъ онъ, воротившись на прежнее мѣсто: — что намъ всѣ ихніе прожекты въ самой подробности завсегда извѣстны, потому что мы отъ этихъ ихнихъ прожектовъ, можно сказать, все наше пропитаніе имѣемъ. Теперича главный у нихъ сюжетъ въ тѣмъ состоитъ, чтобы какъ можно попа себѣ добыть. Бѣглыхъ не навертывается, старые повымерли—вотъ-съ они и истаеваютъ. Прошелъ нынче слухъ, будто бы у нихъ и архіереи завелись, и ѣздятъ якобы эти архіереи скрытно по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ этотъ развратъ коренится: сказываютъ, что и къ намъ посулилъ быть. По здѣшнему мѣсту, всему ихнему дѣлу голова — эта самая Мавра Кузьмовна, которую вы давеча видѣть изволили. Жила она прежде въ скитахъ и была въ которомъ-то изъ нихъ чуть ли не настоятельницей обители. Баба подлинно умная и всѣмъ этимъ стадомъ вертитъ какъ ей желается.

Digitized by Google

Въ недавнее время, съ тѣхъ поръ, какъ скиты эти разогнали, приписалась она сюда въ мѣщанки и завела здѣсь свою фабрику. Только смѣю доложить, что если эти скиты не будутъ опять въ скоромъ времени сформированы, такъ можно поручиться, что и весь этотъ край разврата не минуетъ по той причинѣ, что эти «матери» по всѣмъ деревнямъ, можно сказать, какъ вороны разлетѣлись и всюду падаль клюютъ-съ. Въ прежнее время, какъ онѣ всѣ въ одномъ гнѣздѣ каркали, оно, конечно, *пейзажъ* былъ непригожъ, да по крайности всѣ на виду и на счету были. Пріѣдетъ, бывало, къ нимъ съ ярмарки купчина какой— первое дѣло, что благодарности все-таки не минетъ (эта у насъ статья, какъ калачъ, каждый годъ бывала), да и въ книжку-то, бывало, для памяти его запишемъ: ну, и пойдетъ онъ на замѣчаніе по вся дни живота. А нынче совсѣмъ и надзору за ними не можетъ быть, потому что вездѣ онѣ, во всякомъ мѣстѣ, словно черви расползлись. Только и пропитываешься, что частными случаями... Тамъ, слышишь, книжки проявились, тамъ ночнымъ временемъ для своихъ дѣловъ соберутся, въ другомъ мѣстѣ бракъ совершили гнуснымъ манеромъ, безъ повѣнчанія—ну, и дѣйствуешь, смотря по силѣ-возможности.

Говоря это, Маслобойниковъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза какъ-то особенно искательно, какъ будто усиливаясь угадать, какое впечатлѣніе производятъ на меня его слова. Очевидно, онъ желалъ повеселить меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставлялъ у себя, на всякій случай, въ запасѣ оговорку: «помилуйте, дескать, ваше высокоблагородіе, я только къ слову, пошутить желалъ».

— Такъ вотъ-съ эта Мавра Кузьмовна, — продолжалъ онъ, — и задумала учредить здѣсь свою епархію. Скитовъ ей, пожалуй, не жалко, потому что въ ту пору хоть и была она въ уваженьи, да все какъ-то на народѣ ея не видать было; тамъ, что ни выдетъ, бывало, все-таки больше не къ ней, а ко всѣмъ скитамъ сообща относятъ, — ну, а те-

Digitized by Google

перь она дѣйствуетъ сама собой, и у всѣхъ, значитъ, персонально на виду. Я даже думаю, ваше высокоблагородіе, что современемъ изъ нея отличный полицейскій сыщикъ выдетъ. Этихъ примѣровъ видали по нашему мѣсту очень довольно, потому какъ и народишко этотъ дрянной, и дозволь ты ему только свои барыши наблюдать, такъ онъ, пожалуй, и Христа-то продать готовъ, не токма что своего брата — самые то-есть алтынники. Скажу къ слову хошь про себя. Познакомился я этта съ матерью Варсонофіей— тоже преехидная баба и въ скитахъ большимъ почтеніемъ пользовалась. Было какъ-то у меня до нея небольшое дѣло касательно совращенія, только очень ужъ она ловка, на мякину никакъ не поддѣнешь. Вотъ-съ я и надумалъ; если нельзя ее по-христіански облупить, такъ, по крайности, хошь бы на будущее время отъ нея польза была. Окончивши спросы, подхожу это къ ней.

«— А что, говорю, мать, вѣдь мы съ тобой, кажется, другъ дружку понимать можемъ?

«— Можемъ, говоритъ.

«— Тебѣ, молъ, будетъ, чай, сподручнѣе, какъ ни отъ кого въ твоей промышленности помѣшательства не будетъ?

«— Это точно, что сподручнѣе.

«— Ну, а мнѣ, говорю, сподручнѣе, коли у меня по вашей части дѣловъ больше будетъ... Понимаешь?

«— Понимаю, говоритъ; только ужъ не будетъ ли это оченно зазорно, да и другіе-то чтобъ не запримѣтили, что ты будто одну меня въ покоѣ оставляешь?

«— На этотъ счетъ, говорю, будь безъ сумнѣнія, потому что мы и у тебя примѣрныя тревоги дѣлать будемъ... Ладно, что ли?

«— Право, говоритъ, не знаю: какъ-то ужъ оченно оно зазорно будетъ»...

«А черезъ два дня и дала, сударь, знать, что у нихъ на селѣ у такого-то мужичка «странникъ» остановился...

«Вотъ-съ эта же самая Варсонофія увѣдомила меня, мѣ-

Digitized by Google

сяца съ два тому назадъ, что къ Маврѣ Кузьмовнѣ какой-то купчина московскій участилъ ѣздить, и что свиданья у нихъ бываютъ на дому у ней, Варсонофіи, въ селѣ версты за три отсюда. Хорошо-съ. Далъ я имъ время снюхаться, войти, такъ сказать, во вкусъ, да, выбравши этакъ ночку потемнѣе, и отправился самолично въ это самое село. Вѣрьте совѣсти, ваше высокоблагородіе, что собственными ногами весь вояжъ сдѣлалъ, даромъ что дѣло было зимнее. И чего я, сударь, шомши дорогой, не передумалъ! Первое дѣло, что никто ей, этой Варсонофіи, въ душу не лазилъ: стало-быть, дѣло возможное, что она и продастъ; второе дѣло, что весь я, какъ есть, въ одномъ нагольномъ тулупчишкѣ, и хоша взялъ съ собою пистолетъ, однако употребить его невозможно, потому какъ убійство совершать закономъ запрещается, а я не токмо что на каторгу, а и на покаянье идти не желаю; третье дѣло, стало-быть, думаю, они меня, примѣрно, какъ тухлое яйцо раздавить тамъ могутъ вгорячахъ-то... Однако, перекрестившись, не назадъ, а впередъ-съ пошелъ. А тамъ у Варсонофіи мнѣ и мѣстечко такое было пріуготовлено, около печки, такъ, чтобы только стать было можно, а дышать ужъ какъ Богъ помилуетъ. Однихъ таракановъ, ваше высокоблагородіе, такое тамъ множество увидѣлъ, что даже удивительно, какъ они живого меня не съѣли. Часовъ этакъ, по-нашему, около одиннадцати приходитъ это купецъ, а слѣдомъ за нимъ и Мавра Кузьмовна и еще человѣкъ съ ней, этотъ самый Михеичъ, котораго вы видѣть изволили».

— А не знаете ли вы, какъ купца звали?—спросилъ я.

— По фамиліи не могу знать-съ, а величали его тутъ Михайломъ Трофимычемъ. (Скажу здѣсь мимоходомъ, что я доискивался нѣкоего Михайла Трофимыча Тебенькова, который, давши, по сношенію моему съ NN полиціей, недостаточное показаніе, неизвѣстно куда потомъ скрылся. Можно себѣ представить мое радостное изумленіе при словахъ Маслобойникова).

Digitized by Google

— Продолжайте, продолжайте!—сказалъ я Маслобойникову.

«— Только пришли они это, поздоровались.

«— Ну, вотъ,—говоритъ Мавра Кузьмовна:—и еще новобранца привела, и въ грамотѣ *доволенъ*, и съ книгами обращеніе имѣть можетъ, и по крюкамъ знаетъ, и демественному обучался — молодецъ на всѣ руки: какого еще къ чорту попа желать надоть!

«— Въ семинаріи до реторики досягалъ,—вступился тутъ Михеичъ:—и если бы не воля родителей, которые уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ обрѣтаются, то вѣроятія достойно, что былъ бы теперь человѣкъ...

«— Да чѣмъ же ты и теперь не человѣкъ, братецъ?—сказалъ купецъ.—Во всѣхъ статьяхъ...

«— Это точно что человѣкъ, но не смѣю скрыть предъ лицомъ столь почтенной особы, что имѣю единую слабость...

«— Водку, что ли, пить любишь?

«— Справедливо сказать изволили... Но нынѣ, будучи просвѣщенъ истиннымъ свѣтомъ и насыщенъ паче меда словесами моей благодѣтельницы Мавры Кузьмовны, желаю вступить подъ ваше высокое покровительство... Ибо не имѣю я пристанища, гдѣ приклонить главу мою, и босъ, и нагъ влачу свое существованіе гдѣ ночь, гдѣ день, а болѣе въ питейныхъ домахъ, гдѣ, въ качествѣ свидѣтеля, снискиваю себѣ малую мзду.

«— А какъ же насчетъ водки-то, молодецъ?—спросилъ купецъ.—Вѣдь это малодушество, чай, бросить придется?

«— Объ этомъ предметѣ у насъ съ моей благодѣтельницей такой уговоръ былъ: чтобъ быть мнѣ въ теченіе шести недѣль всѣмъ довольну, на ихнемъ коштѣ, да и въ водкѣ бъ отказу мнѣ не было, потому какъ, имѣя въ предметѣ столь великій подвигъ, я и въ силахъ своихъ долженъ укрѣпленъ быть.

«— Да ты ужъ и нынче, кажется, на ногахъ-то не больно твердъ, молодецъ?

Digitized by Google

«— По милости благодѣтельницы, точно что въ горлѣ будто промочилъ маленько...

«— Да заодно и самъ ужъ промокъ,—прибавила весело Мавра Кузьмовна.—Такъ вотъ, отцы вы наши, какъ я объ нашемъ дѣлѣ радѣю, какихъ вамъ слугъ добываю, что изъза рюмки сивухи, а ужъ не изъ чего другого, радъ жизнь потерять.

«— Это точно что готовъ по первому повелѣнію... Да вотъ, отцы вы наши, денегъ бы триста рублей надо...

«— Ужъ и триста! Вотъ мать Магдалина (Мавра Кузьмовна) по двугривенничку выдавать будетъ».

«— Нѣтъ ужъ, честной господинъ, по двугривенничку обидно будетъ.

«— Такъ ты говори дѣло, а то триста рублей!»

«И условились они тутъ на полтораста рублей: половину впередъ отдать, а половину по совершеніи.

«— А вы еще ладите, чтобъ быть здѣсь архіерею! — сказала Кузьмовна. — Мать Варсонофія! сводитко молодца-то въ свѣтелку, а мы здѣсь втроемъ по-душѣ потолкуемъ».

«Михеича дѣйствительно увели, и остались они втроемъ. Тутъ я всего, ваше высокоблагородіе, наслушался, да и объ архіереѣ-то, признаться, впервой узналъ. Зналъ я, что они, съ позволенія сказать, развратники, ну, а этого и во снѣ не чаялъ. И кто жъ архіерей-то! Андрюшка Прорвинъ, здѣшній, ваше высокоблагородіе, мѣщанинъ, по питейной части служилъ, и сколько даже разъ я его за мошенничества стегалъ, а у нихъ вотъ пастырь-съ! Даже смѣху достойно, какъ они очки-то втираютъ!»

— Позвольте, однакожъ,—прервалъ я: — по какой причинѣ они выбрали себѣ такого бездѣльника? Неужели у нихъ получше людей нѣтъ?

— Какъ не быть-съ! Вотъ хоть бы здѣсь купецъ есть, Иванъ Мелентьевъ прозывается,—ну, этотъ точно что человѣкъ, однако, видимо, ему не рука — по той причинѣ,

Digitized by Google

что этому архіерею, будь онъ хошь семи пядей во лбу, годикъ, много два поцарствовать, а потомъ, извѣстно, въ тюрьмѣ же гнить придется. Да и для нихъ-то самихъ, пожалуй, черезъ два-то года корысть въ немъ невелика, потому какъ онъ свою пакость уже исполнитъ, поповъ имъ наставитъ, такъ они и сами его хошь съ руками выдадутъ. Никто хорошій-то на такой карьеръ и не соблазняется. Только вотъ-съ купецъ-отъ, объявивши Маврѣ Кузьмовнѣ, что такого-то они архіерея для себя добыли, все, знаете, настаиваетъ, чтобъ жить ему въ здѣшнемъ мѣстѣ.

«— Здѣсь, говоритъ, нашего христіянства вся колыбель состоитъ, такъ и пастырю быть тутъ пригоже.

«Ну, а Кузьмовна тоже свой расчетъ въ головѣ держитъ:

«— Не дѣло, говоритъ, вы, отцы, затѣваете».

«— Помилуйте, матушка Мавра Кузьмовна, да почему же вамъ теперича этотъ сюжетъ поперекъ сталъ-съ?

«— А потому поперекъ, что для насъ, старинныхъ вашихъ радѣтелей, этакъ-ту, ножалуй, и обидно будетъ.

«— Почему жъ обидно-съ? Будьте удостовѣрены, матушка, что мы насчетъ содержаніевъ не постоимъ-съ, потому какъ мы собственно для христіянства тутъ разсужденіе имѣемъ, и оченно хорошо понимаемъ, какія ваши въ этомъ предметѣ заслуги состоятъ.

«— Вы вотъ тамотка все насчетъ христіянства заботу имѣете... А ты сперва разскажи, чѣмъ оно теперь-то, потвоему, нехорошо, христіянство-то?

«— Да какъ же-съ, матушка! Извѣстно, овцы безъ «просвѣщенія» ходятъ-съ; оно даже и со стороны зазорно!

«— А какого имъ ляду «просвѣщенія»! Ты вотъ говоришь: «просвѣщеніе», а они, пожалуй, и пріобыкли безъ «просвѣщенія»-то, такъ имъ оно, поди, за ересь еще покажется.

«— Помилуйте, какъ же это возможно? Да ужъ одно то

Digitized by Google

во вниманіе примите, что служба какая будетъ! На одни украшенія сколько тысячъ пошло-съ, *лепиріи* золотыя, и все одно къ одному-съ...

«— Такъ-то, такъ... Ну, и пущай къ намъ въ побывку ѣздитъ: это точно, что худого тутъ нѣтъ. Только оставаться ему здѣсь не слѣдъ, и вотъ тебѣ мое послѣднее слово, что не бывать этому, какова я на этомъ мѣстѣ жива состою.

«— Да въ чемъ же вы сомнѣваться изволите, Мавра Кузьмовна?

«— Господи! жили-жили, радѣли-радѣли, и нутка, ступай теперь вонъ, говорятъ! Да вы, отцы, жирны, что ли, ужъ больно стали, что тамъ сбѣсились! Теперича хоть и я: стара-стара, а все же утроба, чай, ѣсть проситъ: я вѣдь, почтенный, ужъ не молоденькая постничать-то! А то, поditка, Андрюшкѣ свое мѣсто уступи! Вѣдь извѣстно, не станетъ онъ задаромъ буркулами-то вертѣть, почнетъ тоже къ себѣ народъ залучать, такъ мы-то при чемъ будемъ?

«Сталъ-было онъ еще уговаривать, однако старуха укрѣпилась. Сколь ни говорилъ, обѣщалъ даже капиталъ въ ланбартъ положить, — ничѣмъ не проняль. Твердитъ себѣ одно: «не хочу, да не хочу!» — «Я, говоритъ, не за тѣмъ вѣкъ изжила, чтобъ подъ конецъ жизни въ панёвщицы произойти; мнѣ, говоритъ, окромя твоего капиталу, тоже величанье лестно; а какой же я буду человѣкъ за твоимъ за Андрюшкой? Просто послѣдній человѣкъ!» На томъ и порѣшили, что быть въ здѣшнемъ мѣстѣ Андрюшкѣ только наѣздомъ и ни во что, безъ согласія Мавры Кузьмовны, не вступаться. И диво бы они такъ не рѣшили: купецъ-отъ зналъ, что эта ехидная Маврушка такую власть надъ этой яичницей имѣетъ, что стоитъ ей только слово въ народъ кинуть, такъ, пожалуй, и Андрюшку-то въ колья примутъ-съ.

«Тутъ я узналъ, что долженъ онъ быть сюда черезъ шесть недѣль, и что къ этому времени Мавра Кузьмовна

Digitized by Google

и людей такихъ должна пріискать, чтобы грамотны были... Вѣрьте Богу, ваше высокоблагородіе, что когда они ушли, я въ силу великую отдохнуть даже могъ. Прибѣжалъ домой и въ ту же минуту послалъ секретно за Михеичемъ; привели мнѣ его, что̀ называется, мертвецки.

«— А что̀, говорю, рыло ты пьяное, тоже въ попы хочешь?

«Какъ ни былъ онъ пьянъ, однако тутъ отрезвѣлъ и уставилъ на меня сонные глаза.

«— Ну, говорю, у меня цыцъ! Пей и блажи сколько душѣ угодно, а изъ-подъ моей власти не выходить! Слышишь? Какъ выдетъ у васъ что-нибудь новенькое, а пуще всего дастъ свой духъ Андрюшка — живымъ манеромъ ко мнѣ!

«Палъ онъ мнѣ, сударь, въ ноги и поклялся родителями обо всемъ мнѣ вѣсть подавать. И точно-съ, съ этихъ поръ кажную ночь я ужъ знаю, объ чемъ у нихъ днемъ сюжетъ былъ... Долженъ быть онъ здѣсь, то-есть Андрюшка-съ, по моему расчету, не завтра, такъ послѣзавтрева къ ночи безпремѣнно-съ».

«И диковинное это дѣло, ваше высокоблагородіе: человѣкъ я, кажется, къ этимъ дѣламъ пріобыкшій, всякаго, что̀ называется, пороху нанюхался, даже самые побои принималъ, а теперь вотъ, словно новичокъ какой, весь куражъ потерялъ-съ. Въ груди будто тѣснота, спину ломитъ, даже губы сохнутъ-съ... И чѣмъ ближе подступаетъ время, тѣмъ все больше и больше будто естество въ тебѣ все вверхъ поднимается. Точно тѣ времена воротились, какъ, бывало, около Глафиры Николавниной юбки прохаживался. Ходишь, знаете, бывало, задѣнешь только, такъ словно озиобъ всего прошибетъ... Даже во снѣ вижу, какъ я ихъ всѣхъ накрою, какъ они, знаете, собрались и свѣчи горятъ-съ»...

— Ну, а если не удастся накрыть?—спросилъ я.

Маслобойниковъ испугался и даже поблѣднѣлъ.

— Помилуй Богъ, ваше высокоблагородіе, какъ же этому

Digitized by Google

быть возможно!.. Да у меня даже теперь поясница отнялась отъ однихъ вашихъ словъ.

— А какъ же вы предполагаете распорядиться, если вамъ это дѣло удастся?

Маслобойниковъ вздохнулъ и задумался.

— Придется по начальству представить,—сказалъ онъ угрюмо и опять задумался.

— Вѣдь они, ваше высокоблагородіе,—продолжалъ онъ,—многихъ тысячъ не пожалѣли бы, только чтобъ это дѣло какъ ни-на-есть покрыть; а отъ начальства какую отраду, кромѣ огорченья, получишь, сами изволите знать! Да скрыть-то нельзя-съ! Потому что—кто его знаетъ?—можетъ, онъ и въ другомъ мѣстѣ попадется, такъ и тебя за-одно ужъ оговоритъ, а нашъ братъ полицейскій тоже свинья не послѣдняя: не размыслитъ того, что товарища на поруганье предавать не слѣдуетъ—ломитъ себѣ на бумагу все, что ни сбрешутъ ему на допросѣ! Ну и не раздѣлаешься съ нимъ, пожалуй, въ ту пору... Нѣтъ, видно, ужъ по начальству придется.

Сказавъ это, Маслобойниковъ впалъ въ какое-то меланхолически-сантиментальное настроеніе духа, глаза уставилъ въ землю, руками началъ «тужить» и все дальнѣйшее произносилъ тоненькимъ головнымъ теноромъ.

— И добро бы доподлинно не служили! А то, кажется, какой еще службы желать! Намеднись его высокородіе говоритъ: «ты, говоритъ, хапанцы свои наблюдай, да помни тоже, какова совѣсть есть!» Будто мы ужъ и «совѣсти» не знаемъ-съ! Сами, чай, изволите знать, про какую ихъ высокородіе «совѣсть» понимаютъ-съ! Такъ мы завсегда по мѣрѣ силы-возможности и себя наблюдали, да и начальниковъ безъ призрѣнія не оставляли... Однако, сверхъ силъ тяготы носить тоже невозможно-съ.

IV.

На другой день, вечеромъ, все было уже готово; недоставало только депутата, ратмана Половникова, который, за-

Digitized by Google

слышавъ о предстоящемъ депутатствѣ, съ утра сбѣжалъ изъ дома и неизвѣстно куда скрылся.

Время, предшествующее началу слѣдствія, самое тягостное для слѣдователя. Если планъ слѣдствія хорошо составленъ, вопросы обдуманы, то нетерпѣніе слѣдователя растетъ, можно сказать, съ каждою минутой. Всѣ мыслящія силы его до такой степени поглощены предметомъ слѣдствія, что самая малѣйшая помѣха выводитъ его изъ себя и заставляетъ горячиться и дѣлать тысячу промаховъ въ то самое время, когда всего нужнѣе хладнокровіе и расчетъ.

Я ходилъ по комнатѣ и, признаюсь откровенно, неоднократно-таки посылалъ куда слѣдуетъ Половникова и всѣхъ этихъ депутатовъ, которые какъ будто для того только созданы, чтобы на каждомъ шагу создавать для слѣдователя препятствія. Я вообще люблю дѣла дѣлать безпрепятственно, потому что оно какъ-то ловче, прохладнѣе распоряжаться на просторѣ. Шумъ у дверей прервалъ мои размышленія; я оглянулся и увидалъ полицейскаго солдата, который держалъ за веревочку человѣка съ бородой, одѣтаго въ русскій кафтанъ. У человѣка въ рукахъ была печать, которую онъ какъ-то ожесточенно мялъ пальцами.

— Привелъ, ваше благородіе,—сказалъ полицейскій.

— Что это за человѣкъ?

— Мѣщанинъ Половниковъ, ваше благородіе.

— Гдѣ ты пропадалъ? Нѣтъ, ты скажи, гдѣ ты пропадалъ?—закричалъ я, вдругъ почувствовавъ въ сердцѣ новый приливъ гнѣва и нетерпѣнія при видѣ этого господина, который своею медленностью могъ порвать всю нить соображеній, обуревавшихъ мою голову.

Половниковъ мялся на одномъ мѣстѣ и продолжалъ вертѣть печать въ рукахъ.

— На чердакѣ, за старымъ хламомъ спрятавшись, нашли, ваше благородіе! Пытали мы съ нимъ маяться-то!—продолжалъ солдатъ.

Digitized by Google

— Ваше благородіе... ваше превосходительство... ваше сіятельство!.. Помилуйте, сударь, не погубите!

Говоря это, Половниковъ то и дѣло протягивалъ руку съ печатью и потомъ снова ее отдергивалъ.

— Секлетарь-съ, ваше благородіе... они противъ меня злобу питаютъ... потому какъ я человѣкъ бѣдный-съ и поклониться мнѣ нечѣмъ-съ... По той причинѣ я и обществомъ выбранъ, что въ недоимщикахъ былъ: семья оченно ужъ угнетаетъ, такъ общество и присудило: по крайности, молъ, онъ хоть службу отбудетъ...

— Такъ что жъ секретарь-то?

— Да вотъ все наряжаетъ-съ; а у меня, ваше благородіе, семья есть, тоже работишка-съ, ложечки ковыряю, а онъ все наряжаетъ: я, говоритъ, тебя въ разоренье произведу... Господи, что жъ это такое съ нами будетъ!

— Что жъ у тебя въ рукахъ-то?

— Да тамга, ваше благородіе, тамга; неученый вѣдь я, сударь, такъ вотъ прикладываю, гдѣ господа укажутъ.

— Посмотри, пришла ли Кузьмовна?—сказалъ я полицейскому.

— Ваше благородіе!—обратился ко мнѣ Половниковъ, когда полицейскій вышелъ:—другіе господа бываютъ добрые...

— А что?

— Да вотъ, кабы была ваша милость меня отпустить, такъ я бы, вмѣсто себя, тамгу-то свою здѣсь оставилъ.

— А вотъ посмотримъ, какъ Кузьмовна скажетъ.

Въ это время вошла Мавра Кузьмовна. Она не обнаруживала ни въ лицѣ, ни въ фигурѣ своей ни малѣйшаго признака смущенія. Напротивъ того, очень спокойно перекрестилась стариннымъ обычаемъ и поклонилась мнѣ какъ-то сухо и чванно, а на Половникова не обратила даже ни малѣйшаго вниманія, хотя онъ нѣсколько разъ сряду поклонился ей.

— Вотъ ратманъ-то проситъ, чтобъ я отпустилъ его,—сказалъ я.

Digitized by Google

— Что жъ, сударь, это ваше уже дѣло; коли безъ свидѣтелей спрашивать хотите, такъ отчего же и не отпустить,— отвѣчала Мавра Кузьмовна: — а, кажется, въ законѣ этого не написано, чтобъ безъ свидѣтелей спрашивать.

— Ну, нечего дѣлать; садись, Половниковъ.

— Помилуйте, матушка Мавра Кузьмовна! — взмолился Половниковъ:—что жъ, значитъ, я передъ господиномъ чиновникомъ могу?.. Если бы я теперича сказать что-нибудь отъ себя возможность имѣлъ, такъ и то, значитъ, меня бы въ шею отсюда вытолкали, потому какъ мое дѣло молчать, а не говорить... Разсудите же вы, матушка, за что жъ я, не будучи, можно сказать, вашему дѣлу причиненъ, изъ-за него свою жизнь терять долженъ?.. Вѣдь я, все одно, тамгу свою господину чиновнику оставлю.

— Какъ знать-то, можетъ, его благородію и притязаніе заблагоразсудится объявить? — сказала Мавра Кузьмовна, насильственно улыбаясь. — А впрочемъ, мы люди подчиненные!

— Да вѣдь я съ тобой просто, по душѣ, поговорить желаю,—сказалъ я.

— А что жъ, сударь, и по душѣ говорить будемъ, все лишній человѣкъ не помѣха... Да и что ему сдѣлается—не сахарный!

— Помилосердуйте, матушка!

Но Мавра Кузьмовна, по какому-то капризу, осталась непреклонною и только улыбалась на мольбы Половникова, хотя ей очень хорошо было извѣстно, что печать Половникова имѣла здѣсь точно то же значеніе, какъ самъ онъ.

— Такъ-то вотъ, ваше благородіе, ѣдма насъ ѣдятъ эти шельмы! — сказалъ Половниковъ, злобно запахивая свой азямъ. — Цѣлую зиму, почитай, чиновники изъ городу не выѣзжали, все по ихней милости!.. анаѳемы! — прибавилъ онъ, огрызаясь въ ту сторону, гдѣ стояла Мавра Кузьмовна.—Ну, да ладно же!

Digitized by Google

V.

— Такъ ты думаешь, что прежде вамъ лучше житье было?—спросилъ я Мавру Кузьмовну, когда замѣтилъ, что она достаточно обручнѣла.

Кузьмовна сидѣла передо мной, нѣсколько наклонившись, и разсказывала тихимъ, но внятнымъ голосомъ, размахивая нерѣдко одною рукой, между тѣмъ какъ другою комкала носовой платокъ.

— Когда же сравнить можно! Да ты послушай, сударь, въ моей одной обители что дѣвокъ было, и все отъ богатыхъ отцовъ, рѣдконькая такъ-то съ улицы придетъ. Всякая, значитъ, и съ собой по возможности принесетъ, да и по времени тоже присылаютъ. Ну, и всѣ эти деньги старшимъ матерямъ шли... Такъ какъ же сравнивать-то можно! Теперь мы что?—вдовы беззащитныя; живемъ гдѣ ночь, гдѣ день; кабы старыхъ крохъ не было, такъ и пропитаться-то бы не знаю чѣмъ. Купцы-то, бывало, съ ярмонки въ скиты пріѣдутъ, такъ ровно разахаются, какъ оно благочинно у насъ тамъ было,— ну, тоже всякій по силѣ-возможности и жертву приносилъ; а нынче въ нашу сторону нѣ по что и ѣздить; развѣ другой на «святыя» мѣста поглядѣть полюбопытствуетъ, прослезится да и уѣдетъ... Такъ-то, сударь!

— И ученыя дѣвки бывали?

— Какъ же, сударь, по-церковному-то всѣ ужъ умѣли, а были и такія начетчицы, что послушать, бывало, любо; я вотъ и сама смолоду-то куда востра на грамоту была... Господа тоже большіе къ намъ въ скиты посмотрѣть на нашъ обиходъ ѣзживали.

— Ты, чай, грамотѣ-то и теперь знаешь?

— Какъ не знать: могу мало; что жъ бы я была за настоятельница, кабы грамотѣ не могла?

— А что, развѣ прежде васъ не тревожили?

— Бывало, сударь, бывало всякое. Да прежніе-то больше на деньги падки были; ну, а какъ деньгами довольны.

Digitized by Google

такъ и тревоги намъ нѣтъ. Былъ у насъ, сударь, исправникъ—молода я еще въ ту пору была,—Петромъ Михайлычемъ прозывался, такъ это точно что озорникъ былъ; пріѣдетъ, бывало, въ скитъ-отъ въ карандасѣ, пьяной-распьяной: «ну, говоритъ, мать Лександра (игуменья наша была), собирай, говоритъ, дѣвокъ поедрёнѣе, я, говоритъ, кататься желаю». Ну, и соберутъ этта дѣвокъ, а онъ ихъ велитъ запрягчи, кого въ корню, кого на выносъ, да такъ-ту и проклажается по скитамъ. Такъ вотъ, сударь, какъ заслышишь, бывало, что Петръ Михайлычъ пріѣхалъ, такъ отъ страху даже вся издрожишься, зароешься гдѣ-нибудь въ сѣно да и лежишь такъ, доколѣ онъ не выѣдетъ совсѣмъ изъ скита. Ну, этотъ точно обидчикъ былъ; давай ему и того, и сего, даже изъ полей нашихъ четвертую часть отдѣлилъ: «то, говоритъ, ваше, а эта часть моя; вы, говоритъ, и посѣйте, и сожните, и обмолотите, и ко мнѣ въ городъ привезите». Или вотъ придетъ въ келью къ матери-игуменьѣ, напьется пьянъ да и заставитъ дѣвокъ плясать да пѣсни пѣть... Ну, и пляшутъ—не что̀ станешь дѣлать-то! Однако, даже и этотъ трогать насъ не трогалъ, а только озорство свое соблюдетъ да и уѣдетъ... Ну, а прочіе были, тоже человѣчество понимали: пріѣдутъ, бывало, оберутъ деньги, и не показываются до времени. Одно для насъ, сударь, тяжеленько бывало: больно ужъ часто начальниковъ намъ мѣняли; не успѣетъ еще одинъ накорыстоваться довольно, глядишь, его ужъ и смѣнили,—ну, и стараются за одинъ разъ свою выгоду соблюсти.

— Да ты-то какъ въ скиты попала?

— А я, сударь, отъ родителей, въ Москвѣ, еще маленька осталась; ну, братья тоже были, торговлю имѣли: думали-думали, куда со мной дѣваться, и рѣшили въ скиты свезти. Конечно, они тутъ свои расчеты держали, чтобы меня какъ ни-на-есть отъ наслѣдства оттереть; ну, да по крайности хоть душѣ моей добро сдѣлали — и на томъ спасибо!

Digitized by Google

— А живы они и теперь?

— Какъ не живы—живутъ; только одинъ-отъ, на старости лѣтъ, будто отступился, сталъ вино пить, табакъ курить; «я, говоритъ, звѣриному образу подражать не желаю, а желаю, говоритъ, съ хорошими господами завсегда компанію имѣть»; а другой тоже прощенья пріѣзжалъ ко мнѣ сюда просить, и часть мою, что мнѣ слѣдовало, выдалъ, да вотъ и племянницу свою подарилъ... Я, сударь, не изъ какихъ-нибудь...

— Кому жъ тебя въ скитахъ-то отдали?

— Игуменьѣ, сударь, матери Лександрѣ; тоже вѣдь хошь и обидѣли меня братья, а безприданницей пустить не захотѣли, тысячу рублевъ бумажками матушкѣ отдали. Жила я у ней въ послушаньи съ десятаго годка и до самой ихъ кончины: строгая была мать. Довольно сказать, что въ колодки нашу сестру запирала, на цѣпь саживала, и не за что-нибудь, сударь, такое, чтобы ужъ зазорно было, а просто или поклонъ не по чину сдѣлала, или старшимъ уваженья не отдала. Совсѣмъ другое это время было. Теперича хошь и это сказать: пріѣдутъ, бывало, купцы съ ярмонки; въ другихъ скитахъ посмотришь, самыя старшія матери встрѣчать ихъ бѣгутъ, да и игуменья-то съ ними, ровно онѣ голодныя; а мать Лександра скоро ли еще выдетъ, а и выдетъ, такъ именно можно сказать, что игуменья вышла: изъ себя высокая да широкая, голосъ рѣзкой. Ну, купцамъ-то это и любо: этакую, говоритъ, мать и не уважить невозможно, потому какъ она и себя соблюдаетъ строго. И въ обхожденьи тоже сноровку имѣла: съ богатымъ человѣкомъ и поговоритъ ласково, и угощенье сдѣлаетъ, съ среднимъ обойдется попроще, а съ бѣднымъ и разговаривать, пожалуй, не станетъ: эти мужики да мѣщанинишки только стоятъ, бывало, да издальки на нее крестятся... Привередлива она тоже была, покойница, особливо подъ конецъ житія: платокъ это или четки тамъ—подлѣ, кажется, лежатъ, а она сама ни въ свѣтѣ руки за ними

Digitized by Google

не подыметъ, все—Маврушка подай; натерпѣлась-таки я съ ней. Бывало, даже молиться начнетъ, такъ и то и нагни ты ее, и подними ты ее, а она только знаетъ командуетъ. Или вотъ гулять выдетъ: на крылечкѣ маленечко постоитъ, ручки скламши, посмотритъ на насъ, какъ мы въ горѣлки бѣгаемъ, да и домой. Ни за что въ свѣтѣ даже шагу не сдѣлаетъ. Такъ другія-то матери при ней и языка развязать не смѣли, а только глядятъ, бывало, на нее да усмѣхаются, потому что она тоже любила, чтобъ у ней всѣ некручинно смотрѣли. И прожила она, сударь, такимъ родомъ лѣтъ за сотню, и хоша подъ конецъ жизни очень ужъ стара была, даже ноги едва волочила, а строгость свою всю соблюдала, такъ что я и въ сорокъ-то лѣтъ ея словно маленькая страшилась.

— Ишь анаѳема какая!—сказалъ Половниковъ; но Мавра Кузьмовна не только не удостоила его отвѣтомъ, но даже и не взглянула на него.

— Кого же послѣ нея игуменьей сдѣлали?

— Дай Богъ ей здоровья, сама меня еще при жизни назначила, а другія матери тоже попротивиться этому не захотѣли: такъ я и оставалась до самаго конца, то-есть до разоренья... Только плохое, сударь, было мое настоятельство...

— Да за что же эту Александру такъ любили, коли она была такая строгая?

— А какъ же, сударь, не любить-то? Ну, хошь бы ты, сударь, человѣкъ подначальный—развѣ возможно тебѣ своихъ начальниковъ не любить? Первое дѣло, что у нея вездѣ свой глазъ былъ: стало-быть, тутъ не только разговору, да и мысли ни единой скрыть было невозможно. Были, примѣрно, и между нами такія сестры, которыя обо всемъ ей вѣсть подавали. Шушукали тоже ей въ уши-то: такая-то, молъ, Дороѳея такими-то зазорными словами твою милость обозвала; такая-то Иринарха то-то сказала. Ну, а старуха тоже была властная, съ амбиціей, перекоровъ не

Digitized by Google

любила, и хочь, по началу, и не дастъ виду, что ей всякое слово извѣстно, однако, при первой возможности, возместитъ безпремѣнно: иная вина и легкая, а у ней идетъ за тяжелую; иной сестрѣ слѣдовало бы, за вину, сто поклоновъ назначить, а она на цѣпь посадитъ да два дни не ѣмши держитъ... Ну, оно не любить-то и невозможно. А второе было дѣло, что мы все наше пропитанье, можно сказать, черезъ нее получали, потому что ни въ одномъ скиту столько милостыни не бывало, какъ въ нашемъ: и деньгами, и припасомъ—всѣмъ изобильны бывали. А тягости намъ не что было: только одну наружность соблюсти; такъ изъ-за этого много разговаривать не приходилось, потому что и сами-то мы не Богъ знаетъ какіе дворяне. Пища бывала завсегда въ лучшемъ видѣ, труда немного, такъ за зиму-то иныя матери такъ, бывало, отъѣдятся, что даже смотрѣть зазорно.

— Да купцамъ-то почему эта Александра такъ по нраву пришлась, что они ей больше другихъ милостыню подавали?

— А какъ же, ваше благородіе, — вступился Половниковъ:—кто же, какъ не мать Александра, ихнія блудныя дѣла обдѣлывала! Дѣвка тамъ у нихъ согрѣшитъ — куда дѣвать?—въ скитъ къ Александрѣ подъ началъ отдать; жену мужъ возненавидитъ — тоже въ скиты везетъ; даже такіе бывали случаи, что купцы и большихъ сыновей, подъ видомъ убогонькихъ, къ этой Александрѣ важивали. Это, ваше благородіе, такая ужъ у нихъ матерія была, чтобъ погубленіемъ душъ человѣческихъ заниматься... Вотъ и то опять: увидятъ, который изъ нашего брата совѣстью шатается,—ну, и привлекаютъ...

— Ужъ и тебя не привлекали ли?—спросила его Мавра Кузьмовна, оглядывая его съ головы до ногъ.

— А то не привлекали небось?.. Въ ту пору, годовъ этакъ съ десятокъ будетъ, былъ я, ваше благородіе, помоложе, къ хмельному тоже приверженность большую имѣлъ,

Digitized by Google

потому какъ жена кажный годъ все таскаетъ да таскаетъ... Ну, стало-быть, не въ моготу пришлось, а христіянства въ насъ мало, и сталъ я съ печали въ винѣ забываться... Такъ тоже приходила изъ ихняго скита одна гадина: «подь, молъ, Филатъ Ѳинагеичъ, къ намъ въ вѣру, пшенисный хлѣбъ будешь ѣсть». Какъ только Богъ тогда спасъ! Да и ты вѣдь сплетница извѣстная!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Маврѣ Кузьмовнѣ. — Изъ-за твоихъ сплетенъ сиди тутъ, слушай твои розсказни!

— Неужто и вправду къ вамъ въ скиты дѣвокъ въ неволю отдавали?

— Какая, сударь, неволя! Онъ, сударь, чай и теперь еще съ-похмелья не проспался.

— Да, съ-похмелья! А Варсонофью-то, небось, позабыла? Кажется, на послѣднихъ временахъ это было, при твоемъ честномъ игуменствѣ... Позабыть-то бы еще рановато!

Сказавши это, Половниковъ даже повернулся на мѣстѣ: до такой степени кипѣла въ немъ досада на Кузьмовну за то, что она не отпустила его.

— Вы ея, ваше благородіе, не слушайте, — обратился онъ ко мнѣ:—она все вретъ... А ты разскажи-ка про Варсонофью-то, какъ ты ее ублажала!

Я сталъ прислушиваться, потому что здѣсь именно выступалъ на сцену главный предметъ моихъ поисковъ. Я боялся даже взглянуть на Кузьмовну, потому что взглядъ мой могъ выразить невольное любопытство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставитъ ее сдѣлаться осторожнѣе.

— А что жъ Варсонофія? — сказала Мавра Кузьмовна совершенно спокойно. — Какъ пришла къ намъ, такъ отъ насъ и ушла Варсонофія...

— Нѣтъ, ты разскажи-ка барину, какъ она пришла-то къ вамъ, то-есть къ тебѣ въ обитель; вотъ ты что разскажи.

— Что жъ, пришла! Извѣстно, пришла, какъ приходятъ: родитель привезъ, своею охотой привезъ... Да ты что больно

Digitized by Google

вступаешься? Тутъ, чай, господинъ чиновникъ разговариваетъ, а не ты съ суконнымъ своимъ съ рыломъ.

— Ну, а какъ, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ привезъ къ вамъ отецъ Варсонофію?—спросилъ я, стараясь сколько возможно смягчить голосъ.

Мавра Кузьмовна посмотрѣла на меня какъ-то сомнительно, однакожъ, видя, что передо мною нѣтъ чернильнаго припаса и что самъ я сижу совершенно невинно, успокоилась.

— А что, баринъ, коли по истинной правдѣ сказать,— начала она: — такъ это точно, что она не своей охотой у насъ жила. Лѣтъ съ пятокъ назадъ—была ужъ я въ ту пору игуменьей—пріѣзжаетъ къ намъ по осени знакомый купецъ изъ Москвы. Время было самое ненастное, глухое, а пріѣзжаетъ онъ ночью и требуетъ меня настоятельно. Стало-быть, думаю, ужъ больно велика нужда, коли въ такую пору себя безпокоитъ Михайло Трофимычъ. И точно; вышла я это къ нему, а онъ не далъ мнѣ даже поздороваться, прямо въ ноги. «Али что у васъ, Михайло Трофимычъ, случилось?» говорю. А онъ стоитъ это передо мной блѣдный, ровно самъ не свой. «Помоги, говоритъ, мать Магдалина (въ «чинѣ»-то я Магдалиной прозывалась); съ еретикомъ, говоритъ, Варька-то моя связалась, съ приказнымъ».—«Что жъ, говорю, развѣ ужъ больно худо дѣло?» — «Да такъ-то, говоритъ, худо, что черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, разрѣшенью быть надо; ты, говоритъ, подумай, матушка, одно только дѣтище было, да и то въ крапиву пошло!» А самъ, знаешь, говоритъ это, да такъ-то, сердечный, льется-разливается. «Про кого, говоритъ, я деньги-то копилъ!» Ну, это точно, что мы тогда съ нимъ условіе сдѣлали, чтобы она у меня подъ началомъ выпросталась... Такъ вѣдь на это онъ, сударь, и родитель, чтобы своимъ дѣтищемъ располагаться какъ ему угодно: въ чемъ же я могу ему тутъ препятствіе сдѣлать?

— Такъ онъ навсегда ее въ скиты отдалъ?

— На житье, сударь, на житье... точно, что старикъ онъ

Digitized by Google

суровый, непреклонный; я, говоритъ, теперича и на глазахъ-то ее держать не хочу, и если, говоритъ, пропадетъ она, такъ жалѣть не объ чемъ...

— И поди, чай, — прервалъ Половниковъ: — сдѣлавши такое доброе дѣло, сталъ на молитву, выпустилъ рубаху, опояску ниже пупа спустилъ... и правъ, думаетъ... Ну, а робенка-то куда вы дѣвали? Ты говори да досказывай!— продолжалъ онъ, обращаясь къ Кузьмовнѣ.

— Что жъ робенокъ?—отвѣчала Кузьмовна совершенно равнодушно: — робенокъ мертвенькій родился: тутъ его и схоронили—это точно.

— Да, какъ придушить человѣка, оно точно что мертвенькій будетъ.

Мавра Кузьмовна позеленѣла; она никакъ не разсчитывала ни на вмѣшательство Половникова, ни на то, что разговоръ приметъ столь непріятный для нея оборотъ.

— Ваше благородіе! — сказала она, вставая со стула и вся дрожа отъ злости:—прикажите этому псу молчать!

Но Половниковъ разгорячился и со своей стороны всталъ со стула и началъ наступать на нее.

— Нѣтъ, ты зачѣмъ же его благородіе обманываешь! Нѣтъ, ты скажи, какъ ты Варьку-то тиранила, какъ ты въ послушанье-то ее приводила! Ты вотъ что разскажи, а не то, какія у васъ тамъ благочинія въ скитахъ были! Эти благочинія-то намъ вотъ какъ извѣстны; а какъ ты била-то Варьку, какъ вы, скитницы смиренныя, младенцевъ выдавливаете, какъ въ городѣ распутство заводите, какъ вы съ Александрой-то въ ту пору купеческаго сына помѣшаннымъ сдѣлали—вотъ что ты разскажи!

— Тетонька! пожалуйте-ка сюда!—раздался въ это самое время изъ передней голосъ племянницы, съ которою я познакомился еще вчера утромъ.

— Можно, ваше благородіе?—спросила Кузьмовна голосомъ, въ которомъ слышалось сильное волненіе.

Я отпустилъ ее и между тѣмъ поспѣшно отворилъ дверь

Digitized by Google

въ сосѣднюю комнату, изъ которой вышла другая женщина, высокая, блѣдная, но очень еще красивая. Я поставилъ ее въ уголъ комнаты такъ, чтобы Кузьмовна не могла ее съ перваго раза замѣтить. Въ то же самое время я перенесъ съ окна чернильницу и всѣ нужныя по дѣлу бумаги.

VI

— Не можно ли мнѣ домой отлучиться, ваше благородіе? — сказала Кузьмовна, входя въ комнату.

Она была сильно взволнована и тряслась всѣмъ тѣломъ.

— Развѣ что-нибудь случилось?—спросилъ я.

— Да что случиться-то! Вотъ дѣвка сказываетъ, что Иванъ Демьянычъ въ дому шаритъ — только чудо, право!.. Отпустите, сударь! По крайности, хошь бы посмотрѣла, какъ гнѣздо-то мое разоряютъ.

— Нѣтъ, Кузьмовна, теперь домой не время идти: ты отвѣчать должна.

— Въ чемъ же я отвѣчать буду? Я, сударь, тебѣ напередъ говорю, что ничего не знаю.

— Посмотримъ; какъ тебя зовутъ?

— А какъ зовутъ—Маврой зовутъ.

Я сдѣлалъ здѣсь обычные вопросы, которыми начинается всякій допросъ.

— Знаешь ли ты Варвару Михайлову Тебенькову, она же скитница Варсонофія?

— Да ты какъ же, сударь, это спрашиваешь: просто, что ли, или записать хочешь?

— Ты видишь, что я первый твой отвѣтъ (объ имени и т. д.) записалъ: стало-быть, это не разговоръ, а слѣдствіе.

— Такъ, сударь... Не припомню, сударь, чтой-то я никакой Варвары Михайловой, не припомню...

И она дѣлала видъ, какъ будто старалась припомнить.

— Можетъ-быть, Варсонофію припомнишь?

Она снова задумалась.

— Ну, и Варсонофіи никакой не припомню; можетъ-быть.

Digitized by Google

и была у насъ Варсонофія, да ужъ, право, не знаю, про какую ты спрашиваешь... Была у насъ Варсонофія кривая, была Варсонофія горбуша, а Тебенькової Варсонофіи что-то и не было.

— А Тебенькова Михайла Трофимыча, московскаго купца, знаешь?

— Н...не знаю... Какой же это такой Трофимъ Тебеньковъ? Что-то и не слыхала я про такого...

— Не Трофимъ, а Михайло Трофимовъ Тебеньковъ... знаешь ты его, или нѣтъ?

— Нѣтъ, сударь, не знаю я Тебенькова...

— А грамотѣ умѣешь?

— Какая, сударь, у насъ грамота! Печать церковную читать коё-какъ еще могу... да и то нонѣ глазами ослабла. Намеднись вотъ Петръ Васильевичъ канунчикъ прочитать просилъ, такъ и то, сударь, не могла: даже Дарья Семеновна, хозяйка ихняя, удивилась—вотъ, сударь, какова наша грамота... Это хошь у кого спросите.

— А писать не умѣешь?

— Не умѣю, сударь, не стану лгать: не умѣю; даже молода была, никогда писать не могла.

— Слушай.

ПО МОЛИТВѢ.

«Ангельскаго житія подражательницѣ, горняго Іерусалима ревнительницѣ, добродѣтелей небесныхъ поборницѣ, дѣвственныя чистоты охранительницѣ, матушкѣ и. Магдалинѣ, азъ, грѣшный рабъ вашъ Михаилъ, земно кланяюсь, здравія и всякаго благополучія желаю; какъ вы тамъ, матушка, въ своей честной обители, благополучно ли проживаете?.. А что вы, матушка, насчетъ Варвары пишете, такъ вы на ея злонравное прекословіе не глядите, а стригите ее какъ вамъ пожелается. Я свои капиталы распорядилъ; богатство наше, матушка, тлѣнное; надо тоже и о душѣ подумать,

Digitized by Google

чтобъ было съ чѣмъ предъ Создателя предстать. Нынче же мы большое для христіянства дѣло затѣваемъ, однако пока ничего объ немъ не пишу, потому что и извѣстнаго ничего еще нѣтъ. Такъ вы бы на нее, матушка, не смотрѣли, а внушали бы ей, что на родителей надѣяться нечего, потому какъ сама себя соблюсти не умѣла, стало-быть и надѣяться не на кого. И еще вы пишете, что за косу ее привязывали и другими средствіями началили, и все якобы проку отъ этого нѣтъ... Такъ вы бы ее еще, матушка, маленько, яко мать, повымучили, а буде, какова пора ни мѣра, и за тѣмъ противничать станетъ, въ холоднемъ бы чуланѣ заперли, доколѣ не восчувствуется, или и иную мѣру одумали. А мнѣ съ Варварой дѣваться некуда, по той причинѣ, что и я въ сердцѣ своемъ положилъ остальное время живота своего посвятить богоугоднымъ дѣламъ. Даже и объ томъ помышляю, чтобы, на старости лѣтъ, совсѣмъ отъ мірскія прелести удалиться, и сказывали мнѣ, будто для того въ закамской сторонѣ и мѣста удобныя обрѣтаются, и живутъ въ нихъ старцы великіе постники и подражатели; такъ вы бы, матушка, отъ странниковъ, въ ваши мѣста приходящихъ, объ томъ узнавали, гдѣ тѣхъ великихъ старцевъ сыскать, и мнѣ бы потомъ отписали. А у насъ на Москвѣ горше прежняго; старецъ нѣкій изъ далекихъ странъ сюда приходилъ и сказывалъ: видѣли въ египетской странѣ звѣзду необычную — красна яко кровь и хвостъ великъ. И тамошній египетскій султанъ съ звѣздочеты зѣло таковому диву дивляхуся... Ужъ и подлинно, матушка, не быть ли въ скорости второму пришествію! Увы намъ, беззаконнымъ! Матушкамъ: Манефѣ, Евфаліи, Уалентинѣ нижайше кланяюсь: напрасно вы, матушки, себя безпокоите, гостинцы намъ высылать; помолитесь за насъ грѣшныхъ, а мы вамъ завсегда, по силѣ-помощи, всѣмъ служить рады.

«Рабъ вашъ смиренный
Михаилъ Тебеньковъ».

— Къ тебѣ это писано?

Digitized by Google

— Какое же это письмо? Чтой-то будто я ни отъ кого такихъ писемъ не получивала!

— Да ты говори прямо: къ тебѣ или не къ тебѣ это письмо писано?

— А кто жъ его, сударь, знаетъ: вѣдь писать никому не запрещается—можетъ, кому и вздумалось написать, только я ничего этого не получивала, и объ чемъ тамъ сказано, не знаю...

— Такъ и записать прикажешь?

— Такъ, батюшка, и запиши. Это точно что не знаю, не стану на себя лгать. Да и обычая у насъ такого не бывало, чтобъ переписываться: мы, батюшка, старухи старыя, слѣпенькія, намъ въ пору божественныя книжки читать, а не то чтобъ переписываться.

— Ну, слушай же еще.

ПО МОЛИТВѢ.

«Доброжелателю нашему, добродѣтелями яко смарагдъ изукрашенному, батюшка Михайло Трофимычъ, азъ смиренная и. Магдалина со всѣми нашими матушками нижайше кланяюсь, спаси васъ Богъ, а паче всего пріумножь нетлѣнныя богатства души вашей... А что вы намъ про дѣвицу Варвару пишете, такъ объ ней много безпокоиться не извольте: ужъ она не Варвара, а и. Варсонофія, смирилась и стричь себя допустила. Много было у насъ съ ней въ этомъ разговору; все прежняя прелестная жизнь смущала; да я, положившись на ваше родительское благословеніе, стала ее усиленно къ богоугодному дѣлу нудить, а если бы не то, такъ и въ жизнь бы, кажется, не дозволила: такого твердаго нраву дѣвица. Насчетъ того дѣла, про которое вы секретно пишете, и у насъ прошли-было слухи, и мы очень этому возрадовались, а сестры-старухи даже прослезились всѣ, что древнее благочестіе не токмо не изведется, но паче солнца возсіять должно. Спаси васъ Господи за ваши труды, почтеннѣйшій мужъ Михайло Тро-

Digitized by Google

фимычъ; мы, что можемъ, съ своей стороны на общую пользу готовы, только сами знаете, старухи-сироты что въ такомъ великомъ дѣлѣ могутъ, кромѣ молитвъ? А когда вы, батюшка, одумаете отъ прелести мірской уклониться, такъ прежде не худо бы вамъ въ нашемъ скиту погостить, около дочки вашей; наши старушки за вами походили бы и вашу старость бы успокоили. Всѣ онѣ нижайше вамъ, нашему благодѣтелю, кланяются, и всѣ, благодаря Бога, благополучны, только престарѣлая мать Полинарія недѣлю тому назадъ преставилась, такъ многія старушки сильно объ ней растужились. Посылаемъ вамъ, батюшка, нашей работы ложечекъ; примите, и насъ, сирыхъ скитницъ, не оставьте. Доброжелательница ваша

и. Магдалина».

— Ты писала это письмо?

— Нѣтъ, батюшка, какое такое присьмо, я и не знаю... Вѣрно какой-нибудь воръ на меня эту напраслину взводитъ, а я, сударь, вотъ что тебѣ скажу, что я и писать-то не учена... Да ужъ нельзя ли, ваше благородіе, до завтрева спросы-то покинуть? Больно мнѣ что-то неможется; а завтра, можетъ, и припомню что.

— Такъ ты рѣшительно утверждаешь, что никакой Варсонофіи или Варвары Тебеньковой не знаешь?

— Не знаю, батюшка, не знаю.

— Вспомни, однакожъ, что не далѣе, какъ за полчаса передъ этимъ, ты сама подробно разсказала всю исторію этихъ отношеній къ Тебенькову и созналась, что Варвара точно жила у тебя въ обители.

— Не знаю, сударь, можетъ, съ испугу и точно я что солгала, а теперь даже просто, что и говорила-то, позабыла... Вотъ я тебѣ какъ, сударь, скажу...

— Господинъ ратманъ, вы можете засвидѣтельствовать, что Кузьмовна созналась въ томъ, что она знаетъ Тебенькову?

— Да помилуй, сударь, развѣ ты судомъ меня спрашивалъ? Вѣдь тотъ разговоръ у насъ по душѣ былъ.

Digitized by Google

— Здравствуйте, матушка Мавра Кузьмовна! — сказала въ это самое время Варвара Тебенькова, подошедшая, по знаку моему, къ допрашиваемой.

Если бы въ эту минуту слетѣлъ огонь съ неба, то и онъ не поразилъ бы Мавры Кузьмовны въ такой степени, какъ слабый и тихій голосъ Тебеньковой. Кузьмовна растерялась и какъ будто совсѣмъ ослабла; первымъ ея движеніемъ было перекреститься, вторымъ — опуститься на стоявшій вблизи стулъ. Казалось, впечатлѣніе было полное, подавляющее; Кузьмовна задыхалась, стонала и безпрестанно крестилась. Я ожидалъ, что вотъ-вотъ вырвется у нея признаніе. Однако, минуты черезъ двѣ, она немного успокоилась, встала и не только не созналась, но продолжала запираться еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

— Извините, ваше благородіе, — сказала она голосомъ еще неуспокоившимся:—очень ужъ я испужалась... словно изъ земли незнакомый человѣкъ выросъ... Да кто жъ ты такая, голубушка, что я словно не припомню тебя?—продолжала она, обращаясь къ Тебеньковой.

— Чтой-то, матушка, будто ужъ смиренной Варсонофіи не припомните? Чай, не день и не два съ вами жили.

— Какая же ты, голубушка, Варсонофія? Была у насъ горбуша Варсонофія, такъ неужто ты та самая и есть?

— Вишь, какъ пришло ей узломъ, вишь, какую чушь городить начала! Память, что ли, у те отшибло, старая, что Варвару не узнаешь?—сказалъ Половниковъ.

— Куда, чай, узнать?—отозвалась Варвара съ горечью.— Мы люди темные, подначальные; поколь въ глазахъ, дотоль насъ и знаютъ... А вспомните, можетъ, матушка, какъ вы меня въ холоднемъ чуланѣ безъ пищи держивали, за косы таскивали... али вамъ не въ диковину такія-то дѣла, али много за вамъ этого водилось, что и на памяти ничего не удержалось?..

— Повтори свое показаніе!—сказалъ я.

Digitized by Google

VII.

— Осталась я послѣ мамыньки по восьмому годку; родитель нашъ не больно чтобы меня очень любилъ, а такъ даже можно сказать, что съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, кромѣ бранныхъ словъ, ласки отъ нихъ я не видывала. Должно полагать, что на мамыньку они неудовольствіе питали, потому что и меня часто ею попрекали, что будто бы я какъ не ихняя дочь, а какого-то приказнаго. По этой самой причинѣ родитель нашъ меня съ собой и не держалъ, а соблюдалъ больше на кухнѣ съ рабочими людьми. Родитель нашъ человѣкъ суровый, словно какъ даже безъ души совсѣмъ...

— Вотъ какъ нынче объ родителяхъ-то говорятъ!—отозвалась Кузьмовна, язвительно улыбаясь.

— Конечно, ихнія добродѣтели вамъ больше извѣстны, матушка, потому какъ ихнее къ вамъ большое пристрастіе было, особливо насчетъ Манефы Ивановны...

— Еще и Манефу Ивановну какую-то приплела!.. Ну, и плети, плети свои сплетки, голубушка!

— Въ дѣвочкахъ я точно что больно шустра была, ваше благородіе. Извѣстно, безъ призору, какъ крапива у забора росла, такъ и норовишь, бывало, озорство какое ни-на-есть сдѣлать. Добру учить было некому, а и начнетъ, бывало, родитель учить, такъ все больше со зломъ: за волосы притаскаетъ, либо такъ прибьетъ, а не то такъ и прищемить норовитъ... какъ еще жива осталась... Вотъ матушка Мавра Кузьмовна сказывала вамъ, будто родитель нашъ плакался, какъ меня въ скиты привезъ, такъ это онѣ напрасно сказали. Родитель нашъ такое сердце въ себѣ имѣютъ, что даже что̀ такое есть слезы не знаютъ... А если и въ самъ-дѣлѣ плакали, такъ это потому, что по обычаямъ въ такомъ дѣлѣ слезы слѣдуютъ, а безъ слезъ люди осудятъ. Была у насъ сусѣдка, старуха старая, такъ она только одна и жалѣла меня, даже до господина надзирателя до-

Digitized by Google

ходила съ жалобой, какъ родитель со мной обходится, только господинъ надзиратель у родителя закусилъ и сказалъ, что начальство въ эти дѣла не входитъ. Такъ старуха-то, бывало, только дивится, какъ это я жива состою: вотъ какое житье было...

Тебенькова закручинилась и утирала концомъ платка, которымъ повязана была ея голова, катившіяся изъ глазъ слезы. Кузьмовна, напротивъ, стояла совершенно безстрастно, сложивши руки и изрѣдка улыбаясь.

— Конечно, сударь, можетъ, мамынька и провинилась передъ родителемъ,—продолжала Тебенькова, всхлипывая:— такъ я въ этомъ виноватою не состою, и коли имъ было такъ тошно на меня смотрѣть, такъ почему жъ они меня къ дяденькѣ Павлу Иванычу не отдали, а безпремѣнно захотѣли въ своемъ домѣ тиранить? А дяденька сколько разъ ихъ объ этомъ просили, какъ братъ, почитая память покойной ихней сестры; однако, родитель не согласились ихней просьбы уважить, потому что именно хотѣли они меня своею рукой загубить, да и дяденькѣ Павлу Иванычу такъ и сказали, что, молъ, я ее изъ своихъ рукъ до смерти доведу...

Половниковъ вздохнулъ.

— Вотъ они каковы всѣ! — сказалъ онъ. — По наряду, гдѣ написано плакать, во всякое время плакать готовы, а христіянскую душу загубить ничего не значитъ.

— Что дѣлать! каковы уродились, таковы и есть, не посѣтуй родимый! — замѣтила иронически Кузьмовна. — У тебя бы поучиться, да ты, вишь, только ложечки ковырять умѣешь, а нѣмца наймовать силы нѣтутка.

— Жила я такимъ родомъ до шестнадцати годковъ. Родитель нашъ и прежде каждый годъ съ ярмонки въ скиты ѣзживалъ, такъ у него завсегда съ матерями дружба велась. Только по одинъ годъ пріѣзжаетъ онъ изъ скитовъ ужъ не одинъ, а съ Манефой Ивановной — она будто замѣсто экономки къ намъ въ домъ взята была. Какая она

Digitized by Google

ужъ экономка была, этого я доложить вашему благородію не умѣю...

— Будто ужъ и не умѣешь?—прервала Кузьмовна.

— А ты почему знаешь, что умѣетъ?—спросилъ я.

— Да вѣдь и по виду, сударь, различить можно, что дѣвка гулящая,—сказала она.

— Только стало мнѣ жить при ней полегче. Начала она меня въ .скиты сговаривать: ну, я поначалу-то было въ охотку соглашалась, да потомъ и другіе тоже тутъ люди нашлись: «полно, говорятъ, дура, тебя хотятъ отъ наслѣдства оттереть, а ты и ротъ разинула». Ну, я и уперлась. Родитель было-прогнѣвался, сталъ обзывать непристойно, убить посулилъ, однако, Манефа Ивановна ихъ усовѣстили. Онѣ у себя въ головѣ тоже свой расчетъ держали. Ходилъ въ это время мимо нашего дому...

Тебенькова потупилась и покраснѣла. Нѣсколько секундъ стояла она такимъ образомъ, не говоря ни слова, но потомъ оправилась и продолжала свой разсказъ тѣмъ мягкозастѣнчивымъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы молодой и неиспорченной еще души.

— Ходилъ въ это время мимо нашего дому молодой баринъ. Жили мы въ ту пору на Никольской, въ проулкѣ, ну и ходилъ онъ мимо насъ въ свое присутствіе каждый день... Да это нужно ли, ваше благородіе?

— Ничего, продолжай.

— Только больно ужъ полюбился мнѣ этотъ баринъ. Дѣвчонка я была молодая, не балованная, а онъ изъ себя казалъ такой смирный да тихонькій. Идетъ, бывало, мимо самыхъ окошекъ, а самъ въ землю глядитъ, даже на окошко-то глаза поднять не смѣетъ. Одѣтъ, бывало, чистенько, изъ лица блѣдный, глазки бо̀льшенькіе, и все пѣсенку про себя мурлычитъ. Поначалу хаживалъ онъ только утромъ въ присутствіе и назадъ, а потомъ началъ и вечеромъ учащать. И столько я любила смотрѣть, какъ онъ,

Digitized by Google

бывало, идетъ по улицѣ, что даже издальки завидишь, такъ словно въ груди у тебя похолодѣетъ.

Тебенькова задумалась, нѣсколько минутъ крѣпилась и потомъ вдругъ горько и сосредоточенно зарыдала.

— Ничего, матушка, Богъ дастъ, соединитесь со своимъ предметомъ! — замѣтилъ, въ видѣ утѣшенія, Половниковъ.

— Только разъ, сижу я это вечеромъ подъ окошкомъ, и вижу, что идетъ мой баринъ милый. Поравнялся онъ съ моимъ окошечкомъ да и сталъ туточка; говоритъ ничего не говоритъ, а словно замѣшался... Я тоже сижу, будто въ пяльцахъ работаю, а сама даже ничего не вижу, только дрожу вся. Вотъ онъ постоялъ-постоялъ и пошелъ, однако, своею дорогой, не сказавши слова. А мнѣ и невдомёкъ, что въ этой же горницѣ Манефа Ивановна сидѣли, и все за нами выслѣживали; только тогда и догадалась, какъ онѣ заговорили со мной.—«А что, говоритъ, Варвара Михайловна, или вамъ господинъ приказный по нраву пришелъ?» Только я испужалась, даже дыханье у меня захватило.— «Нѣтъ, говорю, никакого приказнаго я не знаю». — «Ну, полноте же, моя голубушка, отъ меня скрываться вамъ нечего! Я, говоритъ, давно за вами примѣчаю, и хотя въ иночествѣ нахожусь, однако слабость человѣческую понимать могу; такъ вы, говоритъ, лучше во всемъ мнѣ откройтесь — можетъ, за-одно какъ-нибудь и устроимся». Ну, я тоже на это ей говорю: «Коли вы ужъ такъ, говорю, Манефа Ивановна, такъ я передъ вами скрыться не могу: давно ужъ я въ Митрія Филипыча очень влюблена». Ну, и точно-съ, на другой это день родителя нашего дома не было, идетъ Митрій Филипычъ мимо, а Манефа Ивановна въ окошко глядитъ. «Позвольте, говоритъ, васъ просить, господинъ приказный, не угодно ли побесѣдовать». Онъ и вошелъ; натурально, угощенье тутъ подали. «Вѣрно, говоритъ Манефа-то Ивановна, вамъ наши горницы полюбились, что очень часто мимо насъ ходите». Ну, онъ точно

Digitized by Google

сознался, что влюбленъ. «А коли такъ, опять говоритъ Манефа Ивановна, я вамъ препятствія дѣлать не стану». И оставила насъ вдвоемъ. Только что̀ у насъ тутъ съ нимъ было, доподлинно сказать вашему благородію не могу, потому какъ я даже разсудка своего ровно какъ лишилась. Больно̀ ужъ онъ меня любилъ; сталъ это меня обнимать да цѣловать: «Варенька, говоритъ, жизнь вы моя очень я по васъ сокрушаюсь». А самъ это, знаете, все ласкается да цѣлуетъ. Однако, я поначалу виду не подавала: «мужчины, говорю, всѣ обманщики, и вы тоже обманете». Ну, и все такое...

— Да хошь бы ты покороче, что ли, разсказывала,— прервала Мавра Кузьмовна съ худо скрытою досадой.

— Прикажете, что ли?—спросила меня Тебенькова.

— Разумѣется, продолжай.

— Такимъ родомъ пробыли мы съ полгода мѣста, и хоша и былъ у насъ разговоръ, чтобы наше дѣло законнымъ порядкомъ покончить, однако Манефа Ивановна отговорила родителя этимъ безпокоить, а присовѣтовала до времени обождать. Только въ полгода времени можно много и хорошаго, и худого дѣла сдѣлать; стало-быть, выходитъ, что я не сильна была свою женскую слабость произойти и...

Тебенькова опять вспыхнула и потупилась.

— Что̀ жъ, чай, тоже забеременѣла, скитница? — замѣтила Кузьмовна.—Такое хорошее дѣло и не въ мѣсяцъ сдѣлать можно!

— Ваше благородіе! прикажите мнѣ одной говорить!— сказала Тебенькова.

— Замолчи, Кузьмовна, твоя рѣчь впереди.

— Вотъ какъ этакое-то дѣло со мной сдѣлалось, и стали мы приступать къ Манефѣ Ивановнѣ, чтобъ передъ родителемъ открыться. «А что̀, говоритъ, развѣ ужъ къ концу дѣло пришло?» И замѣсто того, чтобъ передъ родителемъ меня заступить и осторожненько ему разсказать, что вотъ

Digitized by Google

господинъ хорошій и поправить свой грѣхъ желаетъ, она все, сударь, противъ стыда и совѣсти сдѣлала. Сама меня, можно сказать, въ грѣхъ ввела, да и сама же съ руками родителю и выдала. Сталъ онъ допрашивать меня, что̀ и какъ, и столько я, сударь, въ то время побоевъ и ругательствъ приняла, что, кажется, не помни я завсегда, что христіянская во мнѣ душа есть, такъ именно смертію умереть слѣдовало. Порѣшили они на томъ, чтобъ въ скиты меня на всю жизнь погребсти. Ну, наше дѣло дѣтское: что̀ надъ нами родители захотятъ сдѣлать, то̀ и сдѣлаютъ, потому какъ мы и словъ противъ нихъ не имѣемъ. Меня хошь за вину въ скиты сослали, а то вотъ у Мавры Кузьмовны въ обители купеческая дочка Арина Яковлевна жила, такъ та просто молодой мачихѣ не по нраву пришлась, ну и свезли ее въ скиты. Вотъ тоже и Филатъ Ѳинагеичъ вашему благородію истинную правду про купеческаго сына разсказывалъ, котораго родители малоумнымъ захотѣли сдѣлать; нашей власти тутъ нѣтъ: чего старики захотятъ, то̀ мы и исполнять должны.

— Какую-то тамъ еще Арину Яковлевну приплела — только чудо, право!—замѣтила Мавра Кузьмовна, улыбаясь и покачивая головой.

— Видно, старые грѣхи гвоздемъ выходятъ, Мавра Кузьмовна! Откуда слезъ ни братъ, а, стало-быть, плакать приходится,—сказалъ Половниковъ.

— Въ скитахъ чего ужъ со мной ни дѣлали! Вотъ эта самая Мавра Кузьмовна надо мною тѣшилась: и въ холодній-то чуланъ запирала, и голодомъ морила, и на цѣпь саживала. Думаю я такъ, что онѣ съ Манефой Ивановной извести меня хотѣли, чтобъ я, значитъ, померла, и имъ послѣ того родительскій капиталъ весь получить. Только, видно, Богъ не попустилъ до этого: хошь и больно я отъ ихнихъ побоевъ захворала, однако, разрѣшилась благополучно младенцемъ...

— Куда же младенца-то дѣвали?

Digitized by Google

— А сказывали, что на деревню къ мужичку въ сыновья отдали, да послѣ будто бы померъ, — отвѣчала Тебенькова, но потомъ, обратившись къ Кузьмовнѣ, какъ будто внезапная мысль озарила ея голову, прибавила: — Нѣтъ, ты скажи, куда ты Мишутку-то дѣвала?

Кузьмовна все такъ же улыбалась, а изрѣдка даже пожимала плечами.

— Нѣтъ, ты скажи, однако! — приставала къ ней Тебенькова. — Вѣдь ты, можетъ, его въ помойную яму выкинула — у васъ въ обители на это мода была...

— Отвѣчай же, Кузьмовна! — сказалъ я.

— Да что же я, сударь, скажу, когда ужъ я показала разъ, что и ея-то совсѣмъ не знаю?.. Объ какомъ она Мишуткѣ еще спрашиваетъ? Право, чудо!

— Ну, слушай же.

«18** года, марта ... дня, нижепоименованныя лица, бывъ спрошены, по расколу и прикосновенности, безъ присяги, показали:

«1) Михайломъ зовутъ меня, сыномъ Трофимовымъ, по прозванью Тебеньковъ, отъ роду имѣю лѣтъ, должно полагать, шестьдесятъ, а доподлинно сказать не умѣю; вѣры настоящей, самой истинной, «старой»; у исповѣди и св. причастія былъ лѣтъ восемь тому назадъ, а въ какомъ селѣ и у какого священника, не упомню, потому какъ пріѣхали мы въ то село ночью, и ночью же изъ него выѣхали: помню только, что село большое, и указалъ намъ туда дорогу какой-то мужичокъ деревенскій; онъ же и про священника сказывалъ. Подъ судомъ бывалъ ли — не знаю, а по слѣдствіямъ тоже волочили, безъ этого не бываетъ; объ штрафахъ тоже сказать не умѣю; развѣ что въ консисторію гоняли, такъ это точно бываю. Дочь моя Варвара точно ушла отъ меня въ скиты своею охотой и съ моего благословенія, и жила тамъ въ обители у игуменьи Магдалины, которая нынѣ мѣщанкой въ городѣ С*** приписана и зовется Маврой Кузьмовной. Чтобы она напредь того

Digitized by Google

была беременна, того я не знаю, и гдѣ она теперь находится, также не умѣю сказать, потому что съ тѣхъ поръ, какъ скиты разогнали, никакихъ извѣстій оттуда не имѣю. Манефа Ивановна, старушка, точно у меня живетъ, однако не въ любовницахъ, а въ домоправительницахъ. Что показалъ по сущей справедливости и проч.

«2) Манефа Ивановна Загуменникова, отъ роду имѣю тридцать лѣтъ; состою по расколу и жила въ скитахъ, въ обители у игумены Магдалины, гдѣ пострижена въ иноческій образъ подъ именемъ Маремьяны. Варвара Тебенькова, дочь моего хозяина, точно ушла отъ родителя своего въ скиты, гдѣ и жила въ той же самой Магдалининой обители, но про беременность ея ничего не знаю. Какая причина заставила ее идти въ скиты, сказать не умѣю, потому какъ хотя я въ то время и жила у Михайла Трофимыча въ ключахъ, однако въ ихнія дѣла не вступалась, и любовницей у хозяина моего тоже не бывала, и съ чего это взято, мнѣ неизвѣстно. Что показавъ справедливо и пр.

«3) Лжеинокини Иринарха, Дорофея, Павлина, Аполинарія и другія, нынѣ мѣщанки разныхъ городовъ, бывъ спрошены, каждая порознь, показали, что означенная Варвара Тебенькова прибыла въ ихъ скиты, въ Магдалинину обитель, ночью, и въ скоромъ времени родила мальчика, но куда дѣвала его настоятельница, того онѣ не знаютъ. Онѣ же сознались, что Магдалина дѣйствительно вынуждала Тебенькову различными истязаніями остричься, что послѣдняя, наконецъ, и исполнила, и даже какъ будто примирилась съ настоятельницей, почему, не за долгое время до разогнанія ихъ изъ скитовъ, была даже послана въ разныя мѣста за сборомъ милостыни».

— Изъ всѣхъ этихъ показаній ясно, *во-первыхъ*, что ты напрасно запираешься въ знакомствѣ съ Тебеньковымъ и въ укрывательствѣ дочери его; *во-вторыхъ*, что Варвара Тебенькова дѣйствительно родила въ твоей обители, и сынъ ея неизвѣстно куда пропалъ... Куда дѣвала ты этого сына?

Digitized by Google

— Что жъ, сударь, вся ваша власть: хочь въ желѣзы меня куйте, хочь бейте, хочь въ куски рѣжьте — я вся тутъ!—отвѣчала Кузьмовна попрежнему съ безстрастіемъ, въ которомъ даже проглядывало еще болѣе рѣшимости.

— Приходится прочитать тебѣ и еще документецъ.

ПО МОЛИТВѢ.

«Почтеннѣйшему благодѣтелю Михайлѣ Трофимычу азъ грѣшная и. Магдалина земно кланяюсь. Дочка ваша на вчерашнюю ночь распросталась благополучно сынкомъ, и я насчетъ его поступила по вашему желанію, а Варварѣ Михайловнѣ матушки сказали, что отдали его въ деревню въ сыны къ мужичку, и она очень довольно объ этомъ тужила, что при ней его не оставили. Послѣ можно будетъ сказать, что онъ померъ, и вы бы, нашъ благодѣтель, были въ томъ безъ сомнѣнія, что это дѣло въ тайности останется, и никто объ томъ, кромѣ матушки Меропеи, не знаетъ»...

— Позвать сюда Меропею!—сказалъ я полицейскому, и потомъ, обращаясь къ Кузьмовнѣ, прибавилъ:—Ну, что жъ ты на это скажешь?

— А что сказать? Что прежде говорила, то и теперь скажу: не знаю я ничего; хочь что хотите со мной дѣлайте, а чего не знаю, такъ не знаю.

— Ишь, скаредъ какой!—замѣтилъ Половниковъ, терявшій терпѣніе.—Такъ тебя и послушаютъ, незнайка!

— Такъ, видно, и взаправду Мишутку-то въ яму свалили! — сказала Тебенькова, всхлипывая, и потомъ, обращаясь къ Кузьмовнѣ, прибавила: — Чортъ ты этакой, чо-ортъ!

— Продолжай свое показаніе,—сказалъ я.

— Да чего больше сказывать-то! Жила я, сударь, въ этой обители еще года съ два, ну, конечно, и попріобыкла малость, да и вижу, что супротивничествомъ ничего не возьмешь — покорилась тоже. Стали меня «стричься» ну-

Digitized by Google

дить,—ну, и остриглась, изъ Варвары Варсонофіей сдѣлалась: не что̀ станешь дѣлать. Въ послѣднее время даже милостыню сбирать довѣрили, только не въ Москву пустили, а къ сибирскимъ сторонамъ...

— Какъ же тебя такую молоденькую отпустили?

— Да по-ихнему, сударь, что̀ моложе, то̀ лучше: купцы больше денегъ даютъ. Ужъ, конечно, тутъ больше грѣхъ одинъ, да по скитскому правилу то̀ и хорошо, что̀ грѣхъ, потому что «не согрѣшивши возмечтаешь, не согрѣшивши не покаешься, а не покаявшись не спасешься». Вотъ я и ходила такимъ родомъ мѣсяцевъ съ семь, покуда до Камы не дошла; тамъ, сударь, городъ есть такой, въ которомъ радѣтелей нашихъ великое множество проживаетъ. Стала я оттуда писать въ скиты, что пачпорту срокъ вышелъ, а тутъ, замѣсто пачпорта-то, вѣсть пришла, что и скиты всѣ разогнали...

— Ваше высокоблагородіе, извольте сюда пожаловать!— крикнулъ показавшійся въ дверяхъ полицейскій.

Я вышелъ.

— Въ ихнемъ домѣ господинъ исправникъ съ понятыми—архіерея изловили, сейчасъ сюда будутъ-съ!

— А Меропея?

— Мерошка въ безчувствіи-съ.

VIII.

Въ эту самую минуту на улицѣ послышался шумъ. Я поспѣшилъ въ слѣдственную комнату и подошелъ къ окну. Передъ станціоннымъ домомъ медленно подвигалась процессія съ зажженными фонарями (было уже около десяти часовъ); цѣлая толпа народа сопровождала ее. Тутъ слышались и вопли старухъ, и просто вздохи, и даже ругательства; изрѣдка только раздавался въ воздухѣ сиплый и нахальный смѣхъ, отъ котораго подиралъ по кожѣ морозъ. Впереди всѣхъ, приплясывая, шелъ Михеичъ и горланилъ пѣсню.

Digitized by Google

— Господи! что̀ такое съ нами будетъ?—бормотала ветхая старушонка, ковыляя мимо окна и размахивая руками.

— А то, матушка, будетъ, что, видно, умирать наше время пришло!—отвѣчалъ какой-то старикъ, стоявшій у воротъ, и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, прибавилъ:—Ишь ты, Господи!

— Прочь съ дороги!—кричалъ Михеичъ, который, повидимому, распоряжался всей процессіей.—Эй, вы! стойте тутъ, на дворѣ, покедова я его высокоблагородію доложу.

— Соколовъ привели, ваше высокоблагородіе! — сказалъ онъ, входя въ мою комнату. — Такихъ соколовъ, что самъ Иванъ Демьянычъ, можно сказать, угорѣлъ. А! Маремьяна-старица, обо всемъ мірѣ печальница!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Маврѣ Кузьмовнѣ: — каково, сударушка, поживаешь? Ну, мы, нече сказать, благодаря Бога, живемъ, хлѣбъ жуемъ, а потроха-то твои тоже повычистили! Да и сокола твоего въ золотую клѣтку посадили... фю!

Я взглянулъ на Мавру Кузьмовну; она была совершенно уничтожена; лицо помертвѣло и все тѣло тряслось будто въ лихорадкѣ; но за всѣмъ тѣмъ ни малѣйшаго стона не вырвалось изъ груди ея; видно было только, что она физически ослабла, вслѣдствіе чего, не будучи въ состояніи стоять, опустилась на стулъ и, подпершись обѣими руками, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на дверь, ожидая чего-то. Привѣтствіе Михеича не коснулось слуха ея. Очевидно, ей было не до него и его циническихъ выходокъ, что всѣ ея мысли, всѣ чувства были сосредоточены на этой драмѣ, которой послѣдній актъ такъ неожиданно разрѣшился безъ всякаго участія съ ея стороны.

— А именно, ваше высокоблагородіе, понялъ я теперь, что мнѣ въ полицейской службѣ настоящее мѣсто состоитъ!—продолжалъ, между тѣмъ, Михеичъ.—Именно, въ самой, можно сказать, тонкой чистотѣ всю штуку обработали... Ваше высокоблагородіе! не соблаговолите ли, въ честь будущей награды и для поощренія къ будущимъ таковымъ же подвигамъ, по крайности, стаканъ водки поднести? Сего числа,

Digitized by Google

имѣя въ виду принятіе священническаго сана, даже ни единыя росинки чрезъ гортань не пропущалъ.

— Имѣю честь поздравить ваше высокоблагородіе съ крестничкомъ! — сказалъ Маслобойниковъ, входя въ комнату. — Кончили все благополучно-съ. Даже со всѣми онёрами изловили-съ. И тотъ самый здѣсь, про котораго изволили спрашивать... Прикажете позвать-съ?

Лицо Маслобойникова сіяло; онъ мялъ губами гораздо болѣе прежняго, и въ голосѣ его слышались визгливые, перекатистые тоны, непремѣнно являющіеся у человѣка, котораго сердце до того переполнено радостью, что начинаетъ тамъ какъ будто саднить. Мнѣ даже показалось, что онъ изъ дому Мавры Кузьмовны сбѣгалъ къ себѣ на квартиру и припомадился по случаю столь великаго торжества, потому что волосы у него не торчали вихрами, какъ обыкновенно, а были тщательно приглажены.

— Стало-быть, этотъ купецъ и былъ Тебеньковъ? — спросилъ я.

— Такъ и родитель нашъ тутъ же схваченъ... Господи помилуй! — вскричала Тебенькова.

— Точно такъ-съ, моя красавица, и ему тоже бонжуръ сказали, а въ скоромъ времени скажемъ: мусьё алё призд! — отвѣчалъ Маслобойниковъ, притопывая ногой и какъ-то подло и масляно подмигивая мнѣ однимъ глазомъ.—А что, Мавра Кузьмовна, напрасно, видно, безпокоиться изволили, что Андрюшка у васъ жить будетъ? Этакимъ большимъ людямъ, въ нашей глухой сторонѣ, по нашимъ проселкамъ, не жительство: передъ ними большая дорога, сибирская. Эй, Андрюшка! поди, поди сюда, любезный!

Вошелъ мужчина лѣтъ сорока, небольшого роста, съ лицомъ весьма благообразнымъ и украшеннымъ небольшою русою бородкой. Одѣтъ онъ былъ въ длинный сюртукъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ въ великороссійскихъ городахъ мѣщане, занимающіеся приказничествомъ, и въ особенности по

Digitized by Google

питейной части; волоса обстрижены были въ кружокъ, и вообще ни по чему нельзя было замѣтить въ немъ ничего обличающаго священный санъ.

— Вотъ-съ, имѣемъ честь рекомендовать—крестничекъ! Каковъ телецъ упитанный! Ну, сказывай же его высокоблагородію, какъ ты въ архіереи попалъ?

Но Андрюшка молчалъ и безъ малѣйшаго смущенія ясно смотрѣлъ въ глаза Маслобойникову.

— Ну, что жъ ты, сударь, не отвѣчаешь? А ты не стыдись, вѣдь тебя, сударь, и заставить можно разговаривать-то!

Андрюшка, попрежнему, молчалъ упорно.

— Вотъ-съ, сколь жестокъ человѣкъ сдѣлаться можетъ!— обратился ко мнѣ Маслобойниковъ.—Вѣрите ли, ваше высокоблагородіе, полчаса я его усовѣщивалъ, даже рукъ для него не пожалѣлъ-съ, и однакожъ ни одного слова добиться не могъ.

— Ваше благородіе! да ушли ты исправника-то! Вѣдь зазорно! — вступилась Кузьмовна, вставая со стула и подходя ко мнѣ.

Я самъ начиналъ сознавать, что Маслобойниковъ зашелъ слишкомъ далеко, и далъ ему понять, что было бы не лишнее оставить меня одного.

— Здравствуйте, батюшка Андрей Ларивонычъ!—сказала Мавра Кузьмовна, когда мы остались одни, кланяясь Ларивонову до земли.—Видно, не на радость свидѣлись!

И крупныя слезы полились ручьями изъ глазъ ея.

— Здравствуйте, сударыня Мавра Кузьмовна!—отвѣчалъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ.—Много мы, видно, съ вами пожили; пора и на покой, въ лоно Предвѣчнаго Христа и Спаса нашего, иже первый подъялъ смерть за человѣки.

— Прости и ты мнѣ, Варвара Михайловна! Много я передъ тобой согрѣшила!—продолжала Кузьмовна, склоняясь передъ Тебеньковой.—Ну, видно, нечего дѣлать, растопило у меня сердце... Ваше благородіе! записывай ужъ инъ поскорѣй!

Съ своей стороны, Тебенькова тоже повалилась въ ноги

Digitized by Google

къ Маврѣ Кузьмовнѣ, и за глухими ея рыданіями нельзя было даже разобрать ея словъ.

— Позовите сюда Тебенькова!—сказалъ я, чтобъ кончить поскорѣе эту сцену, которая тяготила меня.

Вошелъ Тебеньковъ. То былъ высокій и съ виду очень почтенный старикъ, съ окладистою бородой и суровымъ выраженіемъ въ лицѣ. При видѣ его Варвара быстро поднялась и задрожала всѣмъ тѣломъ.

— А! ну, здравствуй, доченька! Давно ли своихъ родителей продавать научилась?—сказалъ Тебеньковъ, улыбаясь холодно, но не безъ горечи.—Здравствуй и ты, Кузьмовна! Пришли, видно, наши часы... Что жъ, ваше благородіе, если спросить желаете, такъ спрашивайте, а насчетъ того, чтобы нашу чувствительность растревожить, такъ это лишнее будетъ—такъ-то-съ...

— Нѣтъ, ты прости ее, батюшка Михайло Трофимычъ,— вступилась Мавра Кузьмовна:—она тоже вѣдь невольнымъ дѣломъ...

— Богъ ее проститъ, матушка, а мы прощать не можемъ, потому какъ это Божье дѣло, а не наше...

— Батюшка!—вскрикнула Варвара, почти безъ чувствъ падая къ ногамъ его и обнимая ихъ.

Тебеньковъ задумался и посмотрѣлъ на нее; я даже замѣтилъ, что въ его холодныхъ, суровыхъ глазахъ блеснулъ на минуту лучъ нѣжности. Но это чувство, освѣтившее внезапно его существо, столь же внезапно уступило мѣсто прежней суровости.

— Нѣтъ, доченька,—сказалъ онъ, вздохнувши и махнувъ рукой: — намъ теперича объ этомъ разговаривать нечего; живи съ Богомъ да не поминай насъ лихомъ, потому какъ мы здѣшняго свѣта ужъ не жильцы... Что жъ, ваше благородіе, спрашивать, что ли, будете, или прямикомъ на казенную фатеру прикажете?

. . . . . .

И тутъ началось у меня слѣдствіе...

Digitized by Google

Первый шагъ.

Передо мной стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, въ потасканномъ вицмундирѣ. Физіономія его не представляла ничего особенно замѣчательнаго; это была одна изъ тѣхъ тусклыхъ, преждевременно пораженныхъ геморроемъ физіономій, какія довольно часто встрѣчаются въ чиновническомъ мірѣ. Взоръ его былъ мутенъ и какъ-то болѣзненно сосредоточенъ, что̀ не мѣшало, впрочемъ, мнѣ, какъ наблюдателю, подмѣтить въ немъ что-то въ родѣ робкаго поползновенія на мольбу, но такую мольбу, которая замѣчается въ глазахъ барана, кротко испускающаго духъ подъ ножомъ мясника. Молодой человѣкъ попался, и попался весьма замѣчательнымъ образомъ, со всѣми онёрами, какъ выражаются въ провинціи. Онъ сочинилъ фальшивый указъ, съ цѣлью получить, за неисполненіе его, приличное вознагражденіе, но не соблюлъ при томъ никакихъ предосторожностей, которыя поставили бы его поступокъ внѣ законныхъ преслѣдованій и привели его къ тихому пристанищу, выражающемуся въ офиціальной формѣ словами: «а за неотысканіемъ виновнаго въ сочиненіи фальшиваго указа, обстоятельство сіе предать волѣ Божіей, а дѣло кончить и сдать въ архивъ». Напротивъ того, тутъ было все, что̀ могло служить къ уликѣ преступника: и поличное, и соучастники, и обдуманный планъ, и свидѣтели; однимъ словомъ, обвиняемый какъ бы нарочно все такимъ образомъ устроилъ, чтобъ отрѣзать себѣ всякій путь къ спасенію.

Положеніе слѣдователя, вообще говоря, очень тяжелое положеніе. Разумѣется, оно далеко не можетъ сравниться ни съ положеніемъ фельдмаршала во время военной кампаніи, ни даже съ положеніемъ гарнизоннаго прапорщика во время осады Севастополя; но личный взглядъ слѣдователя можетъ придать всякому мало-мальски важному дѣлу интересъ, не изъятый своего рода тревожныхъ ощущеній.

Digitized by Google

Бываютъ, конечно, слѣдователи, которые смотрятъ на свои обязанности съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ смотрятъ на процессъ пищеваренія, дыханія и тому подобныя фаталистическія отправленія своего организма; но до такого олимпическаго равнодушія не всякій можетъ дойти. Иногда случается, что въ голову нахлынутъ тысячи самыхъ разнообразныхъ и даже едва ли противозаконныхъ соображеній и рѣшительно мѣшаютъ вышеозначенному спокойствію. Шевельнется, напримѣръ, ни съ того, ни съ сего, въ сердцѣ совѣсть, взбунтуется слѣдомъ за нею разсудокъ, который начнетъ, цѣлымъ рядомъ самыхъ строгихъ силлогизмовъ, доказывать, какъ дважды-два-четыре, что будь слѣдователь самъ на мѣстѣ обвиняемаго, то... и такъ далѣе. Ну, и раскиснешь совсѣмъ...

А если слѣдствіе предстоитъ серьезное и запутанное, сколько самыхъ разнородныхъ ощущеній тѣснится въ сердцѣ, какъ тонко дѣлается чутье, какъ настораживаются всѣ чувства! Въ воздухѣ пахнетъ преступленіемъ; міазмы его не даютъ дышать свободно, руки осязаютъ преступленіе, слухъ безпрестанно оскорбляется нестройными звуками вакханаліи преступленія. Вамъ чудится преступленіе въ пищѣ, которую вы вкушаете, и въ водѣ, которую вы пьете. Слѣдователь перестаетъ на время быть человѣкомъ и принимаетъ всѣ свойства безплотнаго существа: способность улетучиваться, проникать и проникаться и т. д. И сколько страха, сколько ожиданій борется въ одно и то же время въ его сердцѣ! Поймаю или не поймаю? спрашиваетъ себя слѣдователь каждую минуту своего существованія, и видимо истаеваетъ на медленномъ огнѣ отчаянья и надежды. Если же присовокупить къ этому, съ одной стороны, ожидаемыя впереди почести, начальственную признательность и, главное, репутацію отлично-хитраго чиновника, въ случаѣ удачнаго ловленія, и, съ другой стороны, позоръ и поношеніе, репутацію «мямли» и «колпака», въ случаѣ ловленія неудачнаго, то безъ труда сдѣлаются понятными тѣ бурныя

Digitized by Google

чувства, которыхъ театромъ становится сердце мало-мальски самолюбиваго слѣдователя.

Что касается до меня лично, то преступленіе производитъ на мою душу подавляющее дѣйствіе. Я вообще человѣкъ нрава мягкаго и скромнаго, спокойствіе своей души ставлю выше всего и ненавижу, когда какое-нибудь обстоятельство назойливо тревожитъ мою совѣсть. То ли дѣло сидѣть себѣ дома, пообѣдать въ пріятномъ обществѣ и, закуривъ отличную сигару, бесѣдовать «разумно» съ пріятелями о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе — хоть бы о томъ, какъ трудны бываютъ обязанности слѣдователя! Но когда мнѣ, волею или неволею, приходится облечь себя въ броню слѣдователя (а это, къ истинному моему прискорбію, случается довольно часто), то, сознаюсь откровенно, я дѣлаюсь немного идеалистомъ. Всѣ эти великолѣпныя соображенія объ олимпическомъ равнодушіи, о путахъ, которыми благоразумный слѣдователь обязанъ окружать обвиняемаго, неизвѣстно куда испаряются, и я остаюсь одинъ-на-одинъ со своею совѣстью, одинъ-на-одинъ съ нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ господиномъ, носящимъ имя Щедрина и забывающимъ даже о чинѣ надворнаго совѣтника, украшающемъ его безукоризненный формуляръ. Странная вещь! когда я имѣю дѣло съ преступникомъ, кара составляетъ для меня предметъ второстепенной важности, и главное, къ чему я стремлюсь — это пробужденіе въ преступникѣ сознанія нарушеннаго долга, нарушенной правды.

«Mais c'est incroyable! vous divaguez, mon cher!»—слышится мнѣ отовсюду голосъ его превосходительства, который, несмотря на мои идеалистическія наклонности, очень меня любитъ, потому что я говорю по-французски и довольно удачно полькирую съ его дочерью. И однакожъ, несмотря на восклицаніе его превосходительства, результаты моего идеальнаго обращенія съ обвиненнымъ субъектомъ оказывались иногда поразительные. Случалось, что закоснѣлый преступникъ вдругъ зальется слезами и начнетъ

Digitized by Google

рыдать, но такъ болѣзненно, сосредоточенно, что и мнѣ все сердце изорветъ своими рыданіями...

Иной, судя по моимъ дѣйствіямъ и по тѣмъ усиліямъ, которыя я употребляю, чтобъ овладѣть довѣріемъ обвиняемаго, подумаетъ, что я въ нѣкоторомъ родѣ крошечный Макіавель, а между тѣмъ я дѣйствительно только идеалистъ и больше ничего. Если я простъ и ласковъ, то это потому, что природѣ не заблагоразсудилось надѣлить меня ничѣмъ «внушающимъ» или, такъ сказать, юпитеровскимъ; если я вижу человѣка въ самомъ преступникѣ, то это потому, что мысль о томъ, что я самъ человѣкъ, никакъ не хочетъ покинуть мою ограниченную голову. Однимъ словомъ, я каюсь, я прошу прощенія: я идеалистъ, я человѣкъ негодный, непрактическій, но не рѣжьте меня за это на куски, потому что я въ состояніи этимъ обидѣться.

И меня, дѣйствительно, никто не бьетъ и не рѣжетъ. Только его превосходительство изрѣдка назоветъ «размазней» или «мямлей», и то единственно по чувствамъ отеческаго участія къ моей служебной карьерѣ. Когда дѣло зайдетъ ужъ слишкомъ далеко, когда я начинаю черезчуръ «мямлить», его превосходительство призываетъ меня къ себѣ.

— Ты, любезный другъ, не проповѣдуй,—говоритъ онъ мнѣ такимъ голосомъ, который тщетно усиливается сдѣлать строгимъ:—это, братецъ, безнравственно, потому что тебя, чиновника, ставитъ въ какія-то панибратскія отношенія съ какою-нибудь канальей — фи!.. А ты проникнись, ты исполни все, что нужно по формѣ — ну, и жамкни его, чтобъ не забывалъ онъ, что между нимъ и тобою общаго только одна случайность, что онъ — каналья, а ты — чиновникъ...

— Слушаю-съ,—отвѣчаю я обыкновенно на такое отеческое наставленіе, и все-таки не могу отстать отъ несчастной привычки симпатизировать...

Иногда эта добродѣтельная наклонность вознаграждается

Digitized by Google

самымъ обиднымъ образомъ. Трудишься-трудишься иной разъ, выбиваешься изъ силъ, симпатизируя и стараясь что-нибудь вывѣдать изъ преступника — разумѣется, pour son propre bien — и достигнешь только того, что обвиняемый, не безъ горькой иронiи, къ тебѣ же обращается съ слѣдующими простыми словами:

— Да что жъ ты не бьешь меня, ваше благородiе?.. А ты бей!.. можe, и скажу что-нибудь...

Признаюсь откровенно, слова эти всегда производили на меня дѣйствiе обуха, внезапно и со всею силою упавшаго на мою голову. Я чувствую во всемъ моемъ существѣ какое-то страшное озлобленiе противъ преступника, я начинаю сознавать, что вотъ-вотъ наступаетъ минута, когда эмпирикъ возьметъ верхъ надъ идеалистомъ, и пойдутъ въ дѣло кулаки, сiи истинные и нелицемѣрные помощники во всѣхъ случаяхъ, касающихся человѣческаго сердца. И много мнѣ нужно бываетъ силы воли, чтобы держать руки по швамъ.

Съ другой стороны, случалось мнѣ нерѣдко достигать и такихъ результатовъ, что, разговаривая и убѣждая, зарапортуешься до того, что начнешь увѣрять обвиненнаго, что я тутъ ничего, что я тутъ *такъ*, что я совсѣмъ не виноватъ въ томъ, что мнѣ, а не другому поручили слѣдствiе, что я, собственно говоря, его *другъ*, а не гонитель, что если... и остановишься только въ то время, когда увидишь вытаращенные на тебя глаза преступника, нисколько не сомнѣвающагося, что слѣдователь — или хитрѣйшая бестiя въ подлунной, или окончательно спятилъ съ ума.

Все это я счелъ долгомъ доложить вамъ, благосклонный читатель, затѣмъ, чтобы показать, какъ трудно и щекотливо бываетъ положенiе слѣдователя, а отчасти и затѣмъ, чтобы вы могли видѣть, какой я милый молодой человѣкъ. А затѣмъ приступаю къ самому разсказу.

Digitized by Google

«Я сынъ приказнаго. Родитель мой умеръ, состоя на дѣйствительной службѣ и достигнувъ, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, чина губернскаго секретаря. Чины въ ту пору очень туго шли, да и подсудности разныя препятствовали повышеніямъ. Родитель женился рано, жалованье получалъ малое, и въ скоромъ времени имѣлъ цѣлую охапку дѣтей, изъ которыхъ я былъ самый младшій. Въ нашемъ кругу такое ужъ это обыкновеніе, что приказные рано женятся: извѣстное дѣло, мы не то что большіе господа: намъ беречь нечего. Мы думаемъ: коли насъ самихъ Царь Небесный пропиталъ, такъ и дѣтей нашихъ безъ хлѣба не оставитъ. Да и то опять, что у нашего брата столько нонче дочерей, да сестеръ, да свояченицъ развелось—надо же и ихъ къ мѣсту пристроить,—вотъ и заманиваетъ тебя всякій въ сѣти. Отъ бѣдности или просто съ горя, только отецъ мой запивалъ шибко: случалось ли намъ видѣть его въ мѣсяцъ разъ или два тверёзымъ, доподлинно сказать не могу.

«Растетъ нашъ братъ, можно сказать, какъ крапива растетъ около забора: поколь солнышко грѣетъ—ну, и ладно; а не пригрѣетъ—худая трава изъ поля вонъ. Росъ и я такимъ же порядкомъ лѣтъ до двѣнадцати, а какъ и что—хоть что хошь, не припомню. Помню только, что отца иногда на ночь въ безчувствіи домой изъ кабака приводили, и что матушка—царство ей небесное!—горько на судьбу плакалась. Былъ у отца милостивецъ, человѣкъ въ силѣ: поэтому только и не выгоняли его изъ службы. Этотъ же самый милостивецъ и меня призрѣлъ, и какъ только сталъ я приходить въ разумъ, опредѣлилъ на службу подъ свое начальство.

«Примѣровъ хорошихъ передъ собой видимъ мы мало. Много народа служитъ и пьянаго, совсѣмъ отчаяннаго, много и такого, что взятку за самое обыкновенное дѣло считаютъ. Стало-быть, подражать тутъ некому. А житье наше, осмѣлюсь вамъ доложить, самое незавидное: какъ есть

Digitized by Google

узникъ. Придешь въ присутствіе часовъ съ восьми, сидишь до двухъ; сходишь куда-ни-на-есть перекусить, а въ пять часовъ опять въ присутствіе; и сиди до одиннадцати. Выходить, въ сутки проработаешь этакъ не меньше двѣнадцати часовъ, и все нагнувшись... Какъ кончится день, въ глазахъ рябитъ, грудь ломитъ, голова идетъ кругомъ—ну, и выходишь изъ присутствія, словно пьяный шатаешься. Лѣтомъ всего тяжелѣе бываетъ. Иной разъ, сходилъ бы за городъ, посмотрѣлъ бы, что такая за зелень въ лугахъ называется, грудь хоть бы расшаталъ на вольномъ воздухѣ—и вотъ нѣтъ да и нѣтъ! Смотришь иногда: ѣдутъ начальники, или другіе господа, на большихъ долгушахъ, ѣдутъ съ самоварами, съ корзинами, и позавидуешь... Или вотъ возвращаешься ночью домой изъ присутствія рѣчнымъ берегомъ, а на той сторонѣ туманы стелются, огоньки горятъ, паромъ по рѣкѣ бѣжитъ, сонная рыба въ водѣ заполощется, и все такъ звонко и чутко отдается въ воздухѣ, ну и остановишься тутъ съ бумагами на бережку, и самому тебѣ куда-то шибко хочется.

«Выходитъ, что нашъ братъ приказный, какъ выйдетъ изъ своей конуры, такъ ему словно дико и тѣсно вездѣ, ровно не про него и свѣтъ стоитъ. Другому все равно: вѣтерокъ шумитъ, трава ли по полю стелется, птица ли поетъ, а приказному все это будто въ диковину, потому какъ онъ, окромѣ своего присутствія да кабака, ничего на свѣтѣ не знаетъ.

«Взятокъ я не бралъ, вина тоже не зналъ. По лѣтамъ моимъ, интересныхъ дѣлъ въ завѣдываньи у меня не бывало, а къ вину тоже наклонности никогда не имѣлъ, да и жалованье у насъ самое маленькое.

«Невеселая это жизнь, а привыкаешь къ ней. Иногда случается, что совсѣмъ даже ничего другого не хочется, потому что днемъ домой придешь—думаешь, что черезъ три часа опять въ присутствіе идти нужно; вечеромъ придешь—думаешь, какъ бы выспаться, да утромъ ранёхонько опять

Digitized by Google

въ присутствіе идти. Выходитъ, что въ головѣ у тебя ничего, кромѣ присутствія, нѣтъ. Придетъ это воскресенье, такъ день-то такой длинный-раздлинный тебѣ покажется; сидишь-сидишь руки сложивши, словно одурь тебя возьметъ. По той причинѣ, что мы ни къ какому другому дѣлу способности въ себѣ не имѣемъ: все намъ кажется, что оно ровно не такъ, не по формѣ глядитъ — ну, и тоскуешь до понедѣльника. По этой же самой причинѣ, сколь понимать могу, и пьянства между приказными много бываетъ; потому какъ въ воскресенье ему дѣвать себя некуда—вотъ онъ и закурилъ, глядишь.

«Сапоги насъ очень одолѣли, ваше высокоблагородіе! Народъ мы не брезгливый, не нѣженный. Для насъ бы все одно и въ лаптишкахъ сбѣгать, а тутъ опять начальство не велитъ, требуетъ, чтобы ты завсегда въ своемъ видѣ былъ. Вотъ хошь бы судья у насъ былъ, такъ тотъ прямо тебѣ говоритъ: «мнѣ, говоритъ, наплевать, какъ ты тамъ деньги на платье себѣ достаешь, а только чтобъ былъ ты всегда въ своемъ видѣ». Ну, и изворачиваешься какъ-нибудь въ ущербъ брюху, потому что въ долгъ нашему брату не вѣрятъ, а взятки взять негдѣ. Иногда, знаете, придешь домой, и все раздумываешь, нѣтъ ли гдѣ-нибудь сорвать что ни-на-есть, съ тѣмъ и уснешь. И какую, кажется, осторожность соблюдаешь! Идешь, да объ томъ только и думаешь, чтобъ какъ-нибудь въ грязь не попасть, или на камень не наступить, а все никакъ не убережешься. Большимъ господамъ оно, конечно, смѣшно показывается, что вотъ приказный съ камешка на камешекъ словно воръ пробирается: имъ это намѣсто забавы. Потому что имъ неизвѣстно, что тутъ жизнь человѣческая, можно сказать, совершается: износи я сегодня сапоги—завтра, можетъ-быть, и ѣсть мнѣ нечего будетъ.

«Смотришь иногда, какъ мужикъ въ базарный день по площади шагаетъ — и горя ему мало! Идетъ-себѣ, не думаетъ; только въ лужѣ сапоги пополощетъ — и правъ. А все

Digitized by Google

оттого, что положеніе у него на свѣтѣ есть, что онъ человѣкъ какъ человѣкъ: собой располагать, значитъ, можетъ! А ты вотъ словно отребье человѣческое: ни объ чемъ другомъ и помышленія не имѣй, какъ только объ томъ, какъ бы на сапогахъ дырьевъ не сдѣлать. Ужъ на что сторожъ въ судѣ — и тому житье противъ нашего не въ примѣръ лучше: первое дѣло, жалованье онъ получаетъ не меньше, да еще квартиру въ сторожовской имѣетъ; а второе дѣло, никто съ него ничего не требуетъ...

«Родитель мой получалъ жалованье малое, да и я развѣ немногимъ противъ него больше. Сначала посадили меня на цѣлковый въ мѣсяцъ, да и то еще, сказываютъ, много. Иные на первыхъ порахъ и совсѣмъ ничего не получаютъ. Какъ я въ ту пору жилъ—этого и объяснить даже вашему высокоблагородію не умѣю. Конечно, если бъ не помнилъ я завсегда, что христіянинъ называюсь, такъ, кажется, и не снести бы ни въ жизнь этакой нужды. Эти семь мѣсяцевъ словно во снѣ у меня прошли, словно я въ лихорадкѣ или въ другой несносной болѣзни вылежалъ. Матушка у меня вскорѣ померла, а отецъ не то чтобы мнѣ помочь, а еще у меня норовитъ, бывало, денегъ выманить. И встрѣчался-то я съ нимъ мало: развѣ что идешь домой изъ присутствія, и видишь, что въ грязи на дорогѣ родитель въ безчувствіи валяется. Однако, послѣ семи мѣсяцевъ пришлось мнѣ ужъ тошно. Собрался я съ духомъ, пошелъ къ начальнику, доложилъ ему, что такъ и такъ, не только въ приличномъ видѣ себя содержать, но и пропитаться досыта способовъ не имѣю. Начальникъ былъ у меня человѣкъ добрый, посмотрѣлъ на меня, словно въ первый разъ увидѣлъ, не сказалъ ни слова, а въ слѣдующій мѣсяцъ и назначилъ пять цѣлковыхъ. Зато я за этого начальника и до сей поры Бога молю.

«Въ томъ судѣ, гдѣ я служилъ, не мало-таки бывало случаевъ, чтобъ попользоваться. Просители бываютъ: одинъ желаетъ, чтобъ просьбицу ему написали, другой—чтобъ се-

Digitized by Google

кретарю объ немъ доложили, и за всякую послугу презентуютъ по силѣ-возможности. Иной смышленый писецъ такимъ манеромъ полтинникъ въ одно утро выработаетъ, ну, и можно ему безъ нужды прожить. А я никакъ не могу къ эвтому дѣлу приспособиться; робокъ я, что ли, или снаровки нѣтъ, только двугривенные какъ-то нейдутъ въ мой карманъ. Въ другихъ судахъ кружки такія бываютъ, что всякій проситель туда приношеніе свое класть долженъ: это заведеніе очень хорошее. Потому какъ тутъ никому не завидно, и всякій свою часть зараньше знаетъ. Однако, для меня и пяти цѣлковыхъ было предовольно, и не попутай меня лукавый, такъ, кажется, и желать больше не надо. Жизнь въ нашемъ городѣ очень ужъ дешева. Объ ину пору, особливо зимой, пудъ говядины только двадцать копеекъ стоитъ; конечно, говядина арестантская—такъ она и называется—однако, все-таки жить можно. За квартиру съ ѣдой и съ мытьемъ платилъ я хозяйкѣ два съ полтиной въ мѣсяцъ; разумѣется, *бламанже* не давали, а сытъ, впрочемъ, бывалъ завсегда. Полтора рубля въ мѣсяцъ откладывалъ на платье и на сапоги, а рубль оставался на прихоти... Жить можно.

«Въ судѣ у насъ служба хорошая, только запахъ иногда несноснѣйшій, особливо въ канцелярской каморѣ. Комнатка маленькая, а набьется туда приказныхъ да просителей—видимо-невидимо. Иной съ похмелья, винищемъ отъ него несетъ, даже сердце воротитъ: такъ нехорошо! Выйдешь оттуда на вольный воздухъ, такъ словно въ тюрьмѣ цѣлый годъ высидѣлъ: глаза отъ свѣта рѣжетъ, голова кружится, даже руки-ноги дрожатъ. Служатъ всякіе люди, а больше пьяница или озорникъ. Бываютъ и хорошіе люди, только имъ не родъ, да и не долговѣчны они: сейчасъ какую-ни-на-есть каверзу сочинятъ или такіе подкопы подведутъ, что безпремѣнно погибнуть слѣдуетъ.

Для примѣра доложу хоть объ одномъ засѣдателѣ. Служилъ онъ у насъ, и былъ человѣкъ честный и непьющій.

Digitized by Google

Самъ губернаторъ его такимъ зналъ, да затѣмъ и въ судъ опредѣлилъ, будто замѣсто своихъ глазъ. Стало-быть, и сила на его сторонѣ была, а все-таки долго не выдержалъ: угомонили такъ, что въ силу великую и дѣло-то затушили. Дѣло это очень любопытное. Случилась въ нашемъ уѣздѣ лѣсная порубка; ну, разумѣется, слѣдствіе. Порубка была важная, и назначили цѣлую комиссію, а президомъ въ нее этого засѣдателя. Подходили къ нему со всѣхъ сторонъ: и на деньги, и на величанье пробовали — нейдетъ да и все тутъ. Видятъ парни, что кругомъ попались, а надо какъ-нибудь дѣло поправить. Вотъ и задумали они предсѣдателя такимъ манеромъ опакостить, чтобъ ему слѣдователемъ оставаться было невозможно. Прочіе члены были всѣ на ихъ сторонѣ; приговорили они къ себѣ еще одного мужика богатаго и выкинули сообща преехиднѣйшую штуку. Ѣдетъ какъ-то Петръ Гаврилычъ, засѣдатель-то, мимо села, въ которомъ жилъ тотъ мужикъ; время было вечернее, чай пить надо; онъ и заѣхалъ къ мужику, а съ нимъ и вся комиссія. Только тотъ очень радъ, не знаетъ, какъ угостить, чѣмъ употчивать дорогихъ гостей; достаетъ онъ бутылку шипучаго и подаетъ чиновникамъ въ золотыхъ стаканчикахъ. Выпили они; напились и чаю; только депутатъ тутъ одинъ былъ: все около Петра Гаврилыча лабзится, и душкой-то его называетъ, и христіянскою-то добродѣтелью,— цѣловаться даже лѣзетъ. Петръ Гаврилычъ и поддался; самъ сталъ съ ними дружелюбничать да обниматься, а депутатъ, не будь простъ, возьми да и сунь ему, во время обниманья, изъ своего рукава въ задній карманъ одинъ стаканчикъ. Хорошо. Сидятъ они, жуируютъ; только какъ надо ужъ имъ собираться, входитъ хозяинъ и объявляетъ, что у него одинъ стаканчикъ пропалъ. Гости переглянулись между собой, а Петръ Гаврилычъ, по горячности своей, даже вспылили.

«—Что жъ, говоритъ, развѣ ты насъ, что ли, подозрѣваешь, подлецъ ты этакой?

Digitized by Google

«— Васъ не васъ,—отвѣчаетъ хозяинъ:—а воля ваша, стаканчика, кромѣ вашихъ благородій, украсти некому.

«— А и точно,—подхватилъ тутъ тотъ самый депутатъ, который все обнимался да цѣловался съ Петромъ Гаврилычемъ:—и точно я будто видѣлъ, какъ Петръ Гаврилычъ въ карманъ чтой-то хоронилъ.

«Стали его тутъ, ваше высокоблагородіе, обыскивать, и, разумѣется, стаканъ въ заднемъ карманѣ сыскался. Тутъ же составили актъ, а на другой день пошло отъ всей комиссіи донесеніе, что такъ, молъ, и такъ, считаютъ себѣ за безчестіе производить дѣло съ воромъ и мошенникомъ. Ну, разумѣется, устранили.

«Такъ вотъ какіе иногда подкопы бываютъ, что и сильный человѣкъ не выдержитъ и предусмотрѣть ничего не можетъ.

«Начальники были у меня всякіе. Иной и такъ себя держалъ, что и себя не забываетъ, и совѣсть тоже знаетъ; а другой только объ себѣ объ одномъ и думаетъ, какъ бы то-есть свою потребность во всемъ удовлетворить. Вотъ теперь у насъ исправникъ Иванъ Демьянычъ, Живоглотомъ прозывается, такъ этотъ, пожалуй, фальшивую бумажку подкинуть готовъ, только бы дѣло ему затѣять да ограбить кого-ни-на-есть. А былъ до него и другого сорта исправникъ, тотъ самый, который мнѣ жалованье прибавилъ—этотъ только и пользы имѣлъ, что съ откупа, да и то потому, что откупъ — откупъ и есть, съ него не взять нельзя.

«А иногда и такіе бывали, что никакого то-есть дѣла не понимаетъ: весь земскій судъ съ ногъ собьетъ, бѣгаетъ, кричитъ, а дѣло все-таки ни на пядь впередъ не подвигается. Съ этакимъ служить хуже всего, потому что у него просто никакого понятія нѣтъ. Вотъ хоть бы Михайло Трофимычъ: «я васъ», да «я васъ» — только, бывало, и слышишь отъ него, а ни научить, ни наставить ничему не можетъ, даже объяснить не въ силахъ, чего ему желается.

Digitized by Google

Пришла къ намъ однажды въ судъ дѣвка. Еще было ли ей двѣнадцать лѣтъ, какъ пришлось ей давать какое-то свидѣтельское показаніе при слѣдствіи. Обробѣла, что ли, дѣвочка, или просто изъ-за своей глупости, только показала она совсѣмъ не то, что по дѣлу слѣдуетъ, и достаточно въ этомъ изобличена. Слѣдствіе это, должно полагать, очень важное было, потому что тѣмъ временемъ, пока дѣло шло, дѣвочкѣ стукнуло ужъ осьмнадцать лѣтъ, и присваталъ ее за себя человѣкъ хорошій. На ту пору какъ быть и рѣшеніе вышло такого рода, что дѣвочку, по малолѣтствію ея, за фальшивое показаніе, подвергнуть наказанію розгами семью ударами. Пришла дѣвка въ судъ, воетъ голосомъ: и раздѣваться-то ей не хочется, да и женихъ отказывается: «не хочу, говоритъ, сѣченую за себя брать». Извѣстно— къ Михайлѣ Трофимычу: нельзя ли, молъ, явить божескую милость, отъ стыда избавить. Михайло Трофимычъ—человѣкъ онъ, нечего сказать, сердечный—сталъ на дыбы, зарычалъ на всю канцелярію: «и такіе-то вы, и сякіе-то»— точно мы и въ самомъ дѣлѣ тутъ виноваты. Твердитъ одно: представить въ губернское правленіе, да и все тутъ.

«— Да помилуйте, Михайло Трофимычъ,—говоритъ ему секретарь:—съ чѣмъ это сообразно-съ? Вѣдь насъ за такое неподлежательное представленіе оштрафуютъ.

«Такъ куда! Затопалъ ногами и слышать никакихъ резоновъ не хочетъ! И точно, представили. Расписалъ онъ это самымъ нанжалостнѣйшимъ образомъ: и про женитьбу-то упомянулъ, и про стыдъ дѣвическій, и про лѣта молодыя, неопытныя — все тутъ было; только въ настоящую точку, въ ту самую, въ которую спервоначала бить слѣдовало, попасть забылъ: не упомянулъ, что приговоръ на предметъ двѣнадцатилѣтней, а не осьмнадцатилѣтней дѣвки написанъ. Ну, и вышло точно такъ, какъ секретарь сказывалъ. Дѣвку велѣли высѣчь, а суду, за обремененіе начальства вопросами, не представляющими никакой важности, сдѣлали строгое замѣчаніе, съ внушеніемъ, дабы впредь

Digitized by Google

посторонними и до дѣла не относящимися предметами не увлекался, а поступалъ бы на точномъ основаніи законовъ. Даже самъ Михайло Трофимычъ изумился, какъ оно тамъ складно было написано.

«Другой бы—не Михайло Трофимычъ, а примѣрно хоть Живоглотъ—это дѣло тихимъ манеромъ бы сдѣлалъ: дѣвку-то бы не высѣкъ, а начальству бы донесъ, что высѣкъ. А Михайло Трофимычъ все, знаете, хочетъ вверхъ дномъ перевернуть. Ужъ сколько его сами родители этой дѣвочки просили, чтобъ онъ изъ себя не выходилъ, такъ нѣтъ! Еще счастье дѣвкѣ, что на ту пору Михайла Трофимыча въ окружные отъ насъ переманили, а къ намъ Живоглота прислали. Этотъ какъ посмотрѣлъ на дѣло, такъ даже обругалъ Михайла Трофимыча: «Экая, говоритъ, этотъ Сюртуковъ слякоть!» Разумѣется, дѣвку не высѣкли; только на этотъ разъ ужъ безъ приношенія не обошлось.

«Такъ вотъ каково наше житье-бытье. Разумѣется, и у насъ не безъ того, чтобъ иногда не поразвлечься: тоже собираемся другъ у дружки, да нельзя сказать, чтобъ весело на этихъ собраніяхъ было. Первое дѣло, что всѣ мы другъ дружку ужъ больно близко знаемъ; второе дѣло, что новаго ничего почесть не случается, слѣдственно говорить не объ чемъ; а третье дѣло, капиталовъ у насъ никакихъ нѣтъ, а потому и угощеньевъ не водится. Васъ вотъ, ваше высокоблагородіе, оно, можетъ, и разсмѣшитъ, какъ разсказать вамъ, какимъ манеромъ лѣкарь нашъ, въ холеру, мужичковъ съ однимъ сифономъ лѣчить ѣздилъ, да по двугривенному съ души отступного бралъ, а насъ оно и не смѣшитъ, потому какъ мы къ эвтому дѣлу ужъ сызмальства привычны. Во грѣхѣ, говорятъ, человѣкъ рожденъ, ну, и мы, значитъ, въ кляузѣ рождены, кляузой повиты, съ кляузой и въ гробъ пойдемъ. Значитъ, для нашего брата, что разговоромъ заниматься, что изъ пустого въ порожнее переливать — все одинъ сюжетъ. Пожалуй, иной и начнетъ разсказывать что-ни-на-есть, однако, кромѣ «таперича» да

Digitized by Google

«тово», ничего изъ него по времени и не вышибешь, потому какъ у него и въ головѣ ничего другого не обрѣтается. Вотъ мы, значитъ, посидимъ-посидимъ, помолчимъ-помолчимъ, да и разойдемся по домамъ, будто и Богъ знаетъ какое веселье у насъ было.

«Думывалъ я иногда будто самъ про себя, что̀ бы изъ меня вышло, если бъ я былъ, примѣрно, богатъ или въ чинахъ большихъ. И однако, бьешься иной разъ цѣлую ночь думавши, а все ничего не выдумаешь. Не лѣзетъ это въ голову никакое воображенье, да и все тутъ. Окромѣ новаго вицмундира да развѣ чаю въ трактирѣ напиться— ничего другого не сообразишь. Иное время даже зло тебя разберетъ, что вотъ и хотѣнья-то никакого у тебя нѣтъ; однако, какъ придетъ зло, такъ и уйдетъ, потому что и самъ скорѣе во снѣ и въ трудахъ забыться стараешься.

«И за всѣмъ тѣмъ ухитрился-таки я жениться. Видно ужъ это въ судьбахъ такъ записано, что человѣку изъ мученья въ мученье произойти нужно, чтобы какимъ-ни-на-есть концомъ рѣшиться. Какъ посужу я теперь, и причины-то никакой жениться не было, потому что нравиться она мнѣ не нравилась, а такъ, баловство одно.

«Жилъ на одномъ со мной дворѣ приказный отставной, такая ли горькая пьяница, что и Господи упаси. Жена у него померла, а семья осталась послѣ нея большая, и все малъ-мала меньше: старше всѣхъ была дочь, да и той врядъ ли больше семнадцати лѣтъ было. Пропитать ему семью было нечѣмъ, потому что если и строчилъ онъ кому просьбы или ябеды, такъ деньги получалъ за это самыя малыя, да и тѣ почесть безъ остачи въ кабакѣ пропивалъ. Одно слово, въ отчаянности жилъ. Ужъ на что бывалъ я въ нуждѣ и скорби, а этакой нужды и я не видывалъ: въ домѣ иной день даже корки черствой не увидишь. А сбирать ходить имъ тоже не приводилось, потому что каковы-ни-на-есть, а все же оберъ-офицерскія дѣти. Приведутъ, бывало, самого старика изъ кабака почти мертваго, такъ

Digitized by Google

онъ проспится ночь, а на другой день и сидитъ на крылечкѣ, ровно мутный весь, ни однимъ суставомъ не шевелитъ. Кажется, кабы оставили его, онъ такъ бы и закоченѣлъ тутъ не ѣмши: тоска, знаете, на него такая находила, что смотрѣть даже невозможно. Поглядятъ-поглядятъ домашніе, что онъ такимъ манеромъ и часъ, и другой, и третій сидитъ, себя не понимаючи, — ну и сведутъ опять въ кабакъ, чтобы, по крайности, хошь душа въ немъ показалась. Такъ и отойдетъ за шкаликомъ.

«Дочка у него въ дома рукодѣльничать хаживала. Однако, въ маленькомъ городишкѣ это ремесло самое дрянное, потому что у насъ и платьевъ-то носить некому. Выработаешь ли, нѣтъ ли, три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ—тутъ и пей, и ѣшь. Изъ себя она была развѣ молода только, а то и званія красоты нѣтъ. Я съ ней почесть что и не встрѣчался никогда, потому что ни ей, ни мнѣ не до разговоровъ было.

«Однако, сижу я однажды, въ воскресный день, у окна; смотрю, идетъ она по двору, остановилась, маленько будто раздумалась, да потомъ и подошла прямо ко мнѣ.

«— А что, говоритъ, Алексѣй Васильичъ, нѣтъ ли у васъ хорошаго человѣка на примѣтѣ?

«— Нѣтъ; а зачѣмъ вамъ?

«— Да такъ...

«— Бога вы не боитесь, Авдотья Петровна,—говорю я:— неужто ужъ бѣдность-то въ васъ и христіянство погубила?

«— Хорошо вамъ, Алексѣй Васильичъ, такъ-то говорить! Извѣстно, вы безъ горя живете, а мнѣ, пожалуй, и задавиться — такъ въ ту же пору; сами, чай, знаете, каково мое житье! Намеднись вонъ работала-работала на городничиху, цѣльную недѣлю рукъ не покладала, а пришла нонче за расчетомъ, такъ: какъ ты смѣешь меня тревожить, мерзавка ты этакая? Ты, молъ, развѣ не знаешь, что я всему городу начальница? Ну, и ушла я съ тѣмъ... а чѣмъ завтра робятъ-то накормлю?

Digitized by Google

«— Воля ваша, Авдотья Петровна, говорю я: — а въ намѣреніи вашемъ я вамъ не помощникъ.

«На томъ мы съ ней и разошлись. Однако, послѣ этого разговора дѣвка у меня вотъ тутъ засѣла. Больно стало мнѣ ее жалко. «Вотъ, думаю, мы жалуемся на свою участь горькую, а каково ей-то, сиротѣ безпріютной, одной, въ слабости женской, себя наблюдать да и семью призирать!» И сталъ я, съ этой самой поры, все объ ней объ одной раздумывать, какъ бы то-есть душу невинную отъ грѣха избавить. Жениться мнѣ на ней самому?—нечѣмъ жить будетъ; а между тѣмъ и такой еще расчетъ въ головѣ держу, что вотъ у меня пять рублей въ мѣсяцъ есть, да она рубля съ три выработаетъ, а можетъ и всѣ пять найдутся—жить-то и можно. Конечно, семья у ней больно ужъ велика, ну, да Богъ не безъ милости: можетъ, и разсуемъ куда-нибудь мальчиковъ.

«Надумался я такимъ манеромъ, и какъ увидѣлъ однажды, что идетъ она по двору:—А что, говорю, Авдотья Петровна, за меня замужъ пойдете?

«Такъ она, ваше высокоблагородіе, даже въ слезы ударилась и сказать-то ничего не могла . . . . . .

. . . . . .

«Пошелъ я на другой день къ начальнику, изложилъ ему все дѣло; ну, онъ хошь и Живоглотъ прозывается (Живоглотъ и есть), а моему дѣлу не препятствовалъ. «Съ Богомъ! говоритъ, крапивное сѣмя размножать—это, значитъ, отечеству украшеніе дѣлать». Устроилъ даже подписку на бѣдность, и накидали намъ въ ту пору двугривенными рублей около двадцати. «Да ты, говоритъ, смотри, на свадьбу весь судъ позови».

«Ну, и точно, сыграли мы свадьбу какъ слѣдуетъ. Прекословить начальнику я не осмѣлился, всѣхъ приказныхъ позвалъ, даже *самъ* пріѣхалъ. Только по этому случаю и угощенье нужно было такое сдѣлать, чтобъ не стыдно го-

Digitized by Google

стямъ было, — и вышло, ваше высокоблагородіе, такъ, что не только изъ двадцати-то рублей ничего намъ не осталось, а и самъ еще я сдѣлался рублей съ пятокъ одолженнымъ.

«Стали мы жить всѣ сообща, и нече сказать, на Дуню пожаловаться грѣхъ было. Бабеночка она оказалась смирная, работящая, хоть куда. Одни бы мы безъ нужды прожили, да вотъ семья-то ея больно насъ одолѣвала, да и родитель Петръ Петровичъ тоже много безпокойствія дѣлалъ. Ну, и то опять: покуда жена съ хозяйствомъ возится, прибираетъ, обмываетъ да стряпаетъ—работать-то и некогда. Вмѣсто пяти-то рублей, выходитъ, что и трехъ словно мы не насчитали, и дошло у насъ до того, что ѣсть нечего стало. Это, ваше высокоблагородіе, даже не всякому понять возможно, какъ это ничего-таки ѣсть въ домѣ нѣтъ, а между тѣмъ это истинная правда. И дошли мы до этой истинной правды очень скоро: не дальше какъ за другую половину мѣсяца перевалились. Другой подумаетъ, что мы сами этому дѣлу причинны, что вотъ, дескать, крапивное сѣмя, на первыхъ порахъ пожуировать захотѣлъ, облѣнился, обабился—такъ и того не было! Просто само собой такъ подошло. Пыталъ я раздумывать, какимъ бы манеромъ дѣлу этому пособить, однако ничего не выдумалъ. Вы, сударь, изволите это понять, какъ оно прискорбно въ такое положеніе попасть черезъ три недѣли послѣ женитьбы. Тутъ бы, кажется, и пожить-то въ спокойствіи, а у насъ хлѣба нѣтъ.

«Однажды иду я изъ присутствія и думаю про себя: «Господи! не сгубилъ я ничьей души, не воръ я, не сквернословъ, служу, кажется, свое дѣло исполняю—и вотъ одолжаюсь помереть съ голода». Иду я это, рѣка тутъ близко: кажется, махнуть только, и обѣдать не нужно будетъ никогда, да вотъ силы никакой нѣту; надежда не надежда, а просто, какъ бы сказать, боюсь да и все тутъ, а чего боюсь—и самъ не понимаю. Шелъ я мимо кабака: тамъ

Digitized by Google

тятенька Петръ Петровичъ присутствуетъ; увидѣлъ меня— въ окошко манитъ. Я было-призадумался, да потомъ вижу, что ждать-то, видно, нечего, перекрестился и пошелъ. Тятенька просьбу или актъ тамъ какой-то сочиняли; нужно было имъ свидѣтеля — ну, и попалъ я во свидѣтели за четвертакъ. Это бы еще ничего, пожалуй, да вотъ что̀ нехорошо: получивши четвертакъ, я на гривенникъ выпилъ и тятеньку угостилъ. Только съ непривычки, что ли, у меня словно всѣ кости съ перваго же шкалика перешибло, и пошелъ я домой ровно самъ не свой.

«Вино, ваше высокоблагородіе, тѣмъ нехорошо, что разъ его выпьешь, такъ и въ другой разъ непремѣнно выпить надо, а остановить никакъ невозможно, потому что оно словно кругомъ тебя окружитъ.

«Курилъ я такимъ родомъ съ мѣсяцъ-больше; только и трезвъ былъ, покуда утромъ на службѣ сидишь. Жена, извѣстно, убиваться стала; пошли тутъ покоры да попреки.

«Въ это самое время производилось у насъ на судѣ дѣло. То-есть дѣло это и Богъ знаетъ когда началось, потому что оно, коли такъ разсудить, и не дѣло совсѣмъ, а просто надзоръ полицейскій. Надзоръ этотъ такая, сударь, вещь, что насчетъ его, можно сказать, всѣ полицейскіе десятки годовъ продовольствуются. Жилъ въ нашемъ уѣздѣ мужикъ, и промышлялъ онъ, ваше высокоблагородіе, «учительскимъ» ремесломъ, или, по-простому сказать, старыми книгами торговалъ и былъ у прочихъ крестьянъ замѣсто какъ отца духовнаго. Мужикъ онъ былъ богатый, и уличить его, слѣдовательно, никакимъ образомъ было нельзя, потому что отвѣтъ у него завсегда былъ на ассигнаціяхъ. Исправникъ нашъ былъ съ нимъ первѣйшій другъ и пріятель: ходили даже слухи, что и въ торговлѣ мужика часть Живоглотскаго капитала имѣется.

«Сижу я однажды въ судѣ, занимаюсь; только подходитъ ко мнѣ нашъ столоначальникъ Коревиковъ и отзываетъ меня въ сторону.

Digitized by Google

«— Хочешь, говоритъ, хорошій кушъ получить?

«Ну, конечно, хорошаго куша для-че не получить!

«— Ну, такъ, говоритъ, слушай. Знаешь Селифонта Гаврилова!

«— Какъ не знать!

«— Слѣдственно, знаешь ты и то, что онъ подъ надзоромъ находится, и хоша ему все съ рукъ сходитъ, однако онъ ежечасно пребываетъ въ надеждѣ, что возьмутъ его въ тюрьму. Вотъ и удумали мы съ Иваномъ Кирилычемъ (тоже столоначальникъ былъ), чтобы его то-есть пострашать... Только намъ вдвоемъ это дѣло соорудить невозможно: первое, потому, что онъ насъ обоихъ довольно знаетъ; а второе, потому, что тутъ Иванъ-Демьянычевымъ (Живоглотовымъ) именемъ дѣйствовать нельзя — не повѣритъ; а надо ли, нѣтъ ли дѣйствовать намъ ужъ отъ имени губернскаго начальства...

«— Да я-то при чемъ тутъ буду?

«— А вотъ слушай. Удумали мы это такимъ манеромъ, что тебя въ уѣздѣ никто не знаетъ, ну, и быть тебѣ, стало-быть, замѣсто губернскаго чиновника... Мы и указъ такой напишемъ, чтобъ ему то-есть предъявить. А чтобъ ему сумнѣнья насчетъ тебя не было, такъ и солдата такого приговорили, который будетъ при тебѣ вмѣсто разсыльнаго... Только ты смотри, не обмани насъ! Это дѣло на чести дѣлай: что дастъ, все чтобъ поровну!

«И точно, меня же заставили написать и указъ, и дали мнѣ его въ руки. А въ указѣ только и изображено было: «*Слушали:* Рапортъ черноборскаго земскаго исправника Маремьянкина отъ 12 ноября 18... года, за № 6713, и *справку. Приказали.* Велѣть ему, Маремьянкину, для дальнѣйшихъ дѣйствій, ожидать чиновника особыхъ порученій Сабуневича, а вамъ, господину Сабуневичу, предписать, немедленно прибывъ въ село Березино, что на Новомъ (Черноборскаго уѣзда), и изловивъ тамъ онаго совратителя Селифонта Гаврилова Щелкоперова, произвести о всѣхъ

Digitized by Google

означенныхъ обстоятельствахъ наистрожайшее слѣдствіе, подвергнувъ, буде встрѣтится надобность, самого Щелкоперова тюремному заключенію».

«Подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ тотъ самый солдатъ, котораго они рекомендовали, и лошадей тройку привелъ.

«— А что, говорю я, служба, какъ бы не прорваться намъ на эвтомъ дѣлѣ!

«— Ничего, говоритъ, ваше благородіе, и не въ такихъ передѣлахъ бывали! Только вы посмѣлѣе наступайте.

«Пріѣхали мы въ село поздно, когда тамъ ужъ и спать полегли. Остановились, какъ слѣдуетъ, у овиновъ, чтобъ по деревнѣ слуху не было, и вышли изъ саней. Подходимъ къ дому Щелкоперовскому, а тамъ и огня нигдѣ нѣтъ; начали стучаться, такъ насилу голосъ изъ избы подали.

«— Кто тамъ?—кричитъ изъ окна работница.

«— Отворяй калитку!—говоритъ солдатъ.—Видишь, губернаторскій чиновникъ за хозяиномъ пріѣхалъ.

«Засвѣтили въ домѣ огня, и вижу я съ улицы-то, какъ они по горницамъ забѣгали: извѣстно, прибрать что-ни-есть надо. Хозяинъ же былъ на этотъ счетъ ужъ нашустренъ и зналъ, за какою причиной въ ночную пору чиновникъ наѣхалъ. Морили они насъ на морозѣ съ четверть часа; наконецъ вышелъ къ намъ самъ хозяинъ.

«— Добро пожаловать, говоритъ, гости дорогіе, добро пожаловать; давненько-таки насъ посѣщать не изволили.

«И самъ, знаете, смѣется, точно и взаправду ему смѣшно, а я ужъ вижу, что такъ бы, кажется, и перегрызъ онъ горло, если бъ только власть его была. Да мнѣ, впрочемъ, что! Пожалуй, въ нутрѣ-то у себя хоть какъ хочешь кипятись! Потому что тамъ хочь и мыши у тебя на сердцѣ скребутъ, а по наружности-то все свою музыку пой!

«— Ты Щелкоперовъ?— спрашиваю я, какъ мы вошли въ горницу.

«— Я, говоритъ, Щелкоперовъ. Да вы, вѣрно, ваше

Digitized by Google

благородіе, въ первый разъ наши мѣста осчастливили, что меня не признаете?

«— Да, говорю, въ первый; я, молъ, губернскій!

«— Такъ-съ; а не позволите ли поспрошать вашу милость, за какимъ то-есть предметомъ въ нашу сторону изволили пожаловать?

«— А вотъ вели поначалу водки да закусить подай, а потомъ и будемъ толковать.

«Выпилъ я и закусилъ. Хозяинъ, вижу, ходитъ весь нахмуренный и ужъ больно ему, должно-быть, невтерпёжъ приходится, потому что только и дѣла дѣлаетъ, что изъ горницы выходитъ и опять въ горницу придетъ.

«— А не до насъ ли, говоритъ, ваше благородіе, касательство имѣть изволите?

«— А что?

«— Да такъ-съ; ежели ужъ до насъ, такъ не-чѣмъ вамъ понапрасну себя безпокоить, не будетъ ли такая ваша милость, лучше заразъ объявить, какое ваше на этотъ счетъ желаніе...

«— Да желаніе мое будетъ большое, потому что и касательство у меня немалое.

«— А какъ, напримѣръ-съ?

«— Да хоша бы тебя въ острогъ посадить.

«Онъ смѣшался, даже помертвѣлъ весь и словно осина затрясся.

«— Да, говоритъ, это точно касательство немалое... И документы, чай, у вашего благородія насчетъ этого есть?.. Вы меня, старика, не обезсудьте, что я въ этомъ дѣлѣ сумнѣніе имѣю: дѣло-то оно такое, что къ намъ словно очень ужъ близко подходитъ, да и Иванъ Демьянычъ ничего насъ о такой напасти не предувѣдомляли...

«Я подалъ ему бумагу; онъ раза съ три прочелъ ее.

«— Больно ужъ мудрено что-то нынче пишутъ, — сказалъ онъ, кладя бумагу на столъ:—*слушали*—ровно ничего не слушали, а *приказали*—ровно съ колокольни слетѣли. Что жъ это, ваше благородіе, съ нами такое будетъ?

Digitized by Google

«— А вотъ поговоримъ, какъ Богъ по душѣ положитъ.

«— Да объ чемъ же ты слѣдствіе-то производить будешь? Вѣдь тутъ ничего не сказано.

«— Это ужъ мое дѣло,—говорю я:—ты только сказывай, согласенъ ли ты въ острогъ идти?

«— Что жъ, видно ужъ Господу Богу такъ угодно; откупаться мнѣ, воля ваша, нечѣмъ; почему какъ и денегъ брать откуда не знаемъ. Эта штука, надзоръ, самая хитрая, это точно! Платишь этта платишь—инъ и впрямь отъ своихъ дѣловъ отставать приходится. А ты, ваше благородіе, много ли получить желаешь?

«— Да сотъ съ пятокъ больше получить слѣдуетъ.

«Онъ почесался.

«— Ну ужъ штука, говоритъ, платимъ, кажется, и Ивану Демьянычу, платимъ и въ станъ; нѣтъ даже той собаки, которой бы платить не приходилось—ну, и мало!

«Говоритъ онъ это, а самъ опять на бумагу смотритъ, словно разстаться ему съ нею жаль.

«— Да что, говоритъ, развѣ у васъ нонче другой совѣтникъ, что надпись словно тутъ другая?

«— Нѣтъ, говорю, совѣтникъ тотъ же, да это указъ-отъ не подлинный, а копія...

«Только сказалъ я это, должно-быть, неестественно, потому что онъ вдругъ сомнѣваться началъ.

«— Какъ, говоритъ, копія? Тутъ и скрѣпы всѣ налицо, а нигдѣ копіи не значится.

«Да и смотритъ самъ мнѣ въ глаза, а я сижу — чего ужъ!—ни живъ, ни мертвъ.

«— А вѣдь ты мошенникъ! говоритъ.

«Палъ я тутъ на колѣни, просилъ простить; сказывалъ и про участь свою горькую; однако, нѣтъ. Взяли они меня и съ солдатомъ, да на тѣхъ же лошадяхъ и отправили къ Ивану Демьянычу».

Digitized by Google

Дорога.

(ВМѢСТО ЭПИЛОГА).

Я ѣду. Лошади быстро несутся по первому снѣгу; колокольчикъ почти не звенитъ, а словно жужжитъ отъ быстроты движенія; сплошное облако серебристой пыли подымается отъ взбрасываемаго лошадиными копытами снѣга, закрывая собою и сани, и пассажировъ, и самыхъ лошадей... Красивая картина! Да, это точно, что картина красива, однако не для путника, который имѣетъ несчастіе въ ней фигурировать. Эта снѣжная пыль, которая со стороны кажется серебристымъ облакомъ, влечетъ за собою большія неудобства. Во-первыхъ, она слѣпитъ и рѣжетъ путнику глаза; во-вторыхъ, совершенно лишаетъ его удовольствія открыть ротъ, что̀ для многихъ составляетъ существенную потребность; въ-третьихъ, вообще содержитъ человѣка въ какомъ-то насильственномъ заключеніи, не дозволяя ему ни распахнуться, ни высморкать носъ... Господи! да скоро ли же станція?

Ѣду я и думаю, что на этой станціи у смотрителя жена, должно-быть, хорошенькая. Почему я это думаю—не могу объяснить и самъ, но что онъ женатъ и что жена у него хорошенькая, это такъ для меня несомнѣнно, какъ будто бы я видѣлъ ее гдѣ-то своими глазами. А смотритель *непремѣнно* долженъ быть почтенный старикъ, у котораго жена не столько жена, сколько родъ дочери, взятой для украшенія его одинокаго существованія...

— Гриша! ромъ у насъ взятъ съ собою?—восклицаю я, обуреваемый какою-то канальскою идеей.

— А когда же мы безъ рому ѣздимъ?—отвѣчаетъ Гриша, огрызаясь отъ холода.

— И чай есть?—спрашиваю я Гришу не безъ тайнаго намѣренія побѣсить его; но онъ только жмется на облучкѣ и не считаетъ даже за нужное отвѣчать.

Digitized by Google

Между тѣмъ спускаются на землю сумерки, и сверху начинаетъ падать снѣгъ. Снѣгъ этотъ таетъ на моемъ лицѣ и образуетъ водные потоки, которые самымъ непріятнымъ образомъ ползутъ мнѣ за галстукъ. Сверхъ того, съ нѣкотораго времени начинаются ухабы, которые окончательно разстраиваютъ мой дорожный туалетъ.

— Стой! — кричу я ямщику и привстаю въ саняхъ, чтобы покрѣпче запахнуться. — Отчего тутъ столько ухабовъ пошло?

— Да вотъ черти съ хлѣбомъ въ Богородско тянутся, всю дорогу съ первопута исковеркали!—отвѣчаетъ ямщикъ и, злобно грозя кнутомъ тянущемуся мимо насъ обозу, прибавляетъ:—Счастливъ вашъ Богъ, шельмы вы экіе, что баринъ остановиться велѣлъ: насыпалъ бы я вамъ въ шею горячихъ!

Но я уже закутался; колокольчикъ опять звенитъ, лошади опятѣ мчатся, кидая ногами цѣлыя глыбы снѣга... Господи! да скоро ли же станція?

«Отчего же, однако, онъ назвалъ ихъ шельмами,—думаю я, — и чѣмъ они провинились передъ нимъ, что хлѣбъ въ Богородское везутъ?» Вопросъ этотъ сильно меня интересуетъ, и я вообще нахожу, что ямщикъ поступилъ крайне неосновательно, обругавъ мужиковъ.—«Почему же онъ обругалъ ихъ? — спрашиваю я себя. — Можетъ-быть, думаетъ, что вотъ въ ямщики отъ начальства пожалованъ, такъ ужъ, стало-быть, въ нѣкоторомъ смыслѣ чиновникъ, а если чиновникъ, то высшій организмъ, а если высшій организмъ, то имѣетъ полное право отводить рукою все, что попадется на дорогѣ: «ступай, дескать, mon cher, ты въ канаву; ты развѣ не видишь, mon cher, что тутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ элефантъ ѣдетъ». И такъ все это тихо, вѣжливымъ манеромъ... Но скажите, однакожъ, на милость, отчего мужикъ, простѣйшій мужикъ, такъ легко претворяется въ чиновника? Оттого ли, что чиновнику веселѣе жить на свѣтѣ? Или оттого, что прежде сотворенъ былъ чиновникъ, а по-

Digitized by Google

томъ уже человѣкъ, и по этой причинѣ самый инстинктъ или, лучше сказать, естество заставляетъ человѣка тяготѣть въ чиновника?

That is the question! сказалъ Гамлетъ, а Гамлетъ былъ отличный человѣкъ, и не поладилъ съ людьми потому только, что былъ слишкомъ страстный сторонникъ правды... вотъ хоть бы какъ Перегоренскій *). Хорошій былъ человѣкъ Гамлетъ, а закололъ же его Лаэртъ! Такъ и тебя заколютъ, другъ Перегоренскій, и кто же заколетъ: тотъ самый злодѣй, котораго ты называлъ рабомъ лукавымъ и прелюбодѣйнымъ въ просьбѣ, адресованной на имя его превосходительства, господина начальника губерніи.

И опять-таки вѣдь это точно нельзя! Нельзя, мой любезный! Нельзя употреблять такія выраженія! Скажи ты это помягче, выразись, такъ сказать, бокомъ, ну, тогда дѣло другое! А то — злодѣй блудодѣйный! Нельзя, братецъ, этого нельзя!

И я самъ чувствую, что лицо у меня принимаетъ напряженно-убѣждающее выраженіе, и даже руки расходятся врозь. И внезапно въ умѣ моемъ проносится просьба, и такъ отчетливо, такъ ясно проносится!..

«Сего числа, въ десятомъ часу вечера, — пишетъ нѣкій истязуемый субъектъ: — пришедъ въ занимаемую мною въ городѣ Черноборскѣ квартиру, крестьянинъ села Лекминскаго Иванъ Савельевъ Бунчуковъ, и будучи онъ мнѣ одолженнымъ двадцать рублей серебромъ, стали мы разговаривать о разныхъ предметахъ, какъ приличествуетъ въ мирномъ и образованномъ обществѣ, *безъ всякой азартности и шума*. Посреди сего занятія ворвался въ мою квартиру *съ шумомъ и азартностью* городничій Желваковъ, и мня себя быть въ непристойномъ мѣстѣ (почему онъ сіе возмнилъ — неизвѣстно), вскричалъ: — А что вы тутъ дѣлаете.....? **) На что я съ умѣренностью и улыбкой отвѣ-

*) См. «Прошлыя времена», разсказъ третій, «Въ острогѣ», посѣщеніе второе.

**) Точки въ подлинникѣ.

Digitized by Google

чалъ: — Занимаемся бесѣдою, какъ прилично кроткимъ гражданамъ. — Но господинъ Желваковъ, не внявъ словамъ моимъ, вновь повторилъ..... *) и обозвалъ меня при этомъ ябедникомъ, давая тѣмъ чувствовать, якобы я для Ивана Савельева ябеду сочиняю. — А хоша бы и точно я писалъ жалобу для Ивана Савельева?—возразилъ я, не теряя присутствія духа, но съ прежнею кротостью. Тогда господинъ Желваковъ, разстегнувъ на себѣ, дабы не стѣсняться въ движеніяхъ, мундиръ, началъ Ивана Савельева бить изъ своихъ рукъ, окровянивъ при этомъ ему все лицо, и, исполнивъ сію прихоть, сказалъ мнѣ: — А до тебя я доберусь еще... ты... **) — и уѣхалъ на именинный балъ къ стряпчему. А дабы не претерпѣвать мнѣ и на будущее время подобныхъ со стороны господина городничаго наѣздовъ, оскорбляющихъ честь гражданина... Ваше превосходительство! воззрите на стоны несчастнаго отца, глаза котораго полны слезъ отъ нанесеннаго господиномъ Желваковымъ оскорбленія (и самъ не вижу, что̀ пишу), и оправдайте симъ репутацію благодѣтельнаго генія, которую весь обширный Крутогорскій край съ превеликимъ удовольствіемъ вамъ приподноситъ».

— Отчего же, братецъ, ты не пишешь вотъ такимъ образомъ?—говорю я Перегоренскому.—У тебя, братецъ, печень болитъ—вотъ что̀! А ты лѣчись, mon cher, лѣчись!

— Сторонись!—кричитъ навстрѣчу пьяный голосъ.

— Самъ сторонись!—отвѣчаетъ мой ямщикъ.—Не видишь, пошта ѣдетъ!

— Сторонись! — повторяетъ тотъ же голосъ, какъ-то взвизгивая.—Сторонись! убью!

— Что̀ такое? что̀ такое?—спрашиваю я, очнувшись.

— Да вотъ писарь волостной ѣдетъ, ваше благородіе, да ишь, шельма, какъ реветъ съ пьяныхъ-то глазъ!

---

*) Точки въ подлинникѣ.

**) Точки въ подлинникѣ.

Digitized by Google

— Что жъ ты не сторонишься?—кричу я ямщику встрѣчной повозки.

— А какъ тутъ сторониться будешь? Вишь, писарь пьяный за руки держитъ!

Вышелъ я изъ повозки и вижу: точно, человѣкъ стоитъ на колѣнкахъ въ повозкѣ и держитъ ямщика за руки.

— Что же ты это дѣлаешь, пьяница? — спрашиваю я, подходя къ повозкѣ.

— Ѣду-ѣду не свищу, а наѣду не спущу! — отвѣчаетъ писарь сиплымъ отъ перепоя голосомъ.—Сторонись!

— Послушай, Иванъ Гарасимычъ, — вступается мой ямщикъ:—чиновникъ вѣдь ѣдетъ!.. Нехорошо, Иванъ Гарасимычъ, ты надъ своими куражься, любезный другъ, а чиновникъ, хошь какъ хошь, все онъ тебѣ чиновникъ...

— Чиновникъ? А что мнѣ чиновникъ! Я здѣсь главный! Я здѣсь что хочу... Сторонись!

— Сторонись!—говорю и я своему ямщику, скрѣпя сердце.

— Ахъ вы! — восклицаетъ невольно Гриша, взглядывая на меня съ какимъ-то сожалѣніемъ.

И я дѣйствительно сконфуженъ; я чувствую себя совершенно уничтоженнымъ, и между тѣмъ какъ въ ушахъ моихъ снова начинаетъ раздаваться скрипъ полозьевъ, мнѣ все мерещится: что подумаетъ ямщикъ? и какъ это народъ такую волю взялъ?

И вотъ опять передо мною дорога, — дорога съ ея березовыми аллеями, съ ея раскинутыми по сторонамъ равнинами, Богъ вѣсть куда тянущимися. Какъ пріятно смотрятъ эти аллеи лѣтомъ, какъ роскошно цвѣтутъ и зеленѣютъ за ними равнины! А теперь сучья на березахъ поникли и оцѣпенѣли; ни вѣтеръ, ни стаи тетеревовъ, съ шумомъ опускающіяся на нихъ, не въ состояніи разбудить ихъ. Равнины тоже не дышутъ; гдѣ-гдѣ всколышется круговымъ вѣтромъ покрывающій ихъ бѣлый саванъ, и кажется утомленному путнику, что вотъ-вотъ встанетъ мертвецъ изъ-подъ савана... Грустно.

Digitized by Google

А грустно потому, что кругомъ все такъ тихо, такъ мертво, что невольно и самому припадаетъ какое-то страстное желаніе умереть...

Я оставляю Крутогорскъ окончательно: предо мною растворяются двери новой жизни, той полной жизни, о которой я мечталъ, къ которой устремлялся всѣми силами души своей... И между тѣмъ внутри меня совершается странное явленіе! Я слышу, я чувствую, что какое-то неизъяснимое, тайное горе сосетъ мое сердце; я чувствую это, и припадаю головой къ кибиткѣ, а слезы, невольныя слезы, такъ и бѣгутъ, такъ и льются изъ глазъ. Неизвѣстно почему, неизвѣстно откуда, въ ушахъ моихъ раздаются звуки анданте пасторальной сонаты Бетховена... Я огорченъ, я подавленъ и уничтоженъ, я положительно не знаю, куда дѣваться отъ снѣдающей меня тоски... Всѣ темныя горести, всѣ утраченныя надежды, всѣ душевные недуги, все, что такъ болѣзненно назрѣвало въ моемъ сердцѣ, все это мгновенно встаетъ передо мной... Мнѣ кажется, что меня тяжело оскорбили, что внезапно погибло все, что я любилъ, чѣмъ былъ счастливъ, что я неожиданно очутился одинъ, отторгнутый отъ всего живого... — «Ужели я въ Крутогорскѣ оставилъ часть самого себя?» — спрашиваю я себя мысленно. Но текущія по щекамъ слезы, но вырывающіеся изъ груди вздохи краснорѣчивѣе словъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Да! не могъ же я жить даромъ столько лѣтъ, не могъ же не оставить послѣ себя никакого слѣда! Потому что и безсознательная былинка, и та не живетъ даромъ, и та своею жизнью, хоть незамѣтно, но непремѣнно воздѣйствуетъ на окружающую природу... Ужели же я ниже, ничтожнѣе этой былинки?

Или, быть-можетъ, въ слезахъ этихъ высказывается сожалѣніе о напрасно прожитыхъ лучшихъ годахъ моей жизни? Быть-можетъ, ржавчина привычки до того пронизала мое сердце, что я боюсь, я трушу перемѣны жизни, которая предстоитъ мнѣ? И въ самомъ дѣлѣ, что ждетъ меня впереди? Новыя борьбы, новыя хлопоты, новыя искательства!

Digitized by Google

А я такъ усталъ ужъ, такъ разбитъ жизнью, какъ разбита почтовая лошадь ежечасною ѣздою по каменистой твердой дорогѣ!

И не то чтобъ я въ самомъ дѣлѣ много жилъ, много извѣдалъ, много выстрадалъ... Нѣтъ, я чувствую, что въ этомъ отношеніи я еще свѣжъ и непорочень, какъ дѣвственница, и между тѣмъ сознаю, что душа моя дѣйствительно огрубѣла, а въ сердцѣ царствуетъ преступная вялость. «Ужели же я погибну, не живши?»—спрашиваю я себя, и вдругъ чувствую нестерпимый приливъ крови въ жилахъ. Мнѣ хочется бѣжать-бѣжать, кричать-кричать-кричать... Но вмѣстѣ съ тѣмъ я, какъ выздоравливающій больной, ощущаю, что мнѣ сильный моціонъ еще не по силамъ, что одно желаніе моціона порождаетъ уже разслабленіе и усталость во всѣхъ моихъ членахъ. Почему же я усталъ, однакожъ?

— Оттого, вѣроятно, что не было давно практики,— отвѣчаетъ какой-то недоброжелательный голосъ.

Но отъ недостатка ли практики, или отъ другой какой причины, только я чувствую, что вѣки мои отяжелѣваютъ отъ сна, что видимый міръ покрывается для меня дымкою. Какая-то странная, безконечная процессія открывается передо мною, и дикая, нестройная музыка поражаетъ мои уши. Я вглядываюсь пристальнѣе въ лица, участвующія въ процессіи... Ба! да, кажется, я имѣлъ удовольствіе гдѣ-то видѣть ихъ, гдѣ-то жить съ ними! Кажется, все это примадонны и солисты крутогорскіе.

И точно, впереди всѣхъ выступаетъ князь Левъ Михайлычъ, подъ-руку съ княжной Анной Львовной; но какъ одряхлѣли, какъ постарѣли они! У князя на лицѣ та же пріятная улыбка, съ которою онъ истолковывалъ княжнѣ тайныя пружины бюрократическаго устройства, но на ней лежитъ ужъ какой-то грустный оттѣнокъ.—Les temps sont bien changés! — говоритъ онъ, поникая головой. Очевидно, что, говоря это, князь думаетъ о какихъ-то новыхъ требованіяхъ, передъ которыми ощущаетъ себя несостоятель-

Digitized by Google

нымъ. За нимъ спѣшитъ, сѣменя ногами, Порфирій Петровичъ, тоже съ лицомъ, озабоченнымъ горькимъ сомнѣніемъ насчетъ прочности *безгрѣшныхъ* доходовъ, которыхъ онъ съ такою натугою добивался. За ними слѣдуютъ: Фейеръ, съ своей Каролинхенъ, Иванъ Петровичъ подъ-руку съ засѣдателемъ Томилкинымъ, Ижбурдинъ, Крестовоздвиженскій, Пересѣчкинъ, Бобровъ, Гирбасовъ, Живновскій, и вся эта компанія странниковъ моря житейскаго, съ которою читатель познакомился на страницахъ настоящихъ очерковъ... Позади всѣхъ бредетъ въ одиночествѣ бѣдная Аринушка, безустанно помахивая клюкою... Бѣдная Аринушка! отдохнули ли твои ноженьки? Дошла ли ты до Іерусалима горняго, пролила ли печаль у свѣтлаго престола Спасова?..

На всѣхъ лицахъ написана забота и испугъ; всѣ чего-то ждутъ, чего-то трепещутъ.

— Порфирій Петровичъ, куда же вы такъ поспѣшаете?— спрашиваю я.

Но онъ только машетъ рукою какъ бы давая мнѣ знать: «до тебя ли мнѣ теперь! Видишь, какая бѣда надъ нами стряслась!»—и продолжаетъ свой путь.

«Что это значитъ?»—спрашиваю я себя.

— Неужели вы ничего не слыхали?—говоритъ мнѣ мой добрый пріятель Буеракинъ, внезапно отдѣляясь отъ толпы:—а еще считаетесь образцовымъ чиновникомъ!

— Нѣтъ, я не слыхалъ, не знаю...

— Развѣ вы не видите, развѣ не понимаете, что передъ глазами вашими проходитъ похоронная процессія?

— Но кого же хоронятъ? Кого же хоронятъ?—спрашиваю я, томимый какимъ-то тоскливымъ предчувствіемъ.

— «Прошлыя времена» хоронятъ!—отвѣчаетъ Буеракинъ торжественно, но въ голосѣ его слышится та же болѣзненная, праздная иронія, которая и прежде такъ непріятно дѣйствовала на мои нервы...

Digitized by Google

Digitized by Google

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

ИЗДАНІЮ СОЧИНЕНІЙ М. Е. САЛТЫКОВА

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

1848—1849 гг.—Брусинъ. Разсказъ (т. XII).

Напечатано годъ спустя послѣ смерти автора по списку, приготовленному имъ къ печати, въ «Вѣстникѣ Европы», 1890 г., май, стр. 5.

1856—1857 гг.—Губернскіе очерки (т. I).

Первоначально явились въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и частью въ «Библіотекѣ для Чтенія». — Первое и второе изданіе 1857 г.; третье—1864 г.; четвертое—1882 г.; пятое—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. I.

1857—1863 гг.—Невинные разсказы (т. III).

Первоначально явились, подъ разными заглавіями, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 г.; «Библіотекѣ для Чтенія» и «Атенеѣ», 1858 г.; «Московскомъ Вѣстникѣ», 1859 г.; «Современникѣ», 1859—1863 гг.—Первое изданіе въ 1863 г.; второе—1881 г.; третье—1885 г.; четвертое въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. I.

1860—1862 гг.—Сатиры въ прозѣ (т. II).

Первоначально—въ «Современникѣ», 1860—62, и имѣли до 1885 г., какъ и «Невинные разсказы», три изданія; четвертое—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. II.

Digitized by Google

1863—1873 гг.—Помпадуры и помпадурши (т. III).

Первоначально—въ «Современникѣ», 1863—64 г., и въ «Отеч. Зап.», 1868—1871 и 1873 гг.—Первое изданіе въ 1873 г.; второе—1877 г.; третье—1882 г.; четвертое—1886 г.; пятое—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. III.

1866—1869 гг.—Признаки времени (т. VII).

Первоначально—въ «Современникѣ», 1866 г.; въ «Отеч. Зап.», 1868—69 гг.—Въ отдѣльномъ изданіи появились вмѣстѣ съ «Письмами о провинціи» (см. ниже); въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. II.

1868—1870 гг.—Письма о провинціи (т. X).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1868—70 гг.—Первое изданіе, вмѣстѣ съ «Признаками времени», въ 1870 г.; второе изданіе—1872 г.; третье—1885 г.; четвертое—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. II.

1869—1870 гг.—Исторія одного города (т. VII).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», въ 1869—70 гг.—Первое и второе изданія въ 1870 г.; третье—1883 г.; четвертое—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. III.

1869—1872 гг.—Господа Ташкентцы (т. IX).

Первоначально — въ «Отеч. Зап.», въ 1869—72 гг. — Первое изданіе въ 1873 г.; второе — 1881 г.; третье—1885 г.; четвертое—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. IV.

1869—1879 гг.—Сборникъ (т. V).

Первоначально—въ «Современникѣ» и въ «Отеч. Зап.», 1869—79.—Первое изданіе въ 1881 г.; второе—1883 г.; третье—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VI.

1872—1873 гг.—Дневникъ провинціала въ Петербургѣ (т. VIII).

Первоначально въ «Отеч. Зап.», 1872—73 гг.—Первое изданіе въ 1873 г.; второе — 1881 г., третье—1885 г.; четвертое—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. IV.

Digitized by Google

1872—1876 гг.—Благомѣренныя рѣчи (т. IV).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1872—76 гг.—Первое изданіе въ 1876 г.; второе изданіе—1883 г.; третье—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. V.

1872—1876 гг.—Господа Головлевы (т. II).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1872—76 г.—Первое изданіе въ 1880 г.; второе—1883 г.; третье—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. V.

1873—1884 гг.—Недокончепныя бесѣды (т. VI).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1873—75 г. и 1882—84 гг.—Первое изданіе въ 1886 г.; второе—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VII.

1874—1877 гг.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности (т. X).

Первоначально подъ заглавіемъ: «Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности (1874—76 гг.) и «Отголоски» (1875—76 г.)—въ «Отеч. Зап.», 1874—77 гг.—Подъ общимъ заглавіемъ, первое изданіе въ 1878 г.; второе—1881 г.; третье—1885 г.; четвертое въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. III.

1876 г.—Культурные люди (т. IV).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1876 г.—Особаго изданія не было при жизни автора; въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. IV.

Итоги (т. X).

Тоже; въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. II.

1877—1883 гг.—Современная идиллія (т. XI).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1877—78 и 1882—83 гг.—Первое изданіе въ 1885 г.; второе—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VII.

1878—1879 гг.—Убѣжище Монрепо (т. VII).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1878—79 гг. Первое изданіе въ 1882 г.; второе—1883 г.; третье—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. IV.

1879 г.—Круглый годъ (т. IX).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1879 г.—Первое

Digitized by Google

изданіе въ 1880 г.; второе въ 1883 г.; третье—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VII.

1880—1881 гг.—За рубежомъ (т. VIII).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1880—81 гг.—Первое изданіе въ 1881 г.; второе—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VI.

1880—1885 гг.—Сказки (т. VI).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», «Недѣлѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Сборникѣ литературн. фонда», между 1880—85 гг.—Первое изданіе въ 1887 г.; второе—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VIII.

1881—1882 гг.—Письма къ тетенькѣ (т. XI).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1881—82 гг.—Первое изданіе въ 1882 г.; второе—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VI.

1883—1884 гг.—Пошехонскіе разсказы (т. IX).

Первоначально—въ «Отеч. Зап.», 1883—84 гг.—Первое изданіе въ 1886 г.; второе—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VII.

1884—1886 гг.—Пестрыя письма (т. VI).

Первоначально—въ «Вѣстникѣ Европы», 1884—86 гг.—Первое изданіе въ 1886 г.; второе—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VIII.

1886—1887 гг.—Мелочи жизни (т. V).

Первоначально—въ «Вѣстникѣ Европы», 1886—87 гг.—Первое изданіе въ 1887 г.; второе—въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. VIII.

1887—1889 гг.—Пошехонская старина (т. XII).

Первоначально—въ «Вѣстникѣ Европы», 1887—89 гг.—Не имѣло особаго изданія при жизни автора.—Въ первомъ изданіи сочиненій 1889 г., т. IX.

Digitized by Google